

2008 ♦ ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

—≡ 2008 ≡—

*Историографический
вестник*

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
А.Н. Сахаров

Москва — 2010

ББК 63.1

И 90

Издание входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (отв. редактор), член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор

М.Г. Вандалковская, *доктор исторических наук*

Р.А. Киреева, *доктор исторических наук*

Л.П. Колодникова, *кандидат исторических наук*

Д. Свак, *доктор исторических наук, профессор*

Л.А. Сидорова (отв. секретарь), *доктор исторических наук*

В.В. Фомин, *доктор исторических наук*

История и историки: историографический вестник.— Тула:
Гриф и К, 2010.— 426 с.

ISBN 978-5-8125-1583-6

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*

Л.А. Сидорова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1956 гг.)

***Аннотация.** Статья посвящена анализу советской историографии Великой Отечественной войны в первое послевоенное десятилетие. Отмечены ее основные характерные черты и особенности, показаны методологические основы, достижения и границы исследования.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, историография, марксистско-ленинская методология, сталинизм, патриотизм, научность, «оттепель».*

***Summary.** The article is devoted to the analysis of the Great Patriotic War historiography in the first post-war decade. There are marked its main characteristic features and specialties, the methodological basis, the results and borders of the research.*

***Keywords:** Great Patriotic War, historiography, Marxist — Leninist methodology, Stalinism, patriotism, scientific character, «thaw».*

В первое послевоенное десятилетие исследование истории Великой Отечественной войны продолжалось в традициях, возникших при ее изучении непосредственно в военные годы. Изданные работы отличал патриотический подъем, связанный с торжеством великой победы, и значительная степень публицистичности, свойственная началу осмысления исторических событий такого масштаба. Историки ставили своей главной задачей раскрыть героический подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, показать «колоссальное усиление всемирно-исторической роли СССР — главной и решающей силы в борьбе с фашизмом»¹.

Высокая потребность общества в таких работах при отсутствии сложившейся источниковой базы обусловила издание советскими историками ряда научно-популярных очерков истории Великой Отечественной войны, основанных на руководящих партийно-государственных материалах, сведениях прессы и публицистике военных лет. В них подчеркивался справедливый, освободитель-

ный характер войны, анализировались источники победы и героизма советского народа, давалось последовательное описание важнейших сражений². Адресованные самому широкому читателю, эти работы, тем не менее, положили начало формированию тематического поля изучения Великой Отечественной войны, обозначили подход историков к решению поставленных проблем.

Методологическую основу исследования советскими историками истории только что отгремевшей войны составили марксистско-ленинско-сталинские положения о войнах. «Ключ к пониманию истории войны дают ленинская теория империализма, открытый В.И. Лениным закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма, учение В.И. Ленина об общем кризисе капитализма, ленинско-сталинские положения о характере войн и их связи с предвоенной политикой государств, об экономических, политических и идеологических основах социалистического общества и государства, о движущих силах его развития»³, — так передовая статья майского номера журнала «Вопросы истории» за 1955 г. конкретизировала слагаемые применявшегося подхода.

Особое место в работах первого послевоенного десятилетия занимало сталинское положение о роли постоянно действующих факторов, решающих исход войны. Оно определяло, что «теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»⁴. Этому положению была придана большая теоретическая и практическая значимость. Оно трактовалось как дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской науки о войне.

В свете этого положения велось изучение конкретных проблем истории Великой Отечественной войны, оно во многом очертило проблематику исследований. Так, например, в своей работе о Сталинградской битве Б.С.Тельпуховский, формулируя исследовательские задачи, писал, что он предпринимает попытку «дать не только описание военных действий под Сталинградом, но и показать, как разворачивались в ходе великой битвы постоянно действующие факторы, которые обусловили изменения в соотношении сил сторон, обеспечили перелом в ходе Отечественной войны и всей второй мировой войны и великую победу Советского Союза над гитлеровской Германией»⁵.

Среди источников, доступных для советских исследователей в первое десятилетие после войны, первостепенное значение имели

опубликованные в книге «О Великой Отечественной войне Советского Союза» речи, доклады и приказы И.В.Сталина. Широко использовалось выступление Сталина на предвыборном собрании избирателей сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г., его труд «Экономические проблемы социализма в СССР», вышедшая в эти годы краткая биография Сталина, а также работы советских государственных и партийных деятелей, посвященные войне⁶.

В книгах этого периода было много ссылок на прессу и, особенно, на «Сообщения Информбюро». Также активно привлекались, преимущественно в диссертациях, материалы созданных в годы войны в Москве, Ленинграде, других городах и республиках страны комиссий по истории Великой Отечественной войны⁷.

Академик А.М. Самсонов вспоминал, что для московских историков, занимавшихся историей войны, большое значение имел Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, куда в конце 1945 г. был передан архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Данный документальный комплекс включал в себя стенограммы и записи бесед с Героями Советского Союза, копии наградных листов, подлинники и копии документов партизанских соединений и подпольных групп, воинских частей, фронтовые газеты, листовки, плакаты и боевые листки, а также материалы о деятельности тыла страны, газетные вырезки по военной тематике⁸.

В конце 1940-х годов историки получили в распоряжение многотомные документальные сборники, посвященные внешней политике СССР в период Великой Отечественной и Второй мировой войн⁹. Несмотря на их направленность исключительно на разоблачение буржуазных фальсификаций внешней политики СССР в духе «холодной войны», помещенные в них материалы способствовали расширению источниковой базы для изучения Великой Отечественной войны.

Директивность значительной части документов и абсолютизация советскими историками содержащихся в них оценок характера и событий Великой Отечественной войны предопределили основное содержание ее концепции. Она включала в себя определение войны как всенародной, отечественной и освободительной. Эта характеристика, данная Сталиным в выступлении по радио 3 июля 1941 г., была им дополнена 6 ноября 1941 г., когда он назвал Великую Отечественную войну «освободительной, справедливой, рассчитанной на освобождение порабожденных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании»¹⁰.

Одними из важнейших составляющих концепции были положения о внешнеполитической предыстории Второй мировой и Великой

Отечественной войн и начальном этапе последней. В концентрированном виде они содержались в опубликованной в начале 1948 г. Советским информационным бюро при Совете Министров СССР брошюре «Фальсификаторы истории (историческая справка)»¹¹.

Это издание появилось в ответ на составленный Государственным Департаментом США и английским и французским Министерствами иностранных дел сборник документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.». Факт публикации и содержание этого документального издания были расценены в СССР как попытка «искажить действительную картину событий, оболгать Советский Союз, оклеветать его и ослабить международное влияние Советского Союза как подлинно демократического и стойкого борца против агрессивных и антидемократических сил»¹².

В первом разделе брошюры — «Как началась подготовка немецкой агрессии» — был поставлен вопрос о времени ее начала. В противовес англо-американо-французской трактовке, относящей ее к осени 1939 г., было заявлено, что «Германия начала подготовку войны сразу же после прихода Гитлера к власти»¹³. В качестве предпосылок гитлеровской агрессии были названы возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии при прямой финансовой поддержке США, политика западных держав по «умиротворению» гитлеровской Германии и отказ от создания системы коллективной безопасности¹⁴.

В справке была дана оценка заключения пакта Молотова-Риббентропа как «дальновидного и мудрого шага советской внешней политики», «в огромной степени предопределившего благоприятный для Советского Союза и всех свободолюбивых народов исход второй мировой войны»¹⁵. Одновременно подчеркивалась как вынужденность этой политики, так и ее использование для подготовки к возможной войне. СССР, говорилось в справке, оказался перед дилеммой: «либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок, который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора, либо отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции»¹⁶.

Территориальные приращения СССР накануне Великой Отечественной войны в справке получили освещение как этапы фор-

мирования «восточного» фронта от Балтийского моря до Черного моря»¹⁷, как «единственное средство преградить дорогу беспрепятственному продвижению немецких войск на Восток, создать крепкую оборону, а потом перейти в контрнаступление для того, чтобы разбить совместно с союзниками гитлеровскую армию и предотвратить таким образом превращение миролюбивых стран Европы, в том числе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, в гитлеровскую колонию»¹⁸.

Не была обойдена молчанием и проблема второго фронта. Политика западных держав по откладыванию его открытия была признана неслучайной и построенной на расчетах на ослабление СССР, на потерю им своего значения великой и мощной державы¹⁹.

Значительное место в предложенной советским историкам концепции Великой Отечественной войны занимало объяснение причин неудач Красной Армии на первом этапе войны. Примиришь ее трагическое начало с непогрешимостью полководческого гения Сталина была призвана доктрина «активной обороны». Впервые этот термин появился в изданной в 1947 г. «Краткой биографии» Сталина. В ней применительно к первым тяжелейшим годам войны было сказано, что «...Советская армия осуществляла тактику активной обороны, имевшую целью изматывание противника, максимальное истребление его живой силы и техники и подготовку условий к переходу в наступление»²⁰.

Концепция Великой Отечественной войны в первое послевоенное десятилетие также включала в себя определение источников военной и морально-политической мощи страны в годы войны. Они были составными частями сталинской идеи о постоянно действующих факторах войны, как то: прочность тыла, крепость морального духа армии, количество и качество войск и вооружений, организаторские способности командования²¹. В своей речи на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа 9 февраля 1946 г. Сталин сделал общий вывод, что победа в войне была победой советского общественного строя и ленинской партии.

Также неперменной составляющей концепции Великой Отечественной войны являлось положение о военном гении Сталина. В «Краткой биографии» безоговорочно утверждалось, что именно «Сталин привел советский народ к победе», будучи не только выдающимся политическим лидером, но и талантливым военным стратегом²².

Периодизация истории Великой Отечественной войны была основана на предложенных Сталиным трактовках ее концепции и отдельных событий. Впервые она была приведена К.Е.Ворошиловым в книге «Сталин и Вооруженные Силы СССР». Она включала в себя

четыре периода. Первый период — с 22 июня 1941 г. до 18 ноября 1942 г.— получил название периода активной обороны. Второй период — с 19 ноября 1942 г. до конца 1943 г.— был обозначен как коренной перелом в Великой Отечественной войне, когда в результате побед Красной Армии был закреплен перелом в ходе вооруженной борьбы не только на советско-германском фронте, но и в развитии всей Второй мировой войны. Третий период — 1944 г.— «десять сталинских ударов», решающие победы Советской Армии. Главный итог его — полное изгнание гитлеровских оккупантов с советской земли, вывод из строя всех сателлитов фашистской Германии. Четвертый период — с января по сентябрь 1945 г.— получил название завершающего, на котором были разгромлены гитлеровская Германия и империалистическая Япония²³.

Данная периодизация использовалась в большинстве работ советских историков послевоенного десятилетия как в отношении временных рамок периодов войны, так и их содержания. Однако в 1953 г. после смерти Сталина и в условиях появления элементов критики культа личности вновь был поднят вопрос о периодизации истории Великой Отечественной войны, особенно об определении содержания первого периода войны. Тезис об «активной обороне» стал предметом дискуссии.

В ходе подготовки сектором военной истории Института истории АН СССР «Очерков истории Великой Отечественной войны. 1941–1945» была сделана первая попытка внести уточнения в периодизацию истории Великой Отечественной войны. Проспект «Очерков» в виде отдельной брошюры был послан на отзывы в военные академии, другие научные учреждения и вузы²⁴. В результате после широкого обсуждения подготовительных материалов в этом коллективном труде, увидевшем свет в 1955 г., первый период Великой Отечественной войны был охарактеризован как «Срыв плана «молниеносной» войны фашистской Германии, подготовка условий для коренного перелома в ходе войны», а из названия третьего периода Великой Отечественной войны было исключено упоминание о «десяти сталинских ударах»²⁵.

Проблематика исторических исследований, посвященных Великой Отечественной войне, была самым тесным образом связана с общим концептуальным прочтением ее истории. В центре внимания советских историков находились вопросы внешней политики в предвоенные годы, ратного и трудового подвига советских людей, роли партии в военный период, изучалась всемирно-историческая роль Великой Отечественной войны и победы в ней.

Прежде всего, и гражданские, и военные историки уделяли много внимания исследованию отдельных наиболее значительных военных операций, выяснению их места и влияния на победоносное

завершение войны. Работы военно-исторического характера были наиболее распространенными. Воссоздавалась история битвы под Москвой, Сталинградской и Курской битв, описывались «десять сталинских ударов» и пр.²⁶ Военные историки ставили своей задачей обобщить военно-оперативный и военно-стратегический опыт войны²⁷.

Работы обобщающего плана вплоть до появления академических «Очерков истории Великой Отечественной войны. 1941–1945» отличались популярным характером и освещали в основном военно-политическую обстановку в годы войны. В предисловии к самой серьезной в этом ряду книге Ф.Д. Воробьева и В.М. Кравцова сами авторы указывали, что их работа — популярный очерк истории войны²⁸.

Подготовленные в Институте истории АН СССР «Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945» стали первой в советской историографии попыткой представить жизнь страны в военные годы в целом. В них было уделено внимание не только военным действиям на фронтах Великой Отечественной, партизанскому движению, но и трудовому подвигу советского тыла, организации всенародной помощи фронту, внешнеполитическому положению Советского Союза, деятельности партии и правительства в годы войны²⁹. В «Очерках» проводилась мысль о справедливом освободительном характере войны Советского Союза против фашистской Германии, о всенародном характере борьбы СССР против фашистских захватчиков. Основной вывод этого коллективного издания: героизм советского народа на фронтах и в тылу был результатом построения социализма в СССР, создания не только материальных, но и морально-политических предпосылок для защиты социалистического Отечества.

Военными историками — научными сотрудниками военно-научных заведений, преподавателями высших военно-учебных заведений, офицерами и генералами запаса — был подготовлен сборник статей «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Очерки по истории войны)»³⁰. В нем были подробно представлены основные военные операции Советской Армии с приложением карт и схем. В своих трактовках это издание, как и академические «Очерки», несет на себе отпечаток сталинского прочтения событий Великой Отечественной войны.

Большое число исследований было посвящено роли коммунистической партии как вдохновителя и организатора борьбы против фашистских захватчиков. В них изучалась деятельность партии по превращению страны в единый военный лагерь, по мобилизации всех сил для фронта, для достижения победы, рассматривались вопросы идеологической деятельности партии в годы войны, при-

водились примеры массового героизма коммунистов на фронте, в партизанских отрядах³¹. Основной тезис, который советские историки подкрепляли конкретно-историческим материалом, состоял в том, что партийное руководство жизнью страны явилось важнейшим источником ее победы над врагом.

Отдельной темой исследования стало изучение возникновения и развития партизанского движения в тылу немецко-фашистских войск. Появилось немало публикаций, посвященных партизанскому движению в различных районах страны. Изданные воспоминания участников партизанского движения и подпольной борьбы в тылу врага — легендарных С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова, И.А. Козлова, Е.П. Степанова, И.И. Наумова, Д.Н. Медведева и др. — являлись не только источниками по проблеме, но и попыткой воссоздания истории борьбы с фашистами на оккупированных территориях. Работ исследовательского плана по данной проблематике было создано немного, но начало было положено³². Возникновение невиданного в мировой истории по своему размаху, организованности и ответственности партизанского движения авторы объясняли преданностью советских людей идеалам социализма, подчеркивали именно советский характер патриотизма.

Проблемами экономической жизни страны в годы Великой Отечественной войны в первое послевоенное десятилетие занимались, по преимуществу, не историки, а экономисты. Работы П.А. Белова, Н.А. Вознесенского, Е.А. Грановского, Б.М. Сухаревского и др. были посвящены особенностям функционирования экономики страны в чрезвычайных условиях войны. Особое место в этом ряду занимает исследование Н.А. Вознесенского, председателя Госплана в годы войны — «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны». В нем автор впервые на основе обширного фактического материала и личного управленческого опыта дал обобщенную картину состояния экономики СССР накануне войны, осветил проблемы перевода экономической жизни на военные рельсы, показал особенности развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства, организации трудовой деятельности в условиях военного времени³³.

В ряде работ освещался трудовой подвиг советского народа и его роль в достижении победы, рассматривались вопросы организации социалистического соревнования на производстве. При этом основное внимание было обращено на показ руководящей роли партии в организации трудовых свершений³⁴.

Предметом изучения становились также и другие стороны жизни страны военного времени, в том числе культура и искусство. Внимание было сосредоточено на показе вклада советской интеллигенции в дело разгрома врага³⁵.

В послевоенный период советскими историками были приняты первые попытки рассмотрения предыстории Великой Отечественной войны как в отношении внешнеполитического курса СССР, так и внутреннего развития страны. Под редакцией академика В.П.Потемкина в 1945 г. были изданы второй и третий тома трехтомной «Истории дипломатии» (первый том был издан в 1941 г.). Основные направления внешней политики СССР во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. рассматривались в работах Г.А. Деборина и И.Ф. Ивашкина³⁶. В этих книгах решалась задача создания целостной картины истории внешней политики СССР.

Изложение материала в них отвечало существовавшей на момент издания концепции внешней политики СССР, изменения в которой могли ретроспективно значительно повлиять на оценку содержания книги. Так, критические стрелы были направлены на посвященный годам Великой Отечественной войны выпуск книги Г.А. Деборина «Международные отношения и внешняя политика СССР» (М., 1947). В газете «Культура и жизнь» от 21 августа 1949 г. была помещена рецензия И.А. Колоскова, в которой отмечалось, что Деборин некритически использовал буржуазные источники, а также объективистски осветил ряд существенных вопросов.

Рецензент упрекал автора в том, что отношения между странами антигитлеровской коалиции характеризовались только на основе буржуазных официальных документов и выступлений западных дипломатов и прессы. При этом им не разоблачались истинные цели американских и английских дипломатов, прикрываемые фразами о миролюбии их стран и благожелательном отношении к СССР. Деборин был раскритикован за то, что главной причиной затяжки с открытием второго фронта в 1942 г. назвал отсутствие дальновидности у правящих кругов США и Англии, а также переоценку ими сил гитлеровцев. Однако, замечал рецензент, автору было хорошо известно, что англо-американские империалисты «приобрели зоркость» лишь тогда, когда сложилась обстановка, при которой СССР был в состоянии без помощи союзников своими силами занять Германию и освободить Францию³⁷. В данном случае налицо изменение подходов к оценке событий внешнеполитической жизни СССР. В условиях начавшейся «холодной войны» мерки периода союзнической дружбы устарели. На смену им пришли высказывания о «неслучайности» политики откладывания второго фронта³⁸, которыми, в частности, и руководствовался автор рецензии.

Событиям внутри страны в годы, непосредственно предшествовавшие Великой Отечественной войне, были посвящены работы Э.Н. Бурджалова и Р.М. Раимова³⁹. Историки оценивали этот этап сквозь призму осуществления решений XVIII съезда ВКП(б) о завершении строительства социализма и постепенном переходе

к коммунизму. В этот период, писали они, Советская страна добилась новых достижений в области увеличения своего экономического потенциала, укрепления обороноспособности и развития культуры. Были рассмотрены меры коммунистической партии и советского государства по разукрупнению партийных, советских и хозяйственных организаций, совершенствованию взаимоотношений государства и колхозов, укреплению трудовой дисциплины трудящихся накануне войны. Также была представлена деятельность партии по усилению агитационно-пропагандистской работы в связи с выходом «Краткого курса» истории ВКП(б).

Исследователи отметили, что 1938–1941 гг. были для СССР чрезвычайно сложными в международном отношении, что повлекло за собой ряд важных внешнеполитических акций СССР, среди которых были заключение советско-германского договора о ненападении, укрепление западных границ. Делая акцент на мерах по усилению обороноспособности СССР, показывая их успешность, авторы приходили в противоречие с реальными историческим фактами, но не с концепцией «активной обороны».

Э.Н. Бурджалов, например, не заострял внимания на неудачах и поражениях Красной Армии в первые месяцы войны, утверждая, что нападение гитлеровской Германии не застало советскую страну врасплох и что партия и правительство еще в годы мирного строительства упорно и систематически готовили ее к активной обороне⁴⁰.

На исходе первого послевоенного десятилетия наметились подвижки в подходах к освещению проблем истории Великой Отечественной войны. В качестве знаковой можно рассматривать передовую статью «Вопросов истории», приуроченную к десятилетию Победы. В ней отразилось начало отказа от сталинского прочтения концепции войны при сохранении обращений к авторитету Сталина. Историков критиковали за узкий круг источников и за отсутствие «самостоятельных творческих выводов и обобщений».

«В работах по истории Великой Отечественной войны в большинстве случаев повторяются общеизвестные положения или приводится огромное количество цитат. Приверженность к порочному «цитатному методу» свидетельствует о догматизме некоторых авторов, об их стремлении спрятаться за чужой авторитет»⁴¹, — говорилось в передовице. Однако если замечание об ограниченности источниковой базы было достаточно справедливым, особенно с учетом постепенного налаживания работы архивов и появления новых документальных публикаций, то догматизм и цитатничество были свойствами не отдельных авторов, а советской исторической науки в целом. Вместе с тем, даже в такой форме постановка вопро-

са о необходимости исследовательской инициативы была весьма позитивной для изучения истории Великой Отечественной войны.

В статье был затронут острый и концептуально важный вопрос об оценке первого этапа войны. Отказ от тезиса «активной обороны» также происходил путем критики «некоторых историков» и ссылок на мнение Сталина. Констатируя, что авторы «нередко приукрашивают события, преуменьшают трудности войны и силы противника», редколлегия иллюстрировала неблагоприятный для советских войск ход войны на первом ее этапе высказыванием Сталина, содержащим признание ошибок правительства и моментов отчаянного положения в 1941–1942 гг. Таким образом, Сталин теперь оказывался непричастным к концепции «активной обороны», в соответствии с которой историки излагали события начала войны. Однако насущная необходимость более точного определения содержания этого и последующих периодов Великой Отечественной войны была названа в качестве приоритетной задачи.

Не говоря о причинах ослабления кадрового состава советских войск накануне Великой Отечественной войны (о репрессиях в армии не было сказано ни слова), авторы передовой статьи, тем не менее, подвергли критике преувеличение степени подготовленности командиров. «В начальный период войны многие советские командиры, еще не обладая опытом руководства войсками в современной войне, допускали серьезные промахи и ошибки, не умели организовать взаимодействие различных родов войск и правильно использовать военную технику»⁴², — говорилось в статье. Исходя из этого, перед историками была поставлена задача «показать, как в ходе ожесточенных сражений совершенствовалось боевое мастерство советских бойцов и командиров»⁴³.

Обобщая некоторые итоги первого десятилетия изучения истории Великой Отечественной войны, следует отметить, что в этот период была сформирована основная концепция ее истории, дана периодизация и были определены главные направления исследования, во многом определившие дальнейший характер разработки историографии войны. Явственно проступила обусловленность подходов к изучению проблем истории военных лет изменявшейся политико-идеологической обстановкой в стране и в мире.

Вместе с тем, советские историки в своих работах сумели обобщить большой фактический материал, выстроить событийную канву истории Великой Отечественной войны. За десять послевоенных лет по истории Великой Отечественной войны было опубликовано около 1200 книг, брошюр и журнальных статей, защищено свыше 500 кандидатских и 2 докторские диссертации⁴⁴. Несмотря на неизбежную дань сталинскому прочтению истории, вполне объяснимо-

му в эйфории от недавно одержанной Великой Победы стремлению к показу героических страниц истории войны, советские историки Великой Отечественной войны по горячим следам запечатлевали ее хронику, накапливали данные для дальнейших суждений и выводов, для анализа опыта и уроков прошедшей войны.

-
- 1 Перспективный план Института истории АН СССР (1944–1945 гг.) // Архив Института российской истории РАН. Д. 107. Л. 1.
  - 2 См., напр.: Минц И.И. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1946; Анисимов И.В., Кузьмин Г.В. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1952; Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945). М., 1952; Очерки истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1955 и др.
  - 3 О разработке истории Великой Отечественной войны советского Союза // Вопросы истории. 1955.— № 5.— С. 3.
  - 4 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.— С. 43–44.
  - 5 Тельпуховский Б.С. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. С., 1953.— С. 7.
  - 6 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947; его же. Речи на предвыборных собраниях сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1950; Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. Изд. 2-е. М., 1948; Ворошилов К.Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1950 и др.
  - 7 Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы. 1945–1955. М., 1988.— С. 74.
  - 8 Самсонов А.М. Вклад историков АН СССР в историографию Великой Отечественной войны // История и историки: Историографический ежегодник. 1979. М., 1982.— С. 7.
  - 9 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Тт. 1–2. М., 1946; Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 1–3. М., 1946; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Сб. документов. Т. 1–3. М., 1946–1947; Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946; Документы и материалы второй мировой войны. Т. 1–2. М., 1948; Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947; Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сб. документов и материалов. Т. 1–3. Одесса, 1947–1951 и др.
  - 10 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.— С. 34.
  - 11 Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1948.
  - 12 Там же. С. 5.
  - 13 Там же. С. 8.
  - 14 Там же. С. 13.
  - 15 Там же. С. 53.
  - 16 Там же.
  - 17 Там же. С. 63.
  - 18 Там же. С. 65.
  - 19 Там же. С. 75.

- 20 Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1947. С. 188–189.
- 21 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.— С. 43–44.
- 22 Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография.— С. 227–230.
- 23 Ворошилов К.Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. С. 61–66.
- 24 Самсонов А.М. Вклад историков АН СССР в историографию Великой Отечественной войны.— С. 6.
- 25 Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1955. С. 45, 289.
- 26 Шиловский Е.А., Таленский Н.А., Васильев А.В. Восточно-Прусская операция Красной Армии в 1945 г. М., 1946; Замятин Н.М. От Вислы до Одера. М., 1947; Захаров В.А. Очерк начального периода Великой Отечественной войны. М., 1949; Миносян М.М. Победа в Белоруссии. М., 1952; Самсонов А. У стен Сталинграда. М., 1952; Тельпуховский В.С. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. М., 1953; Возненко В.В., Уткин Г.М. Освобождение Киева (осень 1943 г.). М., 1953; Степанов Н.Д., Гольшев М.И. В боях за Днепр. М., 1954; Трактуев М.И. Освобождение Западной Украины. М., 1954; Румянцев Н.М. Победа Советской Армии в Заполярье. М., 1955 и др.
- 27 Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985.— С. 531.
- 28 Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М. Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Краткий очерк. М., 1953.
- 29 Самсонов А.М. Вклад историков АН СССР в историографию Великой Отечественной войны. С. 6; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 533.
- 30 Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Очерки по истории войны). Сб. ст. М., 1956.
- 31 Кукин Д.М. Партия большевиков — вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947; Логинов А.П. Партия большевиков в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1951; Чашников И.П. Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1955. Чекалин М.В. Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1955; Шатагин Н.И. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1955 и др.
- 32 Белецкий Н.И. Партизаны Московской области в обороне Москвы // Вестник АН СССР. 1947. № 9; Буцик А.К. Всенародный характер партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза // Науч. Зап. Киев. Гос. ун-та. 1952. Т. II. Вып. 2. Ист. сб. № 3; Хенкин М.З. Патриотические подвиги в тылу гитлеровских захватчиков // Учен. Зап. Смоленск. Гос. пед. ин-та. 1953. Вып. 2 и др.
- 33 Сухаревский Б. Советская экономика в Великой Отечественной войне. М., 1945; Соколов Б.М. Промышленное строительство в годы Отечественной войны. М., 1946; Карнаухова Е.С. Колхозное производство в годы Великой Отечественной войны. М., 1947; Теряева А.П. Труд в колхозах во время Отечественной войны. М., 1947; Кантор Л.М. Перебазирование промышленности СССР // Записки Ленингр. план. ин-та. 1947. Вып. 6; Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948; Белов П.А. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951; Грановский Е.А. Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 1951 и др.
- 34 Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1954; Митрофанова А.В. Коммунистическая партия — вдохновитель

- и организатор всесоюзного социалистического соревнования рабочего класса СССР в 1942 г. // Исторические записки. 1955. Т. 51; Шошенко А.В. Борьба партии большевиков за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Казахстана). Алма-Ата, 1955; Сеницын А.М. Чрезвычайные органы Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1955. № 2 и др.
- 35 Кафтанов С.В. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1945; Большаков И.Г. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. М., 1950 и др.
- 36 Деборин Г.А. Международные отношения и внешняя политика СССР в 1917–1945 гг. Вып. 1–4. М., 1946–1947; Ивашкин И.Ф. Международные отношения и внешняя политика СССР в 1935–1939 гг. М., 1951; его же. Начало второй мировой войны и внешняя политика СССР. М., 1952.
- 37 Барсенков А.С. Ук. соч. С. 87.
- 38 Фальсификаторы истории (историческая справка). С. 75.
- 39 Бурджалов Э.Н. СССР в период завершения строительства социализма и проведения Сталинской Конституции. М., 1951; Раимов Р.М. СССР в период проведения Сталинской Конституции, завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. М., 1953.
- 40 Бурджалов Э.Н. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1953.— С. 7.
- 41 Вопросы истории. 1955. № 5.— С. 4.
- 42 Там же.— С. 6.
- 43 Там же.
- 44 Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V.— С. 529–530.

М.Г. Вандалковская

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЭМИГРАЦИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме восприятия Второй мировой войны различными группами и представителями русской эмиграции. Показано, что это глобальное событие мировой истории внесло существенные изменения в отношении эмигрантов к Советскому Союзу.*

***Ключевые слова:** русская эмиграция, международная политика, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, патриотизм, фашизм, Движение Сопротивления.*

***Summary.** The article is devoted to the problem of perception of World War II by different groups and representatives of Russian emigration. It is shown that this global event of the world history has done significant changes in emigrants' attitude to the Soviet Union.*

***Keywords:** Russian emigration, international policy, World War II, Great Patriotic War, fascism, Resistant Movement.*

Русская послеоктябрьская эмиграция, разместившаяся в Западной Европе, была разнородной как по своему социальному составу, так и по политическим и мировоззренческим взглядам.

Элитная часть эмиграции — политики, писатели, журналисты, ученые активно включились в новую общественно-политическую

ситуацию, стремясь понять и осмыслить события, происходившие в мире.

Сложная международная обстановка второй половины 30-х гг., утверждение фашизма и милитаристских устремлений Германии, дипломатические противоречия европейских стран по вопросу пересмотра Версальской системы, разрушение системы коллективной безопасности создавали атмосферу, в которой формировалось мировосприятие эмиграции тех лет.

Эмигрантов, к середине 30-х гг. уже адаптировавшихся к условиям западной жизни, никогда не покидали мысли о России, ее будущем. Наша жизнь, говорилось в эмиграции, всегда была нацелена на Россию. Мы любили ее, страдали за нее, следили за изменениями, происходившими с ней, и считали себя причастными к ее судьбе.

Угроза войны и затем разразившаяся война обострили и всколыхнули мысли и чувства людей, оторванных от родной земли. Каждый из них по-своему любил Россию. Однако восприятие войны, ее целей и последствий для России было разным.

Одни из них делали ставку на гитлеровскую Германию, которая, как они рассчитывали, сумеет уничтожить большевизм и построить демократию в России. Другие болели за Россию, но проводили резкую грань между страданиями и жертвенностью народа и советской властью во главе со Сталиным. Третьи безоговорочно встали на защиту Родины, полагая, что в борьбе за независимость страны народ и власть находятся и должны находиться в монолитном единстве. Существовала и так называемая нейтральная часть эмиграции, которая, несомненно, в этом сложном раскладе политических пристрастий имела свои симпатии, но проявляла безучастность к событиям времени.

Однако сознание эмиграции не оставалось неизменным. Это был сложный процесс, в котором были возможны как кристаллизация сложившихся представлений эмигрантов (о Германии, войне, отношении к странам, где поселились эмигранты, к факту нападения гитлеровцев на Россию), так и изменение и корректировка этих взглядов.

Важно иметь в виду, что для эмиграции Вторая мировая война и Великая Отечественная не были разделены непроходимой гранью. И не только потому, что хронологически Отечественная война являлась продолжением Второй мировой войны, очевидцами которой были русские эмигранты. Мыслящая часть эмиграции глубоко осознавала, что начало Второй мировой войны может означать и войну с Россией. Будучи свидетелями германского вторжения в страны Запада, они видели не только жестокие последствия войны

для стран, в которых они обрели свое пристанище, но и грозящую катастрофу для всей европейской цивилизации, культуры, в том числе и России.

Для эмиграции, связавшей свою жизнь с западными странами, с демократическими ценностями, осознающей преимущества и слабость западных политических систем, борьба с фашизмом еще до начала Великой Отечественной войны и далее активное участие эмигрантов в движении Сопротивления всегда в той или иной мере являлись защитой России — либо генетической, эмоциональной, либо действенной — защитой Советской России или будущей демократической, о которой мечтали многие эмигранты.

Тема Второй мировой войны и эмиграции многоаспектна и составляет сложный сплав проблем и решений и в определенной степени освещена в исторической литературе¹.

В данной статье представляется важным осветить отношение эмиграции к важнейшим фактам довоенного времени — событиям 1939 г.— Пакту Молотова-Риббентропа, раскрыть понимание эмиграцией международного положения, политических позиций Германии и России, отношение эмиграции к фашизму, ее участие в движении Сопротивления, а также показать отношение эмиграции к Великой Отечественной войне.

Пакт о ненападении между Германией и СССР и Секретный протокол к нему, называемый Пактом Молотова-Риббентропа, вызвал бурную реакцию эмиграции. По секретному протоколу в сфере влияния СССР оказывались Финляндия, Эстляндия, Латвия, польская территория к востоку от рек Нарев-Вистула-Сан, а также Бессарабия, с 1918 г. находящаяся в составе Румынии.

Политические, общественные деятели и писатели активно и эмоционально выражали свое отношение к этому, имеющему кардинальное значение, международному документу.

Среди писавших о Пакте Молотова-Риббентропа — А.Ф. Керенский, П.Н. Милоков, В. Зензинов, один из лидеров эсеров П.А. Берлин, сотрудник эмигрантских изданий «Новое русское слово» и «Социалистический вестник», М. Вишняк, секретарь редакции «Современных записок», философ Н.А. Бердяев, писатель М. Алданов и др.

Круг вопросов международной политики, затронутых в статьях этих авторов, чрезвычайно широк: отношение к Гитлеру и национал-социализму, внутренней и внешней политике Сталина, к самому Пакту Молотова-Риббентропа и к позиции западноевропейских стран в предвоенный период.

Разумеется, восприятие этих явлений и фактов не было однозначным, так же как и акценты в их изложении. Общим было осуж-

дение Гитлера и его завоевательной политики. В сознании эмиграции прочно утвердился образ Гитлера как врага № 1.

Жесточайшей критике подвергался фашизм, тиранический деспотизм и экспансия Гитлера, его политика развязывания войны, доктрина расизма, отрицающая достоинство человеческой личности, христианскую и гуманистическую мораль.

Пристальное внимание уделялось и Советской России, ее политике. Сталинизм преобладающим числом эмигрантов рассматривался как проявление тоталитарной системы, роднившей его с гитлеризмом, нацизм отождествлялся с коммунизмом; осуждались также сталинские репрессии, зажим в СССР демократических свобод. Однако раздавались и иные голоса. Так, например, Бердяев в интересной статье «Роковой час европейской истории» выразил другую точку зрения. Он полагал, как, впрочем, и Миллюков, что неверно отождествлять нацизм и коммунизм, которые расходятся в целях и средствах. Нацизм отрицает человека и человеческое достоинство, желает войны, вечного неравенства, господства немецкой расы над человечеством. Коммунизм же при использовании «отвратительных средств (лжи, ненависти, преследований)» «в своих целях» «в принципе» признает «единство человечества и братство народов». Путь Германии к войне — путь рабства, утеря свободы и человеческого достоинства. Что касается России, то, по мысли Бердяева, она также одержима ложной идеей и волей к могуществу; но образ России искажен, она утратила христианский и всечеловеческий универсализм, изолировалась от Европы, «подчинила себя року, не захотела осуществлять правду путем свободы».

Выход из этого мирового кризиса Бердяев видел в создании федерации всех народов, основанной на экономической справедливости и признании их свободного самоопределения².

Пакт Молотова-Риббентропа многие эмигранты рассматривали как закономерный результат взаимодействия внешней политики Германии и России. Так, например, П. Берлин, В. Кривицкий писали о немецкой ориентации Сталина, о том, что Советская Россия свою политику строила на политическом сближении с Германией, экономически выигравшей от сотрудничества с Россией; указывалось на Брест-Литовский мирный договор 1918 г. и его секретные пункты, по которым Германия обязывалась содействовать борьбе Советской власти с антибольшевистским движением.

Следующий этап германо-советского сближения эти авторы видели в Рапвальском мирном договоре (1922), на базе которого началась полоса экономического и политического сближения двух стран. Одновременно в эти статьи отмечалось, что сотрудничество Германии и России никогда не было длительным и прочным

и всегда оставалось неискренним и прагматичным; ими же высказывалось пожелание, чтобы оба правителя «задушили друг друга»³.

В статьях М. Вишняка, того же В. Кривицкого настойчиво проводилась мысль о «нерасположении» Сталина к западным демократиям, контактами с которыми он пользовался как «залогом для заключения возможно выгодной сделки с Гитлером»⁴.

Во многих статьях писалось, что заключение союза между Гитлером и Сталиным не являлось случайностью, так как тоталитарные режимы тесно связаны между собой: они не популярны у масс и боятся народного недовольства. «Мастерски подготовленное и осуществленное соглашение является красноречивым доказательством того, что тоталитарные государства вернулись к худшим временам тайной дипломатии, характерной для эпохи абсолютизма»⁵.

Пакт о ненападении, включающий тайные пункты о разделе Польши, писала эмигрантская пресса, является по существу военно-политическим союзом, который «развязал руки» Гитлеру в его воздействии на Россию и в то же время таит в себе «внутреннюю игру» между его участниками. Общее мнение склонялось к выводу, что выиграет Сталин, но не исключена возможность «рокового исхода» для обоих участников этого союза⁶.

В антитезе дипломатического искусства Сталин-Гитлер эмигранты отдавали предпочтение Сталину. Сталин, по словам Вишняка, «обыграл Гитлера», и раздел Польши «на сегодняшний день» оказался более выгодным Сталину, чем Гитлеру. Вишняк проводил аналогию раздела Польши по Пакту Молотова-Риббентропа с событиями Польского восстания 1863 г., когда Герцен и Огарев выступили в поддержку борьбы польского народа с русским самодержавием, пропагандируя идею независимости Польши: они «сумели возвыситься над временем и преходящим в судьбах российской державы и провести различие между подлинными интересами России и империалистической заинтересованностью русского самовластия». За смелость, продолжал Вишняк, они заплатили своей популярностью и судьбой «Колокола», но остались верны делу освобождения России и других народов, связанных общей судьбой. Вековая несправедливость по отношению к Польше была исправлена лишь Февральской революцией, провозгласившей независимость Польши⁷.

Позицию русских общественных деятелей Вишняк сравнивал с позицией западных демократий, которые «не вступили в сделку с Гитлером». В этом была, несомненно, идеализация и, очевидно, неосведомленность автора, но в данном случае важна четко проявившаяся точка зрения одного из ярких политических деятелей эмиграции, который осуждал политику Сталина, признавая его дипломатическое превосходство.

Известный эмигрантский писатель, бескомпромиссный враг фашизма М. Алданов считал, что к этому договору неприменимы моральные критерии, и предвещал, что «о московском договоре историки будут писать в течение столетий», поскольку он не «приблизил войну», а ее вызвал⁸.

Милюков и его газета «Последние новости» активно обсуждала все эти вопросы. В передовых статьях, особенно по вопросам международной политики, как правило, написанных самим редактором, так же, как и в статьях других авторов затрагивались разные стороны истории возникновения Пакта.

Прежде всего, настоятельно подчеркивалась мысль, предостерегающая от скоропалительной оценки Пакта. Августовские статьи газеты, следовавшие за заключением Пакта, призывали к сдержанности. Для СССР Пакт Молотова-Риббентропа, по мысли Милюкова, давал возможность выиграть время для подготовки к будущей возможной войне и явился проявлением сталинского дипломатического искусства.

Большое внимание уделялось позиции Англии и Франции и несостоявшемуся антигитлеровскому союзу между Россией, Англией и Францией. Этот союз, по мнению многих эмигрантов, мог бы стать заслоном Гитлеру в его агрессивных планах и, возможно, предотвратил бы войну. Милюков отмечал, что во Франции и Англии Пакт произвел впечатление «разорвавшейся бомбы». «Договор, — писал Милюков 24 августа 1939 г., — ясно и бесповоротно отрывает Москву от Парижа и Лондона и тем самым приходит на помощь Гитлеру в его замыслах против Польши»⁹. Гитлер готовится к войне и вслед за Чехословакией решил также расправиться с Польшей, изолировав Россию и запугивая западные страны.

Однако не все расчеты Гитлера оказались оправданными. Для него договор был «жертвой», «решительным актом в борьбе нервов», попыткой «перепутать политические карты». Милюков приводил слова Гитлера, сказанные японскому послу, что неуступчивость Англии и Франции в его притязаниях на Польшу не оставляет ему другой возможности, как заключение договора с Москвой; повторяя ту же политику по отношению к Польше, как и к Чехословакии, он был уверен в тех же результатах и не учитывал поворота, произошедшего в психологии и в политике западных держав под влиянием расправы с Чехословакией. Гитлер понял, что невозможно так называемое «мирное завоевание» Польши, но считал, что его отступление в данцигском вопросе рассматривалось бы как капитуляция. Обеспечив себе свободу действий со стороны Москвы, Гитлер рассчитывал быстро разгромить Польшу и затем «великодушно» предложить мир западным державам. Но Англия, Франция

и Польша остались на своих прежних позициях. Поэтому, полагал Милуков, «маневр» Гитлера не удался.

Милуков отмечал также, что Гитлер не ожидал того резонанса, который вызвал Пакт. Япония, союзница Германии по борьбе с Коминтерном, видела в договоре о ненападении Германии и СССР измену антикоммунистическому фронту, осуществила «поворот в политике» и пошла на сближение с Англией. Милуков свидетельствовал и о «неприятном впечатлении» от Договора в Испании, в Италии от обращения Рузвельта к Гитлеру с пожеланием мирного решения всех спорных территориальных вопросов.

Отмечая все эти факты, Милуков заключал, что осложнившееся положение Гитлера не уменьшало опасности войны.

«Последние новости» публиковали выдержки из парижских и лондонских газет о заседаниях британского и французского кабинетов, о выступлениях премьер-министров Чемберлена и Даладье, «осуждающих переговоры Москвы и Берлина», «отдававших на заклятие Польшу», мнения польских общественных деятелей с осуждением Советской России, которая заключением Пакта «устраняется от европейской политической игры», о приезде Риббентропа в Москву, его встрече с Молотовым и Сталиным, о подписании договора о ненападении и о реакции на договор дипломатии разных стран.

В статьях «Последних новостей» подчеркивалось, что Гитлер сознательно идет на войну, что его «наглая устремленность» к своей цели развязывания войны ведет к торжеству фашизма. Во многих статьях говорилось о связи Мюнхена с Пактом Молотова-Риббентропа и утверждалось, что Пакт — результат Мюнхена, означающий агрессивно-завоевательную политику Германии.

В эмигрантской прессе предпринималась попытка понять и осмыслить побудительные мотивы и политическое поведение Сталина при заключении Пакта Молотова-Риббентропа.

Рассуждая об этом, эмигрантские авторы политическое поведение Сталина связывали с положением не только в Европе, но и в самой России. Во многих статьях высказывалась мысль, что политика террора и репрессий может вызывать опасения Сталина в случае необходимой мобилизации народа в возможной войне. И поэтому он стремился переключить внимание сограждан на международные проблемы.

Утверждалось, что иностранной политикой Сталина «управляет инстинкт самосохранения режима», и он надеется сохранить свою власть с помощью военного союза с Гитлером; указывалось и на важность для Сталина учета геополитических интересов России: присоединение к России части Белоруссии и Украины, возвра-

щение Бессарабии и восстановление России в дореволюционных границах; в некоторых статьях подчеркивалось, что сохранение власти Сталина зависит от политики Гитлера.

Сталина называли хитрым политиком, который обыграл Гитлера; он владеет азиатской формой дипломатии и оказался способным на «мастерской дипломатический шаг». Но этот шаг может кончиться «смертельным ударом для сталинизма», потерей авторитета как в России, так и в Европе¹⁰.

Заключение Пакта Молотова-Риббентропа и одновременно сохранение дипломатических отношений с Англией и Францией эмигрантские авторы рассматривали как закономерное следствие сталинского политического стиля. «В политической игре он одновременно ставит на несколько лошадей, вынужденный к тому всей окружающей его социальной, исторической и географической обстановкой»¹¹. Он стремится не занимать определенную позицию и не связывать себя ни с одним из видимых им исходов из сложной ситуации.

Известный журналист С. Поляков-Литовцев писал о том, что «Москва считает нормальным одновременное пребывание в Москве и военных миссий западных демократий, и министра иностранных дел Германии», и делал вывод, что Сталин — «дипломат особого рода» и что подобную диалектику не принимают европейские дипломатические принципы¹².

Круг проблем, затронутых в статьях эмигрантских авторов, дополнялся еще одной: осознанием трагизма русской эмиграции, которая должна занять определенную позицию в существующем раскладе политических сил, когда исчезли иллюзии о присоединении России к союзу демократических стран Франции и Англии и на повестку дня встала неизбежность войны. Но эту проблему каждый из эмигрантов решал по-своему.

До начала войны мало кто из эмигрантов давал прогнозы ее исхода. С этой точки зрения выделялась упоминаемая статья Н. Бердяева «Роковой час европейской истории». «Я лично думаю,— писал он,— что Германия проиграет войну»¹³, победоносный для России итог войны был для него бесспорен. Бердяев предвидел, что после войны будут большие материальные разрушения, а духовная и моральная реакция будет направлена против того, что привело к войне: исчезнет негативное отношение к свободе, к традициям германской духовной культуры, к гуманистическим идеям, тяготение к насилию, идолопоклонство перед государством.

Бердяев предсказывал, что Германия «может проснуться» от ужасов фашизма и «вступить на путь, предуказанный ее великими мыслителями, а не одержимыми безумной империалистической

волей»; «Россия же может сыграть еще положительную роль в войне», так как война за правду, освобождение и мировые ценности в условиях мирового зла может быть меньшим злом, чем пассивность и покорность злу. Христианское сознание, спасительное значение которого признавал Бердяев, принимало войну, но войну осмысленную и справедливую¹⁴.

По своему содержанию и пророческому смыслу суждения Бердяева выделялись из общей массы статей по этим вопросам.

Тема войны стала центральной в эмигрантской прессе. В печати появилось множество статей, посвященных войне, международному положению, позиции воюющих держав, оценке их лидеров.

Международное положение кануна Второй мировой войны, атмосфера предвоенных лет, внешняя политика Советской России, устремления лидеров будущих воюющих стран обстоятельно были освещены в статьях Милюкова: «Кто зачинщик?», «Правая и левая рука СССР», «Два диктатора — две революции», «Политика СССР»¹⁵.

Эти статьи до сего времени не были введены в научный оборот.

С позиций современности статьи, разумеется, не во всем новы, хотя, следует отметить, содержат оценки, приемлемые и в наше время. Но они были первыми емкими и содержательными эмигрантскими статьями на темы войны, написанные современником. Их отличительная особенность заключается в многоаспектном подходе автора к освещению военной тематики, в раскрытии проблемы генезиса внешнеполитической деятельности Германии и СССР. В этих статьях высвечивались тенденции последующих действий многих европейских стран, они раскрывали уровень понимания международного положения в мире тех лет и свидетельствовали об историческом сознании определенной патриотически настроенной части эмиграции. Эти статьи — памятник исторической мысли.

Особый интерес Милюков проявлял к правителям Германии и СССР, «международная деятельность которых и их взаимные отношения» решали в Европе вопросы войны и мира, объясняя это недостаточной ясностью в то время конечных целей СССР, тогда как замыслы Германии были для всех очевидны.

Он указывал на общие и отличительные особенности Гитлера и Сталина. Оба они представлялись ему «вышедшими из неизвестности», «грубыми по натуре и врожденному инстинкту», лишенными культуры и образования, оба растоптали все понятия права и морали, выработанные столетиями человеческой цивилизации. Вместе с тем, Милюков признавал, что, как человеческие типы, они были различны, различно их окружение, «различны и отправные точки их роковой деятельности». Гитлер в своем возвышении использо-

вал силы «старого порядка», исходил из узко националистической «идеи избранной расы», Сталин же начал свою деятельность со всеобщего разрушения, пытаясь восстановить порядок или подобие порядка, но «объявленные им высокие цели приведения человечества к совершенству» обернулись защитой партийной номенклатуры.

«Намеченные цели могут быть различны,— писал Милюков,— но методы достижения, несомненно, сходны... часто, однако, сходство методов принимают за тождество систем».

Милюков был одним из немногих эмигрантских общественно-политических деятелей и мыслителей, которые не отождествляли коммунизм и национал-социализм, но признавали сходство тоталитарных методов в обеих странах, исключавших народный суверенитет, наличие разных партий, кроме правящей, свободные выборы, независимое национальное представительство, личную и другие политические свободы.

При этом Милюков отмечал, что схожие тоталитарные методы по-разному применялись на практике в связи с разными условиями существования и направленностью целевых установок. Он добавлял к этому, что соперничество являлось важным фактором поведения этих стран, и приводил правило, которым руководствовался Гитлер: «Глух тот, кто ничему не учится у своего врага». Сам Гитлер, замечал Милюков, учился у Макиавелли, у Лайолы, Фридриха Великого, заимствовал приемы католической системы, «хитроумной политики Наполеона III», а также использовал большевистские методы в выработке коллективной психологии, оспаривая центральную идею коммунистического учения.

Для Сталина, отмечал Милюков, авторитет Гитлера, по свидетельству современников, значительно возрос после «кровавой чистки» 30 июня 1934 г., которая послужила образцом для сталинских репрессий.

Милюков создал портрет Гитлера, обобщая данные, известные ему по литературе, добавляя и свои наблюдения. Гитлера он называл неврастеником в крайней степени, одержимым манией величия и влюбленным в себя, для которого все люди — лишь орудия достижения своих целей; путь Гитлера к власти считал достигнутым благодаря его «ловкой политике» с монархией, армией, магнатами торговли и промышленности и использованию религиозной традиции.

Изучение Милюковым предвоенной обстановки предопределяло постановку вопроса об отношении Германии и СССР к факту войны. В их отношении к войне Милюков видел существенные различия.

Для Германии и Гитлера война являлась «вполне нормальным и здоровым явлением жизни», мир означал лишь перемирие между

двумя войнами. Милюков считал, что понятие войны как «божественного предназначения», необходимое для «поддержания героизма избранной расы», содержалось в менталитете немецкого народа, для которого война со времен Валленштейна и Фридриха II оставалась предметом выгодного «экспорта». В современном рецидиве германской агрессии Милюков видел продолжение исторических притязаний Вильгельма II на гегемонию всего мира.

По размаху германские планы приведения мира в «новый порядок» напоминали Милюкову «империализм наполеоновских войн», только несли они с собой не наполеоновские идеи, а совершенно определенную задачу: поработить народы, превратив их в рабочий скот, установить бесконтрольное иго и собственную монополию. Планы Гитлера возвышения Германии за счет Европы и всего мира Милюков назвал «сумасшедшими»¹⁶.

Отношение СССР к войне Милюков квалифицировал принципиально иным. Он отмечал, что «теоретически» коммунисты выступали против войны, ее зачинщиками признавали капиталистическое окружение в целом и считали, что война возможна лишь в случае самозащиты и освобождения «угнетенных народов и классов от угнетателей и классового врага».

Анализируя международную обстановку накануне войны, Милюков отмечал ее недостаточную документальную осведомленность, но судил, по собственному признанию, на основе сопоставления фактов.

Демократические методы предупреждения войны, как справедливо утверждал он, были недейственными, частичные договоры между двумя или несколькими странами оказывались мало значимыми: «они были не столько осуществлением поставленной цели (разоружения.— *М.В.*), сколько приближением к ней».

Милюков отмечал ограниченный характер международных отношений, имевших целью сохранение мира. К их числу он относил Рапвальский договор (1922), Локарнские соглашения (1925); французскую систему создания на Востоке блока новых национальных государств признавал обреченной на неудачу, деятельность Лиги наций — малоэффективной.

«Противники версальского статус-кво,— писал он,— прибегли к силе в то время, как демократии оставались пацифистскими». «Лондон продолжал ухаживать за главным агрессором», Франция была на стороне демократии, но, как и другие демократические державы, была «долготерпелива». Германия получала лишь «платонические протесты», что ободряло Гитлера. СССР примкнул к демократии.

Обобщая свои размышления о международных событиях конца 1930-х гг., Милюков делал вывод, что Германия и СССР олице-

творяли собой «две несходные линии отношения в лагере двух так называемых «будущих союзников»: одна — идущая прямо к цели, другая — извилистая и колеблющаяся между стареющей идеологией (коммунистической) и «реальными интересами момента».

Милюков отмечал, что расистский лозунг «Великой Германии» уступил уже в планах Гитлера пространственному лозунгу «Третьей империи». Этот лозунг был заимствован у Карла Великого, который по разделу империи (843 г.) должен был получить Лотарингию, всю Фландрию, Бургундию (по Сене до Лиона, Марселя и Милана), а также Швейцарию, Австрию, Чехословакию, Югославию и Западную Польшу. Все эти территории должны были отойти к Германии до войны и образовать так называемое «стальное ядро», вокруг которого располагались феодальные владения. Эти территории должны были дать «Третьему рейху» силу для осуществления дальнейших завоеваний мирового господства Германии.

Так, заключал Милюков, было осуществлено противозаконное занятие демилитаризованной рейнской зоны, которое не встретило сопротивления со стороны Франции. «Гитлер,— пишет он,— окончательно убедился, что Франция — упадочная страна, которая воевать не хочет и не может». Гитлеру легко удалась бескровная победа над Австрией. Федеральный канцлер Австрии К. Шушниц не встретил поддержки ни во Франции, ни в Италии.

Не одобрял Милюков и «попустительства» европейских держав по отношению ко «второй удаче» Германии: якобы мирному захвату Судет и Чехословакии.

Мюнхенское соглашение глав правительств Германии, Италии, Англии и Франции о разделе Чехословакии, по словам Милюкова, укрепило самонадеянность Гитлера; лидеры демократии одобрили притязания Гитлера. Все это, писал Милюков, оправдало дальнейший риск гитлеровских захватов и свидетельствовало о полном бессилии Европы.

Милюков понимал, что Гитлер не может допустить существования сильной самостоятельной Польши; союз с ней предполагал возможные претензии на расширение собственной территории, Германия не откажется от притязаний на Данциг и транспортный коридор, «который соединил бы рейх с Восточной Пруссией», и германская экспансия в Польшу состоится. Польша становилась для Гитлера объектом нападения¹⁷.

В отличие от распространенного в то время мнения о том, что СССР находится в плену у Гитлера, Милюков был убежден, что СССР играет самостоятельную роль. «Мнение о том, что СССР в руках Гитлера,— писал он,— давно пора оставить. Конечно, также неверно и то, что Гитлер попал в руки СССР». Оба врага «нена-

видят друг друга и готовы друг друга уничтожить, но по временным соображениям и тактике предпочитают находиться в контакте. Притом первый (Германия.— *М.В.*) предлагает хоть теперь же напасть на второго, если санкционируют его захваты. В противном случае он грозит еще теснее с ним соединиться».

Особое внимание Милуков уделял советской внешней политике, отмечая, однако, что определенные оценки ее осложнены скудостью фактических данных, быстро меняющейся картиной процесса и, главное, «непримиренным и непримиримым противоречием между ее интернационализмом и национализмом»¹⁸.

Противоречия внешней политики СССР Милуков «особенно чувствовал» в проведении «инкорпорации» Западной Белоруссии и Западной Украины в Советскую Россию. Эти территории, как известно, отошедшие от Советской России по Рижскому мирному договору (март 1921 г.) к Польше, согласно секретным статьям Пакта Молотова-Риббентропа, отходили к СССР. Противоречия проявлялись в формальном, по Милукову, соблюдении «народной воли» этих областей, проведении в них плебисцита, осуществлении будто бы «мирного» присоединения, с одной стороны и, с другой, в ломке исторически сложившегося национального облика присоединенных территорий.

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии Милуков называл «советизацией», которая сопровождалась насаждением в местное руководство «верных» центральной власти чиновников, конфискацией помещичьих земель, классовым и религиозным террором.

Иная дипломатическая политика, по мнению Милукова, была проявлена СССР по отношению к прибалтийским государствам — Латвии, Литве и Эстонии, которые по дополнительным протоколам к Пакту о ненападении от 23 августа, а также Договору о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. между СССР и Германией признавались сферой интересов СССР. Пакты о взаимопомощи (28 сентября 1939 г. с Эстонией, 5 октября с Латвией и 10 октября того же года с Литвой) давали право СССР размещать на территории этих стран свои военные гарнизоны, что означало установление в Прибалтике советского протектората.

Милуков оценивал положение прибалтийских стран, несмотря на их «местный тоталитарный стиль», как «уголок Европы», «тот самый, который двумя веками раньше приобщил Россию к Европе Петр Великий, разбивший Московскую Китайскую стену»¹⁹.

В прибалтийском регионе, как вполне обоснованно полагал Милуков, СССР проводил более осторожную политику, стремясь

советскую идеологию приспособить к европейской действительности.

Политика СССР по отношению к Финляндии, по верному наблюдению Милюкова, означала проявление более определенных и жестких действий. «Зимняя» война в Финляндии создала для СССР, по словам Милюкова, «совершенно новое положение в мире». «Достаточно было нескольких недель,— писал Милюков,— чтобы состоялась полная переоценка положения СССР в международной среде»²⁰.

Милюков обвинял советскую власть, «добровольно» перешедшую «роковую границу», за которой менялся смысл всего, что было сделано до сих пор «правой рукой», т.е. объявление в 1934 г. положения об агрессоре, осуждение захватнической сущности гитлеровской политики, провозглашение «мирных» целей политической линии СССР.

К советской дипломатии Милюков считал возможным приложить поговорку, в том числе правая рука не знает, что делает левая. Он допускал, что противоречия в политике СССР могут объясняться разными причинами, в том числе изменением дозировки «правых и левых» решений в зависимости от изменения международных условий.

Военные действия в Финляндии Милюков рассматривал как «весьма пагубные», отмечал их неподготовленность, массовую и бесчестную гибель советских солдат. Картины баталей, «груды погибших человеческих тел» напоминали ему картины Верещагина.

Неудачи военных действий в Финляндии и огромные людские потери международное сообщество связывало с политическим курсом Сталина.

Милюков писал о слабости внутреннего сталинского режима, о боязни сказать правду Сталину и предупредить о последствиях, о пагубности запланированной «молниеносной» советско-финской войны, о падении в связи с этим престижа Красной Армии.

Отрицательные последствия советско-финской войны Милюков усматривал в постановке вопроса, возникшего в общественном мнении Европы: кто враг № 1?

Подобная постановка вопроса, по верному наблюдению Милюкова, таила в себе серьезную опасность — затемнение истинных целей войны, которое ведется Гитлером²¹.

Исключение СССР 14 декабря 1939 г. из Лиги Наций и осуждение действий СССР, а также призыв оказать поддержку Финляндии вызвал одобрение Милюкова и всей миролюбивой демократической прессы.

Таким образом, внешнюю политику СССР применительно к Западной Украине и Западной Белоруссии, Прибалтике и Финляндии

Милуков квалифицировал как «эквилибристику правой и левой руки», но постоянной чертой он считал «новейший советский империализм».

В эмигрантском «Новом журнале», выходящем в США и по сей день, были опубликованы статьи А.Ф. Керенского, М.В. Вишняка и эмигранта, известного юриста и социолога Н.С. Тимашева.

В полемику с Керенским и Вишняком вступил Милуков. Будучи в эмиграции, он продолжал заниматься политической деятельностью. Созданное им в Париже Республиканско-Демократическое Объединение проводило так называемую «новую тактику», которая учитывала изменения, происходившие в политической борьбе последних лет, реалии современности.

Милуков, один из немногих политических деятелей эмиграции, последовательно отстаивал патриотическую позицию и идею безоговорочной защиты Советской России.

Основной вопрос, вызывающий противостояние Милукова с Керенским и Вишняком, состоял в отношении к советской власти, в понимании ее роли во время войны и в выработке «исторически выверенной» позиции эмиграции.

Статьи А.Ф. Керенского настойчиво проводили мысль о том, что в оценке войны Советской России против фашистской Германии необходимо отделять власть от народа, не уклоняться от критики правительства, не поддаваться на агитацию вохваления достижений советского времени и помнить о связи сталинской России с гитлеровской Германией²².

Статья М.В. Вишняка под названием «Правда антибольшевизма» по-существу повторяла и развивала позиции Керенского и, по словам Милукова, вела «арьергардный бой»²³. Вишняк также считал, что нельзя отождествлять советский режим, потерпевший моральный, социальный и политический провал, пропитанный массовыми казнями и ссылками, и усилия русского народа, боровшегося за свое освобождение от гитлеризма.

Вишняк настоятельно напоминал эмигрантам о сущности антибольшевизма, которая состояла не только «в отрицании отрицательного зла — зла большевизма», но и в «положительном утверждении антибольшевистской правды демократии»²⁴.

Статья Н.С. Тимашева под названием «Сила и слабость России» была выдержана в более спокойном тоне. «В России,— писал он,— отстаивающей свое существование против врага, равного которому по мощи не знает история, поражает сочетание силы и слабости. Россия сильна: она остановила армию, которой до сих пор никто не мог сопротивляться. Но Россия и слаба: она отбрасывает врага

от подступов к Москве и Кавказу, потеряв огромные, богатейшие пространства».

Тимашев считал, что Россия оказалась сильнее, чем те, которые судили о Красной Армии по финской войне, или те, кто думал, что народ повернет свое оружие против коммунистической власти, но Россия оказалась слабее тех, кто верил стереотипу о непобедимости Красной Армии²⁵. Силу России Тимашев видел в ее огромном пространстве и населении, в продвинувшейся индустриализации, в формировании традиционной в русской культуре «народной гордости» за свое отечество, в преодолении неграмотности, в смягчении преследований религии, в установлении фикции демократии; слабость — в отсталости России, в огромных революционных разрушениях, в плохом состоянии железных дорог, в гибели кадров культуры, в снижении культурного уровня высших и средних руководителей политической, экономической, культурной и военной отраслей жизни, в единовластии Сталина и его политических расчетах.

В завершении статьи Тимашев выражал надежду на то, что русская сила сможет превозмочь слабость и что Россия «отстоит себя от нашествия иноплеменников, как отстояла она себя в Отечественную войну 1812 г., и в Смутное время, и «ровно семьсот лет тому назад под водительством Александра Невского»²⁶. Статья Тимашева, по словам Милюкова, «толковая и спокойная», была ему созвучна²⁷.

Ответная статья Милюкова вначале была написана на ротаторе и на машинке и широко тайно распространялась в эмигрантской среде, затем была напечатана в «Новом журнале».

Текст первой статьи не сохранился, но был реконструирован советским исследователем Л.К. Шкаренковым по свидетельствам известных эмигрантских писателей Л.Б. Любимова и Д.И. Мейснера.

В этой статье Милюков писал о том, что за разрушительной стороной русской революции нельзя не признать ее творческих достижений, что революция — неотъемлемая часть русской истории. Он признавал достижения Советской России в укреплении государственности, развитии экономики, создании армии и военной индустрии. Значительные изменения Милюков усматривал и в сознании народа, его освобождении от рабского состояния. Советская армия, по мнению Милюкова, отличается «чудесами храбрости», профессиональной и технической подготовкой, а ее победы побуждают пересмотреть оценки ее слабости.

В итоге Милюков подводил читателя к мысли о кровной, органической связи народа с политическим режимом страны и при-

зывал эмиграцию всецело встать на защиту воюющей за свою независимость России.

По свидетельству Л. Любимова, статья Милюкова оказала чрезвычайно благотворное влияние на русских эмигрантов и способствовала их участию в движении Сопротивления²⁸.

Свою патриотическую точку зрения Милюков развил в статье «Положение накануне войны», опубликованной в «Новом журнале» № 6 за 1943 г. В примечании к статье редакция журнала отмечала, что публикуемая статья была написана Милюковым на английском языке незадолго до его смерти (Милюков умер 31 марта 1943 года), переведена на русский язык и впервые появилась в печати. Статья содержала большую информацию о внешнеполитической обстановке накануне войны, о захватнической политике Гитлера, о беседе Гитлера с председателем данцигского суда Раушнинга (близкого в начальный период их сотрудничества и впоследствии отошедшего от Гитлера), о политической линии Сталина.

«Я пишу эти строки,— говорилось в этой статье,— в тот самый день, когда Советская Россия празднует день Красной Армии, созданной двадцать четыре года тому назад... Восемь месяцев блестящей защиты национального дела связали Россию с делом европейских демократий, а оборона против страшного врага и возможного поработителя бросила новый свет на трудные годы, в продолжение которых Россия готовилась к войне. Эти месяцы смягчили воспоминание о тех жестокостях, которые сопровождали сталинский эксперимент... и далее вторгшегося врага встретили не «дикие звери», а сознательные патриоты, которые научно обоснованной жестокости и суровой дисциплине противопоставили твердую решимость очистить родные очаги от врага или умереть под их развалинами. Умолкли презрительные речи, им на смену пришло удивление в воздаяние должного — в день 24-летнего юбилея Красной Армии союзники обратились к ней с горячими приветствиями. Россия неожиданно оказалась защитницей демократий».

«...Русский,— завершал эту статью Милюкова,— может утверждать, что Россия останется Россией и что годы войны не будут концом ее исторического существования. ...Нация, осознавшая себя в столетиях общей исторической жизни, со сложившимися традициями и с поставленными перед собой задачами, не может превратиться в неорганическую этнографическую массу»²⁹.

Активная и последовательная защита Милюковым Советской России в ее борьбе за сохранение независимости страны и в отечественной и зарубежной историографии рассматривается как эволюция его взглядов и чуть ли не переход на просоветские позиции. Эта точка зрения представляется ошибочной.

Милюков — государственный, для которого охранение государства во всех его составляющих основах — главное задача страны, особенно в критические моменты истории, когда под угрозой находится независимость Родины.

Как политический деятель, он реалист и прагматик. Трезвый учет всех внешнеполитических и внутрirosсийских факторов, а также возможных последствий войны определил занятую им патриотическую позицию. Он защищал независимость своей Родины, воздавал дань ее завоеваниям и надеялся на победу над гитлеризмом, угрожающим не только России, но и всей Европе. Это вовсе не было переходом Милюкова на большевистские позиции, он продолжал оставаться все тем же противником большевизма, но способен был объективно оценивать происходящее и видеть все последствия завоевательной политики Германии.

Сознание эмиграции формировалось и под влиянием эмигрантской художественной литературы. Известны антифашистские высказывания И. Бунина, запечатленные современниками. Его дневниковые записи раскрывают глубоко критическое отношение к нацизму и фашистской агрессии. Будучи непримиримым противником большевистского строя, с грустью писал о городах, оставленных советскими войсками немцам в первый период войны.

Выразительным примером являлось творчество замечательного эмигрантского писателя М.А. Осоргина.

В 1922 г. на одном из «Философских пароходов» Осоргин с большой группой русской интеллигенции был выслан из России. Акция высылки квалифицировалась властями как «предусмотрительная гуманность», заменяющая расстрел представителям интеллигенции, обвиняемым в неблагоденности пролетарской власти. Когда из поля зрения уходящего из Петербурга парохода исчез последний «отплывающий берег России», Осоргин, обращаясь к своим спутникам, предложил тост: «За счастье России, которая нас вышвырнула»³⁰.

Тема любви к России пронизывает все творчество Осоргина. Почти все его книги были написаны в эмиграции, «... но жизненный материал для этих книг давала только русская жизнь — и он казался... неистощимым»³¹.

«Вместо писем русского путешественника» я преподношу вам трактат «О любви к отечеству и народной гордости»³², — обращаясь Осоргин к эмиграции, осуждая тех, кто испытывал обиду или злобу за свое трудное пребывание в чужой стране. Во всех своих публицистических статьях, которые касались темы жизни и духовного состояния эмиграции, Осоргин призывал не стыдиться и не скрывать своего эмигрантского статуса: «...Я русский, сын России

и ее гражданин! Я желаю нести ответ за нее, за ее «чужацества», за природные качества ее народа и выходки ее правителей»³³.

Патриотизм Осоргина выходил за рамки обыденной привязанности к родной земле. Он вкладывал в это понятие объемный и широкий смысл с сопутствующим ему романтическим оттенком и поэтичностью. «Ту огромную землю и тот многоплеменный народ, которым я в благодарность за рожденные чувства и за строй моих дум, за прожитое горе и радость во имя родины — никак и ничем у меня отнять нельзя, ни куплей, ни продажей, ни завоеванием, ни изгнанием меня — ничем, никак, никогда. Нет такой силы и быть не может. И когда говорят: «Россия погибла, России нет,— мне жаль говорящих... Любит ли свое дерево зеленый листок? Просто он, лишь с ним связанный — лишь ему принадлежит. И пока связан, пока зелен, пока жив — должен верить в свое родное дерево. Иначе — во что же верить? Иначе — чем же жить!»³⁴.

Вторая Мировая война обострила и всколыхнула и отношение к России, и осознание собственного положения эмигрантов в чужой стране. Осоргин из Парижа, занятого немцами, вынужден был поселиться в небольшом местечке Шабри, расположенного на реке Шер, разделявшей свободную и оккупированную части Франции. Несмотря на материальные, моральные трудности военных лет и болезнь, Осоргин, помимо писательской деятельности, активно сотрудничал в «Обществе помощи русским» в Ницце, настойчиво добивался разрешения посещать лагеря русских военнопленных, помещенных в концентрационные лагеря, посылал продуктовые посылки своим друзьям и коллегам, подвергшимся лишениям во время войны.

В Шабри Осоргин написал свое замечательное и по существу написанного и по поэтичности стиля публицистическое произведение «В тихом местечке Франции». В этом произведении, навеянном жизненными потерями, главной из которых была потеря родины — России, он писал о том, что проклинает войну, которая губит мир, так как она не имеет основ в законах природы, а жизнь людей должна быть основана на гармонии интересов и их взаимодействии³⁵.

Здесь же, в разгар войны Осоргин написал книгу «Времена», напечатанную частями в 1942 г. в «Новом журнале».

«Времена» — это книга-воспоминание, книга, исполненная тревоги за Россию.

Осоргин писал о том, что «железным занавесом» отрезана родная земля — Россия, но что он, как бы ни свыкся с другой страной, чувствовал себя дома только на берегах Камы и Волги, в Москве, в поездках по стране, даже в ссылках и тюрьмах. Это чувство он расценивал не как патриотическую чувствительность, а как при-

родную неспособность к акклиматизации и гордость русского человека³⁶.

Осоргин резко осуждал ту часть эмиграции, которая оторвалась от России, видя в ней лишь одних властителей и обиду за свое отлучение от страны, и считал, что борьба за Россию должна продолжаться как в самой России, так и в эмиграции.

Так думал он, «в дни «крестового похода» темных сил на русскую землю под предлогом борьбы против большевизма, в действительности столь родственного свастики». «Не власть защищает русский солдат, — отвечал он инакомыслящим эмигрантам, — а свою землю, свое право быть ее хозяином, и никакой исход событий не умалит силы и значения тяжкого русского подвижничества»³⁷.

Милюкова с Осоргиным связывала общая судьба во время войны: оба покинули Париж, подвергались обыскам, ненавидели фашизм, переживали за Францию и страдали за Россию.

Ознакомившись с частью воспоминаний «Времена», опубликованной во втором номере «Нового журнала» за 1942 г., Милюков писал Осоргину: «Я люблю Ваш стиль и причисляю Вас к другим моим давним любимцам: Гейне и Герцену»³⁸.

Прежние споры и несогласия о значении либерализма в России остались в прошлом. Теперь, во время войны, оба они видели в своих отношениях прежде всего «объединяющие их моменты, которые стали «яснее, чем когда-либо»³⁹. Это было восприятие России, войны, борьбы России с фашистской агрессией и общего отношения к позиции эмиграции.

Свою причастность к событиям этого времени ярко проявил и М.Алданов, талантливый эмигрантский писатель, автор многочисленных исторических романов. Обращение к истории, к выдающимся историческим личностям — Наполеону, Робеспьеру, Екатерине II, Александру II — было стремлением получить ответ на вопросы современности: была ли русская революция неизбежной и являлась ли она проявлением исторической закономерности.

Когда немцы оккупировали Францию, Алданов уехал в Америку и начал издавать «Новый журнал». Убежденный антифашист, он, по собственным словам, во время войны «не чувствовал себя способным писать на темы, не имеющие отношения к происходящим в мире событиям»⁴⁰.

Алданову принадлежат и разоблачительные очерки о Гитлере. Он признавал «Времена» Осоргина одной из вершин русской мемуарной литературы. «Здесь превосходно все, — писал Алданов, — и я жалею, что не могу процитировать из нее целые страницы»⁴¹.

Уместно привести и поэтические строки эмигрантского поэта Георгия Раевского:

Да, какие пространства и годы
До тех пор ни лежали меж нас,
Мы детьми одного народа
Оказались в смертельный час.
По ночам над картой России
Мы держали пера острие,
И чертили кружки и кривые
С верой, гордостью за нее⁴².

Круг писателей и поэтов-эмигрантов, настроенных на защиту России в войне с фашизмом, можно было бы расширить, но это особая тема.

Начавшаяся мировая война, оккупация Бельгии, Голландии, Франции, Чехословакии, стремительное продвижение германских войск на Восток вносили все большую определенность в сознание эмиграции, ее восприятие войны.

Значительная масса населения завоеванных фашистами стран была напугана арестами, жестокостью нацистского правления и проявляла известную пассивность. У части эмигрантов к страху перед фашизмом добавлялись идейные соображения — сочувственное отношение к фашизму. Среди эмигрантов имело место и действительно активное восприятие фашизма и оккупационного режима. Так, например, известный публицист и писатель, один из основателей журнала «Новый град» Г.П. Федотов проповедовал «моральное право» эмигрантов на измену, З. Гиппиус и Д. Мережковский сочувственно относились к фашистской Германии, Ю.С. Жеребков, внук одного из генерал-адъютантов Николая II, профессиональный танцор, выполнял указания германского командования по обязательной регистрации эмигрантов с последующим их отправлением на работу в Германию, генерал П.А. Кусонский, один из руководителей РОВС, открыто и призывно выражал свои симпатии завоевателям.

Но многие эмигранты вступали в движение Сопротивления, распространившегося в разных странах, воевали с немецко-фашистскими захватчиками и установленным ими на оккупированных территориях фашистским режимом.

Борьба с фашизмом, как отмечал известный автор книги «Незамеченное поколение» В.С.Варшавский, означала для русских эмигрантов и «служение чести русского имени»⁴³. Эти слова свидетельствовали о глубинной связи антигитлеровских и патриотических настроений эмиграции, осознающей демократические ценности европейских стран, где они поселились, и одновременно сохранивших верность России и ее культуре. Варшавский писал, что участники Сопротивления были верны «русской идее» и

что их преданное отношение к странам, приютившим их, и даже их «жертвенная смерть» в борьбе за освобождение от фашизма являлись проявлением русского менталитета, русской культуры и ее духовности.

Примеры участия эмиграции в борьбе с фашизмом в Европе многочисленны. Героически погибли в борьбе с фашизмом участники движения Сопротивления во Франции Вики Оболенская, молодые русские ученые Борис Вильде и Анатолий Левицкий, чьи имена начертаны на памятной доске Музея Человека. Огромное мужество по спасению еврейского населения проявила монахиня мать Мария (Е.Ю. Скобцова), ее сын священник Д. Клепинин, дочь композитора Скрябина Ариадна Кнут. Русская по происхождению Дина Верни спасала антифашистов, переправляя их в Испанию. Широко известно имя «барда свободы» Анны Марли (Анны Бетулинской), которая сочиняла патриотические песни и пела их под гитару перед солдатами, моряками, летчиками, вдохновляя их на борьбу с фашизмом. Одна из песен А.Марли стала гимном движения Сопротивления.

Во Франции, в Париже активно действовал «Союз русских патриотов Франции», являясь русской организацией французского Сопротивления. Союз занимался организацией лагерных комитетов среди советских военнопленных, находящихся на территории Франции, организацией их побегов, оказанием необходимой помощи, информационной и пропагандистской деятельностью. Организатором Союза русских патриотов был Г.В. Шибанов, эмигрант, гардемарин, затем шофер такси, участник защиты республиканцев в Испании, узник лагеря для интернированных. С началом Второй мировой войны он вступил в Сопротивление⁴⁴, после войны вернулся на Родину и был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Союз выпускал газету «Русский патриот». Первый номер газеты вышел 7 ноября 1943 г. к 26-й годовщине Октябрьской революции. Тираж газеты составлял 300–500 экземпляров и предназначался для распространения среди эмигрантов и военнослужащих вермахта. В газете публиковались сводки с фронтов, материалы о партизанском движении, информация о летчиках эскадрильи «Нормандия-Неман», французских летчиках Марселе Альбере и Ролан-де ла Пуан, ставших героями Советского Союза. Печатались статьи И. Эренбурга «Народ и война» об осуждении гитлеризма. Большое патриотическое звучание имело опубликованное в «Русском патриоте» за 23 декабря 1944 г. стихотворение К. Симонова «Если дорог тебе твой дом... где ты русским выкормлен был...», призывающее к борьбе с фашистскими захватчиками.

Большое воздействие на эмиграцию оказали статьи Милюкова «Правда о большевизме» и Н.А. Бердяева «Превращения «национализма» и «интернационализма»».

Милюков настойчиво проводил мысль о необходимости сплочения эмиграции для поддержки Советской России в борьбе с фашизмом, писал о заслугах советской власти, сумевшей объединить народ в схватке с могучим противником, о мужестве, героизме и жертвенности подвига советских солдат. «Народ не только принял советский режим как факт,— писал Милюков,— он примирился с его недостатками и оценил его преимущества». Как политик и последовательный проводник своей идеи сохранения независимости и целостности России, Милюков не мог не оценить результата борьбы советской России с фашизмом. В этой борьбе, естественно, не последнюю роль играла власть, организующая сопротивление в войне.

Статья Бердяева более осторожно проводила ту же мысль. Бердяев писал о патриотизме как об органическом чувстве любви к своей земле и народу, о готовности защищать свою Родину и способности идти при этом на жертвы. Он подчеркивал, что патриотизм вполне соединим с универсализмом и что нужно «увидеть и принять», что жизнь есть движение и развитие⁴⁵.

В Париже действовала возникшая в 1944 г. «Группа действия русской эмиграции» во главе с В.А. Маклаковым, бывшим послом во Франции. Эта группа осуждала фашизм, утверждала, что Россия не погибла в октябре 1917 г., что она переживает «новый петровский период» и ее необходимо поддерживать. На встрече эмиграции с послом СССР Богомоловым 12 февраля 1945 г. Маклаков говорил, что он и его единомышленники понимали, что победа Германии была бы гибелью Великой России и что задача эмиграции состояла в том, чтобы поддерживать национальную советскую власть, боровшуюся за сохранение России. Вместе с тем, в позиции Маклакова постоянно присутствовала мысль о том, что следует отделять «тоталитарный коммунизм» от России и от русского народа. Озабоченность Маклакова была связана с послевоенным развитием политического устройства СССР, возможностей демократии и опасениями распространения коммунистических идей в Европе⁴⁶.

Во многих частях Франции действовали партизанские отряды из бежавших советских военнопленных. Военнопленные, находящиеся в лагерях на работе в угольных шахтах Севера Франции, в департаментах Нор и Па-де-Кале, организовывались в боевые группы, вступали в ряды Сопротивления и рассредотачивались по территории страны. В ноябре 1943 г. был образован ЦК Союза военнопленных во Франции, создавались лагерные комитеты, придавав-

шие движению организованный характер. Одним из руководителей партизанского движения был лейтенант Советской армии Василий Порок, герой французского Сопротивления (чье имя увековечено на мемориальной доске Сопротивления) и Герой Советского Союза (посмертно).

Советские партизаны были тесно связаны с русскими эмигрантами, которые вступали в партизанское движение. Среди них находился и замечательный эмигрантский писатель Гайто Газданов. В 1919–1920 гг. он служил солдатом на одном из бронепоездов Добровольческой армии, с армией Врангеля эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Болгарию, где закончил русскую гимназию. Перебравшись в Париж, работал портовым грузчиком, мойщиком паровозов, сверлильщиком на автомобильном заводе «Ситроен», ночным таксистом, далее начал заниматься литературной деятельностью, к чему всегда испытывал «особое влечение», учился в Сорбонне и стал профессиональным писателем.

Война, гитлеровская оккупация была тяжелым периодом в жизни Газданова. Он непримиримо относился к фашизму. Вместе со своей женой Ф.Ю.Гавришевой (урожд. Ламзаки) Газданов вступил в Сопротивление, всемерно помогая советским партизанам. Он издавал подпольный информационный бюллетень, его жена работала связной.

В 1946 г. Газданов опубликовал на французском языке документальную повесть «На французской земле» о борьбе с фашизмом, о том, что в советские партизанские отряды эмигранты включались «по велению сердца» и «национальное чувство» было в них «сильнее всего». Передавая настроение патриотической части эмиграции, Газданов приводил слова бывшего офицера царской армии: «Другой власти, кроме советской, в России нет, она ведет войну против немцев — стало быть, надо защищать Родину и советскую власть»⁴⁷.

В своей документальной повести Газданов подчеркивал мысль о единении русских военнопленных, эмигрантов и французского населения. Они воевали «за общее дело, против общего врага, подвергались тому же риску», и эта связь была «прочнее любых других человеческих отношений»⁴⁸.

Газданов восхищался героическим упорством, душевной силой и бесстрашием советских партизан. «Я не советский гражданин и не коммунист,— писал он,— и мне не угрожает никакая критика личного порядка. И я пользуюсь этим, чтобы подчеркнуть еще раз это торжество героизма над насилием, воли над действительностью, настоящей непобедимости над мнимой победой и — я надеюсь — благодарности над забвением»⁴⁹. Он надеялся, что история

советского партизанского движения в Европе будет написана в России, за которую советские партизаны умирали в чужих европейских пространствах, окруженные вражескими войсками «в страшном русском одиночестве», и она не должна забыть их «далекого и смертельного героизма».

Союз русских военнопленных, французских граждан и эмигрантов героически проявил себя в борьбе с фашистами на острове Олерон у берегов Франции в Бискайском заливе. Остров входил в цепь крепостных сооружений так называемого Атлантического вала, оккупированного гитлеровцами. На строительство сооружений фашисты согнали советских военнопленных и насильно угнанных советских граждан. В их среде возникла мысль об организации вооруженной борьбы с немецкими захватчиками. Владимир Антоненко, выходец из Белоруссии, затем военнопленный возглавил боевую подпольную группу, привлекая в нее эмигрантов и местных жителей. В эту группу входили русские эмигранты В.Л.Андреев и В.Б.Сосинский, который за свою самоотверженную борьбу с гитлеровцами был награжден медалью «За боевые заслуги» и французским орденом Почетного легиона.

Антоненко героически погиб при освобождении острова от фашистов. Андреев и Сосинский написали книгу под названием «Герои Олерона», в которой рассказали о борьбе с фашистскими оккупантами⁵⁰.

В Ницце еще в июне 1941 г. была создана русская патриотическая группа, ставшая позднее Союзом русских патриотов Юга Франции. Руководителями этого союза были эмигранты И.Я. Герман и Л.Л. Сабанеев. Сохранилось письмо Союза русских патриотов Юга Франции, адресованное полномочному представителю Союза ССР во Франции от 6 октября 1944 г.: «...Мы глубоко скорбим, что в момент вероломного нападения национал-социалистической Германии на нашу Родину мы физически лишены были возможности быть в рядах доблестной Красной Армии. Но мы помогли нашей Родине, работая в подполье. И нас, патриотов, не сломили ни застенки правительства Виши, ни убийства гестапо. Сердцем, душой и своей жертвенностью мы всегда были с нашим народом. С восторгом, изумлением и гордостью мы следили за гигантской борьбой нашего народа...»⁵¹. На юге Франции, в городах Вьем и Нема эмигранты включались в партизанские советские отряды, помогали советским людям, находящимся в концентрационных лагерях, расположенных на территории Франции.

Эмигранты вместе с советскими партизанами принимали участие в Парижском восстании 17–26 августа 1944 г., в освобождении здания бывшего советского посольства на улице Гренель, особня-

ка, где располагалось созданное фашистами Управление по делам русской эмиграции и др.⁵² Самоотверженно проявил себя в этой акции эмигрант Гастен Лярош (Борис Матлин), уполномоченный национального фронта Сопротивления по работе среди эмигрантов. В 1965 г. он опубликовал книгу «Их называли иностранцами...», в которой привел интересные факты об участии эмигрантов в борьбе с фашизмом⁵³.

После освобождения Франции патриотические настроения значительной части русской эмиграции полностью «вылились наружу». Казалось, что «чуть ли не вся эмиграция, ликуя, приветствует великую победу советского оружия»⁵⁴. Антифашистские организации русских эмигрантов существовали в Бельгии, Италии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, в США, а также в Азии⁵⁵.

В 1945 г. был организован кружок русских эмигрантов в Риме. Его инициатором был бывший белый офицер А.Н. Флейшер. Он был интернирован немцами в Черногории, затем оказался в Риме, работал метрдотелем в посольстве Таиланда. После эвакуации посольства на север страны Флейшер работал сторожем особняка, где проводил патриотические собрания русских эмигрантов.

Это были люди разных политических убеждений, но их объединяли беспокойство и боль за Россию. Они активно помогали бойцам Красной Армии, которые бежали из плена, перебрасывали их в партизанские отряды, организовывали им укрытия, снабжали их одеждой, оружием, провиантом и т.д.

В Риме существовало около 40 конспиративных квартир, хозяева части которых были русскими эмигрантами. На этих квартирах скрывались советские партизаны.

С.С. Смирнов называл имена эмигрантов-патриотов К. Зайцева, А. Сумбатова, В. Долгиной. В конспиративную квартиру превратил свою студию известный русский художник А. Исупов. По данным Смирнова подобным образом были спасены около 200 бывших советских военнопленных⁵⁶.

В Чехословакии в период войны, как вспоминал Д.И. Мейнер, происходил сложный процесс поляризации эмигрантских настроений — от активной патриотической позиции до нейтралитета и примиренчества по отношению к гитлеровцам. Эмигранты, настроенные патриотически по отношению к СССР, активно включились в борьбу с фашистами, налаживали связи с партизанским движением. К этой части эмиграции, в частности, принадлежали В.А. Харламов, бывший председатель Большого Донского круга, известный казачий атаман и член четырех созывов Государственной думы; А.А. Воеводин, бывший секретарь Совета русских писателей и журналистов Чехословакии, погибший в нацистском лагере смерти.

Ярким выразителем патриотического движения был П.Н. Савицкий, один из основателей и теоретиков евразийства. Савицкий был убежден, что «самозаконность и самодостаточность русского мира», содержащаяся в географической, хозяйственной, политической и культурно-исторической структуре, в значительной мере воплотилась в Советской России. Он был последовательным сторонником патриотического направления и неизменно верил в победу Красной Армии⁵⁷.

В Югославии, в Белграде был создан Союз советских патриотов, в который входили русские эмигранты. Они тесно сотрудничали с югославскими партизанами, помогали советским военнопленным, бежавшим из фашистских лагерей. Руководил Союзом Федор Высторопский, воевали в партизанском отряде поэт А.П. Дураков, посмертно награжденный орденом Отечественной войны II степени, а также представитель молодого поколения эмиграции В. Смирнов, инженер-строитель, а во время войны начальник инженерной службы Верховного штаба. В Югославии стало популярно имя Ф.Я. Махина, бывшего царского офицера, занимавшегося в эмиграции публицистической деятельностью, основателя русской библиотеки в Белграде. С началом войны, когда фашисты напали на Югославию, Махин ушел в партизанский отряд, боровшийся за независимость Югославии, стал генерал-лейтенантом югославской армии, за боевые заслуги был награжден орденами и медалями⁵⁸.

С началом Второй мировой войны эмиграция в США значительно увеличилась. К эмиграции, поселившейся там до Октябрьской революции, в 20–30-е гг. добавились выходцы из Европы, спасавшиеся от гитлеризма.

В годы Великой Отечественной войны активно работало Американско-русское общество взаимопомощи, деятельность которого была направлена на оказание помощи советскому народу: собирались средства и теплая одежда для Красной Армии.

В этом движении участвовал всемирно известный скульптор С.Т. Коненков, живший в то время в США, принимавший участие в организации комитетов помощи Советской России.

Широкой популярностью пользовались выступления В.А. Яхонтова, генерала, порвавшего со своим контрреволюционным прошлым, в эмиграции редактора газеты «Русский голос». Он рассказывал о борьбе Красной Армии с фашистами, о важной освободительной миссии Советской России для будущего всего мира.

В приветствии Советского Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом по случаю 90-летия Яхонтова говорилось: «В период Второй мировой войны, когда советский народ в смертельной схватке с германским фашизмом отстаивал честь

и независимость Родины, спасая вместе в тем все человечество от фашистского порабощения, Вы, движимый горячим чувством патриотизма, неустанно ратовали за оказание более эффективной помощи Советской армии, за открытие второго фронта в Европе, чем способствовали делу разгрома агрессии»⁵⁹.

С.В. Рахманинов, будучи эмигрантом, постоянно посылал свои пожертвования в Россию — в пользу инвалидов, голодающих, старым друзьям в Москву и Петербург, устраивал благотворительные концерты в помощь русским студентам. Во время войны через Американский Красный крест он посылал посылки русским военнопленным, умиравшим от голода в Германии.

Известно, что сбор от одного из своих концертов Рахманинов передал в фонд Красной Армии и сопроводил этот дар словами: «От одного из русских — посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу! Сергей Рахманинов. 25 марта 1942 года»⁶⁰.

Оказание помощи России было широко распространено и в Канаде, где находилась значительная российская диаспора. На конференции русских Комитетов помощи Советской России говорилось, что «лучшие люди всех стран и народов стремятся оказать Советскому Союзу помощь, чтобы выразить этим свое восхищение и признательность героическому советскому народу»⁶¹.

Нападение гитлеровской Германии на СССР было воспринято эмигрантами трагически.

Автор знаменитых Записок эмигранта «Миражи и действительность» Д.И. Мейснер писал: «Для всех русских людей моего поколения и смежных восходящих поколений незабываемым до конца жизни остается день 22 июня 1941 года»⁶².

Другой эмигрант, Л.Любимимов, считал 22 июня 1941 г. «грозной и трагической датой мировой истории». В этот день в Париже во дворе русской церкви на улице Дарю собралась огромная толпа русских эмигрантов, где передавались из уст в уста слова сообщения советского правительства: «Наше дело правое... победа будет за нами». «Что будет с Россией? Вот вопрос, который впился клещами в сердца очень многих из нас, — писал Любимов. — В это воскресенье, 22 июня, я наблюдал, ощущал некое единство тревоги»⁶³.

Любимов привел примечательный факт, как его престарелый отец, в прошлом гофмейстер высочайшего двора и сенатор, услышав сообщение о нападении гитлеровцев на Россию, судорожно крестился и повторял: «Господи! Господи! Спаси Россию!». Накипи многолетних эмигрантских расчетов в нем уже не было. Он помнил только одно: он русский⁶⁴.

Мейснер рассказывал, как один русский инженер сказал ему: «А ведь стыдно, Дмитрий Иванович, очень стыдно, что будем мы

тут под немцами жить, когда наше место на русском фронте, где сейчас защищают нашу родину другие люди»⁶⁵.

И еще один интересный случай. Советский посол во Франции А.Е. Богомолов на встрече с советскими гражданами вспомнил, что 23 июня 1941 г. к нему явился русский эмигрант молодой князь Оболенский и просил отправить его в Красную Армию⁶⁶.

Разумеется, имели место и примеры осторожного и негативного отношения к происходившему в России.

Эмигранты пристально следили за ходом военных действий в Советской России. «Мысль о России, о том, что происходит сейчас там, неотступно стоит перед каждым из нас. Она подсознательно жива в нас, даже когда мы думаем о другом: она является фоном, на котором проходит все остальное», — писал известный политический и общественный деятель, эсер Н.Д. Авксентьев⁶⁷.

Однако, к сожалению, сведения об отношении эмигрантов к конкретным событиям борьбы советского народа в исторической литературе немногочисленны.

Боль и тревога за Россию, вера в ее победу и жизнеспособность четко прослеживаются в переписке П.Н. Милюкова с Я.Б. Полонским и писателем М.А. Осоргиным.

Я.Б. Полонский, литературовед, один из учредителей «Общества друзей русской книги» (Париж), сотрудник редактируемой Милюковым газеты «Последние новости», как и многие эмигранты, с началом войны переехал из Франции в США. Он был патриотически настроен и сообщал Милюкову сведения о настроениях эмиграции. Они обменивались впечатлениями о своих жизненных ситуациях, и одной из главных тем была тема войны.

Отступление советских войск в 1941 г. они считали «большим огорчением», испытывали «надежды» и «тревоги». Милюков писал о том, что, несмотря на «удары», оптимизм его «в далеком аспекте» не исчерпан, что «на далекое время» Россия останется Россией, что русские оказались в конечном счете равносильными врагу и что каждая победа, как, например, «блестящее дело у Ржева», вселяет уверенность в победе.

В одном из писем Полонский сообщил, что при чтении письма А.И. Тургенева А.П. Вяземскому от 27 октября 1812 г. у него возникла ассоциация восприятия современности с событиями войны 1812 года. «Москва снова возникнет из пепла, — цитировал Полонский Тургенева. Ее развалины будут залогом нашего искупления — нравственного и политического, а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит наш путь к Парижу... Это не пустые слова, я в этом совершенно уверен, и события оправдают мои надежды».

Эти слова А.И. Тургенева Полонский оценил «как знаменательное место» и не мог отказать себе в удовольствии привести его⁶⁸.

Аналогичное сравнение встречается и в книге Л. Любимова «На чужбине».

Он рассказывал, как эмигрантов волновали известия о подступах немцев к Москве, как они слушали по радио голос Москвы и как слезы роднили их с теми, кто сражался и погибал за нее. «Год 1812 перекликался с 1941-м... Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали»⁶⁹. Это сравнение рождало веру в победу.

В эмигрантской среде обсуждался вопрос и о позиции союзников, об открытии второго фронта. Многие осознавали запоздалость помощи союзников и считали, что выход из войны возможен и без них.

Восхищение вызывала героическая защита Ленинграда, связанная с голодом и смертью тысяч жителей этого «фантастического» города. Стойкость ленинградцев, их героизм, по словам Мейснера, рождали гордость за русских людей и их страну⁷⁰.

Известно, что на средства эмигрантов, членов американско-русского общества взаимопомощи, был построен военный самолет «Дух Ленинграда»⁷¹.

Эмигранты неоднократно свидетельствовали, что, когда они узнавали, что Красная Армия преодолевает сопротивление немецких войск, их переполняло «чувство национальной гордости».

Коренной перелом в ходе войны они связывали со Сталинградской битвой.

Выразительным свидетельством этого являются и слова Милюкова в письме к Осоргину: «Это неверно,— писал он,— что история не делится на картины. Сейчас одна такая картина перед нами: Сталинград. Вот и размышляйте, что будет в случае того или другого исхода. Во всяком случае тут поворот, и «картина» будет другая»⁷².

В эти последние годы своей жизни, с мая 1941 г. Милюков жил в Экс-ле-Бен в Савойских Альпах, в неоккупированной части Франции, куда его перевезли друзья по газете «Последние новости». Он пристально следил за ходом военных действий, по карте переставлял флажки движения советских войск, верил в победу Советской России. Самыми важными часами дня для него, вспоминал очевидец, были те, «когда он, прильнув ухом к настольному радио, ловил шепот швейцарских и лондонских передач. Душевный мир был нарушен, но воля оставалась прежней. Высадка союзников в Африке, отступление союзников с Волги были, вероятно, его последней радостью. Вера давала силы»⁷³.

По свидетельству Д.Мейснера, после Сталинградской битвы все разумно мыслящие эмигранты уже не могли верить в победу Германии⁷⁴.

В феврале 1945 г. в Париже состоялась встреча посла СССР во Франции А.Е. Богомолова с группой эмигрантов, которую возглавлял бывший посол Временного правительства во Франции В.А. Маклаков. Он отмечал, что эмиграция восхищалась патриотизмом народа, доблестью войск, искусством вождей. Она осознавала, что победа Германии была бы гибелью России, поэтому признала Советскую власть национальной, и в войне за Россию была с нею на одной стороне баррикад. В ответ на замечание Богомолова о преимуществах советского патриотизма (включавшего не только любовь к России, но и признание всех произошедших с ней перемен) в сравнении с русским Маклаков отвечал, что патриотизм, которым руководствовалась эмиграция, был органическим чувством, «русским патриотизмом» и не исключал советского патриотизма, но был шире его⁷⁵. Этим Маклаков объяснял характер и всю гамму патриотических настроений эмиграции.

Самоотверженная борьба советского народа в Великой Отечественной войне, сохранение российской государственности, победа над фашистской Германией значительно изменили сознание и психологию эмиграции.

Исчезло стойкое отношение непримиримости к Советской России, характерное для 20–30-х гг. Произошел определенный поворот эмиграции к СССР, появилась возможность возвращения на родину. Однако это вовсе не означало, что эмиграция целиком приняла большевизм и Советскую власть. Это был сложный процесс, сопровождаемый противоречивыми раздумьями. Дифференциация общественного сознания эмиграции продолжала существовать и в новых исторических условиях победоносного окончания Советским Союзом Великой Отечественной войны. Небольшая часть эмиграции по убеждениям или по ностальгическим чувствам вернулась на Родину. Но не все из вернувшихся стали равноправными гражданами Советской России. Основная масса эмиграции, осевшая в западных странах, адаптировалась к условиям зарубежной жизни. Многие эмигранты послереволюционной волны находились уже в зрелом возрасте и по разным соображениям — политическим, профессиональным, бытовым и др. — продолжали оставаться на своих местах.

Победоносное положение СССР утвердило в эмигрантских кругах представление о сильной России — их Родине, вызвало чувство гордости за нее и одновременно породило новые ощущение

ния — опасения укрепления советского режима и распространения коммунистических идей.

- 1 См. «Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война». М., 2004; Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй Мировой войны. М., 2007 и др.
- 2 Бердяев Н. Роковой час европейской истории // Новая Россия, 1939. 1 октября. С. 14–15.
- 3 Берлин П. Германо-советские отношения // Новая Россия, 1939. 1 октября; Кривицкий В. О договоре Гитлер-Сталин // Новая Россия. 1939. 1 октября.— С. 9.
- 4 Вишняк М. Гитлер не Германия — Сталин не Россия // Новая Россия, 1939. 1 октября; Бармин А. Куда идет СССР // Новая Россия, 1939. 1 октября.— С. 8.
- 5 Кривицкий В. О договоре Гитлер-Сталин // Новая Россия. 1 октября.— С. 9.
- 6 Interim. После раздела Польши // Новая Россия. 1939. 1 октября. С. 3.
- 7 Вишняк М. Гитлер не Германия — Сталин не Россия // Новая Россия, 1939. 1 октября.— С. 13.
- 8 Алданов М. О Московском договоре // Новая Россия, 1939. 1 октября.— С. 4–5.
- 9 Милоков П. Неоправдавшиеся надежды // Последние новости, 1939. 27 августа; он же. Решающие дни // Там же. 25 августа.
- 10 Бармин А.Г. Куда идет СССР? // Новая Россия, 1939. 1 октября; Вишняк М. Гитлер не Германия — Сталин не Россия // Там же; Кривицкий В. О договоре Гитлер-Сталин // Там же; Interim. После раздела Польши // Там же.
- 11 Бармин А. Куда идет СССР? // Новая Россия, 1939. 1 октября.— С. 6.
- 12 Поляков-Литовцев С. Вопросы // Последние новости, 1939. 24 августа.
- 13 Новая Россия. 1939, 1 октября.— С. 15.
- 14 Бердяев Н. Роковой час европейской истории // Новая Россия, 1939. 1 октября.— С. 14–15.
- 15 Последние новости. 1939: 25 октября; 18, 27 ноября; 7, 18, 22, 26 декабря; 1940: 11, 16, 23 января; 14 февраля; 19 апреля.
- 16 Милоков П.Н. Кто зачинщик? // Последние новости, 1940. 14 февраля; он же. Правая и левая рука СССР. Цели войны и враг № 1 // Там же. 1939. 22 декабря; он же. Положение накануне войны // Новый журнал, 1946. № VI.
- 17 Милоков П. Два диктатора — две революции // Последние новости, 1940: 11, 23 января.
- 18 Милоков П.Н. Правая и левая рука СССР. Объединение восточного славянства // Последние новости, 1939. 18 ноября.
- 19 Милоков П.Н. Правая и левая рука СССР. Окно в Европу // Последние новости, 1939. 27 ноября; он же. Политика СССР // Последние новости, 1939. 25 октября.
- 20 Милоков П. Европа и мы // Последние новости, 1939. 30 сентября; см.: Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVI–XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006; Системная история международных отношений. М., 2006. Т. 1. События 1918–1945 гг.
- 21 Милоков П. Правая и левая рука СССР. Цели войны и враг № 1 // Последние новости, 25 октября 1939 г.
- 22 Керенский А.Ф. Передышка // Новый журнал.— № 1; он же. Новая Россия. 1939. 1 октября.
- 23 Новый журнал. 1942. № 2. С. 206.
- 24 Вишняк М.В. Правда антибольшевизма // Новый журнал, 1942.— № 2.— С. 218.
- 25 Тимашев Н.С. Сила и слабость России // Новый журнал, 1942.— № 2.— С. 192.

- 26 Там же. С. 205.
- 27 Глазами Милюкова оккупация и Восточный фронт. Письма П.Н. Милюкова Я.Б. Полонскому (1940–1942) // *Время и мы*. 1980. № 52.— С. 206.
- 28 Любимов Л. На чужбине. Ташкент. 1965.— С. 328.
- 29 Милюков П. Положение накануне войны // *Новый журнал*. 1942. № VI.
- 30 Осоргин Мих. Тем же морем // *Современные записки*. 1922.— № 13.— С. 217.
- 31 Осоргин Мих. Времена // *Новый журнал*. 1943.— № 5.— С. 21.
- 32 Осоргин Мих. Итальянское письмо // *Воля России*. 1923.— № 15.— С. 45.
- 33 Там же. С. 35.
- 34 Осоргин Мих. Россия / *Дни*. 1924. 8 октября.
- 35 Осоргин Мих. В тихом местечке Франции. Париж. 1947.— С. 29.
- 36 Осоргин Мих. Времена / *Новый журнал*. 1942.— № 1.— С. 20-21.
- 37 Там же. № 3.— С. 52.
- 38 Осоргина-Бакунина Т.А. Письма П.Н. Милюкова М.А. Осоргину 1940–1942 гг. // *Новый журнал*. 1988.— № 171–172.— С. 552.
- 39 Там же. С. 550.
- 40 *Новый журнал*. 1942.— № 1.
- 41 Алданов М. Предисловие // Осоргин Мих. Письма о незначительном. Нью-Йорк. 1942.— С. 18.
- 42 Любимов Л. На чужбине... С. 339.
- 43 Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.— С. 314.
- 44 Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 192–193; *Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая Мировая война*. М. 2004.— С. 176–179.
- 45 Бердяев Н. Превращения «национализма» и «интернационализма» / *Русский патриот*. 1945. 10 февраля.
- 46 *Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и вторая Мировая война*. М. 2004. С. 181–182; *Эмигранты у Богомолова* // *Новый журнал*. 1970.— № 10. С. 271; «Совершенно лично и доверительно». Б.А. Бахметев, В.А. Маклаков. *Переписка 1919–1951*. В 3-х томах. Т. 3.— С. 526–548.
- 47 Газданов Гайто. На французской земле // *Собр. соч. в пяти томах*. Т. 2. М., 2009. С. 671.
- 48 Там же. С. 695.
- 49 Газданов Гайто. На французской земле // *Собр. соч. в пяти томах*.— Т. 2.— М., 2009.— С. 694.
- 50 Андреев В., Сосинский В., Прокша Л. Герои Олерона. Минск, 1965.
- 51 Цит. по книге: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.— С. 194.
- 52 *Между Россией и Сталиным...* С. 180; *История Франции*. М., 1973.— Т. 3.— С. 271–286; Кривошеин И.А. Так нам велело сердце // *Против общего врага*. М., 1972; В. Андреев, В. Сосинский, Л. Прокша. Герои Олерона. Минск, 1965.
- 53 Laroche G. (Colonel F.T.F. Boris Matline). On les nommait des étzangers... (Les immigrés dans la Résistance). Paris. 1965.
- 54 Любимов Л. На чужбине... С. 360.
- 55 Мейснер Д. Миражи и действительность. М., 1987; Абамова Р.Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945). М., 1973.
- 56 Смирнов С.С. Русские в Риме // *Правда*. 1964. 4 июля.
- 57 Дурновцев В.И. Кулешов С.В. Жизнь и судьба П.Н. Савицкого / *Культурное наследие российской эмиграции*. 1917–1940. Кн. I. М., 1994. С. 144–152. Мейснер Д. Миражи и действительность... С. 236.
- 58 Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции.— М., 1987.— С. 200–201.
- 59 Куликов Н.Г. Честь и достоинство русского имени.— М., 1973.— С. 53.

- 60 Куликов Н.Г. Честь и достоинство русского имени. М., 1973.— С. 23. Седых А. Далекие, близкие. Воспоминания. М., 2003.— С. 56–57.
- 61 Окулевич Г. Русские в Канаде. Торонто. 1952.— С. 202; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.— С. 222–203.
- 62 Мейснер Д. Миражи и действительность. М., 1966.— С. 246.
- 63 Любимов Л. На чужбине. Ташкент, 1965.— С. 338.
- 64 Любимов Л. На чужбине. С. 312.
- 65 Мейснер Д. Миражи и действительность...— С. 246.
- 66 Любимов Л. На чужбине. С. 312.
- 67 Авксентьев Н.Д. Россия на войне // Новый журнал. 1942. № 1. С. 203.
- 68 Глазами Милюкова... // Время и мы. 1980. № 51. С. 191, 192, 195, 196, 208; № 52. С. 200, 208.
- 69 Любимов Л. На чужбине... С. 321–322.
- 70 Свидетельство Д.Мейснера, переданные Л.К. Шкаренковым автору.
- 71 Фарид Ф. Вдали от Родины // Голос Родины. 1965. № 4. Май.
- 72 Осоргина-Бакунина Т.А. Письма П.Н. Милюкова М.А. Осоргину. 1940–1942 // Новый журнал. 1988.— № 172–173.— С. 548; Глазами Милюкова... // Время и мы. 1980.— № 52.— С. 205.
- 73 Вакар Н. П.Н. Милюков в изгнании // Новый журнал. 1943.VI.— С. 378.
- 74 Мейснер Д. Миражи и действительность... С. 250.
- 75 Эмигранты и Богомолова // Новый журнал. 1970.— № 100.— С. 270–273.

М.И. Жих

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГАЛИЦКОЙ И ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЕЛЬ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

***Аннотация.** В статье предпринят критический обзор монографического исследования П.С. Стефановича «Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в.», дан анализ его основных положений и выводов.*

***Ключевые слова:** социально-политическая история Древней Руси, Галицкое и Волынское княжества, историография Древнерусского государства, города-государства (полисы), раннефеодальные монархии-княжества, княжеская власть и боярство.*

***Summary.** The article contains the critical review of P.S. Stefanovich study “The Relations Between Prince and Nobility in Galich and Volyn Principalities Up to the End of the XII c.”, the analysis of his main statements and conclusions.*

***Keywords:** social and political history of Ancient Russia, Galich and Volyn Principalities, Ancient Russian State historiography, city states, early feudal monarchy-principalities, prince’s authority and boyarstvo.*

Современный этап историографии проблем социально-политического устройства Древней Руси характеризуется отказом от ещё сравнительно недавно доминировавших теоретических рамок и поиском новых концептуальных положений, в которые историки могли бы «встроить» положения своих конкретно-исторических исследований. По наблюдению А.В. Петрова, «новейшая отечественная историческая мысль, напряжённо ищущая и во многом переписывающая недавние еще свои страницы, не стремится к единству мнений. По крайней мере, относительно русского средневековья такое единство вряд ли когда-нибудь будет достигнуто.

Новейшая отечественная историческая наука строит себя как систему, но как систему особого рода. Насущной потребностью нашей историографии является разработка — вглубь и вширь — фундаментальных концепций русской истории, опирающихся на всё богатство исторического и методологического знания. Ныне, как, может быть, никогда ранее, необходимо четкое выявление иссле-

довательских противоречий и единства взглядов по тем или иным вопросам; необходимо возрождение научных школ, как заявивших о себе в дореволюционный период, так и возникших в советские десятилетия, равно как необходимо полноценное бытие школ, могущих возникнуть в наши дни. На символическом «Ярославском дворе» современной русской науки идет оформление больших «партий». Их конструктивная полемика — стержень исторического познания и стимул постановки новых исследовательских задач»¹. С этими положениями ученого сложно не согласиться. И поэтому особенно актуальной для каждого исследователя, занятого изучением древнерусской истории, является задача определения своего места в этом многообразии историографических школ и направлений.

Не все ученые, однако, способны грамотно определить свое положение в современном теоретическом и историографическом контексте, что нередко приводит к появлению чисто описательных работ, либо к повторению выводов, давно уже сделанных в исторической науке, либо к тому, что автор не может связать собственные выводы с выводами других ученых. Все эти «теоретические» соображения имеют самое прямое отношение к вышедшему недавно монографическому исследованию П.С. Стефановича², посвященному социально-политической истории одного из ключевых регионов Древней Руси — Галицкой и Волынской земель с начала их политической самостоятельности и до конца XII в.³

Несмотря на отмеченную выше плюралистичность современной историографической картины общественно-политического устройства Древней Руси, в ней отчетливо выделяются две «генеральные» линии: взгляд на древнерусские земли как на общинные по своей природе города-государства (полисы) и взгляд на них как на раннефеодальные монархии-княжества⁴. Вторая из названных концепций тесно связана с общим взглядом на Киевскую Русь как на раннефеодальное общество, оформленное в виде раннефеодального государства. Еще совсем недавно она доминировала в отечественной историографии, однако ныне, после падения господствовавших в СССР теоретических установок, с очевидностью находится в глубоком кризисе. Ее сторонники в последнее время предлагают различные варианты модернизаций названной концепции⁵, которые, впрочем, не снимают встающих перед ней вопросов, сама множественность вариаций ответов на которые говорит, на наш взгляд, о неспособности в рамках данной концептуальной парадигмы дать ответы на ключевые вопросы социально-политической жизни русского средневековья⁶.

Это весьма наглядно показала работа П.С. Стефановича, демонстрирующая недопустимое пренебрежение к теоретическим

вопросам. Если говорить еще точнее — мы видим в ней полный теоретический вакуум. П.С. Стефанович нигде и ничего не говорит о том, как он понимает древнерусскую (и, в частности, галицко-волынскую) государственность, и она предстает у него чем-то аморфным и непонятным. При этом он постоянно употребляет применительно к существовавшим в домонгольский период в Галиции и на Волыни социально-политическим объединениям термин «княжество»⁷ — анахронистичный термин, не известный домонгольским источникам (он встречается в источниках лишь с конца XIV в.)⁸, но несущий в себе вполне определенную смысловую нагрузку и подразумевающий существование в Киевской Руси института некоей княжеской монархии.

Собственно, саму правомерность его употребления (повторюсь, это — термин из другой эпохи) применительно к землям Древней Руси надо серьезно обосновывать, чего, насколько нам известно, никто еще не сделал. Не сделал этого и П.С. Стефанович, что, однако, не мешает ему бойко оперировать этим анахронистичным понятием (при том, что из самой работы вывод о существовании в Галицко-Волинской Руси монархического устройства в том смысле, в котором его понимали советские историки Древней Руси, отнюдь не следует — это к вопросу о теоретической путанице автора). Дело доходит до явной нелепости, которую мы уже отмечали⁹: весьма странными нам кажутся слова П.С. Стефановича, который, полемизируя с А.В. Майоровым, заявляет, что целью автора было показать, что эти Галицкое и Волинское «княжества не являются исключением в ряду других “древнерусских земель-волостей”»¹⁰. П.С. Стефанович, упорно предпочитая реальным древнерусским понятиям *волость* и *земля*¹¹ искусственный анахронистический термин *княжество*, в сущности, навязывает его и древнерусским источникам и историческим реалиям, с одной стороны, и своим оппонентам — с другой. На наш взгляд, это абсолютно некорректно.

Теоретическая слабость работы П.С. Стефановича наложила серьезный отпечаток на его подход к историографическому материалу, который наш автор использует чисто «потребительски». Собственно, целью его работы является попытка вернуть в науку не получившие в ней особого распространения положения Н.П. Дашкевича и М.С. Грушевского¹² о «единстве и корпоративности в исправлении должностей по управлению территориями»¹³ галицко-волинского боярства¹⁴, обусловивших единство их «политических интересов» и ставших (вопреки мнению значительного числа ученых о крупном землевладении как основе могущества галицко-волинской аристократии) «экономической основой класса «местных бояр»»¹⁵. Согласно этой позиции¹⁶, галицко-волинское

боярство отличалось необыкновенной силой и сплоченностью (которой не было в других древнерусских землях) и препятствовало дроблению земли¹⁷.

О самой этой концепции и ее перспективах в современном историографическом контексте поговорим ниже, а пока отметим, что современную историографию проблемы П.С. Стефанович знает явно недостаточно¹⁸. Стоит заметить, что в его работе *вообще отсутствуют* упоминания о двух вообще-то давно защищенных диссертациях, посвященных общественно-политическому устройству Галицкой и Волынской земель — работах С.С. Пашина и Т.В. Беликовой¹⁹, последняя из которых посвящена *непосредственно* рассматриваемой П.С. Стефановичем теме — соотношению княжеской власти и боярства в Юго-Западной Руси, по причине чего незнакомство с ней П.С. Стефановича вызывает немалое удивление и определенным образом характеризует отношение автора к историографии.

Но этим пренебрежительное отношение к историографии у П.С. Стефановича отнюдь не исчерпывается. Как справедливо отметил недавно П.В. Лукин, «слабое знание историографии — большой недостаток. Однако гораздо хуже ее сознательное искажение»²⁰, тем более такое искажение, которое имеет своей целью дискредитацию своих научных оппонентов. Увы, именно с этим явлением мы сталкиваемся в работе П.С. Стефановича²¹.

П.С. Стефанович выставил в ложном свете целое историографическое направление, которое всегда было одним из ключевых в российской исторической науке. Речь идет о концепции, согласно которой древнерусская государственность была представлена в форме городов-государств, типологически сходных с античными полисами, основным институтом которых являлась община. В древнерусских источниках этот социально-политический организм именовался «волостью» или «землей» и представлял собой территориально-политическую структуру, построенную на основе иерархии общин и состоявшую из общины главного города, общин подчиненных ему «младших» городов (пригородов) и сельских общин. Как отметил А.В. Петров, «развивавшие в разное время эту концепцию историки были едины в ряде важных концептуальных положений»²². Впервые в целостном виде она была сформулирована И.Д. Беляевым²³ и постепенно широко распространилась в отечественной науке. Ее в тех или иных вариациях принимало большинство дореволюционных ученых²⁴, существовала она в раннесоветской историографии²⁵, где была во-многом искусственно прервана, ее продолжали полноценно развивать эмигрантские историки²⁶, а в советской историографии восстановили в правах²⁷ Ю.Г. Алексеев²⁸

и И.Я. Фроянов²⁹. Ныне этой концепции придерживается и развивает ее целая плеяда историков русского средневековья³⁰.

Применительно к Галицко-Волынской Руси ее ныне разрабатывают И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко, Т.В. Беликова, С.С. Пашин (незнание работ двух последних ученых П.С. Стефановичем выше уже было отмечено) и А.В. Майоров, критике работы которого в значительной мере и посвящена работа П.С. Стефановича³¹.

Разумеется, научная полемика по ключевым проблемам социально-политического устройства Древней Руси в целом и Галицко-Волынской Руси, в частности,— закономерна и необходима, но позитивными ее итоги могут быть, на наш взгляд, лишь в том случае, если она ведется академически-корректно, без подтасовок историографического материала и стремления с их помощью умышленно дискредитировать оппонента. К сожалению, П.С. Стефанович в полемике с И.Я. Фрояновым и А.В. Майоровым избрал указанный весьма сомнительный путь — он все время пытается навесить на них ярлык «маргиналов», построения которых не имеют серьезной историографической опоры: «Нетрудно заметить в этих идеях (в концепции общинного устройства Древней Руси — М.Ж.) ориентацию на старые теории славянофильского толка. Стремление обозначить «особый путь» России представляет собой, очевидно, реакцию на настойчивые, однако далеко не всегда убедительные попытки советской историографии вписать историю России в европейские схемы. Конечно, можно понять неудовлетворенность И.Я. Фроянова и А.В. Майорова избитыми стереотипами, которыми в историографии характеризуется такое сложное явление, как социально-политическая борьба в домонгольской Галицко-Волынской Руси, и тенденциозностью в интерпретации источников, свойственной многим (особенно советским) историкам»³².

Таким образом, П.С. Стефанович выставляет дело так, что концепция И.Я. Фроянова и его учеников лишена серьезной опоры в отечественной историографии, идет в разрез с ней и является маргинальной и фантазийной («...смена одного догматического подхода другим не может быть решением проблемы. Тем более таким подходом, который просто игнорирует ясные и прямые свидетельства источников...»³³). В качестве ее предшественников названы только какие-то непонятные «славянофилы» («ориентация на старые теории славянофильского толка»), причем это слово («славянофилы») звучит в каком-то заведомо негативном ключе.

Это грубое искажение историографического процесса. Концепция И.Я. Фроянова, как уже выше было указано,— это всего лишь возвращение на новом уровне к *традиционной* для отечественной историографии линии. В.С. Брачев и А.Ю. Дворниченко верно от-

метили недавно, что «подход И.Я. Фроянова к Киевской Руси — не что иное, как возвращение на новом уровне развития науки к магистральной... линии развития отечественной историографии»³⁴. Да, ее основоположник И.Д. Беляев действительно был славянофилом. Но как быть с тем, что ее — с теми или иными вариациями — разделяли практически все крупнейшие российские историки конца XIX — начала XX в., многие ученые послереволюционного периода и историки-эмигранты, что выше было уже отмечено: В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.А. Дьяконов, А.Е. Пресняков, М.В. Довнар-Запольский, В.О. Ключевский, А.Н. Насонов, П.И. Лященко, Г.В. Вернадский и многие другие? Об этом у П.С. Стефановича *не сказано ни одного слова*.

Как уже было отмечено, в отечественной историографии она прервалась по причинам в значительной мере вненаучного характера. Сомневаюсь, что все названные (и многие другие) ученые — сторонники этой концепции — были славянофилами (не приводит доказательств этого и П.С. Стефанович). И, безотносительно к их идейно-политическим воззрениям, это — крупнейшие российские историки. Цвет нашей исторической науки. И все они тоже «последователи идей Фроянова». Получается, что для П.С. Стефановича все они тоже маргиналы. Ключевский и Пресняков, Грушевский и Сергеевич, Довнар-Запольский и Дьяконов... Кстати, что касается М.С. Грушевского, то можно вообще не читая ни одной его работы, только из приводимых П.С. Стефановичем цитат понять, что он был не чужд «общинно-вечевой концепции»³⁵.

Таким образом, столь нелюбимые П.С. Стефановичем «идеи И.Я. Фроянова»³⁶ вполне традиционны для нашей историографии. Речь идет о *целом историографическом направлении*, плодотворно существовавшем в дореволюционной науке, прерванном искусственно в науке советской, продолженном историками-эмигрантами и возобновленном в отечественной науке И.Я. Фрояновым и его учениками. Ни о чем этом у П.С. Стефановича нет и речи. Даже намека. Все выглядит так, как будто И.Я. Фроянов и его ученики — маргиналы, построения которых не имеют ни историографических корней, ни перспектив. Такого рода утверждения можно объяснить только двумя причинами:

- 1) слабым знакомством П.С. Стефановича с историографией;
- 2) умышленным стремлением путем подлога выставить своих оппонентов в невыгодном свете.

Поскольку первый вариант, скорее всего, приходится исключить, речь должна идти о втором. Разумеется, применение такого рода нечистоплотных полемических приемов не может не характеризовать определенным образом всю работу П.С. Стефановича.

Таким образом, И.Я. Фроянов и А.В. Майоров писали в рамках «своего» историографического направления — направления, представленного целой плеядой замечательных ученых (а вовсе не какими-то безликими «славянофилами») ³⁷. И это — их полное право. Точно так же, как и право П.С. Стефановича — писать в рамках «своего» направления, которое, впрочем, как выше уже было отмечено, переживает сейчас серьезный концептуальный кризис и, на наш взгляд, имеет куда меньше историографических перспектив, чем направление, критикуемое П.С. Стефановичем.

Каково бы, однако, ни было соотношение этих двух историографических направлений, критиковать ученого за то, что он принадлежит к определенному историографическому направлению (иному, чем «критик»), на наш взгляд, совершенно некорректно. Спорить надо с аргументами, а не с именами.

После всего сказанного особенно странно выглядит указание П.С. Стефановича на то, что историографический обзор проблемы социально-политического устройства Галицко-Волынской Руси, выполненный А.В. Майоровым, «несколько односторонний» ³⁸, при том, что А.В. Майоров никого из своих оппонентов в «маргинальности» не обвинял в отличие от П.С. Стефановича ³⁹.

Подобное отношение к историографии не позволяет, на наш взгляд, П.С. Стефановичу верно определить место своей работы и содержащихся в ней наблюдений в историографическом контексте. Многие конкретные наблюдения Н.П. Дашкевича и следовавших за ним (отчасти) М.С. Грушевского и Б.А. Рыбакова, а ныне П.С. Стефановича, представляют несомненный исследовательский интерес и вполне обоснованы показаниями источников ⁴⁰, однако, вопреки П.С. Стефановичу, они нисколько не противоречат общей концепции общественно-политического устройства Галицко-Волынской Руси, нарисованной в работах И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, Т.В. Беликовой, С.С. Пашина и А.В. Майорова. Бояре, бывшие, как показали работы названных ученых, в домонгольское время не столько крупными землевладельцами, сколько лидерами городских вечевых общин, выражали, в первую очередь, интересы соответствующих общин (что, впрочем, не означает того, что у них не было собственных корпоративных интересов, которые по мере социальной дифференциации общества усиливались. Однако в домонгольское время этот процесс не достиг еще критической фазы, при которой боярство полностью отрывалось от общины и превращалось в правящее сословие). Отсюда и их сплоченность и единство политических интересов и препятствие дроблению земли (бояре и община главных городов не желали обособления пригородов).

Характеризуя социально-политическое устройство древнерусских волостей, А.В. Журавель недавно отметил, что «княжеская власть в волости (*княжение*) была ограничена народным собранием (*вечем*), в котором имели право участвовать все свободные граждане данной общины (*люди*), в том числе и знать (*бояре*), часть которой служила непосредственно князю, часть оставалась, так сказать, земской и возглавляла более мелкие территориальные образования (*концы*). Поэтому древнерусские земли неправильно именовать «княжествами» — не только потому, что такой термин не известен древнерусским источникам, но и потому, что не соответствует сути дела.

Территориальное управление обширными древнерусскими землями осуществлялось аналогично вышесказанному. Князь давал в держание своим младшим родственникам и своим боярам отдельные волости, причем младшие князья обычно садились в пригородах, т.е. в прочих городах данной земли (в Новгороде Северском, Курске, Путивле, Трубчевске и пр. — в Черниговской земле; в Торопце, Дорогобуже — в Смоленской; в Луцке, Пересопнице, другом Дорогобуже — в Волынской и т.д.). Факты такого рода и служат одним из важнейших оснований «феодальной» концепции, хотя сама по себе передача «волости» — в древнерусском, а не современном значении этого слова — из рук князя в руки подчиненного ему князя или боярина ничего не меняет по существу: последние остаются лишь посадниками, т.е. исполнителями воли пославшего их князя и, исполняя общественно необходимые административные и судебные функции, лишь «кормятся» за счет местного населения, с которым вступают в те же отношения, что и в центре посадивший их князь.

Вокняжение нового князя влекло за собой в подавляющем большинстве случаев и новое перераспределение волостей. Бояр, кому удавалось сменить «хозяина» и сохранить за собой прежнее держание, было сравнительно немного. Но даже если принять за верное, что некоторые волости действительно переходили в наследственное держание и в них развивались феодальные отношения, то это вовсе не означает, что на Руси утвердился феодализм: в это же время интенсивно развивалось и рабовладение, что само по себе не основание для суждений о рабовладельческом характере древнерусского общества. Это говорит лишь об имеющихся в данное время тенденциях развития⁴¹.

Таким образом, построения И.Я. Фроянова и его учеников, с одной стороны, и Н.П. Дашкевича и П.С. Стефановича, с другой, прекрасно стыкуются друг с другом и хорошо объясняют все особенности положения галицкого и волынского боярства, что явля-

ется ключом ко многим до конца еще не проясненным вопросам, связанным с социально-политическим устройством Древней Руси в целом и Галицкой и Волынской земель, в частности.

При этом характерно, что П.С. Стефанович фактически отходит от построений А.А. Горского, видевшего в древнерусских боярах лишь княжьих людей⁴², и приходит вслед за Н.П. Дашкевичем к выводу о существовании «в Галиче класса «местных бояр», подобных новгородским (добавим — не только новгородским)»⁴³, откуда шаг до столь нелюбимой им «общинно-вечевой теории И.Я. Фроянова» и бояр — общинных лидеров⁴⁴.

Хочется надеяться, что при написании второй части своей работы⁴⁵ П.С. Стефанович окажется внимательнее к историографическому контексту, теоретическим вопросам и построениям своих оппонентов, положения которых, зачастую, гораздо ближе стоят к его собственным выводам, чем ему кажется.

-
- 1 Петров А.В. Новгородские усабицы: Возникновение и разрешение общественных конфликтов в вечевом городе (к изучению древнерусского народоправства). Автореферат дисс... докт... наук. СПб., 2004.— С. 5–6.
  - 2 Стефанович П.С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2007.— С. 120–220.
  - 3 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 120–220.
  - 4 Жих М.И. О региональном политогенезе в Киевской Руси (к постановке проблемы) // Український історичний збірник / Редакційна колегія: Т.В. Чухліб (отв. ред) и др.— Вып. 12.— Київ, 2009.— С. 42–48.
  - 5 См. например: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003; Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004; Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009; и др.
  - 6 Жих М.И. Указ. соч.
  - 7 Оно присутствует даже в названии его работы.
  - 8 Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 1400, 1404.
  - 9 Жих М.И. Указ. соч.— С. 48. Примеч. 27.
  - 10 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 138.
  - 11 Их конкретное содержание является дискуссионным (см.: Журавель А.В. С.В. Юшков — наш современник // Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (154). К истории горного дела. М., 2003.— С. 339–340; Горский А.А. Земли и волости // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. С. 9–32; Жих М.И. О понятиях волость и земля в Древней Руси (предварительные замечания) // Славянские Чтения, посвященные Дню свв. Кирилла и Мефодия: Материалы IX и X конференций студентов, аспирантов и молодых ученых.

Санкт-Петербург, 20–21 мая 2007 года. Санкт-Петербург, 25–26 мая 2008 года / Отв. ред. В.А. Якубский. СПб., 2010), однако это в любом случае реальные исторично-понятийные и противопоставлять их «кабинетному» княжеству, а уж тем более предпочитать им его совершенно недопустимо.

- 12 Это уже было отмечено П.П.Толочко: Толочко П.П. О «крамоле безбожных бояр галицких» // Київ и Русь. Вибрані твори 1998–2008.— Київ, 2008.— С. 331–332.
- 13 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 220.
- 14 По верному замечанию А.В. Журавеля, «Вопрос о политической роли боярства традиционно является ведущим при изучении истории Юго-Западной Руси» (Журавель А.В. О школе И.Я. Фроянова. Размышления о будущем: <http://www.hrono.ru/statii/2003/shkola.html>).
- 15 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 220.
- 16 При этом П.С. Стефанович, как указал П.П.Толочко, не учитывает того, что впоследствии сходные мысли высказывал и Б.А. Рыбаков (Толочко П.П. Указ. соч. С. 333. Ср.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.— С. 477).
- 17 При этом, П.С.Стефанович несколько упрощает дело и не учитывает того, что взгляды М.С.Грушевского на роль галицкого и волынского боярства были несколько более сложны, чем то получается в его «линейной» историографической схеме (Толочко П.П. Указ. соч.— С. 332–333), а заодно и необоснованно обрушивается на В.Т. Пашуто, заимствовавшего, якобы многие положения у М.С.Грушевского, но при этом практически не ссылавшегося на него (Там же. С. 332).
- 18 Что касается дореволюционной и советской историографии, то её привлечение в рассматриваемой работе отличается сугубой избирательностью. Рассматривая тот или иной летописный сюжет, П.С. Стефанович всегда приводит лишь некоторые произвольно отобранные мнения некоторых историков, рассматривавших его прежде.
- 19 Пашин С.С. Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси XI–XV вв. Л., 1986; Беликова Т.В. Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI — начале XIII в. Л., 1990.
- 20 Лукин П.В. Деконструкция деконструкции. О книге Т.Л.Вилкул по истории древнерусского веча [Pavel V. Lukin, Deconstruction of Deconstruction. About the Book by Tatyana L. Vilkul on the History of the Old Rus' Veche (Political Assembly)] // *Scrinium. T. : Patrologia Pacifica and Other Patristic Studies / Edited by V. Baranov and B. Lourié.* СПб. Аxiōma, 2008.— С. 406.
- 21 Выше уже были приведены, отмеченные П.П.Толочко, примеры искажения П.С. Стефановичем историографического процесса (см.: примеч. 15, 16), но по сравнению с тем, о чем у нас пойдет сейчас речь, они являются менее значительными.
- 22 Петров А.В. К вопросу о характере и итогах социально-политического развития Великого Новгорода в XI–XV вв. Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России: Материалы Международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. Ч. 1 / Сост. Д.Б.Терешкина, Г.М.Коваленко, С.В. Трояновский, Т.Л. Каминская, К.Ф. Завершинский; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009.— С. 13.
- 23 Беляев И.Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. Нам совершенно непонятно, почему П.В.Лукин называет «автором» «земско-вечевой или общинно-вечевой теории» В.И.Сергеевича (Лукин П.В. Вече: социальный состав // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. С. 34), бывшего учеником И.Д. Беляева и лишь развившего его концепцию.

- 24 См. например: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907; Градовский А.Д. Государственный строй Древней Руси. СПб., 1868; Сергеевич В.И. Вече и князь. М., 1867; Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времён. Ч. I. М., 1908; Корф С.А. История русской государственности. Т. I. СПб., 1908; Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1903; Пасек В.В. Княжеская и докняжеская Русь // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 3; Самоквасов Д.Я. Древние города России. СПб., 1873; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1987; Пресняков А.Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005; др.
- 25 См. например: Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Т. 1. Пг.; М., 1918; Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1924; Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1–2: От древнейших времён до конца XIX столетия. М.; Л., 1931 (и любое предшествующее издание); Юшков С.В. Феодалные отношения и Киевская Русь. Саратов, 1925; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. 2-е изд. Т. 1: Докапиталистические формации. Б. м., 1950. — С. 83–106.
- 26 См. например: Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996.
- 27 Разумеется, речь идёт не о механическом возрождении дореволюционной концепции, а о восстановлении её в науке на качественно новом уровне с учетом всех достижений советской историографии. О последнем аспекте см.: Алексеев Ю.Г., Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я.Фроянова // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию проф. И.Я.Фроянова. — М., 2006. — С. 3–23.
- 28 Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. Т. 103; его же. Псковская Судная грамота и её время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.
- 29 Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; его же. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; его же. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. Л., 1990; его же. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992; его же. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; его же. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996; его же. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. Работы разных лет. СПб., 1997.
- 30 Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск, 1995; его же. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине

XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003; Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003; и др.

- 31 Майоров А.В. Указ. соч.
- 32 Стефанович П.С. Указ. соч. С. 139. Ранее П.С. Стефанович отметил, что «А.В. Майоров вслед за И.Я. Фрояновым пытается оживить старые теории русской дореволюционной науки о «земских боярах» и «общинном укладе»» (Там же. С. 138), но о том, кто в дореволюционной историографии придерживался этой концепции (а это весь цвет нашей исторической науки), равно как и о том, что она была в 30-е гг. XX в. искусственно и под воздействием, во-многом, венаучных причин оборвана (и ей на смену пришла теория «феодалных княжеств», которой, пусть и в сильно «смягчённом» виде придерживается сам П.С. Стефанович, что выше было уже отмечено), он умалчивает.
- 33 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 139.
- 34 Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2004.— С. 332.
- 35 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 131. Примеч. 17, 18.
- 36 При этом нельзя не отметить какую-то совершенно иррациональную неприязнь П.С. Стефановича к И.Я. Фроянову и ученым его школы. В.В. Пузанов недавно справедливо заметил, характеризуя рецензию П.В. Лукина и П.С. Стефановича на «Домонгольскую Русь» М.Б. Свердлова (Лукин П.В., Стефанович П.С. [Рецензия на: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь.] // Средневековая Русь. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2006. С. 371, 382, 386, 390, 392, 400): «Следует отдать должное авторам рецензии, взявшим на себя труд прочесть и проанализировать весьма объемное и трудно читаемое сочинение. Рецензия в целом имеет критическую направленность. Создается впечатление, что основная (если, практически, не вся) заслуга М.Б. Свердлова, с точки зрения рецензентов, заключается в том, что он «совершенно справедливо», «очень дельно», «по существу», «критикует фантастические», «противоречащие источнику и здравому смыслу» «построения И.Я. Фроянова»» (Пузанов В.В. Древнерусская государственность. С. 47–48. Примеч. 128).
- 37 Можно, конечно, как это делает М.Б. Свердлов, начать рассуждать о том, что все историки, разделявшие, в том или ином виде, в разное время «общинно-вечевую теорию» были предельно политизированы, либо находились под влиянием какой-то идеологии (см.: Свердлов М.Б. Современные проблемы изучения генезиса феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. 1985. № 11; его же. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996) или как П.В. Лукин порассуждать о влиянии на них европейской историографии (см. например: Лукин П.В. Разрушение домов в средневековом Новгороде как правовая традиция // Новгородика — 2008. С. 155–157). Это всё так: могла быть и политизация (а что у их оппонентов и у сторонников «феодалной концепции» её не было — ?!) определённая и влияние западной историографии, но тем не менее факт остаётся фактом: все крупнейшие учёные рубежа XIX–XX вв., так или иначе, разделяли то, что П.С. Стефанович называет ныне «общинно-вечевой теорией И.Я. Фроянова» (Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 137).
- 38 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 124. Примеч. 6.
- 39 При этом сам П.С. Стефанович признает, что историографический обзор А.В. Майорова является на сегодняшний момент фактически лучшим по данной теме (Там же). В целом об отношении П.С. Стефановича к историографии уже говорилось выше.
- 40 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 143–220.

- 41 Журавель А.В. От государства к волости: <http://www.hrono.ru/statii/2003/volost.html>.
- 42 Горский А.А. Указ. соч.— С. 106–109.
- 43 Стефанович П.С. Указ. соч.— С. 218. Ср.: Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 25.
- 44 О «княжеских» и «земских» боярах в Галицкой и Волынской землях см.: Несин М.А. Галицкое вече в событиях 1187–1188 гг. // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинёв]. 2009. № 3 (17). С. 32–46; его же. Галицкое вече при Ярославле Осмомысле (в печати).
- 45 А оно в конце рассматриваемого исследования заявлено: «Анализ источников по истории Галицкого и Волынского княжеств в первой половине XIII в. должны подтвердить как эти выводы так и последнее предположение» (Стефанович П.С. Указ. соч. С. 220).

С.В. Пронкин

«ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация.** В статье представлен опыт историографического изучения написанного М.М.Сперанским «Введения к Уложению государственных законов». Рассмотрены существовавшие подходы к анализу этого конституционного проекта, намечены новые вопросы в его изучении.*

***Ключевые слова:** российское законодательство, конституционные проекты, отечественная историография, М.М.Сперанский.*

***Summary.** In the article there is an attempt of the historiography study of the Speransky's "Introduction to the Code of State Legislation". The author shows the existed approaches to the analysis of this constitutional project, marks the new questions of its study.*

***Keywords:** Russian legislation, constitutional projects, native historiography, М.М. Speransky.*

В конце 2009 г. исполнилось двести лет со времени написания М.М. Сперанским «Введения к Уложению государственных законов» (далее — «Введение» или «План») — одного из наиболее известных и масштабных конституционных проектов в истории России.¹ За это время он неоднократно становился предметом научных изысканий, но, несмотря на возникшую солидную историографию, многие связанные с ним вопросы продолжают оставаться предметом научных дискуссий. Во многом это объясняется характером документа и обстоятельствами его появления. В распоряжении историков нет записей тех бесед Александра I и его статс-секретаря, в ходе которых обсуждались подробности «Плана», что усложняет понимание политических намерений авторов проекта, характера их «соучастия» в нём. В самом «Плане» Сперанский предложил импе-

ратору выбрать в качестве цели реформы между действительным и мнимым ограничением самодержавия. Это даёт повод заподозрить Сперанского в симпатиях именно к лжеконституционным формам, отрицать конституционный характер его проекта.

«Введение» не сразу стало предметом научных исследований, так как разрабатывалось в обстановке строгой секретности, окружавшая его таинственность сохранилась и при Николае I. В подобной общественно-политической реальности специальные научные исследования проекта не могли быть предприняты, само его существование благонамеренно игнорировалось. Но отрывочные сведения о «Введении» всё-таки получили огласку. Более того, доступ к документам Сперанского получили некоторые должностные лица, среди которых оказался будущий декабрист Н.И. Тургенев. Эмигрировав, он в 1847 г. опубликовал на французском языке книгу «Россия и русские», которая, среди прочего, содержала краткий очерк о Сперанском, «экстракты» из конституционного проекта и «Пермского письма», разъяснявшего обстоятельства его составления.² В течение нескольких десятилетий именно данная публикация использовалась исследователями для изучения «Введения», но позже выяснилось, что она заметно отличалась от аутентичного текста проекта, являлась компиляцией, соединившей несколько документов, в том числе ошибочно приписанных публикатором Сперанскому.³ В результате первые исследователи проблемы получили искажённое представление о подлинном содержании «Плана».⁴

Научная разработка проблемы стала возможна только после крушения николаевского режима, когда не только заметно ослабли цензурные ограничения, но и стремительно вырос научный и общественный интерес к предшествующему опыту государственных преобразований. Однако возможности изучения проекта 1809 г. оставались ограниченными. Широкий доступ к архивным материалам получили только отдельные, близкие власти историки (М.А. Корф, Н.К. Шильдер, В.Г. Щеглов), большинству же представителей научного сообщества приходилось обращаться к опубликованным документам. Это объясняет «юридический уклон» многих работ. Сохранялись и цензурные ограничения.

Первым развёрнутый очерк биографии Сперанского дал М.Н. Лонгинов.⁵ Но подлинным пионером её изучения следует считать М.А. Корфа, хорошо знавшего данного государственного деятеля лично. По широте привлечённых источников, критическому их осмыслению, литературным достоинствам его монография стала событием в небогатой тогда отечественной историографии. Не только цензура, но и самоцензура заставили исследователя ограничиться только указанием на само существование конституцион-

ного проекта и его самой общей оценкой. «Колоссален был этот план, исполнен смелости как по основной своей идее, так и в подробностях развития», — писал он, признавая одновременно его несовременным и кабинетным.⁶

Монография Корфа, появившаяся в знаменательном 1861 г., была «прочитана почти всеми образованными людьми».⁷ Она стала предметом острой дискуссии, подтекстом которой было столкновение различных концепций реформирования России. Так, критически отнёсся к намерению Сперанского реформировать государственный строй России сверху, опираясь на монарха, Н.Г. Чернышевский.⁸ Историки и публицисты стали широко использовать помещённые в труде Корфа документальные материалы, но на сам конституционный проект продолжало сохраняться «табу».

Лонгинов и Корф только указали на факт существования «Плана» 1809 г. Поэтому первым анализ его содержания произвёл, используя публикацию Тургенева, А.Н. Пыпин.⁹ Наряду с масштабностью плана историк увидел в нём и другие сильные стороны. К таковым он отнёс свободу, с которой автор излагал свои политические взгляды, смелость в критике пороков существовавшего в России государственного строя.

Корф и Пыпин наметили два направления исследований «Введения», которые условно можно обозначить как «позитивное» и «критическое» (скептическое) в отношении Сперанского и его труда. Данные направления стали традиционными для историографии проблемы, в общих чертах они сохраняются до настоящего времени. Проект 1809 г. относится к той категории документов, при анализе которых не могут в какой-то степени не сказываться политические симпатии исследователей. Поэтому к первому направлению принадлежали преимущественно приверженцы «передовых» взглядов (М.В. Довнар-Запольский, А.А. Кизеветтер, С.Г. Сватиков, В.И. Семевский, А.Н. Фатеев, С.Н. Южаков, В.Е. Якушкин и другие), ко второму — тяготевшие к консерватизму (М.И. Богданович, М.М. Бородкин, Б.Б. Глинский, Ю. Карцов и К. Военский, М.П. Погодин, А.В. Романович-Славатинский, С.М. Середонин, Ф.М. Уманец, Н.К. Шильдер и другие).¹⁰ В начале XX в. с критикой проекта выступили представители различных оттенков левого радикализма, включая марксизм, для которых «Введение» стало документом, критикуя который, они критиковали современную им политическую действительность.¹¹ Для них неприемлемой была идея октроированной конституции, заложенная в «Плане» 1809 г. и реализованная в 1905–1906 гг. Согласно известной мысли о сближении крайностей, левые «иконоборцы» фактическим сомкнулись с консервативными скептиками. Одновременно приверженцы ле-

вых взглядов, призывая к «научному реализму», стали широко, но упрощённо использовать классовый подход в анализе внутренней политики России начала XIX в., что вызвало справедливую критику А.А. Кизеветтера, протестовавшего против подобной вульгаризации науки (речь шла о М.Н. Покровском), превращения её «в служанку политики».¹²

Впрочем, на практике грань между обозначенными историографическими направлениями является зыбкой и условной. Крайние оценки «Введения» в научной литературе встречались (и встречаются) редко, большинство историков сочетает критику одних его положений с положительной оценкой других. И достоинства, и недостатки «Плана» настолько очевидны, что их не может игнорировать ни один внимательный исследователь. Поэтому однозначно идентифицировать конкретную работу как «критическую» или «позитивную» затруднительно, многие из них принадлежат, так сказать, к «среднему» направлению. Таковой, например, являлась монография А.Э. Нольде, ставшая итоговой для дореволюционной историографии, но опубликованная недавно.¹³

В дореволюционный период внимание исследователей к конституционному проекту 1809 г. то усиливалось, то несколько ослабевало, но всё-таки данная проблема оставалась одной из наиболее востребованных. Свою оценку «Введения» дали не только исследователи политической истории России начала XIX в., но и авторы общих учебных курсов, принадлежавшие к числу наиболее крупных представителей исторической науки того времени.¹⁴

Советские историки стремились к новой концептуальной оценке «Введения», но на деле мало преуспели в этом, в изменённом виде в историографии продолжали сохраняться два её ставших традиционными направления. Изменения же заключались в том, что преобладание положительных оценок «Плана», характерное для дореволюционного периода, сменилось доминированием критических мнений о нём. Постепенно руководящим началом для советских историков стали оценки правительственного либерализма в России, данные В.И. Лениным, который считал его неискренним, вынужденным, половинчатым. «Монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых», — писал он. Низко оценивал Ленин и возможные последствия подобного конституционализма, считая, что «представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле ... является совещательным собранием...».¹⁵ В результате мнение о «заигрывании» Александра I с либерализмом и о совещательном характере проектировавшихся представительных учреждений постепенно приобрело для большинства со-

ветских историков значимость идеологической аксиомы. При этом сам Сперанский как государственный деятель обычно оценивался достаточно высоко.

Ранее начатую критику конституционализма Александра I продолжил М.Н. Покровский. Теперь он анализировал политические процессы начала XIX в. согласно известной теории «торгового капитала». Влияние данной теории заметно в трудах С.В. Вознесенского и Н.А. Рожкова.¹⁶ Критическое направление советской историографии 20–30-х гг. представлял также И. Барер.¹⁷ Но существовало и другое течение, к которому принадлежали те историки, которые, соблюдая неизбежные идеологические формальности, не стремились быть «святое папы», внутренне, видимо, не принимая набиравшую силу догматизацию науки. Открыто не заявляя об этом, они генетически были связаны если не с позитивным направлением дореволюционной историографии, которое теперь стало трактоваться как буржуазно-либеральное, то со «средним». Основоположником данного научного направления стал А.Е. Пресняков, органически принадлежавший к дореволюционной исследовательской культуре. К нему принадлежали Б.И. Сыромятников и В.И. Пичета, также начавшие свою научную деятельность в дореволюционный период.¹⁸

Постепенно интерес к проекту 1809 г. среди советских историков стал угасать. Причина, думается, заключалась не только в достаточной изученности вопроса, но и в идеологических ограничениях. Проблема конституционализма и законности как принципов, отличающих «правильный» государственный строй от деспотизма, политически была очень уязвима. Не внесло положительных изменений в исследование проблемы осуждение в конце 30-х гг. «школы Покровского». Высказывая несогласие с мнением Покровского о Сперанском как о «буржуазном революционере», который, правда, был очень далёк от идеи насильственного переворота, его критики слишком резко «переложили руль». Теперь следовало ещё в большей степени акцентировать ограниченность и половинчатость предложенных преобразований, в чём советские историки всё более сближались с представителями дореволюционной «критической» историографии. Сперанский отнюдь не выражал интересы промышленного капитала, писал Н.М. Дружинин, его проект — «типичная попытка дворянского самодержавия руками «гениального секретаря» Александра I подновить шатающееся здание империи».¹⁹ С конца 30-х и до середины 50-х гг. историография правительственного конституционализма начала XIX в. ограничивалась преимущественно учебной литературой, а также рядом диссертаций.²⁰

«Оттепель», последовавшая за смертью И.В. Сталина, по своему воздействию на историографию походила на ту «оттепель», которая была связана со смертью Николая I. Впрочем, имелись и различия. С одной стороны, стали доступнее архивные материалы, что открывало для советских историков совершенно новые исследовательские возможности. С другой,— до самой «перестройки» они не обладали той степенью идеологической свободы, которой пользовались исследователи второй половины XIX — начала XX вв. Поэтому значительное число появившихся в последний период существования советской историографии работ продолжало относиться к её критическому или «среднему» направлениям. Отойдя от догматических крайностей, их авторы не могли или не смогли освободиться от самого догматизма. Внимание исследователей, например, привлекала такая сугубо догматическая проблема, как классовый смысл «Плана» — интересы какой общественной группы (дворянства или буржуазии) он отражал? Такое двойственное впечатление производит классическая монография А.В. Предтеченского.²¹ Традиции критического направления продолжил позже В.А. Калягин.²² Но в историографии 70-х — начала 80-х гг. наметилась тенденция к смягчению оценок правительственного либерализма начала XIX в.²³ Появились первые исследования, посвящённые историографии проблемы.²⁴

Наиболее благоприятные условия для изучения проекта 1809 г. возникли в конце 80-х гг. прошлого века. «Перестройка» соединила два необходимых для этого фактора: возможность действительно объективного исследования вопроса и общественный интерес к нему. В определённой мере были воспроизведёны условия существования историографии начала XX в., вновь в освещении «Введения» стали доминировать позитивные или «средние» оценки.²⁵ Преобладание позитивных оценок «Введения» не привело к исчезновению негативных, соединивших подходы не только дореволюционных, но и советских критиков правительственного конституционализма эпохи Александра I. В публицистической форме с резкой критикой Сперанского выступила Г.Д. Макеева.²⁶

Итак, исследование конституционного проекта 1809 г. имеет длительную, насчитывающую сто пятьдесят лет, традицию. За это время историки попытались дать ответ на три связанными с ним вопроса: политико-юридическое содержание «Введения», причины его составления и обстоятельства, помешавшие реализации. Ответы на них во многом зависят от принадлежности автора к сложившимся историографическим направлениям. В данной статье подводятся некоторые итоги изучения двух последних проблем.²⁷

Первым причины возникновения феномена правительственного конституционализма начала XIX в. попытался сформулировать М.А. Корф. Главной из них он посчитал свойственные эпохе либеральные увлечения, имевшие не отечественные, а иноземные корни. Влияния данных увлечений не избежали и император Александр Павлович, и Сперанский. Конкретную причину составления «Плана» Корф увидел в франкофонстве Сперанского. Автор полагал, что после полученных в Эрфурте впечатлений у него сложился крайне критический взгляд на российскую действительность, утвердилось желание всё переделать, а новое служебное положение, милость монарха, вдохнули в него решимость и отвагу. «Наполеон и политическая система Франции совершенно поработили воображение и все помыслы молодого преобразователя», — заключал Корф.²⁸ Но постепенно исследователи-скептики стали вырабатывать более широкий взгляд на проблему, отказавшись связывать появление «Плана» исключительно с либеральными иллюзиями эпохи. Так, Н.Ф. Дубровин указал на связь «Введения» с неудовлетворительными последствиями министерской реформы, Э.Н. Берендтс — с таким же состоянием сферы законности и законодательства, С.М. Середонин — с предшествующими попытками ограничения самодержавия.²⁹ Но А.Э. Нольде откровенно признался, что затрудняется объяснить мотивы поведения Александра I, допуская в качестве такового даже его каприз.³⁰

Несколько отличный взгляд на причины разработки «Введения» был присущ позитивной историографии. Это отличие заключалось не в диаметрально противоположных, сравнительно с историками-критиками, оценках, но скорее в нюансах, оттенках. Для большинства историков, независимо от их «партийной принадлежности», комплекс причин появления конституционного плана постепенно прояснялся. Разногласия, за некоторым исключением, заключались не в отрицании или, напротив, признании существования тех или иных условий появления «Введения», но в ранжировании их на главные и второстепенные, случайные и закономерные.

Первым «позитивную» версию причин конституционных устремлений начала XIX в. сформулировал А.Н. Пыпин.³¹ Как и другие исследователи, он не мог не обнаружить связь между «Введением» и юношескими идеалами императора, но «стратегическое основание» либеральных проектов того времени видел в другом — в развитии самого общества, в высших слоях которого стало пробуждаться политическое сознание. Другой значимой причиной возникавших либеральных замыслов автор признал российскую действительность, которая страдала многими очевидными недостатками. Так, правление Павла I не могло не указать на необхо-

димось поставить власти монарха известные пределы. Историк, признав влияние на Александра Павловича и Сперанского французской административно-политической системы, не стал преувеличивать его, близкое общение с Наполеоном стало только поводом к преобразованиям, истинные причины которых были глубже и принципиальнее. Аналогично смотрел на истоки «Введения» В.И. Семевский.³² А.А. Кизеветтер и А.А. Корнилов указали на конкретный повод к началу работы над ним — Тильзитский мир, вызвавший заметное общественное недовольство. Замышляемые реформы должны были снять с правительства часть политической ответственности за положение дел и одновременно вернуть Александру I былую популярность.³³

Если консерваторы отдавали приоритет субъективным причинам появления «Введения», либералы — субъективным и объективным одновременно, то историки, придерживавшиеся левых взглядов, призывали не преувеличивать роль личностного фактора в истории. После деспотического правления Павла I, полагал С.П. Мельгунов, русское дворянство не хотело новых проявлений самодержавного деспотизма, с чем должна была считаться верховная власть. Конституционные же симпатии Александра исследователь считал всего лишь «одной из многочисленных поз», которые принимал склонный к политическому лицедейству император.³⁴ Столь же резко оценил личность и политику Александра I В.Н. Сторожев.³⁵ М.Н. Покровский не стал игнорировать значимость политических увлечений Александра I, но приоритетными для объяснения причин появления «Введения» также посчитал объективные факторы: последствия, с одной стороны, правления Павла I, с другой, — Тильзитского мира, вызвавшего недовольство не только дворянства, но и более широких кругов.³⁶

После Октябрьской революции Покровский стал усматривать в сложившейся после Тильзита общественно-политической обстановке конфликт между аграрным и торгово-промышленным капиталом. Континентальная блокада больно ударила по интересам крупного землевладения, поэтому Александр Павлович попытался опереться на выигравший от неё капитал торгово-промышленный, представителем которого историк посчитал Сперанского. Столь же схематично, но несколько иначе смотрели на проблему Н.А. Рожков и С.В. Вознесенский, видевшие намерения Александра I не столько в сближении с буржуазией, слишком слабой в то время, сколько в примирении с недовольным дворянством.³⁷ С.Б. Окунь объяснил либерализм императора попыткой борьбы с идеологией французской революции методом перехватывания её отдельных лозунгов.³⁸ Напротив, близкий позитивному направлению исто-

риографии А.Е. Пресняков не считал составление «Плана» следствием политической конъюнктуры. Он указал на распространение среди дворянской элиты того времени, к которой принадлежал сам Александр I, просветительской идеологии, на неудовлетворённость императора последствиями министерской реформы, приведшей к бюрократизации управления.³⁹

А.В. Предтеченский в своём анализе причин составления «Введения» соединил «платформы» Покровского и Преснякова. Как и первый, он увидел связь нового всплеска преобразований с последствиями Тильзитского мира. Как и второй, он обнаружил в намеченных реформах и внутривластные причины, неудовлетворённость императора результатами предшествующих преобразований. Но в своих итоговых выводах Предтеченский оказался ближе к Покровскому.⁴⁰ Не верил в искренность либерализма Александра I А.П. Бажов. Он полагал, что истинным намерением императора было укрепление самодержавия, но, наученный горьким опытом своего отца, Александр Павлович действовал тоньше, «не прочь был покрасоваться либеральной фразой».⁴¹

Современные исследователи продолжили выявление комплекса причин составления «Введения». В.А. Томсинов сдержан в оценке реформаторского потенциала Александра I, считает его либерализм в значительной мере вынужденным.⁴² Но большинство исследователей считает молодого императора искренним приверженцем либеральных идей. Но почему конституционный проект возник после Тильзита? А.А. Левандовский предположил, что на этот шаг Александр пошёл не из-за испуга или либеральных мечтаний, но из государственных соображений. Император решил уравновесить влияние на верховную власть придворных кругов, высшей бюрократии и гвардии выборными представителями населения, он намеревался не угодить элите, а противостоять ей.⁴³

Нет среди исследователей единства и в оценке степени участия императора Александра I и Сперанского в составлении «Введения». Обстоятельства его написания Сперанский изложил в «Пермском письме», где утверждал, что только суммировал те мысли, которое излагал в доверительных беседах с ним сам император, хотя и не скрывал, что вполне разделял эти идеи. С подобным распределением ролей согласились Н.И. Тургенев, В.И. Сергеевич, Н.К.Шильдер, В.Г. Щеглов, Ф.М. Уманец, А.Н. Фатеев, С.М. Середонин. Тургенев, например, полагал, что в противном случае «малодушие Сперанского» не позволило бы ему высказаться столь смело, а Середонин, — что Александр Павлович нуждался не столько в советнике, «сколько в редакторе своих мыслей».⁴⁴ А.А. Корнилов, отводивший Сперанскому более активную роль, всё-таки

объяснил радикализм проекта позицией императора, которая заставила Сперанского отказаться от свойственного его ранним запискам пессимизма в оценке готовности России к представительным учреждениям.⁴⁵ Критически оценивали значимость Сперанского многие сторонники левых идей. М.Н. Покровский первоначально видел в Сперанском политического руководителя Александра I, но затем стал рассматривать его как «гениального секретаря».⁴⁶ Эту формулировку повторил В.Н. Сторожев.⁴⁷ Н.А. Рожков уже прямо объявил ушедшим в прошлое мнение о Сперанском как о крайнем либерале и авторе конституционных проектов. На деле же он был всего лишь «хорошим исполнителем, практиком, дельцом на все руки, великолепным стилистом и секретарём, превосходно излагавшим чужие мысли».⁴⁸

Иного взгляда придерживался А.Н. Пыпин. Историк признавал, что инициатором составления «Плана» был император, но не соглашался видеть в Сперанском простого систематизатора мнений Александра. По его мнению, в работе отразилась целостная и заранее обдуманная Сперанским система.⁴⁹ С этим был солидарен В.И. Семевский, считавший, что в «Пермском письме» Сперанский был заинтересован представить себя исполнителем воли и предначертаний Александра Павловича, который в действительности, не обладал серьёзной подготовкой для того, чтобы практически участвовать в работе над «Введением».⁵⁰ Близко смотрели на взаимоотношения Александра I и Сперанского С.П. Мельгунов, Э.Н. Берендтс, С.Ф. Платонов.⁵¹ Сперанский «облекал в законченные и убедительные формулы неясные и общие «идеи» императора», — позже писал Б.И. Сыромятников.⁵²

Компромиссным представляется мнение Н.О. Куплеваского. Он полагал, что проект в равной степени отражал политические взгляды и монарха, и его статс-секретаря, которые явились полноправными соавторами «Плана».⁵³ Признают данный проект произведением двух авторов современные исследователи С.В. Мироненко и С.А. Чибиряев, но последний всё-таки отдаёт приоритет Сперанскому.⁵⁴

Попытаемся суммировать и дать оценку выказанным в историографии версиям причин составления проекта. Безусловно, правы те историки, которые отказываются признать составление «Введения» явлением случайным, объясняемым либеральными увлечениями Александра I и Сперанского. На путь административно-политических реформ их подталкивал негативный опыт государственного управления, в том числе трагическая судьба Павла I. Результатом данного опыта и общественного прогресса России стало достаточно широкое распространение среди части административной и интеллек-

туальной элиты империи, к которой принадлежали Александр I и Сперанский, передовых политических идей. Вместе с тем нельзя преувеличивать закономерность составления «Введения», положения которого на столетие опередили действительный политический прогресс России. Представляется, что инициатором составления конституционного проекта был Александр I, и Сперанский в «Пермском письме» достаточно верно изложил обстоятельства его составления. Обращаясь к Александру I, он не решился бы заметно исказить картину их совместной работы. Сперанский мог советовать монарху, действовать внушением, воодушевлять, подталкивать его, но основные политические идеи он должен был получить именно от Александра Павловича. Составление «Введения» в некоторой степени было связано с Тильзитским миром и Эрфуртским свиданием. Мир позволил Александру I вернуться, критически переосмыслив их, к либеральным реформам первых лет своего правления. Эрфуртское свидание, скрытая ревность к славе Наполеона — не полководца, но администратора и законодателя, усилило свойственное Александру Павловичу самолюбие. Во «Введении» он стремился не копировать институты наполеоновской Франции, построенные на системе «административной опеки», но превзойти их.

Некоторые расхождения наблюдаются и в анализе историками причин неудачи конституционного замысла 1809 г. Представители консервативно-критического направления историографии считали подобный исход неизбежным, т.к. Россия была совершенно не готова к восприятию заложенных во «Введении» идей. М.А. Корф полагал, что планы Сперанского опережали «возраст народа», степень его образованности и самодеятельности, поэтому реформатор «строил без фундамента». ⁵⁵ «Великим искусственным зданием», утопичным, мечтательным признали проект Сперанского не только М.И. Богданович, М.П. Погодин, А.В. Романович-Славатинский, великий князь Николай Михайлович, но и В.О. Ключевский. ⁵⁶

Свою роль в провале попытки конституционной реформы, по солидарному мнению «критиков», сыграли характер и способы действия её инициаторов и проводников — Александра I и Сперанского. Разница в подходах заключалась в том, что одни исследователи возлагали ответственность за провал на обоих авторов, а другие — преимущественно на одного из них. Императора упрекали за слабость характера, отсутствие энергии, нерешительность, способность колебаться между противоположными политическими принципами. ⁵⁷ О «тонком, переходном, летучем» характере Александра Павловича писал Е.П. Ковалевский. Но невысоко оценивал исследователь и Сперанского, который не смог создать себе «пар-

тию» сторонников.⁵⁸ Крайне низко оценил не столько способности, сколько способ действий именно Сперанского С.М. Середонин. Он считал его политическим деятелем без определённой программы, без умения и желания привлечь на свою сторону общественное мнение, без навыков проводить в жизнь идеи, принятые государем, доверие которого он в итоге не оправдал.⁵⁹

И в данном вопросе консерваторам оказались близки критики слева, считавшие, что в России начала XIX в. не сложились объективные условия для реализации «Плана». В результате, писал В.Н. Сторожев, он «был заранее обречён на крах: он появился ранее практической возможности в России конституционного строя, не мог быть ни оценён современниками, ни выполнен по своей бюрократической сложности и вследствие неподготовленности социального организма».⁶⁰ М.Н. Покровский достаточно неожиданно для историка-марксиста допустил возможность реализации конституционного проекта, т.к. многие представители высшего дворянства нашли бы его выгодным для себя. Поэтому главную причину провала проекта он усматривал в неискренности императора, который готовил его для успокоения общества, но на деле не хотел ограничивать свою власть.⁶¹ Кроме того, внешняя политика всё более отвлекала его от внутренних реформ.

Иначе расставляли акценты представители «позитивной» историографии. А.Н. Пыпин не согласился с мнением М.А. Корфа о несвоевременности плана, посчитав его сделанным *post factum*. «Не всегда неудача бывает следствием самой сущности плана: вина её может быть в недостатке характера или в непригодности средств, а вовсе не в намерении и не в идее преобразования», — писал он.⁶² Историк не считал план изначально обречённым на неудачу, причины провала, по его мнению, были скорее частными, чем общими. Этими частными причинами Пыпин посчитал, прежде всего, личные качества императора и его статс-секретаря. Александр не был способен поддержать свои начинания твердым характером, а Сперанский не продемонстрировал умения бороться с придворной интригой и легковерно возлагал все надежды на императора. Близким был взгляд на проблему В.И. Семевского и С.Н. Южакова.⁶³

Впрочем, и данная группа исследователей не могла не указать на более глубокие причины неудачи проекта. Уже Пыпин вынужден был согласиться с тем, что большинство «общества», оракулом которого стал Карамзин, не думало о либеральных реформах. Против попыток взваливать всю ответственность за провал проекта на Александра Павловича выступил В.И. Семевский.⁶⁴ Признавая слабость характера Александра I, склонен был оправдывать либераль-

ных реформаторов А.А. Кизеветтер. «Благомыслящим сотрудникам Александра приходилось протаптывать лишь первые тропинки к политическому перерождению России среди дремучего леса старых предрассудков и своекорыстных интересов сильных людей, — писал он. — Мудрено ли, что их поступь не всегда была достаточно тверда, и что они не всегда уверенно намечали направления своего пути?»⁶⁵

Большинство представителей советской историографии смотрело на проблему с позиций, близких критическому направлению дореволюционной науки. Одновременно обращалось внимание на соотношение классовых сил, на слабость социальной поддержки намеченных реформ и на политическое поведение Александра I, у которого отрицались серьёзные конституционные устремления. В результате, писал М.Н. Покровский, «основание, на котором строил Сперанский, было слишком зыбкое».⁶⁶ Признавая значимость таких факторов, как неискренность конституционализма Александра I и ухудшение международного положения России, И. Барер также посчитал главной причиной провала проекта классовый фактор. Сперанский, которого он рассматривал как идеолога нарождавшейся буржуазии, «пал потому, что в России ещё не были в достаточной степени развиты материальные предпосылки для победы буржуазного строя» — русская буржуазия была малочисленная и слаба.⁶⁷ Отрицая у Александра I намерение действительно ограничить свою власть, С.Б. Окунь и А.В. Предтеченский связывали появление «Введения» со страхом императора перед «революционной заразой», дворянской оппозицией, политико-экономическим кризисом. Но угроза оказалась преувеличенной, и конституционные реформы были свёрнуты.⁶⁸

Несколько иначе расставили акценты А.Е. Пресняков и Б.И. Сыромятников. Не игнорируя особенностей характера императора Александра I, Пресняков увидел в его раздвоенности и противоречивости не индивидуальную черту Александра Павловича, но свойство эпохи. Историк внимательно отнёсся к объективным трудностям, с которыми столкнулся венценосный реформатор, избегая при этом упрощённого социологизма. Секрет робости правительственных конституционалистов он видел в их связанности интересами господствующего сословия, из-за чего реформы «имели весьма ограниченную и притом искажённую в условиях крепостного строя общественную опору».⁶⁹ Острое противоречие «между идеологией и действительностью, конституционными мечтами преобразователей и крепостнической империей» увидел во «Введении» Сыромятников.⁷⁰ Противоречие это заключалось, остроум-

но замечал историк, не в несоответствии «порядка вещей» «духу времени», т.е. его собственным идеям, как полагал Сперанский, а в несоответствии этих идей «порядку вещей», который продолжал господствовать.

Этому взгляду близки оценки большинства современных историков, которые признают наличие серьёзных и труднопреодолимых препятствий, стоявших на пути конституционных реформ. Для того чтобы преодолеть сопротивление дворянства и бюрократии, писал Н.Я.Эйдельман, следовало бы стать новым Петром Великим, но Александр не был им, да и само общество изменилось за сто лет.⁷¹ На узость социальной базы реформаторов, что повело их по пути верхушечных реформ, указывают А.Н. Сахаров, А.А. Левандовский, С.В. Мироненко, С.А. Чибиряев.⁷² Искренним, но потерявшим чувство реальности, игнорирующим российскую действительность реформатором посчитал Сперанского В.А.Томсинов.⁷³ Напротив, Ю.С. Пивоваров отказывается видеть в Сперанском кабинетного мечтателя, видит в его конфликте с действительностью «конфликт времени и гения».⁷⁴

Итак, представляется бесспорным мнение тех историков, которые указывают на недостаточную готовность России начала XIX в. к восприятию заложенных во «Введении» политико-правовых идей, на отсутствие у них достаточной поддержки даже среди тех групп населения, которые предполагалось наделить политическими правами. Также вполне справедливыми видятся упреки по поводу непоследовательности Александра I и неловкости действий Сперанского. Остаётся открытым вопрос об изначальной обречённости проекта или возможности реализовать его в иной внешнеполитической обстановке, иными средствами и людьми.

В историографии недостаточное внимание обращено на практические последствия его реализации, о чём не мог не задумываться император. Полное воплощение проекта неизбежно привело бы к значительному усилению в системе государственного управления влияния поместного дворянства: к этому вела предложенная в «Плане» избирательная система, построенная на имущественном цензе. Помещики стали бы преобладать не только в местных представительных учреждениях, но и в Государственной думе. Подобная перспектива не могла не наводить на глубокие размышления. Стоило ли ограничивать власть просвещённого и либерального монарха выходцами из среды, которая в этом отношении стояла ниже его? Стал бы новый государственный строй способствовать реформе или начал бы тормозить ее дальнейший ход? Эти и другие вопросы ждут своего историографического осмысления.

- 1 Итоговый вариант проекта был наименован «Введением к Уложению государственных законов», но в «Пермском письме» Александру I Сперанский назвал его «планом всеобщего государственного образования». Поэтому в историографии используются оба названия.
- 2 См.: Tourgueneff N. Le Russie et les Russes.— Т. I—III.— Paris, 1847.
- 3 См.: Сафонов М.М. О так называемых ранних проектах М.М.Сперанского // Вспомогательные исторические дисциплины.— Т. 22.— Л., 1991.— С. 111—117.
- 4 Более адекватное представление о «Введении» историки смогли получить только в 1877 г., когда в Императорскую публичную библиотеку поступили бумаги К.Г. Репинского, среди которых был черновик конституционного проекта. Опубликовать его удалось только в 1899 г. Ещё один вариант «Введения» был обнаружен в фонде секретного комитета 6 декабря 1826 г. Именно его С.Н. Валк позже идентифицировал как окончательную редакцию проекта, представленную на рассмотрение Александру I (См.: Валк С.Н. Законодательные проекты М.М. Сперанского в печати и в рукописях // Исторические записки. Т. 54.— М., 1955. С.469).
- 5 См.: Лонгинов М.Н. Граф Сперанский. 1772—1839 // Русский вестник.— 1859.— Т. 23.— С. 337—378 и 525—576.
- 6 Корф М. Жизнь графа Сперанского. В 2 т.— Т. 1.— СПб., 1861.— С. 110.
- 7 Русский вестник.— 1861.— Т. 35.— С. 91.
- 8 Чернышевский Н.Г. Русский реформатор (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М.Корфа) // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 10 т. Т.8.— СПб., 1906. С. 292—319.
- 9 См.: Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I.— СПб., 1871.
- 10 См.: Берендтс Э.Н. Вступление. Проекты реформ Сената в царствование императора Александра I // История Сената. Т. 3.— СПб., 1911. С. 1—166; Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 3.— СПб., 1869; Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I.— СПб., 1909; Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612—1861.— СПб., 1908; Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского.— М., 1905; Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина.— 1901.— № 10—12.— Т. 108.— С. 5—41; Завитневич В.З. Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I.— Киев, 1907; Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов.— СПб., 1873; Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 г.— СПб., 1911; Кизеветтер А. Деятельный век в истории России.— Ростов-на-Дону, 1903; Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время (Царствование императора Александра I).— СПб., 1866; Мещерский И.И. Граф М.М.Сперанский. Краткий очерк его жизни и государственной деятельности.— СПб., 1911; Погодин М.П. Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив.— 1871.— № 1—3.— С. 1096—1251; Пыпин А.Н. Разбор сочинения М.И.Богдановича «История царствования императора Александра I и Россия в его время». В 6 томах.— СПб., 1869—1871.— СПб., 1872; Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность графа Михаила Михайловича Сперанского.— Киев, 1873; Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700—1895).— Ростов-на-Дону, 1905; Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя в XVIII и первой четверти XIX в. // Былое.— 1906.— №1.— С. 1—58; Он же. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX в. // Историческое обозрение. Т. 9.— СПб., 1897; Он же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века.—

- Т. 1.— СПб., 1888; Он же. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I // Отечественная война и русское общество. Т. 2.— М., 1911. С. 152–194; Он же. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. Т.2.— М., 1911. С. 221–246; Он же. Политические и общественные идеи декабристов.— СПб., 1909; Он же. Сперанский М.М. // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. Т. 61.— СПб., 1900. С.188-192; Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т.7.— СПб., 1879. С. 19–96; Середонин С.М. Граф М.М.Сперанский. Очерк государственной деятельности.— СПб., 1909; Он же. К «Плану всеобщего государственного образования» // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборник статей.— СПб., 1911.— С. 533–544; Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография.— СПб., 1910; Фадеев А.Н. М.М.Сперанский. 1809-1909. Биографический очерк.— Харьков, 1910; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2.— СПб., 1897; Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование императора Александра Первого. История образования русского Государственного совета сравнительно с аналогичными западноевропейскими учреждениями. Т. 1.— Ярославль. 1892; Южаков С.Н. М.М.Сперанский, его жизнь и общественная деятельность.— СПб., 1892; Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России.— СПб., 1906; Он же. Сперанский и Аракчеев.— СПб., 1905 и другие.
- 11 См.: Мельгунов С.П. Император Александр I // Отечественная война и русское общество.— Т. 2.— М., 1911.— С. 122–152; Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX в.— Т.1.— СПб., 1909.— С. 31–66; Он же. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения в четырёх книгах. Кн.2.— М., 1965; Он же. Сперанский М.М. // Энциклопедический словарь русского биографического института Гранат. Изд. 7. Т. 41. Ч. 4.— С. 111–117; Сторожев В.Н. Император Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5.— М., 1913. С. 126–186. Их предшественниками были Н.И.Тургенев и демократические публицисты 60-х годов XIX в.
- 12 Кизеветтер А.А. Царствование Александра I в новом освещении. (История России в XIX в. Издание А. и И. Гранат. Вып. 1–2) // Русская мысль.— 1908.— Кн.1.— С. 103–104.
- 13 См.: Нольде А.Э. М.М.Сперанский. Биография.— М., 2004.
- 14 См.: Кизеветтер А.А. История России в XIX в. Литография курса. В 2 частях. Ч.1.— М., 1910; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5 // Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т.5.— М., 1989; Корнилов А.А. Курс истории России XIX в.— М., 1993; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории.— М., 1993.
- 15 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5.— С.30; Там же. Т. 10.— С. 275.
- 16 См.: Вознесенский С.В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг.— М., 1932; Рожков Н.А. Император Александр I (Историческая характеристика) // Из русской истории. Ч. 2.— Пб., 1923. С. 41–45; Он же. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX в. Т.10.— Пг.-М., 1924.
- 17 См.: Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал.— 1938.— №8.— С. 65–74.
- 18 См.: Пресняков А.Е. Александр I.— Пб., 1924; Пичета В.И. Сперанский // Большая советская энциклопедия. Т. 52.— М., 1947. С. 400; Сыромятников Б. М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право.— 1940.— № 3.— С. 92–113.

- 19 Дружинин Н.М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н.Покровского // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Ч. 1.— М.-Л., 1939. С. 364.
- 20 См.: Окунь С.Б. История СССР. Годы 1796–1856: Курс лекций.— Вып. 1.— 1796–1815.— Л., 1939; Предтеченский А.В. Очерки внутренней политики Александра I. Дис. докт. истор. наук.— Л., 1940; М., Бонташ П.К. Государственно-правовые взгляды М.М. Сперанского: Дис. канд. юрид. наук.— Киев, 1954; Охапкин Н.Г. План государственного преобразования Сперанского. Дис. канд. юрид. наук.— М., 1947.
- 21 См.: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.— М.-Л., 1957.
- 22 См.: Калягин В.А. Политические взгляды М.М.Сперанского.— Саратов, 1973. Он же. Политические взгляды и государственная деятельность М.М.Сперанского в 1808–1812 гг.: Дис. канд. юрид. наук.— Саратов, 1973.
- 23 См.: Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в.— Саратов, 1982; Корнилов В.А. Общественно-правовые взгляды и деятельность М.М.Сперанского: Дис. канд. истор. наук.— М., 1974; Мальцева С.А. Социально-философская концепция М.М. Сперанского. (1772-1839): Дис. канд. философ. наук.— Л., 1983.
- 24 Иллерицкий В.Е. История России в освещении революционеров-демократов.— М., 1963; Мохначёва М.П. Проблемы истории России в освещении публицистов-демократов: Учебное пособие.— М., 1984; Парусов А.И. К вопросу об официальном направлении в русской историографии XIX века. (Критика исторических взглядов М.Корфа) // Учёные записки Горьковского государственного университета.— Т. 41.— Вып.4.— Горький, 1960. С.120-148; Он же. Историографические заметки по вопросу о классовом характере идеологии М.М.Сперанского // Там же. Вып. 72.— Горький, 1964. С. 531–555; Он же. Указы 3 апреля и 6 августа 1809 года, их классовый смысл и значение // Там же. Вып. 85.— Горький, 1967.— С. 50–58; Сладкевич Г.Н. Проблема реформы и революции в русской публицистике начала 60-х годов (полемика вокруг книги М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского») // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.— М., 1960.— С. 509–521;
- 25 См.: Александров А.А. М.М.Сперанский и проект реформы 1809 г. в русской исторической литературе // Зеркало истории.— М., 1992.— С. 92–108; Кодан С.В. Божьей милостью чиновник. М.М. Сперанский и Российское государство.— Екатеринбург, 2001; Он же. Проекты преобразований политико-правовой системы России М.М.Сперанского.— Екатеринбург, 2003; Левандовский А.А. Завещание Сперанского // Томсинов В.А. Сперанский.— М., 2006. С. 5–17; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе.— М., 1997; Он же. Конституционные реформы в России // Конституционные проекты в России XVIII — XX в.— М., 2000. С. 95–166; Морозов В.И. Государственно-правовые взгляды М.М.Сперанского.— СПб., 1999; Он же. Политические и государственные взгляды М.М.Сперанского // М.М.Сперанский: Жизнь, творчество, государственная деятельность (Сборник статей).— СПб., 2000. С.67-96; Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М.Сперанского // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов.— СПб., 2002.— С. 3–42; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.— М., 1989; Осипенко С.В. Политико-правовое учение М.М. Сперанского.— Тверь, 2007; Пивоваров Ю.С. «Гений блага» русской политики // Рубежи.— 1995.— № 3–5; Он же. Михаил Михайлович Сперанский. Судьба реформатора в России (опыт ретроспективной политологии) // Из истории реформаторства в России: Философско-

- исторические очерки.— М., 1991; Сахаров А.Н. Александр I (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы.— М., 1993.— С. 14–90; Он же. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России XVIII — XX в.— М., 2000. С. 9–78; Он же. Тяжкий путь российского реформаторства // Российские реформаторы (XIX — начало XX в.).— М., 1995. С. 7–33; Сперанский С.И. Учение М.М.Сперанского о праве и государстве.— М., 2004; Томсинов В.А. Жизнеописание Сперанского // Сперанский М.М. Юридические произведения.— М., 2008.— С. 8–272; Он же. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М.Сперанского.— М., 1991; Он же. Сперанский.— М., 2006; Он же. Судьба реформатора, или жизнь Сперанского.— М., 2003; Фёдоров В.А. Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы (XIX — начало XX в.).— М., 1995.— С. 34–76; Он же. М.М.Сперанский и А.А. Аракчеев.— М., 1997; Хитрова С.Ф., Худушкина И.Ф. Русский реформатор М.М. Сперанский. Очерк жизни и деятельности.— М., 2001; Чибирьев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского.— М., 1989; Эйдельман Н.Я. «Революция сверху в России».— М., 1989; Также диссертации: Александров А.А. Реформаторская деятельность графа М.М.Сперанского в контексте европейских преобразований XVIII — тридцатых годов XIX века: Дис. канд. истор. наук.— М., 1999; Морозов В.И. Роль М.М.Сперанского в развитии Российского государства (конец XVIII–XIX в.): Дис. докт. ист. наук.— СПб., 2000; Сперанский С.И. Учение М.М.Сперанского о праве и государстве: Дис. канд. юрид. Наук.— М., 2003; Харитонова Г.Б. Государственная и политическая деятельность М.М.Сперанского (1797–1838). Исторический аспект исследования: Дис. канд. истор. наук.— М., 2003; Чибикеев С.М. Политические идеи и проекты М.М.Сперанского в контексте истории российских реформ: Дис. канд. полит. наук.— М., 2009; Шеншина В.С. Деятельность М.М. Сперанского по преобразованию Российского государства. (1801–1812 гг.): Дис. канд. истор. наук.— Воронеж, 2002 и другие.
- 26 См.: Макеева Г. Сперанский и другие. Роман о первой русской перестройке.— М., 1990.
- 27 О политико-юридических аспектах проекта см.: Пронкин С.В. Политико-юридическое содержание «Введения к Уложению государственных законов» в отечественной исторической науке // Вестник МГУ.— Серия 21. Управление (государство и общество).— 2009.— № 2.— С. 95–118.
- 28 Корф М.А. Указ. соч.— С. 93, 107.
- 29 Дубровин Н.Ф. Указ. соч.— С. 5–6; Берендтс Э.Н. Указ. соч.— С. 13–14; Середонин С.М. К «Плану всеобщего государственного образования» 1809.— С. 533, 544.
- 30 Нольде А.Э. Указ. соч.— С. 41.
- 31 См.: Пыпин А.Н. Указ. соч.— С. 56, 58.
- 32 См.: Семевский В.И. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века.— С. 246–251; Он же. Вопрос о преобразовании государственного строя в XVIII и первой четверти XIX века.— С. 1–3.
- 33 Кизеветтер А.А. История России в XIX.— С. 44, 56; Корнилов А.А. Указ. соч.— С. 83–84.
- 34 См.: Мельгунов С.П. Указ. соч.— С. 136–139, 148.
- 35 Сторожев В.Н. Указ. соч.— С. 153.
- 36 См.: Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX в.— Т. 1.— СПб.— С. 48.
- 37 Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении.— С. 45; Вознесенский С.В. Указ. соч.— С. 93–94.

- 38 Окунь С.Б. Указ. соч.— С. 114.
- 39 Пресняков А.Е. Указ. соч.— С. 53, 63.
- 40 См.: Предтеченский А.В. Указ. соч.— С. 233, 426.
- 41 См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 4.— М., 1967. С. 66–67.
- 42 Томсинов В.А. Светило русской бюрократии.— С. 120–121.
- 43 См.: Левандовский А.А. Указ. соч.— С. 14.
- 44 Тургенев Н.Россия и русские.— М., 2001. С. 538; Середонин С.М. К «Плану всеобщего государственного образования» 1809.— С. 535.
- 45 См.: Корнилов А.А. Указ. соч.— С. 84.
- 46 См.: Покровский М.Н. Александр I.— С. 45.
- 47 Сторожев В.Н. Указ. соч.— С. 154.
- 48 Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении.— С.104.
- 49 См.: Пыпин А.Н. Указ. соч.— С. 129–135.
- 50 См.: Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I.— С. 174.
- 51 См.: Берендтс Э.Н. Указ. соч.— С. 71; Мельгунов С.П. Указ. соч.— С. 139; Платонов С.Ф. Указ. соч.— С. 653.
- 52 См.: Сыромятников Б. Указ. соч.— С. 104.
- 53 Куплеваский Н.О. Русское государственное право. Т.2. Харьков, 1896.— С. 31.
- 54 См.: Мироненко С.В. Указ. соч.— С. 29; Чибирьев С.А. Указ. соч.— С. 84.
- 55 Корф М. Указ. соч.— С. 110–111, 144.
- 56 См.: Богданович М.И. Указ. соч.— С. 33; Погодин М.П. Указ. соч.— С. 1228; Ключевский В.О. Курс русской истории.— С. 200; Романович-Славатинский А.В. Указ. соч.— С. 15; Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Т. 1.— С. 70; Дубровин Н.Ф. Указ. соч.— С. 38; Уманец Ф.М. Указ. соч.— С. 112.
- 57 См.: Романович-Славатинский А.В. Указ. соч.— С.25; Богданович М.И. Указ. соч.— С.33; Берендтс Э.Н. Указ. соч.— 135; Платонов С.Ф. Указ. соч.— С. 648–649; Глинский Б.Б. Указ. соч.— С.138; Каршов Ю., Военский К. Указ. соч.— С. 7; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3.— С. 34–35.
- 58 Ковалевский Е. Указ. соч.— С. 69.
- 59 См.: Середонин С.М. Граф М.М.Сперанский. Очерк государственной деятельности.— С. 114–115.
- 60 Сторожев В.Н. Указ. соч.— С. 152, 162.
- 61 См.: Покровский М.Н. Александр I.— С. 53.
- 62 Пыпин А.Н. Указ. соч.— С. 138.
- 63 См.: Семевский В.И. Падение Сперанского.— С. 245; Южаков С.Н. Указ. соч.— С. 33.
- 64 См.: Завитневич В.З. Указ. соч.— С. 48–49; Семевский В.И. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX в.— С. 281–282.
- 65 Кизеветтер А.А. Деятельный век в истории России.— С. 13.
- 66 Покровский М.Н. Русская история с древнейших времён.— С. 214.
- 67 Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал.— 1939.— № 8.— С. 74.
- 68 См.: Окунь С.Б. Указ. соч.— С. 119; Он же. Очерки истории СССР. Кн.1. Конец XVIII — первая четверть XIX века.— Л., 1956. С. 183; Предтеченский А.В.— Указ. соч.— С. 16, 206.
- 69 Пресняков А.Е. Указ. соч.— С. 55, 59–60.
- 70 См.: Сыромятников Б. Указ. соч.— С. 107.
- 71 Эйдельман Н.Я. Указ. соч.— С. 79.

- 72 См.: Сахаров А.Н. Тяжкий путь российского реформаторства.— С. 8, 13–14; Левандовский А.А. Указ. соч.— С. 15; Мироненко С.В. Указ. соч.— С. 230; Чибиряев С.А. Указ. соч.— С. 122.
- 73 Томсинов В.А. Светило русской бюрократии.— С. 155–156.
- 74 Пивоваров Ю. «Гений блага» русской политики // Рубежи.— 1995.— № 4.— С. 62.

А.В. Буганов

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX — НАЧАЛА XX В. *

***Аннотация.** В статье представлены взгляды выдающихся русских мыслителей XIX — начала XX в. на русский народ, его характер, свидетельствующие об интересе к проблеме социального и гражданского самосознания, национальной идентичности русского народа.*

***Ключевые слова:** русская общественная мысль, национальная идентичность, этногенез русского народа, религия, православие, народность, русская идея, патриотизм, М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, П.Я. Чаадаев, западники и славянофилы, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, П.Н. Милуков.*

***Summary.** In the article are represented the outstanding Russian thinkers of the XIX — the beginning of the XX C. views of the Russian people and its character, which demonstrate the interest to the problem of social and civil consciousness, national identity of Russian people.*

***Keywords:** Russian public thought, national identity, ethnogeny of Russian people, religion, Russian Orthodoxy, national character, Russian idea, patriotism, M.V. Lomonosov, N.I. Novikov, A.N. Radischev, P.J. Chaadaev, Westerners and Slavophiles, V.S. Soloviev, F.M. Dostoevsky, P.N. Milukov.*

Зарождение научного интереса к русскому народу, его прошлому и настоящему, связано с именем выдающегося деятеля Русского Просвещения М.В. Ломоносова. Многочисленные труды ученого, в том числе в области истории и этнографии, способствовали воспитанию национального самосознания русских. В «Древней Российской истории» (1766) он рассматривал происхождение народа. Этногенез русских ученый понимал в духе господствовавшей в то время «азиатской» теории: предки русского народа — славянские племена — происходили из Азии и в результате тесных этнических контактов с другими племенами, прежде всего с сарматами, положили начало новой этнической общности. Ломоносов высказал ряд замечаний по вопросам этногенеза. В частности, он считал ошибочным смешивать историю народа с историей его имени: «Народы от имен не начинаются, но имена народам даются»¹.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00436а.

Неоднократно Ломоносов обращал внимание на необходимость изучения народного быта. В 1761 г. в письме к И.И. Шувалову он упоминал о нескольких своих записках, «простирающихся к приращению общей пользы». До наших дней сохранилась, к сожалению, только одна — «О размножении и сохранении Российского народа». Главные предлагаемые Ломоносовым мероприятия для увеличения численности народонаселения были направлены на борьбу с «дурными обычаями» и «вредными явлениями», касались изменений в узаконениях и браках, распространения просвещения и т.д.

Русская тема получила отражение и в филологических работах ученого. Ломоносовская реформа языка легла в основу его научного изучения, грамматического строя и диалектологии, определила пути развития русской речи. «...Российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может», — писал он.

Ломоносов заложил традицию подлинного научного интереса к русскому народу. Во второй половине XVIII столетия на нее опирались просветители и ученые Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и др. В противовес модному в то время французскому воспитанию, Новиков призывал обратиться к добродетелям предков, нравственной высоте старых русских начал: «Не все у нас еще, слава Богу, заражены Франциею...!» Одновременно с сатирическими журналами он выпускал ряд исторических изданий и, в частности, с 1773 г. — ежемесячное — под заглавием «Древние российские вивлиофики». В них давалось «начертание нравов и обычаев наших предков» для познания «великости духа их, украшенного простотою»². Обращение к исторической памяти народа, к «сведениям о своих прародителях», должно было, по мысли Новикова, содействовать укреплению национального чувства.

Полнокровная жизнь народа невозможна без пробуждения и развития социального и гражданского самосознания — этой идеей проникнуто творчество А.Н. Радищева. Он стал первым русским гражданином, который открыто заявил в печати о необходимости обновления государства и общественного строя; его приговор крепостному праву был сделан не только в защиту попираемого понятия о свободе и достоинстве человеческой личности. В «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) были даны зарисовки крестьянской жизни, свидетельствовавшие о знакомстве автора с народным бытом. Радищев убеждал, что счастье и богатство народа следует измерять благосостоянием массы населения, а не благополучием немногочисленной прослойки, что правительство существует для народа, а не наоборот. Демократической направленностью своего

творчества русский просветитель заложил в общественную мысль последующего времени важнейший элемент — социальный.

Изучение отечественного прошлого было центральной темой научной деятельности Н.К. Карамзина. В романтико-патриотических памфлетах «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802), «О случаях и характерах в русской истории, которые могут быть предметом художеств» (1802) он писал о том, что чувство «мы», «наше» оживляет повествование, а любовь к Отечеству придает кисти историка «жар, силу, прелесть». Вместе с тем, Карамзин выступал за христианское просвещение: «Все народное ничто перед человеческим»; «главное дело», утверждал он, быть людьми, а не славянами. Карамзин признавал великую силу исторической мифологии в утверждении российского гражданина и его любви к Отечеству. Научные труды Карамзина вполне позволяют считать его одним из родоначальников российского национализма в его «донациональной форме»³.

В начале XIX в. подъем национального самосознания, обогащенного новейшими европейскими идеями, породил декабристов, П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского и «русский социализм» А.И. Герцена, другие явления общественной мысли. В значительной степени общественную мысль столетия определил спор западников и славянофилов. Славянофилы поставили *проблему народа* как социально-историческую; с ней были связаны вопросы о народности искусства, литературы, о значении просвещения, исторического знания, приобщения к культуре других этносов⁴. Сама постановка этих вопросов явилась большой заслугой славянофилов, которая признавалась и западниками, выступавшими в данном случае с тех же позиций. В.П. Боткин писал П.В. Анненкову: «Славянофилы выговорили одно единственное слово: народность, национальность. В этом их великая заслуга»⁵. И западники, и славянофилы сходились в вопросе о необходимости изучения исторического прошлого, в оценке роли исторического знания в развитии самосознания народа. По замечанию Белинского «явление славянофильства есть факт замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии»⁶.

Зарождение славянофильского и западнического направлений общественной мысли самым тесным образом связано с именем оригинального мыслителя П.Я. Чаадаева. Он одним из первых поставил вопрос о своеобразии и взаимозависимости исторических судеб России и Западной Европы. Опубликовано в 1836 г. в журнале «Телескоп» первое «философическое письмо» стало, по словам Аполлона Григорьева, «...тою перчаткою, которая разом разь-

единила два дотоле если не соединенные, то и не разъединенные лагеря мыслящих и пишущих людей. В нем впервые неотвлеченно поднят был вопрос о значении нашей народности, самости, особеннности, до тех пор мирно покоившийся, до тех пор никем не тронутый»⁷.

В творчестве Чаадаева странным, на первый взгляд, образом сочетались неприятие исторического прошлого России с верой в ее мессианскую роль, особое предначертание. С одной стороны, в отечественном прошлом он усматривал «мертвый застой», «...тусклое и мрачное существование, лишенное силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства»⁸. С другой стороны, в «Апологии сумасшедшего» (1837) он высказывал убеждение в способности России ответить на важнейшие социальные вопросы, которые стоят перед человечеством: «Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества»⁹. Скептическое отношение Чаадаева к «пустоте» русской истории коренным образом менялось, когда он обращался к критическим, определявшим ее ход событиям. Таковы были времена Смуты начала XVII в. — «момент беспримерный, пробудивший скрытые силы общества». Это время, по мысли Чаадаева, можно смело противопоставить «пустоте предшествующих веков». Народ, доведенный до крайности, «стыдясь самого себя, издал наконец свой великий исторический клич и ...поднял на щит благородную фамилию, царствующую теперь над нами...»¹⁰.

Подобный подход к историческому прошлому исключительно важен в аспекте национального самосознания. Способность народа в максимальной степени выразить заложенные в нем силы и возможности, особенно во времена невзгод, войн, крутой ломки исторической судьбы, выявляют самую высшую оценочную мерку для характеристики этого народа в историческом процессе. Впоследствии эту точку зрения разделял Ф.М. Достоевский, приложивший ее, в частности, к событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (см. дальше).

В основании русского религиозно-психологического уклада, по мнению Чаадаева, лежали традиции *духовного христианства* (в противовес политическому христианству, более свойственному цивилизации западной). Усвоенные русским народом православные этические нормы, особое духовное и душевное устройство человека способствовали общечеловеческому соединению людей на подлинно нравственных началах. Именно в этом заключался залог особого призвания России: «дать в свое время разрешение всем

вопросам, возбуждающим споры в Европе... провидение ...поручило нам интересы человечества., в этом наше будущее, в этом наш прогресс...»¹¹. Определяя таким образом предназначение России, Чаадаев предвосхищал идею русской всечеловечности Ф.М. Достоевского, мысли В.С. Соловьева о культурном служении народа.

Из представителей славянофильского направления остановимся на воззрениях двух его основных и наиболее ярких представителей — А.С. Хомякова и И.В. Киреевского (большинство их идейных сподвижников являлись свободными литераторами, которые весьма талантливо, но нередко совершенно случайно выражали свое национальное самосознание, не уделяя пристального внимания его продуманному обобщению и логической последовательности).

Очерк Хомякова «О старом и новом» (1839) стал отправным пунктом славянофильской доктрины. В нем затрагивались проблемы соотношения России и Запада, оценка реформ Петра I, вопросы о роли религии в мировой истории и православия в отечественной истории. Хомяков высказывал мнение, что в древней Руси было постоянное несогласие между законом и живыми народными нравами, что наша древность давала пример и начало всего доброго в жизни частной, в отношениях людей между собою, но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, внутренними раздорами и внешними врагами. Преобразования Петра явились страшною, но благодетельною грозой. Теперь же, когда время государственного строительства закончилось, наступила для русских пора двигаться вперед, «занимая случайные открытия запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для запада остались тайнами, спрашивая у истории церкви и законов ее светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни русской...».

Главным условием сохранения жизнеспособности России, по Хомякову, было и остается православие (попутно заметим, что богословие было той специальной областью, единственным представителем которой среди славянофилов являлся Хомяков). Правда, современную ему православную церковь он не считал совершенным институтом и нередко подвергал критике; многие его богословские труды не пропускались духовной цензурой. Хомяков был, вероятно, первым в России крупным светским богословом, который с философской точки зрения трактовал православное вероучение. Главным элементом в его религиозно-философской теории были понятия соборности («неформальный церковный коллективизм») и общинности. Русский народ, имевший глубокие духовные традиции, не стремившийся ни к политическому господству, ни к

захватническим войнам, обладал, как верил Хомяков, значительными возможностями для свободного исторического развития.

Статья Хомякова вызвала немедленный отклик Киреевского. Как полагали многие современники, декларация Хомяковым в печати основных славянофильских принципов имела косвенной целью подтолкнуть Киреевского к публичному выступлению; по свидетельству А.И. Кошелева, члены кружка Хомякова в начале 30-х гг. были еще ярыми западниками, и Хомяков почти в одиночестве отстаивал необходимость для каждого народа самобытного развития, значения веры в человеческом душевном и нравственном быту и превосходство русской православной церкви над учениями католицизма и протестантизма¹². Киреевский в статье «В ответ А.С. Хомякову» полемизировал не столько с самим Хомяковым, сколько с довольно распространенной в образованных слоях постановкой вопроса — была ли прежняя Россия, в которой порядок вещей сложился из ее собственных элементов, лучше или хуже России теперешней, с преобладанием элемента западного. Мало смысла, убеждал он, имеет вопрос, что желательнее для «улучшения нашей жизни» теперь — возвращение к старому русскому или развитие противоположного ему западного начала: «Не в том дело, который из двух(элементов), но в том, какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благодетельно»¹³.

Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, Киреевский выделил «одно очевидно общее: христианство» Различие заключается в разных видах христианства, в «особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта».

Западное христианство, на взгляд Киреевского, не могло избежать влияния классического мира древнего язычества, и римская церковь «в своем уклонении от восточной отличается ... торжеством рационализма над преданием». Именно преобладание формального разума над верою и преданием определило, по мнению Киреевского, всю судьбу Европы, все особенности ее просвещения и быта. В России же «хранилось первое условие развития правильного... в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все святые отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов...»¹⁴. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом; наследие святых отцов Восточной церкви путем монастырского просвещения перешло из Греции в Россию и распространилось в ней. Таким образом, право-

славная вера полагалась основой русской народной самобытности и истинного просвещения, одухотворяющим началом русской жизни. Эту позицию разделяли, пожалуй, все славянофилы без исключения.

Что касается западников, то в вопросах необходимости изучения народной жизни принципиальных несогласий между ними и славянофилами не существовало. Господствующей осью, вокруг которой шла жизнь и деятельность лучших представителей двух течений, была вера в русский народ, желание деятельно участвовать в его судьбах. А.И. Герцен сначала верил в Россию и только потом стал возводить логические построения в объяснение этой веры. Он, вероятно, ранее других западников оценил демократическую сторону старого славянофильства, обращение к жизни простых крестьян, их искреннему национальному чувству. Герцен считал, что если западники хотят сохранить влияние на общественное мнение, они должны овладеть «темами и вопросами, пущенными в обращение славянофилами». Несмотря на некоторый политический привкус этой фразы, главное заключается все же в осознании им первостепенной важности поставленных вопросов.

Весьма характерной для большинства западников была дифференциация национального и социального самосознания. В наиболее категоричной форме эту мысль выразил Н.А. Добролюбов: «В России каждое сословие, даже каждый кружок живет отдельной жизнью, имеют свои особые цели и стремления...», вряд ли можно «обнаружить стремление соединения с целой нацией в одной общей идее»¹⁵.

В дальнейшем эта традиция (как верно отметил В.Р. Филиппов¹⁶) противопоставления общерусского национального и сословного, классового самосознания найдет свое выражение в программных документах народничества и позже, в конце XIX — начале XX вв., в работах русских марксистов.

Не останавливаясь подробно на этих течениях, отметим, что «русский социализм» Герцена, взгляды Н.Г. Чернышевского, доктрина крестьянского социализма Н.К. Михайловского, народническая концепция П.Л. Лаврова, другие теории, обосновавшие своеобразие социалистического идеала в конкретных условиях России,— все это значительные исторические слои общественного сознания, русской идеи.

Из западников с точки зрения вклада в разработку интересующей нас темы следует выделить А.Н. Пыпина, первого историографа отечественной этнографии. В его четырехтомной «Истории русской этнографии» (1890—1892 гг.) были подведены итоги развития этой науки. Пыпин видел в ней, прежде всего, развитие идеи народ-

ности, историю национально-демократического мировоззрения. В работе был собран и критически рассмотрен богатый материал по истории общественной мысли в России, обстоятельно изложены взгляды всех более или менее видных писателей, критиков, ученых, публицистов, так или иначе проявивших свое отношение к понятиям «народ», «народность». По сути дела труд Пыпина — это история этнографических идей, идей о народности.

Пыпин справедливо усматривал в развитии науки этнографии в России ту ступень общественного самосознания, которая приводит к более глубокому пониманию собственного народа. Поэтому, излагая взгляды того или иного автора, он оценивал его вклад в становление отечественного самосознания, в осмысление этого понятия.

Историографический анализ Пыпин начинает с эпохи Петра, когда «впервые возникает сознательная мысль об изучении народа и народности»¹⁷. До этого времени «древняя Русь и старая Московская Россия не имели того самосознания, о котором мы говорили, не были готовы к понятию народной цельности вследствие порабощения народных масс»; в условиях феодальной раздробленности и локальности самосознания, даже в XV–XVII вв. «...народ еще не вполне высказал свое самосознание»¹⁸.

Сказав о Пыпине, нельзя не упомянуть и о другом историографе, скорее, правда, славянофильского направления — о М.О. Кояловиче. В труде «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1894) он, по его собственным словам, «наметил некоторые выдающиеся моменты в этой особого рода истории нашего русского самосознания»¹⁹. Работа Кояловича представляла собой курс академических лекций по истории науки русской истории.

Теме национального сознания уделено значительное место в философии выдающегося русского мыслителя В.С. Соловьева. Его концепция «универсального синтеза», изыскания в областях социально-исторической, религиозной, национальной представляли, по словам С.Н. Булгакова, «самый полновзвучный аккорд» в истории отечественной философской мысли. Русской теме посвящена значительная часть философской публицистики Соловьева: сборник статей «Национальный вопрос в России» (1883–1891), «Русская идея» (1888), «Владимир Святой и христианское государство» (1888), «Русский национальный идеал» (1891), «Византизм и Россия» (1896) и др. В этих работах русской идее, пожалуй, впервые было дано систематическое философское обоснование (следует подчеркнуть, что в отличие от большинства славянофилов и западников, чьи идеи он, конечно, использовал, Соловьев был, в первую очередь, профессиональным философом;

его взгляды облекались в логически стройные, строго продуманные формулировки).

Воззрения Соловьева на вопрос национальный вытекали из его глубокого внутреннего убеждения, что все существенные вопросы в жизни человека и общества следует решать по-христиански. Историческая задача России состояла, по его мнению, именно в «универсально-жизненном осуществлении христианства», приведении христианства в «новую, соответствующую ему, т.е. разумную безусловно форму». Суть национальной идеи, для которой «нет имен, нет званий, нет положений», заключена в вечных истинах религии; «ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»²⁰.

Соответствующим образом философ рассматривал вопрос соотношения христианского, национального и патриотического в жизни общества, народном сознании. Национальные и патриотические интересы должны быть подчинены более высоким христианским целям и устремлениям. Христианство упраздняет национализм, но не национальность. Народность есть живая сила, которая должна служить христианской идее. Необходимо внутреннее соединение души народной и сверхнародного вселенского дела Христова.

Главное назначение национального самосознания состоит, по мнению Соловьева, в его «соприкосновении» с вселенской христианской идеей. Национальное самосознание есть, прежде всего, познание себя как «служебного орудия в совершении на земле Царства Божия». В древнем мире, за исключением ветхозаветных пророков, национальное самосознание не существовало, и потому Бог мог обращаться лишь к отдельным людям. По мере развития человеческих сообществ религиозная истина обращается уже к целым народам.

С точки зрения утверждения или, напротив, забвения христианских истин на русской земле Соловьев оценивал и всю отечественную историю, ключевые события в жизни народа. Истинную самобытность русских он видел в способности к национальному самоотречению. Наши предки совершили два великих, истинно патриотических подвига, которые одновременно являлись актами национального самоотречения: призвание варягов и реформы Петра Великого (принятие христианства Владимиром Святым Соловьев склонен был рассматривать не столько как подвиг национального духа, сколько как прямое действие Благодати. Хотя и здесь философ обращает внимание на тот факт, что Владимир с дружиной приняли новую веру от своих национальных врагов).

Именно призвание чужеродных варягов было тем творческим словом, отказом от национального эгоизма, которое спасло народ

от гибели и создало Русское государство. Историческая сила народа отчетливо проявилась в великом призыве народного самосознания и самоотречения: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, придите владеть и княжить нами».

В предпетровскую эпоху Россия, богатая народной религиозностью и государственными традициями, остро нуждалась в просвещении и цивилизации. И царь Петр, как истинный государственный муж и патриот, не стал замыкаться в приверженности к «народной исключительности», «мнимой поверхностной оригинальности», но, напротив, смело пошел в чужую школу ради будущности своей страны. Именно в этом смелом отказе от ложного национализма заключалась истинная оригинальность его реформ, деятельная практическая любовь к Родине. Не поклонение чужой культуре, но оплодотворение ею традиционных русских устоев, усвоение западных общественных начал для «успешного исполнения нашей задачи во всемирной истории» — вот цель деятельности великого царя-реформатора. Результатом призвания варягов и петровских преобразований стали мощная государственность, без которой русский народ не сохранился бы как самостоятельное целое, и просвещение — от Ломоносова до Достоевского.

Вместе с тем, государственность и мирское просвещение в представлении Соловьева есть только средства для прямой службы христианскому делу, которая являлась настоящей целью России. Если национальное самоотречение понадобилось для «подготовительных мирских дел», то необходимость подобного нравственного подвига в современной Соловьеву действительности еще более возрастала. Духовное обновление России, по его мнению, напрямую зависело от церковного примирения Востока и Запада, отказа от конфессиональной замкнутости и обособленности, свободного общения с духовными силами церковного Запада.

В деле утверждения на земле начал и истин подлинного христианства Соловьев отводил России совершенно определенную роль, именно в нем усматривал национальную историческую задачу. В данном случае стоит обратиться к одной из ключевых идей Соловьева в национальном вопросе — мысли об историко-культурном призвании народа. Он писал: «Идея культурного призвания может быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призвание берется не как мнимая привилегия, а как действительная обязанность, не как господство, а как служение»²¹. Именно способность России к служению вселенскому церковному интересу, который одновременно являлся и глубочайшим окончательным интересом России, была, по убеждению философа, подлинной опре-

деляющей чертой национального самосознания русских, залогом будущности страны и народа.

От Владимира Соловьева, немного нарушив хронологическую последовательность, перейдем к Ф.М. Достоевскому. Соловьев был одним из немногих, с кем в последние годы своей жизни Достоевский был духовно близок. Общение с автором «Дневника писателя» не могло не сказаться на взглядах молодого философа. Идея культурного призвания Соловьева, безусловно, основывалась на размышлениях Достоевского. Вот одно из них: «Величайшее из величайших назначений, уже сознанных в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству,— не России только, но всечеловечеству... всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского...»²².

С 1875 г. на страницах «Дневника писателя» особенно сильно и горячо обсуждался вопрос «славянства». Достоевский был одним из главных проводников идеи всеславянства в общественном сознании. Разумеется, не только в XIX в., но и прежде, начиная с XI в. и ранее, близость к славянству выступала в качестве отправного пункта для развития русской духовности: русская национальная идея в значительной степени выросла на почве славянского единства. И в XIX столетии новый взлет национального духа (я имею в виду в данном случае 30–40 гг., оформление славянофильского и западнического направлений) мыслился не исключительно в этнических рамках *русскости*, но в более широком смысле.

Когда я останавливался на взглядах Чаадаева на природу национального чувства, то упомянул и о позиции в этом вопросе Достоевского. В «Дневнике писателя» за 1877 г. он высказывает знаменательную мысль: «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую может подняться, когда тому придет срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествующих, преходящих, от рабства, от векового гнета, от загроубелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет, неповрежденный, в сердце этого народа»²³. Повторюсь, этот подход к оценке национального самосознания наиболее плодотворен. Ведь именно в переломные моменты, периоды войн, вооруженных конфликтов осознание национальных интересов идет наиболее интенсивно.

Русская идея понималась Достоевским прежде всего как идея народно-религиозная. Благодаря сохранению в народе христианского идеала «всепримиримости» и «всечеловечности», возможно усвоение результатов европейской цивилизации, избегая свойственной западным обществам вражды сословий. Во всеобщей реализации этого идеала Достоевский видел историческую миссию русского народа. В «Дневнике писателя» за 1873 г. он писал: «И не заключается ли все, все, чего ищет он [русский народ — А.Б.] в православии? Не в нем ли одном и правда, и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!»²⁴.

Трудно переоценить роль Достоевского (в данном случае как публициста и общественного деятеля) в развитии национального самосознания и, в частности, в привлечении внимания к Восточному вопросу. Событием общерусского масштаба стала и его речь, произнесенная на открытии памятника А.С. Пушкину. До Достоевского ни сам Пушкин, ни Гоголь, ни Белинский не выступали перед широкой аудиторией. В 1880 г. русский писатель впервые обратился к русскому обществу не только через «литературу», но с «настоящей» общественной трибуны. Впервые в речи, сказанной по частному (литературному) поводу, затрагивались мировые вопросы.

Нельзя не упомянуть и о значении художественной прозы писателя: о выведенных в ней самых разнообразных национальных типах, множестве рассуждений о народной жизни, русском характере и т.д. Разумеется, это относится не только к Достоевскому. Совершенно очевидно то значение, которое имело для формирования национального самосознания художественное творчество русских поэтов и писателей XIX столетия. Вопрос о том, каким образом отразилось в их сочинениях становление общественного сознания, может стать предметом специального изучения.

В конце XIX в. вопросы, связанные с национальным самосознанием, разрабатывались в трудах ученого, историка, в будущем лидера кадетской партии П.Н. Милюкова²⁵. Милюков посвятил третью часть «Очерков по истории русской культуры» развитию социального самосознания. Во введении он характеризовал понятия «народное самосознание», «национальное самосознание», «общественное самосознание». Последние два являлись, по его мысли, «двумя оттенками» в содержании народного самосознания, двумя последовательными моментами в его развитии. Содержание народного самосознания меняется: из национального оно делается обще-

ственным «в смысле большего внимания к внутренней политике, лучшего понимания требований современности в этой области и более активного отношения к этим требованиям»²⁶.

С точки зрения Милюкова, в народном сознании, «по закону контраста», первоначально запечатлевалось то, что составляло особенность, отличие данной национальности от соседних. Этот национализм возникал, как правило, «из столкновения наций» в период борьбы за независимость и национальное освобождение и переносился затем из области внешней политики в область внутреннюю.

Милюков подчеркивал роль религии в структуре национального самосознания, которая «является часто столь же существенной и представляется столь же коренной и исконной чертой национальности, как язык»²⁷. При этом он разграничивал социальную, т.е. символическую роль религии (например, у христиан, находившихся под турецким игом на Балканах) и ее собственно вероисповедное или внутреннее значение (у христиан, добившихся независимости от турок). Важнейшим компонентом в национальном самосознании является «понятие о самом себе, т.е. об отличиях национального типа»²⁸.

Вся история национального самосознания в России — это непрерывно возобновляющаяся и повторяющаяся борьба двух начал: националистического и критического. Автор прослеживает этот конфликт в историческом развитии; в XIX в. он видит его, в частности, в полемике западников и славянофилов. История самосознания, по Милюкову, зависит в основном от характера государственной организации и влияния западноевропейской культуры.

В начале XX столетия появились две работы, в которых авторы попытались специально исследовать феномен национального самосознания. Автор первого труда, профессор Казанского университета В. Ивановский, отмечал различную природу национального инстинкта, который присущ всем народам, и национального самосознания, которое является «достоянием народов только культурных». В соответствии с этим, он усматривал и две формы проявления любви к Отечеству — бессознательную, инстинктивную, с одной стороны, и «момент сознательный», с другой. По мысли Ивановского, патриотическое чувство немислимо без высокого нравственного развития человека. Пробуждение национального самосознания в русском народе происходило, прежде всего, во времена общественных потрясений, связанных с внешней опасностью. Ордынское иго, Смутное время, Отечественная война с Наполеоном дали немало примеров «живого проявления в народной среде политического и национального самосознания»²⁹.

Размышляя о природе патриотического чувства, Ивановский пришел к выводу, что быть патриотом — означает «любить род-

ную страну, природу, народ, продукты его духовного творчества, язык, произведения искусства, литературы, любить его прошлое, т.е. историю, предания, любить его настоящее, т.е. нравы, обычаи, особенности его быта, любить его будущее, т.е. идеалы и стремления»³⁰. Тем самым ученый выделил в структуре национального самосознания определенный набор элементов, в частности, он неоднократно подчеркивал роль исторической памяти в воспитании патриотизма: «Нельзя быть хорошим гражданином и не знать близко своей Родины, своего Отечества»³¹. При этом любовь к Родине должна быть деятельной, активной, патриотизм «немыслим без соответствующей деятельности».

В качестве отрицательных явлений общественной жизни России начала XX в. Ивановский рассматривал космополитизм школьного воспитания, отход интеллигенции от «русла народной жизни». Эти явления тормозили «развитие сознательного патриотизма, национального самосознания и у простой крестьянской массы»³².

Второе специальное исследование принадлежало крупному русскому психиатру П.И.Ковалевскому. Он определил национальное самосознание как совокупность сознательных и бессознательных элементов. Подобно Ивановскому, автор склонялся к тому, чтобы различать национальное чувство и национальное самосознание. Первое, по Ковалевскому, есть «прирожденная принадлежность физической и душевной организации». Национальное самосознание — акт мышления, «в силу которого данная личность признает себя частью целого, идет под его защиту и несет себя само на защиту своего родного целого, своей нации»³³.

Формирование и развитие национального самосознания связано, по мнению Ковалевского, со становлением гражданского сознания общества: «Во времена крепостного права рабам было не до Родины и не до нации, — напротив, после 17 октября национализм вспыхнул очень ярко во всей России»³⁴. В начале XX столетия высшее проявление национального самосознания Ковалевский видел в создании Государственной Думы, деятельности П.А. Столыпина, «направителя народного национализма». Отрицательное воздействие на национальное сознание оказывала, по его мнению, капитализация общественных отношений: «Для капитала нет ни чести, ни гордости, ни блага нации. Капитал интернационален и космополитичен»³⁵.

Безотносительно к тому, к какому из течений русской общественной мысли относились отдельные ученые, общественные деятели, их мировоззрение складывалось как синтез традиционной русской культуры и западных европейских идей. Тот длительный путь, который прошла Европа, породивший множество противоречий в ходе ее исторического развития, осваивался русским ин-

теллигентным сословием в весьма сжатые сроки. Последовательность различных этапов западно-европейской жизни так или иначе воспроизводилась и в развитии русской сознательной мысли. Достаточно вспомнить известную мысль В.О. Ключевского о том, что в течение одного XVIII столетия русские перешли от Домостроя попа Сильвестра к энциклопедии Дидро и Даламбера.

Еще более насыщенным и переплетенным этот процесс был в XIX — начале XX вв. В историографии высказывались суждения об основных этапах становления русского национального самосознания, обсуждался вопрос о соотношении национального и социального, религиозного, патриотического чувства, были предприняты попытки структурировать национальное самосознание.

-
- 1 Ломоносов.М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.–Л., 1952. С. 178.
  - 2 Новиков Н.И. О великости духа русских людей // Избранные сочинения. М.–Л., 1951. С. 873.
  - 3 Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 569.
  - 4 См.: Киреевский И.В. Полное собрание сочинений.— Т. 2. М., 1861.— С. 229–281; Курилов А.С. Теоретико-литературные взгляды славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850 годы. М., 1978.— С. 168–238.
  - 5 Цит. по кн.: Литературные взгляды и творчество славянофилов... С. 50.
  - 6 Белинский В.Г. Полн.собр.соч. М., 1958.— Т. 10.— С. 264.
  - 7 Григорьев А. Эстетика и критика. М., 1980.— С. 177.
  - 8 Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М., 1914.— Т. 2.— С. 111.
  - 9 Там же.— С. 227.
  - 10 Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987.— С. 42.
  - 11 Он же. Сочинения и письма...— Т. 2.— С. 199.
  - 12 Об эволюции западников к славянофильству через православие см.: Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков. СПб., 2005. С. 44, 45.
  - 13 Русская идея. М., 1992. С. 66.
  - 14 Там же. С. 71.
  - 15 Добролюбов Н.А. Избранное. М., 1985.— С. 359.
  - 16 См.: Филитов В.Р. Из истории изучения русского национального самосознания // Советская этнография. 1991. № 1.
  - 17 Пытин А.Н. История русской этнографии. Спб., 1890. Т. 1. С. 3.
  - 18 Там же. С. 6, 11.
  - 19 Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1894. С. IV.
  - 20 Русская идея... С. 187.
  - 21 Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. С. 267.
  - 22 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1981. Т. 23. С. 30–31.
  - 23 Там же. Л., 1983. Т. 25.— С. 14.
  - 24 Там же. Л., 1985. Т. 21.— С. 59.
  - 25 Миллюков П. Очерки по истории русской культуры. 2 изд. Ч. 1–3. СПб., 1896–1903.

- 26 Там же. Ч. 3. Вып. 1.— С. 2–3.
27 Там же. С. 8.
28 Там же. С. 9.
29 *Ивановский В.* Патриотическое чувство.— Пг., 1914.— С. 8.
30 Там же. С. 19.
31 Там же. С. 48.
32 Там же. С. 9.
33 *Ковалевский П.И.* Психология русской нации.— Пг., 1915.— С. 10.
34 Там же.
35 Там же. С. 11.

И. В. Зубков

ЗЕМСКИЕ ШКОЛЫ И ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ (1890-е гг.— 1916 г.)

***Аннотация.** Статья посвящена изучению роли земских школ в решении проблемы всеобщего начального обучения в России на рубеже XIX–XX вв. Показана деятельность правительства и земских органов по формированию общедоступной начальной школы.*

***Ключевые слова:** образовательная политика правительства, просвещение народа, начальное образование, земства, земские школы, грамотность населения.*

***Summary.** The article is devoted to the study of the zemskye (local government's) schools' role in solving the problem of initial teaching introduction in Russia in the border of XIX–XX C. There are shown the state and local government activities in constructing of public elementary schools.*

***Keywords:** educational governmental policy, people education, elementary teaching, zemstva (local government), zemskye (local government's) schools, literacy of the population.*

Проблема создания условий для всеобщего начального обучения в дореволюционной России является одной из ключевых в истории отечественного образования. Между тем она изучена явно недостаточно. Советская историография уделяла ей мало внимания в силу того, что факт целенаправленной деятельности правительства по созданию общедоступной сети начальной школы противоречил устоявшемуся взгляду на дореволюционное государство как силу, в целом враждебную просвещению народа, изменял представление о земстве как о практически единственном источнике развития сельской начальной школы в европейской России. Освещение деятельности государства по введению всеобщего начального обучения в 1900–1910-е гг. принижало значение борьбы советского правительства за установление всеобщего обязательного начального обучения в 1930–1934 гг., в ходе «культурной революции», десятилетие

спустя после того, как созданная при поддержке императорского правительства сеть начальных учебных заведений была разрушена гражданской войной. Поэтому авторы работ по истории народного образования ограничивали освещение деятельности государства по созданию общедоступной сети начальной школы констатацией того, что соответствующий законопроект, подготовленный Министерством народного просвещения (МНП), не был принят в результате разногласий между двумя палатами российского парламента (1911 г.). Между тем меры, предусмотренные законопроектом, начали осуществляться за несколько лет до его провала, что мы попытаемся показать ниже. Современные исследователи начинают преодолевать сложившуюся историографическую схему. В частности, на региональном уровне прослеживается процесс развития сети начального образования, в той или иной мере показанный в связи с деятельностью государства по введению всеобщего начального обучения.

В этой историографической ситуации нам представляется необходимым продолжить изучение вопроса о введении всеобщего начального обучения в двух направлениях: 1) проследить истоки реформы и механизм её реализации и 2) исследовать качественную трансформацию земской школы в результате реформы¹.

В теоретическом плане вопрос о введении всеобщего начального обучения разрабатывался в России с начала 1860-х гг. Первоначально предполагалось, что всеобщее обучение должно было охватить детей в возрасте от 7 до 17 лет (по примеру западно-европейских стран и США), или около 15% населения Российской империи. Такой груз отечественной экономике в то время вряд ли был под силу, и в связи с этим проекты введения всеобщего обучения правительством и многими общественными деятелями рассматривались как утопические. Тем не менее, в 1890-е гг. земства начали вести систематическую работу по разрешению этого вопроса применительно к деревне в теоретическом и практическом отношении. Однако лишь земства Московской губернии рассчитывали создать условия для общедоступности начального обучения только своими средствами, другие земства обращались к МНП с просьбой о финансовом содействии в этом вопросе. В 1893–1896 гг. соответствующие ходатайства возбудили 24 (из 34) губернских земских собрания².

Начало практического осуществления идеи введения в России всеобщего начального обучения стало возможным только после пересмотра устоявшихся представлений в этой области. В 1894 г. В.П. Вахтеров первым предложил при расчётах затрат на введение всеобщего обучения принимать во внимание лишь детей возраста 8–11 лет, то есть уже сложившийся контингент учащихся начальных

училищ, и таким образом отказаться от планов семилетней начальной школы. При этом, учитывая косность крестьянства и неготовность правительства к крупным затратам на начальное обучение, он предполагал, что первоначальной задачей является охват обучением всех мальчиков и девочек в городах и всех мальчиков в селениях и только 20% девочек в сельской местности. Для скорейшего достижения этой цели В.П. Вахтеров полагал необходимым отказаться от планов постройки для всех начальных школ приспособленных зданий, по-прежнему обходясь наёмными крестьянскими избами, и повышения до достойного уровня окладов содержания учителей. Таким образом, при достижении всеобщего начального обучения средний бюджет начальной школы должен был остаться прежним, а вся стоимость проекта (учреждение 6 тыс. новых школ в городах и 25 тыс. в сельской местности) составляла 11 млн. руб., то есть значительно меньше, чем стоимость одного броненосца³. Проект В.П. Вахтерова, вызвавший многочисленные отклики, способствовал выведению проблемы всеобщего обучения из разряда несбыточных мечтаний в практическую плоскость⁴. Примерно тогда же окончательно определилось мнение о том, что обеспечение общедоступности начального обучения имеет приоритет перед установлением его обязательности⁵.

Создание условий для общедоступного обучения могло быть осуществлено только с помощью государства, а оно к началу 1890-х гг. не имело ресурсов для проведения активной политики в области начального образования. Бюджет МНП на эти цели был по масштабам великой державы ничтожен. Как писал граф И.И. Толстой (министр народного просвещения в 1905–1906 гг.), до революции 1905–1907 гг. «и Государственный совет, и министры... почти игнорировали нужды народного просвещения, и куда легче было управляющему Морским министерством добиться ассигнования десятка-другого миллионов на военные суда неизведанной ещё системы, чем министру народного просвещения получить 1 миллион на самые неотложные и ясные нужды университетов или на увеличение числа начальных школ»⁶. Средства расходовались преимущественно на содержание сравнительно немногочисленных «министерских», или «образцовых» училищ, учебной администрации, на нужды начального образования в Северо-Западном крае, Юго-Западном крае, Царстве Польском и в Кавказском учебном округе — регионах, где «правильную постановку русской народной школы» правительство считало одной из приоритетных государственных задач. Казённая помощь земским и частным начальным школам носила характер единичных случаев и осуществлялась только после настойчивых ходатайств их содержателей.

С конца 1890-х гг. приоритеты государственной политики в области образования стали медленно меняться. Значительно большее внимание было обращено правительством на развитие начального образования в центре страны, на территориях с русским населением. С 1897 г. расходы МНП на начальное образование росли с каждым годом (за исключением периода русско-японской войны 1904–1905 гг.), и если в 1896 г. они составляли всего только 6,5% бюджета ведомства, то в 1903 г. — 13,5%.⁷ В 1901–1903 гг. МНП начало сравнительно широко субсидировать земские школы некоторых уездов, используя остатки от средств на начальное образование, образовывавшиеся после удовлетворения нужд «министерских» училищ⁸. В 1906 г. из бюджета ведомства на начальное образование в 8,8 млн. руб. на помощь земской школе было выделено 727 тыс. руб.⁹

В 1902 г. МНП выдвинуло земствам условия получения казённых субсидий, которые во многом определили взаимоотношения ведомства и земств до 1917 г.: 1) направление пособий исключительно на содержание учителей и за счёт этого полное освобождение сельских обществ от обязательных расходов на содержание училищ; 2) подъём оплаты труда учителей до 300 руб. в год («нормальным» МНП признавался оклад в 360 руб.; в этот период среднее жалование учителей земских школ составляло 276 руб.); 3) соблюдение земствами установленного законом порядка назначения учителей. Кроме этого, по условиям деятельности пенсионной кассы народных учителей и учительниц при МНП, организованной в 1901 г., учителя тех земских школ, которые получали казённые субсидии, становились «обязательными» участниками министерской кассы, если раньше они не были участниками земской пенсионной кассы.

С этого времени (1902 г.) государство постепенно получало возможность проводить собственную политику в отношении всё большего числа земских школ. В обмен на казённые субсидии решалось несколько разноплановых задач.

Во-первых, облегчалось крестьянское податное бремя. Во-вторых и в-третьих, повышались оплата труда учителей и доля педагогов, обеспеченных пенсией по старости и инвалидности — как за счёт отчислений от их возраставшего заработка, так и за счёт взносов земств; обе меры являлись залогом удержания на службе опытных педагогов и способствовали некоторой стабилизации педагогического состава земских училищ. В-четвёртых, хозяйственное обслуживание училищ переходило в более культурные и ответственные руки — от сельских обществ к земским управам¹⁰. По средним нормам стоимость хозяйственного содержания училищ

(без расхода на книги и учебные пособия, которые и ранее по большей части оплачивались земствами) была значительно ниже расхода на содержание учителей¹¹. Эту разницу земства были обязаны направить на другие неотложные нужды училищ, не имея права снизить общую сумму затрат на народное образование. И, наконец, в-пятых, инспектора и директора народных училищ впервые получали возможность действенной борьбы против незаконных действий земских управ в отношении назначения, перемещения и увольнения учителей, что стало обычной практикой в деятельности многих земств к началу XX в. Теперь выплата казённых субсидий должна была прекращаться после нарушения земскими управами порядка определения учителей на должности.

Сама форма казённых субсидий, направлявшихся исключительно на содержание преподавателей, была наиболее удобной с точки зрения финансового контроля над их расходованием. Другим вариантом могло бы быть принятие на счёт казны разнообразных хозяйственных потребностей училищ, но это потребовало бы от ничтожной по персональной численности учебной администрации непосильной канцелярской работы.

В 1903 г. в МНП началась разработка наиболее целесообразного механизма полномасштабного участия государства в создании условий для введения всеобщего начального обучения. Появились, были рассмотрены и подверглись критике со стороны земских деятелей соответствующие проекты (чиновника МНП В.И. Фармаковского и представителя Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности А.Н. Куломзина), однако практических шагов в этом направлении не было сделано в связи с русско-японской войной 1904–1905 гг. Между тем, необходимость скорейшего достижения всеобщего образования как условия улучшения экономического состояния населения была уже доказана Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности и его местными комитетами, обобщившими в 1902–1905 гг. беспрецедентный по объёму материал о положении крестьянства. Совещание пришло к выводу, что без поднятия культурного уровня крестьян невозможны интенсификация сельского хозяйства, повышение производительности труда в промышленности и улучшение конкурентоспособности отечественных промышленных товаров на внешних рынках, борьба с вредно отражающимися на благосостоянии народа суевериями, укрепление народной нравственности и охранение народной религиозности и т. п.¹² Призывы деятелей земского движения, работа Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и революционный кризис 1905–1907 гг., продемонстрировавший необходимость смены приорите-

тов во всех областях государственной политики, подготовили почву для введения в Российской империи всеобщего начального обучения. В 1907–1917 гг. решение именно этого вопроса было главной задачей МНП.

В декабре 1905 г., когда происходили декабрьские вооружённые восстания, министр народного просвещения граф И.И. Толстой выступил с инициативой оплачивать из казны минимальные оклады учительского жалования в тех местностях, где органы самоуправления возьмут на себя обязательство ввести всеобщее начальное обучение. По поручению Совета министров был выработан особый законопроект по этому вопросу. Его первое обсуждение в Совете министров состоялось в августе 1906 г. И.И. Толстой обратил особое внимание правительства на то, что угнетённое и безотрадное положение школьных учителей заставляло их при первой возможности покидать учительскую службу и толкнуло «многих из них на путь скрытой или даже явной вражды против существующего государственного и общественного строя». В сентябре–декабре 1906 г. междуведомственная комиссия под председательством нового министра народного просвещения П. М. фон Кауфмана пересмотрела проект, и в январе 1907 г. он был вновь рассмотрен Советом министров, где возникли разногласия относительно того, выдавать ли субсидии всем школам или только вновь открываемым,¹³ однако в конечном итоге было решено выдавать субсидии всем школам, в том числе уже существующим. Проект закона «О введении всеобщего начального обучения» был передан во 2-ю Государственную думу, которая не успела его рассмотреть из-за досрочного роспуска, и затем был внесён в Думу 3-го созыва (ноябрь 1907 г.).

Законопроект определял условия получения содержателями училищ (земствами, городскими общественными управлениями, обществами и частными лицами) казённого пособия и порядок составления органами местного самоуправления школьной сети, необходимой для введения всеобщего обучения. Он основывался на принципах, уже использовавшихся МНП. Ежегодные пособия предназначались исключительно на содержание учителей (прочие расходы относились на «местные средства») и выдавались, исходя из расчёта 390 руб. на «школьный комплект» — 50 детей «школьного возраста» (таковым было положено считать возраст 8–11 лет, в пределах которого находилось около 7% населения в городах и 9% сельского населения¹⁴), проживавших в пределах т. н. школьного радиуса, определённого в 3 версты. Из этих средств учителю общеобразовательных предметов полагалось в год 360 руб., а законоучителю (как правило, им был приходской священник) — 30 руб. Таким образом, школа при создании условий для введения

всеобщего начального обучения должна была находиться не далее трёх вёрст от деревень, где жили учащиеся, и в целом обслуживать территорию площадью не более 34 км². Выделение четырёх (а не трёх) лет детского возраста в качестве «школьного» имело в виду полный переход в ближайшем будущем к 4-летнему обучению в одноклассных училищах и то обстоятельство, что и в 3-летних училищах для многих учащихся обучение затягивалось до 4 лет. Занятия детей в училищах, получающих пособия, должны были быть бесплатными. Выдача пособий должна была начаться после утверждения МНП проекта школьной сети уезда (города) и плана её осуществления, разработка которых возлагалась на земства и городские общественные управления при участии местных органов церковно-школьного управления (так как в школьную сеть должны были войти училища различной ведомственной принадлежности). Фактически учебное ведомство должно было проверять лишь соответствие количества предположенных к открытию училищ числу детей школьного возраста и правильность расположения училищ относительно распределения населения школьных районов.

Возложение подготовительных работ по введению всеобщего начального обучения именно на органы местного самоуправления, а не на училищные советы или дирекции народных училищ свидетельствовало о стремлении государства покончить с рознью и недоверием между учебным ведомством и земствами и усиливало роль земств в сфере народного образования. В целом, законопроект наиболее полно при доступных тогда средствах отвечал цели введения всеобщего начального обучения: кооперация земств и государства в этом вопросе была необходима, так как в отдельности ни земства, ни казна ресурсов для реализации грандиозного проекта не имели.

Уже в 1907 г. МНП, не дожидаясь рассмотрения законопроекта, на указанных в нём основаниях начало распределение пособий между уездными земствами, заявившими соответствующие ходатайства. По постановлению Совета министров от 13 июля 1907 г. ведомство дополнительно получило в своё распоряжение 700 тыс. руб. на эту цель на 1907 г. (всего в 1907 г. пособия МНП земским школам составили около 1 млн. руб.¹⁵) и 1,4 млн. руб. на 1908 г.¹⁶

В конце 1910 — начале 1911 гг. состоялось обсуждение законопроекта в общем собрании Государственной думы. В целом одобрив его, дума внесла ряд поправок. Был установлен минимум суммы (10 млн. руб.), на которую должно было ежегодно в течение 10 лет увеличиваться пособие школам со стороны МНП, а также определён предельный срок для введения всеобщего начального обучения (10 лет). При этом депутаты исходили из расчётов самого МНП: на выдачу жалованья установленного размера всем учителям — как

существовавших школ, так и тех, которые предстояло открыть — в 1907 г. потребовалось бы 103,4 млн. руб. Чтобы субсидии МНП земствам и городам могли достигнуть этого размера за 10 лет, бюджет ведомства на народные школы должен был ежегодно увеличиваться на 10,3 млн. руб., или на 0,5% бюджета Российской империи 1905 г.¹⁷ Кроме этого, думой предлагалось законодательно обязать содержателей училищ расходовать освободившиеся в результате получения пособий средства исключительно на нужды начального образования и повсеместно установить единые прибавки к жалованью учителей по мере увеличения стажа их работы.

В 1911 г. законопроект был обсуждён в Государственном совете, который внёс ряд поправок, две из которых можно признать более или менее существенными: наименьший размер суммы, на которую в течение 10 лет должны были увеличиваться казённые расходы, был определён в 10,5 млн. руб., из которых 9 млн. руб. должны были быть отпускаемы по смете МНП, а 1,5 млн. руб.— по смете Синода (на церковно-приходские школы); из законопроекта было исключено указание на предельный срок введения всеобщего обучения. Созданная из представителей обеих законодательных палат согласительная комиссия не смогла придти к компромиссу, несмотря на несущественный в целом предмет разногласий. В 1912 г. Государственным советом законопроект был признан отклонённым (аналогичный новый проект в Думе уже не обсуждался)¹⁸. Камнем преткновения стал политически важный, но по существу дела второстепенный вопрос о будущем статусе церковно-приходских школ.

С законопроектом о всеобщем начальном обучении был тесно связан проект нового Положения о начальных училищах, подготовленный под руководством министра народного просвещения А. Н. Шварца взамен нескольких одновременно изданных законов о начальном народном образовании, безнадёжно устаревших и несогласованных между собой (продолжавшего частично действовать общего училищного Устава 1828 г., Положения о начальных народных училищах 1874 г., Положений 1863, 1867 и 1869 гг. для Виленского и Кавказского учебного округов, Волынской, Киевской и Подольской губерний и др.). Проект А.Н. Шварца вводил вместо разрешительного явочный порядок открытия училищ их содержателями, упрощал процедуру назначения учителей на должности, вводил в программу училищ краткие курсы геометрии, географии, истории России, природоведения (в некоторых 4-летних земских школах эти предметы уже изучались по инициативе отдельных учителей и земств, а в остальных дети знакомились с географией, историей и природоведением по хрестоматиям на уроках русского языка). Дума предложила ряд существенных поправок к зако-

нопроекту. Кардинально должен был измениться состав уездного училищного совета, в котором получали абсолютное большинство представители органов самоуправления, а губернский совет превращался лишь в апелляционную инстанцию для уездных советов. Предлагалось ввести в состав совета представителя от учителей уезда. Соответственно, ограничивалась компетенция инспекторов начальных училищ. Земства получали право выработки подробных программ на основе примерных программ МНП и, таким образом, согласно думским поправками должны были, наконец, стать полновластными руководителями земских школ. Другие поправки касались включения в программу обществоведения, ещё большего упрощения порядка допущения преподавателей к исполнению их обязанностей, установления преемственности между начальными народными училищами, с одной стороны, и городскими училищами и средними общеобразовательными учебными заведениями, — с другой. Действие Положения Дума намеревалась распространить и на церковно-приходские школы, вошедшие в школьную сеть всеобщего обучения. Как и следовало ожидать большая часть поправок Думы Государственным советом, более умеренным по составу, была отклонена¹⁹. Согласительная комиссия из членов обеих палат к единому мнению по большинству вопросов не пришла, и в 1913 г. законопроект был вновь передан в Думу, но в связи с Первой мировой войной не получил дальнейшего движения²⁰.

МНП задолго до исхода прений по вопросу о всеобщем обучении в Государственном совете начало осуществление своего проекта (путём циркулярных распоряжений и инициировав появление ряда бюджетных законов), который получил название «подготовительных работ» к введению всеобщего обучения. В 1907 г. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман внёс в Государственную думу два законопроекта о резком увеличении субсидий начальным школам. Государственная дума объединила два законопроекта в один и, внося в него небольшие поправки, приняла в 1908 г. (Высочайше утверждён 3 мая 1908 г.). Фактически на основе этого закона и строилась работа земств и МНП по введению всеобщего начального обучения до 1917 г. Закон предусматривал отпуск с 1908 г. дополнительно на нужды начального народного образования ежегодно 6,9 млн. руб.²¹ из казны с тем, чтобы эти средства передавались земским и городским органам самоуправления и сельским обществам для выплаты жалованья учителям начальных училищ в размере 390 руб. на «школьный комплект». Земства и города обязывались расходовать освободившиеся средства на другие нужды народного образования, не снижая расходов на эту статью в целом. Часть средств (1,9 млн. руб.) предназначалась для пособий на по-

стройку училищных зданий и их оборудование. Во всех начальных училищах, получающих казённое пособие, обучение должно было быть бесплатным. В циркулярном порядке от земств в обмен на субсидии требовалось принятие расходов по хозяйственному обеспечению земских (с 1908 г.) и «министерских» (с 1910 г.) училищ, а также распространение на учителей «министерских» училищ периодических прибавок, выплачивавшихся педагогам земских школ²². Все училища, получавшие казённые пособия, должны были быть обеспечены соответствующими специально устроенными или наёмными школьными помещениями, а их учителя — служебными квартирами или так называемыми квартирными деньгами (в связи с этим условием к 1911 г. лишь 3,3% учителей и учительниц земских школ не имели ни «даровых» квартир, ни «квартирных» доплат²³). Контроль за соблюдением земствами этих условий обеспечивался распределением субсидий через инспекторов начальных училищ. Для получения субсидий земства обязывались представить проект школьной сети, финансовый план его осуществления, карту уезда с обозначением школьных районов, одобренные училищными советами²⁴.

В 1909–1913 гг. ежегодно по инициативе МНП принимались новые законы о крупном увеличении государственных субсидий на нужды начального образования, причём они расходовались на условиях, определённых в законе от 3 мая 1908 г. Законом от 7 июля 1913 г. размер субсидий на «школьный комплект», благодаря поправкам к законопроекту Государственной думы, был увеличен до 420 руб. за счёт повышения вдвое окладов законоучителей; кроме этого, стали отпускатся пособия на «запасных» учителей (исходя из расчёта, что на 100 «школьных комплектов» приходится два запасных учителя), которые временно заменяли учителей, находившихся в отпуске по болезни или другой причине²⁵. В результате в 1907–1913 гг. годовой бюджет МНП на нужды начального образования увеличился на 48,6 млн. руб. Масштаб этой суммы можно оценить, вспомнив ничтожный размер соответствующего бюджета ведомства в 1890-х — первой половине 1900-х гг. и сравнив её со всем государственным бюджетом в начале XX в. (например, в 1912 г. — 2,975 млрд. руб.²⁶). О том, насколько изменились приоритеты государственной политики в начале XX в., свидетельствует также то, что увеличение расходов МНП на начальные школы с большим отрывом опережало рост расходов ведомства на среднее и высшее образование, научные учреждения: на нужды начального образования ассигновано 18% всех расходов МНП в 1905 г., 21% — в 1907 г., 30% — в 1908 г.²⁷ С начала 1910-х гг. свыше половины бюджета МНП назначалось на начальное образование (52,6% в

1912 г.), при этом доля расходов по ведомству МНП в составе государственного бюджета в 1903–1912 гг. увеличилась с 2,1% до 4,4%, что составило наибольший относительный рост расходов среди всех центральных ведомств²⁸.

Ещё в 1907 г., когда стало известно о подготовленном в МНП законопроекте о введении всеобщего начального обучения, подавляющее большинство земств начали в спешном порядке вырабатывать школьные сети своих уездов и финансовые планы их реализации. У многих земств соответствующие материалы уже имелись. В 1907–1910 гг. МНП заключило соглашения о выплате субсидий с 303 уездными земствами (из 359 существовавших в 1910 г.), в 1911 г.— с 23 земствами, в 1912 г.— с 55 земствами, в том числе с 48 новыми уездными земствами, учреждёнными в 1911 г. в губерниях Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилёвской и Подольской. Соглашения заключались путём обычных ходатайств земств о предоставлении пособий, направлявшихся в МНП в установленном законом порядке — через губернаторов и с их заключениями по предмету ходатайств. К концу 1912 г. оставалось лишь 6 уездных земств по Положению 1890 г. (Белгородское, Белецкое, Грайворонское, Оргеевское, Перекопское и Хотинское) и 2 уездных земства по Положению 1911 г., ещё не возбудивших ходатайств о введении всеобщего обучения, с остальными уже шли переговоры или рассматривались выработанные ими предложения; из 426 уездов, чьи земства заключили соглашение с МНП, в 9 уездах (Вытегорский, Кологривский, Лодейнопольский, Нижегородский, Олонецкий, Петергофский, Повенецкий, Рыбинский и Тверской) уже были «заполнены» школьные сети (однако и там из-за «экономических условий» далеко не все дети школьного возраста посещали училища)²⁹. В 1913 г. МНП вновь вступило в соглашение о введении всеобщего начального обучения с 17 уездными земствами (из 440 существовавших к тому времени)³⁰.

Темпы вовлечения земств в государственный проект перегоняли рост государственного финансирования и МНП приходилось удовлетворять ходатайства земств и городов о назначении пособий иногда не полностью, иногда не на то число новых «школьных комплектов», которое было указано в том или ином году по финансовому плану, а иногда не с того времени, с которого пособие испрашивалось.³¹ К 1 июля 1915 г. казённые целевые субсидии получали 414 уездных земств и 334 города; 15 уездных земств и 33 города уже обеспечили население необходимым числом школ. Воронежское губернское, а также Нижегородское и Стерлитамакское уездные земства к 1915 г. возбудили перед МНП ходатайства о введении всеобщего обязательного начального обучения³².

Казённые субсидии привели к небывалому росту земских бюджетов на содержание земских школ, которые превысили даже земские расходы на народное здравие³³; в 1907–1910 гг. рост составил в среднем 54%, причём у земств, не заключивших в этот период соглашений о выплате субсидий с МНП, он составлял 32%, а у 122 земств, получавших такую помощь с 1907–1908 гг. — 86%. В 1910 г. доля государственных средств (10,2 млн. руб.) на содержание земских одноклассных училищ составила 36,5% общей суммы расходов на их содержание, доля земств — 56,7%, сельских обществ — лишь 6,8%³⁴. Вплоть до 1917 г. это соотношение менялось за счёт дальнейшего сокращения доли прямых расходов сельских обществ. Таким образом, земская школа по источникам содержания превратилась в земско-«министерскую».

В большинстве уездов, согласно земским планам, условия для всеобщего обучения должны были сложиться к 1918–1920 гг. В ходе «заполнения» сетей многие земства столкнулись с трудностями в применении бюджетных законов и министерских распоряжений об условиях выплат пособий. Главная трудность заключалась в том, что земства уездов с малой плотностью населения далеко не всегда имели возможность обеспечить наличие в школе не менее 50 учащихся (в среднем на одного учителя в малонаселённых местностях приходилось 30–35 учащихся³⁵) и, таким образом, были вынуждены содержать часть учителей, как и ранее, самостоятельно³⁶.

В соответствии с условиями получения земствами казённых субсидий они принимали на себя хозяйственное содержание земских школ (ремонт зданий, приобретение и доставка дров, найм училищных сторожей), освобождая от них сельские общества. Благодаря этому к 1917 г. участие крестьян в содержании училищ стало крайне редким явлением. Отстранение крестьян от забот о школах было подлинной революцией, имевшей самые благоприятные последствия для качества обучения, условий работы учителей и здоровья детей. До этого, принимая на себя при открытии училищ обязательства по их содержанию, крестьяне относились к ним небрежно — не столько сознательно, сколько не понимая их важности, и стремились к всемерному сокращению расходов на эти цели³⁷. Поэтому они доставляли дрова с опозданием или в недостаточном количестве, нанимали училищного сторожа «за цену невероятно дешёвую», и тот, соответственно, выполнял свои несложные обязанности — вымести пол, вытопить печь и принести утром ведро воды для питья детям — крайне небрежно.³⁸ Некоторые сельские общества вынуждали учителей самостоятельно заботиться об отоплении, освещении и уборке помещений³⁹. Раньше учителя и учительницы терпели «разные обиды и утеснения» со

стороны «отрицательных элементов сельской среды», прося крестьян о своевременном снабжении школ дровами, о предоставлении подводы для поездки в город по служебным делам и т. д.⁴⁰ Все это, писал в 1913 г. инспектор народных училищ Переславского уезда Владимирской губернии, «нарушало спокойствие духа учащихся и понижало в нелёгком их труде необходимую энергию»⁴¹. Особенно нелегко переживали зависимость от сельских обществ учительницы. Директор народных училищ Тульской губернии в 1904 г. писал, что они редко обладали должной настойчивостью, чтобы добиться выполнения крестьянами своих обязательств по отношению к школе. Как отмечал тогда же директор народных училищ Смоленской губернии, должностные лица крестьянского самоуправления, «разделяя взгляд крестьянского сословия на женский труд в общественных делах» и «не будучи знакомы с самыми примитивными потребностями образованного человека», с насмешкой выслушивали жалобы учительниц на холод, угар, сквозняки, невытые полы и другие недостатки школьных помещений⁴². В результате, свидетельствовал инспектор народных училищ Ростовского уезда Ярославской губернии в 1903 г., «училища по неделе остаются без дров, по неделям и даже месяцам без прислуги, по несколько лет без необходимого ремонта... иные [учителя.— *Авт.*] безропотно мирятся и с тем, что в школе мерзнут чернила и приходится сидеть в шубе, и с тем, что самим приходится поставить самовар и вымести пол, и даже принести дров для печки»⁴³. Следствием небрежного отношения крестьян к своим обязанностям по содержанию школ была такая грязь в помещениях училищ, которая постороннему человеку казалась невыносимой. Так, вновь назначенный на должность инспектор народных училищ Ливенского уезда Орловской губернии писал в 1903 г.: «Пробудешь в школе на ревизии 2–3 часа, откашляешься — мокрота черная, как сажа, в ушах, в носу грязь, начнёшь руки мыть, с них течёт грязь, как будто перед этим копался в земле»⁴⁴.

Конечно, и земские управы, принявшие школьное хозяйство от сельских обществ, далеко не всегда с должной внимательностью относились к нуждам начальных училищ. К тому же в первые годы после 1908 г. управы, не имевшие опыта соответствующей работы, достаточного числа подготовленных кадров (заведующих хозяйственной частью, техников, десятских), вырабатывали методы наиболее рационального обеспечения хозяйственных нужд училищ путём проб и ошибок. «Если бы знало общество,— писал об этом времени один из организаторов школьно-хозяйственной работы,— какие чудесные были сделаны местными самоуправлениями благодаря этому [неопытности.— *Авт.*] упущения. Сотни тысяч

рублей были выброшены на ветер»⁴⁵. В поисках поддержки земства предпринимали энергичные попытки создать коллегиальные попечительства, но несмотря на то, что попечительства формально возникали, они оказывались нежизнеспособными. Всё же, в целом, обслуживание земствами школьного хозяйства носило принципиально иной, чем у сельских обществ, характер: оно было планомерным, гораздо реже нарушалось нехваткой средств, почти не зависело от личных взаимоотношений (как ранее от отношений между учителем и старшиной, писарем, старостой и т. д.), было направлено прежде всего на соблюдение санитарно-гигиенических норм. Улучшились взаимоотношения учителей и крестьян. «Обычное недовольство [сельских] обществ на учителей, нередко вызываемое жалобами последних на заброшенность вверенных им школ, — говорилось в отчёте инспектора народных училищ Корочанского уезда Курской губернии, — с переходом содержания последних в ведение земства отходит в область преданий, и между преподающими и обществами устанавливаются лучшие отношения, между тем как в училищах, содержимых самими обществами, эта неприязнь к преподавателям, по крайней мере — сельских властей, остаётся в силе»⁴⁶.

Направление деятельности земств в области начального образования привело бы их к принятию на себя всех расходов по содержанию сельских училищ и без государственного вмешательства, однако последнее резко ускорило этот процесс.

Введение казённых субсидий также благоприятно отразилось на учительском жалованье. В большинстве уездов оно повысилось за счёт установления государством его минимума (360 руб.) и за счёт прибавок к нему из собственно земских бюджетов. В 1911 г. основной оклад земских учителей в среднем составлял 344 руб., жалованье учителей со стажем свыше 5 лет — 399 руб., со стажем свыше 10 лет — 441 руб.⁴⁷ Законом от 7 июля 1913 г. по инициативе Государственной думы введены доплаты за выслугу лет учителям и от государства — по 60 руб. в год за каждые 5 лет службы. Годовое жалованье учителя с 20-летним стажем должно было увеличиться за счёт этого источника на 240 руб., что вместе с аналогичными прибавками от земства существенно улучшало положение учителя. Право на получение этих прибавок с 1 сентября 1913 г. получили учителя, прослужившие к этому времени 20 и более лет. Остальные учителя ожидали специальных решений министра народного просвещения, которые по закону должны были последовать в 1914–1917 гг.⁴⁸ В 1914 г. началась выплата прибавок учителям с 15-летним стажем. Из-за войны выдача прибавок педагогам, про-

служившим 10 лет, началась не в 1915 г., как предполагало МНП, а в 1916 г.⁴⁹

В связи с введением всеобщего начального обучения обострился вопрос о школьных помещениях, который заключался не только в необходимости строить всё больше зданий для вновь открывавшихся школ, но и в необходимости перестройки уже действовавших училищ или постройки для них новых зданий. Последняя задача была не менее актуальна, чем первая, так как значительная часть школ помещалась в непригодных домах. Самые различные источники свидетельствуют, что в начале XX в. помещения подавляющего большинства училищ продолжали страдать от тесноты, темноты, угарных печей, недостаточной вентиляции и теплоизоляции и т. д. Отчасти такие условия были связаны с тем, что многие земские школы помещались в наёмных помещениях — арендованных у отдельных домохозяев или у сельского общества. Обычно они представляли собой деревенские избы со сломанными внутренними перегородками, где в одной комнате помещались сразу 3 отделения учащихся. С другой стороны, сами крестьяне не знали, какими особенностями должны отличаться школьные здания, а большинство земств оставляло их без всякого руководства в этом отношении. В 1890-е гг. губернские земства стали составлять с учётом рекомендаций земских санитарных советов планы школьных зданий и заставлять сельские общества руководствоваться этими планами, выдавая им при этом условия целевые льготные ссуды на длительный срок (многие ссуды не возвращались) или возмещающая часть затрат на строительство. С 1908 г. земства обращали на строительные нужды остатки от смет по народному образованию, образовывавшиеся после получения казённых субсидий на введение всеобщего обучения. В 1908–1909 гг. МНП выдавало и целевые субсидии на школьное строительство из суммы в 1,9 млн. руб., отпущенной на эти цели законом от 3 мая 1908 г. (выдавалось 2/3 стоимости постройки, но не более 2 тыс. руб. на «школьный комплект»)⁵⁰. Между тем, ежегодные общие затраты на школьно-строительные нужды для создания условий для всеобщего обучения в течение 10 лет исчислялись МНП в 1908 г. в 33,3 млн. руб.⁵¹

В связи с этим для выдачи пособий и льготных ссуд на постройку и покупку новых и расширение существовавших зданий начальных училищ при МНП законом от 22 июня 1909 г. был образован государственный школьно-строительный фонд, названный по ходатайству А. Н. Шварца в честь «преобразователя России императора Петра Великого», что свидетельствовало о том значении, которое ему придавалось. Закон о нём был инициирован МНП, которое ещё в 1903 г., под влиянием соответствующих ходатайств

земств и примера западно-европейских стран, признало «крайне необходимым» образование школьно-строительного фонда, однако в то время не сумело осуществить своё намерение из-за отсутствия средств⁵². Фонд открыл свои действия в 1910 г. Ссуды и пособия на строительные надобности выдавались тем училищам, которые вошли в школьную сеть всеобщего обучения, одобренную МНП. Ссуды предоставлялись под 3% годовых на срок до 20 лет (законом от 23 июня 1912 г. установлен предельный срок ссуды в 40 лет, за что высказывались Государственная дума и Общеземский съезд по народному образованию в 1911 г.), в размере до 4/5 от стоимости школьных зданий. Пособия выдавались в размере до 1/2 от строительной стоимости, но не более 2 тыс. руб. для каменной и не свыше 1,5 тыс. руб. для деревянной или глинобитной постройки. Решение о том, что именно предоставлять — ссуду или пособие, принималось МНП на основании отчётов о доходах и расходах земств и органов городского самоуправления за последние 2 года⁵³.

подавляющая часть средств фонда предназначалась земским училищам (79% ссуд в 1910–1912 гг.). В 1909 г. фонд получил в своё распоряжение 1 млн. руб., в 1910 г. — 4 млн. руб., в 1911 г. — 4,5 млн. руб., в 1912 г. — 5 млн. руб.⁵⁴ К концу 1915 г. средства фонда составили 37,2 млн. руб.⁵⁵ В 1912–1915 гг. МНП направило на строительство зданий начальных учебных заведений 46,4 млн. руб. — сумму, более чем значительную. На отпущенные средства в этот период были частью выстроены, частью строились училища на 20,1 тыс. «школьных комплектов», или приблизительно на 100 тыс. учащихся⁵⁶. Повсеместный бум школьного строительства в Европейской России показал, что средняя стоимость школьных построек, как правило, превышала установленные МНП нормы, и поэтому при строительстве школ с помощью государственных пособий казна оплачивала не половину стоимости зданий, как этого требовал закон, а около 36% (данные за 1907–1910 гг.)⁵⁷.

С 1912 г. к проектам школ и квартир для учителей предъявлялись специальные санитарно-технические требования, разработанные МНП. Классные комнаты должны были рассчитываться на 50 учащихся, с тем, чтобы на каждого приходилось не менее 4 м³. Правила предусматривали необходимость включения в планы школ рекреационных комнат, которые ранее практически не встречались в зданиях сельских начальных училищ (так, из 956-ти земских школ, обследованных в Московской губернии в 1909/10 учебном году, рекреационные залы имелись только в 4-х⁵⁸), и поэтому во время перемены учителя были вынуждены или отпирать детей, у многих из которых не было достаточно тёплой одежды, на улицу, или проветривать классное помещение, оставляя

в нём учеников. Наконец, по образцу городских училищ правила требовали наличия раздевалок, из-за отсутствия которых во многих училищах дети были вынуждены сваливать одежду на полу в углу класса или сидеть одетыми.⁵⁹ Строительные нормы закрепили право сельских учителей на относительно комфортное бесплатное жильё: они установили, что число квартир при школе должно соответствовать числу педагогов, особо оговорили необходимость отделения квартиры учителя от других школьных помещений капитальными стенами, требовали наличия у квартиры отдельного выхода на улицу. Однако они не устанавливали минимума площади квартиры, оговаривая лишь, что она должна быть не более 54,6 м² и могла быть разделена на 2 комнаты и кухню (для 1 и 2-комплектной школы)⁶⁰.

* * *

Дальнейшей планомерной реализации проекта введения всеобщего начального обучения помешала Первая мировая война. На 1914 г. на нужды, связанные с введением всеобщего начального обучения, МНП испрашивало дополнительно (сверх заложенного в бюджете 1913 г.) 9 млн. руб., на пополнение школьно-строительного фонда и выдачу пособий на школьно-строительные нужды — 10 млн. руб. (по поправке Государственной думы, размер этого кредита был доведен до 17,6 млн. руб.). Ранее, чем эти средства начали перечисляться, начались военные действия, в связи с которыми Совету министров было предоставлено право сократить бюджет на предметы, не связанные с обороной. В межведомственном совещании по этому вопросу кредит на всеобщее обучение был сокращён на 2/3, и таким образом в распоряжение МНП поступило всего 3 млн. руб. сверх сметы 1913 г. (из них собственно на субсидии земствам предназначалось лишь 438 тыс. руб.). По школьному строительству кредит был сокращён Советом министров первоначально до 11,4 млн. руб., но по настоянию МНП, указывавшего, что в счёт ожидаемого кредита земствами и городами уже строились летом-осенью 1914 г. новые школьные здания, Министерство финансов согласилось на уменьшение сокращения на 1 млн. руб.; таким образом, сокращение выразилось в сумме 5,18 млн. руб., а отпуск — в размере 12,41 млн. руб. В связи с этим МНП было вынуждено сообщить земствам циркуляром от 15 октября 1914 г. об уменьшенных отпусках или отсутствии таковых на ту или иную потребность данного уезда. Земства оказались в безвыходном положении: они не могли ни прекратить платежи по строительству, так как подрядчики должны были рассчитаться за материалы и рабочие руки, ни закрыть школы и уволить приглашённых в них учителей⁶¹. В 1915 г. ассигнования на начальную школу были вновь увеличены

лишь на 3 млн. руб. В школьно-строительный фонд в 1915–1916 гг. было перечислено из казны 20 млн. руб., которые в условиях военной дороговизны на рабочие руки и строительные материалы уже не представляли собой очень значительной суммы⁶². В результате многие школы, начатые постройкой в 1914–1915 гг., за неимением средств остались недостроенными.

* * *

Окончательно реализация проекта введения всеобщего начального обучения прекратилась в конце 1917 г. Несмотря на то, что проект остался незавершённым, он имел важные последствия. Самым очевидным из них стало увеличение количества школ, создание в отдельных местностях условий для введения всеобщего начального обучения. В 2,3 раза в 1903–1914 гг. увеличилось и количество земских одноклассных училищ и число учащихся в них (к началу 1915 г.— 43,67 тыс. школ, 3 073 тыс. учащихся)⁶³. Земские школы распространялись количественно и преображались качественно: их деятельность обеспечивали теперь не безответственные сельские и волостные власти, а земские управы; улучшались санитарно-гигиенические условия в земских школах, всё больше училищ располагалось в зданиях, соответствовавших всем требованиям школьной гигиены. Земская школа фактически превратилась в земско-министерскую. Можно с уверенностью предположить, что если бы России удалось избежать участия в Первой мировой войне и революционных потрясений 1917 г., в стране к началу 1920-х гг. были бы в основном созданы все условия для введения всеобщего начального обучения.

---

¹ Реформа была направлена, прежде всего, на развитие сети земских школ как наиболее распространённого в начале XX в. типа начального учебного заведения в сельской местности.

² *Чижевский П.* Всеобщее обучение и земство.— СПб., 1910.— С. 15–16.

³ *Гebelъ В.* Историческое значение доклада В. П. Вахтерова «Всеобщее начальное обучение» // Научный архив Российской академии образования.— Ф. 7. Оп. 1. Д. 12.— Л. 4–5.

⁴ *Осоков А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917).— М., 1982.— С. 38–40.

⁵ Извлечение из стенографических отчетов заседаний Московского губернского земского собрания... // Материалы по вопросу о введении всеобщего обучения в Московской губернии.— М., 1896.— С. 1.

⁶ *Толстой И. И.* Заметки о народном образовании в России // Мемуары графа И. И. Толстого.— М., 2002.— С. 323.

⁷ Смета доходов и расходов Министерства народного просвещения на 1896 год.— СПб., 1895.— Раздел 1.— С. 157, 180; То же на 1903 год.— СПб., 1903.— С. 116, 157.

- 8 Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении, с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 год.— СПб., 1906.— С. 92.
- 9 Сведения о расходах на содержание начальных училищ от Министерства народного просвещения, земских и городских общественных учреждений в 34 земских губерниях за 1905 и 1906 гг.— СПб., б.г.— С. 9.
- 10 В 1902 г. из 175 уездов, о которых имелись соответствующие сведения, в 161-м на сельские общества падали расходы по ремонту школ и в 161-м — по найму сторожей, отоплению, освещению и прочее. Таким образом, в начале 1900-х гг. участие земств в хозяйственном обеспечении училищ было исключением.— *Веселовский Б.Б.* История земств за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 468–469.
- 11 Подготовительные работы по введению всеобщего обучения // Журнал Министерства народного просвещения. 1908.— № 3.— С. 19.
- 12 Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной комиссии. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Просвещение / Сост. Н.Л. Петерсон.— СПб., 1904.— С. 1–23.
- 13 *Казакова С. В.* Вопросы народного образования в особых журналах Совета министров. 1905–1906 гг. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма.— М., 1980.— С. 282–285.
- 14 *Иорданский Н.Н.* Теория и действительность в области всеобщего обучения // Русская школа. 1911.— № 1.— С. 74.
- 15 Введение всеобщего начального обучения и земские финансы // Журнал Министерства народного просвещения. 1913.— № 9.— С. 48.
- 16 Подготовительные работы по введению всеобщего обучения // Журнал Министерства народного просвещения. 1908.— № 3.— С. 6–7; *Чижевский П.* Всеобщее обучение и земство.— СПб., 1910.— С. 27.
- 17 Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении, с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 год.— СПб., 1906.— С. 104–105.
- 18 Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912.— Ч. 2.— С. 423–426.
- 19 Там же. С. 441–450.
- 20 *Осолков А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982.— С. 134.
- 21 Часть этих средств (1,4 млн. руб.) уже фактически была отпущена упоминавшимся выше постановлением Совета министров от 13 июля 1907 г., принятым в перерыве между деятельностью Думы 3 и 4-го созывов.
- 22 *Малиновский Н. П.* Введение всеобщего обучения в земских губерниях // Русская школа. 1913.— № 7/8.— С. 50–51.
- 23 Первый Общеземский съезд по народному образованию 1911 года. Сводка сведений, доставленных губернскими земствами по программе, разосланной Бюро Съезда.— М., 1911.— Отдел VII.— С. 8.
- 24 Подготовительные работы по введению всеобщего начального обучения в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1910.— № 1.— С. 96–99.
- 25 Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / Сост. К. Денисов.— СПб., 1913.— Вып. 1: 1907–1913 гг.— С. 19–20, 31–49, 57, 79, 87–88; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913 гг. СПб., 1913.— Вып. 2. № 252.— С. 13.
- 26 *Григорьев А.* Специальные средства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1912.— № 4.— С. 139.
- 27 Доклады Бюджетной комиссии Государственной думы по рассмотрению проекта государственной росписи доходов и расходов на 1909 год, с приложениями. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909 гг.— СПб., 1909.— Т. 3. № 82.— С. 36–37.

- 28 *Ульянова Г. Н.* Образование и просвещение. Печать // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 580–581.
- 29 Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912–1913 гг.— СПб., 1913.— Вып. 2.— № 252. С. 2.
- 30 Соподданнейший отчет министра народного просвещения за 1911 год. СПб., 1913. С. 60–61; То же за 1912 год. Пг., 1915.— С. 89–90; То же за 1913 год. Пг., 1916.— С. 120.
- 31 Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / Сост. К. Денисов. СПб., 1913. Вып. 1: 1907–1913 гг. С. 47.
- 32 Объяснительная записка к смете Министерства народного просвещения на 1916 г.— Пг., 1915.— С. 30.
- 33 Там же.— С. 152.
- 34 Введение всеобщего начального обучения и земские финансы // Журнал Министерства народного просвещения.— 1913. № 9.— С. 49, 71.
- 35 Совещания представителей управ Московской губернии и заведующих хозяйственной частью школ.— М., 1912.— С. 9.
- 36 В бюджетном законопроекте на 1914 г. (не был утверждён в связи с 1-й мировой войной) предусматривалось разрешение министру народного просвещения применять к таким местностям особые нормы казённых пособий, с увеличением суммы пособия в расчёте на одного ученика.— Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913–1914 г. Пг., 1914. Вып. 2. С. 226–227.
- 37 Научный архив Российской академии образования. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28.— Л. 84.
- 38 Государственный архив Владимирской области. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 51 об.— 52; Д. 382. Л. 103–103 об.; Центральный исторический архив Москвы. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2986.— Л. 86 об.— 87; Сборник материалов и статистических сведений по народному образованию в Тамбовской губернии. Тамбов, 1901. С. 215.
- 39 Государственный архив Тверской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7694.— Л. 31.
- 40 *Анастасиев А. И.* Народные учительницы // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 10. С. 123.
- 41 Государственный архив Владимирской области. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321.— Л. 353.
- 42 Центральный исторический архив Москвы. Ф. 459. Оп. 4. Д. 3233.— Л. 35, 40.
- 43 Там же. Д. 2991.— Л. 144 об.
- 44 Там же. Д. 2984.— Л. 57 — 57 об.
- 45 *Казанцев П. Н.* Записки старого педагога // Научный архив Российской академии образования. Ф. 18. Оп. 2. Д. 426.— Л. 302.
- 46 *Акимов В. В.* Деятельность Курского земства по народному образованию // Журнал Министерства народного просвещения.— 1910.— № 11.— С. 147.
- 47 Первый Общеземский съезд по народному образованию 1911 года. Сводка сведений, доставленных губернскими земствами по программе, разосланной Бюро Съезда.— М., 1911.— Отдел VII.— С. 3–4.
- 48 ПСЗРИ. Собр. 3.— Пг., 1916.— Т. 33. № 39762.
- 49 Доклады Бюджетной комиссии по рассмотрению проекта Государственной росписи доходов и расходов на 1916 год, с приложениями. Четвертый созыв. Сессия четвертая. 1915–1916 гг.— Пг., 1916.— Вып. 2.— № 18.— Справка № 9.
- 50 Подготовительные работы по введению всеобщего начального обучения в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1910.— № 1.— С. 65.
- 51 Об учреждении при Министерстве Народного Просвещения школьно-строительного фонда для выдачи пособий и ссуд на постройку помещений для начальных училищ. СПб., 1908. С. 5.
- 52 Там же. С. 1–2.

- 53 Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / Сост. К. Денисов.— СПб., 1913. Вып. 1: 1907–1913 гг. С. 81; ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1912. Т. 29. Отд. 1. № 32266.— С. 582–585.
- 54 Григорьев А. Школьно-строительный Фонд имени Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 11.— С. 102–103.
- 55 Отчет по школьно-строительному фонду имени преобразователя России императора Петра Великого за 1915 год. Пг., 1916.— С. 3.
- 56 Объяснительная записка к смете Министерства народного просвещения на 1916 г.— Пг., 1915.— С. 30.
- 57 Малиновский Н. П. Введение всеобщего обучения в земских губерниях // Русская школа. 1913.— № 7/8.— С. 67–69.
- 58 Казимиров Н. Школьные здания в Московской губернии. Описание зданий земских и церковно-приходских школ.— М., 1913.— С. 139.
- 59 Акимов В. В. Деятельность Тульского земства по народному образованию // Журнал Министерства народного просвещения. 1909.— № 10.— С. 179.
- 60 Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / Сост. К. Денисов.— СПб., 1913. Вып. 1: 1907–1913 гг.— С. 95–99.
- 61 Доклад Бюджетной комиссии по Государственной росписи доходов и расходов на 1915 г. Часть II // Доклад Бюджетной комиссии по проекту закона о Государственной росписи доходов и расходов на 1915 год. Четвертый созыв. Сессия третья.— Пг., 1915. С. 239–241.
- 62 Доклады Бюджетной комиссии по рассмотрению проекта Государственной росписи доходов и расходов на 1916 год, с приложениями. Четвертый созыв. Сессия четвертая. 1915–1916 гг.— Пг., 1916.— Вып. 2.— № 18.— С. 41–42.
- 63 Краткий обзор земско-школьного дела в России (По данным Ярославской выставки Северного края 1903 г.).— Ярославль, 1906.— С. 4–5; Начальные училища ведомства б. Министерства народного просвещения в 1915 году.— Пг., 1919.— С. VI.

Л.Г. Протасов

ИТОГИ ВЫБОРОВ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье рассмотрен опыт историографического освоения и интерпретации итогов выборов во Всероссийское Учредительное собрание 1917 г. Показано, что изучение статистики этих выборов было подвержено влиянию политики и идеологии.

Ключевые слова: историография, политика, идеология, демократия, либерализм, конституционализм, электоральная статистика, Учредительное собрание, партии.

Summary. The article examines the experience of historiography research and interpretation of the results of All-Russian Constituent Assembly elections in 1917. It is shown that the study of these elections' statistics was under the influence of policy and ideology.

Keywords: historiography, policy, ideology, democracy, liberalism, constitutionalism, elections' statistics, All-Russian Constituent Assembly, parties.

Электоральная статистика принадлежит к разряду наиболее емких и тем особо ценных исторических источников. В ней закодированы сложные общественные коллизии эпохи. Одновременно она является едва ли не самым субъективистски толкуемым видом статистики. Историографическая судьба статистики выборов во Всероссийское Учредительное собрание, первых общенациональных, состоявшихся в конце 1917 г., пожалуй, под стать драматичной судьбе самих выборов, тем более, их несчастного детища.

Первые попытки истолкования их итогов, предпринятые политическими лидерами и конкурентами, являли пример узко партийного прагматизма. Председатель Учредительного собрания эсер В.М. Чернов в своей «инаугурационной» речи на заседании 5 января 1918 г. подчеркивал «волю к социализму» широких народных масс¹. Совершенно иная оценка результатов общероссийского голосования, продиктованная стремлением удержать захваченную за пару недель до выборов власть, была дана В.И. Лениным. В «Тезисах об Учредительном собрании», опубликованных в «Правде» от имени ЦК партии, он поставил вопрос о «подтасованной воле» народа. В его аргументации, наряду с очевидными идеологемами (республика Советов есть более высокая форма демократизма, чем парламентская республика) и политическими клише (Учредительное собрание стало «лозунгом кадетов, календинцев и их пособников»²), есть конкретный тезис о том, что в результате организационного раскола партии эсеров, случившегося уже после выборов, в Учредительном собрании оказались представители несуществующей партии — «в силу этого даже формального соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание нет и не может быть»³. Ленин, видевший в правовой демократии изощренное орудие буржуазного господства, в центр аргументации выдвинул именно формально-юридический принцип — единственное, что могло иметь сколько-нибудь рациональное истолкование⁴.

Ленин дал и другой «виртуальный» довод относительно несоответствия состава Учредительного собрания волеизъявлению народа: «Выборы в Учредительное собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской пролетарски-крестьянской революции, начавшейся 25 октября 1917 года»⁵. Но не знал тогда всего и сам вождь большевизма, принимавший свои политические вождедения за народные чаяния. Вскоре тот же аргумент, но с обратным знаком, могли предъявить большевикам их противники, держа в уме унижение Бреста, продотряды, ужасы «красного террора».

Умозрительный, если не сказать схоластический, характер полемике тех дней был предопределен отчасти тем, что она не опи-

ралась на статистический базис. После роспуска Всероссийской избирательной комиссии итоги выборов в целом по стране не подводились, а местами не завершились и сами выборы. С разгоном же Учредительного собрания тема выборов и вовсе ушла в тень, заслоненная общественными катаклизмами, сотрясавшими страну.

В своем академическом облике проблема оценки итогов всероссийского голосования могла возникнуть только с публикацией свода избирательной статистики. Поэтому пионером ее должен быть назван Н.В. Святицкий — секретарь комиссии ЦК партии эсеров по выборам в Учредительное собрание. Его трудами по свежим следам событий были выявлены и обнародованы в 1918 г. результаты голосования в 54 из 73 гражданских избирательных округов и некоторые данные по армии. Основным источником для Святицкого стали газеты, поскольку архивные материалы в условиях гражданской войны были ему недоступны, и он даже сомневался в их сохранности. Хотя автор считал долгом предупредить, что «эти цифры в отношении многих приводимых в этой работе округов не могут считаться вполне точными и полными»⁶, в большинстве своем они подтверждены последующими исследователями, а самое главное — они в целом верно отразили общую картину результатов голосования более 36 млн. избирателей.

Неважно, выполнял ли Святицкий партийное задание⁷ или им двигал инстинкт исследователя, но он сознавал значение собранных им статистических данных: «Историку они дадут богатейший материал и ключ к уяснению происходивших и ныне происходящих великих событий»⁸. Правда, Святицкий-историк заметно проигрывал себе же — собирателю, поскольку его анализ был схематичен и пронизан чисто эсеровским романтизмом. Политическим донкихотством отдает конечный вывод: «Русская революция подарила международному социализму ни более ни менее, как тридцать миллионов социалистических избирателей»⁹. Но именно Святицкий впервые отметил ряд неявных, но существенных параметров голосования, например, провал левых эсеров в тех избирательных округах, где они рискнули выдвинуть альтернативные общепартийным кандидатские списки. Им был подмечен статистический казус: из-за того, что избирательная система строилась на принципе «округ=губерния», кадеты собрали голосов во всероссийском масштабе на 30 мест, а получили вполтину меньше, в ряде округов немного не добрав до избирательного метра, дававшего право на мандат. В итоге они потеряли около 1200 тыс. голосов (66%). Меньшевики же одно свое место, полученное на Юго-Западном фронте, в 47 округах оплатили 668 тыс. голосов, потеряв даром не менее 600 тыс.

В стране, расколотой на сторонников и противников Учредительного собрания, труды Святицкого не остались втуне. В конце 1919 г. Ленин, ознакомившись с его «замечательно интересной» статьей, написал одну из классических своих работ, обобщавших исторический опыт большевизма — «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». Вероятно, автором статьи «Статистика и социология» здесь двигал азарт пытливого исследователя, в чьих руках оказался столь редкий статистический материал.

При сопоставлении ленинских оценок итогов голосования в конце 1917 г. и двумя годами спустя создается впечатление, что они даны разными авторами, при всей схожести стиля и публицистического напора. В первом случае Ленин шел от общего к частному, «подтягивая» аргументацию к необходимости удержать завоеванную власть. Через пару лет эфемерность аргументов вроде единых эсеровских списков стала настолько очевидна, что была просто отброшена за ненужностью. Победа в гражданской войне позволяла говорить языком триумфатора, без словесной маскировки. К тому же оказавшийся в руках Ленина статистический свод своей математической выразительностью не позволял отрицать очевидного, и он шел здесь за материалом как исследователь — от эмпирии к обобщению. Его анализ своей научной эффективностью, несомненно, превосходил методику «средних цифр» Святицкого. Избирательная статистика для Ленина — способ выявить некоторые закономерности классовой борьбы и условия победы большевизма.

Ленин разбил все кандидатские списки на три группы — «партия пролетариата (большевики)», «партии мелкобуржуазной демократии (эсеры, меньшевики и т.п.)», «партии помещиков и буржуазии (кадеты и т.п.)» — и подсчитал, что за них было подано в целом по стране 25%, 62% и 13%¹⁰, соответственно. Особо выделив промышленные районы, столицы и армию, он сформулировал три тактических условия успеха большевизма в октябре 1917 г.: «1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру»¹¹. Именно они, по Ленину, объясняли такое чудо, как победа его партии, получившей на выборах 1/4 голосов, над «мелкобуржуазными и буржуазными» партиями, собравшими остальные 3/4 голосов. Сама постановка вопроса о большинстве на выборах как источнике власти у Ленина отсутствует, не считая упоминания, что большевики имели время и возможность отвоевать крестьян у эсеровской партии; национальный фактор заслуживает лишь замечания о необходимости его учета.

Оставляя в стороне шокирующий цинизм практического политика, выбравшего из статистической совокупности нужные ему

показатели, заметим, что Ленин ничем не выразил сомнения в правдивости статистики, ни словом не упомянув каких-либо нарушений свободы выборов. Напротив, наложение итогов голосования на карту гражданской войны привело его к откровенному признанию: «...именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний»¹². В этом его убедила жестокая реальность. «Разве крестьяне Урала и Сибири,— писал он чуть раньше,— которые на выборах в Учредительное собрание дали наименьший процент большевиков, не поддержали фронт Учредительного собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эсеров,— разве они не были лучшим человеческим материалом против коммунистов?»¹³. Это наблюдение вполне применимо и к крестьянам «большевистских» территорий, придавленным гнетом реквизиций, продотрядов, чрезвычайек, где их глухое недовольство властью порой выливалось в широкое повстанческое движение, как это было на Тамбовщине в 1918–1921 гг.

Таким образом, в подтексте ленинского анализа статистики выборов в Учредительное собрание просматривается проникнутый историзмом вывод об адекватности результатов голосования.

Взгляды Ленина, канонизированные с его смертью, стали альфой и омегой советской историографии в ее подходах к статистике выборов в Учредительное собрание. Это воздействие было двояким. С одной стороны, удостоверялась ее значимость и ценность. Более того, предложенная Лениным трехчленная группировка партий, при всей ее тенденциозности, сыграла позитивную роль в ситуации нарастающей в 1930-е гг. догматизации исторического знания, поскольку она противостояла попыткам свести механику политического противоборства в России к примитивной схеме «двух лагерей» в духе «Краткого курса истории ВКП(б)», определявшего социалистов как социал-предателей, прислужников буржуазии.

Вместе с тем, ленинские оценки наложили тяжелую печать на изучение проблемы в целом, резко ограничив поле научного поиска, поскольку были, якобы, даны ответы на все вопросы. Отпала, как научная потребность, задача восстановления статистического фонда в максимальном объеме, о чем мечтал Святицкий. Созданная в конце 1920 г. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт), имевшая целью собирание и издание архивных и печатных источников, в данном отношении ничем не отметилась.

Весьма упрощена была трактовка избирательной статистики. Она сводилась в основном к показу голосования за большевиков как наглядной иллюстрации к их победе. Когда в 1922 г. был инспирирован судебный процесс над руководством партии эсеров,

среди мотивов его организаторов было желание окончательно дезавуировать победу эсеров на выборах Учредительного собрания¹⁴. Понятно, что ступить на минное поле проблемы было опасно, и это проявилось в стремлении «забраковать» результаты выборов под предлогом того, что они не соответствовали воле народа, были подтасованы. В пафосе обличения «учредилки» состязались и старые большевики — очевидцы событий¹⁵, и немногие историки, получившие, скорее всего, официальный заказ¹⁶. Из их числа выделялись первые монографии по истории Учредительного собрания Н.А. Шавеко¹⁷ и Н.Л. Рубинштейна¹⁸. Имея целью оправдать поражение большевиков на выборах, их авторы нажимали на то, что избирательный закон был составлен кадетами с расчетом исказить волю трудящихся, ущемляя представительство пролетариата, а преданный Временному правительству избирательный аппарат фальсифицировал результаты голосования и т.п. Голословно утверждалось об огромном абсентеизме на выборах¹⁹. «Нигилистический» подход не стимулировал интереса к электоральной статистике как источнику, и подготовленный в 1930 г. сборник документов и материалов «Всероссийское Учредительное собрание» содержал обширную информацию, включая впервые выявленный составителями список членов ассамблеи (пусть и с серьезными дефектами), но в нем не было главного — итогов голосования.

Этот очевидный пробел решено было восполнить при подготовке многотомной «Истории гражданской войны в СССР», когда в 1940–1941 гг. сотрудники редакции издания Р.И. Кроль, З.Л. Кроненберг и Е.Н. Городецкий собрали статистический материал по 67 избирательным округам, используя фонды центральных и местных архивов, что дало в итоге свыше 44 млн. голосов — на 8 млн. больше, чем было у Святицкого. Но эти материалы так и не вошли в издание. Их публикация в самом общем виде состоялась гораздо позже в книге Е.Н. Городецкого «Рождение Советского государства» с дежурным уведомлением, что «в целом подсчеты по 67 округам подтверждают тот вывод, который сделал Ленин по 54 округам»²⁰. Ставшая советской классикой монография не содержала новизны в трактовке выборов, не считая того, что в ней была дана таблица процентного распределения голосов по губернским городам и их гарнизонам для эсеров, большевиков и кадетов. Исходя из того, что Министерство внутренних дел ориентировалось «с запасом» на 90 млн. избирателей, историк определил абсентеизм как огромный — «более 50% избирателей не приняли участие в голосовании»²¹. Вряд ли глубокий знаток проблемы Городецкий не создавал «источниковедческий грех», сопоставляя завышенную величину электората с цифрой, полученной для 67 избирательных округов из 81.

Что наука, как и природа, не терпит пустоты и не знает государственных границ, свидетельствует книга американского историка Оливера Рэдки, вышедшая в 1950 г. под названием «Выборы в Российскую Конституционную ассамблею»²². Небольшая по объему (89 страниц), основанная на данных Святыцкого, она, тем не менее, стала прорывом в исследовании проблемы, поскольку насыщена непредвзятыми наблюдениями и выводами. Обозначив Учредительное собрание как печальное событие, когда более 40 млн. голосов были выброшены на ветер, Рэдки оценил выборы как «фундаментально свободные». Выделив ряд регионов (Северо-Запад, Центрально-промышленный и Центрально-черноземный, Кама-Урал, Сибирь, Украину, Белоруссию, Прибалтику), он в каждом выбрал объектом одну из губерний с комментарием итогов голосования. Так, дележ мест между большевиками и эсерами в непромышленной Новгородской губернии (обе партии получили по 4 мандата) он объяснял связью местного крестьянства с промышленным Петроградом. Задаваясь вопросом, почему в Курской губернии, где крестьяне «были настоящие, именно крестьяне», большевики все же отвоевали 2 места, Рэдки приписывал это солдатам, «их яростной агитации за большевиков»²³. Итоги голосования в Томской губернии, где эсеры взяли все 9 депутатских мандатов, он объяснил кратко и емко: «Нет ни фронта, ни города». В отношении Украины (Полтавская губерния) — «крестьяне плюс националисты»; в Белоруссии (Витебская губерния) — «слаб белорусский национализм, влияние фронта плюс солдаты». Вывод американского историка гласил: «Чем дальше от сердца революции, тем однобокая политика большевиков меньше имела успеха», хотя в иных случаях отдаленность от центра помогала им. Обобщая факт поражения советского правительства на выборах, Рэдки, однако, уточняет, что оно было сильно там, где было нужно, «чтобы убрать руку эсеров с мягкотелого российского крестьянства».

Касаясь вопроса о том, насколько свободны были выборы, Рэдки отмечает влияние большевизированных солдат, но и большевики имели основания жаловаться на помехи там, где их агитация блокировалась или запрещалась, где их называли германскими шпионами. Нечестные способы были в ходу, но эксцессов было мало, в сравнении с масштабами страны. В итоге еще много десятилетий назад О. Рэдки сделал вывод, звучащий современно: «Громадное большинство электората свободно изъявило свою волю... Выборы далеки от образцовых, но они, без сомнения, не были фарсом»²⁴.

Не обошел Рэдки и вопрос о степени осознанности политического выбора, отмечая растущую поляризацию настроений и то, что к ноябрю голосующие уже намного лучше знали, как голосовать,

чем на летних муниципальных выборах. Каждая партия имела на выборах свое несокращаемое ядро («гранит») и охвостье («мел»). Характеризуя кадетские дела, Рэдки подчеркивал их успехи в городах, где имелаась поддержка средних слоев, но им нечего было сказать крестьянам из того, что те хотели бы слышать, и некому было оценить кадетские аргументы о праве частной собственности за отсутствием в деревне «фермерского элемента».

Отмечая высокий уровень явки на выборы в деревне, достигавший иногда 90% в резком контрасте с апатией горожан, Рэдки заключал, что хотя уровень гражданской сознательности был невысок, нельзя полагать, что он вообще отсутствовал: на элементарном уровне избиратель знал, что делает. В отличие от советских исследователей, Рэдки в центре внимания держал крестьянство, которое своими голосами определяло общий итог выборов. Политическая ковкость крестьянства имела свой предел, и большевики это хорошо понимали, побивая эсеров в частности, играя на смутном крестьянском революционном сознании, но старательно скрывая именно то, что они проявили в период военного коммунизма.

То обстоятельство, что Рэдки своей задачей ставил не историю Октября, а именно выборы в Учредительное собрание как институт политической демократии, столь ценимый в США, на наш взгляд, обеспечило должный уровень научной эмансипированности, который и за океаном было трудно гарантировать в апогее маккартизма и «холодной войны».

В этой связи уместно отметить два примечательных историографических факта. Во-первых, книга О. Рэдки, хоть и не была переведена на русский язык, но и не подвергалась разностной критике от историков, специализировавшихся на критике западной советологии. По оценке Г.Л. Соболева, «в его книге можно было найти и ряд верных наблюдений, основанных на добросовестном изучении источников»²⁵, пусть даже эти комплименты касались признания большевистских успехов. Во-вторых, переиздание монографии, вдвое расширенное²⁶ (165 с.), аналитически не содержит принципиально нового в сравнении с написанным сорока годами раньше. Рэдки только добавил вторую часть — «Выборы пересмотренные», дав оценку новых ставших ему известными статистических данных. Свое понимание проблемы Рэдки выразил обилием таблиц, составленных соединением сведений Святицкого, фондов ЦГАОР (ныне — ГАРФ) и периодической печати. Если в первой редакции таблица «Результаты выборов в округах» охватывала суммарно 41686876 голосов, то во второй — 44218155. Дополнены, в целом или частично, Калужский, Могилевский, Камчатский, Якутский, КВЖД, Бессарабский, Уральский округа, Кавказский фронт. Поме-

щенные автором таблицы отражают голосование за левых и правых эсеров (оборонцев), левых и правых меньшевиков, плехановцев, трудовиков, за национальные партии и кооперативы, за еврейские партии — от социалистов до сионистов, таблицы голосования по отдельным социальным стратам (крестьяне, казаки, земельные собственники и др.) и конфессиям.

Книга О. Рэдки задала координаты, которым следовала западная историография в той мере, в какой касалась итогов выборов в Учредительное собрание: «В ходе первых свободных выборов в своей истории русский народ проголосовал за умеренный демократический социализм, против Ленина»²⁷.

Отечественная наука тогда не располагала сводной статистикой помимо работы Свяцицкого, запертой в спецхранах. Однако законы научного познания, не зависящие от политических режимов, все более проявляли себя как практическая потребность. Этому сопутствовали и внешние факторы, с особой силой влиявшие в советском обществе на состояние науки. В середине 1950-х гг. развернулась фронтальная подготовка к 40-летию юбилею Октября, в ходе которой было опубликовано довольно много данных о выборах в Учредительное собрание по отдельным регионам, городам, гарнизонам на материалах провинциальных архивов. Главное, что публикаторы приводили развернутые статистические сведения, предоставляя исследователю самому выбирать метод анализа.

Совокупными, хотя и разрозненными усилиями складывалась общедоступная база данных о выборах в Учредительное собрание, хотя и в «привязке» к «Великому Октябрю», и потому использовалась по-прежнему иллюстративно, в подтверждение закономерности успеха большевиков и обреченности их политических противников. Так, Л.М. Спирин в монографии «Классы и партии в гражданской войне в России»²⁸ дал сводку 65 избирательных округов, 67 губернских городов, 48 гарнизонов. Факт такой публикации оказался значимее ее содержания, страдавшего серьезными изъянами — искусственной группировкой партий, привлечением округленных до нескольких нулей цифр (Северный, Кавказский фронты), дискредитировавшими сам авторский замысел. Один за другим стали появляться труды по истории подготовки и созыва Учредительного собрания, а также специально о выборах²⁹. В конкретном анализе статистики приходилось выходить за рамки известной схемы, не способной охватить все многообразие данных. Вырабатывались адаптивные модели объяснения, вроде того, что итоги выборов отражают расстановку политических сил накануне Октября, а не после него³⁰.

Неизбежный отход от официозной трактовки «учредилки» проявился в споре вокруг ленинского понимания места Учредительного собрания в революции. Конечно, происходил он под знаком «нового прочтения» Ленина. Ленинградский историк О.Н. Знаменский в своей статье в историографическом ежегоднике за 1970 г.³¹ отметил, что при очевидном росте интереса историков к итогам выборов «даже в специальной литературе об Учредительном собрании преобладает мнение о неверном, искаженном отображении выборами политических настроений народных масс». Он объяснял это затруднениями в попытках согласовать разновременные ленинские оценки. Тонкий источниковед, ученик знаменитого С.Н. Валка, Знаменский писал, что по мере более детального ознакомления с итогами голосования «Ленин как подлинный ученый отказался от прежних выводов, которые не подтверждались новыми материалами»³². Но даже столь деликатная критика ленинской аргументации подверглась жесткой, явно срежиссированной критике. Через журнал «Вопросы истории» Т.П. Чернобаева категорически отвергла предположение об отказе Ленина от им же выдвинутого тезиса о решающем влиянии единых эсеровских списков на исход голосования, сославшись на то, что у Ленина нет ни одного высказывания, подтверждающего отказ от прежних выводов³³. Попытки Знаменского оправдаться тем, что речь идет не о противоречиях Ленина, а о подходе к проблеме с разных сторон, не были приняты: редакция журнала благоразумно не стала публиковать его объяснения — материалы архива редакции хранят обвинения в том, что суждения Знаменского перекликались с тезисами «буржуазных фальсификаторов» Э. Карра и Х. Сетон-Ватсона, будто заявления Ленина о несоответствии голосования воле избирателей были всего лишь маневром, потерявшим смысл спустя два года³⁴.

О.Н. Знаменскому приходилось защищаться тем же оружием — ленинскими цитатами, других возможностей советские историки просто не имели. Но согласимся с мнением мемориальной статьи о нем, что его выводы обогатили отечественную историографию³⁵.

Соблюдая политическую лояльность, Знаменский, тем не менее, стал новатором. Его монография «Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения» (Л., 1976) — рубеж в советской историографии проблемы. В разделе «Выборы в Учредительное собрание и их итоги» автор дал сводку, позволившую утверждать, что выборы состоялись не в 67 округах, как у Л.М. Спирина, а в 75 округах, возможно, и в некоторых остальных (это подтверждено нашими находками). Вину за нарушения избирательной демократии в процессе выборов Знаменский возлагал на обе стороны, но заключал, что их не так много, чтобы перечер-

кнуть общие итоги голосования. Он опроверг бытующее в советской литературе суждение, будто левые эсеры, выставив альтернативных кандидатов, собирали значительно больше голосов, чем прочие эсеровские списки, статистически подтвердив наблюдения Н.В.Святицкого, что в пяти таких избирательных округах (Енисейский, Воронежский, Вятский, Приамурский, Тобольский) левые эсеры получили лишь 0,07% всех голосов³⁶. Пересмотрев свой вывод относительно избирательной инертности населения, особенно сельского, историк признал, что это заставили его сделать «Русские ведомости» и что газета располагала достоверной статистикой об участии в голосовании 60–80%, а то и 90% сельских избирателей³⁷. Основываясь на установленной Л.Г. Протасовым корреляции между итогами выборов и темпами установления власти Советов в уездах Тамбовской губернии, Знаменский сделал не оставляющий сомнений в своей принципиальности вывод о том, что «соответствие между итогами голосования и всем ходом борьбы сил революции и контрреволюции обнаруживался не только в масштабе страны, но и в отдельных районах»³⁸.

В 1982 г. вышла в свет книга Е.А. Скрипилева «Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование», содержащая раздел «Выборы в Учредительное собрание и их итоги». Это набор идеологических штампов, начиная с того, что якобы свыше половины избирателей не голосовало, а все нарушения свободы выборов приписывались только противникам большевиков. Официозность оценок доведена до абсурда: «если правые эсеры и сохранили свои голоса, то преимущественно за счет того, что они выступали с левыми в одних списках»³⁹. Непрофессионализм автора отчетливо проявился в том, что правых эсеров («воленародовцев») он отождествлял со всей партией — от Чернова до Брешко-Брешковской, явно не подозревая о глубоких программных и тактических разногласиях, раздиравших партию.

Последним заветом уходящей историографической эпохи стала книга Л.М. Спирина «Россия. 1917 год». Вышедшая в обстановке «публицистического рая» горбачевской поры, она отразила состояние растерянности профессиональной историографии. Впервые в истории вопроса исследователь, пользуясь возможностями сотрудника элитарного Института марксизма-ленинизма, дал в виде приложения сводку всех кандидатских списков в 68 избирательных округах с результатами голосования за них. Спирин определил число поданных голосов (свыше 45 млн.) примерно в 60% от контингента избирателей⁴⁰, отказавшись от догмата, будто большинство населения игнорировало выборы. Но автор постарался втиснуть эти новации в прежние схемы, слегка подновив их идеологемой

«активного большинства» народа. «В России,— писал он,— это активное большинство представляло почти четверть населения. Оно состояло из большинства рабочих, половины армии, значительной части беднейшего крестьянства»⁴¹. Спирин поддержал бездоказательное обвинение в «заведомых» (так в тексте! — *Л.П.*) злоупотреблениях противников большевизма. В вопиющем противоречии с опубликованной им статистикой следует вывод: «Итоги таких выборов не отражали истинного положения, которое в то время сложилось в стране»⁴².

После 1991 г. начался своеобразный «ренессанс» темы, в ходе которого политической, а затем и научной реабилитации подвергся сам депутатский корпус и, соответственно, статистика выборов. Сами выборы Учредительного собрания обрели, наконец, в современной историографии заслуженный статус первых в истории России общенациональных демократических выборов. По справедливому суждению В.В. Лазарева, они не просто отражают развернутую и достаточно представительную картину расстановки политических сил в кульминационный момент революции 1917 года. Выборы «суммируют итоги и дореволюционного политического развития, и того процесса перестройки и диверсификации, который претерпела партийно-политическая система России при «временном режиме». Наконец, трудно удержаться от предположения, что выборы в Учредительное собрание представляют нам отправную точку нереализовавшегося исторического процесса, пойдя события иным, менее катастрофичным путем»⁴³.

Не задаваясь целью воссоздать современную историографическую ситуацию, замечу, что ожидаемого взрыва научного интереса к проблеме выборов в Учредительное собрание не отмечено. Явно «некоммерческая», она связана с кропотливой источниковедческой проработкой и не сулит публицистического эффекта. Сказались и охлаждение общественного внимания к революционной тематике, и разрыв в преемственности поколений историков. Специальных работ немного, главным образом это монографии Л.Г. Протасова «Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели» (М., 1997) и «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи» (М., 2008), а также ряд других публикаций того же автора. В результате многолетних целенаправленных поисков удалось выявить конечные итоги голосования в Ферганском округе (770284 голоса), на Кавказском фронте (330987 голосов) и существенно дополнить данные по Закавказскому (2453102 голоса) и Бессарабскому (348695 голосов) округам, доведя общее количество поданных голосов до 48,5 млн. С учетом еще примерно 800 тыс. избирателей, чьи бюллетени были признаны недействительными,

явку на выборы можно оценить в 65-67%. На данный момент статистикой более или менее полно представлены 75 избирательных округов из 78, где выборы состоялись. Но и остальные голоса не должны пропасть для истории, и это — перспективная научная задача.

Актуальным представляется также изучение электоральной статистики на местном уровне, тем более, что она основательно опущена прошлой догматизацией. Сделано пока лишь начало⁴⁴. Состоявшийся в октябре 2007 г. в Институте Российской истории РАН «круглый стол» «Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания»⁴⁵ вновь показал универсальный характер проблемы, многообразие точек зрения в академической среде. Примечательно другое: и либеральная концепция, с ее акцентом на Учредительное собрание как вершину политической демократии 1917 г., и неолевашевская, по сути, концепция, предпочитающая говорить о социалистическом выборе народа и тем оправдать разгон Учредительного собрания в пользу Советов, сходятся на том, что всеобщее голосование в России в конце 1917 г. стало историческим и, как теперь очевидно, непреходящим уроком демократии на все времена.

---

1 Всероссийское Учредительное собрание. Первый и единственный день его занятий (5–6 января 1918 года).— Одесса, 1918.— С. 11.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч.— Т. 35.— С. 165.

3 Там же.— С. 163.

4 Именно этот тезис был положен в основу декрета ВЦИК об отзыве депутатов, прошедших по единым эсеровским спискам, посредством которого большевики попытались изменить политический баланс сил в Учредительном собрании (Декреты Советской власти.— М., 1957.— Т. 1.— С. 312).

5 Ленин В.И. Полн. собр. соч.— Т. 35.— С. 163.

6 Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции. 1917–1918. Сб. статей.— М., 1918.— С. 106.

7 В январе 1918 г. ЦК эсеров наметил меры по изданию материалов об Учредительном собрании, включая подготовку книги о нем (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Октябрь 1917 г.— 1925 г. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.— С. 556).

8 Святицкий Н.В. Указ. соч.— С. 104.

9 Там же. С. 119.

10 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40.— С. 2.

11 Там же.— С. 10.

12 Там же.— С. 16.

13 То же. Т. 39.— С. 401.

14 Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства.— М., 2005.

15 Бонч-Бруевич В.Д. Созыв Учредительного собрания // Огонек. 1925.— № 46; Ильин-Женевский А.Ф. Трагикомедия Учредительного собрания // Красная ле-

- топись. 1927.— № 3; *Раскольников Ф.Ф.* Рассказ о потерянном дне // *Новый мир.* 1933.— № 12; *Цветков-Просвещенский А.* В историческую ночь (Разгон Учредилки) // *Каторга и ссылка.* 1932.— Кн. 11–12; *Шляпников А.* Память Учредилки // *Огонек.*— 1924.— № 5.
- ¹⁶ Временное правительство и Учредительное собрание. С предисловием Н.Л. Рубинштейна // *Красный архив.* 1928.— № 3; *Деготь В.* Разгром Учредительного собрания и III съезд Советов // *Каторга и ссылка.* 1932.— Кн. 11–12; *Королева А.* Разгон Учредилки // *Борьба классов.* 1934.— № 11; *Она же.* Как происходили выборы в Российское Учредительное собрание // *Борьба классов.* 1936.— № 1; *Ремизова Т.А.* Выборы в Учредительное собрание в 1917 году // *Исторический журнал.* 1937.— № 11.
- ¹⁷ *Шавело Н.А.* Октябрьская революция и Учредительное собрание.— М., 1928.
- ¹⁸ *Рубинштейн Н.* К истории Учредительного собрания. М.-Л., 1931; *Он же.* Большевики и Учредительное собрание.— М., 1938.
- ¹⁹ *Лазарев В.В.* Списки кандидатов в Учредительное собрание как источник по истории борьбы политических партий в России в 1917 г.: Автореф... дис... канд. наук. М., 2000. С. 11.
- ²⁰ *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства.— М., 1967.— С. 437.
- ²¹ Там же.
- ²² *Radkey O.H.* The Elections to the Russian Constituent Assembly. January 1918.— New York, 1950.
- ²³ *Ibid.* P. 25.
- ²⁴ *Ibid.* P. 50.
- ²⁵ *Соболев Г.Л.* Октябрьская революция в американской историографии. 1917–1979-е годы.— Л., 1979.— С. 158.
- ²⁶ *Radkey O.H.* Russia goes to the Polls. The Elections to the All-Russian Constituent Assembly, 1917.— Ithaca-London, 1989.
- ²⁷ *Shub David.* Lenin: A Biography.— London, 1969.— P. 315.
- ²⁸ *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968.— С. 420–423.
- ²⁹ *Динес А.С.* Некоторые итоги выборов в Учредительное собрание // *Ученые записки Саратовского университета.* Саратов, 1958. Т. 59; *Знаменский О.Н.* Выборы в Учредительное собрание в Петрограде // *Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР.*— Л., 1967; *Кириенко Ю.К.* Итоги выборов в Учредительное собрание на Дону // *История СССР.* 1970.— № 1; *Коренькова З.М.* Большевицкая партия на выборах в Учредительное собрание // *Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина.* М., 1957. Т. 68.— Вып. 2; *Марам Х.М.* Рабочие, солдаты и матросы голосуют за Ленина // *Вопросы истории КПСС.* 1968.— № 11; *Петраш В.В.* Выборы в Учредительное собрание по Балтийскому избирательному округу // *Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.-Л., 1964; *Протасов Л.Г.* Материалы Тамбовской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание как исторический источник // *Под знаменем Октября.* Воронеж, 1966. Вып. 1; *Он же.* Солдаты тыловых гарнизонов и выборы в Учредительное собрание // *Революционное движение в русской армии в 1917 году.*— М., 1981; *Рыбалка И.К.* Рабочий класс Украины на выборах во Всероссийское и Всеукраинское Учредительные собрания // *История СССР.* 1965.— № 1; *Хесин С.С.* Флот голосует за политику Ленина (Выборы в Учредительное собрание по флотским избирательным округам) // *История СССР.*— 1970.— № 1.
- ³⁰ См., напр.: *Щагин Э.М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России.— М., 1974.— С. 190–197.

- 31 *Знаменский О.Н.* В.И. Ленин об итогах выборов в Учредительное собрание // История и историки. Историческая концепция В.И. Ленина. Методология. Лаборатория.— М., 1972.
- 32 Там же.— С. 413.
- 33 *Чернобаева Т.П.* Об оценке В.И. Лениным итогов выборов в Учредительное собрание // Вопросы истории.— 1973.— № 9.— С. 202.
- 34 См. об этом: *Николаев А.Б.* История Учредительного собрания в трудах О.Н. Знаменского // Историк и революция.— СПб., 1999.— С. 21.
- 35 Там же.
- 36 *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения.— Л., 1976. С. 284.
- 37 Там же.— С. 295.
- 38 Там же.— С. 268.
- 39 *Скрипильев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование.— М., 1982.— С. 181.
- 40 *Спирин Л.М.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987.— С. 238.
- 41 Там же.— С. 241.
- 42 Там же.— С. 237.
- 43 *Лазарев В.В.* Указ. дис.— С. 4.
- 44 *Зайцев И.В.* Выборы в Учредительное собрание в Калужской губернии // Вопросы выборов и избирательного права. Калуга. 1998.— № 1; *Палюлина И.А.* Выборы в Учредительное собрание в Костромской губернии в 1917 году // Вестник Костромского государственного педагогического университета им. Н.А. Некрасова. 1997. № 2; *Она же.* Особенности губерний Верхнего Поволжья и их влияние на поведение электората на выборах в Учредительное собрание в 1917 году // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 1999. № 4; *Панфилов А.В.* Алаш и выборы в Учредительное собрание // Россия и Восток: проблемы взаимодействия.— Челябинск, 1995.— Ч. 1 и др.
- 45 Отечественная история.— 2008. № 6.— С. 167–193.

Н.Ф. Бугай

ПРОБЛЕМА ДЕПОРТАЦИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ ГРАЖДАН СОВЕТСКОГО СОЮЗА, РОССИИ В ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

Аннотация. В центре внимания статьи — вопросы освещения в современной историографии стран ближнего и дальнего зарубежья проблемы депортации и реабилитации граждан Советского Союза. Показаны основные направления исследовательской деятельности историков разных стран в изучении проблем национальной политики.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие». Направление № 4: «Становление гражданского общества в России». Координатор — член-корреспондент РАН Сахаров А. Н.

Ключевые слова: национальная политика, национальная идентичность, национальные конфликты, депортация, реабилитация, историография, страны СНГ, этнические меньшинства.

Summary. The article deals with the question of reflecting in modern CIS and foreign historiography the problem of the soviet citizenry deportation and rehabilitation. There are represented the main directions of the national policy studies by the historians of different countries.

Keywords: national policy, national identity, national conflicts, deportation, rehabilitation, historiography, CIS, ethnic minorities.

Для историографии избранные направления исторической науки не носят фронтального характера в странах СНГ¹. Более продуктивной является работа, проводимая в этом плане в республиках Казахстан, Узбекистан, Украина. В последнее время к теме обращаются также частично историки Азербайджана, Беларуси и Грузии. Несомненно, это обусловлено необходимостью конкретного решения вопросов реабилитации в названных государствах.

В каждой из республик за короткое время была создана соответствующая нормативно-правовая база, успешно использовался и опыт Российской Федерации. Вероятно, ослабленное внимание к этой проблеме объясняется и тем, что республики в первой половине 1990-х годов провели комплекс мер по реабилитации этнических общностей и граждан, а изучение темы как бы отступало само по себе. В то же время практические меры по реабилитации осуществлялись в различных формах и с разной долей успеха в Казахстане, Азербайджане, Украине. Это явилось поворотным моментом в активизации изучения проблемы, формировании историографии самой темы в республиках.

На сайтах в последнее время появились и некоторые сведения о так называемых «барзанцах», проживавших во второй половине 1940-х годов в Азербайджане. Для неосведомленного читателя не совсем будет понятным происхождение такой «этнической группы».

В документах НКВД СССР значится переселенный в 1949 г. контингент курдов общей численностью 499 человек. Это члены отряда курдов, перешедшие границу СССР еще в 1947 г.

После того, как «барзанцы» оказались на территории Нахичеванской АССР, отряд был интернирован и разоружен. М. Барзани сообщил, что в течение 15 лет вел вооруженную борьбу против британцев и их иракских марионеток, предложил продолжить ее, если советское руководство пойдет навстречу его просьбам: обеспечит его людям военное обучение и поможет с оружием.

Первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М. Багиров предложил разместить отряд в одном из лагерей на Апшероне, органи-

зовать его питание, снабжение и обучение современному военному делу. В данном случае преследовались далеко идущие цели, а именно — использовать отряд в будущем для ведения вооруженной борьбы или диверсий против правительств государств Багдадского пакта.

Одновременно советское руководство пыталось разрушить родоплеменные отношения, которые регламентировали жизнь и отношения «барзанцев». Для этого М. Барзани был отселен от соплеменников и поселен в Шуше, а впоследствии в Баку.

Один из авторов публикации о «барзанцах», не назвавший фамилию, констатирует, что «советских агитаторов ждало жестокое разочарование, так как идеи марксизма-ленинизма за такой короткий срок не могли укорениться в сознании этих людей, сердца и судьбы которых незримой нитью были скованы родоплеменной связью».

Однако подобное утверждение далеко от истины. События развивались несколько по другому сценарию. И он изложен обстоятельно в письме министра внутренних дел С. Круглова на имя И. Сталина от 10 февраля 1949 г. В отряде было налажено военное обучение, которое проводили 20 офицеров, направленных НКВД СССР.

Однако как только стало известно, что М. Барзани пытается создать в районе поселения «княжество», тут же, по предложению опять-таки М. Багирова, отряд курдов был переселен подальше от границы с Ираном, а именно — в бывший лагерь МВД (ст. Верхне-Комсомольская Ташкентской железной дороги).

Несмотря на проявляемое недовольство со стороны М. Барзани, в конечном итоге отряд курдов был расформирован. Они были расселены небольшими группами таким образом, чтобы не имели общения с курдами, уже проживавшими на территории Узбекистана, и оказывать на них влияние.

Административный надзор за курдами возлагался на органы МВД Узбекистана. На 1953 г. из иммигрировавших в 1947 г. курдов оставалось 480 человек. И только в 1956 г. было принято постановление о снятии с учета иноподданных лиц, в том числе членов названного отряда курдов. Победа революции в Ираке позволила курдам-иммигрантам вернуться на родину, но это уже было в 1959 г.²

В историографии Азербайджана не оставалась без внимания и проблема немецкой общности, подвергшейся также репрессиям в 1930–1940-е гг.³ Первыми с территории Азербайджана в середине 1930-х годов переселялись именно немцы, в частности, в Беломоро-Балтийский комбинат с обязательной конфискацией имущества и ликвидацией кооператива «Конкордия».

Н.А. Ибрагимов на базе выявленных архивных документов раскрывает формы взаимодействия местного населения с немцами, проживавшими в республике. В книге представлен ареал расселения немцев, начиная с 1920-х годов, и в это же время они были уравнены в правах с остальным населением республики. Незначительная часть немецкого населения возвратилась в Азербайджан еще в начале 1970-х годов. Немцы расселялись в районах, предоставлявших им для этой цели все возможности.

В своих выводах исследователи склонны больше к той точке зрения, согласно которой кампания по реабилитации репрессированных этнических общностей, граждан скорее была «политической фикцией руководства СССР».

Начиная с 1990-х годов, большая работа по изучению проблемы депортации и реабилитации репрессированных граждан в 1930–1940-е годы была начата и учеными Республики Беларусь. Объектом внимания выступали различные слои населения, включая и представителей различных конфессий, подвергшихся репрессивным воздействиям⁴.

В плане решения проблем реабилитации народов в Грузии привлекает своим содержанием состоявшаяся 6 июня 2005 г. в Тбилиси под эгидой Европейского центра по делам меньшинств (ЕСПМ) Международная конференция «Поиск окончательного решения месхетинской проблемы» с участием представителей государственных органов исполнительной власти Грузии, в том числе и государственного министра Грузии Георгия Хаиндрава.

Материалы конференции свидетельствуют о слабом представлении европейскими специалистами истинного положения дел на местах, в частности, в Грузии, с реализацией мер по реабилитации народов. Выступившие с основными докладами Оскар Пантикайнен и Т. Триер (от ЕСПМ) продемонстрировали, как отмечается в материалах конференции, «элементарное незнание истории депортаций в Грузии, сопроводив все выступления расплывчатыми формулировками». Безусловно, такая ситуация вряд ли смогла бы продвинуть практическое решение проблемы под руководством ЕСПМ.

Уже в начале 1990-х годов появляются конкретные исследования по проблеме депортации и репрессий на территории Грузии⁵. В острой форме протекала дискуссия об идентичности турок-месхетинцев: кто они, отуреченные грузины или истинные турки из Месхетии.

В 1990-х годах — начале XXI века сложилась историография рассматриваемых проблем в Казахстане. Это объяснялось и потребностью новой государственной национальной политики, из-

бравшей также направлением своего развития правовую основу. Поэтому не случайно, что именно в Казахстане проявлялся уже в 1990-е годы повышенный интерес к проблеме депортации и реабилитации репрессированных этнических общностей⁶. Дело еще и в том, что Казахстан являлся той республикой, которая в 1930–1950-е годы принимала на своей территории репрессированные этнические общности Союза ССР.

В новых условиях реабилитация граждан, подвергшихся преследованиям, проводилась последовательно во всех государствах. Более того, многие из репрессированных нашли в республиках вторую родину. Там же выросли и новые поколения этнических общностей, подвергшихся ранее репрессиям. С момента принятия в Казахстане Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитированы были 55 938 человек, а также 225 335 человек, незаконно депортированных в Казахстан.

Фактически этнические общности, которые были подвергнуты деструктивным воздействиям со стороны правительства Союза ССР, были объектом внимания ученых Казахстана. Особенно обстоятельно изучалась история советских немцев, а также корейской общности. Это не случайно. Например, немцы составляли значительную долю среди жителей республики. Изучался не только период проживания советских немцев в 1940–1950-е годы, но и решение таких вопросов, как национально-государственное строительство у немцев Казахстана, современное их положение, адаптация их в экономику республики, реабилитация немцев⁷.

Применительно к корейцам, проживавшим в Казахстане, определённую научную ценность имеют публикации в «Известиях корееведения в Центральной Азии» (Вып. 1–2 (10), Алматы, 2005, редактор Г.Н. Ким). Г. Ким даёт лаконичное определение процессам, протекающим в корейском сообществе в глобальном масштабе государств СНГ (Россия, Азербайджан, Таджикистан, Украина, Белоруссия и др.). По его мнению, корейцы приобретают некий новый статус «вечного странника», что, естественно, наносит вред стабильности в корейской общине в целом, её положению, приумножению экономического потенциала, расширению возможностей накопления стартового капитала для организации «своего дела», культурного развития, способствует определённой утрате хозяйственных традиций, приёмов трудовой деятельности.

Одним словом, ситуация такова, что советские корейцы стали заложниками своего же государства — бывшего Союза ССР, они переживали все те же социальные изменения, что и общество в целом и теперь оказались, как и многие другие народы, в том числе и русский, в других странах.

Стремясь восстановить своё положение, хотя бы в плане консолидации, компактности расселения, наладить свою хозяйственную деятельность в районах избранного нового обитания, по мнению Г. Кима, корейцы теперь уже сталкиваются в ряде районов с противодействием местных управленческих структур, политических кругов, объявляющих новые лозунги об угрозе «желтой опасности» и т.д.

Высокой научной оценки в названной статье заслуживают выводы Валерия Хана⁸ в плане выстраивания отношений между корейцами, расселёнными в разных частях света, а также на территории стран СНГ. Валерий Хан сформулировал принципы взаимопомощи корейцам Казахстана со стороны Республики Корея (равноправие, взаимоуважение, невмешательство, взаимопомощь).

В то же время он отметил весьма узкую базу этой взаимопомощи. По мнению автора, она формировалась только в интересах поддержания южнокорейского бизнеса на территории Казахстана. Была связана только лишь «с поддержкой очагов корейской культуры (корейские школы и курсы изучения корейского языка, корейские СМИ, корейская эстрада и т.д.)». По заключению автора, это соответствует представлениям южнокорейцев о «корейской идентичности»⁹. Нельзя не учитывать и предостережение, прозвучавшее в статье В. Хана, которое сводится к тому, что корейцы, «пытаясь избежать глобальной интернационализации и стандартизации и стремясь сохранить свою самобытную идентичность», могут впасть в другую крайность — национализм, являющийся формой этноцентристского и мононационального сознания»¹⁰. По нашему мнению, для такого рода утверждений автор располагает основанием.

За последнее десятилетие в Казахстане появились многие работы по истории корейцев Казахстана и других стран СНГ¹¹, что позволило иметь более широкое представление о названных этнических общностях в республике.

Оценки событий тех лет в Казахстане имеют и полярное расхождение. Так, М. Хасанаев полагает, что «это было полнейшей ложью и клеветой на целый народ...одно из тягчайших преступлений сталинизма против человечества». Одним словом, автор склонен к тому, что обвинение советских немцев и депортации носили превентивный характер. В то же время А.С. Зулкишева, автор предисловия к опубликованному сборнику документов «Из истории немцев Казахстана. 1921–1975 гг. (М.: «Готика», 1997) отмечает, что «в определенной мере жесткость политических и экономических решений была вызвана особенностями военного времени. Тяжелейшее положение страны обусловило принятие чрезвычайных мер».

В конце 1998 г. изучаемая проблема в республике пополнилась новым изданием казахстанских историков. В свет вышла книга «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы»¹². В ее подготовке принимал участие коллектив ученых (М. Козыбаев, Ж. Абылхожин, К. Алдажуманов, М. Баймаханов), политологов, литераторов и непосредственных участников событий, связанных с депортациями в 1930-е – 1940-е годы. Буквально по крупицам выявлены фрагменты духовного наследия репрессированных, воссозданы их научно выверенные биографии.

Казахстан как одна из республик, принимавших репрессированные этнические общности, внесла огромный вклад в их выживание. Благовидную роль в этом проявили в первую очередь казахи, хотя и сами испытывали неимоверные трудности тех времен. Авторы публикуют леденящие душу документы. По данным ОГПУ только в 1932 и 1933 гг. в казахстанских спецпоселениях скончался 55 441 человек. В 1933 г. в ссылке в Северном Казахстане умерло в 19 раз больше, чем родилось, в Южном — в 13 раз. Не менее сложным было положение и в 1940-е годы, когда не истончаемым был поток спецпереселенцев на территорию Казахской ССР, жертв политических репрессий.

В 1930–1940-е годы в депортацию были вовлечены и многие граждане в Молдавской ССР¹³. Среди научных работ середины 1990-х годов привлекает внимание объемное исследование В.И. Пасата. Труд посвящён проблеме депортации этнических общностей республики¹⁴. Фактически это был первый научный труд, в котором на базе обширного круга источников комплексно раскрывался механизм проведения насильственных акций по переселению этнических общностей, показаны последствия подобных мер.

Начиная со второй половины 1980-х годов в Союзе ССР (России) появились и другие публикации (статьи, научные сообщения, брошюры) по истории депортации спецпереселенцев из республик Прибалтики, Белорусской¹⁵, из Украинской и Молдавской ССР¹⁶.

Рассматривая проблемы истории русского народа, обратился к вопросу депортации этнических общностей и О. Платонов. При этом автор не выделяет специально Украину, однако, воссоздает как общую картину событий, сопряженных с этим периодом истории Советского Союза, так и представляет информационный материал по каждому из народов, подвергнутому репрессивным воздействиям со стороны правящего режима¹⁷.

Однако более точные количественные характеристики приведены исследователем А.В. Марчуковым. Автор делает вывод, что пик репрессий на Украине приходился на 1937–1938 гг., когда было аре-

стовано на территории Украины 267 579 человек (для сравнения: в 1935 г. было арестовано 24 934 человека, в 1936 г.— 15 717 человек), из них осужденных было 197 617 человек (т.е. меньше, чем было арестовано)¹⁸.

По данным автора, в 1937–1938 гг. из числа репрессированных (не арестованных, поэтому число пострадавших будет выше) было 131 635 украинцев (и далеко не все из них были репрессированы за национализм), а русских — 191 999 человек¹⁹. Доля репрессированных русских была заметно выше доли этнических украинцев. А.В. Марчуков делает верный вывод, что утверждение об осуществлявшемся разгроме «украинских сил» в этот период во всех областях общественной жизни будет далеким от истинного положения дел²⁰.

Сложные 1990-е годы для Украины вызвали необходимость изучения проблемы депортации и реабилитации этнических общностей, в первую очередь крымских татар, что обусловлено их возвращением в начале 1990-х годов к местам исторического проживания.

Правда, крымские татары депортировались с территории РСФСР, однако в связи с волюнтаристской передачей Крымского полуострова Н.С. Хрущевым под юрисдикцию Украины перед современным украинским правительством возникла задача более конкретного подхода к решению проблемы бывших спецпереселенцев.

В то же время в 1990-е годы — начале XXI века украинскими учеными изданы многочисленные труды по истории не только этнических меньшинств Крыма, об их судьбе в 1940-е годы, о периоде возвращения их на территорию Крымского полуострова, но и других этнических общностей²¹.

Проблеме депортации этнических меньшинств, их пребывания в условиях принудительных переселений, трудовой занятости посвятили свои научные исследования Б.В. Чирко, М.И. Панчук, Л.П. Полевой, Г.И. Калиничева, А.И. Кудряченко, В.В. Ченцов и другие²². Названные авторы небольших по объему публикаций приходят к идентичному выводу: депортация как социальное явление не была присущей только Союзу ССР. Она имела широкое применение на всех этапах развития других цивилизаций.

Необходимо учитывать и тот факт, что с Украиной накануне войны были воссоединены территории Западной Украины, которые после Октябрьской революции и гражданской войны присоединялись к Польше и Румынии. Ситуация оставалась сложной. Политолог З. Варисов по этому поводу замечал: «Многие жители западных областей Украины в отличие от Восточной и Южной не испытывали особой тяги к Советскому Союзу и господствовавшему здесь режиму, в связи с чем приняли оккупацию Германии как благо»²³.

Одним словом, у Союза ССР не хватало времени, чтобы «привить любовь» к социализму. Всё это накладывало отпечаток на эволюцию национальных процессов, они протекали в более жёсткой форме. И в этих районах Центру пришлось прибегнуть к депортациям и другим репрессивным воздействиям во имя мира и стабильности²⁴. Как известно, такие меры на сей раз были обусловлены и тем, «что после поражения немцев наиболее радикальные противники советской власти продолжали так называемую лесную войну»²⁵.

В последующее десятилетие проблемы депортации этнических общностей и их реабилитации в Украине наряду с публицистами²⁶ непосредственно касались и историки²⁷. Появились обзоры социологических исследований²⁸. При этом следует отметить, что год от года интерес к проблеме повышался. Об этом свидетельствует и число возросших в количественном отношении научных конференций и заседаний «круглых столов» по изучаемой теме²⁹.

Заметный вклад в разработку темы в 1990-е годы внесли ученые Узбекистана. Наряду с философскими трудами В.С. Хан рассматривает и широкий комплекс этнических процессов в Центральной Азии и, в частности, в Узбекистане, в том числе и в историческом плане, по истории советских корейцев³⁰.

Людмила Хван (Национальный Каракалпакский университет, Нукус)³¹ на многих конкретных примерах показывает, что общности, проживая совместно продолжительное время, не могут не заимствовать друг у друга приемлемые элементы культуры.

В последнее время проявляет интерес к теме этнических меньшинств на территории Каракалпакстана, в частности, переселенных в область в 1930-х годах советских корейцев, и А. Джумашев³². Автор выявляет в архивохранилищах и вводит в научный оборот новые документы местных органов власти о расселении, а также пребывании корейцев на территории Каракалпакстана.

Комплексным подходом к теме отличаются работы А.Х. Рахманкуловой. Автор раскрывает особенности обустройства спецпереселенцев, их трудовую занятость, послабление режима спецпереселенцев, взаимодействие между разными этническими общностями в условиях спецрежима проживания в Узбекистане в итоге проводимой И. Сталиным репрессивной политики.

Ученые Казахстана, других стран СНГ Среднеазиатского региона рассматривают различные проблемы этнических общностей, подвергшихся репрессиям в 1930–1950-е годы в Союзе ССР и переселившихся на территории этих республик³³.

Интерес к проблеме проявляется и учеными республик Прибалтики. Следует отметить, что в первой половине 1990-х годов он был

более ощутимым, однако, в дальнейшем наблюдается его спад, но тем не менее исследование проблем депортации и реабилитации продолжается³⁴.

Обращено внимание и на формирование источниковой базы темы³⁵. Сложность подготовки сборников по депортированным этническим общностям Прибалтики и их последующей реабилитации очевидна. Декларируя приверженность западному типу демократии, политическая и научная элита Латвии и Эстонии в своих оценках исторических коллизий опирается на идеологию воинствующего национализма.

С выходом на международную арену независимых государств Балтии национализм как идеология стал использоваться в качестве инструмента «исторической мести» русскому народу, Российской Федерации. С точки зрения воинствующего национализма, но не с позиций научной объективности, трактуются исторические судьбы народов Латвии, Эстонии и Литвы в период 40–50-х гг. XX столетия.

Публикуемые документы свидетельствуют о том, что в результате операций в Литве к марту 1945 г. было выявлено около 500 бандитских групп (17 тыс. человек), арестовано более 318 тыс. участников националистических организаций и 11,4 тыс. агентов разведывательных органов. В решении ЦК КП Латвии от 30 марта 1949 г. за подписью Калберзиня отмечалось: «МГБ успешно провело выселение кулаков и их семей, семей бандитов и националистов».

* * *

В начале 1970-х годов проблему принудительных переселений в Союзе ССР в числе первых за рубежом представил Р. Конквест³⁶. Однако многие количественные данные по принудительному переселению в СССР, приводимые автором, в частности, по переселенному крестьянству к концу 1930-х годов в целом по стране преувеличены явно в пять раз, что и составило до 9 млн. человек. В то же время это была новая страница истории Союза ССР, разработка которой в то время находилась под строгим табу.

В связи со слабой источниковой базой исследование темы в зарубежной историографии не было систематическим.

Как специалист по истории Союза ССР, Дж. Шапиро полагал, что направленность процесса реабилитации в рассматриваемый период имела ярко выраженный характер и подчинялась исключительно целям антисталинской кампании. По его мнению, она включала ограничение влияния органов безопасности, усиление власти Н.С. Хрущева как отражение характера персонифицированной вла-

сти в Союзе ССР, удовлетворение интересов старых большевиков, их родственников, ученых, в первую очередь, гуманитарного направления³⁷.

Дж. Шапиро оставался приверженцем такого подхода и в последующем, в своих оценках реабилитации в период Н.С. Хрущева, и объяснял это направление в жизни общества как стремление реализации прежних идеологических установок в новых условиях.

Продвинулся вперед в изучении проблемы реабилитации граждан Союза ССР в 1950–1960-е годы С. Оппенгейм. Хотя его труды мало, чем отличалась по своему содержанию и трактовке понятия реабилитации от Дж. Шапиро. Он также подчинял реабилитацию обеспечению «безопасности верхов»³⁸.

Наряду с уже известными составляющими процесса реабилитации С. Оппенгеймом была предложена и периодизация процесса реабилитации применительно к 1950–1960 годам. При этом названы такие периоды: 1) с марта 1953 по февраль 1956 г.; 2) с февраля 1956 по октябрь 1961 г.; 3) с октября 1961 (XXII съезд КПСС) до 1967 г.³⁹.

Несомненно, предложенная периодизация реабилитации в 1950–1960-е годы остается уязвимой со многих сторон. Так, не совсем правильным было бы рассматривать в качестве точки отсчета первого этапа реабилитаций 1953 год. Надо полагать, что автор связывает начало отсчета со смертью И. Сталина. Это не совсем точно, подлежит сомнению, так как меры реабилитации принимались частично и до этого срока, однако, они не носили массового характера и касались отдельных аспектов.

По нашему мнению, не совсем точны и конечные хронологические рамки третьего периода. Дело в том, что отдельные акты реабилитации проводились в конце 1960-х годов и в 1970-е годы.

Голландский ученый А. Ван Гаудоувер расширяет составляющие понятия реабилитации, дополняя их и стратегическим компонентом. При этом автор подмечает такую особенность как участие в процессе реабилитации участников проведения репрессий.

Привлекает своей многогранностью и исследование Вильямса Брайна по истории крымских татар, которая в прежние времена подавалась без раздела, связанного с развитием национальных процессов в Крыму в конце 1930-х — 1940-е годы. В представленной работе этот период находит детальное изложение и сопровождается глубокими выводами автора, дается оценка самого процесса депортации крымско-татарского народа⁴⁰.

Проявлялся интерес к истории депортации других народов на территории Союза ССР и, в отдельности, по его союзным республикам⁴¹. В ряду зарубежных авторов особенно выделяются труды

историка Хоскинга Джефферса (Великобритания), А.И. Некрича, Т.Г. Гунчака, В. Полищука, Раймонда Картье⁴² (Канада) и других. Хоскинг Джефферс, естественно, не мог обойти стороной проблему депортаций народов бывшего Союза ССР, изложив свои взгляды и дав оценку этому социальному явлению⁴³.

Этим аспектам автор уделит внимание и в последующих своих научных изысканиях, усматривая прямую связь между депортациями этнических общностей в 1930–1940-е годы с событиями, повлекшими чеченскую войну⁴⁴.

В последующем к проблеме возвращался и Н. Неймарк. Автор рассматривает такие приоритетные вопросы темы, как депортация чеченцев и ингушей, крымских татар в Союзе ССР, выявляет причины депортации этих этнических общностей в 1944 г., предпринимает попытку определиться с последствиями депортации⁴⁵.

В числе зарубежных авторов привлекает внимание исследование Дж. Данлопа «Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта» (М., 2001), опубликованное на русском языке. Пока автор касался вопросов истории чеченского народа до 1917 г., точки над «i» были им чётко расставлены, но при переходе к освещению истории советского периода почему-то в центре внимания автора оказались такие проблемы, как русификация народов Кавказа, в том числе и чеченского, что в корне не соответствует действительности. Чеченский народ не могли русифицировать ни большевики, ни русские, ни в условиях Северного Кавказа, ни в условиях Казахстана. Перевод письменности с арабской графики на латинскую основу автор рассматривает как элемент русификации.

С подобными утверждениями вряд ли можно согласиться, например, с доводами автора относительно формирования самосознания и национального сознания горцев. Автор совершенно не учитывает в своих выводах те разительные перемены, которые произошли в жизни этнических общностей за 20 лет существования советской власти на Северном Кавказе. Он, несомненно, остается в плену сложившихся стереотипов.

Не может не вызвать интерес и книга североамериканского историка Терри Мартина⁴⁶. Не подвергая анализу точки зрения исследователя по разным направлениям национальной политики, рассмотрения им Союза ССР как «империи позитивного действия» (создание национальных территорий, языков, элиты, национальной культуры), целесообразно коснутся взглядов автора на депортацию этнических общностей в Союзе ССР (до 1939 г.), вопросов национального строительства у нерусских народов.

Т. Мартин полагает, что в период сталинских репрессий именно «переселения по национальному признаку», а не по классовому стали преобладающими. Каким образом можно применительно к тому периоду разделить репрессируемых и нерепрессируемых? Предложенная автором классификация носит относительный характер. На наш взгляд, автор повторяет выводы отдельных исследователей этой проблемы в России, не беря во внимание два таких важных обстоятельства, как антисоветское движение⁴⁷ и имевшее место сотрудничество с фашистским режимом. Весьма сомнительны и приведенные им сведения о количественных характеристиках репрессированных в 1935–1939 годах в сравнении с данными архивных документов.

К проблеме депортации курдов в Союзе ССР обращается исследователь Мустафа Арам Али (Великобритания), отмечая при этом весомый вклад ученых России в изучение некоторых «белых пятен», в частности, истории курдов в Советском Союзе. По его мнению, изданные труды позволяют расширить познания истории борьбы курдов за национально-демократические права⁴⁸. В связи с этим автор прослеживает политику государств по отношению к курдам в 1918–1930-е годы⁴⁹. Национальная политика по отношению к курдской общности принимала ярко выраженный экстремистский характер.

Автор делает вывод: «депортация курдского народа, равно как и других национальных меньшинств Союза ССР в 1930-е годы, явилась проявлением политики авторитаризма, усиления командных тенденций в правительстве Советского Союза и стала трагедией для народов, подвергшихся насильственному выселению с насиженных мест»⁵⁰.

Франсуа-Ксавье Кокен (Франция), рецензируя работу А.Н. Сахарова «Россия, народ, правители, цивилизация (М.: ИРИ РАН, 2004), касается и раздела, посвященного автором периоду Великой Отечественной войны в СССР. При этом рецензент оценивает этот этап в развитии Союза ССР как «трагический период», приходит к выводу, что внешнеполитический фактор играл важную роль в определении внутренней государственной политики, в том числе и по отношению к различным этническим общностям⁵¹. По мнению ученого, все это не может не способствовать и «созданию истинной национальной истории».

Из англоязычных исследований проблемы привлекают внимание и работы профессора географии университета Пеппердайна Александра Динера (США). Это совершенно новый поворот в исследовании проблемы российских корейцев в 1990-е годы — в начале XXI в. Он сводится автором к анализу взаимодействия эт-

нических общностей на территории тех стран, где они проживают. Стоит отметить, что взаимодействие происходит по двум направлениям: и на производстве, и в быту.

Правда, и здесь также имеет место использование не всегда четко выверенных подходов и соответствующих этим выводов. А Динер, рассматривая проблемы этнической интеграции среди корейцев и немцев Казахстана, подводит к мысли о необходимости некоторых рассуждений и выводов⁵². На наш взгляд, взяты совершенно противоположные по своему менталитету этнические общности, подвергшиеся ранее репрессиям.

Однако именно совместное проживание на территории одной государственности (советской), их непрерывное продолжительное общение как раз и позволило сблизиться и интересам, и потребностям, адаптироваться культурам двух народов, обогащая друг друга. И независимо от уровня восприятия (например, Казахстана как родины) бывшими советскими немцами, а также корейцами, это следовало бы рассматривать как большое завоевание прошлого во времени. На практике появлялась возможность познания культур народов — казахского, русского, немецкого, корейского, польского и других.

Автор высоко оценивает вклад корейцев, немцев в развитие экономики Казахстана, как и в целом Советского Союза. Однако с учетом современных миграционных процессов, по нашему мнению, надо быть осторожным в выводах о зависимости «высокого уровня территориализации» в пределах той или иной республики от ощущения принадлежности⁵³.

Как раз миграционные процессы, охватившие корейцев Узбекистана, не позволяют строго следовать предложенным выводам Александра Динера. Корейцы Узбекистана спокойно оставили районы и переселились в Республику Корея, Российскую Федерацию, на территорию Украины и Белоруссии, частично даже на территорию государств Прибалтики. Та же ситуация складывается и с корейцам Каракалпакской Республики.

О' Рурк Шейн также пытается найти, даже если их нет, какие-то особенности в депортациях, имевших место в 1930–1940-х годах отличие от тех, которые проводились в Царской России, в других государствах. Так, претендуя на роль первооткрывателя темы депортации казачества (Терского), он считает, что в принудительных переселениях был некий «чисто советский аспект». В чем же видит автор этот аспект? Прежде всего в традиции радикальной политики, утвердившейся в ходе гражданской войны в Советской Республике, отсутствии подготовки или планирования, в спонтанности решений по мере изменения ситуации на местах, в превращении принудительных переселений в часть советской политической культуры,

слиянии понятий «этнической принадлежности» и «политической лояльности или нелояльности»⁵⁴. Предлагаемая «модель» депортаций в Советском Союзе, ее коренных отличий от депортаций в других странах, на наш взгляд, мало соответствует действительности.

К проблеме депортации этнических общностей в Союзе ССР неоднократно обращался Э. Суровцев, констатируя внимание историков к сложной теме национальных меньшинств на территории Венгрии, в первую очередь, евреев и непосредственно венгров. В связи с этим после оккупации немцами Венгрии (19 марта 1944 г.) в Будапеште, в Эржебетвароше, было создано гетто, в котором как раз и ожидали депортации 80 тыс. евреев, преимущественно женщин и детей⁵⁵.

Особо обогатилась новыми исследованиями по изучаемой проблеме германская историография. Работы принадлежали как перу непосредственно исследователей в Германии⁵⁶, так и тех ученых из немцев, которые выехали из СССР (России) на жительство в Германию. Некоторые из них начали свои исследования в России, а завершали их, находясь уже в Германии. В работах затрагивается вопрос о переселении российских немцев из областей Украины в начале 1940-х годов⁵⁷.

Для раскрытия проблемы депортации поляков, немцев особую значимость имеет сборник документов «Депортации, особые переселения, трудовые армии», изданный в 1996 г. в Геттингене (Германия). В издании значительное место отведено и крымским татарам, и грекам, и болгарам, и армянам, сообщаются многочисленные факты, раскрывающие процесс выселения народов Крыма, а также содержатся многие сюжеты о переселении других народов, проживавших на территории Украины.

Ученые Германии, продолжая изучение проблемы депортации этнических общностей, стали больше уделять внимание специфическим сторонам темы. В частности, профессор Института Восточно-европейской истории (Тюбинген, ФРГ) Д. Байрау, обратившись к вопросу относительно проводившихся депортаций в Германии, замечает: «Голод, эксплуатация, депортации, репрессии и массовое уничтожение евреев и не евреев не оставляли населению... никакой перспективы на будущее»⁵⁸. В аналогичной обстановке осуществлялись эти меры и в Советском Союзе.

В последние годы многие мысли по вопросам реабилитации российских немцев находили отражение в публицистических выступлениях Уполномоченного Правительства ФРГ по делам поздних переселенцев Кристофора Бергнера, в частности, в докладе, с которым он выступал 21 декабря 2006 г. в Геттингенском университете. Затем текст выступления в сокращенном виде был опубли-

кован редакцией журнала «Культура немцев в России» (М., 2007.— № 1).

Так, автор почему-то акцентирует внимание исключительно на вкладе Германии в осуществление мер реабилитации немцев, хотя известно, что программа носит межгосударственный характер, и Российская Федерация прилагает к ее реализации не меньшие усилия.

К проблеме депортации греков в мировом масштабе обращается неоднократно Костас Фотиадис, профессор, преподаватель университета им. Аристотеля в Фессалониках, декан педагогической Школы во Флорине, заведующий отделением Балканистики во Флорине⁵⁹.

Автор завершил работу над капитальным трудом «История геноцида» (14 томов), представляющей собой наиболее полный сборник архивных документов о геноциде греков малоазийского Понта в Оттоманской империи младотурецкими и кемалистскими палачами за период 1916–1923 гг. Судьба понтийских греков стала разменной монетой в большой игре великих держав в эпоху Первой мировой войны и в ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг.

В центре научных интересов автора также изучение депортации греков с территории Союза ССР в 1930–1940-е годы⁶⁰. На основе сравнительного анализа Фотиадис прослеживает эволюцию действий правительств, в частности, Турции и Союза ССР, подходы которых к проведению операций по депортации неуютного населения мало чем отличались.

Депортации греческого населения, имевшие место до Первой мировой войны, получили свое развитие в середине 1914 года. Турки мобилизовывали население страны в отряды и распределяли их по разным вспомогательным службам, в основном в так называемые трудовые батальоны («амеле табору»), в последующем превратившиеся в батальоны смерти.

Все это позволяет сделать вывод об использовании имевшегося опыта по созданию трудовых батальонов из депортированных в период войны 1941–1945 годов и в Союзе ССР. Надо полагать, что руководство Союза ССР не могло не знать о наличии столь горького опыта выстраивания отношений государства с национальными меньшинствами и сделать свои выводы на сей счет.

Фактически по этому же пути, как замечает К. Фотиадис, пошло и правительство СССР, в частности, по отношению к греческому населению. Одни греки переселились в Грецию, многих унесла смерть. В 1937 г. в СССР было положено начало новой волне поэтапных депортаций греческого населения на территории СССР (Грузия, Азербайджан, Армения, Краснодарский край). Как отме-

чалось, более 60 тыс. греков были депортированы в восточные регионы Союза ССР.

Проявляют внимание к теме и группа историков Израиля, которые, изучая социальные процессы в Союзе ССР, других зарубежных странах, выявляют особенности депортации еврейского населения и преимущественным образом в странах Западной Европы, а также в Союзе ССР. В связи с этим еврейский историк Сало Барон пишет: «Всю историю нашего народа можно представить как нескончаемую череду погромов, депортации, аутодафе, экономических гонений, случаев социальной дискриминации»⁶¹.

Определенный интерес к проблемам депортации и реабилитации граждан проявляется в последние годы и в итальянской историографии. К ней обращаются как непосредственно ученые-исследователи выходцы из Италии, однако, имеющие связи с Украиной или Российской Федерацией, так и ученые самой Италии⁶². Как известно, депортация итальянцев, проживавших в Союзе ССР, осуществлялась с территории Крымской АССР частично в 1942 и в 1944 годах. Обоснованные причины их выселения как в документах той поры, так и в научных исследованиях отсутствуют⁶³. Однако по многим документам можно сделать вывод, что эта акция была обусловлена принадлежностью к иностранцам и необходимостью «зачистки» пограничных территорий от них, как и принадлежностью к выходцам из тех национальностей, чьи государства выступали на стороне фашизма. В этой связи представляет интерес и появившаяся книга профессора международного права Джулио Виньели и Юлии Бойко (Джаккети) «Неизвестная трагедия итальянцев в России» (Керчь, 2007).

Однако авторам можно возразить в плане определения цели публикаций подобных исследований. Вероятно, она заключается не в том, как замечает, в частности, об этом Ю. Бойко, чтобы «добиться фактического признания депортации, дать семьям итальянского происхождения право на возвращение гражданства». В связи с этим сомнительно и утверждение о том, что «за итальянцами до сих пор не закреплен статус депортированных на законодательном уровне». Если это так, то необходима конкретизация той стороны, которая должна осуществлять эту меру.

В Российской Федерации, в Республике Казахстан, на территории которой проживали итальянцы в период их депортации с территории Крымской АССР, еще в первой половине 1990-х годов приняты нормативно-правовые акты, которыми определен этот статус. Положения принятых законов, указов распространяются и на представителей депортировавшихся граждан итальянской национальности.

Кстати итальянцы, венгры, македонцы, сербы и многие другие немногочисленные по составу этнические общности рассматривались в документах НКВД СССР под «грифом прочие». В последнее время наряду с итальянцами проявляется повышенный интерес к подвергшимся репрессиям на территории Союза ССР венграм, чехам, шведам, норвежцам, словакам⁶⁴.

Изучение проблем депортации, работа по подготовке к реабилитации народов, включая и национально-культурную реабилитацию, проводилась в Польше. За полтора десятка лет удалось накопить богатый опыт совместной работы, подготовить многие другие издания по истории отношений Польши и России на разных временных срезах.

В связи с тем, что депортацию и реабилитацию пережило и польское население России, ученые Польши, используя и достижения польской историографии, и архивные материалы по вопросам депортации поляков, хранящиеся в архивах Республики Польша, значительно расширяют наши знания по такой сложной проблеме исторической науки,⁶⁵.

В Польской Республике историография проблемы депортаций поляков в Союзе ССР складывалась постепенно. Ещё в начале 1990-х годов в Союзе ССР была опубликована книга воспоминаний Ежи Климовского, посвященная истории Армии Андерса⁶⁶. Он прослеживает процесс формирования самой армии, раскрывает характер взаимоотношений польского офицерства между собой, с органами советской власти, с польским правительством, находившимся в эмиграции в Лондоне. Как известно, значительная часть состава армии была подвергнута депортации и последующему выселению из Союза ССР⁶⁷.

В начале 1990-х годов прошлого столетия в Польше был основан журнал «Карта». Им было положено и начало изучению запрещенного на длительное время для исторической науки вопроса о депортации поляков. В 1994 г. в Париже появилась монография непосредственно о депортации польского населения в Союзе ССР⁶⁸.

Наряду с имевшимся западным направлением изучения вынужденных переселений поляков обществоведы все больше сосредоточивали внимание в конце 1980-х — 1990-х годах и на восточное направление. Так, в 1997 г. в Варшаве Малгожата Чижевска издала содержательную монографию «Поляки на Колыме» (1940–1943 гг.). Исследование проблемы М. Чижевской с интересом было воспринято широкой общественностью.

Однако надо заметить, что в целом для многих исследователей Польши характерно наличие неточностей. Дело в том, что авторы оперируют первыми, попавшимися под руку документами, выдавая

их за стартовую основу, не пытаясь сопоставить с имеющимися более точными данными в архивах Российской Федерации.

Для российской историографии работы А. Дячинского представляют интерес в плане рассмотрения вопроса о положении польской общности в период, предшествовавший массовым депортациям, особенно применительно второй половины 1920-х годов на Житомирщине, когда все поляки (35 тыс. чел.), а заодно и немцы (10 тыс. чел.) были депортированы в Казахстан.

Некоторые из наследников депортированных проживают в республике и в настоящее время. В связи с этим представляют интерес и точки зрения авторов по процессу национально-государственного строительства польской общности в Украине, где на Житомирщине был создан в 1925 г. Польский автономный район им. Юлиана Мархлевского (Мархлевщина).

Что же касается А. Волосюка, то в комментариях к книге им допущена грубая неточность в отношении численных характеристик. По его данным численность выселявшихся крымских татар она определена в 300 тыс. человек⁶⁹. Как известно, на этот счет имеются официальные документы бюро Крымского обкома ВКП(б), в которых указано, что крымских татар было переселено более 194 тыс. человек.

Так, в протоколе № 59 заседания Крымского бюро ВКП(б) от 14 октября 1944 г. читаем: «Большая работа проведена по спецпереселенцам. В мае 1944 г. выселено татар — 194 111 человек, и в начале уборки урожая выселено болгар, греков и армян — 36 349 человек»⁷⁰. Всего убыли из Крымской АССР — 230 460 человек.

Привлекает внимание исследование польского ученого Р. Дзвонковского, составившего ценный биографический словарь служителей церкви, также подвергшихся спецпереселениям⁷¹.

В числе научно-исследовательских проектов, посвященных этой проблеме, всех поляков, подвергшихся репрессиям (депортированных, интернированных, военнопленных и др.). Уже вышли в свет 17 выпусков издания⁷².

В середине 1990-х годов, после выхода коллективной монографии «Советские курды: время перемен» (М. 1994), к этой проблеме обратился исследователь проблем истории Центральной Азии в Джорджтаунском университете, автор публикаций по истории Советского Союза, Иранского Азербайджана профессор Давид Ниссман. Касаясь вопроса депортации курдов с территории транскавказских республик, Д. Ниссман констатирует, что в годы второй мировой войны в Центральную Азию были депортированы 90 000 курдов, и они «оставались там до реабилитации в 1950–1960-х годах, когда некоторые из них вернулись на свои исконные места обитания»⁷³.

Что касается количественных характеристик депортации курдов, то автором они указаны не совсем точно. Этот показатель весьма завышен. Подтверждение отсутствует и в архивных источниках бывшего Советского Союза. 17 июля 1937 г. ЦИК и СНК издали постановление № 103/1127-269 об организации специальных запретных полос (пограничных зон). В соответствии с названным документом направлялись в принудительном порядке, по данным 4-го управления министерства госбезопасности СССР, представленным за подписью начальника управления Курочкина, из Армении и Азербайджана в Киргизскую ССР 812 чел., в Казахскую ССР — 513 человек⁷⁴.

Однако и по отношению к этим данным В.Н. Земсков полагает, что они также ошибочны. В связи с этим им приводится документ — «Меморандум» НКВД СССР от 28 ноября 1937 г., в котором отмечается, что «на основании решения правительства из пограничных районов Армении в ближайшие дни выселяются 425 курдских семей, что ориентировочно составляет 2 100 человек. Выселяемых расселить в Киргизской ССР»⁷⁵. В. Земсков использует также сведения, содержащиеся в докладной записке начальника ГУЛАГа И.И. Плинера от 8 апреля 1938 г. о другой количественной характеристике депортированных курдов⁷⁶. Она составляла в 1937 г. 1121 семью, что и включает, по предположению В.Н. Земскова, ориентировочно 4 280 граждан курдской национальности.

Обустройство курдов в Казахстане протекало в сложных условиях. Не случайно начальник Переселенческого отдела НКВД Казахской ССР Гладков просил в ноябре 1938 г. «дать указания об ассигновании необходимых средств на устройство «1121» хозяйств, исходя из расчета расходов устройства корейских хозяйств»⁷⁷. В любом случае приведенные Д. Ниссаном данные о численности депортированных курдов можно рассматривать применительно к концу 1930-х гг. до ноября 1944 г. как завышенные наполовину.

Как отмечалось, на основании Постановления Государственного комитета обороны, принимавшегося в июне 1944 г., из Грузинской ССР выселялись 8 694 курда. Что касается обобщенных данных по всем республикам Закавказья, то известный исследователь по истории курдов СССР Ш.Х. Мгой сообщал: курдов выселяли из Грузинской ССР и частично Армянской ССР. По отдельным сведениям, не подтвержденным архивными документами, число переселившихся курдов в 1944 г. составило порядка 40 000 человек⁷⁸.

Анализ турецкой историографии рассматриваемых проблем был проведен обстоятельно Х.-М.А. Сабанчиевым. При этом автор обратил внимание на то, каким образом освещалась проблема сразу же по свежим следам депортации в 1950-е годы⁷⁹, когда еще многие

события сохранялись в памяти, а также в последующее время⁸⁰ и на самостоятельном этапе турецкой историографии в 1990-е годы⁸¹.

Автор справедливо отмечает отсутствие источниковой базы исследований, об имеющейся определенной натянутости выводов турецких авторов в целом о процессе депортации, а тем более о реабилитации, в частности, балкарцев и карачаевцев. Именно этим двум этническим общностям уделялось, по заключению Х.-М.А. Сабанчиева, значительное внимание. Конечно, всеми названными авторами депортация оценивалась как геноцид народов Северного Кавказа. Ш. Мурат и С. Езбау в числе главной причины депортации карачаевцев и балкарцев рассматривают их принадлежность к тюркской группе языков.

Что касается освещения проблемы корейцев Советского Союза, а затем и стран СНГ, то анализ работ провела Ж.Г. Сон, обратив внимание на труды, принадлежавшие перу ученых корейцев и готовившиеся в других государствах. Дело в том, что с Республикой Корея продолжительное время отношения фактически были в закрытом режиме, что не могло не повлиять и на подготовку трудов по изучаемой теме. В числе авторов, рассматривавших эту тему, — Шин Юн Ча, Ко Сон Му, Но Енг Дон, Н. Адами, Ли Гван Гю, Тен Генг Су и др. Они касались вопросов правовой защищенности корейского меньшинства в Советском Союзе, периода появления корейцев в России, этнокультурного развития корейцев, трудностей адаптации и интеграции корейцев в местный социум⁸².

Определённую научную ценность имеет и публикация в вышеуказанных «Известиях корееведения в Центральной Азии» (Вып. 1–2 (10), Алматы, 2005) — статья докторанта факультета международных отношений Университета Билькент (Турция, Анкара) О Чхонг Чжин («Диаспорный национализм: история крымских татар в Турции и её уроки для этнических корейцев в Казахстане»).

Как интересен замысел статьи О Чхонг Чжина, так богато и её содержание. Однако вряд ли можно проводить параллель между положениями двух диаспор: крымских татар в Турции и советских корейцев в Казахстане. По нашему мнению, такое сравнение идёт в обход существовавшего положения названных этнических общностей и не позволяет объективно изложить истинное состояние дел. В первую очередь, необходимо отметить наличие совершенно разных причин их переселения. Крымские татары переселялись под жестким «выдавливанием» из России в совершенно другое государство и в период, сопровождавшийся реалиями очень сложных отношений между государствами. Одним словом, Россией прово-

дилась последовательно в отношении крымских татар деструктивная политика.

Советские корейцы считали Россию (Союз ССР) своей второй родиной. К концу 1930-х годов это уже были корейцы со сложившимся менталитетом советского гражданина, готовые в любой ситуации защищать свое Отечество.

Об этом, кстати, свидетельствовали и события, связанные с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., когда сотни корейцев выстраивались в очередь перед военкоматами с просьбой отправить их на фронт, и многие из них героически сражались с фашистами за свою Родину — Союз ССР.

Более того, переселение корейцев даже в принудительном порядке проводилось в рамках одного государства. Поэтому можно в этом случае только согласиться с формулировкой автора самой цели исследования, а именно изучить процессы «формирования и развития самосознания диаспор крымских татар и корейцев, которые, по мнению О Чхонг Чжина, стоят того, «чтобы их исследовать с позиции сравнения... для наблюдения и изучения...»⁸³.

Если и можно сравнивать положение корейцев Узбекистана, то только с положением турок-месхетинцев в Российской Федерации в 1990-е годы — начале XXI века, когда их судьба решалась при непосредственном влиянии Турции. Во всяком случае, здесь наличие общности причин — депортация, поиск родины, реабилитация, возвращение.

Весьма условно можно согласиться с утверждением О Чхонг Чжина, что «корейцы разделили так или иначе горький опыт насильственной коллективизации в сельском хозяйстве, проведенной сталинским режимом»⁸⁴.

Конечно, коллективизация проходила в значительной мере в принудительной форме. Её испытали на себе особенно остро этнические общности Северного Кавказа, Поволжья. Что же касается корейцев, то районы их проживания, наверное, были в стране единственными, где коллективизация за короткие сроки составила от 80 до 90 %. Кстати, об этом как раз свидетельствуют и архивные документы, и личные воспоминания самих граждан корейской национальности. В 1929–1930 гг. коллективизация по национальному Посьетскому району составила 94 %, по другим корейским хозяйствам — 70 %⁸⁵. Как отмечалось на XVII съезде ВКП(б), проходившем в 1934 г., «сейчас Посьетский район коллективизирован на 95% — это район сплошной коллективизации»⁸⁶.

Судя по всему, не случаен и тот факт, что уже в новых местах поселений, в Казахстане и республиках Средней Азии, созданные корейцами-переселенцами колхозные хозяйства, были одними из

лучших. Один из председателей колхоза Ким Пён Хва был удостоен дважды высшей награды Родины — Героя Социалистического Труда и пользовался известным признанием в Союзе ССР⁸⁷.

Не совсем соответствует действительности и столь категоричное утверждение О Чхонг Чжина о том, что якобы «во время депортации тысячи корейцев погибли в пути в голой степи». Необходимы сравнения показателей выселяемых и прибывших в пункты назначения, а именно в Казахстан, республики Средней Азии и в Волгоградскую область РСФСР⁸⁸.

В связи с тем, что значительная часть родственных этнических общностей (финнов, финнов-ингерманландцев) на территории СССР были подвергнуты репрессиям, к проблеме проявляли интерес и ученые Финляндии. Это, по нашему мнению, несомненно, создавало определенное отношение к жизненно важному вопросу в целом и со стороны Правительства Финляндии, способствовало формированию национального сознания, содействовало этнической мобилизации, в том числе и названных общностей, проживающих на территории Российской Федерации, в получении ими права на отстаивание своих национальных интересов, достижении стабильного национально-культурного развития.

Более того, непосредственно в Российской Федерации сформировалась группа ученых, которые также внесли вклад в изучение этих сторон сотрудничества с зарубежными странами, проявлявшими интерес к судьбам ранее подвергшихся репрессиям этнических общностей⁸⁹.

Внимание к этим процессам проявляют ученые Финляндии, обращаясь к вопросам идентификации и самоидентификации финнов (инкерилэйсет, инкеринсуомайсет) Ленинградской области, положения репатриантов-финнов новой волны в обществе, организации жизнеобеспечения, адаптации. Этот вопрос считают весьма важным такие ученые, как П. Невалайнен, П. Такало, Унельма Конка, полагающие, что подобное название финнов области вряд ли приемлемо, оно носит не этнический оттенок, а чисто географический, и может быть отнесено к любому жителю, проживающему на этой территории⁹⁰.

Имеющиеся архивные документы, итоги исследований ученых России и Финляндии, проведенных в последнее десятилетие, показывают, что в этом плане обеими странами накоплен богатый практический опыт осуществления столь сложной работы, связанной с реабилитацией и репатриацией граждан.

Финляндия ежегодно выделяла из госбюджета для этих целей средства размером в 3 млн. финских марок. Однако это не означает, что подобная помощь создавала определенное иждивенчество.

Наоборот, она вносила организованность в ряды национального движения, содействовала накоплению первоначального капитала для стартовых позиций в жизни этнических общностей. Так, Союз финнов Карелии получил возможность сосредоточить в дальнейшем свою деятельность на таких направлениях, как сохранение финского языка в финской среде⁹¹, распространение знаний о культуре Ингерманландии, поддержка пожилых ингерманландцев, работа с детьми и молодежью, организационное развитие условий для финансовой стабильности, поддержание и развитие международных связей⁹².

Эта форма нашла поддержку и в таких государствах, как Греция, Германия. В конкретном случае было бы более целесообразным, чтобы эта система выстраивалась на двухсторонней основе при тесном взаимодействии и с администрациями субъектов Российской Федерации, и с институтами гражданского общества.

Применительно к российским полякам этих позиций придерживается и Польша. Вопрос был в центре обсуждения на состоявшемся 1 декабря 2007 г. в Москве IV-м съезде ФПНКА «Конгресс поляков в России». По информации президента конгресса Г. Романовой, только в 2007 г. Польша выделила на гуманитарные цели общественным объединениям по российским полякам около 250 тыс. долларов.

Оказывают помощь своим соотечественникам в России Греция и Кипр. Общественное объединение греческих общин в России (ОГОР), начиная с середины 1990-х годов, проводило неоднократные встречи с работниками посольств Греции и Кипра в Российской Федерации⁹³.

Опираясь на международную практику ОГОР, Посольство Республики Греция в Российской Федерации проводило комплекс мероприятий и соглашений по подготовке непосредственно в Греции преподавателей греческого языка. Как известно, в этот период были открыты факультеты греческого языка во многих гуманитарных учебных заведениях Юга России, а также созданы общеобразовательные учреждения с греческим компонентом образования. Преподавателей греческого языка готовят в настоящее время Кубанский государственный университет (Краснодар), а также Государственный институт иностранных языков в Пятигорске (Ставропольский край). Высказывалось мнение об организации Грецией непосредственно в России сети курсов по изучению греческого языка. Проводилась совместная работа по изучению сохранения национально-культурной самобытности российских греков, с этой целью было принято решение об организации совместных

российско-греческих экспедиций по собиранию фольклора греков-понтийцев на побережье Черного моря.

Благодаря усилиям Посольства Греции в Российской Федерации российские греки получали возможность участвовать в реализации 12 государственных соглашений, заключенных между Россией и Грецией. Однако из-за политического кризиса реализовать эту возможность некоторое время не удавалось.

Важную роль сыграла состоявшаяся в ноябре 1993 г. встреча представителей греческих общин ОГОР, ассоциации предпринимателей-греков России с представителями Кипра, бизнесменами и общественными деятелями. Целью встречи было решение вопроса о временном трудоустройстве на острове греков-беженцев из стран СНГ, о формах помощи греческим диаспорам СНГ.

Объединение греческих общин России разработало своеобразную программу очередных мер по обустройству греков-беженцев, которой предусматривалось введение государственного регулирования приёма на временную работу пострадавших в межэтнических конфликтах граждан СНГ. Была также предложена и разработанная система льгот при приёме на работу греков-беженцев из стран СНГ, отправки на Кипр групп греков-беженцев для получения образования на льготных условиях, с учетом того, что многие греки-беженцы их стран СНГ были неплатежеспособными. ОГОР планировал также учредить на Кипре представительства греческих общин Грузии, Украины, России, Казахстана, отдельных государств Средней Азии.

ОГОР занимался при поддержке Правительства Республики Греция отправкой групп греков-беженцев из стран СНГ для получения образования и отдыха, в том числе групп детей греков в возрасте 9–14 лет, греков-пенсионеров. Были организованы в Греции курсы повышения квалификации, работа в летних лагерях студентов педвузов и молодых преподавателей. Учреждена стипендия Правительства Греции для учебы российских греков и греков из других стран СНГ в Афинском университете.

Аналогичные вопросы решались и с временным поверенным в делах Республики Кипр господином Лоизидисом. Более того, была достигнута договоренность и обмена опытом работы с беженцами, который был накоплен на Кипре правительством острова в период высадки турецких войск на остров в 1974 году.

Наряду с этим Международное объединение греческих общин «Понтос» проводило работу в США, где были достигнуты договоренности о расширении исследований о греках-понтийцах, о проведении Международной конференции по истории греков-понтийцев,

об обучении современным бизнес-дисциплинам 15 греков России в Российско-Американском университете в Москве.

Такая форма организации помощи имела применение и в Украине, когда ощущалась потребность в обустройстве крымских татар, активно переселявшихся в первой половине 1990-х годов на территорию Крыма и непосредственно Украины. Кроме России, предоставившей помощь в размере 500 млн. рублей на переселение крымских татар с территории Узбекистана, помощь предоставили и другие страны через посольства, аккредитованные в Украине, в частности, Турция, Словения, Германия и др.

Конечно же, в условиях холодной войны, да и в ходе становления России как суверенного государства в 1990-е гг. — начале XXI века не могли обойти эту сложную проблему не только зарубежные историки Англии, Германии, США, Франции, но и других государств. Так, группа ученых: Стефан Куртуа, Николай Верт, Жен Луи Пан'не, Анджей Пачкооски, Карел Бартошек, Жан Луи Марголен представили комплексное научно-информационное исследование под общим названием «Черная книга коммунизма: преступление, террор, репрессии» (перевод с французского.— М., 2001,— 2-е изд., дополнен.). Коллективный труд посвящен преступлениям коммунистических режимов, функционировавших на территории всех континентов. При этом авторы опираются на Декларацию правительств Великобритании, Франции и России от 18 мая 1915 г., в которой в связи с массовыми убийствами армян, совершенными Турцией, было дано толкование понятия «преступление против человечества».

Интересна апелляция авторов к французскому уголовному Кодексу от 23 июля 1992 года. В нем понятие «депортация» трактуется, как «обращение в рабство и систематическая практика казней без суда и следствия, похищение людей, пытки и прочие акты негуманного обращения по политическим, философским, расовым или религиозным мотивам согласно заранее выработанному плану, осуществляемому против какой-либо группы гражданского населения».

Безусловно, с какими-то положениями данного определения можно согласиться, но с большой натяжкой. Это и не случайно, так как определение понятия «депортация» ориентировано в основном на события в самой Европе, как и на основы формирования там отношений между этническими общностями.

Что же касается Советского Союза, природа этих отношений, строительства государства была иной. Также нельзя исключать международный фактор, состояние отношений с соседними госу-

дарствами, в которых иными были общественные отношения, иная по своему содержанию идеология.

Обращение к анализу существующих понятий важно для общественных наук, в первую очередь с целью выработки единых подходов в трактовке этих общественных явлений. Дело в том, что в свое время страны народной демократии широко использовали репрессивный опыт деструктивного воздействия на этнические общности, группы людей в СССР. Это отмечено и в российской историографии как посредством публикации документов по проблеме, так и в исторических повествованиях⁹⁴.

В последнее время изучаемому аспекту уделяют внимание японские исследователи. В числе первых, проявивших интерес к проблеме, можно было бы назвать профессора Харуки Вада⁹⁵.

Око Нацуко в своей публикации поставила задачу рассмотреть проблему «государство — этнические меньшинства»⁹⁶. Для иллюстративного материала автором избраны такие этнические общности (в международной транскрипции — национальные меньшинства), как русские, уйгуры и корейцы, проживающие в Республике Казахстан. Раскрывая историю самого вопроса, автор апеллирует к проблеме «корейцы и две Кореи», что, несомненно, находится в плоскости интересов проблемы депортации и реабилитации этнических общностей. Этот сюжет применительно корейцев Республики Казахстан основательно не изучался.

Государства, в которых та или иная этническая общность является доминирующей, видят в родственных этнических меньшинствах, проживающих в других государствах, возможность нахождения новых каналов для развития отношений, установления новых контактов, в том числе и по линии «народной дипломатии». И это правомерно. Правда, эти отношения могут носить различный характер, зависят во многом от тех задач, которое выдвигает само государство — их историческая родина, от наличия политической воли.

В данном случае Око Нацуко, опираясь на исследования ученых М. Бровна, Б. Родергса и других, пишет, что нет возможности рассматривать такие отношения только как положительные. Содержание их может быть различным. Этнические группы, чьи территории разделены государственными границами, часто рассматриваются как источник потенциальных угроз безопасности государств, особенно если этническое меньшинство какой-то страны обращается за помощью к другой стране, в которой этнос является доминирующим. Определенную настороженность вызывает и оказываемая помощь этой этнической общности со стороны другого государства. Все это обуславливает необходимость перевода по-

добных взаимоотношений на законодательную основу. Возможные контакты должны быть прописаны в соответствующих законах, которые должны носить как внутригосударственный, так и международный характер.

Вывод может быть однозначным: зарубежная историография существенным образом пополняет наши знания по той или иной проблеме исторической науки. Несмотря на определенную узость источниковой базы исследований, поверхность суждений, встречающихся в трудах зарубежных авторов, слабую их ориентацию в национальных процессах, в том числе связанных с депортацией и реабилитацией этнических общностей в Советском Союзе, России, наблюдается определенное приращение исследований такой сложной социальной проблемы как депортация и реабилитация этнических общностей.

-
- 1 Литература, изданная по названным проблемам исторической науки в Российской Федерации, анализировалась ранее. См.: *Бугай Н. Ф.* Корейское этническое меньшинство в российской историографии // *Вера и жизнь*.— № 16. М., 2000. Проблема реабилитации этносов СССР в российской историографии // *История и историки*. 2004. *Историографический вестник*. М.: «Наука», 2005.— С. 223–264; он же: Проблемы репрессированных национальных меньшинств в российской историографии // *История и историки*. *Историографический вестник*. 2005.— М.: «Наука», 2006 и др.
  - 2 См. *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен. М., 1993.— С. 129–132.
  - 3 Немцы в Азербайджане. Баку, 1992; *Ибрагимов Н.А.* Немецкие страницы Азербайджана.— Баку, 1995, 1997.
  - 4 Жития священномучеников Минской епархии. 1-я полов. XX в. Авт.-сост. Ф. Кривоносов. Минск, 2002. Упоминаются 23 имени в реабилитации правомучеников. *Бугай Н.Ф.* Депортация // *Политический собеседник* (Минск). 1990.— № 6; он же: Депортация народов с Украины (30–50-е годы) // *Украинский исторический журнал* (Киев).— 1990. № 10.— С. 32–45; № 11.— С. 20–25; *Заерко А.Л.* Кровавая граница. 1918–1939.— Минск, 2002; он же: Побег из ада. Спб. «Невский простор», 2003; *Память*. Минск: историко-документальная хроника. Кн. 3.— Минск, 2004; *Моряков Л.В.* Репрессированные литераторы, ученые, работники образования, общественные и культурные деятели Беларуси. 1794–1991. Энциклопедия СССР.— Минск, 2005; он же: Репрессированные православные священники и церковнослужители // *Энциклопедический справочник* в 2-х т. Минск, 2007; *Память*. Слонимский район: историко-документальная хроника. Минск, 2004 и др.
  - 5 Бараташвили А., Бараташвили К. Мы-месхи // *Литературная Грузия*.— 1988, № 9.
  - 6 См.: *Вормсбехер Г.Г.* Немцы в СССР // *Знамя*.— 1988; № 11; *Филиппов С.* Справедливость должна восторжествовать. Но как? // *Диалог*, 1990, № 12; *Эрист Г.* Выстраданное право народа // Южный Казахстан.— 26 февраля 1991; *Нуршин Э.* Молчание ягнят или как переселялись в Казахстан немцы, татары и

- другие «антисоветские» элементы // Экспресс К.— 22 ноября 1992; *Хасанавев М.* Без вины виноватые // Экспресс К.— 13 ноября 1992; он же: Документы свидетельствуют // Казахстанская правда. 20 февраля 1996; *Карсанов В.Г.* Немцы Казахстана: преодоление берега // Мысль, 1995.— № 6; Белая книга российских спецслужб. М., 1996; *Бельгер Г.* Германофобия началась еще при царе-батюшке // Казахстанская правда.— 20 февраля 1996; Из истории немцев Казахстана. 1921–1975. Сборник документов. Алматы — Москва, 1997; *Колосов А.В.* Прошлое и настоящее немецкой диаспоры в Казахстане. (Методическое указание по спецкурсу «История формирования многонационального общества Казахстана».— Алматы, 1998 и др.
- 7 См. Из истории немцев Казахстана. 1921–1975 гг. Сборн. документов. М.: «Готика», 1997; *Киколенко О.А.* Российские немцы: история формирования национальной общности и проблемы постсоветского периода.— М., 1994; Прошлое и настоящее немецкой диаспоры в Казахстане.— Алма-Ата, 1998; *Бугай Н.Ф.* Депортация этнических общностей: проблемы реабилитации в России и Казахстане // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI века). Серия: «Россия и государства СНГ в постсоветский период».— М., 2006 и др.
- 8 *В.С. Хан.* Корейское международное сообщество: утопия или перспектива? // Известия корееведения в Центральной Азии» (Вып. 1–2 (10),— Алматы. 2005
- 9 См. *Хан В.* Указ. соч.— С. 196.
- 10 Там же.— С. 196–197.
- 11 См.: *Ким Сын Ха.* Очерки истории советских корейцев.— Алма-Ата, 1965; *Ким Б.* Социально-культурное развитие корейцев Казахстана.— Алма-Ата, 1989; Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях. Алма-Ата, 1990; *Кан Г.В.* Корейцы в Казахстане.— Алматы, 1994; История корейцев Казахстана.— Алматы, 1995; *Ким Г.Н., Мен Д.В.* История и культура корейцев Казахстана.— Алматы, 1995; *Хегай А.Ю.* Правовое положение корейцев Центральной Азии и вопросы их реабилитации // Известия корееведения Казахстана. 1999. № 6.— С. 108–117; История корейцев Казахстана. Сборник архивных документов. Т. 1–3 / Ред. Сост. Сим Енг Соб, Ким Г.Н., Алматы — Сеул, 1998–2000 и др.
- 12 Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы.— Алматы: Министерством информации и общественного согласия и фонд изучения наследия репрессированной интеллигенции Казахстана «Арыс», 1998. Рец. см. *Б. Аяган.* По пути духовного очищения // Казахстанская правда. 15 января 1999.
- 13 *Бугай Н.Ф.* «Выселение произвести по приказу тов. Берии...» // Исторические науки в Молдове.— 1991.— № 1.— С. 64–68. Книга памяти: список жертв коммунистического тоталитаризма. Кишинев, 2003 и др.
- 14 *Пассат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950.— М., 1994.
- 15 *Борисов Ю.* Только факты. Националистическое подполье в Литве. 40–50-е годы // Союз. 1–11 марта, 1990; *Земсков В.Н.* «Черные дыры» истории // Радуга (Таллин). № 9. 1990 и др.
- 16 *Еетушенко В.* Бандеровщина // 26 февраля 1990; *Витковский А., Ямпольский В.* Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40–50-х годов // Известия ЦК КПСС. 1990.— № 10; *Бугай Н.Ф.* Депортация народов с Украины (30–50-е годы) // Украинский исторический журнал. № 10, № 11. 1990; он же: «По сведениям НКВД СССР были переселены ...» (О депортации населения с Украины в 30–40-е годы). Киев, 1992; он же: Депортация // Политический вестник.— № 6.— Минск, 1990; он же: «Выселение произвести по приказу товарища Берии ...» // Исторические науки в Молдавии.— № 1.— Кишинев. 1991, он же: Депортация крымских татар в 1944 году // Украинский исторический журнал. № 1, 1992; *Евтух В., Чирко В.* Немцы на Украине. (1920–1990 гг.). Киев, 1994; *Гурьянов А.Э.* Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997;

- Восстали из небытия: репрессированные железнодорожники. (1919–1953). Киев, 2001; *Ченцов В.В.* Трагические судьбы. Политические репрессии немецкого населения Украины в 1920–1930 гг.— М.: «Готика», 2000; Последний адрес. Расстрелы Соловецких узников из Украины в 1937–1938 гг. В 2-х т. Киев «Сфера», 2003 и др.
- 17 См. подробнее: *Платонов О.* История русского народа в XX веке. Т. 2.— М., 1997.
  - 18 *Марчуков А.В.* Украинское движение в УССР в 1920–1930-е годы М., 2004.— С. 496.
  - 19 Там же.
  - 20 Там же. См. также: *Кульчицкий С.* Тайна Большого террора // День, 12 января 2005.
  - 21 *Парсаданова В.С.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история.— 1989, № 2.— С. 26–44; *Бугай Н.Ф.* Депортация народов с Украины (30–50-е годы) // Украинский исторический журнал (Киев), 1990.— № 10.— С. 32–45; № 11. С. 20–25; Крымские татары: история і сучасність/ (К 50-летию депортации крымского татарского народа. Материалы международной научной конференции. Киев, 13–14 травня. 1994 г. Киев, 1994; Крымські татари і сучасність (К 50-летию депортации крымско-татарского народа. Материалы международной научной конференции. Киев, 13–14 травня. 1994; *Букалов Д.* Остарбайтеры Донбасса // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М.: «Мемориал», 1996. С. 155–159; *Финогенов Б.Л.* Крымские татары, немцы, греки, армяне и болгары. Национальное мастерство и его влияние на экономическое развитие Крыма. Симферополь: «Таврия», 1997; *Филиппов С.Г.* Деятельность органов ВКП (б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 годах // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М.: «Звенья», 1997. С. 44–76; Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство // *Габриэлян О.А., С.А. Ефимов, Зарубин В.Г.*, и др.— Симферополь, 1998; Депортация крымских татар, болгар, армян, греков, немцев. Статистический материал (1989–1999). Госкомитет Украины по делам национальностей и миграции. Киев: «Абрис», 2000; Радость и боль возвращения (рук. проекта Л.Р. Безазиев и др.). Симферополь, 2001; Репрессированное поколение крымско-татарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы международной научной конференции. 28–29 мая 1999 г. (Составит. Э. Сеитбекиров).— Симферополь: «Таврия», 2001; *Якупова В.А.* Крымские татары или привет от Сталина. Казань, 2001; Последний адрес. Расстрелы Соловецких узников из Украины в 1937–1938 гг. В 2-х т.— Киев: «Сфера», 2003; Реабилитированные историей. Луганск, 2005. Названы имена 12 тыс. граждан, подвергшихся репрессиям.
  - 22 *Чирко Б.В.* Национальные меньшинства в Украине. Киев, 1995; *Калиничева Г.И.* Депортация немецкого населения Украины в 30–40-е годы // Тоталитаризм и антитоталитарные движения. Международная научная конференция. Харьков, 1994; *Полевой Л.П., Чирко Б.В.* Национальные меньшинства украинского села в условиях коллективизации // Украинский исторический журнал.— № 4–6. Киев, 1993. С. 4;
  - 23 См.: *Варисов З.* В истории нет места политконтюнктуре // Новое дело.— № 15.— 22 апреля 2005 г.
  - 24 Применительно Украины эта проблема находит выражение в работах, посвященных репрессиям различных категорий граждан, например, см. *Абраменко Л.М., Амонс А.И.* Репресовані прокурори в Україні / К. Истина, 2006 и др.
  - 25 Там же.

- 26 *Евтушенко В.* Бандеровщина // Союз. 1990, 26 февраля — 4 марта; *Цикора С.* КГБ вносит ясность // Известия. 1990, 10 февраля; *Наумов С.* Голод 1933 года: палачи и жертвы // Молодая гвардия. М., 1990. № 2 и др.
- 27 *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Украины в 30–50-е годы // Украинский исторический журнал.— Киев, 1990.— № 10–11; он же: «По сведениям НКВД СССР были переселены...». (О депортации народов с Украины в 30–40-е годы). Киев, 1992; *Дмитрієнко М.* Німці в Україні і сучасність // Віче, 1992. № 5; *Шитюк М.* Масові репресії против населення півдня України в 20–50-ті роки ХХ століття.— Киев, 2000; Немцы России и СССР. 1901–1941 гг.: Материалы международной конференции Москва. 17–19 сентября 1999. М., 2000; *Холодницький В.* Из истории переселения буковинских немцев в 1940–1941 гг. // Научный вестник Черновицкого ун-та. Черновцы, 2000; Вып. 73–74; *Осадчук С.Д.* «До дому в Райх!». Переселение немцев с Северной Буковины в 1940 году: Материалы, сведения, документы.— Черновцы, 2004; Историко-политичні проблеми сучасного світу: зб. науч. ст. Черновцы, 2005 и др.
- 28 *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социологические исследования.— 1990.— № 11; он же: Масовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социологические исследования. 1991. № 1 и др.
- 29 См., например, Вопросы германской истории: Сборник научных трудов.— Днепрпетровск: «Пороги», 2007 (статья: *Чирко Б.В.* Немецкая национальная группа в Украине в контексте государственной этнополитики 20–30-е годы ХХ в. *Шитюк Н.Н.* Немецкое население Николаевщины (первая половина ХХ столетия); *Холодницький В.Ф.* Из истории переселения черновицких немцев в рейх) и др.
- 30 См.: *Хан В.* Кобонди корейцев Узбекистана. Пундан: Академия корееведения, 2004. Значительная часть работ по истории корейцев Узбекистана издана автором в Республике Корея.
- 31 См. *Хван Л.* Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. Нукус: «Билим», 2004. См также: Трудовая армия: второй удар судьбы по корё-сарам; она же: Вызовы жизни и пути перспективного развития корейцев Каракалпакстана // Режим доступа: <http://koryoplanet.narod.ru/arhiv.htm>; она же: Путь длиною в 66 лет. Режим доступа: <http://koryoplanet.narod.ru/arhiv.htm> и др.
- 32 *Джусумашев А.* История переселенцев // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз.— Нукус, 1995.— № 4; он же: История переселенцев // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. Нукус, 1995.— № 5; К истории депортации дальневосточных корейцев в Каракалпакстан (1937–1938 гг.) // Вестник Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан, 1995. № 4: Режим доступа: <http://kungegrad.com/history/etno/kor/> и др.
- 33 *Югай Г.А.* Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения.— Ташкент, 1990; *Тен В.А.* О выселении корейцев в Северный Казахстан // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии.— Алматы-Хельсинки, 1993; *Ким П.Г.* Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. Ташкент, 1993; *Хан С.М., Хан В.С.* Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортаций // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. Алматы — Хельсинки, 1993.— № 4; *Кан Г.В.* История корейцев Казахстана. Алматы, 1995. № 2; *Тюгай А.С.* Корейцы Каракалпакстана // Вести Каракалпакстана. 18мая 1997; *Генис В.Л.* Депортации русских из Туркестана в 1921 г. («Дело Сафарова») // Вопросы истории.— 1998.— № 1.— С. 44–58 и др.
- 34 *Кузнецов С., Курилов И., Нетребский Б., Сигачев Ю.* Вооруженное националистическое подполье в Эстонии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8;. С. 40–48; *Чебриков В.* О выселении в 40–50-х годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР. Записка в Комиссию Политбюро ЦК КПСС // Вестник.

- 1996.— № 1; *Стродс Х.П.* Депортация населения Прибалтийских стран // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 130–136; *Глебов М.* Сибирский эшелон. Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия, 14 июня 2001. № 103 (25941); *Дзинтарс Э.* «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Независимая газета, 21 июня 2001. № 110 (2420); *Шляхтунов А.Г.* Латыши-эсесовцы // Независимое военное обозрение, 21–27 декабря 2001.— № 47 (269); Невозможно молчать. Отверженные и истребленные.— Таллин, 2005; Геноцид жителей Литвы. 1944–1947. Вильнюс, 2005. Т. 2; *Пыхалов И.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М.: «Яуза-Пресс», 2008 и др.
- 35 *Витковский А., Ямтольский В.* Вчера это было секретом: Документы о литовских событиях 40–50-х гг. // Известия ЦК КПСС, 1990.— № 10; *Кузнецов С., Нетребский Б.* Под маской независимости. Документы о вооруженном националистическом подполье в Латвии в 40–50-е гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11; *Бугай Н.Ф.* Власть сатаны. О депортации народов из Прибалтики в 40–50-е годы. // Молодая Гвардия, 1993,— № 3; Депортация из Эстонии в Россию. Депортация в марте 1949 года. (Документы, сводный указатель имен). Таллин, 2003. Т. 1; Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940-е — 1950-е годы). Документированная история / Ред. Николай Бугай.— Штуттгарт: «IBIDEM — VERLAG», 2006 и др.
- 36 *Conquest R.* The Soviet Deportation of Nationalities London, 1960; *The Nation Killers-Soviet Deportation of Nationalities.* London, 1970.
- 37 Цитир. по *Борисов Ю.С., Голубев А.* Указ. соч.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 *Williams B.G.* The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden/Boston/ Köln: Brill, 2001.— 488 p
- 41 *Gelb M.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review.* Vol. 54. July 1985.— P. 389–412; *Gelb M.* The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // *Nationalities Papers.* Vol. 24. No. 2. 1996. P. 237–267.
- 42 *Раймонд Картье.* Тайны войны (по материалам Нюрнбергского процесса). Посев, 1948; перевод на русский яз.— М., 1999.
- 43 *Некрич А.И.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1988; *Хоскинг Джефферс.* История Советского Союза. 1917–1941 гг.— М.; 1999; Смоленск, 2001; К этой же проблеме обращались *Davies. S.* Popular Opinion in Stalin's Russia Terror propaganda und dissent, 1934–1941/ Cambridge: Cambridge university press, 1997; *Pohl J.* О The Stalinist Penal System: A Statistikal Histori of Soviet Repression and Terror. 1930–1953. Jefferson, 1997; *Martin T.* The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History.* December 1998. Vol. 70. № 4 и др.
- 44 *Джеффри Хоскинг.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич. 2000; он же: История Советского Союза. 1917–1941 гг. М., 1999 и др.
- 45 *Нэймарк Н.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX в. // Перевод с английского И. Давиденко. М.: «АИРО» XX, 2005.
- 46 *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca. Cornell University Press. 2001; См. обзорную рецензию: *Новикова Л.Г.* Советская национальная политика в освещении трех западных историков // Отечественная история.— 2006.— № 4.— С. 140–145.
- 47 Так, в 1925–1928 гг. с целью предупреждения повстанческих выступлений и бандитизма органы ОГПУ проводили мероприятия по разоружению населения Северного Кавказа. Только в Чеченской области в августе–сентябре 1925 г. было изъято 25 299 винтовок и 4319 револьверов. Разоружение населения Че-

ченской области и Дагестана вызвало в 1927–1928 гг. более 100 вооруженных выступлений, привело к образованию 30 «организованных повстанческих группировок» (См. *Михеев В.И.* Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920 — начале 1930-х годов // Отечественная история.— 2005.— № 6. С. 83).

- 48 *Мустафа Арам Али.* Движение курдского народа за национальное самоопределение в XIX — первой трети XX века и позиция России (СССР). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2007. С. 5
- 49 Там же. С. 12.
- 50 Там же. С. 24–25.
- 51 См. *Франсуа-Ксавье Кокен.* Сахаров А.Н. Россия, народ, правители, цивилизация. М.: ИРИ РАН,— 2004 // История и историки. 2006. Исторический вестник. М.: «Наука», 2007. С. 395–408.
- 52 *Динер А.* Казахстанские корейцы и немцы: компаративистское исследование «принадлежности» // Известия корееведения в Центральной Азии. Алматы, 2007.— Вып. 5 (13).
- 53 Там же.— С. 49.
- 54 *О'Рурк Шейн.* Как отработывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году // Отечественная история.— 2008.— № 5.— С. 84.
- 55 См. www.budapetstguide.ru
- 56 *Eisfeld A., Herdt V.* (Hrsg.) Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Der Göttinger Arbeitskreis: Veröffentlichung Nr. 453. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. 555 S.; *Dahlmann D.* "Operation erfolgreich durchgeführt". Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941 // Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. Wien, Picus-Verlag, 1994. S. 201–226; *Dahlmann D., Hirschfeld G.* Lager Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945 Essen 1999; *Merl S.* Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg. 46. Heft 5/6. S. 277–301 и др.
- 57 *Hofman J.* Deutsche und Kalmyken 1942–1945, Freiburg, 1974; *Pinkus B.* Die Deutschen in der Sowjetunion beim Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1973–1981, Stuttgart, 1982; *Fleischhauer I.* "Unternehmen Barbarossa und die Zwangsumsiedlung der Deutschen in der UdSSR // Vierteljahresshefte zur Zeitgeschichte (2), 1982; *Simon G.* Nationalismus und Nationalisten politik in der Sowjetunion. Baden-Baden. 1986; *Gross G.* Und wehe du hofst...: Die Sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler- Stalin Pakt. 1939–1941. Freiburg im Breisgau, 1988; *Бухер Алек.* От Ледовитого океана до Кавказа. Немецкие горные войска во Второй мировой войне. 1941–1942 гг.— Пондун-Паллас, 1988 (на нем. яз.); *Grudniska, Gros G., Gros G. T.* W czerdziestum nas Matko na Sibir zeslali... Warszawa: Republika i Libra, 1990; *Eisfeld A.* Die Russland — Deutschen Munchen, 1992; *Якоби В.* Молодежь в войне 1940–1945 гг. Военный дневник. Мусберг, 1995 (на нем. яз.); *Portner R* (Hrsg.) Heimat in der Fremde Deutsche aus Russland erinnern sich Dusseldorg-Wien, 1992; *Stricker Gerd* Deutsche Geschichte im Osten Europas, 1997; *Кальтенецгер Р.* Горные егеря на Кавказе. Операция «Эдельвейс» 1942/1943 Грац: Штуттгарт–Штокер, 1997 (на нем. яз.); *Brake K.* Lebenserrinerungen russlanddeutscher Einwanderer Zeitgeschichte und Narranvik Berlin, Hamburg, 1998; *Appelbaum A.* Gulag. N.Y.; L., 2003; *Hering K.-J.* Unter grauen Wolfen: Lager Karaganda 7099/7:Erinnerungen. 1944–1949. Berlin, 2005 и др.

- 58 *Байрау Д.* Пропаганда как механизм самообилизации // Отечественная история.— 2008.— № 1.— С. 94.
- 59 См. о нем: *Сидиропулос Н.* // Режим доступа: <http://www.greek.ru>; *Балджи А.* Понт. Право на память // Приазовский рабочий, 19 мая 2007.— № 72.
- 60 Эта же проблема уже длительное время находится в центре интересов автора исследования «Понтийский вопрос сегодня» Харалампидеса М. и др.
В начале июля 2008 г. К. Фотиадис представил в Краеведческом музее г. Анапы выставку документов и материалов, выявленных им в греческих и российских архивах, богатый иллюстративный материал о депортации понтийских греков и греков на территории Союза ССР.
- 61 См. Скорбь и надежда // Дварим, 27 июня 2001. См. также: *Менахем Бегин.* В белые ночи.— Иер.— М., 1992; *Алан Буллок.* Гитлер и Сталин: жизнь и власть. Смоленск, 1998; *Уманский С.* Еврейское счастье. Фишер ферлаг. Франкфурт-на-Майне, 1998; *Кременецкий И.* Евреи при большевистском строе. Минск, 2000 и др.
- 62 См. Socialismo e nazione. La cultura democratica e socialista fino alla prima guerra mondiale/ Manduria-Bari-Roma, 1993/1994. N 1; Pirin M. 1944–1945. I cosacci in Friuli, 1998 и др.
- 63 См. упоминания о депортации итальянцев в 1940-е годы содержатся в работах Иосиф Сталин — Лаврентию Бери: «Их надо депортировать».— М.: «Дружба народов», 1992. С. 173 и др.; Депортация народов Крыма.— М.: «Инсан», 2002. С. 68 и др.); *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: 2003; *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «особой паке Сталина».— М.: «Наука», 2006; Реабилитация народов России. Сборники документов и материалов.— М.: «Инсан», 2000; Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI века). М., 2006. С. 207 и др.
- 64 *Иентофт М.О.* Оставшиеся без родины: История Кольских норвежцев // Перев. с норвежского (Ред. А.А. Киселева). Мурманск, 2002; *Olisenkska M.* Cechoslovaci v Gulage a ceskoslovenska diplomacie, 1945–1953.— Phara; Bratislava, 2006 и др.
- 65 См. *Дьячинский А.* Это мы, Польша. Предисловие Ежи Пахловского. Сталёва — Воля. «Шпарета», 2000 (на польск. яз.); он же: О тех, позабытых, скажите хоть слово. Сталёва — Воля, 2006. (на рус. яз.). К проблеме спецпереселений, конечно же, обратился и Л. Волосюк, выступивший рецензентом названных работ А. Дьячинского.
- 66 «Андерсовцы» — бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в конце 1940-х гг. по репатриации в СССР из Англии (в 1951 г. были выселены вместе с семьями из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Литвы). По данным на 1 июня 1958 г., когда большинство их было уже освобождено, в составе оставшихся тогда на спецпоселении бывших военнослужащих армии Андерса (без членов их семей) было 48,9% белорусов, 42,09 % украинцев, 3,41 % русских, 3,16 % поляков, 1,95% литовцев и 0,49 % «прочих» (татары и чехи). (См. *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы...).— С. 151–156.
- 67 См. подробнее: *Климовский Ежи.* Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1991.
- 68 *Zeszyty historyczne* Instytut literarcki.— Paryz, 1994.
- 69 См. *Волосюк Л.* Из Зеленого Гая в Сталёву Волю // Новая Польша (Варшава). 2007.— № 5.— С. 52–60.
- 70 *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии.— М.: «Инсан». 2002.— С. 119.
- 71 *Дзвонковский Р.* Биографический словарь репрессированного в СССР польского духовенства. 1939–1988 гг.— Люблин, 2003.

- 72 См. подробнее: Рецензия: *Бердинских И.В., Подлевских Д.Г.* Индекс репрессированных // Отечественная история, 2008.— № 1.— С. 209–210. В рецензии имеется информация о всех выпусках серии.
- 73 Nissman D. Kurds, Russians And The Pipeline // Eurasian Studies. № 1. Spring. 1995, p. 31
- 74 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 3144. Л. 65. *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен.— М.: «Кап», 1993.— С. 48 и др.
- 75 *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960.— М.: «Наука», 2003. С. 81–82.
- 76 Там же.
- 77 ЦГА РК. Ф. 1490 С. Оп. 1. Д. 13. Л. 88.
- 78 *Мэои Ш.Х.* Не допустить нигилизма в отношении малых народов // Вопросы истории.— 1989. № 5. С. 21–23.
- 79 См.: *Aslanbek M. (Дудов М.).* The Extermination by the Soviets of the Karacay people // Caucasian Review. Munich, 1951; он же: Karacay ve Malkar Niirklerinin Faciasi. Ankara 1952; *Уралов А. (Авторханов А.).* Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР.— Мюнхен, 1952; М., 1991; *Bala M.* Karacay ve Balkarlar // Islam Ansiklopedisi.— Istanbul 1952; *Konrad R.* Kampf um den Kaukasus. Munhen, 1954; *Васан-Гирей.* Советская национальная политика.— Мюнхен, 1955; *Бейтузан Б.* Первые вести о судьбе карачаевцев и балкарцев.— Мюнхен, 1956; *Karca R.* Simali Kafkasya da tehcir ve Katliam // Dergi. 1956. № 2; *Jones R.* Climbing wit the Russians // Geographical Magazine, 1959. June; *Conguest R.* The Soviet Deportation of Nationalities. London 1960.
- 80 *Murat S.* Drau Katliami // Kuzey Kafkasia. Haziran-Temmuz. 1972. № 3; *Ozbay C.* Alvan ordularini Kafkasya. Nisan-Mayis. 1979; *Grannes A.* A note on publishing in a small soviet minority language-Karacaj: A quantitative analysis // Nordic Journal of Soviet-Tast European Studies, 4. cild. 2 say. 1987 и др. Подробнее см.: *Сабанчиев Х.-М. А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е годы — начало XXI века): Автореф. дисс... д.и.н. Ростов-на-Дону, 2007.
- 81 *Bice H.* Kafkasia dan Anadolu ya gocler. Ankara, 1994; *Tavkul U.* Karacay halkinin surgun ve soykiriminin // Basbakanlik arisivi. Ankara, 1994.— № 1 и др.
- 82 *Shin Youn-Chal* Soviet Koreans and their Culture in the USSR // Koreans in the Soviet Union/ Ed.: Dae Sook Suh. Honolulu: University of Hawaii, 1987; *Ко Сон Му.* Корейцы СССР: Корё Сарам. Сеул, 1989; *Kho* Soviet Central Asia/ Helsinki, 1987; *Пак Хван.* История национального движения корейцев в России. Сеул, 1995, 1997; *Ким П.Г., Банг Сан Хен.* История переселения советских корейцев. Сеул, 1994; *Ли Хе Сын.* 1930 — 1980 гг.: советские корейцы в прессе, культуре, образовании. Сеул, 2005; *Ким Хён Ёнг.* История соотечественников за рубежом: тяготы и испытания. Сеул, 2005; *Пан Иль Квон.* Корейцы Средней Азии — общество и образование. 1938 — 1953. Сеул, 2006; *Сим Хон Ёнг.* История переселения корейцев в Россию. Современное осмысление // Корейско-российские взаимоотношения. Сеул, 2005. С. 53–83; *Кан Вок Сик.* Противостояние российских корейцев Японии и Сталину // Корейско-российские взаимоотношения. Сеул, 2005. С. 83–121 и др..
- 83 *О Чхонг Чжин.* Диаспорный национализм: история крымских татар в Турции и её уроки для этнических корейцев в Казахстане // Известия корееведения в Центральной Азии.— Алматы, 2005.— Вып. 1–2 (10).— С. 19.
- 84 Там же. С. 101.
- 85 См. ГАРФ. Ф.— Р. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 61. См. также: *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). М., 1998 и др.
- 86 Корейцы в СССР. Материалы советской печати. 1918–1937 годы.— М., 2004. С. 155.

- 87 См. подробнее о нем: Ким Пен Хва и колхоз «Полярная звезда». — М.: «ИВ-РАН». 2006.
- 88 К вопросу о депортации народов в 30 — 40-х годах // История СССР. — № 6. — М., 1989; И. Сталин — Л. Берия: «Их надо депортировать ...». М., 1992; Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист. — № 8. — М., 1991; НКВД СССР: корейцев — «взять на учет как спецпоселенцев» // Отечественная история. — № 6. — М., 1992; Осень 1937-го на Дальнем Востоке // Дальний Восток. — № 7. Хабаровск. 1992; 20–40-е годы: трагедия народов // Восток. — № 1. — М., 1992; Из истории депортации «русских» корейцев // Дружба народов. — № 7. — М., 1992; Из истории депортации и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской ассоциации корейцев. Коре ЕАН. — М., 1992; «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего востока. — № 4. М., 1992; Депортация корейцев в СССР. Как это было // Инбунгаккаи Кио. — № 52 (12). Саппоро. 1992; О выселении корейцев с территории Дальневосточного края // Отечественная история. — № 6. М., 1992; Досье «Востока». Корейцы в СССР из истории вопроса о национальной государственности // Восток. — № 2. — М., 1993; Насильственное переселение корейцев // Сейко («Синие горы»). — № 15. — Япония. Токио, 1993 (на япон. яз.); Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. № 5. — М., 1994; Депортация народов (конец 30-х — начало 40-х годов) // Россия в XX веке. М., 1994; Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994; Депортация народов (конец 30-х — начало 40-х годов) // Историки спорят. М., 1994; Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1996, (на англ. языке); «Переселить все корейское население ... В. Молотов. И. Сталин». Сеул, 1996 (на корейск. языке); 60 лет депортации российских корейцев // Независимая газета. 1997, 20 сентября; Из истории «русских корейцев» // Дружба. — № 7. — М., 1997 (в соавт.); Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). М., 1998; Российские корейцы в трудовых колоннах и рабочих батальонах: выполнение планов НКВД // Вера и жизнь. — № 11. — М., 1998; Российские корейцы: новый поворот истории. 90-е годы. М., 2000; Российские корейцы: от народного консерватизма к естественному этническому развитию // Этнопанорама. № 2. Оренбург, 2001; Корейское этническое меньшинство в российской историографии // Вера и жизнь. — № 16. — М., 2001; Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002; «По решению Правительства Союза ССР...». Сборник документов и материалов (в соавт.). Нальчик, 2003; Корейцы в Союзе ССР — России: XX век (история в документах). М., 2004; *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004; *Бугай Н.Ф.* «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации. М., 2005, Форум историков в Сеуле // Отечественная история. 2005. № 5; он же: Положение российских корейцев: проблемы интеграции в многонациональном российском государстве // Материалы международной конференции ученых Северо-Восточной Азии «Корейский полуостров и корейцы СНГ». Сеул, 2005. (на русском и кор. яз.); Миграции корейцев на постсоветском пространстве: проблемы адаптации и интеграции в Российской Федерации // <http://www.kimfound.ru/bugaydoklad.php>; Сталинские репрессии в Союзе ССР, реабилитация в России... // http://mdn.ru/cntnt/nauchnaya_informachiya/stati/statya_1.html 34.05.06 г. Сайт МДН Правительства Москвы. Рубрика: Научные статьи и др.
- 89 См., например, *Кожанов А., Яловицина С.* Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны России: история, культура, судьбы. — Петрозаводск, 1998. — С. 129–174.; Международная научно-практическая конференция «Будущее ингерманландских

финнов». 6–7 октября 2000 г. Санкт-Петербург: Доклады, сообщения и предложения.— СПб.— Токсово, 2000; *Киуру Э., Клементьева Е.* Ингерманладскому Союзу финнов Карелии 15 лет // [www.eawarn.ru/pub/Bull/Web Nove/53-15.htm](http://www.eawarn.ru/pub/Bull/Web/Nove/53-15.htm) 31.05.2004 и др.

- ⁹⁰ *Nevalainen P.* Inkerillainen siirtoväki Suovessa 1940 luvulla. *Keuru 1990; Такала И.Р.* Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 95–128; *Невалайнен П.* Изгой. СПб. 2003. *Конка У.* Korosenmatlta Jaaveren rannoille // *Carelia 1996.12/ Petroskoi.* S. 125–140. См. подробнее обзор темы *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине. Исследования по прикладной и неотложной этнологии.— М., 2004.— № 168 и др.
- ⁹¹ В середине 1990-х годов финский язык изучался в 103 школах (10 422 учащихся), в 2003/2004 гг.— в 64 школах (7717 учеников). В 5-х классах финский язык преподавался в 55 школах (4041 ученик), во втором классе — в 25 школах (449 учеников), в первом классе — лишь в 7 школах (161 ученик). В начале 1990-х годов финский язык изучался в Петрозаводске в 15 школах (1288 учеников), а в 2003/2004 гг.— только в 3 школах (86 учеников), при этом большую часть изучающих финский язык представляли ученики других национальностей. (См. *Киуру Э., Клементьева Е.* Указ. Соч.).
- ⁹² *Киуру Э., Клементьева Е.* Указ. Соч.
- ⁹³ См. *Быкова К.* ОГОР работает с посольствами и Поповым // *Омония.* 1994, январь.— № 1 (1). С. 3; она же: За трудоустройство беженцев на Кипре и в Греции // *Омония.* 1994, январь.— № 1 (1).— С. 3.
- ⁹⁴ СССР, Центральная и Юго-Восточная Европа // *Труды Института российской истории.*— Вып. 4.— М., 2004.— С. 287–308.
- ⁹⁵ См.: *Naruki Wada.* Koreans in the Soviet Union. Edited by *Paе-Sook-San,* Papers of the Center for Korean Studies University of Hawaii. 1989. № 12; *Бугай Н.Ф., Харуки Вада.* Из истории «русских корейцев» // *Дружба народов.*— 1992.— № 7 и др.
- ⁹⁶ *Око Науко.* Корейцы в современном Казахстане: стратегия выживания в роли этнического меньшинства // *Диаспоры,* 2001.— № 2–3; *Око Науко.* Государство — этническое меньшинство — этническая родина этого меньшинства (русские, уйгуры и корейцы в постсоветском Казахстане) // *Казахстан и Россия: общества и государства.*— М., 2004.— С. 389–406, и др.

М.И. Мамаев

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: РОЛЬ И МЕСТО ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ. 1940 ГГ. — НАЧАЛО ХХІ В.

Аннотация. Статья посвящена изучению этнической общности российских немцев Северного Кавказа с 40-х гг. ХХ в. по настоящее время. Рассматриваются вопросы их расселения, социально-экономической и культурной активности, взаимодействия с титульными и другими этническими общностями Северного Кавказа. **Ключевые слова:** национальная политика, межэтнические отношения, многонациональное государство, этнические меньшинства.

Summary. The article is devoted to ethnic community of Russian Germans of North Caucuses at the period from the 40-s of XX C. till nowadays. The questions of their

location, social, economic and cultural activity, cooperation with title and the other ethnic communities of North Caucasus are represented.

Keywords: *national policy, ethnic relations, multinational state, ethnic minorities.*

Российское многонациональное сообщество в 1990-е годы стало перед проблемой самоорганизации и выработки новых направлений своего развития. Сущность российской государственности, этапы ее эволюции в новых условиях, роль и место этнических меньшинств в этих процессах в определенной мере помогает раскрыть создававшийся в середине 1990-х годов государственный документ — Концепция государственной национальной политики Российской Федерации.

Проводимый исторический эксперимент не только по перестройке многонационального государства, но и всего мира (1980-е гг.) закончился сокрушительным провалом, породив тем самым многие проблемы в обществе, в том числе и в сфере межнациональных отношений. Богатый архивный материал, открытый к нему доступ позволили обществоведам оценить по-новому события 1980-х — 1990-х годов в бывшем Советском Союзе и России. Итогом этого явилось заметное продвижение российской историографии изучения всех сторон многонационального общества, включая и национальные меньшинства, на территории Российской Федерации.

Почему же все-таки национальная политика в отношении национальных меньшинств, ряда титульных народов выстраивалась именно таким образом, а не иначе? Авторы коллективного труда «Основы национальных и федеративных отношений» (М., 2001) полагают, что именно «идея приоритета классового интернационального над национальным в практике государственного тоталитаризма служила оправданием репрессий против целых народов, грубейших нарушений законности, принципов демократии, для обоснования жесткой регламентации духовной жизни наций, одностороннего понимания национальных традиций, истории народов, их культурного наследия»¹.

Что касается событий 1990-х годов в Северо-Кавказском регионе России, то очевидно, что их развитие напрямую связано с карабахским конфликтом, событиями в республиках Средней Азии и, прежде всего, с гражданской войной в Таджикистане (внешним по отношению к России).

Дальнейшее федеративное обустройство, несмотря на имевшие место изъяны, в связи с этим не могло осуществляться планомерно без учета национальных меньшинств, необходимости решения

их жизненно важных проблем. Поэтому утверждение о второстепенной роли национальных меньшинств, а тем более ее отрицание беспочвенно.

Как в 1990-е годы, так и в нынешних условиях это может привести в конечном итоге к нарушению целостности России. Развитие событий в 1990-е годы на Северном Кавказе показало, что пренебрежительное отношение к конкретным этническим общностям, в том числе и национальным меньшинствам, преследование людей по национальному признаку ни к чему другому не приведет, кроме как к ухудшению состояния консолидации этнических общностей, их самочувствия.

Несомненно, что проблема национальных меньшинств, в том числе национальных меньшинств Северного Кавказа (в частности, немцев, греков, крымских татар, курдов, российских корейцев, поляков, турок-месхетинцев, хемшинов², цыган), которые были подвергнуты в той или иной мере репрессивным воздействиям, их роли и места в условиях современности слабо изучена российской исторической наукой и остается актуальной.

Ее изучение позволит понять сущность процесса вступления российского многонационального общества в новый этап своего развития. Актуальность темы определяется и тем, что ее исследование способно помочь национальным меньшинствам занять достойное место в системе межнациональных отношений, сложившейся на территории России, показать их роль в создании условий для поддержания мира и стабильности, сохранения целостности государства, поддержания в обществе гражданского согласия. Без учета этой составляющей вряд ли возможным было бы сбалансированное соотношение между «национальным» и «национальной идеей».

Российские немцы проживают компактно и дисперсно на территории 13 национально-государственных образований Северного Кавказа.

Накануне Великой Отечественной войны на территории Союза ССР расселились более 1 млн. граждан немецкой национальности. Жили они и на территории Северного Кавказа, в частности, в Дагестане, Чечено-Ингушской АССР, в других республиках и краях. Более 200 тыс. немцев в начале 1940-х годов в принудительном порядке были переселены с территории Северного Кавказа и Закавказья. История советских немцев на Северном Кавказе фактически была прервана. Возврат немцев на Северный Кавказ частично произошел в 1960–1970-е гг.

Однако массовым приток немецкого населения становится только в 1990-е гг. — начале XXI в. Особенно отчетливо это про-

явилось в конце 1990-х гг. В этот период были написаны первые исследования, в которых в той или иной мере упоминались российские немцы, проживавшие в районах Кавказа и Северного Кавказа. Также говорилось о более чем 50 тыс. немцев, переселившихся с территории Крымской АССР на Северный Кавказ³.

Исследования по проблеме национальных меньшинств второй половины 1990-х гг. — начала XXI в. стали более емкими, опирающимися на архивные документы, текущие архивы, и всесторонними в плане охвата различных сторон жизни национальных меньшинств. Характерны публикации трудов обобщающего характера, в которых значительное место отводилось немецкому этническому меньшинству⁴, однако проблема комплексно пока не исследовалась.

Именно в конце 1980-х — 1990-е гг. появились первые кандидатские диссертации, посвященные, в частности, российским немцам, другим народам Северного Кавказа и в целом вопросам вынужденных миграций, связанных с репрессиями народов Советского Союза, и состоянию этой проблемы в международном масштабе⁵.

В теоретико-практическом аспекте выполнена работа известного специалиста в области истории национальных отношений В.Г. Чеботаревой⁶. Она посвятила свой труд вопросам становления национальной политики в Советском государстве в 1917–1924 гг. и показала национальную политику как самостоятельное направление жизнедеятельности государства. Автором раскрыты различные дискуссионные вопросы темы: особенности взаимоотношений государства с церковью, учет религиозного фактора в деятельности органов власти, решении социальных проблем, определении взаимоотношений с общественными организациями. обстоятельно анализируются трудности осуществления национальной политики в государстве в первые годы его становления, а также ошибки, которые во многом служат основой возникновения противоречий и в современных условиях.

Представляет научный интерес труд В.Н. Земскова⁷, в частности, в плане всестороннего изучения темы принудительных переселений в это время национальных меньшинств Закавказья. На основе богатого корпуса выявленных архивных документов автор обобщил свои ранние статистические наработки по проблеме, обратив при этом особое внимание на специальное поселение раскулаченных крестьян в отдаленные регионы Союза ССР; частично в этой связи затрагивается им и тема народов Закавказья («закавказские курды» и др.).

Российские немцы, корейцы, турки-месхетинцы, цыгане, курды, ногайцы, их роль и место в системе межнациональных отношений

отчасти анализировались в обобщающей монографии Н.Ф. Бугая и А.М. Гонова («Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.)»).— М., 2004). Это еще раз подтверждает вывод об актуальности исследования проблемы национальных меньшинств на Северном Кавказе в 1990-е гг. — начале XXI в.

Анализ национальной политики на Северном Кавказе вряд ли был бы полным без учета интересов названных национальных меньшинств, определения их места и роли в системе национальной политики в регионе. Специальный раздел книги посвящен авторами разделению народов как следствию процессов распада Советского Союза и национальным меньшинствам, проблемы которых анализируются на фоне всеобщей политики России применительно к Северо-Кавказскому региону. Ценным в монографии являются и сведения о формировании институтов гражданского общества названных национальных меньшинств, формах их работы, взаимодействии с органами государственной власти в субъектах Северного Кавказа.

На огромном фактическом материале с учетом результатов исследований ученых-обществоведов, богатого комплекса выявленных архивных материалов показаны особенности развития межнациональных отношений на Северном Кавказе в работе А.И. Тетуева⁸. Автор, хотя и не касается непосредственно истории национальных меньшинств, в том числе и предложенных для рассмотрения в настоящем исследовании, тем не менее создает содержательную картину формирования национальной политики в бывшей российской империи, затем Советском Союзе по отношению к так называемым «инородцам», к числу которых причислялись и национальные меньшинства.

Несомненно, заметный вклад в разработку темы национальных меньшинств, подвергшихся ранее репрессиям, внес Н.Ф. Бугай. Им издана монография «Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века)». (М., 2006). В разделах книги обстоятельно представлены этапы реабилитации этнических общностей и групп населения, включая и российских немцев, показана юридическая база этих мер. Несмотря на обобщающий характер труда, в нем обращено большое внимание на положение национальных меньшинств Северного Кавказа. Особый интерес вызывает анализ форм реабилитации граждан, принадлежавших к разным национальностям и подвергшихся репрессиям со стороны государства. В труде представлен обобщающий материал по опыту, накопленному в странах ближнего и дальнего зарубежья в осуществлении работы государственных органов власти с национальными меньшинствами, подвергшимися репрессиям.

В 1990-е годы — начале XXI в. состоялись многочисленные научно-практические конференции как общероссийского уровня⁹, так и регионального, на которых предметом рассмотрения являлась тема национальных меньшинств, включая российских немцев.

В своих сообщениях участники этих форумов рассматривали вопросы российских немцев, подвергшихся ранее репрессиям, а также вопросы их реабилитации в условиях новой демократической России, интеграции в региональный социум, связанной с миграционными процессами, а, вернее, вовлеченными в эти процессы. Предметом исследования были формы и методы взаимодействия в новых условиях России, поиск путей экономического и этнокультурного развития национальных меньшинств, включая российских немцев, взаимодействие их институтов гражданского общества с государственными органами власти в целях решения жизненно важных проблем обустройства этнической общности¹⁰.

Для российской историографии уже в 1990-е гг. было характерно появление отдельных обзорных статей, выполненных в историографическом плане, в которых затрагивался интересующий нас вопрос. Он рассматривался и в монографических разработках по истории депортации и реабилитации народов Северного Кавказа. Конечно, исследователей больше привлекали обзоры, в которых в качестве предмета изучения выступали именно национальные меньшинства¹¹. Вывод однозначен: каждое из национальных меньшинств, включая и российских немцев, может выступать в качестве предмета самостоятельного исследования.

К рассматриваемому периоду относится увеличение численности *немцев* на Северном Кавказе¹². Общая численность их к 1940-м годам составила в регионе уже 198 097 человек, в том числе в Дагестанской АССР — 4000 чел., в Чечено-Ингушской АССР — 574 человека¹³. В значительном количестве это были сельские жители. По данным Т. Плохотнюк, в этот период немцы проживали в городах. в Ростове-на-Дону — 1982 чел., в Краснодаре — 900 чел., в Таганроге — 810 чел., в Ставрополе — 362 чел., в остальных окружных городах — по 100 в каждом¹⁴.

После выселения немцы возвращаются в 1960-е годы в места своего проживания в Ростовской области. На 1960-е годы приходится и возрождение немецкой общины на Дону. По данным Всесоюзной переписи 1979 года, в области насчитывалось 6454 немца, в г. Ростове-на-Дону — 1064 немца; по данным Всесоюзной переписи 1989 года, в области — 7457, в городе Ростове-на-Дону — 1037 немцев.

В Краснодарском крае к 1989 году немцев насчитывалось 31 571 человек, на 2001 год — 15 513 человек. Уменьшение числен-

Динамика расселения национальных меньшинств на территории Северо-Кавказского региона в 1937 году
(в тыс. человек)

Наименование региона	Немцы	Греки	Поляки	Цыгане	Корейцы	Татары	Турки
Всего в РСФСР	651 429	73 411	92 078	1797	167 220, Приморский край	206 045, Крымская АССР	
Калмыцкая АССР		45 976				2108	
Краснодарский край	34 880		ок. 3000			10 475	644
Орджоникидзевск. край	47 212						
Северо-Осетинская АССР	3257						
Сталинградская обл.	25 457						
Кабардино-Балкарская	5276						
Ростовская обл.	33 311	195	3109				

Источник: Всесоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 85 –96.

ности немецкого населения отмечалось повсеместно и на Северном Кавказе, что было обусловлено их миграцией на историческую родину¹⁵.

Вопрос о национальных меньшинствах, включая и тех, кто подвергался ранее репрессивным воздействиям, заметно обнажился в период чеченских событий 1990-х годов. В связи со сложной этнополитической обстановкой в Чеченской Республике, назревавшими военными событиями республику покинули греки, немцы, евреи и представители других этнических общностей.

Что касается мигрантов: российских немцев, поляков, то они прибывали на территорию края не в таком массовом составе, хотя пополнение представителей этих этнических меньшинств наблюдалось. Часть из них прибывала в основном за счет внутреннего северокавказского регионального переселения. Они легко интегрировались в социум Краснодарского края.

В субъектах Северного Кавказа была заметной тенденция возрастания численности национальных меньшинств. Это относилось не только к российским немцам. Так, на территории Республики Адыгея к 2000 году, например, курдов проживало уже 2 863. Они прибыли из районов Закавказья. Здесь же расселялись частично граждане польской национальности. Были представлены из изучаемых национальных меньшинств 1805 немцев, крымские татары, около 600 граждан корейской национальности, цыгане.

Такая же ситуация складывалась и на территории Волгоградской области к 2000-м гг. Здесь возникли совершенно новые группы населения, включающие и национальные меньшинства, подвергшиеся репрессивным воздействиям в 1930 — 1940-е гг. В целом в области «осевших» на проживание оказалось, по данным администрации Волгоградской области, свыше 20 тыс. человек. При этом наблюдалась тенденция увеличения их численности. В числе 23 этнических общностей, представленных в структуре населения Волгоградской области, числились российские немцы, цыгане, российские корейцы, поляки. В целом же на территории области стали проживать представители более 100 различных этнических общностей¹⁶.

Представители названных этнических общностей расселялись в пределах отдельных муниципальных образований следующим образом: российские немцы — в Камышинском, Старополтавском, Палассовском, Жирновском, Николаевском районах, в городе Камышине; российские корейцы — в Быковском, Среднеахтубинском, Ленинском районах, цыгане — в г. Волгограде, Михайловском, Среднеахтубинском, Калачевском районах, турки-месхетинцы —

Таблица № 2
Расселение национальных меньшинств в субъектах Южного Федерального округа на середину 1990-х годов
 (в тыс. человек)

№ п/п	Название республики, края, области	Греки	Корейцы	Крым. тагары	Немцы	Поляки	Турки-месх.	Цыгане
1	Республика Адыгея	1.5	0.6		1.8			
2	Ингушская Республика						2.4	
3	Кабардино-Балкарская Республика		4.9		8.5		4.1	2.4
4	Краснодар. край	29.9		13.2	31.8			9.3
5	Карачаево-Черкесская Республика	1.6						
6	Ростовск. обл.	1.0	1.0				6.0	11.0
7	Республика Северная Осетия-Алания	2.9	2.9		3.0			1.4
8	Ставропольск. край	26.9	2.9		13.3	1.0		13.1

Источник: Таблица составлена по материалам Аналитической записки «Статус и положение национальных меньшинств на примере Северного Кавказа» от 30.03.1995 года № 133-вд.— Архив Министерства по делам национальной и региональной политики Российской Федерации.

в Дубовском районе и других. В последующем территория расселения расширялась, в нее включались и другие районы области.

Названные национальные меньшинства были расселены и на территории Карачаево-Черкесской Республики. На начало 1990-х гг. численность их была незначительной, она составила всего 1 % от общего населения, тем не менее, немцев проживало к этому времени 871 человек. Здесь же в числе национальных меньшинств значились греки, поляки.

Однако за десятилетие, т. е. к началу 2000-х гг., демографическая ситуация изменилась. Эти изменения коснулись и национальных меньшинств на территории республики. По данным правительства Карачаево-Черкесской Республики, на первую половину 2002 г., т.е. до проведения Всероссийской переписи населения, российские немцы, поляки, греки составили 7 % от общего населения республики¹⁷. Это было заметное увеличение численности представителей национальных меньшинств в республике, включая российских немцев.

Представители рассматриваемых национальных меньшинств и, в первую очередь, российских немцев, расселялись в этот же период и на территории Краснодарского края. По количественным характеристикам национальные меньшинства на территории края выглядели следующим образом: немцев было 29 946 (0,65 %), греков — 28 337 (0,61 %), татар крымских 17 123 (0,37 %), турок-месхетинцев 11–16 тыс. чел. (0,24 %)¹⁸, дисперсно расселялись цыгане.

В Краснодарском крае российские немцы значительно увеличились в количественном отношении. Хотя не следует сбрасывать со счетов и наблюдавшееся одновременно уменьшение численности немцев за счет оттока в Германию — на 48,2 %¹⁹.

К середине 1990-х гг. численность национальных меньшинств в Краснодарском крае изменилась. Согласно динамике распределения этнических меньшинств в Краснодарском крае в 1980-е годы — начале 2000-х годов немцев насчитывалось 18 469 и сосредотачивались они в основном в Тбилисском и других районах Краснодарского края²⁰.

К началу 2000-х гг., по данным Комитета государственной статистики края, динамика численности заметно изменялась и выглядела следующим образом: татары крымские — 17 тыс. человек, российские немцы — 15 510 чел., курды — 10 800 чел., турки-месхетинцы, появившиеся после известных «ферганских событий» в Узбекистане в конце 1980-х годов, — 15 080 чел., цыгане — 9870 человек.²¹ Пока российские немцы по численности оставались на втором месте после крымских татар.

Можно полагать, что отношение со стороны местных жителей не оставалось одинаковым к каждому из национальных меньшинств, включая и российских немцев. Оно колебалось в диапазоне от дружественного до недружественного и даже враждебного. И, тем не менее, на территории Южного федерального округа более воспринимаемыми являются российские немцы, греки, корейцы.

Следует отметить, что во второй половине 1990-х гг. в связи с принятием ряда законов о роли и месте институтов гражданского общества в значительной мере усилилась консолидация этнических меньшинств в регионе, включая и российских немцев.

Национальные общественные организации (с 1995 г.), национально-культурные автономии (с 1996 г.) были призваны заниматься реализацией такой задачи, как формирование партнерских отношений между общественностью, государственными органами власти, бизнес-сообществом. Все это подчинялось задачам становления и развития гражданского общества в целом и этнических общностей в частности.

Создание общественных объединений национальных меньшинств, в том числе и российских немцев, по нашему мнению, является прямым следствием достаточно высокого уровня их социализации по месту своего проживания. В сложных этнополитических условиях в государстве это приобретало особый политический и общественный акцент

Именно на 1990-е гг. приходится создание системы общественных организаций российских немцев на территории Волгоградской области. За короткое время возникли общественные объединения как областного масштаба, так и районного.

На счету НКА немцев Волгоградской области большой комплекс мероприятий, проведенных в сфере культурного строительства и возрождения культуры российских немцев. Так, только в 2005 г. был проведен ежегодный фестиваль национальных культур «Сарептские встречи» совместно с государственным историко-этнографическим музеем — заповедником «Старая Сарепта», мероприятия, приуроченные к 64-й годовщине со дня депортации российских немцев, традиционные немецкие праздники «Oktoberfest», «Weinnacht», День памяти жертв незаконных политических репрессий, мероприятия, посвященные «Дням немецкой культуры» в Волгоградской области.

В первой половине 1990-х годов в Ростове-на-Дону осуществляло активную деятельность региональное общественное объединение российских немцев «Видергебурт-Дон» (руководитель И.Ф. Вебер).

В 1994 г. был организован культурный центр — «Немецкий дом»²². Под его эгидой стали функционировать кружки немецкой

народной культуры, группы и курсы по изучению немецкого языка, участились культурные обмены с национальными общественными объединениями соседних субъектов, а также творческими коллективами из городов Германии, расширялось университетское сотрудничество. Все эти меры содействовали консолидации российских немцев юга России.

В первой половине 1990-х гг. возникает общественное объединение «Возрождение» и у российских немцев, проживавших в Республике Калмыкия, которое направляло свою деятельность на приобщение к национальной культуре, возрождение и развитие родного языка, обычаев, традиций, укрепление межнациональных отношений, сотрудничество с национальными культурными центрами России.

Интенсивный процесс возрождения общественной и культурной жизни национальных меньшинств, в частности, российских немцев, уже в конце 1980-х годов наблюдался в Краснодарском крае. На территории края функционировало отделение Всероссийского общественного объединения «Видергебурт», под руководством которого проводилась большая программа по возрождению культуры российских немцев, усилению взаимодействия с культурами других народов. Общественное объединение набирало силу на местах. В 1997 г. на базе местных организаций в Краснодаре на учредительной конференции была образована немецкая национально-культурная автономия²³. Здесь же велась подготовительная работа по созданию молодежного движения российских немцев.

В Ставропольском крае российскими немцами, возвращавшимися с мест депортации, в начале 1990-х гг. было сформировано отделение Всероссийского общества «Видергебурт», которое также включило в свои программы организацию различных кружков фольклора, восстановление немецкой культуры, формирование групп по изучению немецкого языка.

Важной стороной в практической работе государственных органов власти в местах расселения этнических меньшинств, подвергшихся ранее репрессиям, была проблема трудовой занятости. Ее решение во многом зависело от местных условий проживания. С учетом этого выстраивался и производственный процесс. Во многих случаях он носил несовершенный характер, но на начальном этапе эта временная мера, тем не менее, позволяла частично решать сложную проблему трудовой занятости.

Следует отметить, что при этом в основу реализации государственной политики в области социально-экономического развития этнических общностей вообще, включая и российских немцев, были заложены следующие подходы:

- создание нормативно-правовой базы на основе Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права;

- разработка и реализация федеральных целевых программ социально-экономического развития этнических общностей, в том числе и национальных меньшинств;

- взаимодействие государственных органов власти и институтов гражданского общества;

- использование международного опыта сотрудничества.

Одним из действующих механизмов формирования условий устойчивого экономического и социального развития российских немцев был программно-целевой метод государственной поддержки их, который предусматривал широкий комплекс мер социального порядка, включая и моральный аспект проблемы.

Представители немецкого национального меньшинства заметно активизировались в сфере производства. Была наглядной происходившая натурализация этнической общности. Российским немцами практиковалось создание совместных российско-германских предприятий, что содействовало усилению контактов в сфере экономики, например, в Ростове-на-Дону и в немецком городе Дортмунде²⁴.

Одинаково протекали эти процессы и в Краснодарском крае, где экономический сектор, в котором заняты российские немцы, налаживал тесные связи с производствами Ганновера, других промышленных и аграрных центров Германии. В этой ситуации российские немцы выступали своеобразной связующей нитью.

Проблема возрождения самобытной культуры национальных меньшинств остается в числе актуальных и на территории Северо-Кавказского региона. Это в полной мере относится к российским немцам, корейцам, грекам, курдам, полякам, туркам-месхетинцам, хемшилам, российским цыганам.

Однако вряд ли возможно решение этой столь актуальной проблемы без необходимой поддержки со стороны органов государственной власти.

В целях обеспечения единства культурного пространства, равных возможностей доступа к культурным ценностям для жителей различных территорий страны и представителей разных этнических общностей, создания условий для диалога культур в многонациональном государстве постановлением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 955 была утверждена федеральная целевая программа «Культура России (2001–2005 годы)». Подпрограмма «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России», входящая в состав этой программы, в 2003 г. была

профинансирована на 3260,2 млн. руб., а на 2004 г. предусматривались средства в размере 3441,5 млн. рублей²⁵.

Кроме того, на реализацию прочих мероприятий (развитие национального образования, возрождение культуры российских немцев, развитие научно-методической и издательской деятельности и т.д.) по программе «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев» в 2003 г. в области социальной политики перечислялось из федерального бюджета предусмотренных 40,6 млн. руб.; в 2004 году профинансировано было, по состоянию на начало апреля 2004 года, 10,15 млн. рублей.

Таким образом, несмотря на непростую финансово-экономическую обстановку в Российской Федерации, вызванную переходным периодом в осуществлении демократических реформ, необходимо отметить положительные итоги реализации целевых программ в 2001–2004 гг.

Российской Федерации удалось не только не снизить, но во многих случаях даже увеличить финансирование соответствующих программ. Их реализация позволяла оптимизировать процессы формирования межнационального согласия, жизненно необходимого мультикультурному Российскому государству, обеспечить также необходимую поддержку этнокультурного развития российских немцев в системе многонационального народа России.

Что касается российских немцев, то многие мероприятия в сфере возрождения национальной культуры реализовывались в рамках называвшейся Президентской федеральной целевой программы «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы», а также на основе разработанной во втором полугодии 2006 г. программы «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев 2007–2012 годы и далее до 2017 года», «отвечающей реалиям государственной национальной политики Российской Федерации»²⁶. Это в определенной мере содействует улучшению ситуации в сфере межнациональных отношений в целом.

Реализация первого этапа названной программы завершилась в 2000 г. Возникает вопрос: что же удалось выполнить? По данным, приведенным Министерством регионального развития Российской Федерации, большой объем работы был выполнен в сфере возрождения культуры, образования российских немцев, налажено регулярное издание газет на немецком языке, оказывалась поддержка 26 центрам немецкой культуры, проводилось оснащение литературой библиотек.

Большая программа преобразовательской деятельности проводится молодежным немецким объединением на территории Краснодарского края: устраиваются фестиваль «Меж границ? Без гра-

ниц!», а также форумы немецкой молодежи, осуществляются поездки делегаций молодежи для встречи со своими сверстниками в Германии, проводятся семинары и тренинги, создана и действует система единого информационного пространства, организация обучения немецкому языку и др.

Наряду с этим благодаря осуществлению названной программы были сданы в эксплуатацию на территории страны, в том числе и на Северном Кавказе (Ставропольский край, Ростовская обл. и др.) 18 объектов социальной сферы: 7 школ на 1100 учащихся, 3 объекта медицинского обслуживания на 400 посетителей, 2 спортивных объекта на 1500 человек, детский сад, телецентр²⁷. Первый Всероссийский молодежный фестиваль немецкой культуры в г. Камышине Волгоградской области не только дал положительный результат, но и продемонстрировал возрождение культуры российских немцев²⁸.

Не менее успешным был и второй этап реализации программы (2001–2006 гг.), когда особое внимание уделялось обустройству сел с компактным проживанием российских немцев, включая и Волгоградскую область, оказывалась помощь деятельности 13 немецких домов и центров немецкой культуры²⁹, деятельности институтов гражданского общества — общественных объединений российских немцев.

Многие мероприятия в сфере национальной культуры как российских немцев, так и остальных названных национальных меньшинств осуществлялись и в рамках действующих федеральных программ «Русский язык», «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2001–2005 годы)» и других.

Важным фактором успеха выполнения этой задачи применительно всех этнических общностей оставалась совместная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов и национальных общественных объединений. Именно благодаря этому удавалось во многом избежать серьезных потрясений и конфликтных ситуаций на этнической основе.

Ценным в этом случае было и определение основных направлений возрождения национальных культур, в числе которых — воспитание уважительного отношения к истории, традициям, культуре, вероисповеданию, языку и национальному достоинству представителей этнических общностей, проживающих на территории субъектов Северо-Кавказского региона.

В этом комплексе мероприятий в условиях современного развития российского общества в числе приоритетных направлений выступает воспитание культуры межнационального общения, как вер-

но отмечалось в «Концепции развития культуры межнационального общения и установок толерантного сознания населения Волгоградской области» (утверждена 17 февраля 2004 г.), «составной компоненты системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»³⁰. Оно-то как раз и включает такие приоритетные составляющие, как защита культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния многонационального населения», разработка системы мер со стороны государства по сохранению и развитию традиционного этнокультурного наследия в целях сопротивления негативному влиянию на процессы развития самобытных национальных культур. Только в этом случае культура межнационального общения может стать «неотъемлемой составляющей всего образа жизни и поведения жителей»³¹.

В этой связи важно и определение механизма для реализации обозначенных мер:

- поощрение и пропаганда между гражданами разных национальностей опыта и традиций мирного, гуманного сосуществования, сотрудничества;
- дружеское общение;
- совместное решение многих общих проблем;
- осуждение различных проявлений экстремизма на национальной почве.

И хотя предлагаемая «модель» выстроена применительно многонациональной Волгоградской области, но она вполне приемлема и для практики в отношении других территорий субъектов Российской Федерации, включая и Северо-Кавказский регион.

На практике при решении вопросов этносоциального развития национальных меньшинств, в том числе и российских немцев, фактически во всех субъектах Российской Федерации, в том числе и на Северном Кавказе, основной акцент делается преимущественно на сохранение и обогащение культур этнических общностей. Это же относится и к российским полякам, корейцам, грекам, цыганам, туркам-месхетинцам, курдам, хемшинам, другим национальным меньшинствам, подвергшимся ранее дискриминации.

Приобретает особое значение и вывод, что именно обновление экономической и социальной сферы, повышение материального уровня жизни, обеспечение трудовой занятости, обеспечение коммунальным, образовательным, медицинским обслуживанием создаст условия для возрождения национальных культур, реализации мер по воспитанию культуры межнационального общения.

Таким образом, национальные меньшинства, как показывает исследование, занимают достойное место в общей системе меж-

национальных отношений в Южном федеральном округе. Одни из национальных меньшинств продвинулись значительно вперед в плане адаптации и интеграции в соответствующие сферы хозяйствования, другие находятся еще на пути поиска, решая одновременно вопросы своего обустройства, адаптации. Однако всеми без исключения придается внимание развитию сферы культуры и сохранению прежде всего своей национальной культуры как одной из возможностей сближения народов, обогащения их духовности, межнациональных отношений, их наполняемости по разным направлениям связей с другими этническими общностями во имя процветания своей страны.

Процессы, протекающие в современный период, свидетельствуют о необходимости своевременной реакции общества на жизнь национальных меньшинств, определения их роли и места в протекающих национальных процессах, рассмотрения их в качестве органичной составляющей многонационального государства, каким является Россия, ставшая суверенной.

Сохранение этнического, конфессионального и культурного многообразия, межнационального мира и согласия, обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности народов России являются важными стратегическими задачами государства и общества. Их выполнение — это гарантия благополучия будущих поколений, фактор стабильного социально-экономического развития страны, согласия в обществе и укрепления позиций в мире.

Материалы проведенного исследования позволяют сделать вывод об изменении отношения к положению, общественной функции и роли в обществе языка национальных меньшинств, о чем свидетельствует совершенствование нормативно-правовых актов применительно русского языка как языка межнационального общения и языков национальных меньшинств.

Языки национальных меньшинств наравне с языками титульных этнических общностей используются в СМИ, радио и телевидении. Ведется большая работа по созданию учебников, подготовке соответствующего корпуса учителей, устраиваются учебные летние лагеря по изучению языков национальных меньшинств и углублению знаний родных языков.

Вопросы взаимодействия национальных меньшинств с органами государственной власти во многом получают свое решение путем создания консультативных советов из состава представителей национальных меньшинств, что рассматривается как новаторское начало в происходящей демократизации России. Все это позволило изменить в относительно короткие сроки формы отношений по вектору национальные меньшинства — органы государственной

власти. Активизировалось участие представителей национальных меньшинств в принятии государственных решений. Этим целям подчинена и работа по созданию Консультативного совета по национально-культурным автономиям при Министерстве регионального развития Российской Федерации.

Итоги проведенного исследования позволяют представить на примере российских немцев Северного Кавказа схематическую «модель» решения подобных вопросов применительно других регионов Российской Федерации.

Национальные меньшинства в современном Российском государстве, включая и общность немцев Северного Кавказа, получили возможность на законном основании решать свои проблемы в плане экономического развития и возрождения своих национальных культур. Это еще раз подтверждает тот постулат, что многонациональность — это та основа, которая усиливает генофонд государства, выступает предпосылкой увеличения его потенциала.

Важным шагом в деле совершенствования работы с национальными меньшинствами в России будет дальнейшее изучение опыта деятельности правительств других стран в решении проблем национальных меньшинств.

В этом плане был бы интересным опыт таких стран, как, например, Норвегия, Германия, других государств, где проблеме работы с национальными меньшинствами на государственном уровне обращено особое внимание. Правительство Германии взяло перед Советом Европы обязательство по защите цыганского языка, оно же разрабатывает специальные целевые федеральные и земельные программы. Правительство земли Гессен в полном объеме выполняет 35 немецких обязательств, определенных Хартией по защите языка, включая и использование в местных и региональных представительных органах и официальных земельных ведомствах. Реализацией мер заняты и в других землях Германии.

Весьма важно, чтобы в обществе был установлен разумный баланс между использованием ресурсов на развитие и долгосрочную стабильность, было достигнуто улучшение отношений между государством, обществом и бизнесом, т.е. выработан механизм нормализации взаимодействия, повышена открытость государства. Российские немцы Северного Кавказа и в дальнейшем будут призваны к решению различных социальных задач в государстве. Одной из них по-прежнему остается связующая их роль в наведении и подержании прочных отношений между государствами — Россией и Германией, решение приоритетных направлений во имя лучшей, более удобной, жизни всех этнических общностей региона.

- 1 Основы национальных и федеративных отношений.— М.: Издательство РАГС, 2001.— С. 228.
- 2 В 1921 г. согласно Карскому договору несколько деревень Хопского края, где проживали амшенцы-мусульмане, присоединили к Аджарии. В 1944 г. они были выселены И. Сталиным в Казахстан и Кыргызстан как «неблагонадежный» народ.
- 3 Немецкий российский этнос: веки истории.— М., 1994; Киколенко О.А. Российские немцы: история формирования национальной общности и проблемы постсоветского периода. М., 1994; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-германской научной конференции. Анапа. 23–26 сентября 1994 г.— М., 1995 и др.
- 4 *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.).— М., 2004 и др.
- 5 *Осинов А.Г.* Основные направления изменений в самосознании и культуре ахалцихских (месхетинских) турок. 20-е годы XIX — 90-е годы XX веков.— М., 1993; *Алферова И.В.* Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х — 50-е годы).— М., 1997; *Сим Хон Ёнг.* Корейское этническое меньшинство в системе межнациональных отношений СССР. М., 1998 и др.
- 6 *Чеботерева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг.— М., 2003.
- 7 *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР.— М., 2003.
- 8 *Тетуев А.И.* Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции.— Нальчик, 2006.
- 9 Российское государство и национальная общественность: пути и перспективы социального партнерства. Материалы международного «круглого стола» «Национальные общественные объединения: их роль и место в достижении гражданского мира, согласия и дружбы между народами». Тула, 26–27 апреля 2001 г.; Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906–2006. (К 100-летию российского парламентаризма): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Адлер, 26–30 мая 2006 г.) и др.
- 10 См., например, Развитие законодательства в Российской Федерации: Материалы второй Международной конференции по федерализму 16–17 декабря 1997.— М., 1997; Северный Кавказ в условиях глобализации: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции.— Майкоп, 2001; Материалы Северо-Кавказской научно-практической конференции «Через диалог религий к прочному миру и национальному согласию на Северном Кавказе».— Пятигорск, 2003; Репрессированные народы: история и современность. Материалы республиканской научной конференции 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003; Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы докладов 1У Международного конгресса. 21–24 сентября 2004. Пятигорск, 2004; Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции «Россия и Кавказ: история и современность». (11–12 ноября 2004 г.).— Владикавказ, 2005; Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906–2006. (К 100-летию российского парламентаризма): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Адлер, 26–30 мая 2006 г.); Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг.: Материалы научно-практической конференции.— Краснодар, 2006 и др.

- 11 *Сим Хон Енг.* Историография проблемы депортации российских корейцев в 30–40-е годы в СССР // *Вера и жизнь.* — М., 1997; *Бугай Н.Ф.* Проблемы реабилитации этносов Союза ССР в российской историографии // *История и историки.* 2004: Историографический вестник. — М., 2005: он же: Проблемы репрессированных национальных меньшинств в российской историографии // *История и историки.* 2005: Историографический вестник. — М., 2006 и др.
- 12 Что касается немцев Юга России в 1920–1930-е годы, то по этому вопросу существует большая научно-исследовательская литература. Однако интерес к проблеме особенно возрос в 1990-е годы — начале XXI века. Эта особенность характерна не только для Российской Федерации, но и для других стран ближнего и дальнего зарубежья — Казахстана, Германии (См., например, Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI века). М., 2006; Немецкий российский этнос: веки истории. — М., 1994; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. — М., 1995; *Kang-Bohr Youngok.* Stalinismus in l'andlichen Provinz. Das Gebiet Voronez 1934–1941. Berlin, 2006 .
- 13 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. — М.: «Капь», 1994. С. 32.
- 14 *Плохотнюк Т.* Немецкое население Северного Кавказа в условиях тоталитарной системы в середине 1920–1930-х гг. // *Наказанный народ.* — М., 1996. — С. 150.
- 15 Этноты и этнические группы Краснодарского края, их национально-культурные объединения. Департамент культуры Краснодарского края. Краснодар, 2003.
- 16 См. Постановление Главы администрации Волгоградской области «О мерах по развитию системы этнокультурного образования в Волгоградской области» от 17 февраля 2004 года. — № 132. — С. 4.
- 17 Правительство Российской Федерации. О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в 2001 году. М., 2002. — С. 167.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Источник: Что нужно знать о народах Кубани // *Справочник.* Краснодар, 2006. С. 4–25; *Бугай Н.Ф., Гонев А.М.* Указ. соч. — С. 50.
- 21 Там же.
- 22 Немцы в России // *Энциклопедия.* М., 2006. Т. 3. С. 349.
- 23 См. Краснодарский край (1937–1941). Документы и материалы. Краснодар, 1997; Немцы России // *Энциклопедия.* — М., 2004. — Т. 2. — С. 209–210.
- 24 Немцы России // *Энциклопедия.* — Т. 3. — С. 349.
- 25 Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (Доклад Российской Федерации о ходе второго цикла мониторинга в соответствии со статьей 25 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств). М.: Минрегион России. С. 47.
- 26 См. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации. Т. 1. — М.: «Проспект», 2006. — С. 62.
- 27 См.: <http://minregion.ru/WorkItems/News/News.aspx?NewsID-256/>
- 28 См. Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам в субъектах Юга Российской Федерации. — М., 2003. — С. 147.
- 29 Там же.
- 30 Концепции развития культуры межнационального общения и установок толерантного сознания населения Волгоградской области. — Волгоград, 2004. — С. 1
- 31 Там же.

В.Г. Ананьев

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ИЗДАНИЯ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА В XX ВЕКЕ*

***Аннотация.** Статья посвящена истории публикации «Истории Российской» В.Н.Татищева, предпринятой в середине XX в. Показаны значение этого издания в научной жизни сообщества советских историков, роль А.И.Андреева в осуществлении этого издательского замысла, его значение для развития истории отечественной исторической науки.*

***Ключевые слова:** история, политика, идеология, история исторической науки, советская историография, издательская политика, В.Н.Татищев, А.И.Андреев, Институт истории АН СССР.*

***Summary.** The article is devoted to the history of publication of "Russian History" by V.N.Tatischev, undertaken in the middle of the XX C. There are represented the significance of this publication for the scientific life of the soviet historians community, the A.I.Andreev's part in realization of this editorial project, its role in native historiography.*

***Keywords:** history, policy, ideology, historiography, editorial policy, V.N. Tatischev, A.I.Andreev, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR.*

«История Российская» В.Н. Татищева (далее — «История»), как известно, была опубликована уже после смерти автора, хотя в научный оборот, благодаря многочисленным рукописным копиям, вошла значительно ранее первой публикации¹. Вопрос о ее научном издании неоднократно поднимался на протяжении XIX — на-

---

* Моя искренняя признательность — д.и.н. Александру Вячеславовичу Майорову, обратившему мое внимание на эту тему, д.и.н. Игорю Владимировичу Лукоянову и Галине Антоновне Победимовой, сделавшим возможным использование в работе материалов из архивного фонда К.Н. Сербиной, к.и.н. Ольге Алексеевне Абелинцевой и Надежде Николаевной Жарковой, терпеливо помогавшим в ознакомлении с материалами архивного фонда Санкт-Петербургского института истории РАН, а также к.и.н. Татьяне Анатольевне Базаровой и Александре Викторовне Чирковой. Без их помощи, равно как и без помощи коллег из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, эта работа, безусловно, не была бы написана. Все ее огрехи, столь же безусловно, остаются на совести одного лишь автора.

чала XX вв. Оно была осуществлено лишь в 60-е гг. XX в., «История» вышла под редакцией С.Н. Валка и М.Н. Тихомирова. Однако у истоков этого проекта стоял другой историк — А.И. Андреев, выдвигавший планы критического издания трудов В.Н. Татищева еще с 30-х гг. XX в.

Цель данной работы — проследить по данным архивных материалов историю подготовки этого издания «Истории». Сразу же, однако, следует сделать одну оговорку. Как отметила О.М. Медушевская, для научной парадигмы, нашедшей отражение в трудах А.И. Андреева, характерно было «направленное наблюдение целостных культурных феноменов, не утративших следы изначальных информационных связей в условиях их происхождения»². Иными словами — внимание ко всей совокупности материалов по той или иной теме, к их эволюционным рядам, к динамике, видимой только при охвате как можно большего числа единиц. Отсюда его активное участие в подготовке различного рода научных собраний сочинений, серийных изданий, каталогов, описаний и т.д. Работа над татищевскими материалами не стала здесь исключением. Как увидим, ученый не ограничивался только работой над «Историей», но готовил публикации и других сочинений В.Н. Татищева, связанных с ним документов и т.д. Эти темы также будут отчасти затронуты в работе, но в центре нашего внимания останутся усилия по подготовке к изданию именно «Истории».

«История» всегда привлекала к себе пристальное внимание ученых. В первую очередь это было связано с так называемыми «татищевскими известиями» — уникальными сообщениями по древнейшей истории России, не имеющими аналогов в дошедших до наших дней исторических источниках. Скептическое отношение к ним, присутствовавшее уже в трудах Н.М. Карамзина, нашло продолжение в исследованиях С.Л. Пештича и наиболее полного оформления достигло в недавней монографии А.П. Толочко³. Последняя вызвала множество откликов и способствовала новому всплеску интереса к данной теме. Вместе с тем, актуализация темы привела и к расширению круга вопросов, интересующих историков в связи с «Историей». К числу таковых следует отнести и историю подготовки издания этого памятника исторической мысли.

Одним из первых к характеристике этого вопроса обратился С.Н. Валк, опубликовавший в последнем, 7-м, томе академического издания «Истории Российской» статью ««История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии»⁴. Ученый начинает изложение событий с 1918 г. и инициативы А.А. Шахматова, не только проведшего архивные разыскания и обнаружившего новые списки «Истории» и ее фрагментов, но и поставившего вопрос о новом, критическом издании этого сочинения⁵. Он замечает, что

это «пожелание Шахматова не сразу нашло свое осуществление», и указывает на ту огромную роль, которую в деле издания документов, необходимых для изучения истории научной деятельности В.Н. Татищева и его работы над «Историей», сыграл А.И. Андреев. Однако, подробно останавливаясь на деятельности А.И. Андреева, С.Н. Валк пишет лишь о публикации им писем и других татищевских документов, о работе ученого над изучением географического наследия «первого русского историка»⁶. Возрождение идеи академического издания «Истории» он связывает с деятельностью академика М.Н. Тихомирова и относит к середине 1950-х гг. «Когда у М.Н. Тихомирова,— пишет он,— возникла мысль о новом издании «Истории», он обратился именно к А.И. Андрееву в начале 1955 г. с предложением о его подготовке. Занятый другими работами, А.И. Андреев «с полной готовностью» согласился приступить к этой работе в 1956 г.»⁷. При подготовке этой статьи С.Н. Валк опирался на целый ряд неопубликованных источников. С помощью И.П. Старовойтовой ему удалось ознакомиться с соответствующими материалами из московского архива М.Н. Тихомирова. Они и сейчас хранятся в фонде С.Н. Валка в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Работал он и с некоторыми материалами из переданного в Ленинградский (ныне — Санкт-Петербургский) филиал Архива РАН личного фонда А.И. Андреева, умершего в 1959 г. Вместе с тем, в его изложении получается, что между инициативой А.А. Шахматова 1920 г. и начатой под руководством М.Н. Тихомирова в 1955 г. подготовкой издания «Истории» простирается более чем 30-летний перерыв, когда никаких попыток подготовить новое издание памятника не предпринималось. В недавнее время с полуавтобиографической статьей об истории академического издания «Истории» выступил ученик С.Н. Валка М.П. Ирошников, сам с 1959 г. принимавший участие в подготовке этого издания⁸. Его работа посвящена событиям конца 1950-х — 1960-х гг. и кратко рассказывает о работе ленинградского коллектива историков под руководством С.Н. Валка на последнем этапе подготовки академического издания. М.Б. Свердлов в «Предисловии» к своей новейшей монографии, посвященной «Истории», пишет, что в «1962–1968 гг. С.Н. Валк на самом высоком археографическом уровне издал в семи томах «Историю Российскую» Василия Никитича Татищева». Он отмечает, что руководимый С.Н. Валком «небольшой творческий коллектив», в который входили М.П. Ирошников, Т.М. Новожилова и З.Н. Савельева, «совершил научный подвиг»⁹. Безусловно, это так. Но не следует забывать, что издание 1962–1968 гг. во многом стало возможным лишь благодаря длительной подготовительной работе, в первую очередь связанной с именем Александра

Игнатъевича Андреева, который, начиная с 1930-х гг., регулярно выступал с инициативой нового издания «Истории». Свидетельством тому — обширная источниковая база, состоящая в основном из неопубликованных и прежде не вводившихся в научный оборот архивных материалов. В данной работе использованы будут по преимуществу материалы из двух архивохранилищ Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в личном фонде А.И. Андреева (Ф. 934) значительный интерес представляют подготовительные материалы к изданию «Истории», а также его переписка, освещающая различные этапы этого длительного процесса, растянувшегося более, чем на полвека: с 1930-х гг. и до смерти А.И. Андреева, в 1959 г. В Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН в фонде самого института сохранились протоколы заседаний сектора феодализма, протоколы ученых советов самого института, план-карты и отчеты сотрудников, уточняющие историю подготовки издания с середины 1950-х гг. В хранящемся там же фонде С.Н. Валка (Ф. 297) значительный интерес представляют как собственно подготовительные материалы самого ученого, так и данные его переписки. Опираясь на эти источники, мы попробуем проследить, как развивалась история подготовки нового, критического издания «Истории». Привлечение новых архивных материалов может способствовать более детальному освещению этого сюжета из истории русской исторической науки XX в.

29 апреля 1936 г. исполнялось 250 лет со дня рождения В.Н. Татищева. Вероятно, не без учета этой даты, 1 октября 1935 г. А.И. Андреев, лишь несколько месяцев назад вернувшийся в Ленинград из сибирской ссылки, в которой находился с 1931 г. (он был арестован и осужден по Академическому делу), направляет в Историко-Археографический институт заявление, в котором, отмечая всю важность трудов В.Н. Татищева, указывает, что они «изданы так плохо и так небрежно, что пользоваться ими крайне трудно, а весьма значительная часть их ... до сих пор не издана». Материалы, подготовленные к двухсотлетию со дня рождения ученого Н.А. Поповым, так и не вышли в свет и хранятся в архиве Историко-археографического института. Все это ставит на повестку дня вопрос о новом издании татищевского наследия. Предлагает А.И. Андреев и план будущего издания: критически переиздать «Историю», отдельным томом выпустить «мелкие труды» («Примечания к Русской Правде и Судебникам», «На Сибирскую историю примечания») и ученую переписку с Академией наук и разными лицами. Заканчивалось заявление словами: «Собранные мною материалы охотно укажу ИАИ и, если найдено будет полезным, приму участие в издании»¹⁰. Предложение это, судя по всему, нашло

положительный отклик у руководства института, т.к. уже 3 октября А.И. Андреев отмечал: «Б.Д. Греков предложил мне принять участие в редакции «Истории Российской» Татищева, намечаемой к изданию ОГИЗ'ом». 6 октября план будущего издания был готов, а на следующий день директор Историко-археографического института повез его в Москву. Составленный А.И. Андреевым план издания включал в себя следующие пункты: 1) в основу издания должны быть положены рукописи второй редакции «Истории», «в общем схожие с печатным текстом 1767–1784 и 1848 гг.»; 2) более ранняя редакция текста в древнейшей своей части (погодного изложения событий до 1237 г.) издается как приложение к соответствующему тому; 3) объем издания составляет ок. 120 печатных листов (по 40 тысяч знаков); 4) текст «Истории» делится на 4 части, в соответствии с планом В.Н. Татищева; 5) в издании используется новая орфография, но с сохранением особого языка автора и принятых институтом для издания текстов XVIII в. правил; 6) в первом томе помещаются две вводные статьи: одна о значении трудов В.Н. Татищева для изучения отечественной истории, а вторая — включающая археографическое введение; 7) к каждому тому прилагаются научный и географический указатели; 8) в конце четвертого тома — библиография о В.Н. Татищеве¹¹. Тогда же был составлен подробный «план подготовительных работ», включавший перечень первоочередных дел по подготовке издания (снятие копий с печатного текста «Истории», с рукописей, составление библиографии, решение вопросов с оплатой работы, сроков сдачи текста в издательство и т.д.)¹².

Масштабное издание требовало решения множества технических вопросов. Сам А.И. Андреев, тем временем, не оставляя своих занятий Татищевым и 5 мая 1936 г. выступил с докладом «В.Н.Татищев и его сношения с Академией наук в 1730–1750 гг. (К 250-летию со дня рождения В.Н.Татищева)» на заседании сектора истории АН Института истории науки и техники. Тогда же было принято решение просить его предоставить в сектор план издания трудов В.Н. Татищева, однако, вскоре сектор был упразднен, а сам институт переведен в Москву¹³.

В том же году вышла и первая научная работа А.И. Андреева, посвященная В.Н. Татищеву — статья «Труды и материалы о Сибири В.Н. Татищева»¹⁴. В заглавии ее оказались объединены две темы, которые станут магистральными для дальнейшего творчества ученого: история Сибири и наследие В.Н. Татищева.

Тогда же, в мае 1936 г., началась переписка с Н.Л. Рубинштейном, занимавшим должность заведующего отделом истории издательства. Н.Л. Рубинштейн работал в Соцгизе с 1933 по 1939 гг., и

именно при его непосредственном участии стало возможным издание целого ряда книг «буржуазных» историков, «издание которых», как отмечает А.Н. Цамутали, «при Покровском было бы невысказано». К числу наиболее значительных следует отнести вышедший в 1937–1938 гг. «Курс русской истории» В.О. Ключевского и два тома лекций А.Е. Преснякова (появились в 1938–1939 гг.)¹⁵. Более того, именно в 1936 г. сам Н.Л. Рубинштейн начал преподавать в Московском Институте истории, философии и литературы, и с первого же года ему пришлось читать там курс лекций по историографии отечественной истории¹⁶. Из занятий этой темой впоследствии вырастет его докторская диссертация, на основании которой в 1942 г. будет издана и книга — монументальная «Русская историография». «Критика» этой книги в русле борьбы с космополитизмом самым тяжелым образом скажется на послевоенной судьбе ученого¹⁷. Нам же важно отметить, что работа В.Н. Татищева входила в 1936 г. в сферу непосредственных научных интересов заведующего историческим отделом издательства, который прекрасно понимал все значение татищевских трудов и важность их научного издания. Однако изданию этому так и не суждено было появиться.

Издание, планировавшееся под общей редакцией Б.Д. Грекова и А.И. Андреева, «о чем отмечается на титульном листе всех томов издания»¹⁸, должно было состоять из двух частей: «Истории», разбитой на 4 части, и тома «прочих трудов Татищева», насчитывать 185 авторских листов и поступить в издательство уже во второй половине 1937 г. (с 1 мая по 1 декабря). К первой части следовало написать статью «В.Н. Татищев как автор «Истории Российской», а ко второй (включавшей описание событий 862–1237 гг.) статью «Работа В.Н. Татищева над летописями». Именной и географический указатели в план листов не вошли, но предполагалось к частям 2–4 приложить историко-географические карты, а к первой части — портрет В.Н. Татищева¹⁹. Однако еще в начале августа никаких известий от издательства А.И. Андреев так и не получил, в связи с чем 2 августа был вынужден написать Н.Л. Рубинштейну с просьбой объяснить, «из-за чего происходит остановка»²⁰. Н.Л. Рубинштейн в ответной записке, датированной 30 августа 1936 г., обещал, что «вопрос с изданием классиков» выяснится в течение сентября²¹. Но никакой ясности в ситуации не было и спустя полгода, к декабрю 1936 г. 18 декабря, вероятно, для того, чтобы как-то стимулировать подготовку, А.И. Андреев пишет, что вопрос об «издании исторических и иных трудов Татищева весьма сочувственно обсуждается в соответствующих кругах АН», и получает молниеносный ответ: уже 21 декабря Н.Л. Рубинштейн сообщал, что издание включено в план издательства, и в самом начале января

можно будет оформить договор. Первый том планировали издать до конца 1937 г., для этого рукопись его было необходимо получить до 1 июня того же года²².

К подготовке тома в Ленинграде были подключены, среди прочих, М.Д. Приселков, который готовил вторую часть «Истории», включая вводную статью²³, и ученица А.И. Андреева, Р.Б. Мюллер, для консультаций «на славянские темы «Предупреждения»» планировали привлечь «бывшего академика» М.Н. Сперанского, «который проживает в Москве и нуждается в работе, как все мы «грешные»»²⁴. Для составления карты намечалось пригласить ученицу М.Д. Приселкова и А.И. Андреева К.Н. Сербину, «давно уже работающую по исторической географии и картографии»²⁵. Увеличился объем первого тома «Истории», теперь он должен был составлять не менее 45 листов, его планировали сдать в издательство до 1 июня 1937 г. Второй том (подготовленный М.Д. Приселковым) и третий том должны были поступить в издательство до 15 декабря 1937 г. Четвертый том — к 1 апреля 1938 г., а отдельный том трудов — к 1 июня 1938 г. Таково было положение дел к концу октября 1936 г.²⁶.

Но ... дело вновь остановилось. 24 апреля 1937 г. А.И. Андреев с нескрываемым раздражением писал Н.Л. Рубинштейну: «Не кажется ли Вам, что можно сообщить мне последние вести о положении дела с изданием трудов В.Н. Татищева, в ответ на мое письмо от 29.12.36 г.?»²⁷. Пытаясь прояснить ситуацию он обратился за помощью к другим московским коллегам, но и это не помогало. С.В. Бахрушин в мае 1937 г. писал ему: «О Татищеве несколько раз говорили, увы, одно и то же: вот, вот на днях, вероятно, выяснится в положительном смысле, он уже в проекте плана и т.д.»²⁸. «В положительном смысле» дело это так и не выяснилось. В мае 1938 г. арестовали как жену врага народа К.Н. Сербину. Она «как член семьи изменника Родины» была «повергнута заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года»²⁹. Предполагавшийся авторский коллектив распался окончательно, каждый из его участников занялся плановой научной работой. М.Д. Приселков и А.И. Андреев подготовили и успешно защитили докторские диссертации: первый 28 июня 1939 г. на тему «История русского летописания XI–XV веков» (официальные оппоненты — академики Б.Д. Греков и С.П. Обнорский, профессор С.Н. Валк)³⁰, а второй — 4 октября 1940 г. на тему «Очерки по источниковедению Сибири (до середины XVIII века)» (официальные оппоненты — академики Ю.В. Готье и Б.Д. Греков, член-корр. С.В.Бахрушин)³¹. В 1937–1941 гг. под руководством А.И. Андреева и при активном участии С.В. Бахрушина в свет вышли первые два тома другого классиче-

ского труда русской историографии XVII в. — «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Последним начинанием А.И. Андреева предвоенного времени в области «татищеведения» стала подготовка им к публикации в серии «Научное наследство» переписки В.Н. Татищева с примечаниями и вступительной статьей общим объемом в 2,5 листа³². Гонорар за работу был получен, но выходу ее в свет, вероятно, помешала начавшаяся война³³.

Судя по всему, А.И. Андреев никогда надолго не оставлял планов подготовки нового издания «Истории». В пятилетнем плане работ (на 1946–1950 гг.), составленном 15 ноября 1945 г., значится: к 200-летию со дня смерти В.Н. Татищева «подготовить, совместно с другими лицами, новое издание всех его работ ... и написать новую биографию В.Н. Татищева». В составленном 7 декабря 1945 г. плане работ на следующий, 1946 г., работа конкретизируется, там значится подготовка писем В.Н. Татищева для отдельного издания их в Собрании сочинений, намеченного в пятилетнем плане Археологической комиссии³⁴. Вероятно, как развитие этих планов та же тема возникает в его переписке с ленинградскими коллегами, В.Г. Гейманом, С.Н. Валком и К.Н. Сербиной. В.Г. Гейман, совмещавший в это время работу в Ленинградском отделении Института истории с исполнением обязанностей заместителя заведующего Отдела рукописей Публичной библиотеки, писал ему в конце декабря 1945 г.: «... если для Татищева потребуются Эрмитажные рукописи ГПБ, то я сделаю все от меня возможное, чтобы облегчить эту работу»³⁵. С.Н. Валк также писал уже 4 января 1946 г.: «В Татищевском предприятии, конечно, оч. охотно приму участие»³⁶. И в переписке с К.Н. Сербиной та же тема появляется на рубеже 1945–1946 гг. В письме от 26 ноября 1945 г. А.И. Андреев, обсуждая ближайшие научные планы, утверждаемые в Москве, спрашивает свою корреспондентку, не хочет ли она принять участие в работе группы, «которая будет подготавливать к 1949 г. новое издание Татищева ...ведь вопросы летописания в этой работе будут на первом месте...»³⁷. В письме от 15 января 1946 г. К.Н. Сербина, занимавшая тогда должность временно исполняющей обязанности заведующего Ленинградским отделением Института истории АН СССР, писала ему: «Больше всего хотелось бы поговорить с Вами относительно работы над «Историей» Татищева. Я много думала над этим сюжетом и в связи с этим прощупала ряд товарищей, в том числе и Д.С. Лихачева». Приближалось время составления планов научной работы (и пятилетнего, и на 1946 г.), и К.Н. Сербина предлагала, сохранив непосредственное руководство работой А.И. Андреева, передать ее в Ленинградское отделение института, т.к. «здесь рукописи и здесь коллектив, который охотно будет трудиться над Таги-

щевым». В Ленинграде же, по мнению К.Н. Сербиной, к работе над изданием можно было бы привлечь Д.С. Лихачева (вопрос о работе которого в институте в качестве совместителя тогда как раз обсуждался) и С.Л. Пештича³⁸. В связи с последним сам А.И. Андреев писал, что «Пештича надо привлечь к работе над сочинениями Татищева — работе весьма большой, для которой потребуется много народа», и просил уточнить, где он сейчас находится и чем занимается. Он просил продумать вопрос о том, «как организовать снятие копии с рукописей «Ист. Российской», находящихся в Воронц. собр.», а также просмотреть статью А.А. Шахматова, опубликованную в «Делах и днях»³⁹. Впрочем, все эти планы тогда реализованы не были. Хотя весной 1946 г. А.И. Андреев и писал, что «необходимо начинать работу над Татищевым. Мой проект снимать копии с тех копий бумаг Татищева и о нем, кот. хранятся в Арх. Акад. Наук в собрании Куника одобрен»⁴⁰, еще 30 мая 1946 г. К.Н. Сербина отвечала, что «работу по перепечатке татищевских рукописей начать не могут, т.к. непонятно каков ее статус и кто за нее в ответе»⁴¹.

Стимулом к возобновлению попыток издания трудов В.Н. Татищева стала очередная торжественная дата. Летом 1950 г. исполнялось 200 лет со дня смерти историка. Уже 2 мая 1948 г. А.И. Андреев отметил на листке календаря, который использовал для кратких дневниковых записей: «Думал о своевременности приступить к работе над подготовкой соч. Татищева — остается два года, но, кажется, никто об этом — подгот. издания — не думал»⁴². Вероятно, именно к периоду конца весны — начала лета 1948 г. и следует отнести начало нового этапа подготовки к печати трудов В.Н. Татищева и, в частности, его «Истории». А.И. Андреев устанавливает контакты со свердловскими учеными для прояснения ситуации с татищевскими материалами, хранящимися в местных архивах. Начало его переписки с Н.А. Финкельштейном о разысканиях касательно библиотеки В.Н. Татищева относится еще к февралю — марту 1941 г.⁴³. Она была прервана из-за начала Великой Отечественной войны. Но уже из письма от 14 июня 1948 г. мы узнаем, что переговоры об описании и подготовке к изданию татищевских материалов в Свердловске вел Б.Б. Кафенгауз, а в Москве с сотрудником Государственного архива Свердловской области, М.В. Нагорским, говорил сам А.И. Андреев⁴⁴. 17 июня 1948 г. на заседании сектора истории СССР до XIX в. Института истории СССР АН СССР А.И. Андреев зачитал записку о подготовке к 200-летию смерти В.Н. Татищева, подписанную также С.В. Бахрушиным и Б.Б. Кафенгаузом⁴⁵. Предлагавшийся проект предполагал издание научных работ В.Н. Татищева, его переписки, «Истории» «в последней ее редакции», а также обзора архивных материалов о нем и

сборника документов «биографического и служебного характера». Впрочем, судя по всему, сам главный инициатор проекта не слишком рассчитывал на удачное его осуществление. В своем черновике записки рядом со словами «... последует в Дирекцию» он карандашом дописал: «А там что?»⁴⁶. Основания для таких сомнений у А.И. Андреева были вполне весомыми.

Еще 12 января 1948 г. в докладе заместителя директора Института истории АН СССР В.И. Шункова критике был подвергнут вышедший под редакцией А.И. Андреева сборник статей «Петр Великий». Критиковалась и включенная в этот сборник статья самого А.И. Андреева. Хотя он сам и писал в дневниковых записях, что собрание прошло относительно хорошо и «...некоторые весьма прозрачно говорили о ненормальности положения, когда написанное сегодня появляется через несколько лет, при иных политич. настроениях ... когда судят о появившемся на основании сегодняшних критериев»⁴⁷, итоги его были почти предрешены⁴⁸. Ученому, обвиненному в «преклонении перед Западом» и «лапподанилевщине», пришлось подать заявление об освобождении его от обязанностей руководителя академической группы по изучению эпохи Петра Великого. В итоге кампании, направленной на «борьбу с космополитизмом» в исторической науке, через год, весной 1949 г., А.И. Андреев был вынужден оставить работу в Москве и вернуться обратно в Ленинград⁴⁹.

В Ленинграде, вероятно, не без помощи президента Академии Наук СССР С.И. Вавилова, А.И. Андрееву удалось устроиться на работу в Ленинградское отделение института естествознания и техники. В это время внимание ученого концентрируется в основном на материалах, связанных с биографией В.Н. Татищева, а также на его трудах по географии России. Еще в 1950 г. в свет вышли подготовленные им «Избранные труды по географии России» В.Н. Татищева, сопровождавшиеся обширной вступительной статьей ученого⁵⁰. Это издание не разделило печальной участи петровского сборника, но соответствующие опасения все же сохранялись. В.К. Яцунский, коллега А.И. Андреева по Историко-архивному институту и Всесоюзному географическому обществу, писал ему в Ленинград в начале 1951 г., что в Москве планировали устроить обсуждение географических сочинений В.Н. Татищева, но решили воздержаться от этой идеи, т.к. стало известно, что «Июффе собирается выступить с резкой критикой вводной статьи, обвиняя ее в разных грехах», организаторы предположили, что «начнут устанавливать связи с Петром» и т.д.⁵¹. В следующем, 1951 году, А.И. Андрееву удалось опубликовать в «Исторических записках» статью об исторических трудах В.Н. Татищева⁵², а также подготовить к изда-

нию монументальный свод материалов из эпистолярного наследия ученого⁵³. Не все «татищевские» планы А.И. Андреева были реализованы в это время. Достаточно показательна в этом отношении история его переговоров с редакцией журнала «Вопросы истории». В конце ноября 1950 г. А.И. Андреев получил письмо от В.Т. Пашуто, бывшего в журнале заведующим отделом Истории СССР до XX в. По поручению главного редактора журнала П.Н. Третьякова тот просил написать для «Вопросов истории» статью о М.В. Ломоносове и В.Н. Татищеве и напоминал, что предварительная договоренность по этому вопросу была достигнута уже некоторое время назад, но А.И. Андреев счел необходимым перенести срок сдачи статьи на конец 1950 г.⁵⁴. А.И. Андреев от написания статьи о М.В. Ломоносове предпочел отказаться, а статью о В.Н. Татищеве пообещал сдать к середине 1951 г. Срок этот был принят редакцией, и даже было сформулировано примерное заглавие статьи: «В.Н. Татищев и его место в дворянской историографии»⁵⁵. Вместе с тем, эта статья так никогда и не была написана. Вероятно, сам А.И. Андреев прекрасно понимал, что не сможет написать статью на подобную тему так, как того требовали условия очередной идеологической кампании⁵⁶.

Вопрос о подготовке к изданию исторических работ В.Н. Татищева, однако, обсуждался и в это непростое для А.И. Андреева время. Еще в начале 1951 г. заместитель директора Института истории С.Л. Утченко сообщал А.И. Андрееву, что в ответ на его предложение включить в пятилетний план института сборник исторических работ В.Н. Татищева, а также 3-й и 4-й тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера было принято решение от издания труда Г.Ф. Миллера отказаться, а вот работы В.Н. Татищева «при составлении плана Института на 1952 г. включить в план», при этом поручив ученому «представить в дирекцию Института проспект сборника с характеристикой содержания включаемых в него работ»⁵⁷. Напомним, что к моменту составления этого письма А.И. Андреев еще имел непосредственное отношение к деятельности института — он был членом его Археографического совета. После того, как его исключили из совета и не включили в состав Археографической комиссии ситуация оказалась достаточно неопределенной. В сентябре 1951 г. в письме к А.А. Новосельскому, занимавшему в 1951–1953 гг. должность заместителя директора института истории, он пытался выяснить: остается ли в силе решение дирекции, принятое в начале года? И, если остается, то кто будет издателем готовящегося сборника? Институт или какое-либо иное научное учреждение?⁵⁸ Те же вопросы были поставлены и в письме к директору института Б.Д. Грекову, написанном через месяц после предыдущего, после того, как ответа от А.А. Новосельского так и

не последовало. «Институт истории,— писал А.И. Андреев,— после января 1951 г. порвал со мной всякую связь, не включив меня в состав нового Археографического совета и также новой Археографической комиссии», и хотя работа по составлению сборника им по-прежнему ведется, вопрос о его публикации остается открытым⁵⁹. Сборник так и не был опубликован. Очередная же попытка подготовить новое издание «Истории» приходится уже на 1954 г.

В июле 1954 г. А.А. Новосельский, бывший тогда заведующим сектором публикации источников Института истории АН СССР, по поручению М.Н. Тихомирова обратился к А.И. Андрееву с просьбой прислать в институт свои соображения о переиздании «Татищевской летописи»⁶⁰. Подобная формулировка, вероятно, несколько удивила А.И. Андреева, т.к. в своем ответе он просил уточнить: «О переиздании какого источника или сочинения ставится Вами вопрос?». Иными словами: что, собственно говоря, значит «татищевская летопись»? Относительно «Истории» он отмечал, что ее («вторую редакцию части второй ... как и прочие части ее (первую, третью и четвертую)») по поручению Института уже несколько лет готовит к изданию С.Н. Валк, следовательно, здесь работу надо соотносить с его планом (который самому А.И. Андрееву неизвестен). Кроме того, он просил уточнить, сможет ли после своего избрания в академики М.Н.Тихомиров оставаться ответственным редактором ученой переписки В.Н.Татищева за 1730–1750 гг., запланированной к изданию на 1955 г.⁶¹ Окончательное оформление эти планы приобрели в начале следующего, 1955 г., во время поездки А.И.Андреева в Москву. На листке, озаглавленном «Предложения мне, сделанные в Москве 3–10 февраля 1955», он написал: «Издание переписки Татищева (Новосельский — Тихомиров)» и «Издание «Истории Российской» Татищева (Тихомиров)»⁶². Этим временем (февралем 1955 г.) и можно датировать начало завершающего этапа подготовки издания «Истории».

Как справедливо отметил еще С.Н. Валк, А.И. Андреев действительно из-за значительной загруженности не смог непосредственно в 1955 г. приступить к работе над «Историей». В его планах значились редакция и печатание 8, 9 и 10 томов полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, статьи по исторической географии, работа в Институте естествознания и техники, Институте этнографии, Якутском филиале АН, публикация переписки В.Н. Татищева и, наконец, подготовка к изданию собственной докторской диссертации. Но при условии переноса сроков начала работы на 1956 г. он охотно соглашался включиться в эту работу. И дело здесь было не только в давнем интересе ученого к «первому русскому историку». Как он сам писал М.Н. Тихомирову, к концу 1955 г. заканчивалась

работа над публикацией полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, в которой он принимал участие со времени переезда в Ленинград в 1949 г., следовательно, было «вполне своевременно подумать о том, над чем и в каком академическом учреждении я буду работать дальше»⁶³. Подготовка «Истории», в том случае, если бы она оказалась включенной в план Ленинградского отделения Института истории, позволила бы ему вновь оказаться в составе этого учреждения. Так, в итоге, и случилось.

Выяснилось, что «История» никогда не включалась в планы института и никакой работы по ее подготовке под руководством С.Н. Валка не велось⁶⁴. Речь, таким образом, шла не о продолжении, а о начале нового издания⁶⁵. Приступить к нему А.И. Андреев смог в 1956 г., после того, как вновь был принят на работу в Ленинградское отделение Института истории⁶⁶. 2 июля 1956 г. на заседании дирекции Института истории было принято решение включить в план научно-исследовательской работы Ленинградского отделения на 1957 г. издание четырех томов «Истории», назначив исполнителями д.и.н. А.И. Андреева и к.и.н. И.В. Валкину. Предполагаемый объем издания должен был составлять около 200 авторских листов. Началом работы определялся 1957 г., а сроком сдачи работы в издательство — 1960 г.⁶⁷. В план института на 1957 г. была включена подготовка к изданию первого тома⁶⁸. На заседании дирекции института постановили «обязать старшего научного сотрудника Ленинградского отделения А.И. Андреева сосредоточить основное свое внимание в 1957–1958 гг. на следующих работах: а) Очерки по источниковедению Сибири; б) «История России» (sic!) В.Н. Татищева; в) Письма и бумаги Петра I»⁶⁹. Тогда же к работе над «Историей» была привлечена и З.Н. Савельева, сотрудник ЛОИИ с 1931 г., с 1935 г. работающая в архиве института, как характеризовал ее сам А.И. Андреев, «прекрасный знаток архива ЛОИИ ... опытный и ценный работник в области архивного дела и археографии». Было решено, что З.Н. Савельева займется снятием машинописной копии с первой части «Истории», которую И.В. Валкина будет готовить к изданию⁷⁰. За 1957 г. авторский коллектив скопировал и подготовил к печати текст рукописи, а А.И. Андреев приступил к написанию комментариев⁷¹. 29 апреля 1957 г. на заседании сектора Истории СССР ЛОИИ было заслушано сообщение А.И. Андреева о подготовке к изданию трудов В.Н. Татищева и прошло обсуждение готовящегося издания. Сектор одобрил план и тип издания, но обратил внимание на ограниченные сроки и настоятельно рекомендовал в ближайшее же время связаться с М.Н. Тихомировым для того, чтобы «определить степень участия в издании А.И. Андреева и М.Н. Тихомирова, в частности, в их размежевании»⁷². В плане

научно-исследовательской и издательской работы ЛОИИ на 1958 г. значились все четыре тома «Истории», причем сроком сдачи первого определялся четвертый квартал 1958 г., на этот же год планировалась подготовка текста второго тома⁷³. Но работа несколько затягивалась. Обсуждение готовящегося издания состоялось на заседании сектора феодализма ЛОИИ 23 сентября 1958 г. А.И. Андреев выступил с кратким рассказом об истории подготовки издания и охарактеризовал сложившееся положение, отметив, что в подготовленной З.Н. Савельевой и И.В. Валкиной работе не полностью выдержаны археографические правила подобных изданий, а также значительных исправлений и доработок требует составленный И.В. Валкиной комментарий⁷⁴. В итоге секция постановила считать, что текст первого тома закончен, но «требуется редакторская работа, которую организует А.И. Андреев, используя в случае необходимости сотрудников группы, например, К.Н. Сербину». Кроме того, «группа просит А.И. Андреева обратить особое внимание на руководство и помощь в работе И.В. Валкиной», а также «просит администрацию уточнить вопрос об участии М.Н. Тихомирова», подготовка вводной статьи которым не была оформлена никакими официальными документами⁷⁵. В отчете о работе ЛОИИ от 8 декабря 1958 г. сообщалось, что в отчетный период закончена была археографическая подготовка первого тома, написаны вводные статьи и комментарии (общим объемом в 5 авторских листов), но в связи с «расширением объема работы над первым томом, работа над вторым томом в 1958 г. не проводилась (проведено лишь частичное копирование с рукописи текста второго тома)»⁷⁶. Описание первого тома нового издания «Истории» было включено в перечень «кратких аннотаций трудов ЛОИИ АН СССР, вышедших из печати или законченных в 1958 г.», где отмечались значение нового издания для исторической науки и его структура⁷⁷.

К концу 1958 г. подготовка первой части «Истории» была закончена, и на начало 1959 г. назначили ее обсуждение. Встал вопрос о рецензентах будущего издания. Первоначально, по предложению М.Н. Тихомирова, было решено привлечь в качестве рецензентов первого тома К.Н. Сербину и Б.Б. Кафенгауза, но последний согласился отрецензировать только вводную статью М.Н. Тихомирова «О русских источниках «Истории Российской»», и директор ЛОИИ М.П. Вяткин принял решение для рецензирования всего тома пригласить А.Л. Шапиро и С.Л. Пештича. Кандидатура А.Л. Шапиро не вызвала возражений ни у одного из редакторов готовящегося издания. А вот против кандидатуры второго рецензента резко выступили оба. А.И. Андреев писал М.Н. Тихомирову 6 января 1959 г.

о решении М.П. Вяткина « ... пригласить ... к.и.н. С.Л. Пештича, крупнейшего нашего специалиста по Татищеву, занимающегося им еще с довоенных лет, и которого обойти никак невозможно. Вчера я указывал М.П. Вяткину, что против кандидатуры С.Л. Пештича возражали Вы в последнюю беседу с Н.Е. Носовым, возражаю и я, не считая С.Л. Пештича «крупнейшим специалистом по Татищеву» (он дал за 18 лет одну небольшую работу о Татищеве)»⁷⁸.

О некоторых причинах, по которым кандидатура С.Л. Пештича оказывалась неудобной, сам М.Н. Тихомиров вскоре написал М.П. Вяткину, отмечая, что это решение «крайне неудобно. Товарищ Пештич готовит под моей редакцией некоторые сочинения Татищева. Таким образом получается совсем по водевиллю Козьмы Пруткова: «А мы вас, а вы нас» ... Наиболее правильно, я полагал бы, издание «Истории» Татищева доверить опытности А.И. Андреева»⁷⁹. Действительно, в это же самое время Институтом философии АН СССР готовилось к печати собрание философских трудов В.Н. Татищева, в том числе некоторых извлечений из его «Истории Российской», и С.Л. Пештич под руководством М.Н. Тихомирова принимал непосредственное участие в этой работе. Но этим дело не ограничивалось.

Несмотря на скептическую оценку А.И. Андреева, следует признать, что к 1959 г. С.Л. Пештич, вероятно, на самом деле был «крупнейшим» в советской историографии специалистом, если и не по всему наследию В.Н. Татищева, то по его «Истории Российской» точно. Начав заниматься этой темой под руководством С.Н. Валка еще до Великой Отечественной войны⁸⁰, он и в военное время, несмотря на службу в армии, не оставлял своих научных штудий. В 1942 г., например, он писал С.Н. Валку: «Как-то, будучи в Ленинграде, выбрал время и пересмотрел своего ВН (Василия Никитича — В.А.). Сколько еще нужно доделать!»⁸¹ Итогом этих работ стала кандидатская диссертация «История России В.Н. Татищева как исторический источник», одна из первых защищенных на историческом факультете Ленинградского государственного университета после возвращения его из эвакуации⁸², а также статья «О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 г.», опубликованная в 1946 г.⁸³ Подход С.Л. Пештича отличался достаточно критическим отношением к проблеме подлинности так называемых «татищевских известий» и оригинальным взглядом на степень достоверности различных редакций «Истории». Еще на защите кандидатской диссертации этот «гиперкритицизм» вызвал возражения не только официальных оппонентов В.В. Мавродина и Н.Г. Сладкевича, но и С.Н. Валка, руководившего написанием работы⁸⁴. Такой подход к «Истории» и «татищевским известиям» противоречил и

взглядам готовивших новое издание А.И. Андреева и Н.М. Тихомирова. Естественным было ожидать острой полемики на обсуждении подготовленной рукописи. Так оно и случилось.

Сохранились тексты выступлений всех трех рецензентов, краткий протокол заседания секции феодализма, на котором и происходило обсуждение, а также подробный рассказ о нем в письме А.И. Андреева М.Н. Тихомирову, не сумевшему прибыть из Москвы в Ленинград. Как и ожидалось, наиболее полемичным стало выступление С.Л. Пештича. Отметив в самом начале, что рассматриваемому изданию необходима статья, определяющая роль и место издаваемого памятника, а также его автора в развитии русской исторической науки, статья, выясняющая историографическое и источниковедческое значение «Истории», — Петич отметил, что у «рецензента складывается впечатление, что достаточно ясного плана всего издания еще нет, а если он существует, то по непонятным причинам остается читателю не доступен»⁸⁵ и перешел собственно к источниковедческой критике подготовленного издания. Во-первых, он отметил необходимость включения в издание продолжения «Истории», по рукописям хранящимся в ЦГАДА и ГИМ, которые охватывают почти все XVII столетие: «Хотя эти рукописи обработаны Т. в разной степени ..., но самостоятельное историографическое значение их несомненно»⁸⁶. А во-вторых, сам поставил под сомнение выбор рукописи «Истории», положенной в основание издания. Предположив, что А.И. Андреев не проводил самостоятельного изучения всего рукописного фонда «Истории», ограничившись принятием точки зрения А.А. Шахматова, С.Л. Пештич указал на почти полтора десятка рукописей, обнаруженных в архивохранилищах уже после смерти А.А. Шахматова, и заключил, что «отказ от самостоятельного изучения рукописей Татищева приводит к серьезным недочетам издания: во-первых, к путанице в определении числа редакций, во-вторых, к пропуску некоторых мест «Истории Российской», имеющих несомненный интерес, но отсутствующих в издаваемом тексте и в печатном издании XVIII в., в-третьих, к неправильной оценке рукописи, положенной в основу издания ... Рукопись, подготовленную к изданию, А.И. Андреев считает последней редакцией «Истории Российской» — третьей редакцией татищевского труда ... Этот вывод ошибочен. Сравнительная рукопись ЛОИИ, Собр. Воронцовых 646/1085 с печатным текстом «Истории Российской», приходим к выводу, что это не так, т.к. текст издания XVIII века в некоторых случаях полнее и исправнее Воронцовского. (Поскольку нам до сих пор неизвестна рукопись, по которой происходило издание «Истории Российской» Миллером, печатный текст XVIII в. имеет самостоятельное значение,

и мы его не можем миновать при новом издании. Рукопись БАН 1.5.66 по определению А.А. Шахматова и печатный текст ближе между собой, чем Воронцовская к ним)»⁸⁷. Нельзя при издании игнорировать печатный текст и рукописи первой и второй редакций, «во-первых, потому, что они в некоторых случаях восполняют пропуски не только отдельных фраз, но и разделов, во-вторых, дают в некоторых случаях более правильные чтения по сравнению с текстом, намеченным к изданию»⁸⁸. Завершил свою рецензию автор критическим разбором сопровождающих текст «Истории» статьей. Отметив, что статья А.И. Андреева «Работа В.Н. Татищева над «Историей» «представляет значительный научный интерес своей документированностью», он заключил, что она «не дает полного и правильного представления об этапах и результатах деятельности историка в создании труда почти всей его жизни и «в целом носит характер подготовительных материалов для изучения работы Татищева над «Историей». Статья И.В. Валкиной об иностранных источниках «заслуживает положительной оценки за большое количество собранного материала, но нуждается в двух изменениях», во-первых, справки об авторах следует расположить в ней в алфавитном порядке, а во-вторых, отделить то, чем пользовался В.Н. Татищев непосредственно, от того, что упоминается в работах других авторов». Статью М.Н. Тихомирова «было бы уместнее поместить во втором томе издания», т.к. именно с него начинается изложение материала, основанного в основном на летописных источниках. Как видим, расхождения авторов подготовленного издания и рецензента имели принципиальный характер и в первую очередь касались вопроса соотношения различных редакций татищевского труда, а следовательно, и вопроса о его достоверности⁸⁹.

Два других рецензента, не будучи специалистами в данной узкой области ограничились общими замечаниями касательно структуры издания, его археографического оформления и т.п. Вместе с тем, и они не смогли полностью обойти молчанием тему соотношения редакций «Истории» и выбора рукописи для публикации. К.Н. Сербина осторожно заметила, что вероятно, следовало бы «привести в пользу выбранной редакции и списка дополнительные данные, кроме тех, которые даны в обильно приведенных в археографическом введении цитатах из статьи А.А. Шахматова. Поэтому выбор редакции и списка «Истории», являющийся основным и принципиальным вопросом издания, недостаточно обоснован, а следовательно, и недостаточно убедителен. Поэтому может быть следует этот вопрос обсудить сегодня более детально»⁹⁰. А.Л. Шапиро указал на то, что, хотя А.А. Шахматов и полагал, что первая редакция татищевского труда заслуживает гораздо большего доверия, чем

вторая, столь «резкое противопоставление 1-й и последующих редакций не вполне обосновано. Авторская интерпретация источника имеется и в первой редакции, сознательной фальсификации нет и в позднейших редакциях. Но несомненно, что не переведенные на язык XVIII века документы первой редакции представляют весьма существенный интерес, и научное издание «Истории» вместе с последней авторской редакцией должно отразить и первую», поэтому «необходимо четко оговорить, будут ли в издании отражены более ранние редакции произведения»⁹¹.

Судя по всему, проводивший заседание М.П. Вяткин также критически высказался относительно подготовленного издания. По крайней мере, А.И. Андреев в письме М.Н. Тихомирову утверждал, что тот «попытался опорочить и все наше издание на том основании, что мы не установили даже, что должно лежать в основе его». В итоге, С.Л. Пештич «признал, что положенный в основу список является «лучшим» из всех известных, но стал требовать, чтобы были приведены «варианты» из других списков, прежде всего с печатного ...»⁹². Так и было решено. Секция феодализма постановила признать выбор основного текста для издания первой части «Истории» «правильным и обоснованным, но считать необходимым снабдить текст важнейшими разночтениями из изданного печатного текста и рукописей второй редакции первой части». Было принято решение о редактировании вводных статей к изданию и комментариев, касающихся иностранных источников, с учетом замечаний, высказывавшихся на обсуждении. На доработку, редактирование и окончательную подготовку рукописи к печати отводилось время до конца первого квартала 1959 г.⁹³

К сожалению, А.И. Андрееву не суждено было завершить эту работу. Всю первую половину 1959 г. он тяжело болел и не мог приступить к работе⁹⁴. 12 июня ученый скончался. Когда встал вопрос о выборе нового второго редактора издания, М.Н. Тихомиров предложил М.П. Вяткину назначить на эту работу Н.Е. Носова, ученого секретаря ЛОИИ, уже участвовавшего в переговорах с московским институтом о подготовке этого издания⁹⁵, но получил отказ. В начале октября 1959 г. М.П. Вяткин выдвинул на роль второго редактора кандидатуру С.Н. Валка, предложив также назначить бригадиром рабочей группы И.В. Валкину, а в саму группу, кроме уже работающей над этим заданием З.Н. Савельевой, включить ученика С.Н. Валка М.П. Ирошникова⁹⁶. Именно этот коллектив, к которому чуть позже присоединится Т.М. Новожилова, и сумеет завершить работу по подготовке к изданию «Истории». Первый ее том выйдет в свет в 1962 г.

Как видим, планы нового издания «Истории» В.Н. Татищева настойчиво и регулярно выдвигались А.И. Андреевым на протяжении 1930-х — 1950-х гг. В силу различных причин они начали реализовываться лишь в последние годы жизни ученого. Его трагическая судьба нашла свое отражение и в этом историографическом проекте: посмертно (в 1962 г.) вышел первый подготовленный им к изданию том «Истории», посмертно же (в феврале 1960 г.) пришло известие о его реабилитации «за отсутствием состава преступления». Ныне академическое издание «Истории» может считаться классическим, трудом актуальным и по-прежнему востребованным. Его недавнее переиздание служит тому доказательством. Авторский коллектив, подготовивший его, на самом деле совершил «настоящий подвиг», и именно А.И. Андрееву принадлежит одна из главных заслуг в том, что этот подвиг стал возможен. Еще на обсуждении подготовленного издания татищевского труда А.Л. Шапиро говорил: ««История Российская» уже имеет свою историю»⁹⁷. Осветить одну из страниц этой истории с помощью данных новых архивных материалов и было целью данной статьи.

-
- ¹ *Пеутич С.Л.* Русская историография XVIII века.— Л., 1961.— Ч. I.— С. 222–262.
  - ² *Медушевская О.М.* История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Вестник Российского государственного гуманитарного Университета.— 2008.— № 4. Серия: Исторические науки. М., 2008. С. 323.
  - ³ См.: *Толочко А.* «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.
  - ⁴ См.: *Валк С.Н.* «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии // Татищев В.Н. История Российская.— М.; Л., 1968.— Т. 7. Перепечатано в сборнике: *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие.— СПб., 2000.— С. 412–451. Ниже — цитаты по этому изданию.
  - ⁵ *Шахматов А.А.* К вопросу о критическом издании Истории Российской В.Н. Татищева // Дела и дни.— Пг., 1920.— Кн. I.— С. 80–95.
  - ⁶ *Валк С.Н.* «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии. С. 415–416.
  - ⁷ Там же.— С. 417.
  - ⁸ *Ирошиков М.П.* Еще раз о подготовке и научном значении академического издания «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2: История, 2008.— Вып. 1.— С. 3–7.
  - ⁹ *Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской».— СПб., 2009.— С. 6.
  - ¹⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПФ АРАН). Ф. 934 (Ф. А.И. Андреева). Оп. 1. Ед. хр. 370.— Л. 1–1 об.

- 11 Там же.— Л. 2–3 об.
- 12 Там же.— Л. 4–8.
- 13 Там же.— Л. 9–10.
- 14 См.: *Андреев А.И.* Труды и материалы о Сибири В.Н. Татищева // Советская этнография.— 1936.— № 6. С. 93–103.
- 15 *Цамутали А.Н.* Николай Леонидович Рубинштейн // Историческая наука России в XX веке.— М., 1997.— С. 469–470.
- 16 *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.).— Брянск, 2005.— С. 539.
- 17 См.: Там же.— С. 542–554; *Шаханов А.Н.* Борьба с «объективизмом» и «комполитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. 2004. Историографический вестник.— М., 2005.— С. 186–207.
- 18 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 370.— Л. 15.
- 19 Там же. Л. 18–23.
- 20 Там же. Л. 24.
- 21 Там же. Л. 25.
- 22 Там же. Л. 25а–26.
- 23 Там же. Л. 38.
- 24 Там же. Л. 28–29.
- 25 Там же. Л. 39.
- 26 Там же. Л. 38–40.
- 27 Там же. Л. 30.
- 28 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 66.— Л. 10 об.
- 29 См.: *Ганелин Р.Ш.* «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина.— СПб., 2006.— С. 221, 226.
- 30 *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004).— СПб., 2004.— С. 208–209.
- 31 *Андреев А.И.* Автобиография // Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учебное пособие.— М., 1990.— С. 49.
- 32 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 51.— Л. 15–15 об.
- 33 О некоторых аспектах научной деятельности А.И. Андреева в военное время см.: *Ананьев В.Г.* К истории возобновления издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» в годы Великой Отечественной войны (по архивным материалам) // Петровское время в лицах, 2009: Материалы научной конференции. СПб., 2009. (Труды Государственного Эрмитажа).
- 34 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 4.— Л. 25–28.
- 35 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 144.— Л. 21 об. Среди немногих писем А.И. Андреева В. Г. Гейману, сохранившихся в фонде последнего в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки, писем с материалами по интересующей нас теме нет. См.: ОР РНБ. Ф. 1133 (Ф. В.Г. Геймана). Оп. 2. Ед. хр. 52.
- 36 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 89. Л. 26. Письма А.И. Андреева С.Н. Валку в фонде последнего не сохранились.
- 37 Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 113. (Ф. К.Н. Сербинной). Оп. 1. Письма А.И. Андреева. Письмо от 26.11.45 г. (Далее — Архив СПбИИ РАН).
- 38 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 311.— Л. 222, 224 об.
- 39 Архив СПбИИ РАН. Ф. 113. Письма А.И. Андреева. Письмо от 13.12.45 г.
- 40 Там же. Письмо от 02.03.46 г.
- 41 Там же.— Л. 239.

- 42 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Ед. хр. 53.— Л. 300.
- 43 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 370.— Л. 42–45 об.
- 44 Там же.— Л. 47.
- 45 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Ед. хр. 53.— Л. 260.
- 46 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 370.— Л. 50.
- 47 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Ед. хр. 53.— Л. 47.
- 48 Об этом см.: *Сидорова Л.И.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков.— М., 2008.— С. 41–43.
- 49 *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учебное пособие.— М., 1990.— С. 28–33; *Леушин М.А.* Источниковедение и партийная организация Историко-архивного института в 1947 г. (Один документ) // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения.— М., 1999.— С. 18–21. С. В. Бахрушин писал ему в связи с этими событиями в 1949 г.: «Только 3-го мне удалось поговорить с Виктором Ивановичем с глазу на глаз ... Из разговора я уяснил себе, что ждут от Вас заявления об отставке и чем скорее тем лучше. ... Сами понимаете, как все это тяжело не только для Вас, но и для Ваших друзей. Сам я думаю только о том, как бы уйти безболезненно для Сектора. Сейчас этого сделать по-видимому нельзя, а тянуть ляжку и присутствовать при уходе из сектора нужных людей (отбрасываю личные отношения) очень тяжело ... Утешает меня мысль, что переход Ваш на работу в другое академическое учреждение, по-видимому обеспечен, т.к. одна ставка из нашего Ин-та передана в Историю Академии». См.: СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 66.— Л. 65–65 об.
- 50 См.: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по географии России // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России.— М., 1950.— С. 3–35.
- 51 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 406.— Л. 44.
- 52 *Андреев А.И.* Примечания В.Н. Татищева к «древним русским законам» // Исторические записки, 1951.— Т. 36.— С. 252–262.
- 53 Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. / Подг. текста писем, вводная статья и примечания А. И. Андреева // Исторический архив, 1951.— Т. 6.— С. 245–314.
- 54 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 3.— Л. 4.
- 55 Там же. Л. 4 об-6.
- 56 Нельзя исключать также и возможности отказа от публикации со стороны самого издания. В этот сложный для ученого период такое происходило неоднократно. Так, например, 5 июля 1949 г. он получил официальное письмо из редакции «Вестника АН СССР», в котором сообщалось, что журнал «в ближайших номерах рецензию на «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» помещать не предполагает». На письме А. И. Андреев оставил пометку: «... не предполагает почему? Все занято или автор неприемлем? Кажется, в приличной форме отказ ...». 5 января 1951 г. те же «Вопросы истории» извещали, что «На «Книгу большого чертежа» редакция получила рецензию пришедшую самотеком, вполне приемлемую для нашего журнала. Если Вы еще не приступили к рецензированию этой книги, то мы могли бы освободить Вас от этого заказа». См.: СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 51.— Л. 36, 30.
- 57 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 3.— Л. 1.
- 58 Об этом см. в письмах ученого секретаря Археографического совета Института Е.Н. Кушевой, которая еще 6 августа 1950 г. писала А.И. Андрееву, что план «издания «Истории Российской» В.Н. Татищева, как Вы справедливо указываете, необходимо уточнить», отмечая, что «дирекция не сочтет возможным включить в план Института работы, которые будут выполняться не сотрудниками Института», и предлагая другие пути проведения подготовленных работ через

- РИСО. 4 сентября 1950 г. она же сообщала, что директор Института Б.Д. Греков «отнесся с большим интересом к Вашему предложению о сборнике работ Татищева», а 4 января 1951 г. передавала решение Дирекции института от 21 декабря 1950 г. о принятии к работе «Татищевского сборника». См.: СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 218.— Л. 14, 17 об, 20 об.
- 59 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 3.— Л. 11-13 об.
- 60 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 370.— Л. 57.
- 61 Там же.— Л. 58–59 об.
- 62 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 4.— Л. 43.
- 63 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 370.— Л. 62 об.
- 64 С. Н. Валк писал А. И. Андрееву 18.02.1955 г.: «Издание «Истории Российской» Татищева не было никогда включено в план работы Института истории; поэтому никто никаких к этому подготовительных работ и не вел». См.: СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 89.— Л. 40. А.И. Андреев очень редко сохранял отпуски своих писем. Тот факт, что отпуск письма С.Н. Валку с вопросом о подготовке им «Истории» был им сохранен, указывает на то значение, которое придавал этому вопросу ученый. См.: СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 7.
- 65 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 297 (Ф. С.Н. Валка). Оп. 1. Ед. хр. 217.— Л. 1.
- 66 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 15.
- 67 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 11-18.
- 68 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 56.
- 69 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 3.— Л. 105.
- 70 Там же. Л. 140–143.
- 71 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 83.— Л. 7.
- 72 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 93.— Л. 1 об-2.
- 73 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 104.— Л. 2, 8.
- 74 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 117.— Л. 41–44.
- 75 Там же.— Л. 44.
- 76 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 105.— Л. 30.
- 77 Там же.— Л. 64.
- 78 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 217.— Л. 6.
- 79 Там же.— Л. 5.
- 80 *Брачев В. С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории ...— С. 226.
- 81 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 3. Ед. хр. 189. Л. 1.
- 82 *Брачев В. С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории ...— С. 231.
- 83 См.: *Пештич С. Л.* О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 г. // Исторические записки, 1946.— Т. 18.— С. 327–335.
- 84 *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории ...— С. 231.
- 85 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 387.— Л. 1–2.
- 86 Там же.— Л. 2.
- 87 Там же.— Л. 4–6.
- 88 Там же.— Л. 7.
- 89 Там же.— Л. 8–12.
- 90 Там же.— Л. 13–14.
- 91 Там же.— Л. 21–22.
- 92 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 217.— Л. 8.
- 93 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. института. Оп. 1. Ед. хр. 143.— Л. 4–5.
- 94 Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 217.— Л. 10.
- 95 Там же.— Л. 4.
- 96 Там же.— Л. 12.
- 97 СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Ед. хр. 388.— Л. 28.

Р.А. Кирева

А.-Л. ШЛЁЦЕР О СТРАННОЙ УЧАСТИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассмотрены исторические взгляды А.-Л. Шлёцера на историю как науку; его требования к ученому историку, о стадиях его работы и способах изучения истории.

Ключевые слова: историческая наука России, историография, методология истории, Россия и Запад, достоверность; историческая критика.

Summary. The article contains the description of A.L.Shletser' life, there are represented his views on history as a science, marked his place in the history of the Russian science of history.

Keywords: Russian science of history, historiography, methodology of history, Russia and the West, Russian annals.

Судьба русской истории казалась А.-Л. Шлёцеру странной. Он так и назвал историографическую часть обширного Введения к книге «Нестор. Русские летописи...»: «*Странная участь русской истории*». То был взгляд извне, со стороны, из Европы, как некогда на Северные земли смотрели древние греки. Русь представлялась чем-то далеким, почти таким же, как далек был Китай, все написанное в летописях которого видится европейским историкам «как будто сквозь туман и сумрак»¹. Но прежде чем подробнее говорить о Шлёцеровской точке зрения, напомним основные вехи жизни известного немецкого историка и просветителя, академика Российской Академии наук, много давшего русской исторической науке. По авторитетному мнению В.О. Ключевского биография Шлёцера интересна тем, что в ней можно увидеть, какое глубокое влияние оказали условия деятельности иностранных исследователей «на выбор предмета их работ, на ход их мышления и на результаты их деятельности»².

Август-Людовиг Шлёцер родился в семье сельского пастора 15 июля 1735 года в маленьком княжестве Гогенлоэ-Кархенбер. В пятилетнем возрасте он лишился отца. С тех пор воспитанием и первоначальным образованием его занимался дед со стороны матери пастор Гайгольд (фамилию деда Шлёцер использовал иногда как псевдоним). Мальчик с детства пристрастился к чтению и ночи просиживал за классиками. Рано узнавший нужду, Август с десяти лет стал давать частные уроки, чтобы самому продолжать учиться. В 16 лет он поступил на богословский факультет Виттенбергского университета, затем слушал лекции в Геттенбергском университете. В то время там читал еврейские древности И.-Д. Михаэлис — крупный знаток исторических источников древнего Вос-

тока, основатель новой школы исторической критики, из которой и вышел Шлёцер. При исследовании давно прошедшей жизни профессор впервые начал требовать критики текста, призывая внимательно изучать тексты памятников: выяснять значение каждого слова; смысл слов одного языка сравнивать с родственными языками (сравнительное языкознание). Помимо текстологического анализа рекомендовалось изучать обычаи и все стороны быта древнего народа и сравнивать их с современным Востоком. Однако эта основательная школа, по мнению В.О. Ключевского, страдала одним недостатком. Михаэлис, писал он, изучал древние тексты помощью строя той жизни, из которой они вышли. «Но ведь мы для того и изучаем памятники, чтобы через призму их рассмотреть явления жизни, их породившей, а он сквозь явления этой жизни старался рассмотреть и понять памятники. Здесь, — указывал Ключевский — вводится y для определения x ; научная цель делается средством для достижения самой себя»³.

Шлёцер, попавший под сильное влияние Михаэлиса, намеревался посвятить свою жизнь изучению древностей библейского Востока и с этой целью мечтал поехать на Ближний Восток. Чтобы накопить для подобного научного путешествия необходимые средства, он три года (1755–1758) работал в Швеции домашним учителем, конторским служащим, газетным корреспондентом. Он быстро усвоил шведский язык, познакомился с местными литературными и историческими памятниками и сам начал заниматься научной работой. На шведском языке он издал «Опыт всеобщей истории торговли и мореплавания в древнейшие времена», а на немецком «Новейшую историю учености в Швеции». По возвращении из Швеции в Геттинген Шлёцер продолжал готовиться к поездке на Восток. Но тут неожиданно Михаэлис предложил ему поехать в Россию в качестве помощника академика Г.-Ф. Миллера. По инициативе Миллера в Петербурге издавался с 1732 г. на немецком языке первый русский исторический журнал «Sammlung russischer Geschichte» («Собрание российских историй»), где печатались памятники русской истории, в том числе началось издание Начальной русской летописи. Публиковались там и научные статьи. Михаэлис убедил Шлёцера в том, что перед ним открываются средства к осуществлению его мечты о поездке на Восток и что из России будет легче туда попасть.

Осенью 1761 г. 26-летний Шлёцер выехал из Геттингена в Петербург. Несмотря на молодость, он к тому времени был уже сложившимся ученым. В России перед ним действительно открылось новое поприще, в его жизни «начался новый период, и русская

историческая наука тоже вступает в новый период», писал об этом моменте историк науки К.Н. Бестужев-Рюмин⁴.

В доме Миллера, куда попал Шлёцер, постоянно говорили на четырех языках — немецком, русском, финском и шведском; довольно часто звучала там и французская речь. Любителю и знатоку иностранных языков Шлёцеру домашняя обстановка Миллера imponировала вполне. Однако отношения между земляками складывались трудно. Выразительную картину их непростых взаимоотношений нарисовал Ключевский. Шлёцер поступил на службу к Миллеру, говорил он, в виде слуги, чтобы быть ближе к «даме своего сердца» — к Востоку. Помимо помощи Миллеру в исторических и географических занятиях он выполнял техническую работу корректора в миллеровском журнале и стал домашним учителем его детей. Русские летописи сразу привлекли внимание Шлёцера. Однако честолюбивый молодой человек не мог ужиться с Миллером, который, впрочем, «кажется ласково встретил Шлёцера, хотя обращался с ним по-немецки». Далее Ключевский зачеркнул в своей рукописи фразу: «Все это, разумеется, раздражало Шлёцера». Миллер, бывало, показывал помощнику громадный хранившийся у него материал и приговаривал: «Вот, батюшка, здесь и для меня, и для вас, и для десятерых других работа на всю жизнь». Но когда Шлёцер протягивал руку к этому неисчерпаемому источнику, Миллер тотчас прятал рукописи в стол, говоря: «Не горячитесь, молодой человек, еще будет время. Не надо торопиться». Далее в тексте Ключевского следует вычеркнута фраза: «Таким образом, Шлёцер, как он сам признается, в течение полугода не получил ни одной ценной рукописи»⁵.

Основную причину расхождений соотечественников С.М. Соловьев видел в том, что Шлёцер явился с новыми научными требованиями, которых Миллер уже не понимал. В свою очередь, Шлёцеру требования старшего коллеги представлялись странными и унижительными, и он даже назвал Миллера «чернорабочим» в науке, который отстал от современного научного уровня лет на 30. «И двое ученых, хотевших жить и действовать вместе, скоро растолкнулись двумя враждебными силами, из которых одна называется *старым*, а другая *новым*»⁶.

Тем не менее Миллер поразил Шлёцера «неисчерпаемым богатством сведений о России». «Сведения этого человека,— писал Шлёцер, и огромное собрание до сих пор нетронутых рукописей, касающихся всех возможных отделов этих наук, приводили меня в истинное удивление»⁷. Шлёцер поставил перед собой три цели: выучиться по-русски; помогать Миллеру в издании «Русских исторических сборников» и заняться источниками русской истории.

Понимая, что для чтения летописей необходимо знать церковнославянский язык, Шлёцер принялся за его изучение. От богатства и поэтичности старославянского языка он пришел в восхищение. Тогда же он начал изучать древнерусские летописи. По словам Шлёцера, к изучению летописей он подходил с тем же вниманием, тщательностью и добросовестностью, к которым приучил его великий учитель Михаэлис⁸.

В 1762 г. Шлёцер стал адъюнктом Академии наук. Одновременно он преподавал латинский язык, географию, статистику России, всеобщую историю в пансионе графа К.Г. Разумовского, тогдашнего президента Академии наук. В 1765 г. Шлёцер стал ординарным членом АН и ординарным профессором истории, «и именно русской истории», подчеркивал он. Шлёцер принял решение начать работать над памятниками русской древности и обрабатывать их так, «как до сих пор делалось у всех народов, упражняющихся в науках: я начал собирать списки с временников, находившихся в академическом архиве и у частных людей, усмотрел чрезвычайную их разность и с величайшим терпением начал их сличать. Такое дело не было еще известно в России»⁹.

Вопрос же о поездке на Восток постепенно отодвигался все дальше, а затем и совсем отпал. Главным для Шлёцера становилась история России, занятия которой превратилось для него в любимое пожизненное дело. В своих письмах он писал: «Русская история стала моим занятием в такой степени, что я без всякого раздумья хотел заменить ею библейскую филологию». Всю свою прежнюю научную работу Шлёцер рассматривал теперь лишь как подготовительную для новой специализации: «Без истории древних европейских народов, которая требует в качестве профессии филологию, без древней шведской истории, без знания греческого языка (в целях прочтения византийских авторов), без знания Востока (для изучения татарского периода русской истории), наконец, без критического усвоения славянского языка в русской истории нечего делать»¹⁰. По собственному признанию ученого, охота к русской истории сделалась для него страстью. Сама же русская история представлялась Шлёцеру диким полем, по которому «еще не проходил плуг»¹¹. Свою задачу он видел в перенесении в Россию западноевропейских приемов критики исторических источников с одной стороны, и в ознакомлении Западной Европы с историей России и с ее источниками, с другой.

По требованию Академии наук Шлёцер представил план, названный им «Мысли о способе, как должна быть обрабатываема русская история», который впоследствии лег в основу «Нестора». Этот широкий и стройный план предусматривал, прежде всего,

предварительную критическую обработку всех важнейших памятников, особенно русских летописей и известий иностранцев о России. Только после тщательно проведенного критического, грамматического и исторического изучения можно использовать источники при составлении свода русской истории. Поначалу Шлёцер намеревался сам написать русскую историю от основания варягами русского государства до пресечения династии Рюриковичей. Материалом для данной работы, кроме русских хронографов (без сравнения их с иностранными), должны были послужить ему труды В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Такое намерение было определенным признанием заслуг русских историков, несмотря на высказываемые Шлёцером остро критические суждения о них.

Как образец своих разысканий по древнерусской истории Шлёцер представил в Академию наук отчет: «Опыт изучения /русских/ древностей в свете известий греческих писателей», где пришел к выводу об имеющихся в древнерусском языке заимствованиях из греческого и «Русскую грамматику», которая предназначалась им для иностранцев. Нежданно для автора против обеих работ резко возразил М.В. Ломоносов, настоявший на прекращении начавшегося было их печатания. Столкновения Ломоносова и Шлёцера проходили в накаленной атмосфере борьбы академических «партий».

Предполагал Шлёцер писать и популярные, «доступные пониманию и неученым по профессии» книги по истории, географии и статистике. Он тесно связывал статистику с историей, которую называл остановившейся статистикой, а статистику — движущейся историей.

Осенью 1767 г. Шлёцер покинул Россию. «С прискорбием, писал он, *оставил* я такое дело, которое в течение 8 лет, лучших в моей жизни, было главным и любимым моим упражнением; расстался с таким делом, которым занимался с безрассудным напряжением»¹². По возвращению в Германию Шлёцер, отказавшись от звания русского академика, сделался профессором Геттингенского университета, который в те времена был в Европе крупным просветительским центром. Туда приезжали учиться из многих стран, в том числе и из России. Среди русских студентов 1802–1804 годов учился там А.И. Тургенев, оставивший немало интересных свидетельств о Шлёцере, преподававшем всеобщую и русскую историю, статистику, политику, государственное право¹³.

Уезжая из России, Шлёцер взял с собой большой запас древнерусских источников, что давало ему возможность продолжать активно работать по русской истории. Вместе со своим учеником, академическим переводчиком и издателем С.С. Башиловым, он публиковал в 1767–1768 гг. исторические источники: «Русскую Прав-

ду», «Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича...», две первые части Никоновской летописи. Памятники печатались тщательно, с максимальным приближением к оригиналу «не только от слова к слову, но и от буквы до буквы с подлинниками», отмечал в предисловии Шлёцер¹⁴. Продолжая знакомить Западную Европу с русской историей, он в 1769 г. издал для детей (не упуская «из виду и прекрасный пол») популярные карманные книги на французском и немецком языках, украшая издания «прекрасными виньетами»¹⁵. Речь шла об «Tableau de l'histoire de Russie» («Картина русской истории»). Другой карманной книгой была «Geschichte von Russland. Erster Teil bis auf die Erbanung von Moskau im Jaer 1147» («Русская история до основания города Москвы (1147 г.)). Оба эти руководства были переведены на датский, итальянский и дважды на русский языки, и долгое время служили школьными учебниками. Однако создать свод русской истории для взрослых читателей и ученых Шлёцер не решился.

Главный труд Шлёцера «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные» был написан на немецком языке и издан в 5-ти томах (1802–1809) в Геттенгене. Вскоре «Нестор» был переведен Д. Языковым на русский язык и напечатан в Петербурге (ч. 1–3, 1809–1819). Пагинация в русском переводе «Введения в древнюю русскую историю вообще» дана древнерусской буквенной цифирью — своеобразная дань признательности старинной традиции древней Руси.

А.-Л. Шлёцер запросил Петербург, может ли он посвятить, или, по крайней мере, поднести свое сочинение императору Александру I. Его уведомили, что государь с удовольствием примет посвящение. Автору царь прислал бриллиантовый перстень при собственноручном письме, затем пожаловал его орденом Святого Владимира 4-й степени и российским дворянством. По желанию и по просьбе Шлёцера на его гербе был изображен русский инок Нестор.

При жизни Шлёцер успел написать лишь часть автобиографии, относящейся к первым годам пребывания в России: «Общественная и частная жизнь Августа Шлёцера, им самим описанная. Пребывание в службе в России от 1761 до 1765 г.». Продолжил биографию ученого его сын Христиан Шлёцер (1828 г.)

Умер Август–Людвиг Шлёцер в Геттенгене 9 сентября 1809 г.

* * *

Для автора данной статьи сочинения А.-Л. Шлёцера важны, прежде всего, как памятник историографической мысли, где отразился его взгляд на историю как науку. Интерес Шлёцера к теорети-

ческим вопросам истории проявлялся часто, и он не раз возвращался к ним. Размышления, наблюдения и отдельные суждения Шлёцера рассеяны по различным работам. Например, они встречаются в «Probe russischer Annalen» («Опыт анализа русских летописей»), в предисловии к немецкому переводу сочинений Г.-Б. Мабли, среди которых были работы «De l' etude de l' histoire» («Об изучении истории») и «De la maniere d' écrire l' histoire» («О способе писать историю»), в труде «Нестор. Русские летописи...» и в других. Находили они отражение в планах, отчетах, письмах ученого, в его автобиографии и в прочих бумагах личного происхождения. Так как теоретико-методологические положения Шлёцера не были им сведены воедино и остались необобщенными, то постараемся собрать и тематически сгруппировать их.

Историографическая часть Введения к фундаментальному труду «Нестор. Русские летописи...» названа автором «Странная часть русской истории». Структурно она состоит из небольшого вступления и четырех пунктов: «Китайские летописи», «Русские летописи», «Россия опять найдена» и «История русской истории». Тема о странности русской истории проходит через весь текст.

Первая «странность», указанная Шлёцером, касалась не столько русской истории, сколько восприятия ее на Западе. По этому поводу автор задавался вопросом: почему европейцы стали сравнивать столь удивительно разные народы — китайцев и русских, тогда как, по его выражению, повторяемому им не раз: «русские не китайцы». Рассуждал Шлёцер с точки зрения западного ученого. «Нам иностранцам», писал он, Китай и Московское царство были *открыты* почти одновременно в первой четверти XVI в., когда из обеих стран пришли известия об их летописях. Но спустя и 300 лет европейцы все еще не знают ничего точного об этих летописях, кроме того, что «теперь *китайскими* презираем *основательно*, а русскими в *чаянии* уважаем»¹⁶. И он рассматривал в сравнении и в противопоставлении историю «открытия» европейцами китайских и русских летописей.

Известный еще римским императорам Китай, писал Шлёцер, «сокрылся» от европейцев. Отыскал его, объездил и описал путешественник XIII в. венецианец Марко Поло. Но ему никто не поверил. Вторичное открытие началось с португальского посольства в 1520 г., вскоре за которым отправились ученые миссионеры. Они заговорили о китайских летописях, возбудили к ним внимание, но китайские летописи никто в Европе не понимал.

С первого русского посольства в Пекин 1619 г. начались более оживленные отношения между Россией и Китаем. В 1730-х годах в Петербург прибыл первый караван с китайскими летописями и

книгами. С тех пор количество их возрастало, и в 1777 г. в библиотеке Академии наук насчитывалось 2800 тетрадей в 202 портфелях. Байер, описывая Шлёцер, с жаром принялся за китайскую словесность, «вздумал учиться по-китайски (между тем как будучи русским профессором не учился по-русски) и начал страшный *Китайский словарь* в 26 томах, который и по сию пору лежит без всякого употребления». Но ни Байер, ни французские историки не дошли до того уровня совершенства в овладении языком, чтобы смочь критически рассмотреть китайские летописи. Одни только китайцы могли совершить это дело. «Но как можно сего ожидать от китайцев?» — с оттенком иронии вопрошал Шлёцер. «Теперь мы / европейские ученые — Р.К./ образумились и проснулись, видим (хотя все еще достаточно смутно), что все, написанное в этих летописях, «есть настоящий бред, грубая ложь, глупое пустословие» и «не достигает высокой цели истории народов». Китайские летописи «столь же неудобны для ученого обработки, как и недостойны оного», — вынес свой вердикт ученый критик. Русские же летописи, противопоставлял Шлёцер, «имеют и то, и другое достоинство». Им не хватало только ученой обработки; «иностранцы не принимались за оное для того, что не могли; да и сами русские не старались об этом, — а русские не китайцы!»¹⁷.

Историю русских летописей Шлёцер связывал с историей Руси, начиная с 1100 г. Некогда сильная, «страшная для всех своих соседей», стремящаяся к просвещению более всех других северных государств и очень известная иностранцам Русь опять пала от раздоров своих князей и до того обессилила, что сделалась добычей хищных половцев. Еще более Русь упала в XIII в. С востока ее опустошили и поработили монголы, «и это порабощение имело неслыханные следствия для государства». С запада, со стороны Балтийского моря, «ворвались в нее шведы, лифляндцы, поляки и литва, отторгли от нее целые области». С юга, со стороны Черного моря, татары загородили ей всякое сношение с Европой. Далеко от Днепра, по берегу Волги, «и за нею далее к северу сия раздробленная нация едва дышала и лишилась даже своего имени в чужих землях». С тех пор Русью назывались только ее западные части, «сделавшись добычею Польши и Литвы». «Москва и Великая Русь, — как после назывался остаток, — долгое время как будто исчезли из вселенной», — читаем у Шлёцера. В этой потерянной земле в XIII в. бывали проездом к монголам многие миссионеры. В течение XV и XVI вв. постепенно налаживались международные связи. В XV в. начались сношения между Италией и Москвой, устанавливались посольства между немецким императорским и московским цар-

ским дворами, посылались московские посланцы в Испанию. Однако и тогда иностранцы «Москву полагали еще между *неизвестными землями у Ледовитого моря*». Следовательно, делал вывод Шлёцер, «надобно было ее *открыть*, или лучше, отыскать *снова*; и честь эта предоставлена была немецкому посланнику, барону Герберштейну». Этот воин, министр и ученый человек, знавший по-славянски, первым издал исторические, географические и статистические известия об открытой им снова земле, и долгое время публика не имела других¹⁸.

Несмотря на то, что Герберштейн «доставил чужестранцам» сведения о русских летописях, они не привлекли внимания европейцев, и «ни один миссионер не кричал о них, как о китайских; все остались равнодушными. Иностранцы не могли ничего делать, а русские ничего не делали»¹⁹. Так как русская история все еще не могла быть изучена, то она, по мнению Шлёцера, должна быть создана. После того она сможет быстро подняться на европейский уровень, всего за 50 лет, в отличие от западных государств, для которых их история стоила вековых трудов. Это, полагал Шлёцер, может быть осуществимо при *методическом* прилежании, которое даст ей возможность избежать сделанных другими ошибок. Однако и это еще не все, что смогут достичь русские. Конечно, подняться русской истории до уровня европейской было бы уже честью, признавал Шлёцер, но еще почетнее стать «самой образцом для иностранцев»²⁰.

Крупный этап в открытии России для Европы Шлёцер связывал с именем Петра Великого: «Основатель Петербурга открыл опять европейцам свое государство, которое они до сего времени считали азиатским. Слава, озарившая победителя при Полтаве, отбросила луч свой также на все, называвшееся *Русским* (уже более не *Московским*), следовательно, и на *историю* сего вновь возникающего государства»²¹.

«Странности» русской истории Шлёцер продолжал видеть и в последующие, и в современные ему времена. К примеру, к страннейшим случаям он относил поручение русского правительства иностранцу Вольтеру написать «жизнь или лучше похвальное слово Петру Великому». По словам Шлёцера Вольтер не хотел рыться в кипах бумаг, полученных им от Миллера, и он, не рассматривая никаких бумаг, отдал все в публичную библиотеку.

Удивляла Шлёцера и казалась непонятно странной позиция Св. Синода, куда по повелению Петра I и Екатерины II были присланы из монастырских архивов и библиотек древние летописи и сочинения по истории. «Странная участь исторической словесности в России! — восклицал он. — Единственная в своем роде во

всем ученом свете! Сами государи ободряют, приглашают, приказывают — и ничего не делается; а если что и делается, то все не так!» И тут же Шлёцер замечал: «Правда и то, что к этому нельзя принудить указами»²².

В истории развития исторических знаний в России Шлёцер впервые отчетливо заговорил о *методах* изучения и *способах* обрабатывания истории. Он приоткрывал скрытую от читателей работу профессионального историка, показывая из чего состоит его работа, с чего следует ее начинать, какие нужно пройти последовательные стадии в работе и каким желательно должен стать законченный труд. Словом, он говорил о том, что позже будет называться лабораторией ученого.

В работе историка Шлёцер выделял следующие четыре главные стадии. На начальном этапе работы ему должно быть *Geschichtssammler* — историком-собирателем, которому надобно выявить, собрать и отобрать источники, то есть создавать (как стали говорить в XX в.) источниковую базу.

На следующем этапе необходимо стать *Geschichtsforscher* — историком исследователем источников, что было особенно подробно и тщательно разработано Шлёцером.

Критически изучив источники, он может стать *Geschichtschreiber* — то есть тем, кто пишет последовательную историю, создает сводный исторический труд.

Для высшего уровня *Geschichtsmaler* — историка-живописца, время, по мнению Шлёцера, еще не скоро наступит. В действительности такое время было уже не за горами. Шлёцер был знаком с будущим автором, но до появления «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина он не дожил.

Реально мыслящий Шлёцер понимал, что на современном ему уровне развития исторической науки историк еще не может пройти все обозначенные им стадии работы. Он и для себя не ставил подобной задачи и ограничился двумя первыми, *источниковедческими* фазами работы.

Тем не менее, претензии Шлёцера к ученому-историку его времени были высоки. Во главу угла он ставил требование *научности* и противопоставлял ученые труды непрофессиональным писаниям на темы из истории. «Сочиняйте, выдумывайте, мечтайте, пишите романы, но и называйте это романами, *имя истории священно, не оскверняйте его*» (курсив мой — Р.К.). Для историка превыше всего — истина, достоверность, и девизом Шлёцера стали слова: «Первый закон истории — не говорить ничего ложного»²³. Он убеждал, что лучше иметь 600 лет подлинной истории, чем три тысячи лет сказок и басен. Историк, по утверждению Шлёцера, должен быть

рационалистом. Нередко, говорил он, ложные показания, вымышленные чудеса выдаются за истину и вызывают общее поклонение. Историк же должен «смело стоять за правду, разоблачать выдумки, обличать суеверия»²⁴. Шлёцер был против всяческих «оживлений», «украшений», не идущих к делу рассуждений, которые только загромаждают текст источника и мешают его пониманию, ибо посторонние прибавки погребают великое в хламе мелочей. Так Шлёцер отстаивал чистоту исторического научного знания.

Важную роль в работе ученого-историка Шлёцер отводил иностранным языкам. Сам он знал более 15 языков, и потому владение только одним иностранным языком в его глазах было большим недостатком. К примеру, В.Н. Татищева он упрекал за то, что тот, по его мнению, «не знал других языков, кроме русского и немецкого»²⁵. И в своем главном труде «Нестор» он еще более жестко написал о том же: Татищев «совершенно был неучен, не знал ни слова по-латыни и даже не разумел ни одного из новейших языков, выключая немецкого»²⁶. Точность данных сведений вызывает сомнения. Шлёцеру было известно, что Татищев, состоя в родстве с царицей Прасковьей Федоровной (женой Ивана V), с семи лет находился при царском дворе в качестве стольника. В те времена при дворе в моде были польский и немецкий языки. Но Шлёцер не учел, что Татищев в одинаковой степени мог быть с детства знакомым с обоими языками. Во всяком случае биографы историка отмечали его хорошее знание этих языков. Известно также, что когда Татищев оказывался в Польше, он не упускал возможность совершенствоваться в польском языке. Сохранился и учебник французского языка с собственноручной записью В.Н. Татищева: «1720 году октября в 21 день, в Кунгуре, по сей грамматике начал учиться по-французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищев»²⁷. Конечно, на основании этих данных нельзя судить об уровне владения Татищевым иностранными языками, но определенные навыки и стремление к знанию языков у него были.

И о другом крупном русском историке, князе М.М. Щербатове, Шлёцер критически замечал: он «кроме своего природного понимает только французский язык, а ни слова по-немецки, ни слова по-латыни и пр.» и «отстал в иностранной исторической словесности по крайней мере 50-ю годами»²⁸.

Бесспорно, знание языков обогащает ученого, но возводить это в основное качество историка вряд ли справедливо. Ведь можно быть полиглотом, но не уметь сопоставлять и анализировать факты, не быть в силах стать автором многотомного исторического труда. (Напомню, что неоконченная «История Российская с самых древнейших времен...» В.Н. Татищева была опубликована в пяти

книгах, а «История Российская от древнейших времен...» М.М. Щербатова — в семи томах).

За недостаточность знаний иностранных языков Шлёцер критиковал не только русских историков, но и иностранных. Французского автора Левека он уличал в том, что тот «не разумел ни по-латыни, ни по-немецки». Даже Байер, которого Шлёцер называл одним из величайших литераторов и историков своего века, вызывал у него недоумение: «не понятно, как этот великий исследователь языков, столь много потевший над китайским, не учился по-русски; почему и зависел всегда от неискусства переводчиков и наделал важные ошибки». (В «Несторе» Шлёцер попутно упомянул, что он в течение 33 лет собирал множество смешных глупостей, которыми запятали себя писавшие о России иностранцы). Шлёцер говорил, что от настоящего *ученого историка*, в частности от русского, «по меньшей мере требуется, чтобы он разумел латинский, немецкий и французский языки и известен бы был об иностранных книгах»²⁹.

Из вышесказанного видно, что к требованию свободного владения несколькими языками Шлёцер присоединял необходимость знания исторической литературы. И далее Шлёцер подводил к одному из главнейших своих выводов. Чтобы история была достойна своего назначения, историк должен опираться на точно исследованные и проверенные здравым смыслом данные. Поэтому история, должна начинаться с критики и с изучения источников. Отсюда вытекало требование овладения всеми *методами* критики исторических источников и явлений.

Критику исторических источников Шлёцер разделял на две фазы работы: на «низшую» или «малую критику *слов*» (путем проведения лексического, грамматического и исторического истолкования слов установить внешнюю достоверность текста) и «высшую» или «критику *дел*» (выявление внутреннего значения текста, то есть переход от критики текста к интерпретации исторического факта). Предварительной работе над историческим материалом Шлёцер придавал исключительное значение. Только после решения первоначальной задачи — критического изучения источника для приобретения достоверных знаний — можно приступить к научному изучению истории. Тогда-то и смогут быть разрешены все вопросы. Сам Шлёцер руководствовался этим планом. Имея прекрасную подготовку именно к историко-критической работе, он сосредоточил внимание на *критическом* изучении русских летописей и на воссоздании «очищенного» Нестора. По оценке С.М. Соловьева труд Шлёцера стал первым первоклассным образцом «низшей» исторической критики³⁰.

Инок Киево-Печерского монастыря Нестора Шлёцер признавал первым летописцем на Руси, который создал произведение, испорченное, по его мнению, позднейшими невежественными переписчиками. Поэтому оно нуждается в восстановлении подлинного, «очищенного» от ошибок, полного текста. И Шлёцер приступил к решению именно этой задачи. В поисках «очищенного» Нестора он ограничился «низшей» критикой, но дал четкие указания о том, как следует действовать ученому историку в дальнейшем.

Русские историки XIX в. переходили к следующему этапу критического изучения источников, — к «высшей критике дел», по терминологии Шлёцера. Они вывели на первый план задачу познания сущности источника, стараясь выяснить, насколько отразились в источнике определенная эпоха, «дух времени», самосознание общества.

В противоположность убеждению Шлёцера о летописях как о едином авторском произведении, в русской исторической литературе начали появляться отдельные предположения о том, что летописи представляют собой летописные сборники разных редакций, компиляции, своды. Со временем эта мысль все чаще стала подтверждаться И.И. Срезневским, И.И. Сухомлиновым, И.Д. Беляевым, Н.И. Костомаровым, М.П. Погодиным, С.М. Соловьевым. На обильном материале К.Н. Бестужев-Рюмину удалось доказать, что гипотеза о составном характере древнерусских летописей, и в первую очередь «Повести временных лет», верна. Благодаря его исследованию «О начале русских летописей до конца XIV века» (СПб., 1868) данная гипотеза превратилась в аксиому: «Повесть временных лет» не является сочинением одного автора. Она представляет собой летописный свод начала XII в., и источники ее можно восстановить. «Повесть временных лет» составлена из ранее созданных материалов, имевших две основные формы: отдельные сказания и летописные заметки. А это в свою очередь доказывает, что летописание на Руси началось не с «Повести временных лет», как утверждал Шлёцер. Следовательно, свод XII в. нельзя считать начальной стадией русского летописания. Наоборот, он является уже известной формой обобщения более давнего исторического материала. К.Н. Бестужев-Рюмин доказал, что большую часть «Повести временных лет» следует относить к X или даже к IX в.

Важно обратить внимание и на то, что В.О. Ключевскому «Повесть временных лет» представлялась не простым летописным сводом, а ученой исторической диссертацией начала XII в.: «*«Повесть временных лет»* — ученый исторический трактат, чистая диссертация о происхождении Руси. Материал: живые остатки старого быта, песни, поговорки, византийский хронограф». Нестор же, по

его мнению, «был не летописец, и не баснописец, а ученый исследователь»³¹.

В целом принципы исторической критики Шлёцера оказали позитивное влияние на развитие исторической науки России. Благодаря ему изменился подход к источнику. Ранее преобладало наивное доверие к любому историческому рассказу, который передавался из поколения в поколение. Наука же стала относиться к накопившемуся материалу критически. И это оценили русские ученые. По наблюдению того же Ключевского Шлёцер дал «самородной» русской критике правила, «если не общепризнанные», то «во всяком случае более надежные и полезные». «Начиная с Карамзина и кончая Соловьевым, все русские историографы XIX в. смотрели на Шлёцера как на первоучителя, родоначальника своей науки и руководствовались его приемами»³². Солидарен с Ключевским был и крупнейший источниковед начала XX в. А.А. Шахматов Он, констатируя факт, что научное изучение древней русской летописи начато было великим Шлёцером, подчеркивал: «Им были намечены вопросы, подлежащие дальнейшей разработке, им были *определены способы и приемы исследования*»³³.

Были у Шлёцера и противники. Как сказал о том К.Н. Бестужев-Рюмин: «Историки русские считают себя или учениками, или врагами Шлёцера»³⁴. М.О. Коялович утверждал даже, что «немецкая научность затормозила русскую научную разработку нашей истории»³⁵. Очевидно одно: все споры и обоюдная критика способствуют совершенствованию науки, в том числе и русской исторической науки.

С точки зрения критической школы смотрел Шлёцер и на «*Историю русской истории*» (так озаглавлена самая большая историографическая часть Введения к «Нестору»: с. 129–175). То был первый опыт последовательного изложения отдельных наблюдений в еще не существовавшей, а лишь зарождавшейся тогда новой отрасли исторического знания. Со временем она будет называться историей исторической науки, или историографией, когда станет (так же как и источниковедение) самостоятельной исторической дисциплиной. Найденный Шлёцером заголовок «История русской истории» представляется удачным, как и его выражение: «писатели русской истории». Неслучайно именно его выбрал С.М. Соловьев для названия своей главной историографической работы «Писатели русской истории».

Глава «Истории русской истории» охватывает семь веков с 1100 г. по 1800 г., начиная с летописи Нестора (по датировке Шлёцера) и кончая современным ему временем. Но автор не определял и не пояснял критерий своей периодизации *истории исторической*

науки и не озаглавливал отдельные ее периоды, как он то делал применительно к *общей истории России*. Напомню, что в русской истории он выделял пять периодов, и у каждого было свое название: 1) от 862–1015 гг. до смерти Владимира — «Россия рождающаяся»; 2) от Ярослава до монголов 1015–1216 гг. — «разделенная Россия»; 3) от Батые до Иоанна III — «угнетенная Россия»; 4) от Иоанна до Петра Великого — «победоносная Россия»; 5) от Петра до Екатерины II — «процветающая Россия».

700 лет истории русской истории разделены автором на восемь периодов, которые обозначены только большими буквами русского алфавита от «А» до «З» и имеют точную датировку. Весь текст педантично разделен на 60 номеров или «ступеней». Каждый отмеченный период содержит разное число номеров в зависимости от их конкретного содержания, то есть от количества включенных в их состав работ и от подробности их изложения.

Хронологические рамки периодов тоже различны: чем древнее период, тем он протяженней. Так, первый период «А. От 1100–1500» охватывает четыре века, следующие два периода — по веку. С XVIII в. деление проведено уже по десятилетиям: 25 лет, 35, 20 и два периода по 10 лет. Чем ближе к современности, тем короче становились временные промежутки между периодами, а изложение материала (главным образом, обзорные источники и исторических работ) делалось более подробным. Как видим, критерий периодизации Шлёцера (хотя автор и не определял его) был четок: он периодизировал по историческим источникам и трудам. Другими словами, Шлёцеровский критерий в своей основе историографичен.

Вопрос о том, чем должна заниматься «история русской истории», то есть что является ее *предметом* изучения, теоретически Шлёцером не ставился. Однако конкретное его изложение дает возможность ответить на этот вопрос. Так, большое беспокойство вызывала у Шлёцера проблема хранения *сокровищ*, бесценных рукописей, которые тысячами валяются и пылятся в архиве, куда никогда не заглядывал архивариус, и которым даже нет и описи. «Какое множество припасов для русской *палеографии*, для русской *церковной истории*, для собрания *дипломатики*, *нумизматики*, для множества томов *писателей русской истории*». На страницах своей книги «Нестор» Шлёцер сделал признание, что его величайшим желанием было «отучить» русскую публику от *страха издавать летописи*. Поэтому пристальное внимание он обращал на публикацию источников. К примеру, он с удовлетворением отмечал: в царствование Екатерины II начался «такой период, какого еще никогда не было на свете. В эти 20 лет напечатано на русском языке гораздо

более подлинников (между которыми есть очень важные), нежели во все прежние царствования», и «ни один уже *немец* не принимался за русскую историю, а ожидал, что выйдет из России»³⁶.

В поле зрения Шлёцера находились история книгопечатания, появление исторических обществ, деятельность Академии наук и некоторые другие темы. Таким образом, Шлёцер не ограничивался библиографическим обзором, что будет не характерно даже для работ историков последующего времени. У Шлёцера было более широкое представление о предмете истории исторической науки, в которое он вводил довольно широкий круг вопросов, и это является его определенной заслугой.

Те первые опыты систематического изложения родной истории русскими авторами XVI — 1-й четверти XVIII в., которые упоминал Шлёцер, вызывали у него отрицательную реакцию. Ужасным чудовищем называл он Степенную книгу — она «занесла столько глупостей в древние почтенные временники». А уродливый, неслосный Синописис И. Гизеля слишком долго — 80 лет был единственной учебной книгой отечественной истории с насмешкой восклицал Шлёцер. Негативную оценку получило и «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева, авторство которого Шлёцер вслед за первым издателем памятника Г.Ф. Миллером ошибочно приписывал князю А.Я. Хилкову. Не преминул он указать и на то, что до публикации «Ядра» о нем «в рукописи гораздо более думали, нежели чего он стоит». Шлёцер не понимал, да и не пытался понимать специфику развития исторической мысли в России, столь непохожую на привычную ему европейскую. Потому он и видел в трудах русских одни недостатки.

В России XVIII в. отечественная старина вызывала самый живой, взволнованный интерес русских людей. На поприще русской истории плодотворно трудились тогда самобытные, талантливые любители, которые становились историками по роду занятий. Они старались писать сводные, «полные истории России», в отличие от иностранных авторов, разрабатывавших частные проблемы. И среди более поздних русских писателей, занимавшихся историей, Шлёцер не находил ни одного ученого историка. По разумению строгого критика, все написанное ими было ощутительно дурно, недостаточно и неверно³⁸. По этому поводу Ключевский замечал: Шлёцер, «презрительно отзывавшийся о русской историографии второй половины XVIII в., сам находился под сильным ее влиянием»³⁹. Признавал Шлёцер, пожалуй, одного И.Н. Болтина, называя его «величайшим русским знатоком отечественной истории»⁴⁰. По его мнению, русским писателям лишь в будущем предстоит стать учеными историками.

Должно сказать и о том, что Шлёцер не только резко критически относился к русским историкам, но признавал и их заслуги. Например, он говорил о дарованиях Татищева, многие рассуждения его называл смелыми и высоко оценил его Предисловие к «Истории Российской». Особо отмечал он трудолюбие Татищева и Щербатова, которое всегда будет заслуживать благодарность и уважение⁴¹. Более того, Шлёцер активно содействовал публикации трудов русских коллег. Известны его хлопоты об издании «Истории Российской» Татищева, рукопись которой лет 30 пролежала в Академии наук. Принципиально важна его следующая характеристика: «Татищев — русский, он является отцом русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец проломил лед в русской истории»⁴². Замечу попутно, что отцом русской истории называли и Нестора, и Миллера, и Шлёцера. Признание последним отцом русской истории Татищева делает ему честь.

Помогал Шлёцер и выходу в свет трудов своего бывшего яростного оппонента М.В. Ломоносова. Он написал предисловие к «Древней Российской истории», изданной после смерти автора, исправлял перевод на немецкий язык его «Краткого русского летописца с родословием».

Тем не менее, в целом из пылких, страстных речений Шлёцера очевидно, что его не удовлетворяло состояние русской исторической науки. А свою собственную деятельность в России и значение своих трудов он оценивал очень высоко. Так, в 1768 г. Шлёцер писал, что до него никому не было известно, что такое русские летописи. Теперь же «знает свет, что изучение русской литературы станет достоянием не только России, но и всего ученого мира», предрекал он⁴³. Шлёцер считал для себя почетным «быть первым издателем и толкователем летописей народа, первого по численности, могуществу и богатству в Европе»⁴⁴. Шлёцеру казалось, что после его отъезда из России, когда он почти полностью прекратил свое «упражнение в русской истории», «заснула русская история и при русской академии: даже прервалось издание и Никоновской летописи», — писал он⁴⁵.

Приведу одну из наиболее ярких сентенций Шлёцера: «Вдруг и совсем нечаянно русская история очевидно начала терять ту истину, до которой довели было ее Байер и его последователи (тут Шлёцер имел в виду явно прежде всего себя.— *Р.К.*), и до 1800 г. падение это делалось час от часу приметнее. *Падение? Роковой год?* Как это неестественно, неслыхано!» «Тут экспрофессор *русской истории* (то есть сам Шлёцер — *Р.К.*) потерял свое терпение, с которым он лет 10 смотрел издали на этот плачевный упадок и... написал эту книгу»⁴⁶. Так не без юмора объяснил Шлёцер причины, побудившие его написать свой знаменитый труд «Нестор. Русские летописи...».

На этой полушутливой фразе Шлёцер закончил и главу «История русской истории» и раздел Введения «Странная участь русской истории», в которых отразился его взгляд на историю как науку. Крупный специалист в области отечественной историографии В.С. Иконников справедливо писал, что обстоятельного, весьма живого по изложению и не лишённого некоторого юмора обзора Шлёцера «не может обойти ни один ученый, интересующийся судьбами истории русской истории»⁴⁷. Бесспорно, исследования А.-Л. Шлёцера способствовали выработке и повышению профессионализма будущих историков и не утратили своего значения и сегодня.

-
- 1 Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке... СПб., 1809.— С. 118. (Далее: Шлёцер А.Л. Нестор).
  - 2 Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т. VII.— М., 1989.— С. 222.
  - 3 Там же.— С. 223.
  - 4 Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 182.
  - 5 Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т.— Т. VII.— С. 225, 472.
  - 6 Соловьев С.М. Соч. в 18-ти кн.— Кн. XVI.— М., 1995.— С. 279.
  - 7 «Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлёцера, им самим описанная». // Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1875.— Т. 13.— С. 31, 45. (Далее: Шлёцер А.Л. *Общественная и частная жизнь...*)
  - 8 Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen und Göttingen. 1768. S. 170.
  - 9 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 148–149.
  - 10 Schozer und Russland // Eingeleitet und unter Mitarbeit von L.Richter und L. Zeil herausgegeben von E/ Winter. Berlin. 1961. S. 201. N 68. S. 46–47. №1 (Далее: *Schlozer und Russland*).
  - 11 Шлёцер А.Л. *Общественная и частная жизнь...* С. 191.
  - 12 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 153.
  - 13 См. «Письма и дневник А.И. Тургенева Геттенгенского периода (1802–1804)» // Архив братьев Тургеневых.— СПб., 1911.— Вып. II.
  - 14 «Русская летопись по Никонову списку.— СПб., 1767.— Ч. 1 (до 1094 г.).— Л. 6.
  - 15 Шлёцер А.-Л. Нестор.— С. 151–152.
  - 16 Шлёцер А.-Л. Нестор.— С. 114–115.
  - 17 Там же.— С. 115–119.
  - 18 Там же.— С. 119–123.
  - 19 Там же.— С. 124.
  - 20 *Schlozer und Russland*. S. 205. N 71.
  - 21 Шлёцер А.Л. Нестор. С. 136–137.
  - 22 Там же. С. 173.
  - 23 *Schlözer A.L. Probe russischer Annalen*. S. 51.
  - 24 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 397.
  - 25 Шлёцер А.Л. *Общественная и частная жизнь...*— С. 51.
  - 26 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 143.
  - 27 Кузьмин А.Г. Татишев.— М., 1991. С. 20, 5.

- 28 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 159.
 29 Там же.— С. 168, 140, 127.
 30 Соловьев С.М. Соч. в 18-ти кн.— Кн. XVI.— С. 317.
 31 Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т.— Т. VII.— С. 233; *Он же*. Неопубликованные произведения.— М., 1983.— С. 126.
 32 Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т.— Т. VII.— С. 230.
 33 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. III.
 34 Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики.— С. 177.
 35 Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям.— СПб., 1901.— С. 99.
 36 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 156.
 37 Там же.— С. 134, 136, 165.
 38 Там же.— С. 128.
 39 Ключевский В.О. Соч. в 9-ти т.— Т. IX.— С. 221.
 40 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 173.
 41 Там же.— С. 152, 159–160.
 42 A.L. Schlozer und Russland. S. 191.
 43 Schlözer F.L. Probe russischer Annalen.
 44 Шлёцер А.Л. Общественная и частная жизнь...— С. 45.
 45 Шлёцер А.Л. Нестор.— С. 157.
 46 Там же.— С. 173, 175.
 47 Иконников В.С. Опыт русской историографии.— Т. 1. кн. 1. Киев. 1891.— С. 259*.

В.Ю. Добровольский

СУДЬБЫ РОССИИ И ЗАПАДА В ИСТОРИОСОФИИ П.Я. ЧААДАЕВА

Аннотация. *Статья посвящена взглядам П.Я. Чаадаева на роль России в судьбах мировой цивилизации, ее место во всемирной истории. Показана трансформация его воззрений на проблему России и Запада, убежденность в единстве исторических судеб России и Запада в лоне христианской традиции.*

Ключевые слова: *российская идентичность, Россия и Запад, цивилизационное развитие, исторические традиции, историософия П.Я. Чаадаева, христианство, православие, идеология и политика, патриотизм.*

Summary. *The article is devoted to P.I. Chaadaev's views on Russia's part in the fates of the world civilization, its place in the world history. It is shown the transformation of his views on the problem of Russia and the West, his conviction in community of historical fates of Russia and the West in Christian tradition.*

Keywords: *Russian identity, Russia and the West, civilization evolution, historical traditions, P.J. Chaadaev's historiosophy, Christianity, Russian Orthodox Church, ideology and policy, patriotism.*

Вопрос о месте России во всемирной истории и, в первую очередь, о соотношении путей России и Запада остается ключевым

ориентиром национальной политики и одним из определяющих факторов культурного развития страны. С первых столетий нашей истории лучшие умы России непременно стремились очертить пределы российской идентичности, объяснить или предвосхитить роль, предоставленную государству в истории человечества. Авторам большинства подобных трудов зачастую не предстояло разрешать вопросов — вывод определялся государственной идеологией, требовавшей обосновать историческую правомерность внешней и внутренней политики. Затем, с развитием в стране светской интеллектуальной культуры, о национальной идентичности России принялись активно рассуждать представители различных течений общественной мысли, опять же преследуя четкие, зачастую программные цели. В исторической литературе П.Я. Чаадаева принято относить именно к явлениям такого порядка¹: чаще всего он предстает одним из первых западников, а иногда и основоположником западничества, хотя никаких достоверных оснований для подобных заключений его творческое наследие не предоставляет. Его историософия не имеет «партийной» окраски, прежде всего, потому, что он иначе расставлял приоритеты: для Чаадаева уразумение явленного мира было основой творчества и смыслом существования, поэтому его изыскания не ограничивались идеологической догмой — единственным пределом была его совесть.

Вместе с тем, он был типичным представителем образованной светской молодежи, воспитанной на западных «вольнлюбивых» идеалах первых лет правления Александра I. С юных лет для Чаадаева, как и для множества молодых людей его окружения, европейское было ближе родного, начиная с языка и заканчивая духовными ориентирами. Молодежь той эпохи — будущие представители русского образованного общества — воспитывалась, как писал Н.В. Гоголь, «другим воспитанием, под влиянием гувернеров французских, немецких, английских, под влиянием выходцев из всех стран, всех возможных сословий, с различными образами мыслей, правил и направлений. Общество наше,— чего не случалось еще доселе ни с одним народом,— воспитывалось в неведении земли своей посреди самой земли своей. Даже язык был позабыт...»²

При Александре I, в отношении которого в России создавался «миф о монархе-европейце»³, ориентация на европейскую духовную и интеллектуальную среду пронизывала все сферы жизни русского образованного общества. Сам Самодержец, призванный быть защитником Православия, стремился узнать суть истинного христианства у немецкого религиозного философа И.Г. Юнга-Штиллинга⁴. Под руководством западных религиозных философов большая часть русского образованного общества постигала интер-

конфессиональный мистицизм, который, по мнению исследователей, едва ли не преобладал над обновленным интересом к традиционным вероисповеданиям⁵. Влияние же на российскую интеллектуальную среду европейской науки — поставщика ученых кадров для российской системы образования — трудно переоценить⁶.

В атмосфере всеобщего поклонения Западу не стал исключением и Чаадаев. Как писал богослов, философ и историк протоиерей Г.В. Флоровский, Чаадаев «был западником постольку, поскольку в его поколении все были западниками, часто просто западными людьми»⁷. Таких «западников», которых нельзя отнести к мировоззренческому течению, известному нам как «классическое западничество» конца 1830-х — начала 1860-х гг.⁸, в литературе называют «русскими европейцами»⁹. Чаадаев был представителем целого поколения «русских европейцев», многим из которых приходилось самостоятельно открывать для себя основы отечественной самобытности.

Навеянное обстоятельствами западничество зачастую объясняло и своеобразную окраску патриотизма, который в ту пору редко основывался на хорошем знании российской истории и культурных традиций. Будущий декабрист Н.И. Тургенев, с которым Чаадаев познакомился во время учебы в Московском университете, в 1808 г. записал в дневнике, находясь в Геттингене: «К сожалению всех хорошо мыслящих, видно из Истории, что в то самое время, когда какое-нибудь государство начинает более образовываться, то вместе с образованностью поселяются между людьми и пороки, происходящие от введения искусств, вместе с ними роскоши и тому подобного; что просвещение, так сказать, бросает семя этим порокам, и в особенности терпит при сем одна из благороднейших и первейших добродетелей — Любовь к Отечеству! <...> Да откроется передо мною непроницаемое таинство, и да узнаю, от чего истинно происходит это сладчайшее чувство любви ко всему родному. Чем далее удаляюсь от Отечества, тем ближе сердце мое делается к Нему»¹⁰.

Такого рода патриотизм, родословная которого не была понятна даже самому патриоту, был Чаадаеву чужд: мы не находим признаков слепой любви к отечеству ни в его письмах ранних лет, ни, тем более, в более поздних сочинениях. Оценки России он ставил по совести и в зависимости от той мировоззренческой позиции, которую занимал на разных этапах жизненного пути, при этом основным ориентиром для него всегда служило соотношение исторических путей России и Запада.

В нашем распоряжении нет документов, позволяющих судить о его взглядах на этот счет в годы юности и военной службы (до

1821 г.). В то время он разделял вольнолюбивые устремления своих друзей-декабристов и руководствовался, прежде всего, идеалами Просвещения. 20 марта 1820 г. Петр Яковлевич писал брату Михаилу о революции в Испании (январь-март 1820 г.): «Целый народ восставший, революция, завершившаяся в 3 месяца, и при этом ни одной капли пролитой крови, никакого разрушения, полное отсутствие насилия, одним словом ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело, что ты об этом скажешь? Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революций»¹¹. С таким энтузиазмом Чаадаев воспринял переворот, заставивший короля подписать указ о восстановлении конституции и о созыве кортесов.

Не менее, чем бескровной революции в Испании, он сочувствовал стремлениям к отмене крепостного права в России. 27 марта того же года Н.И. Тургенев писал Чаадаеву: «Вчерашний разговор утвердил еще более во мне то мнение, что вы много можете споспешествовать распространению здравых идей об освобождении крестьян. Сделайте, почтеннейший, из сего святого дела главный предмет ваших занятий»¹².

К вопросу о соотношении исторических судеб России и Запада Чаадаев обратился вскоре после отставки. К этому времени он окончательно разочаровался в отечественных реалиях, но, в отличие от своих друзей-декабристов (И.Д. Якушкина, М.И. Муравьева-Апостола, Н.И. Тургенева и др.), ограничился формальным членством в Союзе благоденствия и не пожелал посвятить себя слому государственных основ¹³. Более того, он вовсе не желал оставаться в России, а хотел обосноваться в Париже или в Швейцарии¹⁴.

Не удовлетворили исканий Чаадаева и вопросы метафизики на том уровне, на котором они разрабатывались в масонских мастерских, деятельным участником которых он был¹⁵, а также в философских беседах его ближайшего окружения¹⁶. Вскоре после выхода в отставку он обратился к христианству, стал изучать роль религии в истории человечества и укрепил свои знания в этой области во время заграничного путешествия (1823–1826 гг.). Основное произведение Чаадаева — «Философические письма» — были написаны уже искренне верующим человеком¹⁷. С этого момента именно вера определяла его отношение к проблеме «Россия и Запад»: основным ориентиром интеллектуальных исканий мыслителя был вопрос о том, какое место предоставлено его родине и странам Европы в истории христианского человечества.

Вместе с тем, Чаадаев был достаточно свободен в оценках исторической значимости разных ветвей христианства и неоднократно менял свою позицию, изучая основы отечественной самобытности и чутко реагируя на общественно-политические трансформации в

России и в Европе. Он до конца жизни исполнял обряды православной церкви, оставаясь верным христианскому универсализму и наблюдая свершение предначертаний Проведения под сенью вероисповедания, уготованного ему.

«Философические письма» (1828–1830 гг.) написаны, прежде всего, под влиянием западных, и в особенности католических мыслителей. Ориентация Чаадаева на католицизм была вполне в духе времени: увлечение западной ветвью христианства при Александре I было обычным явлением. Светская публика охотно беседовала с католическими проповедниками, известнейший из которых — посланник сардинского короля Жозеф де Местр — способствовал обращению в католицизм многих представителей российской аристократии. Успех католической пропаганды в России был во многом обусловлен тем, что православное духовенство не принадлежало к высшему обществу, не уделяло внимания искусству проповеди. В то время не было даже русскоязычных изданий канонических текстов¹⁸, а дворяне и церковнослужители попросту говорили на разных языках. Французская проповедь образованных и вхожих в свет католиков была гораздо ближе европеизированной русской знати¹⁹. Чаадаев же во время заграничной поездки беседовал на религиозные темы в европейских гостиницах и был знаком с доктриной католической реакции гораздо лучше многих представителей русского образованного общества. В Европе он интересовался также причинами «нравственного благоденствия» протестантской Англии²⁰, но отдал предпочтение католическому догмату, основанному на единстве и преемственности.

Основополагающие идеи «Философических писем»: о Провидении как о творце истории, предначертавшем каждому народу особую роль, о христианстве как об истинной религии и о католицизме как об истинном выражении христианства, о единстве европейской цивилизации и ведущей роли католической церкви в создании и сохранении этого единства — все эти мысли, а также оценка Православия как незаконного плода христианства были знакомы Чаадаеву по произведениям Ф.-Р. де Шатобриана, П.-С. Балланша, Ф.-Р. де Ламенне, Ф.-П.-Г. Гизо, Ж. де Местра, Л. де Бональда и Ф.В.И. Шеллинга²¹. Именно на их основе он создал историософию, столь оскорбительную для национального самолюбия.

Воздействием Провидения, направляющего народы на пути становления Царства Божьего, Чаадаев объяснял прошлое и настоящее отечества. «В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергли бы слова Спасителя. Он бы не был в своей Церкви до скончания

веков. Новый строй — Царство Божье, который должен наступить благодаря искуплению», — утверждал Чаадаев²².

Он считал, что «в настоящее время каждому важно знать свое место в общем строе призвания христиан, т.е. знать, каковы те средства, которые он находит в себе и вокруг себя, для того, чтобы сотрудничать в достижении цели, стоящей перед всем человеческим обществом в целом»²³. И здесь он был вынужден констатировать, что наше «преступное» одиночество мешает нам следовать по пути, предначертанному Провидением христианским народам.

Чаадаев считал, что Россия была выделена из всеобщего движения человечества, мы не восприняли «традиционных идей человеческого рода»²⁴. Провидение «как будто совсем не занималось нашей судьбой <...>, предоставило нас всецело самим себе»²⁵. Вот почему Россия не принадлежит «ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку», лишена исторических и даже бытовых традиций²⁶.

Итог нашего настоящего развития — пестрое сочетание чужих готовых идей, творчески не воспринятых, из которых одни легко заменяются другими без разбору²⁷. Россия безлична, и «если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода»²⁸.

«Народы — существа нравственные. <...> Их воспитывают века», — утверждал мыслитель²⁹. Но еще во времена «юности» пути России и Запада разошлись. В то время, когда в Европе «среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации», Россия, «по воле роковой судьбы», обратилась за нравственным учением, «которое должно было нас воспитать, <...> к растленной Византии». По его словам, патриарх Фотий из честолюбия похитил восточную христианскую семью у вселенского братства: Православие является искаженной людской страстью формой христианства³⁰.

Для Чаадаева было очевидно, что именно католическая Европа является объединением христианских народов, способным «осуществить тот порядок вещей <...>, который составляет конечное назначение человеческого рода»³¹. По его словам, Европа в течение нескольких веков нашей эры «представляла собой как бы один народ, и что эта система была разорвана лишь Реформацией». Однако, общество к этому моменту уже «было воздвигнуто навеки»³². В течение восемнадцати веков во всех странах Европы под воздействием религии шла огромная духовная работа, в которой участвовали все усилия чувств и разума. «Все народы Европы, подвигаясь из

века в век, шли рука об руку. <...> Чтобы понять семейное сходство в развитии этих народов, не надо даже изучать их историю. <...> Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение. <...> После этого ясно, что если та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести род человеческий к его конечному назначению, есть результат, произведенный на них религией³³, и ясно, что если слабость наших верований или несовершенство нашего вероучения удерживали нас вне этого общего движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были отнесены к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение, ибо ведь там все совершило христианство»³⁴.

Схизма и Реформация раздробили единство христианского общества, но у Чаадаева нет сомнений в том, что «однажды те грани, которые разделяют христианские народы, снова сотрутся и что, в новой форме, примитивный принцип нового общества установится с большей силой, нежели когда-либо. Для христианина это предмет веры: ему непозволительно сомневаться в этом будущем, так же как и в прошлом, на котором основаны его верования»³⁵. Мыслитель указывает, что для воссоединения с семьей христианских народов на пути к Царству Божьему России необходимо воспитать настоящее и сильное религиозное чувство, однако о форме воссоединения речи не идет: мыслитель не предлагает перехода страны в католицизм. Он смотрит в будущее человечества и в том числе России, с позиций христианского универсализма и обосновывает свою веру в будущее страны: «В наши дни силы высшего общества так возросли, его действие на остальную часть человеческого рода так расширилось, что вскоре мы будем увлечены всемирным вихрем и телом и духом, это несомненно: нам никак не удастся долго еще пробыть в нашем одиночестве. Сделаем же, что в наших силах, для расчистки путей нашим внукам»³⁶.

В начале 1830-х гг. взгляды Чаадаева на соотношение путей России и Запада изменяются, и способствуют этому событию внутри страны и в Европе. Восстание в Польше в 1830–1831 гг. и реакция на его подавление западных стран, в первую очередь Англии и Франции, обозначили резкую конфронтацию России с этими государствами, а внутри страны всколыхнули патриотические настроения, формировавшиеся во многом в ответ на обвинения, которые свобододолюбивый Запад бросал самодержавной Рос-

сии. Революция во Франции 1830 г., поставившая во главе страны короля-«мещанина», и последовавшие революционные выступления в Бельгии, в государствах Германского союза, итальянских герцогствах окончательно отпугнули многих образованных русских от западноевропейского пути развития и, таким образом, обратили их искания внутрь своей страны.

Значительную роль в изменении общественных настроений в России сыграл курс С.С. Уварова на воспитание национальной идеи через образование, основанное на спасительных началах «самодержавия, православия и народности». Благодаря его политике на посту министра народного просвещения, преподавание в России было приноровлено к отечественному началу. «Изучение Русского языка и Русской Истории, уважение к Русскому началу,— писал Уваров в «Обозрении управления министерством народного просвещения» за 1849 г.— противопоставляется влиянию иностранного духа». И в 1849 г. министр с полной уверенностью утверждал: «Новое поколение лучше знает *Русское* и по-*Русски*, чем поколение наше»³⁷.

Поддавшись веяниям эпохи, Чаадаев поддержал стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», в которых поэт укорял Запад за вмешательство в «спор славян между собою» и призывал Европу вновь обогреть кровью своих солдат бескрайние просторы России. В статье, посвященной польскому вопросу, Чаадаев указывал, что истинное счастье для Польши — находиться в составе России, единственного объединения славянских племен, сохранившего славянское начало неприкосновенным³⁸. Он отталкивался еще от идей Философических писем, в которых утверждал, что благоденствие человечества возможно лишь при единстве всех христианских народов. Однако утверждения о благодетельном развитии славянских народов внутри одной семьи объясняются, прежде всего, общественно-политической атмосферой момента: позже Чаадаев не высказывал этих мыслей.

В не меньшей степени повлияли на мировосприятие Чаадаева и события на Западе. После французской революции 1830 г. он разочаровался в Европе как в носительнице христианских идеалов — старое европейское общество, которое он считал основным проводником Божественной идеи, уступило место торжеству приземленных ценностей. Вместо твердых убеждений во Франции, где ранее процветала столь высоко оцененная им Реставрация, теперь возобладали тупой материальный интерес, не способный к истинному созиданию. В письме к Пушкину в 1831 г. он писал: «У меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь

непредвиденно постигшее мою Европу, удвоило мое собственное бедствие»³⁹.

«Я не знаю, каково в настоящее время Ваше мнение об этом вулканическом извержении всей накопленной Францией грязи, выбросившем в свет плачевную золотую посредственность; что до меня, то я с каждым днем нахожу новые основания негодовать на него. Поверьте мне, оно отодвинуло мир на полстолетия назад, спутало окончательно все социальные идеи, и Бог знает, когда они еще распутаются!»⁴⁰ — напишет он А.И. Тургеневу в 1835 г.

Изменения в духовном мире Европы и России привели его к новым идеям, имевшим истоки также в западной философии и разделявшимся многими из его современников — об исторической молодости России как о залоге благодатного будущего.

В апреле 1833 года в письме к А.И. Тургеневу Чаадаев писал: «Как и все народы, мы, русские, подвигаемся теперь вперед бегом, на свой лад, если хотите, но мчимся несомненно. Пройдет немного времени, и, я уверен, великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо, потому что не встретят у нас ни закоренелых предрассудков, ни старых привычек, ни упорной рутины, которые противостояли бы им»⁴¹. Спустя два года, в мае 1835 г., Чаадаев писал тому же адресату: «Вы знаете, что я держусь того мнения, что Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе»⁴².

Позиция Чаадаева не допускала идеи национального превосходства — Провидение обделило Россию прошлым, но предрекает ей благодатное будущее в интересах всего человечества. В письме к А.И. Тургеневу осенью 1835 г. Чаадаев писал: «Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику; что ее дело в мире есть политика рода человеческого; что император Александр прекрасно понял это, и что это составляет лучшую славу его; что Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами; что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества»⁴³. Это утверждение соответствовало идеям «Философических писем», где Чаадаев писал, что национальности до сих пор лишь разделяли людей и что им следует слиться воедино — только в единении народы могут двигаться по пути, предначертанному Богом⁴⁴.

Именно здесь следует искать истоки критики Чаадаевым взглядов славянофилов и близких к ним патриотов российского прошлого, а по терминологии мыслителя — «фанатичных славян», которые явились на интеллектуальную авансцену с утверждения-

ми: «Больше не нужно Запада, надо разрушить создание Петра Великого, надо снова уйти в пустыню. Забыв о том, что сделал для нас Запад, не зная благодарности к великому человеку, который нас цивилизовал, и к Европе, которая нас обучила, они отвергают и Европу, и великого человека, и в пылу увлечения этот новоиспеченный патриотизм уже спешит провозгласить нас любимым детищем Востока»⁴⁵.

По мнению Чаадаева, деятели «национальной школы» активно отрещивались от европейского наследия и незаслуженно превозносили российское прошлое, своей национальной воинственностью создавая преграды к движению России по пути, предначертанному Провидением. В письме к А.И. Тургеневу в мае 1835 г. он писал: «Скажите, разве это не жалость видеть, как мы в то время, как все народы братаются, и все местные и географические отличия стираются, обращаемся таким образом вновь на себя и возвращаемся к квасному патриотизму?»⁴⁶

При этом, критикуя воззрения славянофилов, Чаадаев был далек от идей «классического» западничества, оформившегося как направление общественно-политической мысли к началу 1840-х гг. Осознав по-новому миссию России, он иначе взглянул на развитие внутренних сил страны и, в том числе, на развитие российского образования. Несомненно, он продолжал настаивать на том, что России следует «приобрести серьезное и основательное классическое образование»⁴⁷, позаимствованное у старой Европы, но современное западное общество не вызывало у него симпатий. Для него было очевидно, что в сложившейся ситуации России для выполнения ее миссии следовало исходить из своих собственных культурных координат. Осенью 1835 г. он писал А.И. Тургеневу: «Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р. Х., и Вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов»⁴⁸.

Свои новые идеи о благодатном будущем России Чаадаев выразил с наибольшей полнотой уже после того, как был по распоряжению Николая I объявлен сумасшедшим за публикацию в журнале «Телескоп» первого Философического письма. Как и в произведениях философического цикла, где он, по выражению П.А. Вяземского, выводил из прошлого своего народа «просто нуль»⁴⁹, Чаадаев оставался искренним в оценке исторических перспектив развития России, хотя еще современники утверждали, что «Апология сумасшедшего» носит оправдательный характер. По словам его двоюродного племянника и биографа М.И. Жихарева, Чаадаев сделал в статье «уступки, которых он не должен был делать со своей точки зрения и в правду которых сам не верил»⁵⁰. Однако изучение

его корреспонденции прошлых лет позволяет утверждать обратное. Более того, оправдательной эту статью можно назвать лишь постольку, поскольку сам автор считал, что «реабилитировал» Россию, представив ей столь завидное будущее. При этом он продолжал отказывать стране в сколь-нибудь значимом прошлом, а это вряд ли могло извинить его в глазах властей и «патриотов».

Оправдательная функция «Апологии» заключается, прежде всего, в стремлении показать, что автор «Философических писем» желал и продолжает желать своей стране только лучшего, что в тяжести обвинений повинен, прежде всего, его патриотизм, «обязанный родине истиной», и «горестное чувство, огромное разочарование», охватившее его в тот момент. В статье Чаадаев повторял тезисы «Философических писем» о ничтожности российской истории, значимой лишь как физическая сила, но не вошедшей в мир идей, напоминал о насыщенности европейской истории. По его мнению, отказ от «пережитков прошлого» и обращение к европейской цивилизации, которое совершила Россия усилиями Петра I, свидетельствуют о том, что ее «прошлое не указывало ей властно того пути, по которому она должна была идти», ее «традиции бессильны были создать ей будущее», ее «воспоминания смелый законодатель мог стереть безнаказанно». При этом Чаадаев впервые прямо утверждал, что Россия принадлежит к Европе: «Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу»⁵¹.

Он обосновывал идеи, уже знакомые нам по его письмам: европейские страны, являющиеся «наиболее полными образцами цивилизации во всех ее формах», со своими «узкими эгоизмами», «ребяческими тщеславиями», «упрямой партийностью» искажают каждую новую идею, и «она уносится в те отвлеченные сферы, где исчезает всякая бесплодная пыль». В России же, где нет глубоких традиций и предрассудков, стоит только появиться «какой-нибудь верховной воле», «и все мнения стушевываются, все верования покоряются, и все умы открываются для новой мысли, которая предложена им». Это дало возможность Чаадаеву утверждать, что «нам позволено надеяться на благоденствие еще более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса»⁵².

Тезис о том, что Россия принадлежит Европе и Западу, Чаадаев более не повторял. Напротив, в 1840-е гг. он преодолел резкость своих прежних высказываний об исторической роли России и более осмысленно обратился к истокам отечественной самобытности. Мыслитель осознал самостоятельную ценность многих сюжетов отечественной истории и отказался от упрощенных историософ-

ских построений, основанных на утверждениях об отсутствии национальных духовных корней.

Во многом изменения в его взглядах были связаны с переоценкой роли Православия и разграничением исторического значения западной и восточной церквей. В 1840-х — начале 1850-х гг. Чаадаев утверждал, что западная церковь в борьбе с ересями и в непрестанных политических распрях, проявляя силу, смогла сплотить под своим покровительством народы Европы, хотя при этом, несомненно, пренебрегла некоторыми христианскими добродетелями. «В общем плане Провидения,— писал мыслитель,— западная церковь была создана в видах социального развития человечества, <...> вся ее история лишь логическое последствие вложенного в нее организующего начала»⁵³. Восточная церковь же была создана для того, чтобы продемонстрировать самостоятельную нравственную силу христианства. Не сопротивляясь никакой власти, она смогла создать целый народ, воспитанный религией, и сохранить Россию. «Ее роль состояла в том, чтобы явить мощь христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание. <...> Самое происхождение отрезало ей путь к честолюбию. И она, надо сознаться, довела покорность до крайности; она всячески стремилась себя унижать: преклонять колена перед всеми государями, каковы бы они ни были, верные или неверные, православные или схизматики, монголы или сельджуки». Но таким было призвание церкви, которой «наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она была призвана явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа,— поучительное зрелище, которое мы предьявляем на размышление серьезных умов»⁵⁴.

Это открытие позволило Чаадаеву переосмыслить оценку российского прошедшего и роли, предоставленной стране Провидением. В письме к А.И. Тургеневу в 1843 г. он вновь утверждал, что Петр Великий, приобщивший Россию к ценностям западной цивилизации, «был мощным выразителем своей страны и своей эпохи». «Россия давно признала превосходство над собой европейских стран, особенно в отношении военном; утомленная старой обрядностью, прискучив одиночеством, она только о том и мечтала, чтобы войти в великую семью христианских народов»⁵⁵. Решающую роль в отречении России от своих предрассудков, своей «дикой спеси» и «некоторых остатков свободы, ни к чему ей не нужных», сыграла ее склонность к отречению, которую Чаадаев не ставил в упрек национальному характеру. «Эта склонность к отречению,— писал он,— прежде всего плод известного склада ума, свойствен-

ного славянской расе, усиленного затем аскетическим характером наших верований»⁵⁶.

В соответствии с таким представлением о русском национальном характере Чаадаев рассматривал и отечественную историю. «Наша история, — писал он в том же письме А.И. Тургеневу, — начинается прежде всего странным зрелищем призыва чужой расы к управлению страной». Далее идет обращение в христианство — по покорности воле властителей. «Наконец, наступает продолжительное владычество татар — это величайшей важности событие, которое ложный патриотизм лицемерно и упорно отказывается понять и которое содержит в себе такой страшный урок»⁵⁷. «Именно татарское иго, — писал Чаадаев, — приучило нас ко всем возможным формам повиновения, оно сделало возможными и знаменитые царствования Иоанна III и Иоанна IV, царствования, во время которых упрочилось наше могущество и завершилось наше политическое воспитание, во время которых с таким блеском проявились благочестивые добродетели наших предков; это же владычество облегчило задачу Петра Великого и имело, быть может, больше влияния, чем это принято думать, на образование этого исполина». Даже само царствование Ивана IV Чаадаев предлагает рассматривать «в известном смысле как длительное отречение, во время которого народ сложил у ног государя не только свои права, но и свои верования, ибо мы видим, как немедленно после него народ признает наследником престола его сына — плод множества⁵⁸, не имевшего примера среди христианских народов»⁵⁹. Еще более важным отречением в российской истории Чаадаев называет установление крепостного права: «начав со свободы, крестьянин пришел к крепостной зависимости». «У нас рабство родилось на глазах христианского мира», — повторяет Чаадаев тезис «Философических писем». И потому приобщение России к Европе, отречение от некоторых своих черт, но не полное, потому что «никогда народ не может всецело отречься от самого себя», было «лишь необходимым последствием порядка вещей, зависящего от самой природы социальной среды, в коей он осуществлялся, или от нравственного склада народа, его терпевшего, или, наконец, от той и другой причин вместе взятых»⁶⁰.

«Раскройте первые страницы нашей истории, размышляйте над ними не с честолюбивым, хвастливым патриотизмом наших дней, но со скромным благочестивым патриотизмом отцов наших, и вы увидите, что в формах, в разнообразно сочетающихся условиях нашего национального существования, и с самых первых его лет все предвещает это неизбежное развитие общества»⁶¹, — писал Чаадаев.

Это предписание — изучать историю общества от самых основ для того, чтобы понять особенности его развития — стало одной из главных установок мыслителя. Упрощенный исторический оптимизм, предрекавший России стать поводом христианских народов из-за ничтожности ее прошлого, уступил место более глубоким убеждениям. Мыслитель в достаточной мере ощутил богатство российского прошлого, которое, по его мнению, требовало дальнейшего изучения.

При этом Чаадаев продолжал утверждать, что «почин в нашем движении все еще принадлежит иноземным идеям» и «принадлежал им искони»⁶². Христианство, по его словам, попало к нам после того, как его социальная сторона, самостоятельность в вопросах мирского устройства была задавлена византийскими императорами. Соответственно, религия могла оказать на наш народ «только самое непосредственное свое действие, т.е. до чрезвычайности усилить в нем аскетический элемент, оставляя втуне все остальные начала, заключенные в ней,— начала развития, прогресса и будущности»⁶³. Этими последними дарами смогла воспользоваться западная цивилизация благодаря независимости ее церкви. Поэтому «не удивительно, что мы шли от отречения к отречению. Вся наша социальная эволюция — сплошной ряд таких фактов». «Можно ли ожидать,— писал он в письме к французскому публицисту А. де Сиркуру,— что при таком беспримерном в истории социальном развитии, где с самого начала все направлено к порабощению личности и мысли, народный ум сумел свергнуть иго вашей культуры, вашего просвещения и авторитета? Это немислимо. Час нашего освобождения, стало быть, еще далек». «Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь, когда из наших уст помимо нашей воли вырвется признание во всех наших заблуждениях, во всех ошибках нашего прошлого, когда из наших недр исторгнется крик раскаяния и скорби, отзвук которого наполнит мир. Тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей»⁶⁴, — утверждал Чаадаев.

При этом Чаадаев не переставал утверждать, что именно западное просвещение «удовлетворило очень многим потребностям ума человеческого, а между прочим оказалось очень удовлетворительным в том изучении и разумном истолковании прошедшего, которые и нас навели на подобное истолкование своей старины и таким образом даровали нам, хотя и не весьма еще внятное, сознание своей собственной народности»⁶⁵. Он также остался верен высокой оценке католической Европы, духовная история которой, собствен-

но, и представила те плоды, на коих зиждется существование мыслящего человечества. В 1844 г., критикуя в письме к А.И. Тургеневу магистерскую диссертацию Ю.Ф. Самарина «Феофан Прокопович и Стефан Яворский как проповедники», Чаадаев писал: «Преобладание формы в католицизме есть не что иное, как жалкий бред протестантизма, не умевшего постигнуть своим отрицательным тупым понятием, что одним разумным, глубоким сочетанием формы с мыслью возможно было сохранить и мысль, и форму христианства посреди той великой борьбы всякого рода сил и понятий на почве Европы собравшихся, которые составляют новейшую историю мыслящего человечества»⁶⁶.

Вместо предоставления России мессианской роли Чаадаев, уверенный в Божественной предопределенности истории, обратился к более глубокому созерцанию России как одного из творений Провидения и пытался таким образом разгадать ее судьбы. В ноябре 1846 г. Чаадаев писал Ю.Ф. Самарину: «Новые работы, новые изыскания познакомили нас со множеством вещей, остававшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге. Поэтому, если мы действительно сбились со своего естественного пути, нам прежде всего предстоит найти его,— это несомненно. Но раз этот путь будет найден, что тогда делать? Это укажет нам время»⁶⁷.

Но этим надеждам мыслителя не суждено было оправдаться. Вместо того, чтобы трезво оценить себя, осмыслить свое прошлое в общем движении христианской цивилизации, осознать свое место и двигаться вперед по пути, наиболее согласному предначертаниям Провидения, Россия усилиями «лжепатриотов», вопли которых увлекли общество и были приняты правительством за нужды всей страны, преувеличила свою самобытность, противопоставила себя Западу и вступила в войну с авангардом Европы. Именно так Чаадаев оценивал события Крымской войны. По его словам, «новая национальная школа» возомнила, что «Россия сама по себе составляет какой-то особый мир, являющийся прямым и законным наследником славной восточной империи, равно как и всех ее прав и достоинств», и что «на ней лежит нарочитая миссия вобрать в себя все славянские народности и этим путем совершить обновление рода человеческого». Новоиспеченные патриоты решили, «что Европа готова снова впасть в варварство и что мы призваны спасти цивилизацию посредством крупниц этой самой цивилизации, которые недавно вывели нас самих из нашего векового оцепенения»⁶⁸.

«В лице Петра Великого,— писал Чаадаев,— Россия сознала свое преступное одиночество и свое преступное направление. Она

пошла в науку к Европе. Этим новым путем шла она до сей поры. Признание ее вознаграждено было успехами во всех отношениях и увенчалось при Александре I. <...> Но вдруг задумала она, что она может уже ходить на своих ногах, что пора ей возвратиться к своему прежнему одиночеству. Европа сначала изумилась такой дерзновенности <...> и, увидев, что точно, она вышла из покорности, осердилась и пошла потеха»⁶⁹.

«Вместо послушных и подчиненных учеников, какими мы еще не так давно пребывали, мы вдруг стали учителями тех, кого вчера еще признавали своими учителями. Вот в чем восточный вопрос, сведенный к своему наиболее простому выражению. Представился случай — и Европа ухватилась за него, чтобы поставить нас на свое место; вот и все», — утверждал Чаадаев в статье под названием «l'Univers» (так называлась французская католическая газета фанатической направленности), указывая таким образом, что эти слова могли быть напечатаны во французской католической прессе. «В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов», — говорилось в статье⁷⁰.

«Думаете ли вы, что такая страна, которая в ту самую минуту, когда она призвана взять в свои руки принадлежащее ей по праву будущее, сбивается с истинного пути настолько, что выпускает это будущее из своих неумелых рук, действительно достойна этого будущего?»⁷¹, — негодовал он.

В высказываниях Чаадаева о событиях Крымской войны вновь возникает тема российского «варварства», знакомая нам по Философическим письмам. Называя турков «отвратительными варварами», Чаадаев утверждает, что турецкого варварства не стоит бояться так, как российского, к тому же если с первым можно бороться на месте, то применительно ко второму такой способ не подходит. Поэтому, «пока русское варварство не угрожало Европе, пока оно не провозгласило себя одной-единственной цивилизацией, единственной и истинной религией, его не трогали; но с того дня, когда оно встало перед лицом Европы как сила нравственная и политическая, Европа должна была подняться против него сообща»⁷².

На закате своей жизни Чаадаев, как и прежде, оказался в одиночестве. Он менял точку зрения на судьбы России и Запада, но никогда не поспевал за общественной мыслью, которая, с одной стороны, усердно натягивала на себя народный костюм, а с другой — с завидным невежеством предвкушала триумф, угрожающе размахивая национальной гордостью. Его мировоззрение — а в зрелые годы это было мировоззрение глубоко верующего христианина — не допускало существования нескольких векторов развития наро-

дов, благословленных Провидением под именем «христианских». Сперва, далекий от всего отечественного, он готов был вовсе отказать России в праве называться носительницей религии Христа, но позже, под влиянием российских и европейских событий, а также благодаря изучению русской истории, он изменил свое мнение. Не следует забывать и о механическом воздействии, которое оказало на него объявление сумасшедшим: опасения за свою судьбу ускорили «патриотическую» трансформацию. Однако и здесь Чаадаев оставался искренним: сначала предложил России великое будущее, опирающееся на бессмысленное прошедшее, а потом, глубже постигнув природу российской культуры, призывал нащупать предначертания Провидения в исторических традициях России. Вместе с тем, Европа всегда оставалась в его сознании избранницей Провидения, ведь именно ей было доверено воплощение социальной роли Церкви Христовой. При этом Чаадаев неизменно уповал на единение человечества под сенью христианства и в этом ключе утверждал единство исторических судеб России и Запада.

-
- 1 См. об этом: Добровольский В.Ю. П.Я.Чаадаев: феномен общественного интереса // Отечественная история.— 2007.— № 5.— С. 187–192.
  - 2 Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Он же. Собрание сочинений в шести томах.— Т. VI.— М., 1937.— С. 459.
  - 3 Киселева Л.Н. Жизнь за царя. Слово-музыка-идеология в русском театре 1830-х годов // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века.— М., 1999.— С. 174.
  - 4 Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века.— М., 2004.— С. 279.
  - 5 Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 41.
  - 6 Показательно, что руководством по курсу риторики, поэзии и русского красноречия, который читал во время учебы Чаадаева в Московском университете профессор А.Ф.Мерзляков, служил немецкий учебник Эшенбурга, вышедший в русском переводе лишь в 1822 г. (Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века.— М., 2000.— С. 15).
  - 7 Флоровский Г.В. Пути русского богословия.— Париж, 1982.— С. 246.
  - 8 См.: Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005.— С. 163.
  - 9 См., например: Щукин В.Г. Русское западничество: Генезис—сущность—историческая роль.— Лодзь, 2001.— С. 75.
  - 10 Архив братьев Тургеневых. Выпуск 1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы. (1 Том).— СПб., 1911.— С. 213.
  - 11 Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2.— М., 1991.— С. 11–12. В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться ПССиП с указанием тома и страницы.

- 12 Там же.— С. 413–414.
- 13 См.: Гершензон М.О. П.Я.Чаадаев. Жизнь и мышление // Гершензон М.О. Грибоедовская Москва; П.Я.Чаадаев; Очерки прошлого.— М., 1989.— С. 116; Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина.— М., 1951.— С. 46, 476; Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. Журналы и докладные записки следственного комитета.— М., 1986.— С. 260; Декабристы: Биографический справочник.— М., 1988.— С. 335.
- 14 ПССиП. 2: 10, 15.
- 15 См., например, подписку Чаадаева о непринадлежности к масонству: Шаховской Д.И. П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 г. // Литературное наследство. Кн. 19–21.— М., 1935.— С. 24.
- 16 См.: Liamina C. Tchaadaev: un ami de jeunesse, ou les origines d'une réputation // Romantisme. Revue de la Société et des Études romantiques et dix-neuviémistes. 1996. V. 26. № 92. P. 79–85.
- 17 К христианскому мировосприятию Чаадаев шел постепенно. Так, критикуя в «философических письмах» греческие культурные образцы, при любовании которыми полностью исчезает нравственное чувство, он писал, что во время заграничного путешествия «восхищался ими с наслаждением». И лишь позже, «когда явилось понимание истины», он осознал истинное значение памятников античности (ПССиП. 1: 421).
- 18 Евангелие на русском языке впервые вышло в 1819 году, а весь Новый Завет — только в 1820-м. (см.: Флоровский Г.В. Указ. соч. С. 155).
- 19 Об этом см.: Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002; а также: Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли (отрывок) // Чаадаев П.Я.: pro et contra.— СПб., 1998.— С. 217–218; Пыпин А.Н. Проявления скептицизма.— Чаадаев // Там же.— С. 171–175.
- 20 См. рекомендательное письмо английского миссионера Чарльза Кука его знакомому Мариотту Томасу (НИОР РГБ. Ф. 103. Папка 1032. Д. 19).
- 21 С наибольшей полнотой влияние идей западных мыслителей на историософию П.Я.Чаадаева рассматривается в кн.: *Quénet Ch. Tchaadaev et les Lettres philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie. Paris, 1931.*
- 22 ПССиП. 1: 332.
- 23 Там же.— С. 333.
- 24 Там же.— С. 326.
- 25 Там же.— С. 329–330.
- 26 Там же.— С. 323–324.
- 27 Там же.— С. 326.
- 28 Там же.— С. 325.
- 29 Там же.— С. 326.
- 30 Там же.— С. 331. Константинопольский благоверный патриарх Фотий (820?–891?) в IX веке обозначил Рим и Запад «страной ереси и мрака», обвинив их в искажении Никейско-Константинопольского Символа Веры. Рим поставил под сомнение единственную природу Бога-отца и Бога-сына, присовокупив принцип filioque (Дух Святой исходит и от Сына).
- 31 Там же. С. 333.
- 32 Там же. С. 402.
- 33 При этом Чаадаев указывает, что вовсе не склонен идеализировать все, что происходит в Европе: «Разумеется, в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, совсем нет. Но все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей на протяжении столетий» (Там же. С. 335).
- 34 Там же. С. 334.

- 35 Там же. С. 169.
- 36 Там же. С. 434.
- 37 Цит. по: Шевченко М.М. Указ. соч. С. 251–252.
- 38 ПССиП. 1: 512–515.
- 39 Там же. 2: 70–71.
- 40 Там же. С. 95.
- 41 Там же. С. 79. Под «великими идеями» Чаадаев подразумевает слияние философии с религией, распространение религиозной мысли в мире.
- 42 Там же. С. 92.
- 43 Там же. С. 96.
- 44 Там же. С. 397–398.
- 45 Там же. 1: 530.
- 46 Там же. 2: 92.
- 47 Там же. 1: 517–518. (Записка к А.Х.Бенкендорфу от имени И.В.Киреевского по поводу запрещения журнала «Европеец», 1832 г.)
- 48 Там же. 2: 98.
- 49 См.: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 342.
- 50 См.: Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989. С. 104–105.
- 51 ПССиП. 1: 527.
- 52 Там же. С. 535.
- 53 Там же. С. 499–500.
- 54 Там же. С. 501.
- 55 Там же. 2: 159.
- 56 Там же. С. 160.
- 57 Там же. С. 161.
- 58 Царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного от седьмой жены (*примечание публикатора*).
- 59 Там же.
- 60 Там же. С. 163.
- 61 Там же. С. 163.
- 62 Там же. С. 186–187.
- 63 Там же. С. 190–191.
- 64 Там же. С. 192.
- 65 Там же. 1: 559.
- 66 Там же. 2: 171.
- 67 Там же. С. 197.
- 68 Там же. 1: 570.
- 69 Там же. С. 510.
- 70 Там же. С. 509.
- 71 Там же. С. 491.
- 72 Там же. С. 490.

Д.Г. Дитяткин

ЮЖНОБАЛТИЙСКАЯ ВЕРСИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЛЕТОПИСНЫХ ВАРЯГОВ В КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУСИ С.А. ГЕДЕОНОВА

Аннотация. Статья посвящена историческим взглядам С.А. Гедеонова на происхождение славян и Древнерусского государства, его критике норманской концепции истории Руси.

Ключевые слова: этногенез славян, варяжский вопрос, происхождение русской государственности, норманнская теория, историческая концепция С.А. Гедеонова.

Summary. The article is devoted to historical views of S.A. Gedeonov at the origin of the Slavs and the Old Russian State, to his criticism against the Norman concept of Russian history.

Keywords: the Slavs ethnogeny, the Norman problem, the Old Russian State origin, S.A. Gedeonov's concept of history.

Ученый, драматург, административный деятель — все это характеризует Степана Александровича Гедеонова, человека, обладавшего огромным трудолюбием и разносторонними интересами. В литературе нет единого мнения по поводу даты его рождения, называются 1815, 1816, 1818 годы, на его могильной плите указано, что скончался он 15 сентября 1878 г. в возрасте 62 лет. Степан Александрович известен как первый директор Эрмитажа, который при нем стал общедоступным национальным музеем, директор императорских театров, автор и соавтор ряда театральных произведений, таких как историческая драма «Смерть Ляпунова», сценарий оперы-балета «Княжна Млада». Он указал сюжет и передал А.Н. Островскому план драмы «Василиса Мелентьева», поставленной в 1868 г.

Свой недюжинный талант Гедеонов проявил на поприще исторической науки. В 1862–1863 гг. в «Записках императорской Академии наук» было опубликовано его сочинение «Отрывки из исследований о варяжском вопросе», состоявшее из шестнадцати глав. Оно была удостоено Уваровской премии Петербургской Академии наук, а ее автор был избран в 1863 г. в почетные члены Академии. Это было высшее признание профессиональных научных заслуг Гедеонова. Степан Александрович продолжил изучение варяжской проблемы и в 1876 г. выпустил «Отрывки» отдельной книгой «Варяги и Русь», которая содержала уже двадцать одну главу.

Появление работ Гедеонова стало, без сомнения, знаковым событием для отечественной науки. Особое внимание они привлекали к себе тем, что касались одного из наиболее спорных вопро-

сов русской истории, вокруг которого полемика продолжалась уже более столетия. Гедеонов выступил как последовательный критик норманской теории. Отвергая основные положения норманистов, он представил весомые контраргументы, которые заставили большинство его оппонентов пересмотреть роль и степень скандинавского влияния на жизнь восточных славян. В том же 1876 г., когда в свет вышли «Варяги и Русь», историк И.Е. Забелин писал: «В недавнее время норманское мнение потерпело однако весьма сильное поражение со стороны исследований г. Гедеонова. Не то чтобы автор вносил в науку что-либо совсем новое, небывалое и оригинальное... Но в исследованиях г. Гедеонова очень ново и совсем неожиданно для защитников норманства Руси явилось то обстоятельство, что автор предстал перед немецкою школой во всеоружии здоровой и вполне ученой критики, с такою обработкою вопроса, которая своею ученостью затмевает и даже многие труды его противников». На следующий год Н.И. Костомаров сказал в адрес Гедеонова, что он «разбивает в пух и прах всю так называемую норманскую систему», а его труд «останется одним из самых капитальных памятников русской науки», что «благодаря ясности взгляда и беспристрастию автора едва ли какое другое ученое исследование в этой области знаний может стать выше исследования, которым подарил русскую историю г. Гедеонов»¹.

Еще более показательна оценка научных оппонентов Гедеонова — А.А. Куника и М.П. Погодина. В предисловии к «Отрывкам» Куник констатировал: «Нет сомнения, что норманисты в частности преувеличивали значение норманской стихии для древнерусской истории, то отыскивая влияние ее там, где... оно было или ненужно, или даже невозможно, то разбирая главные свидетельства не с одинаковой обстоятельностью и не без пристрастия». В 1877–1878 гг. историк назвал труд Гедеонова «в высшей степени замечательным» и заключил, что против некоторых доводов ученого «ничего нельзя возразить». Погодин в 1864 г. заявил в отзыве на «Отрывки», что «норманская система со времён Эверса не имела такого сильного и опасного противника, как г. Гедеонов», исследования которого «служат не только достойным дополнением, но и отличным украшением нашей историко-критической богатой литературы по вопросу о происхождении варягов и руси»².

Выступая с критикой норманской теории, Гедеонов наряду с этим проводил мысль о славянском происхождении варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора, родиной которых он полагал южный берег Балтики. Если критическая часть исследований Гедеонова, направленная против скандинавского догмата в русской истории, получила самые высокие оценки среди дореволюционных

ученых, то положительная сторона работы, в которой он обосновывал мнение о южнобалтийской славянской природе летописных варягов, вызвала не столь однозначную реакцию. В историографии неоднократно указывались недостатки этой половины сочинения ученого, почти сразу после выхода «Отрывков» С.М. Соловьев заявил, что они «замечательны своею отрицательною стороною... но положительная сторона исследования не представляет ничего, на чем бы можно было остановиться». В 1871 г. Д.И. Иловыйский обронил лишь одну фразу о том, что мысль о призвании князей с балтийского Поморья, «конечно, не найдет своего подтверждения». «Самым опасным врагом норманской системы» назвал в 1876 г. С.А. Гедеонова Ф. Фортинский, в то же время, упрекая его в неосмотрительности при построении собственной системы: «... То он употребляет в дело материал весьма сомнительного качества (предания), то неудачно применяет научные приемы к объяснению источников, то впадает даже в противоречие с самим собою»³.

Это противопоставление критической части и обоснования собственной концепции в работе С.А. Гедеонова сохранилось и после смерти ученого. В 1914 г. Д.И. Багалея говорил о «Варягах и Руси», что «насколько убедительна аргументация в отрицательных соображениях автора, настолько слаба в положительной части его славянской теории». И.П. Шаскольский в 1960 г., подчеркивая «большую научную ценность» критической части труда историка и представляя ее как самую сильную сторону исследования, в то же время заключал, что «утверждение автора о происхождении варягов из славянского поморья на современном этапе развития исторической науки не выдерживает критики»⁴.

Гедеонов выстраивал славяно-балтийскую концепцию, исходя из представлений о наличии между славянами Приильменья и южнобалтийского Поморья давних связей, которые он реконструировал на основе весьма ограниченного круга источников, главным образом используя письменные свидетельства и данные лингвистики, вместе с тем мобилизовав практически все известные на тот момент письменные и фактические свидетельства о балтийских славянах. Сам ученый скромно говорил, что «привел их не как последнее слово науки в спорном деле о происхождении Руси, а как зачаток того многого, которое может быть и, надеюсь, будет еще сделано на богатом, славянскому исследователю открытом поприще вендо-русской археографии»⁵.

Гедеонов был далеко не первым исследователем, рассматривавшим южную Балтику в качестве родины варяжских князей. Начиная с М.В. Ломоносова, многие ученые-антинорманисты при поиске варяжской руси обращали свой взгляд на указанный регион,

населенный балтийскими славянами, история которых в первой половине XIX столетия была еще фактически не написана. Важную роль в этом плане сыграли в 1830-х гг. основатель «скептической» школы М.Т. Каченовский и его ученики, указав на наличие тесных связей между балтийским Поморьем и Новгородом, где, по их мнению, существовала колония южнобалтийских славян-варягов. На южном побережье Балтики помещал варягов крупный славист Ю.И. Венелин. М. Морощкин в своей большой работе, вышедшей в 1842 г., приводил сводку известий о Руси на южнобалтийском побережье, в районе Немана и острова Рюген. Так или иначе, на связь южнобалтийского побережья со славянской колонизацией русского Северо-Запада указывали С. Руссов, М.А. Максимович, Н.В. Савельев-Ростиславич⁶.

Гедеонов в отличие от своих предшественников не причислял русь к числу варяжских народов, отразив данную позицию в самом названии книги «Варяги и Русь». Термин «варяги» Гедеонов производил из германского *wari* (*Wehr*) — «оборона». Посредством балтийских славян данное слово с прибавлением к нему суффикса *-ag-* попало на Русь в значении «мечник», «ратник». Под этим именем выступают балтийские славяно-германские пираты. «Как норманны понимали норманно-вендских пиратов под общим именем *viking'ov*, — заключает ученый, — так, по всей вероятности, вендо-германские слыли в Помории под общим названием *varag'ov* (меченосцев, ратников)... В этом смысле — пиратов-воинов..., перешло слово *varag* от балтийских славян к восточным; под этим названием стали они разуместь всех вообще балтийских пиратов, были ли они шведы, норвежцы, ободриты, маркоманны-вагиры и пр.»⁷.

Если варяжское имя принадлежит главным образом северу, то наименование русь, по мнению ученого, — принадлежность славянского юга. Небывалая варяжская русь, полагал он, возникла под пером летописца, который следовал определенной исторической схеме. Нестор, которого Гедеонов рассматривал в качестве автора Повести временных лет (ПВЛ), в свое время понимал под варягами «в смысле народа» только шведов, норвежцев, датчан и англичан, из которых к концу XI столетия набиралась греческая варангская дружина. Однако ему было известно по народным преданиям и по особенностям новгородского быта, что на момент призвания на балтийском побережье проживало варяжское племя, отличное от выше перечисленных. Если скандинавов летописец видел, то славянских варягов не знал, т. к. для них «уже сто лет как прекратилось и само варяжское имя; русское они никогда не носили». «Что и Нестор, и его современники, и русские князья, — говорит Гедеонов, — знали вообще о западном происхождении из варяжского Помория Рюри-

ка и братьев его, несомненно; собственно о племени, из которого они вышли, уже никто не помнил; племенные названия оботритов, вагиров, руян и пр. поглощались для них общим наименованием варягов». Наконец с принятием Русью христианства рвалась связь с языческим Поморьем.

Внося в летописный рассказ варяжскую русь, автор ПВЛ, по убеждению Гедеонова, не жертвует этой системе «ни исторической истиной, ни существовавшей на Руси этнической терминологией». Так он не выводит русь из Новгорода, русское имя распространяется на варягов Олега только по прибытии того в Киев. Наконец, летописец отправной точкой русской истории принимает первое упоминание руси при императоре Михаиле в византийских хронографах. Для Нестора, как ученика византийцев, греческие хронографы, по словам Гедеонова, «были ученой святыней». Не найдя в них ни слова о происхождении этой руси, летописец связал возникновение этого имени с призванием варягов, которое хронологически предшествовало походу русов на Константинополь при патриархе Фотии (Гедеонов относил поход к 865 году)⁸.

Таким образом, под варягами Гедеонов понимает не отдельную народность, а целую совокупность племён, среди которых особо выделяет балтийских славян-вендов, из среды которых вышли Рюрик, Синеус и Трувор. Славянский характер призвания обличается теми отношениями, которые складываются между новой варяжской династией и местными славянскими князьями, «это преимущественно династическое явление». Свое выражение оно получило в том, что местные князья по-прежнему владеют своей землей и столами (за исключением северных городов, участвовавших в призвании, а также Киева, Чернигова, Переяславля, Любеча на юге), в то время как варяжские получают с покоренных племен дань и военную помощь. Олег водворяется в Киеве, убив прежних его властителей Аскольда и Дира. В летописи он представлен не как завоеватель, а как восстановитель своего права, «права своего рода», на что обратил внимание и С.М. Соловьев. Гедеонов говорит о «династическом», «мирном завоевании» Киева⁹.

Ведя речь о сугубо династическом характере призвания новой княжеской династии, сменившей прежних властителей, Гедеонов тем самым проводит мысль о существовании государственности у восточных славян до прихода варягов. Последние не только не меняют его коренных постановлений, но подчиняются им, судят по славянским обычаям и праву. В данном случае Гедеонов во многом следует в русле рассуждений своего предшественника Г. Эверса, которого ученый называл своим «руководителем». Эверс полагал, что государство есть продукт внутреннего развития общества,

поэтому «русское государство при Ильмене-озере образовалось и словом, и делом до Рюрика единовластия... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Само призвание, по словам ученого, не играло столь существенной роли, чтобы начинать с него саму русскую историю¹⁰.

Гедеонов полагает, что в IX в. между новгородскими словенами и балтийскими вендами имели место давние торговые взаимоотношения. Русь наряду с хазарами и волжскими булгарами выступала посредником в торговле поморских славян с Востоком, которая осуществлялась уже с VIII столетия. «Двинский варяжский путь» возник как торговое сообщение между Новгородом и Поморьем. Причину, по которой ильменские словене обратились к своим балтийским собратьям, Гедеонов видит в старшинстве вендских князей над восточнославянскими. «Притязания прежних княжеских родов,— констатирует ученый,— прекращались только передачей прав их в иной, высший по своему значению в Славянщине род славянских князей», которые судили бы «*по праву*, разумеется, *словенскому*». Это не могли быть иноземные неславянские князья, т.к. их старшинство и благородство «не имело смысла для словенских племен». Не могли новгородцы обратиться и на юг по причине того, что Новгород и его князья, считает Гедеонов, являлись старшими на Руси. Сама историческая логика, делает вывод исследователь, указывает на поморских князей, старшинство которых проистекало из религиозного первенства вендов над прочими славянскими племенами¹¹. Как о центре идолопоклонства говорит немецкий хронист XII в. Гельмольд о храме Радегаста в Ретре. Другим не менее почитаемым в славянском мире городом-храмом являлась Аркона на о. Рюген, где проживали раны. Храм в Арконе был посвящен Святовиту (Свентовиту) и почитался не только среди славян, как на то указывает в «Деяниях данов» Саксон Грамматик: «Даже соседние государи посылали ему подарки с благоговением: между прочим, король датский Свенон для умилоствления его принёс в дар чашу искуснейшей отделки... Этот бог имел также храмы в очень многих других местах, управляемые жрецами меньшей важности»¹².

С религиозным старшинством, убежден С.А. Гедеонов, неразрывно связано высокое значение и благородство княжеских родов. Так, историк отмечает, что о «знаменитости родов у прибалтийских славян знают уже летописцы VIII и IX века», а князья и бояре встречаются у вендов «с первых годов их истории». Возможный намек на призвание варягов ученый находит в словах Гельмольда о городе ободритов Старграде: «Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] бодричей, хижан и тех, которые живут еще дальше». «Как в конце XI-го

столетия Аркона и Руя,— констатирует ученый,— так в половине IX-го Старгард и оботритское племя вагиров имели первенство во всей славянской земле». Гедеонов делает вывод: «Из сказанного выше о религиозном первенстве балтийских славян над прочими славянскими племенами, выдается и преимущество вендских князей перед русскими; на них должен был пасть выбор новгородских словен, если бы его не оправдывали и самая близость сношений и, как уже сказано, вероятная родственная связь между Новгородом и Поморием»¹³.

Вендским началом, полагает Гедеонов проникнуто русское язычество. «Пророками» верховного бога Сварога он объявляет Святовита — Триглава — Белбога — Перуна. «Варяжские князья на Руси,— говорит ученый,— поклонялись Святовиту в Свароге-Перуне, как в Риме афинский грек поклонялся Афине в Минерве, Афродите в Венере». Вендские князья не меняли народные русские имена богов на свои, дабы не принести на Русь «семя новых, бесконечных раздоров». Среди кумиров, поставленных Владимиром в честь языческих богов в Киеве Гедеонов выделяет имя Дажьбога, видя в последнем непосредственный пример вендского влияния. Дажьбог — сын Сварога-Святовита (Световита), т.е. Сварожич. Он является у вендов под формой Zuarasici, который в свою очередь тождественен с Радегастом — главным божеством города Радигоща (Ретры). «Неизвестный Нестору и в русской мифологии не знаемый Сварог,— заключает исследователь,— тот же вендский Перун, сокрытый в Арконе под прироком Святовита; Дажьбог, занесенный Владимиром из Оботритской земли в русскую, тот же Zuarasici — Сварожич — Радегаст». «Слово о полку Игореве» донесло до нас западную форму «Дажьбог», русские князья названы здесь внуками Дажьбога. Показательным, по мнению ученого, является описание идола Перуна в летописи, которое он сравнивает с описаниями вендских идолов у западных авторов. Само великолепие кумира («главу его сребрену, а ус златъ») свидетельствует, полагает Гедеонов, «что Владимир вывез из Помория или готовые уже изображения, или, по крайней мере, вендских художников»¹⁴.

Гедеонов обращается к поиску непосредственных следов вендского влияния в русской истории, используя при этом свой главный методологический принцип — при тесном взаимодействии двух народностей следы такого взаимодействия должны присутствовать во всех областях жизни народа. Вместе с тем, ученый отметил и очевидные трудности, возникающие пред исследователем. Во-первых, «при слиянии двух однокровных народностей нельзя требовать, как при столкновении двух разнородных и враждебных

начал, указания на всесторонние, многообразные следы влияния одного племени на другое». Во-вторых, обращает внимание Гедеонов, русская письменность начинается «в эпоху уже совершенного преобладания русского элемента над вендским», более того, «она не богата пояснительными памятниками истории и литературы». Наконец, следы вендского начала в русской жизни выступали бы более явственно, если бы до нас дошли западнославянские летописи и грамоты, «писанные на родном языке». Однако многовековой натиск германцев истребил «даже до воспоминания о существовании на берегах Эльбы и Одера богатой и некогда славной народности вендов». «Тем не менее, и, невзирая на все затруднения и невыгоды,— убежден ученый,— историческая логика не может допустить в историческом русском быту совершенного отсутствия следов вендо-славянского влияния»¹⁵.

Прежде всего, Гедеонов обращается к языку, справедливо отмечая, что он представляет самые верные признаки влияния одной народности на другую. Трудность, по словам историка, заключается в том, что следы древневендских наречий фактически не сохранились. Однако по языку и происхождению поморские славяне стояли между чехами и ляхами, поэтому, полагает Гедеонов, «из чешского и польского языков, преимущественно из менее изменившегося чешского, объясняются почти все слова нерусского склада и происхождения, встречающиеся в древнейших памятниках нашей истории».

В древнейших письменных памятниках русского права — договорах с греками Олега и Игоря,— которые Гедеонов считает болгарскими переводами с греческого, по его мнению, за некоторым исключением признаки западного влияния не встречаются. К исключениям Гедеонов относит «*ци аще*» вместо русско-болгарского «аще ли» (или, ли), «*уклады*», которые Олег заповедал давать на русские города. Последние, фиксирует историк, в польском праве имеют значение возмездия, удовлетворения. На западное происхождение указывает также подать от плуга — *поралье* (*рало* — плуг, чешское *radlo*). Подать от рала платят хазарам вятичи, которые по указанию летописца пришли «от ляхов». Вендское начало, констатирует Гедеонов, «отзывается во всех отраслях народного права» при Владимире и его сыне Ярославe. Так, в Церковном уставе Владимира и Русской Правде следов западного влияния значительно больше, чем в договорах. Показательным является слово «*тискуп*» в уставе Владимира, немецкое происхождение которого у Гедеонова не вызывает никакого сомнения. В устав оно попало под влиянием языка вендских славян, непосредственно соприкасававшихся с германцами. К другим заимствованиям в уставе историк относит

«*смилное*» — бесчинный, бесчинство, распутство (чеш.), «*задушный*» — церковный, духовный (чеш.), задушный человек — раб, освобожденный для спасения души.

Западная юридическая терминология, доказывает Гедеонов, содержится в Русской Правде. К таковой ученый относит выражения: «*оутннетъ*» — *tnouti, utnouti* (чеш.), *tne* (польск.) — рубить, бить, отрубить; «*свод*»; «*лоньщиная*», *lonsky* (чеш.) — прошлогодний, *loscak* (польск.) — годовик; «*по костех*»; «*помочное*» — у поляков и чехов одна из судебных пошлин (*Pomocne*); «*погрнути*» — *pohrdnouti* (чеш.) — отбросить, презреть; «*ролейный закуп*» — *rolny* (чеш.) — полевой, от *gola* (чеш., польск.) — плуг; «*купа*» — денежная плата, *кора* — польская монета для уплаты судебных пошлин; «*олек*» — *oulik* (чеш.), *ulik* (польск.) — улей, малый улей; «*страда*» — *stradza* (польск.) — утрата. В Уставе мостникам — «*вымол*» — *wymol* (чеш.) — рытвина, ров, промытый водой¹⁶.

Влияние варяжского начала в памятниках конца XII–XIII вв. уже не прослеживается. Сочинения духовных лиц, написанные церковнославянским языком, по наблюдению Гедеонова, так же не содержат западных особенностей. «Зато варяжское начало,— акцентирует внимание ученый,— оставило положительные, неоспоримые следы в письменных памятниках, стоящих по характеру своему между народными и духовными; в произведениях, писанных русским литературным языком XI и XII столетий». К таковым исследователь относит «Поучение Владимира Мономаха», «Слово Даниила Заточника» и «Слово о полку Игореве». Последнее Гедеонов выделял особенно, т.к. «западное начало в нем ощутительнее, чем в прочих памятниках русской письменности». К числу западнославянских заимствований Гедеонов относит такие слова как *трудный* (печальный), *рокотать* (греть), *комони* (кони), *чили* (аще бы), *срожати* (яриться), *рассушиться* (рассеяться), *потручати* (позвонить), *смага* (пожар), *мычети* (метать), *болонье* (луг), *цвелити* (мучать), *кычати* (кричать по-гусиному), *стуга* (привязь), *троскотать* (трещать) и др. Всем этим выражениям ученый находит объяснение в польском и чешском языках. Наконец сама форма «*русичи*», встречающаяся в Слове, по мнению исследователя, «принадлежит языку того народа, коего племена назывались лутичи, лютомиричи, ветничи, вятичи, радичи и т.д.»¹⁷.

Вендское влияние, по мнению ученого, обнаруживается и в летописном материале. Особенно показательным в данном случае является слово «*снемь*». «То, что у нас вече,— акцентирует внимание Гедеонов,— у сербов сборы, у ляхов *seum, зуем, syem...* то у чехов *снемы, snem, snemy* — собрание кметов, лехов и владык, под верховным началом великого князя; в последствии — всякого

рода собрания». Летописи, полагает ученый, донесли древнейшие варяжские формы для имен первых русских князей:— вместо русских форм Олег, Ольга западные *Вольг, Вольга*. Придыхание — отличительная черта, в частности, языка лужицких вендов и древан: *wohen* (огонь), *wokno* (окно) и т.д. Помимо памятников русской письменности Гедеонов замечает наличие варяжских следов и в некоторых греческих источниках, когда речь в них идет о Руси. Так историк указывает на наименование боярского совета Святослава *коментос*, сохранившееся у Льва Дякона, и проводит параллель с боярской конной свитой князя у западных славян — *komonstwo*. В летописях и в «Слове о полку Игореве» западное *комони*. Информатор Константина Багрянородного, по-видимому, был новгородцем, «отсюда встречающиеся у него западно-славянские *prah* вместо *порог*; *wlnny* вместо *волнистый* и т.д.»¹⁸.

С началом XIII столетия западное влияние в памятниках русской письменности уже не прослеживается. «Как водворение на Руси варяжских князей, так и влияние варяжского начала,— объясняет Гедеонов,— имело характер преимущественно династический; большая часть приведенных нами понятий и слов принадлежит не народу, а князьям и дружине; они могли держаться только покуда сохранялась память о варяжском, нерусском происхождении владетельного рода». Между тем, он выделяет Новгород, который в «формах своего наречия... хранил более Киева печать лингвистического влияния варягов». Западной формой историк считает форму *Ильмень* вместо древнерусской *Илмер*, река Ильмень известна на территории проживания вендов. Ссылаясь на выводы лингвистов, Гедеонов указывает на главную особенность новгородского говора, отличающую западные наречия от восточных — употребление *ц* вместо *ч* и *щ*: Цернигов, луце, церез и пр.¹⁹.

Западославянское посредничество, полагает Гедеонов, прослеживается в названии русских городов. Так, о летописных словах Олега по отношению к Киеву: «се буди мати градомъ Русьскимъ» историк замечает, что это нерусское выражение, которое больше нигде не встречается. К тому же сам город носит имя мужского рода. В данном случае ученый предполагает, что «варяжские князья перенесли на свой русский стольный город то прозвище, которым знаменитая Штетень славилась у поморских славян...» («*Nanc enim civitatem antiquissimam et nobilissimam dicebant in terra Pomeranorum, matremque civitatum*»)²⁰. Сказание о призвании варягов, помещенное в Ипатьевской летописи сообщает, что Рюрик первоначально «срубиша город Ладогу», откуда он после смерти Синеуса и Трувора пришёл к «Ильмерю и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород, и сяде ту княжа». Аналогичная ин-

формация читается и в Радзивилловской летописи. Для Гедеонова в данном случае наиболее важно наименование города. Историк указывает на древнейшее название Ладожского озера — *Нево*, от финского *Newa* — топь, болото. Воспроизводит он и второе предполагаемое финское имя Ладоги *Altokas* — волнистое. Между тем, ученый акцентирует внимание на том, что озеро Нево Ладогой никогда не именовалось, «русское же название озера Нево, от Нестора до наших дней, всегда и без исключения является *под прилагательной формой* «Ладожское озеро», от построенного на его берегу города Ладоги». Этим и объясняется двойное имя озера. В свою очередь, Гедеонов производит название города от славянского *Лагода* — увеселение, *лагодить* — тешить (Lahoda (чеш.) — любезность; lagdny (польск.) — любезный). По смыслу Ладоге-Лагоде соответствовали названия таких городов как Любеч, Любно, Тешень, Potech и др. Что же касается перестановки согласных, то это, по указанию исследователя, «явление обыкновенное» как у вендов, так и у восточных славян (Belgard — Belhrad, Stargard — Starhrad)²¹.

Обращаясь к этимологии имен первых русских князей: Рюрика, Синеуса, Трувора, Олега, Игоря, Ольги, Гедеонов находит им параллели в западнославянских: чешском, польском и литовском языках, в вендском именовании, тем самым, демонстрируя их общеславянскую принадлежность. В частности имя Рюрик в различных вариантах бытовало на материковой Европе (Roricus, Roric, Rorigo). У шведов, подчеркивает ученый, имя Рюрик неизвестно, между тем одно из западнославянских племен — ободриты прозывалось рериками (Reregi), известен город Рерик (Мекленбург). Река Рерик впадает в Одер под Кенигсбергом. В чешском и польском языках *raoh, raog* — обозначение сокола. Формы Рерики, Рерик, говорит исследователь, принадлежат «грамматическим свойствам славянского племени, произносившего *рерик* (сокол) вместо *raoh, raog*». «Изображенная на игоревой гривне... птица с поднятыми вверх когтями,— предполагает Гедеонов,— может быть, сокол-рерик». Имена Синеуса и Трувора также относятся к славянскому миру. Корень имени Синеус нужно искать в прилагательном «*синий*, польск. *sinu*». Ученый приводит некоторые параллели: Синко — один из послов в договоре Игоря, сербские Сина, Чьрнота, Белота, Sina у чехов, Sinoch у поляков. «Окончание на *ус* (камень преткновенения для скандинавских наречий),— говорит исследователь,— не представляется необычным явлением в славянской ономотологии...». «Быть может,— продолжает он,— Синеус есть ни что иное, как переделанное на русский лад (с окончанием на *-ус-*) западное Синеуш или Синуш, ...т.е. сокращенное Sineslaw, Sinoslaw...». В имени Трувора Гедеонов слышит первородное вендское Трубер: «На руси

вендское Trubor (Truber) переходило в Трувор, как Lutobor... в Лютавор... и Литавор...»²².

Гедеонов считает «неоспоримой исторической вероятностью» существование варяжского (вендского) поселения в Новгородской области еще до призвания Рюрика. Положительные следы такого поселения представляет собственный исторический быт Новгорода, по словам ученого, «западно-славянским началом проникнута вся домашняя новгородская жизнь». На это, в частности, указывает топонимика: Волотово, Прусская, Бискупля, Иворова, Боркова улицы (род Борков — древний знаменитый род в Поморье). Новгородские концы историк сближает с кончинами балтийского Штеттина, которые имели каждый свое вече. Более того, он указывает на наличие концов в Пскове. О длительных связях Новгорода с Поморьем, по мнению ученого, свидетельствует сообщение Новгородской летописи (НПЛ) старшего и младшего изводов под 1165 г. о построении церкви «святыя Щетициници». Предлагая вариант «шетенечи», Гедеонов говорит о построении церкви жителями города Штеттени²³. В новейшее время указанная информация летописи трактуется как указание на существование в Новгороде организации купцов, торговавших с Штеттином²⁴.

Мысль о колонизации Новгорода балтийскими славянами высказывались и М.П. Погодиным. С.А. Гедеонов приводит слова А.А. Котляревского: «Имя Новгорода становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старьграде (даже не одном, а двух), находившемся на балтийском Поморье; имя *Славьно* кажется противным такого же балтийского Славна (slauna, slauene); характер новгородской вольницы и торговой знати точно тот же, что и поморской; характер веча... , вечевого устройства и вечевой степени сходен до подробностей; одинаково и устройство княжьего двора». Колонией балтийских славян представляет Новгород И.Е. Забелин. Историк мобилизовал значительный топонимический материал, показывающий колонизационное движение с Балтики на Северо-Запад Руси²⁵.

Представление о Рюрике как выходеце из земель балтийского Поморья, акцентирует внимание Гедеонов, отразилось не только в летописи, но и в памятниках более позднего времени, что свидетельствует об «общенародном убеждении» в балтийской родине Рюрика. Ученый в данном случае вел речь об «августинской» легенде, содержащейся в «Сказании о князьях владимирских» (вторая половина XV в.). В «Сказании» говорится, что новгородцы по совету Гостомысла «шедше в Прусскую землю и обретоша там некоего князя именем Рюрика, суца от рода римска царя Августа». «Августинская» легенда возникла как результат притязаний России на равноправное место среди европейских держав. Родословная

московских великих князей была возведена к императору Августу, фигура которого была наиболее популярна у европейских монархов из всех правителей древности. Однако вопреки принятой европейской традиции русские книжники вывели Рюрика не из Рима, а с Южной Балтики, находившейся в то время на отдаленной периферии мировой истории. Полагая «августинскую» легенду плодом русской учености, Гедеонов заключает: «Не от сказки об Августе и Прусе родилось предание о поморской отчизне варяжских князей, а наоборот»²⁶.

На связь Новгорода с Балтийским Поморьем, отмечает историк, указывает и новгородский старейшина Гостомysl. У В.Н. Татищева по Иоакимовской летописи Гостомysl назван сыном Буриvoja. Оба этих имени (Gotzomiuszl, Boriwog) принадлежат западнославянскому миру. «Гостомysl не историческое лицо, — констатирует Гедеонов, — он более как по имени, так и по отношению к балтийскому Поморию, он представитель в русской истории народного предания о западно-славянском происхождении варяжской династии»²⁷.

«На основании положительных убеждений и фактов» понимали вопрос о варягах и последующие составители временников. Однако, как отмечает Гедеонов, менялась география эпох — земли, населенные некогда полабскими славянами, к XVI столетию были заняты германцами. Отсюда, где ПВЛ говорит о варягах, позднейшие источники ведут речь о немцах и немецкой земле. Норманисты использовали данный факт как одно из доказательств германского происхождения варягов. В частности, на этот факт обращал внимание А.Л. Шлёцер: «Варяги суть германцы (немцы)». А.А. Куник утверждал, что «нельзя доказывать, чтобы в древнейшие времена славянское название германцев «немцы» было употреблено и не к германским народам»²⁸. Между тем Ф.И. Страленберг, проведенный много лет в русском плену после знаменательной Полтавской битвы писал о смысловом значении термина «немцы»: «...Под именем немца прежде россияне почитай всех европейских разумели, которые по словенски или по руски говорить не знали. Ныне же сие об одних... германах разумеется». Г. Эверс отмечал, что ранее слово «немец» применяли ко всем народам, которые говорили «на непонятном для словен языке». Н.М. Карамзин говорил, что «предки наши действительно разумели всех иноплеменных под именем немцев». С.А. Гедеонов указывает, что «выражение *от немец, от немецкие земли*» применительно к Рюрику «всегда указывает на Пруссию». Более того, ученый, опираясь на «Сказания князя Курбского», говорит о выходе из Пруссии прародителей фамилий Морозовых, Колычевых, Шереметьевых, Воронцовых»²⁹.

Очень показательным является то, что варягов, и, в частности Рюрика, с южнобалтийского Поморья выводят и некоторые западноевропейские авторы. Гедеонов обратил внимание на слова посла Габсбургской империи в России Сигизмунда Герберштейна. В 1549 г. он указывал на южный берег Балтики: «Однако с Любеком... и Голштинским... герцогством граничила когда-то область вандалов со знаменитым городом Вагрия, так что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии (Wagria)... более того, вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями... вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями и языком»³⁰. С южного берега Балтики выводили Рюрика знаменитый философ, математик, физик, языковед Г.В. Лейбниц, датчанин А. Селлий. В генеалогических таблицах И. Хюбнера и С. Бухгольца Рюрик назван потомком вендо-ободритских королей³¹.

Как было отмечено выше, славяно-балтийская концепция С.А. Гедеонова была принята отечественными исследователями далеко неоднозначно, мнения разделились. В 1877 г. Д.И. Иловайский, рассуждая о теории Гедеонова, заключал: «Здесь-то и открывается слабая сторона исследования, в свою очередь, начинаются очевидные натяжки и гадания». «Точно так же гадательны,— продолжает историк,— все те «следы вендского начала», которые автор пытается отыскать в языке, праве, обычаях и общественном устройстве древней Руси». Приведенные Гедеоновым факты Иловайский рассматривает не иначе как указывающие «только на родство славянских наречий и племен, а никоим образом не предполагаемое вендское влияние». Наконец, он высказал мнение об отсутствии какого-либо будущего у славяно-балтийской теории. Подвергая достаточно жесткой критике положения Гедеонова, Иловайский исходил, прежде всего, из собственной компромиссной концепции, согласно которой варяги русских летописей являлись скандинавами, но вместе с тем, варяжская легенда рассматривалась как исторически недостоверная. Тем самым признавалось наличие норманнов на Руси, не имевших, однако, никакого отношения к возникновению русского государства³².

В том же 1877 г. вышла статья И. Первольфа, в которой он, рассматривая работы С.А. Гедеонова и И.Е. Забелина, попытался доказать несостоятельность мнений о южнобалтийском происхождении варягов и руси. Он находит объяснение тем следам вендского влияния на восточных славян, на которые указывает Гедеонов, в «поразительном сходстве» государственных и юридических учреж-

дений, условиях быта, языческом пантеоне отдельных славянских народов. Таким же «поразительным сходством» обладают «имена лиц и мест». Наконец, слова, которые Гедеонов приводил в качестве аргументации западнославянского присутствия на Руси, Первольф так же полагает общеславянскими. Допуская некоторые сношения между балтийскими и восточными славянами, ученый отрицает какую-либо «взаимность» между этими двумя ветвями, однако сам же при этом отмечает: «В северно-русских говорах встречаются некоторые слова, неизвестные другим великорусским говорам, а известные наречиям Западно-Славянским и Западно-Русским»³³.

Однако для целого ряда исследователей было совершенно очевидно, что собранные Гедеоновым материалы нельзя объяснить исключительно общеславянскими особенностями, что они, говоря словами М.О. Кояловича, «составляют особое наслоение в указанных им памятниках, очень большое, быстро потом исчезнувшее и несомненно связанное больше всего с западнославянскими наречиями. Одно уж слово пискуп, вошедшее в новгородское наречие, много говорит в пользу мнения Гедеонова»³⁴. В этом плане показательными являются слова норманиста М.П. Погодина: «...Мы искали и указывали на норманство между славянами; г. Гедеонов находит славянство в норманнах. Читая внимательно его исследования, не соглашаясь со многими утверждениями, чувствуешь однакожь невольное присутствие славянского участия, короткое знакомство и тесную связь между племенами славянскими и готскими, по близкому их соседству между собой». Ведя речь о смешанном датско-славянском населении «Вагирской марки», историк восклицает, что «чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне происхождения варягов и руси», если бы «одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все б нам стало ясно». «Это слово,— признает Погодин,— если не нашел, то, кажется, с успехом ищет Г. Гедеонов, и ловит некоторые звуки. Найди он это слово, и последует всеобщее примирение живых и мертвых, покойных и непокойных исследователей происхождения Руси, норманистов и славистов». Наконец, в 1874 г. Погодин, продолжая считать варягов-русь норманнами, помещает их в устье и низовьях Немана³⁵. Как заключил в 1889 г. Н.П. Загоскин, Гедеонов возвращает «балтийским славянам ту роль по отношению к нашей древней истории, которую со времен Байера насильственно навязывали норманнам»³⁶.

На современном этапе развития исторической науки накопился и продолжает поступать обширный материал, свидетельствующий о самых широких и непосредственных связях Северо-Запада Руси с балтийским Поморьем. Эта два региона связывала активная торговая деятельность, что подтверждается нумизматическими дан-

ными. Специалисты отмечают родство древнерусских и южнобалтийских кладов и их достаточно резкое отличие от скандинавских. Многочисленный разнохарактерный материал позволяет говорить о широком присутствии балтийских славян на Северо-Западе Руси. На наличие западнославянских особенностей в новгородских памятниках указал Н.М. Петровский, отметил бытование балтославянских элементов в этнографии и говорах новгородцев Д.К. Зеленин. Язык Русской правды, отмечал С.П. Обнорский, так же носит на себе следы западнославянского влияния. Анализ берестяных грамот позволил А.А. Зализняку в середине 1980-х гг. прийти к выводу о близости древненовгородского диалекта к западнославянскому, особенно севернолехитскому. В.Л. Янин связал приток славянского населения на территорию будущей Новгородской земли с населением Балтики³⁷.

Данные лингвистики и нумизматики накладываются на данные археологии и антропологии. Керамика южнобалтийского облика (фельдбергская и фрезендорская) охватывает обширную территорию Восточной Европы, доходя до Верхней Волги и Гнездова на Днепре. Ей принадлежит значительный удельный вес среди керамики других типов в культурном слое многих памятников Северо-Западной Руси: Новгорода, Рюрикова городища, Изборска, Старой Ладogi, Белоозера и целого ряда других. Так, на посаде Пскова она составляет более 81%, а в Изборске более 60%. Причем вся посуда была местного производства, о чем свидетельствует, помимо ее количества, характер сырья, из которого она изготовлялась. Помимо масштабного керамического материала связь северо-западной территории Руси с балтийским Поморьем проявляется в характере металлических, деревянных и костяных изделий, в домостроительстве. Генетическая близость восточных и балтийских славян находит дополнительное подтверждение в конструктивных особенностях оборонительных сооружений³⁸.

Положительный ответ на вопрос о присутствии балтийских славян в северо-западном регионе дает антропология. Наличие выходцев с балтийского Поморья среди населения Северо-Западной Руси еще в 1969 г. зафиксировал В.П. Алексеев. «Ближайшие аналогии раннесредневековым черепам новгородцев, — констатировал В.В. Седов, — обнаруживаются среди краниологических серий, происходящих из славянских могильников Нижней Вислы и Одера. Таковы, в частности, славянские черепа из могильников Мекленбурга, принадлежащие ободритам». К тому же типу относятся черепа из Ярославского и Костромского Поволжья, которое осваивалось новгородцами. В 2007 г. академик В.Л. Янин на страницах журнала «Итоги» констатировал, что варяги, «которые называли себя Русью» проживали «на территории южной Балтики, северной

Польши и северной Германии». «Наши пращуры призвали князя оттуда,— заключает ученый,— откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам»³⁹.

Когда С.А. Геденов проводил мысль о приходе варяжских князей на Русь со славянской южной Балтики, он не обладал тем богатым арсеналом, которым владеет современная наука, и тем многочисленным, разнохарактерным материалом, который она накопила по проблематике русско-балтийских связей. Он реконструировал эти связи на основе ограниченного круга источников. В этом направлении помимо устойчивой письменной традиции, на которую опирался еще М.В. Ломоносов, Геденова вела сама историческая логика.

-
- 1 *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. I.— М., 1876. С. 41–42; *Костомаров Н.И.* Русская историческая литература в 1876 г. // Русская старина. Т. XVIII.— СПб., 1877.— С. 179.
  - 2 Предисловие А. Куника к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Геденова» // ЗАН. Т. I. Кн. II. Приложение № 3.— СПб., 1862.— С. IV; Замечания А. Куника (По поводу критики г. Фортинского) // *Фортинский Ф.* Варяги и Русь. Историческое исследование С. Геденова. 2 ч. (СПб., 1876). СПб., 1878. С. 3; *Погодин М.П.* Г. Геденов и его система о происхождении варягов и руси. СПб., 1864. С. 1.
  - 3 *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2.— М., 1988.— С. 291, прим. 150; *Иловайский Д.И.* Начало Руси («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»).— М., 2002.— С. 10, прим. 1; *Фортинский Ф.* Указ. соч. С. 47.
  - 4 *Багалей Д.И.* Русская история. Княжеская Русь (до Иоанна III).— Т. I.— М., 1914. С. 154, прим. 1; *Лысенко Т.И., Шаскольский И.П.* Неизданные труды С.А. Геденова и А.А. Куника по варяжскому вопросу // «Вопросы архивоведения», 1960, № 6. С. 53.
  - 5 *Геденов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях. / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин.— М., 2005.— С. 61–62.
  - 6 *Каченовский М.Т.* О баснословном времени в Российской империи // Ученые записки Московского университета. Ч. 1. № 2. М., 1833. С. 273–298; № 3. С. 674–689; *Бодянский О.М.* О мнениях касательно происхождения Руси // Сын Отечества. Т. LI. Ч. 173. СПб., 1835. С. 73, 81–82, 117–119, 173–174; *Венелин Ю.И.* [О происхождении славян вообще и россов в особенности] // Сб. РИО. Т. 8 (156) Антиформанизм.— С. 36–76, прим. XIX, XXV, LI; *Руссов С.* Письмо о Россиях, бывших некогда вне нашей России // «Отечественные записки». Ч. 30.— М., 1827; *его же.* О древностях России, новые толки и разбор их.— СПб., 1836; *Морошкин Ф.Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах.— СПб., 1842; *Максимович М.А.* Откуда идет русская земля, по сказаниям Несторовой вести и по другим старинным писаниям русским // Собрание сочинений М.А. Максимовича. Т. I.— Киев, 1876; *Савельев-Ростиславич Н.В.* Варяжская Русь по Нестору и чужеземным писателям.— СПб., 1845; Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. СПб., 1845.

- 7 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 160.
- 8 Там же. С. 317, 321–327.
- 9 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 132; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 150–152.
- 10 *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2.— М., 1826.— С. 83–84.
- 11 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 140–141.
- 12 *Гельмольд.* Славянская хроника / Пер. Разумовской Л.В.— М., 1963.— С. 38, 100; Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн.2 / Сост. предисл., введение к документам, коммент. Кузьмина А.Г.— М., 1986.— С. 608.
- 13 *Гельмольд.* Указ. соч. С. 55; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 141–143.
- 14 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 262–264.
- 15 Там же. С. 239–240.
- 16 Там же. С. 241–246; Правда Русская. Учебное пособие / Отв. ред. акад. Б.Д. Греков. М.—Л., 1940. С. 13–32.
- 17 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 250–255; Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича.— М., 1800. С. 1–46.
- 18 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 255–258, 260.
- 19 Там же. С. 460–461.
- 20 ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 23; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 265–266.
- 21 ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 14; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 266–267.
- 22 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 174–178, 180–182, прим. 86–87, 92, 95, 97; *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян // *Его же.* Собрание сочинений.— СПб., 1874. Т. . С. 41.
- 23 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950. С. 31, 219; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 261–262, 423, прим. 178, 179.
- 24 Очерки истории СССР. IX–XIII вв. М., 1953. С. 347; *Потин В.М.* Некоторые вопросы торговли Древней Руси по нумизматическим данным // Вестник истории мировой культуры. Л., 1961. № 4. С. 77; *его же.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк.— Л., 1968.— С. 65.
- 25 *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 3.— М., 1846. С. 413; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 262; *Забелин И.Е.* Указ. соч. Ч. I.— С. 176–186; то же. Ч. II. М., 1879. С. 46–49, 57–60.
- 26 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 143–144; *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских.— М.; Л., 1955.— С. 162.
- 27 *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 144–145.
- 28 *Шлёцер А.Л.* Нестор. Ч. I.— СПб., 1809.— С. 104–105, 317–318, 330, 335, 344, 421; *Kunik A.* Die Berufung der schwedischen Rotsden durch die Finnen und Slawen. Bd. I. SPb., 1844. S. 114, anm.*.
- 29 Сказания князя Курбского.— СПб., 1868.— С. 7, 94, 97; Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. Ч. 1.— М.; Л., 1985. С. 159. прим. А; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I.— СПб., 1818. Прим. 42; *Эверс Г.* Указ. соч. С. 68–69; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 146–147.
- 30 *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.Н. Малеина и А.В. Назаренко. Под. ред. В.Л. Янина. М., 1988. С. 60; *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 145.
- 31 Зерцало историческое государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика.— СПб., 1891.— С. 29; *Меркулов В.И.* Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сб. РИО. Т. 8 (156). Антинорманизм. С. 136–143; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу.— М., 2005.— С. 432–433.
- 32 *Иловайский Д.И.* Указ. соч.— С. 469–476.

- 33 *Первольф И.* Варяги-Русь и балтийские славяне // Журнал министерства народного просвещения.— Ч. 192.— СПб., 1877.— С. 37–97.
- 34 *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям.— Минск, 1997.— С. 533–534.
- 35 *Погодин М.П.* Г. Гедеонов и его система... С. 1–2; *его же.* Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 297–298, 384–390.
- 36 *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. 1. Казань, 1899. С. 349.
- 37 *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1954. № 6. С. 49–95; *Обнорский С.П.* Русская Правда как памятник русского литературного языка // *Его же.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 143–144; *Зализняк А.А.* Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период.— М., 1984.— С. 151; *Янин В.Л.* 70 лет Новгородской археологии. Итоги и перспективы // Ладога и истоки российской государственности и культуры.— С. 80; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 268–309.
- 38 *Белецкий С.В.* Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Петербургский археологический вестник. № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь.— СПб.— 1993.— С. 113; *Фомин В.В.* Указ. соч. С. 451–452.
- 39 *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.— С. 207–208; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.— С. 8, 66; Итоги. 2007. № 38 (588).— С. 24; *Русский Newsweek.* 2007. № 52–2008. № 2 (176).— С. 58.

И.В. Лобанова

ВЕЛИКАЯ СХИЗМА В ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Аннотация. *Статья посвящена взглядам В.С.Соловьёва на проблему взаимоотношений Православной и Католической Церквей. Основное внимание уделено его идее единства церквей как залого единства христианского мира, христианству как фундаменту цивилизационного единения человечества.*

Ключевые слова: *человечество, цивилизация, христианство, церковь, Россия и Запад, В.Соловьёв.*

Summary. *The article is devoted to V.S.Soloviev's views on the problem of relations between Russian Orthodox and Catholic Churches. The main attention is paid to his idea of the unity of the churches as the base of the unity of the Christian world, to Christianity as a foundation of civilization unity of mankind.*

Keywords: *mankind, civilization, Christianity, Church, Russia and the West, V.Soloviev.*

В литературе, посвящённой творчеству Владимира Соловьёва, определённые факты биографии философа рассматриваются более детально, чем его идеи. Так, исследователи до сих пор спорят — был ли Соловьёв католиком? Приводятся веские аргументы, подтверждающие или опровергающие переход философа в католичество,

но ни одна из сторон не может поставить точку в этой дискуссии¹. Между тем обсуждать эту проблему в отрыве от философского наследия Владимира Соловьёва и, в частности, от его историософской концепции было бы неверно. Необходимо рассматривать профессиональную принадлежность Соловьёва в органической связи с его мировоззрением.

Впервые о необходимости воссоединения Православной и Католической Церквей, разделённых после великой схизмы (раскола) 1054 года, Владимир Соловьёв заявил в цикле статей, объединённых под общим названием «Великий спор и христианская политика» и опубликованных в 1883 году в издаваемой И.С. Аксаковым газете «Русь». В этой работе философ утверждал: «Свободное единение человечества в Церкви Христовой есть цель христианской политики. Эта цель не может быть достигнута, пока самый первообраз вселенского единения на земле — видимая Церковь — пребывает разделённою. Поэтому первая задача христианской политики есть восстановление церковного единства»². Единство — вот ключевое слово, позволяющее понять замысел Соловьёва. Труды философа, направленные на соединение Церквей имели смысл лишь в контексте его учения о всеединстве. Все национальные, культурные, религиозные разделения с его точки зрения отбрасывают человечество назад, поэтому любые попытки оправдать эти разделения искренне возмущали философа. Так было с концепцией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, которую Соловьёв критиковал за то, что она отрицает «всякую общечеловеческую задачу в истории», «видя в человечестве отвлечённое понятие, лишённое всякого действительного значения»³. Для самого Соловьёва лишь человечество в целом является субъектом исторического процесса, а не отдельные нации или обособленные культурно-исторические типы, как у Данилевского. «Каждая нервная клеточка, каждый кровяной шарик в вашем организме,— писал он,— наверное, считает себя настоящим самостоятельным индивидуальным существом, а о вас он или совсем не знает, или вы являетесь для него только как общая масса чуждых ему существ, как собирательная, следовательно, метафорическая единица, и, разумеется, он прав *для себя* так же, как правы *для себя* и вы, если считаете человечество только за собрание отдельных людей, в единстве же его видите только пустую абстракцию. Если же мы станем на объективную точку зрения, то должны будем признать, что как собирательный характер человеческого организма не препятствует человеку быть действительным индивидуальным существом, так точно и собирательный характер всего человечества не препятствует ему быть столь же действительным индивидуальным существом. И в этом смысле мы признаем

человечество как настоящий органический субъект исторического развития»⁴. Это «индивидуальное существо» имело для Соловьёва имя — София или Мировая Душа. Так, в «Чтениях о Богочеловечестве» философ прямо говорит, что «София есть идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе, или Христе»⁵. Однако в поэтическом описании образ Софии у Соловьёва становится поистине всеобъемлющим, в него включается не только человечество, но и остальное творение. Сама история протекает внутри него («что есть, что было, что грядет веками»), природа, материя, все формы жизни оказываются её проявлением («моря и реки, и дальний лес и выси снежных гор»). Сам опыт мистического переживания всеединства был связан для Соловьёва с видением Софии, благодаря которому «под грубою корою вещества» он ощутил присутствие божественного духа.

В современную эпоху понятие «человечество» уже не воспринимается как «пустая абстракция». Теперь даже принято заботиться не только о национальных интересах, но и интересах мирового сообщества, того самого «человечества», о котором говорил Соловьёв. Но от современников суть его проповеди ускользала, многие пытались найти какое-то простое, понятное объяснение его желанию поставить русскую церковь в зависимость от римского престола (по мысли философа, предполагаемое объединение церковью должно было состояться под властью римского папы), поэтому в Соловьёве немедленно заподозрили католического агента. До определённого момента для редакции славянофильской «Руси» Владимир Соловьёв был «своим», и первые статьи «Великого спора» были приняты ею с одобрением. Однако в процессе публикации между автором и редакцией выявились столь существенные разногласия, что текст работы стал появляться на страницах газеты не иначе, как снабженный обширными критическими примечаниями. Соловьёв был возмущён. В переписке с И.С. Аксаковым он пытался разъяснить свою точку зрения: «Обо мне распространился решительный слух, что я перешёл в латинство. Я бы не считал постыдным сделать это *по убеждению*, но именно мои убеждения не допускают ничего подобного. Употреблю глупое сравнение: представьте себе, что моя мать на ножах со своей сестрой и даже не хочет признавать её за сестру. Неужели, чтобы помирить их, я должен бросить свою мать и перейти к тётке? Это нелепо. Всё, что я должен делать,— это внушать всеми силами своей матери (и своим братьям), что противница её всё-таки родная законная сестра, ...и при всех своих старых грехах всё-таки порядочная женщина, ...и что им лучше и благороднее бросить старые счёты и быть заодно»⁶.

В дальнейшем «быть заодно» с Западом Соловьёв призывал соотечественников не только в религиозной сфере, но и в политике. Так, в истории России он, например, выделял два самых важных, на его взгляд, переломных момента: призывание варягов и реформы Петра I. «Мы должны помнить, что мы, как народ, спасены от гибели не национальным эгоизмом и самомнением, а национальным *самоотречением*»⁷, — считал Соловьёв. В первом случае славяне, по мысли философа, добровольно отреклись от национальной независимости, во втором — от национальной культуры. И в обоих случаях приобрели гораздо больше, чем потеряли. Даже известную концепцию «Москва — Третий Рим» он переосмыслил в духе своего учения о всеединстве. Объединить в себе восток и запад, переплавить все противоречия — вот задача, достойная Третьего Рима, считал он.

Все сферы человеческого бытия подчинены, с точки зрения Соловьёва, единому закону. Любовь между мужчиной и женщиной, позволяющая пережить хотя бы кратковременное и неполное, но реальное соединение двух эгоистических сущностей в одно целое — служит основной задаче человечества — осознанию себя как единого организма. «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно, всем нашим существом признать за *другим* то безусловное центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе»⁸, — писал философ. Свою проповедь он обращал в первую очередь к христианам, потому что только евангельское учение в его понимании содержит в себе силу, необходимую для выполнения этой исторической задачи. Роль, которая в историософской концепции Владимира Соловьёва отводится христианству, особенно заметна в тех его работах, где он рассуждает о судьбе нехристианских народов. Япония или Китай в его представлении остаются вне магистрального развития истории до тех пор, пока христианские («западные») ценности не проникают в жизнь их граждан. «Как нравственность христианская имеет в виду осуществление царства Божия внутри отдельного человека, так христианская политика должна готовить пришествие царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей — народов, племён и государств»⁹.

Таким образом, объединение православного Востока и католического Запада под властью римского папы и русского царя (второе критики Соловьёва обычно упускают из виду) в историософской концепции Соловьёва — только важный этап, необходимый для осуществления всеединства. Но оппоненты предпочитали обвинять его в прокатолических симпатиях, оставляя без внимания истинные мотивы, которыми руководствовался философ.

Соловьёв неоднократно опровергал слухи о перемене им исповедания. В 1886 году он заверял архимандрита Антония (Вадковского) (будущего столичного митрополита): «Со своей стороны могу Вас обнадежить, что *в латинство никогда не перейду*. Если и будут какие-нибудь искушения и соблазны, то уверен с Божьей помощью и Вашими молитвами их преодолеть»¹⁰. В том же году он пытался через церковную прессу остановить волну слухов о своём переходе в католичество: «1). Имея свои особые мнения относительно церковных вопросов, я остаюсь и уповаю всегда остаться членом Восточной православной церкви не только формально, но и действительно, ничем не нарушая своего исповедания и исполняя соединённые с ним религиозные обязанности; 2). Желая полного и плодотворного соединения обеих церквей — прежде всего в духе и истине, я никогда и никого не убеждал переходить из Восточной Церкви в Западную, а напротив, имел случай отговаривать иных от такого намерения; ибо как *внешнюю* унию, так равно и всякое *частное* «обращение» считаю не только ненужным, но и весьма вредным для вселенского дела, хотя, конечно, и не могу бросать камня в «обращающихся» по искреннему, если и ошибочному убеждению»¹¹. В 1887 году в письме католическому священнику Мартынову Соловьёв подчёркивал: «Я считал бы возможным без всякой игры словами обозначить себя как *православного* русского. Оставляя в стороне общий смысл этого термина (правоверный), по которому всякий человек считает себя православным, я беру это слово в его теснейшем специальном значении, как присвоенное той Восточной церкви, к которой принадлежит большая часть русского и некоторые другие народы»¹². В 1888 году в ещё одном частном письме он снова подтверждал свою позицию по этому вопросу: «До меня доходят неопределённые слухи о сплетнях в русских газетах, будто я перешёл в католичество и т.д. На самом деле я теперь ещё более далёк от подобного шага, чем прежде»¹³.

Сохранять верность православию Соловьёв считал необходимым для выполнения своей миссии — способствовать объединению церквей. «Открыто заявляя свои взгляды и провозглашенный в нашей печати тайным иезуитом, я регулярно исповедаюсь и причащаюсь у православных священников, знающих мой образ мыслей»,¹⁴ — писал он.

Однако в силу своих убеждений даже оставаясь православным Соловьёв неизбежно оказывался в стане церковной оппозиции. Это создавало определённые трудности для его деятельности. Цензурой ему было запрещено писать на церковные темы, а впоследствии и выступать с лекциями по церковным вопросам. У него накапливается раздражение и против церковных, и против светских властей.

Однажды студенты Санкт-Петербургского университета обратились к Владимиру Соловьёву с просьбой выступить на собрании их кружка, на что философ задумчиво ответил: «Знаете, господа, это невозможно. Подумайте ведь: если я у вас, на вашем вечере, даже скажу только: **Боже, Царя храни!** — то в Департамент полиции, знаете, эти господа, его агенты, напишут, что я сказал: **Бомбами Царя колоти!**»¹⁵. Не слишком восторженно проповедь Соловьёва была принята и католиками. Свои враги у него появились и там, ведь далеко не всё, что он писал, нравилось католическим богословам. Дружба с католическим епископом И.Г. Штрессмайером, который разделял его взгляды относительно соединения церквей, конечно, вдохновляла его, но в то же время он трезво оценивал ситуацию, понимая, что католики видят в нём прозелита. Князь А.Д. Оболенский (будущий обер-прокурор Св. Синода) вспоминал: «О католиках он сказал мне однажды: они хотят поймать меня, но не поймают...»¹⁶. На этом фоне особенно странным выглядит утверждение, будто в 1896 году, за четыре года до смерти, Соловьёв официально присоединился к католической церкви.

Как-то раз у философа поинтересовались, какой стороне надлежит сделать уступки ради объединения церквей. «Никакой,— отвечал Соловьёв,— они объединятся как кислород и водород, которые в соединении образуют воду»¹⁷. В этом контексте признать факт сознательного перехода Соловьёва из православия в католичество, значит закрыть глаза на абсолютное несоответствие подобного действия учению философа, всему, что он говорил, писал и что проповедовал. Ведь перейти — значит отрицать единство, значит признать половину за целое. Соловьёв (как показано выше), прекрасно понимал, что подобные действия не соединяют, а, напротив, ещё более разделяют две конфессии. Католики по сей день потому и хотят доказать обратное, что это значило бы, будто Соловьёв признал, что вся полнота благодати пребывает только в католической церкви и в ней одной возможно для христианина спасение. Но Соловьёв никогда этого не утверждал ни устно, ни письменно, и значит, перейти в католичество не мог. Более того, по свидетельству Л.М. Лопатина, знавшего Соловьёва с детства, философ «всецело примыкал к тому взгляду, что вероисповедные перегородки до неба не доходят, и думал, что спастись можно во всякой церкви, даже во всякой религии»¹⁸.

Нужно иметь в виду, что все свидетельства о мнимом переходе Владимира Соловьёва в католичество известны нам от третьих лиц. Сам философ нигде об этом не упоминал, а перед смертью исповедовался и причастился у православного священника и был похоронен по православному обряду. Кроме того, эти сведения были об-

народованы через десять лет после смерти философа, когда он сам не мог их ни подтвердить, ни опровергнуть. И не нужно упускать из виду, что Н.А. Толстой и племянник философа С.М. Соловьёв, от которых мы узнаём о факте перехода, сами являлись такими «перебежчиками» из православной церкви в католическую, а значит, были в этой ситуации лицами заинтересованными.

Н.А. Толстой, родственник известного поэта А.К. Толстого, действительно близко знал Владимира Соловьёва. Будучи человеком глубоко религиозным, он, несмотря на дворянское происхождение, избрал духовное поприще и принял священнический сан. Очарованный идеей Соловьёва о соединении церквей, он попытался «механически» соединить в себе православие и католичество, а именно принял католичество восточного обряда (унию), что позволяло ему, находясь в лоне католической церкви, служить на славянском языке и оставаться женатым священником. В 1896 году в часовне, устроенной на квартире у Толстого, им была отслужена обедня, за которой в присутствии двух свидетелей Соловьёв и причастился. Тогда же Толстой, по его собственному признанию, пишет об этом событии отчёт в Рим. В 1910 году в «Русском слове» появилось сообщение Н.А. Толстого, что в феврале 1896 года он лично присоединил Владимира Соловьёва к католической церкви с соблюдением всех канонических требований. В ответ на публикацию Толстого в «Московских ведомостях» появилась статья православного священника Н. Колосова с подробным рассказом о последней исповеди и причастии философа, из которого следовало, что Владимир Соловьёв был и до последней минуты оставался православным. Предположительно в 1917 году Толстой составил так называемый «Акт о присоединении В. Соловьёва к католичеству». Факсимиле этого документа было опубликовано в журнале «Китеж» в 1927 году¹⁹. Помимо «Акта...» есть ещё свидетельство племянника Соловьёва (тоже униатского священника), который утверждал по поводу перехода, что «мне лично этот факт был всегда известен»²⁰. По некоторым сведениям дело о переходе Соловьёва в католичество хранится где-то в архивах Ватикана, но проверить это в данный момент не представляется возможным. Можно ещё присовокупить сюда свидетельство князя А.Д. Оболенского, который «факта его причастия в католической церкви ...не отрицал», однако сильно сомневался в том, чтобы он означал переход философа в католичество²¹.

Так стал Соловьёв католиком (точнее униатом) или не стал? Спустя год после своего причастия у униатского священника он пишет в редакцию «Нового времени», что «никакой внешней официальной унии с Римом ...никогда не предлагал», поскольку считает

её «нежелательной и невозможной». «При духовном сне что может дать наружное, формальное соединение церквей, кроме лишнего кошмара?»²² — восклицает он. К тому же, если Соловьёв считал себя католиком, то как объяснить, что примерно год спустя он совершенно спокойно пришёл к православному священнику на исповедь, но, по собственному признанию, «поспорил с духовником по догматическому вопросу» «и не был допущен им до Св. Причастия». «Священник был прав, — каялся он перед смертью, — а поспорил я с ним единственно по горячности и гордости; после этого мы переписывались с ним по этому вопросу, но я не хотел уступить, хотя и хорошо сознавал свою неправоту; теперь я вполне сознаю свое заблуждение и чистосердечно каюсь в нём»²³.

Следует отметить, что ранее Владимир Соловьёв решительно отвергал для себя возможность причастия у католиков. В 1886 году он писал архимандриту Антонию (Вадковскому): «На попытки обращения, направленные против меня лично, я отвечал прежде всего тем, что (в необычное для сего время) исповедался и причастился в православной сербской церкви в Загребе, у настоятеля её иеромонаха Амвросия. Вообще я вернулся в Россию, — если можно так сказать, — более православным, нежели как из неё уехал». Т.е. Соловьёв в данном случае хотел подчеркнуть, что, призывая признать римского папу главой Вселенской церкви, он делает это не как католик, что это не зазорно для человека православного исповедания. Он хотел, чтобы соединились две части единой христианской церкви, а не сам хотел соединиться с западной частью — этот тонкий момент очень часто ускользает от критиков Соловьёва. В то же время не следует упускать из виду, что для самого философа разделения церквей как бы вовсе и не существовало, он был адептом единой Вселенской церкви, а потому вопрос в восточной ли, западной ли её части следует причащаться, не слишком волновал его. «Восточная православная Церковь, de jure не отделена от Церкви католической, фактическое же отделение иерархии и церковной школы не имеет *в настоящее время* никакого решающего значения и никого ни к чему не обязывает. ... Я восстаю против *местной иерархии* во имя вселенского *предания* и я ли не православный? Взгляд на Папу как на наместника Петрова и верховного учителя Вселенской Церкви есть несомненно взгляд древнейший, освященный вселенскими соборами. ... А противный взгляд опирается на предание сравнительно новое, не освящен ни одним вселенским собором»,²⁴ искренне считал он.

Вообще к догматике, к церковным уставам, к разного рода каноническим разногласиям Соловьёв относился довольно легкомысленно и называл их «кучей всяких недоразумений и предвзя-

тых мыслей»²⁵. В этом отношении он был скорее протестантом, чем католиком или православным. Поэтому можно согласиться с К. Мочульским, который справедливо заметил: «Соловьёв не признавал разделения церквей, считал его историческим недоразумением и потому «переходить» из православия в католичество не мог. Можно осуждать его полное игнорирование исторической действительности, но нельзя превращать его дерзновенный, небывалый и единственный в этом смысле поступок в простой факт «перехода в католичество»»²⁶.

Владимир Соловьёв утверждал, что миссия его заключается не в том, чтобы писать философские книги; что всё, им написанное,— только пролог к его дальнейшей деятельности²⁷. Стремлением именно делом способствовать воплощению в жизнь своих идей можно объяснить многие его поступки, которые не обязательно были верными. Переживание реальности всечеловеческого единства было для Владимира Соловьёва настолько живым и ярким, что оно затмевало в его сознании действительную разобщённость, делало её несущественной. Объективному исследователю нельзя не учитывать этого факта. Сам Соловьёв считал, что внутренний мир человека невозможно понять, лишь скрупулёзно изучая его биографию. Как-то, прочитав работу Н.Н. Страхова о Ф.М. Достоевском, он разочарованно воскликнул: «Ну где же та реальная фигура, о которой Вы говорите? Я вижу только чьё-то грязное бельё. Но разве моя фигура определяется моим бельём? Ведь я, может быть, купил готовую рубашку наудачу в плохом магазине! Ведь мне, может быть, двоюродный дядюшка подарил свои старые кальсоны! При чём же тут моя собственная фигура? Да ведь главное-то и не фигура, а *лицо*, а его и по самому лучшему белью никак не угадаешь»²⁸.

Многие исследователи утверждают, что в конце жизни Соловьёв разочаровался в возможности соединения церквей в реальном историческом измерении, и в качестве подтверждения своих слов ссылаются на «Краткую повесть об антихристе». Между тем анализ текста «Краткой повести...» показывает обратное. Соединение различных конфессий в «Повести» происходит, но лишь после того, как число их членов катастрофически сокращается. Возможно, что таким образом Соловьёв хотел показать, что соединение Церквей могло бы произойти и в современную ему эпоху, если бы они состояли только из *верных*. Препятствуют же этому благовому делу те, кто по сути своей христианами не являются, и пришествие антихриста явно обнаруживает этот факт. «Надо быть готовым к тому, что девяносто девять священников и монахов из ста объявят себя за антихриста»²⁹,— писал он. Эти, по мнению философа, потенциальные враги христианства и разрушают церковное единство, раздирают

единое тело на части. Поэтому отношения церквей в современную ему эпоху Соловьёв называл «антихристианскими»³⁰ и считал, что «бороться нужно не против какого-нибудь вероисповедания или церкви, а единственно против антихристианского духа, где бы и в чем бы он ни выражался»³¹.

Что же касается реального исторического единения человечества, то в «Краткой повести...» оно происходит уже не благодаря Вселенской церкви, а усилиями антихриста. Это удастся ему потому, что «всякому одностороннему мыслителю или деятелю легко будет видеть и принять целое лишь под своим частным наличным углом зрения, ничем не жертвуя для *самой истины*, не возвышаясь для нее действительно над своим я, нисколько не отказываясь *на деле* от своей односторонности, ни в чем не исправляя ошибочности своих взглядов и стремлений, ничем не восполняя их недостаточность». «Ведь для того, чтобы быть *принятым*, — добавляет Соловьёв, — надо быть *приятным*»³². Тем самым он признает, что неудача его начинания была обусловлена тем, что люди, от которых зависели реальные шаги, способные привести к воссоединению, не хотели меняться, не хотели ничем жертвовать для осуществления этого дела. Антихристово добро не требует от человека никакой жертвы — объединение происходит механически и разнородное в потенции остается враждебным друг другу. Подлинное единство возможно только в любви. В христианской церкви именно любовь соединяет людей в мистическое тело Христово, невзирая на социальные, национальные и прочие различия. Поэтому христианство в историософской концепции Соловьёва — это «нравственно-историческая задача»³³, а не данность, к которой нужно всего лишь присоединиться. Это работа, которую ещё необходимо проделать. «Если бы человечество представляло собою простую арифметическую сумму отдельных изолированных лиц, то все препятствия к полному осуществлению царствия Божия сводились бы, собственно, к одному: к злой личной воле. Всё действие Божие в человечестве было бы в таком случае прямо и исключительно обращено на каждую отдельную душу, которая или воспринимала бы это действие и входила в царствие Божие, или отвергала бы его. Решение этого вопроса, безусловно, отдельное для каждой души, могло бы произойти вне пространства и времени, всемирная история была бы совершенно не нужна, и жизнь — бессмысленна. К счастью, человечество не есть куча психической пыли, а живое одушевлённое тело, ...последовательно и закономерно развивающееся...»³⁴ считал философ.

Итак, христианство в историософской концепции Владимира Соловьёва есть нравственно-историческая задача. Церковь — зем-

ное вместилище истины, которая преобразовывает мир. Разделение Церкви означает её ослабление. Отсюда главное стремление философа к реальному скорейшему соединению церковей. Церковь же должна способствовать преобразованию государства на христианских началах: «приняв христианство, т.е. признав истину абсолютной солидарности всех, государство должно быть верным этой истине и при исполнении своей прямой задачи, т.е. противодействуя нарушениям социальной правды, оно должно быть справедливо и к нарушителям, не нарушая их человеческого права. Языческое государство имело дело с врагом, с рабом, с преступником. Враг, раб, преступник не имели никаких прав. Христианское государство, неотделимое от церкви, имеет дело с членами тела Христова — страдающими, униженными, порочными; оно должно умиротворять национальную ненависть, уравнивать общественные неправды, исправлять индивидуальные пороки. Здесь чужеземец не теряет своих гражданских прав, раб приобретает право на свободу, преступник пользуется правом на нравственное исцеление и перевоспитание»³⁵.

Таким образом, надежды, которые Владимир Соловьёв возлагал на будущую Вселенскую церковь, далеко выходили за рамки чисто церковных задач. Ближко знавший Соловьёва Л.М. Лопатин верно писал, что соединение церковей представляло для философа «не только теоретический интерес, в его немедленном осуществлении он видел историческое назначение России и весь смысл предшествующей эволюции человечества»³⁶. Печальным для философа был тот факт, что видимых результатов его проповедь не имела. Даже те, кто с удовольствием слушал её, не спешили за ним следовать. «Зачем я пойду в *Рим* за Соловьёвым?» — спрашивал известный русский философ К.Н. Леонтьев. «Ни всевосточный собор, ни восточные патриархи, ни св. русский Синод — мне этого ещё не сказали! <...> катехизис самый краткий, сухой и плохо составленный, но духовной цензурой просто-напросто одобренный, для меня, православного, в миллион раз важнее всей его учёности и всего его таланта!»³⁷

Однако законы исторического развития человечества как единого организма, которые сформулировал Соловьёв, не были забыты потомками. Особенно актуальны стали его мысли для русской эмиграции, которая оказалась в чуждой культурной среде и на собственном опыте должна была убедиться, что общего у Запада и Востока гораздо больше, чем различий. Насколько ближе на фоне обмирщения культурной среды оказались друг другу любые религии и сколько оснований для совместной работы они обнаружили в межконфессиональном диалоге. Наконец, само человечество,

осознав себя песчинкой в бесконечном пространстве Вселенной, почувствовало потребность сплотиться, забыв прежние разногласия. Антиглобализм не мог бы появиться, если бы глобализация не стала объективной реальностью, и эти тенденции современной жизни были предсказаны Владимиром Соловьёвым довольно точно. Правда, реализуется скорее второй, пессимистический вариант, изложенный мыслителем в «Краткой повести...». Ожидаемая Соловьёвым теократия, которая должна была утвердиться вследствие соединения церковью, оказалась чистойшей утопией, и сам философ успел это заметить. В 1896 году он писал: «Если несомненно, что истина будет окончательно принята только более или менее гонимым меньшинством, надо раз навсегда отказаться от идеи могущества и внешнего величия теократии, как прямой и немедленной цели христианской политики. Цель её — справедливость, слава же есть следствие, которое придёт само собой»³⁸. Таким образом, Владимир Соловьёв, разуверившись в том, что Церковь сможет возглавить человечество в его историческом движении, не отказался от мысли, что будущее всё же останется за христианством. В одном из писем Н.Н. Страхову он признавался: «Я не только верю во всё сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю»³⁹. В историософской концепции Вл. Соловьёва идея соединения церковью всегда занимала подчиненное место, главным же неизменно оставалась вера в преображающую мир силу христианства.

-
- 1 *См., например: Гаврилов М.Н.* В.С. Соловьёв и католичество // Вл. Соловьёв. Русская идея.— Брюссель, 1974; свящ. Антоний Около-Кулак. Владимир Соловьёв и католичество // «Символ», №38, 1997.— Стр. 165–175; *Хоружий С.С.* Наследие Владимира Соловьёва сто лет спустя // Православная аскеза — ключ к новому видению человека.— М., 2000; *Федоров И.Г.* Владимир Соловьёв и православие.— М., 2000; *Андреев И.М.* Владимир Соловьёв — мистик в свете православия // Очерки по истории русской литературы XIX века: Краткое концептивное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии. Jordanville.— N.Y., 1968.
  - 2 *Соловьёв В.С.* Великий спор и христианская политика // Сочинения в двух томах.— М., 1989.— Т. 1.— С. 156.
  - 3 Собрание сочинений В.С. Соловьёва.— СПб., 1911.— Т. 10.— С. 499.
  - 4 *Соловьёв В.С.* Философское начало цельного знания.— Минск, 1999.— С. 186.
  - 5 *Соловьёв В.С.* Чтения о Богочеловечестве.— М., 2004.— С. 166.
  - 6 Письма В.С. Соловьёва.— СПб., 1923.— Т. IV.— С. 25.
  - 7 *Соловьёв В.С.* О народности и народных делах России // Национальный вопрос в России.— М., 2007.— С. 39.
  - 8 *Соловьёв В.С.* Смысл любви // Философия искусства и литературная критика. М., 1991.— С. 119.
  - 9 *Соловьёв В.С.* Великий спор и христианская политика // Сочинения в двух томах.— М., 1989.— Т. 1.— С. 59.

- 10 Три письма покойного философа В.С. Соловьёва к архимандриту Антонию Вадковскому, ныне высокопреосвященнейшему митрополиту Петербургскому и Ладожскому.— СПб., 1901.— С. 9.
- 11 «Церковный вестник», 1886.— № 49.
- 12 Письма В.С. Соловьёва.— СПб., 1909.— Т. IV.— С. 274.
- 13 Письма В.С. Соловьёва.— СПб., 1909.— Т. II.— С. 157.
- 14 Письма В.С. Соловьёва.— СПб., 1909.— Т. IV.— С. 274.
- 15 *Струве П.Б.* Из воспоминаний о Владимире Соловьёве // *Дух и слово: Статьи о русской и западноевропейской литературе.*— Paris, 1981.— С. 270.
- 16 *Марцинковский В.Ф.* Владимир Соловьёв и Евангелие.— М., 1991.— С. 48–49.
- 17 *Межуев Б. Вл. С. Соловьёв и петербургское общество 1890-х годов: К предыстории «имперского либерализма»* // Интернет-журнал Русский Архипелаг; <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/anthropology/12>.
- 18 *Лопатин Л.М.* Памяти Вл. С. Соловьёва // «Вопросы философии и психологии», 1910, №5. Кн. 195.— С. 635.
- 19 «Акт о присоединении В. Соловьёва к католицизму» // «Китеж». Варшава, 1927, № 8–12.
- 20 *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция.— М., 1997.— С. 318.
- 21 *Марцинковский В.Ф.* Владимир Соловьёв и Евангелие.— М., 1991.— С. 48–49.
- 22 Цит. по: *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 319.
- 23 *Колосов Н.* Об исповедании В.С. Соловьёва // «Московские ведомости», 1910, № 253.
- 24 Письма В.С. Соловьёва.— СПб., 1909.— Т. IV.— С. 274.
- 25 Цит. по: *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция.— М., 1997.— С. 319.
- 26 *Мочульский К.* Владимир Соловьёв: Жизнь и учение. Париж, б/г. С. 218.
- 27 *Белый А.* Арабески. М., 1911.
- 28 Собрание сочинений В.С. Соловьёва.— Т. 1.— С. 22.
- 29 Цит. по: *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция.— М., 1997.— С. 322.
- 30 Цит. по: *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция.— М., 1997.— С. 319.
- 31 Письма В.С. Соловьёва.— Т. 3.— С. 199.
- 32 *Соловьёв В.С.* Три Разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об антихристе и с приложениями.— М., 1991.— С. 162.
- 33 *Соловьёв В.С.* Из философии истории // Сочинения в двух томах.— М., 1989.— Т. 2.— С. 332.
- 34 *Соловьёв В.С.* Там же.— С. 333.
- 35 *Соловьёв В.С.* Там же.— С. 342.
- 36 *Лопатин Л.М.* Памяти Вл. С. Соловьёва // «Вопросы философии и психологии», 1910.— Кн. 195.— С. 635.
- 37 *Леонтьев К.Н.* Избранное.— М., 1993.— С. 202.
- 38 Цит. по: *Соловьёв С.М.* Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция.— М., 1997.— С. 321–322.
- 39 Письма В.С. Соловьёва. СПб., 1908.— Т. I.— С. 33–34.

Л.И. Земцов

П.П. ЧУБИНСКИЙ И ОБСЛЕДОВАНИЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена научной деятельности этнографа и историка П.П. Чубинского, его экспедиции по обследованию крестьянских волостных судов Юго-Западного края Российской империи — ее организации и собранным документальным материалам.

Ключевые слова: крестьянский вопрос в России, отмена крепостного права, крестьянские волостные суды, обычное право, гражданское судопроизводство, Русское географическое общество, П.П. Чубинский.

Summary. The article is devoted to scientific activities of historian P.P. Chubinsky, to his expedition for inspection of local judgment of South-West Region of Russian Empire, its organization and collected documents.

Keywords: peasant question in Russia, serfdom abolition, peasant local (volost) judgment, common law, civil justice, Russian Geography Society, P.P. Chubinsky.

После отмены крепостного права и ряда серьезных преобразований в крестьянской жизни, вытекавших из законов 19 февраля 1861 г., в повестку дня встали вопросы изучения первых итогов происходивших преобразований. Выяснением перемен в народной жизни озаботились не только представители власти, активные деятели общественного движения, публицисты, но и исследователи. В числе явлений, которые внимательно изучались, были не только поземельные отношения. В 60-х — 80-х гг. большое количество публикаций было посвящено крестьянскому волостному суду¹.

Активность в обсуждении разных сторон деятельности крестьянской юстиции была столь велика, что становится ясным: она вызывалась не только относительно новым явлением в жизни крестьянского населения. Сильное влияние оказывало и то, что крестьянская юстиция, действовавшая среди миллионов сельских жителей, не отвечала потребностям передовой науки, основанной на достижениях западных ученых. Действительно, организация суда и особенно устное народное обычное право, лежавшее в основе рассмотрения гражданских дел и проступков, не отвечали принципу равенства всех перед одинаковым законом. Именно поэтому многие либерально ориентированные публицисты подвергали критике вновь созданный институт, оказываясь в одном ряду с представителями консервативного лагеря, требовавшими ликвидации волостного суда ради возвращения к суду «более культурного соседа», то есть помещика, бывшего господина крестьянина.

Для многих исследователей и ряда публицистов интерес укреплялся еще и тем, что именно на материале обычного права и его

применении можно было исследовать народные представления о справедливости, выяснить своеобразие «народного духа» и т.п.

Этот интерес привел к тому, что сначала общественная организация — императорское Русское географическое общество (ИРГО), а затем и власть² попытались организовать изучение крестьянских волостных судов. Действия Русского географического общества (РГО) были связаны с изучением экспедиционным способом населения Юго-Западного и Северо-Западного краев Российской империи.

Значительный интерес представляет не только организация предположенного исследования, материалы которого были изданы, а документальные сведения сохранились в АРГО³, но и личность организатора одной из экспедиций и ее руководителя — Павла Платоновича Чубинского (15.01.1839–14.01.1884 гг.). Им на средства Русского Географического общества была осуществлена и первая объемная публикация решений волостных судов, собранных в ходе экспедиции (1869–1870 гг.) в Юго-Западный край. Этот замечательный исследователь достоин того, чтобы подробнее остановиться на его биографии и деятельности, связанной с Русским географическим обществом и родной для него Украиной. Сведения о нем в советской исторической науке ограничиваются статьей в журнале⁴.

Этнограф, исследователь быта населения Севера и Юго-Западного края, один из замечательных представителей украинской интеллигенции первых пореформенных десятилетий Павел Платонович Чубинский был родом из Борисполя Переяславского уезда Полтавской губернии, где «за родителем его состояло 90 десятин имения»⁵.

В 1861 г. он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Уже там он был признанным организатором — Павел Чубинский упоминается в качестве активно действующего или даже играющего главную роль в студенческих волнениях 1859 — первой половины 1861 гг. Он был избран в комиссию по составлению Устава студенческой корпорации, участвовал одним из пяти судей на необыкновенном показательном процессе, первой пробе суда присяжных — публичном разбирательстве дела студента Бутчика; активно ораторствовал на студенческой сходке в марте 1861 г.⁶ и т.д. Участвовал он и еще в одном деле, характеризующем состояние начавшей обновление страны, — работал в воскресной школе.

При возвращении в родные края П. Чубинский активно сотрудничал с местной и столичной прессой. В «Основе» за 1862 г. им был опубликован ряд заметок, которые едва ли не впервые обратили внимание на некоторые стороны жизни местного крестьянства⁷.

К числу народных обычаев, характерных для всего славянства, П.П. Чубинский отнес трудовое начало («право труда») на примере крестьянского представления о том, что «предметом собственности может быть только то, во что вложен человеческий труд ... Воздух, вода, лес — это дары Божьи, предназначенные для дарового пользования всех и каждого». И если чуть ниже автор вынужден заявить, что такое «воззрение народа очевидно невежественно», то его вывод однозначен: «Оставлять в стороне народное сознание нельзя. Пока какое-нибудь деяние не отрицается народною совестью, до тех пор его нельзя ставить под угрозу наказания ...»⁸

В статьях «Основы» П.П. Чубинский обратил внимание и еще на одно явление народной жизни — едва ли не впервые — на нотариальную роль магарыча. Позднее один из интерпретаторов собранных Чубинским сведений обозначил то, о чем исследователь народной жизни писал еще ранее: «Случаи ... подчиваний не имеют характера подкупа... это «могорыч», который по давнему обычаю ставит выигравшая сторона, кто бы ни представлял эту сторону»⁹. На основании этих наблюдений П.П. Чубинский подготовил диссертацию «Очерк народных юридических обычаев и понятий Малороссии», которую издал позднее (СПб., 1869).

В 1862 г. Чубинский был выслан из родных краев — возможно не всего по ходатайству известного Ф.Ф. Трепова, который был его соседом по имению в Борисполе. Таким способом устранили молодого юриста, «смевшего давать советы судившимся с Треповым крестьянам»¹⁰.

Скорее всего, мотив был иным: П. Чубинский активно сотрудничал с издававшимся в Петербурге украинским журналом «Основа», в июньском номере которого за 1862 г., была опубликована заметка П.П. Чубинского «Из Борисполя». В ней автор критически отозвался о некоем своем соседе, сдававшем часть своего дома под лазарет для солдат, за что ему платили невероятную сумму в 600 руб. за год. Несмотря на предложения других домовладельцев о сдаче помещения для лазарета за 390 или даже 250 руб. местные власти предпочли прежнего хозяина. Возможности для такого поступка (да еще при намеке в статье «Основы» на петербургские связи!) были, конечно, у Ф.Ф. Трепова, прославившегося позднее не только полученной от В.И. Засулич пулей, но и неожиданно обнаружившимися у него, в связи с предполагавшейся кончиной в 1878 г., немалыми средствами. Весьма вероятно, что плата за лазарет исправно продолжала поступать и была одной из тех капель, которые пополняли карман видного Санкт-Петербургского чиновника.

Столь высокопоставленный господин не мог терпеть даже невинных намеков в свой адрес на пути перераспределения госу-

дарственных средств. А уж поводом для расправы вполне могло быть и сочинение стихов, и громкое пение песен, и молодежные сборища — все, что угодно ... Любопытна и версия, в соответствии с которой в ссылке П.П. Чубинский попал за сочинение слов песни «Ще не вмерла України і слава і воля»¹¹.

Известный жандармский генерал В.Д. Новицкий в воспоминаниях сообщал, что П.П. Чубинский был сослан под надзор полиции «за свои буйные речи, обращенные к собравшимся на ярмарку в м. Борисполь Переяславского уезда крестьянам ...»¹². Главной причиной ссылки П.П. Чубинского могла быть и представленная шефу жандармов В.А. Долгорукову информация о существовании общества «хлопоманов», которые «ходят в малорусском национальном платье», среди которых упоминался П.П. Чубинский¹³.

Выслан был П.П. Чубинский в Архангельскую губернию. Там он служил, занимая разные должности: секретаря Архангельского губернского статистического комитета, редактора Губернских ведомостей и начальника газетного стола, старшего чиновника особых поручений при начальнике губернии и др.¹⁴ И эта служба шла не без трудностей: местные власти не поленились побеспокоить Тамбовского губернатора (бывшего Архангельского) с тем, чтобы выяснить, действительно ли он запрещал П. Чубинскому сообщать разные сведения другим лицам, состоящим под надзором. Мало того, предполагалось, что таким образом он пытался влиять на исход некоторых дел. Его корреспондентом был живший в Холмогорах П.С. Ефименко, письма которому и писал Чубинский на имя другого чиновника, товарища Ефименко по службе, для передачи поднадзорному¹⁵.

Разные должности занимал по службе П.П. Чубинский за время пребывания в Архангельской губернии, но на первом плане для него были общественная деятельность и удовлетворение тех интересов, которые сформировались у него еще ранее службы на Севере. Он зарекомендовал себя в качестве умелого организатора и исследователя Архангельского края. Действительно, отмечая свою работу в губернии, П.П. Чубинский заметил, что он «слишком занят службою» и даже не имеет времени «вести переписку с родными и невестою, с которыми за недосугом очень редко переписуюсь»¹⁶. Увлеченность П.П. Чубинского делом, которое было ему интересно и, по его мнению, важно, подтверждается письмом Л.Н. Майкову об итогах своей экспедиции; вспомнив, он дописывает уже в конце корреспонденции: «Я тебе не сообщил еще — ведь я уже женат...»¹⁷. Женат он был на дочери потомственного почетного гражданина Е.И. Морозовой, имел троих детей; старший сын, юрист, был в начале века директором Демидовского лицея в Ярославле.

Во время пребывания в Архангельской губернии он изучил, по поручению РГО и ВЭО, торговлю в одном из северных районов и опубликовал «Обзор хлебной производительности и торговли в бассейне Северной Двины» (1869 г.)

П.П. Чубинский 5 мая 1864 г. был избран членом-корреспондентом Московского общества сельского хозяйства, 30 декабря того же года — действительным членом Архангельского губернского статистического комитета; 6 января 1866 г.— членом-сотрудником Вольного экономического общества; 2 февраля 1867 г.— действительным членом Общества любителей естествознания при Московском университете; 13 марта 1867 г.— членом-сотрудником Русского географического общества, а 27 марта 1869 г.— действительным членом того же общества¹⁸.

Сопоставим даты: увольнение в отставку в Архангельске 11 марта 1869 г. (с разрешением проживать и в столицах, и в Юго-Западном крае), избрание действительным членом РГО, поручение исследования Юго-Западного края... Поэтому при многочисленных ходатайствах со стороны «столичных литераторов» и высокопоставленных чиновников¹⁹ решающее значение для возвращения П.П. Чубинского с Севера имели, скорее всего, хлопоты друзей из Географического общества²⁰.

В 1869 г. он вернулся на Украину. Оснований для поручения ему столь важного дела, как организация экспедиции с историко-этнографической направленностью, было достаточно — за время пребывания на Севере П.П. Чубинский зарекомендовал себя активным исследователем. Он много и плодотворно занимался этнографией вместе с земляком П.С. Ефименко, собирал материал по этнографии, фольклору и обычному праву поморов. П.П. Чубинский дважды награждался серебряной медалью Русского географического общества — в 1866 г. по отделению статистики, а в 1869 г.— по отделению этнографии; позднее, в 1874 г., ему была присуждена малая золотая медаль, в 1875 г. Советом международного конгресса географических знаний в Париже — медаль 2 класса, а в 1879 г.— Уваровская премия.

В АРГО сохранились сведения о том, что на 1873 г. планировалась экспедиция под руководством П.П. Чубинского и Н.И. Костомарова в Кубанскую область, которая не состоялась²¹. Он был инициатором и главным организатором создания в Киеве 13 февраля 1873 г. Юго-Западного отделения Русского Географического общества. Деятельность последнего послужила основанием для обвинения его членов в «украинофильстве», результатом чего стало закрытие Отделения.

В 60–70-х гг. П.П. Чубинский — замечательный общественный деятель, которому наука обязана сохранением важного материала о русском и украинском крестьянстве. Позднее П.П. Чубинский работал в свеклосахарной промышленности²², некоторое время, с 1876 г. служил в Министерстве путей сообщения в Петербурге делопроизводителем департамента общих дел.

Интерес к тому, чем он занимался во время экспедиции, у Павла Платоновича сохранился. В 1877–1878 г. отмечено его присутствие на заседаниях Комиссии РГО для собирания юридических обычаев²³.

В 1879 г. вышел в отставку и вернулся в родные края, жил в Киеве и на хуторе под Борисполем, с 1880 г. прихватила его болезнь и он только лежал. Скончался он в январе 1884 г. В некрологе, написанном сотрудником П.П. Чубинского профессором Университета Св. Владимира А.Ф. Кистяковским, приведены слова покойного: «Я работал на Севере без усталости и доказал мою любовь русскому народу»²⁴.

* * *

26 ноября 1868 г. в императорском Русском географическом обществе под председательством П.П. Семенова состоялось заседание Комиссии по снаряжению экспедиции в Западные губернии России. Рассматривался вопрос о практической подготовке научного, статистического и этнографического исследования населения этого региона России.

Попытки изучения западной части Российской империи к тому времени имели уже давнюю историю: еще в 1862 г. по ходатайству министра народного просвещения А.В. Головнина Александр II разрешил выделить 10 тыс. руб. на экспедицию в этот край²⁵. Планировалось проведение исследований в 1863 г. и участие в них таких известных ученых, как А.Ф. Гильфердинг и М.О. Коялович. Однако в связи с событиями в крае, начавшимися в январе 1863 г., император уже 7 февраля повелел отложить экспедицию до более благоприятного времени.

Только в 1867 г. в отделении статистики и этнографии Русского географического общества вновь стали обсуждать вопрос о проведении экспедиции, причем намечалось ее силами исследовать как Северо-Западный край, так и Юго-Западные (Киевскую, Волынскую, Подольскую) губернии России.

Возглавить изучение южной части должен был известнейший исследователь народного быта С.В. Максимов, который отказался от этой работы, приняв участие в обследовании северо-западных районов страны. Комиссия под председательством П.П. Семенова

26 ноября 1868 г. поручила своим членам А.Б. Бушену и М.О. Кояловичу подыскать человека, способного не только организовать дело, но и принять активное участие в работе, причем соединить в одном лице и этнографа, и статистика²⁶. Кроме того, было принято решение выделить на организацию обследования 3 тыс. руб. Руководителем экспедиции и был назначен П.П. Чубинский.

В связи с обследованием края П.П. Чубинский стал как бы центром притяжения многих представителей украинского общества, стремившихся к изучению родного края и народа.

В ходе экспедиции — с мая 1869 г. по июль 1870 г. — П.П. Чубинским были осуществлены три поездки. За это время он проехал, по своим подсчетам, около 15 тыс. верст, побывал в 50 уездах нескольких губерний²⁷ и собрал богатый материал. В ходе экспедиции и обработке ее материалов П.П. Чубинский истратил и собственные средства. Позднее он просил руководство РГО хотя бы оплатить труд своих помощников и переписчиков, замечая, что «... свой труд и некоторую долю материальных жертв я готов понести на пользу Географического общества, которому я так много обязан»²⁸.

Собирателями, кроме самого П.П. Чубинского, были помощники: в первых двух поездках — И. Чередниченко, а в третьей — В. Кравцов; привлекались для разработки материалов П. Маевский, В. Ильяшевич, К. Кардаш. Позднее были привлечены еще двое. Четверо работников целый год жили у Чубинского в Борисполе, занимаясь подготовкой собранного материала к изданию²⁹.

Много материалов передали П.П. Чубинскому друзья, знакомые и вовсе не знакомые лица. Так, профессор Киевской духовной Академии Н. Петров передал обширный сборник поверий и обрядов, А.И. Дыминский — сборник песен (около 2 тыс., с вариантами), Н.В. Лысенко положил на ноты мотивы обрядовых песен и исполнял их. Среди дарителей — священник Д. Струцинский, учитель Воронежский, фотограф Я.К. Темненко изготовил великолепный альбом фотографий (сохранившийся в фондах АРГО). Всего в отчете РГО упомянуты 18 человек, представивших тем или иным способом материалы П.П. Чубинскому³⁰. В одном из писем П.П. Чубинский отметил: «Вообще я не могу пожаловаться на несочувствие публики к экспедиции»³¹. В этой связи членов экспедиции с общественными силами — существенное отличие деятельности П.П. Чубинского от работы правительственной Комиссии под председательством М.Н. Любощинского. Собранные сведения публиковались на средства РГО в «Трудах экспедиции ....», на что в 1871 г. было выделено 1200 руб., в 1872 — еще 1000 руб.

Цель главного организатора экспедиции была чисто научная: собрать сведения, характеризующие различные стороны жизни на-

рода. Один из итогов экспедиции приведен в Отчете РГО за 1869 г.: «г. Чубинский пришел к положительному убеждению, что быт крестьян значительно улучшился со времени крестьянской реформы, а доходность многих помещичьих имений не уменьшилась»³².

В связи со своими давними интересами П.П. Чубинский уделил пристальное внимание народной юстиции — решениям волостных судов. Метод работы П.П. Чубинского заключался в том, что он «пересматривал» книги решений волостных судов³³, отмечал «характеристические» и просил представить копии «для составления сборника юридических обычаев»³⁴. Приведенные слова подчеркивают важное значение субъективных представлений собирателя, особенно принимая во внимание кратковременность посещения им волостных правлений. Заметим и то, что целью П.П. Чубинского было собирание протоколов заседаний как материала для анализа обычного права.

В VI томе «Трудов» экспедиции представлены собранные решения волостных судов Юго-Западного края³⁵. По мнению составителя, протоколы волостных судов «представляют собою ценный материал для обычного права ... Кроме этого, означенные решения показывают, насколько народ способен к дарованному самоуправлению и, надо сказать, что он свидетельствует в пользу крестьянского суда»³⁶. П.П. Чубинский отметил, что обращал особое внимание на решения волостных судов потому, что «...они представляют важный материал для изучения народных юридических обычаев и ... служат отражением умственного и нравственного состояния народа вообще»³⁷.

Дважды руководитель экспедиции писал, что им собрано более 1000 копий с решений волостных судов, начиная с 1861 г.³⁸; в публикации же приведены 574 протокола, которые объединены в два больших раздела: часть вторую составили «Уголовные решения волостных судов» (316 дел) и часть третью — «Гражданские решения волостных судов» (258 дел).

На самом деле решений именно волостных судов меньше, так как некоторые из приведенных записей гражданских дел представляют собой договоры — аренды, найма на работу и т.п. (см.: ч. 3, № 152, 199, 224, 226, 248 и т.д.), что отметил составитель в предисловии. Им перечислены 23 дела, представляющие собой документы помимо решений судов или судов, место нахождения которых не обозначено. На деле таких документов оказалось 48, из них записей помимо решений волостных судов — 32. Таким образом, реальных протоколов решений гражданских дел — 226, а всего — 542.

П.П. Чубинский, привлекая данные по столь большому количеству волостных судов, ставил перед собой конкретную задачу — по-

казать специфику обычного крестьянского права в Юго-Западном крае. Именно поэтому из решений каждого волостного суда было взято очень небольшое количество дел, которые должны отражать какую-либо сторону крестьянского права. Очевидна ограниченность выборки — протоколы привлекаются, как это обычно делается юристами, для иллюстрации того или иного обычно-правового казуса, не более.

В своей статье, предшествующей публикации, П.П. Чубинский отметил, что «решения в сборнике приводятся целиком, без исправления даже грамматики», а во введении к текстам указал, что решения судов «приводятся с точностию, но с исправлением правописания и с расстановкой знаков препинания ...»³⁹. Уже такие различия в характеристике публикации заставляют внимательнее отнестись к ней с точки зрения полноты сведений.

Очевидно, что ни в одной публикации не приведены имена волостных судей, чего прямо требует закон, и остается неясным: так — в записях, или опущено при публикации? Скорее второе, поскольку в некоторых протоколах (ч. 2, № 74, 75) говорится: «мы, нижеподписавшиеся ...», а указание на подписи отсутствует. Незначительность объема каждого дела заставляет предположить и существенное сокращение писарских записей судебных заседаний. Таким образом, можно допустить то, что тексты были подвергнуты существенной правке при издании и П.П. Чубинский неточно сформулировал принципы публикации источника.

Расположение решений в томе осуществлено по выделенным рубрикам, внутри них дела расположены не в хронологическом порядке; мало этого — под некоторыми делами не означена вовсе дата, а в одном случае (решение Богуславского волостного суда Каневского уезда Киевской губернии) проставлено «2 февраля 1861 г.», когда еще не было «воли» и волостных судов среди помещичьих крестьян. Неточны наименования разделов: в рубрике «кража животных» представлено дело о похищении рыбы из коша (№ 45), в рубрике «нанесение обиды евреям» — о причинении еврею побоев крестьянину (№ 187). Неряшливость в подходе к изданию материалов существенной важности — очевидна. Можно согласиться с одним из друзей П.П. Чубинского, писавшем о томе VI «Трудов экспедиции» как о «драгоценном сборнике», но и то, что это «сборник кое-как сшитый, почти не систематизированный и очень плохо отредактированный»⁴⁰.

Мало этого. При выборочном подходе к подбору решений судов для публикации можно не соглашаться с массовостью распространения тех или иных народных обычаев. Тем более, невозможно рассмотреть функционирование волостной юстиции, что

накладывает существенный отпечаток на окончательные выводы как об обычном праве, так и работе волостных судов. Автор произвольно выбирал даже из имеющейся у него тысячи копий то, что в большей мере отвечало его воззрениям, опускал, скорее всего, незначительное, опять же — с его точки зрения. Современный исследователь, приводя публикуемые решения в качестве иллюстративного материала, вряд ли имеет возможность на их основании делать значимые выводы даже о народных юридических обычаях. Ведь «каждый город — свой нор, а что ни деревня — то обычай». Подтверждает наш вывод и фраза в отчете РГО за 1870 г.: «Девятый отдел (о народных юридических обычаях — Л.З.) будет заключать Сборник *любопытнейших* (выделено нами — Л.З.) гражданских и уголовных решений волостных судов»⁴¹. Если составитель отчета не нашел иной формулировки, то ясно, что действительно были подобраны из ряда вон выходящие решения как гражданские, так и уголовные. Заметим, однако, что в отчете самого П.П. Чубинского, на основе которого был составлен отчет РГО, выделенное слово отсутствует.

Составитель назвал в предисловии причины обращения к решениям волостных судов. Должно заметить, при глубоком уважении к труду замечательного исследователя народного быта, что анализируемое издание характеризует не народные юридические обычаи, отражает не «умственное и нравственное состояние народа вообще», не практику волостных судов, а, в значительной степени — представления П.П. Чубинского о первом, втором и третьем. Тем менее оснований для выводов публикация дает современному историку, которому интересен ряд важных сторон функционирования волостного суда. Нет возможности выяснить количество рассмотренных в год дел, и частоту заседаний суда, и количество судей, и аргументацию сторон при решении дел.

Конечно же, можно согласиться с общим выводом публикатора, основанном на знании крестьянского самосуда: «У народа существует целый ряд правоотношений, которые вытекают из его экономической обстановки, обуславливаются его этнографическими особенностями и историческими судьбами. Здесь только волостной суд компетентен, потому что только он один солидарен с народом, с массой в воззрениях на подобные правоотношения. Состоящий из очередных и притом выборных судей, он таков, что никогда не выделится, не обособится от общенародной жизни»⁴². Но осуществить сравнение деятельности волостной юстиции в разных краях России, используя материалы, собранные П.П. Чубинским, невозможно. Отметим, однако, что представленные в публикации материалы — первая попытка привлечения массового материала для

решения вопроса о народных правовых обычаях и деятельности волостной юстиции.

В условиях резкой критики только что созданной волостной юстиции оценки П.П. Чубинского обращали внимание на положительные стороны только что начавших существование «по закону» крестьянских органов. Ведь наиболее распространенными в газетных и журнальных публикациях 60-х гг. были негативные оценки всего крестьянского самоуправления и волостного суда. Главные противники крестьянских общественных институтов — из среды консервативных сил. Они выпячиванием негативных сторон общественного самоуправления на уровне волости и общества стремились утвердить необходимость усиления сословного начала путем укрепления официального положения местного дворянства в качестве попечителя по отношению к сельскому населению. В начальный период формирования указанной идеи авторы работ, критикуя крестьянскую юстицию, утверждали необходимость обращения сельчан к суду своего бывшего господина⁴³.

Уже в 1864 г. — не прошло и трех лет с момента введения волостных судов среди бывших помещичьих крестьян, всего год назад закончилось составление уставных грамот и крестьяне стали более реально «свободными сельскими обывателями», еще только начиналось осмысление новых условий быта — авторы «Русского вестника» требуют контроля над судом и самоуправлением или со стороны местного помещика, или мирового посредника. Это необходимо, поскольку, по их мнению, крестьянские учреждения не выполняют поставленных перед ними задач и они — не более как «особый вид присутственных мест»⁴⁴. Позднее из тех же рядов вышли утверждения о необходимости или подчинения крестьянского суда мировому, или сохранения только первого⁴⁵.

С этой точки зрения работа П.П. Чубинского и его выводы относительно значения складывавшегося самоуправления и волостного суда не могут не вызывать самого глубокого уважения и признательности. Она представила один из итогов, на основании которых современниками был сделан вывод: «многие толки» о том, насколько плохи волостные суды, оказались «неверными и преувеличенными»⁴⁶.

---

¹ Н.В. Крестьянские волостные суды // Русский вестник, 1862.— Т. 1; Лугинин С. Волостные суды // Там же. 1864.— Т. 50; Мещерский В.П. Еще о волостных судах // Там же. 1864.— Т. 51; Аристов Н. Заметки о сельском управлении в России // Библиотека для чтения, 1864.— №8; Пестржецкий А. О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юсти-

- ции, 1861.— № 7; Геннади Г. Кое-что о волостных судах // День, 1862.— № 20; О волостных судах // Русское слово, 1864.— № 6; Станский Н. О крестьянских судах и об отношении их к мировым учреждениям // Московские ведомости. 1864.— № 97; Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; его же. Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1874.— № 2; его же. Неразрешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский суд) // Там же. № 3; Оршанский И. Народный суд и народное право. СПб., 1879; Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. Сб. ст.— М., 1884; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I. Собственность, обязательства и средства судебного охранения.— СПб., 1877; Т. II. Семейные права, наследство и опека.— СПб., 1879; Чепурный К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Киевские университетские известия. 1874. Сентябрь, октябрь, ноябрь; Мордовцев Д. Как народ сам себя судит // Дело, 1874.— № 1; Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882; Бразоль Г. Об упразднении волостных и сельских судов. Харьков, 1886; Сергеевич В. Опыт исследования обычного права // Наблюдатель. 1882.— № 1; Кистяковский А. Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом.— Т. VI.— СПб., 1872 (далее — Труды экспедиции); Птицын В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии.— СПб., 1886; Д.Д. Мысли сельского хозяина // Русский вестник, 1883.— № 4; Тютрюмов И. К вопросу о реформе крестьянского суда // Юридический вестник. 1886. Кн. 3 (ноябрь и мн. др).
- 2 Обследование Комиссией М.Н. Любошинского в 1872 г. Издание Комиссии: Труды Комиссии по преобразованию волостных судов (Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий). Т. 1–6.— СПб., 1873–1874; Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Отзывы различных мест и лиц.— СПб., 1873. См.: Земцов Л.И. Комиссия М.Н. Любошинского (К истории обследования волостных судов 1872 г.) // Вехи минувшего. Сб. науч. тр. ист. фак-та Липецкого гос. пед. ун-та. Вып. 2. Липецк, 2000.
- 3 Архив Русского Географического общества (АРГО). Ф.1-1862. Оп. 1. № 26; ф. 1-1870. Оп. 1. № 31; ф. 1-1873. Оп.1. № 16; ф. 1-1875. Оп.1. № 11; ф.1-1874. Оп. 1. № 28; ф. 1-1876. Оп. 1. № 29; ф. 1-1878. Оп. 1. № 40; разряд 109. Оп. 1. № 143.
- 4 Куницкий А.С. Украинский этнограф П.П. Чубинский (1839-1884) // Советская этнография, 1956.— № 1.
- 5 АРГО. Ф.1-1875. Оп. 1. № 11. Л. 4-9. Формулярный список коллежского асессора П.П. Чубинского.
- 6 Пантелеев Л.Ф. Воспоминания.— М, 1958.— С. 156, 158, 174.
- 7 См. первый указатель работ П.П. Чубинского: Киевская старина, 1884.— № 5. С. 138-142.
- 8 Чубинский П.П. По поводу лесохозяйства и лесокрадства // Основа, 1862.— № 6.
- 9 Волостные суды // Киевлянин. 5 марта. 1873.
- 10 Волков Ф. П.П. Чубинский. Отрывки из личных воспоминаний // Украинская жизнь, 1914.— № 1.— С. 44.
- 11 См.: Белецкий А. Из воспоминаний о П.П. Чубинском // Там же.— № 3.— С. 57.
- 12 Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма.— М., 1991.— С. 125.
- 13 См.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.).— СПб., 2000.— С. 97, 130.

- 14 АРГО. Ф.1-1875. Оп.1. № 11. Л. 4-9.
- 15 Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.4. Оп. 1. Д. 1878. Л. 1.
- 16 Там же. Л. 7 об. Объяснение Чубинского, старшего чиновника особых поручений, Архангельскому губернатору от 27 июля 1866 г.
- 17 АРГО. Ф. 1-1870. Оп. 1. № 31.— Л. 98 об.
- 18 АРГО. Ф.1-1875. Оп. 1. № 11.— Л. 4-9.
- 19 Миллер И.С. Указ. соч. С. 131.
- 20 В его письмах последующего времени на имя одного из руководителей Этнографического отделения РГО Л.Н. Майкова обращение — «Любезный друг Леонид Николаевич!» См.: АРГО. Ф. 1-1862. Оп. 1. № 26. Л. 340.
- 21 АРГО. Ф. 1-1873. Оп. 1. № 16.
- 22 Им была подготовлена работа: Свеклосахарные заводы Российской империи с официальными статистическими о них данными за кампанию 1871-1872 гг. Киев, 1873.
- 23 Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. СПб., 1878. В приложении приведены протоколы заседания Комиссии за 1876-1877 гг. Сведения за 1878 г.: АРГО. Ф. 1-1878. Оп. 1. № 40.— Л. 5 об.-6.
- 24 Павел Платонович Чубинский. Некролог // Киевская старина. 1884. № 2. С. 349.
- 25 АРГО. Ф.1-1862. Оп.1. Д.26. О снаряжении этнографической экспедиции в Западные губернии.
- 26 Там же. Л.225 об.
- 27 АРГО. Ф. 1-1870. Оп. 1. Д. 31. Л. 66 об. Письмо секретарю Общества барону Ф.Р. Остен-Сакену от 1 декабря 1870 г.
- 28 Там же. Л. 67.
- 29 Отчет ИРГО за 1870 г. СПб., 1871. С. 37; АРГО. Ф. 1-1870. Оп. 1. №31. Л. 54, 67.
- 30 Отчет ИРГО за 1870 г.— С. 38.
- 31 АРГО. Ф.1-1870. Оп.1. № 31. Л. 42.
- 32 Отчет Императорского РГО за 1869 г.— СПб., 1870.— С. 13.
- 33 АРГО. Ф.1-1862. Оп. 1. № 26.— Л. 300 об.
- 34 Там же. Л. 333 об.
- 35 Труды экспедиции.
- 36 АРГО. Ф. 1-1862. Оп. 1. № 26. Л. 259.
- 37 Труды экспедиции. С. VII.
- 38 Там же. С. VII, 29.
- 39 Там же. С. 30, 83.
- 40 Волков Ф. П. П. Чубинский. Отрывки из личных воспоминаний // Украинская жизнь, 1914.— № 1.— С. 58.
- 41 Отчет Императорского РГО за 1870 г. СПб., 1871. С. 41.
- 42 Труды экспедиции. С. X-XI.
- 43 В этом изначально заключалась позиция «Русского вестника» и его авторов: Лугинин С. Волостные суды // Русский вестник, 1864.— Т. 50; Мещерский В.П. Еще о волостных судах // Русский вестник, 1864.— Т. 51, а также прибавления к «Московским ведомостям» — «Современной летописи»: Заочный. Об организации крестьянского самоуправления // Современная летопись. 1863. № 39. См.: Земцов Л.И. «Русский вестник» 60-х гг. XIX в. о крестьянском суде // Барташевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 2000.
- 44 Мещерский В. Указ. ст. С. 782.
- 45 В.С. Нужны ли волостные суды? // Воронежский телеграф, 1869.— № 48; Бразоль Г. Указ соч.
- 46 Киевлянин, 5 марта 1873.

В.В. Тихонов

«В ИСТОРИИ ТАК МАЛО НЕЗЫБЛЕМЫХ ИСТИН...»

(К 130-летию со дня рождения
Алексея Ивановича Яковлева)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению научной деятельности и творческого наследия русского советского историка А.И.Яковлева. Представлены профессиональная деятельность историка, круг его научных интересов, основные труды.

Ключевые слова: историческая наука России, московская школа историков, Московский университет, В.О.Ключевский, Институт истории АН СССР, проблемы русского феодализма.

Summary. The article is devoted to the scientific activity and creative heritage of Russian soviet historian A.I.Iakovlev. His professional activity, scientific interests and main works are represented.

Keywords: historical science of Russia, Moscow historical school, Moscow university, V.O.Kluchevsky, History Institute of Academy of Science of the USSR, problems of Russian feudalism.

Алексей Иванович Яковлев был из тех историков, чье научное творчество являлось связующим звеном между дореволюционной академической исторической наукой и советской историографией. Будучи учеником В.О. Ключевского, он сам воспитал ряд исследователей, ставших продолжателями традиций московской школы в советское время. Его научная деятельность, с одной стороны, получила широкое признание в научных кругах, с другой — стала предметом яростной и жесткой полемики.

Нельзя сказать, что научное наследие Яковлева было обойдено вниманием исследователей. Тем не менее, посвященные ему работы, как правило, представляют собой либо краткие очерки его жизни¹, либо касаются отдельных аспектов деятельности². Обобщающего исследования об этом выдающемся историке до сих пор нет.

Алексей Иванович родился 18 декабря 1878 г. в Симбирске в семье известного чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Детство будущего историка проходило под пристальным вниманием его отца. По воспоминаниям И.Я. Яковлева: «Сын мой Алексей в детстве и юности был мечтательным, иногда слишком рассеянным, в обыденной жизни веселым, жизнерадостным мальчиком»³. Отец с детства подметил в мальчике способность к гуманитарным наукам. Следуя своим педагогическим принципам, И.Я. Яковлев, постарался дать сыну классическое образование, которое, по его мнению, должно было способствовать будущей

карьере ученого. Особенно хорошо его сыну давались древние и иностранные языки: еще до поступления в гимназию он прочитал основные памятники древнегреческой и латинской литературы в подлинниках. Любовь к древней литературе перешла в интерес к ушедшему прошлому. Как пишет И.Я. Яковлев: «Любовь к истории в нем проявилась в детстве: он рано стал с интересом читать книги исторического содержания»⁴. Но не только языки и история увлекали младшего Яковлева — большой интерес вызывала и философия. Прочтя в детстве и юности труды многих философов, Яковлев тем самым заложил в себе основы к теоретическому мышлению. Большое значение в жизни будущего историка играла религия, к которой он относился очень серьезно. Высокая образованность сочеталась в А.И. Яковлеве с глубокой религиозностью, которую он сохранил на всю жизнь.

Поступив в местную гимназию, Яковлев быстро проявил себя с лучшей стороны: получал хорошие отметки, в учебе отличался прилежанием⁵. Но из-за конфликта с классным руководителем, которого Яковлев обвинил в том, что тот «подтягивает» учеников за деньги, он окончил гимназию без медали. После окончания среднего учебного заведения молодой человек, уже определившийся со своим будущим, поступил в 1896 г. в Московский университет на историко-филологический факультет.

В Москве, по рекомендации друга его отца, А.П. Покровского, Яковлев был представлен И.Д. Цветаеву, который взял его под свое покровительство⁶. Благодаря знакомству с Цветаевым Яковлев стал вхож в круги московской интеллектуальной элиты.

В Московском университете начинающий историк попал в удивительную атмосферу научных поисков. Русскую историю продолжал читать знаменитый В.О. Ключевский, поразивший Яковлева своими лекциями. «В аудитории не особенно людной (налицо было тогда 50-т человек) идет обычный гомон, разговоры, беготня <...> Но вот наступает положенная лекция в 12.20, дверь открывается и в аудиторию входит согнутая фигура худошавого человека в вицмундире, с сединой в гладко причесанных волосах, зачесанных слева направо, и в жиденькой бороде <...> Аудитория сразу стихала. Поднявшись на кафедру, Василий Осипович сначала протирает свои очки, а затем погружается на несколько секунд в просмотривание своих вынутых из портфеля листков и потом начинает свое изложение. Аудитория замирает на 50 минут, <...> в течение которых звучит его спокойная, отчетливая, прозрачная, грамматически безукоризненная речь <...> отсутствие всякого лишнего слова, той художественной простотой. Этот артистизм речи был ее основной чертой. Наряду с этой чертой была другая, действовавшая как элек-

трический ток, сразу передававшийся всей аудитории. Это те нечастые, но почти в каждой лекции встречавшиеся эпизоды, когда лектор забывал на несколько минут свои заметки... и начинал передавать аудитории то, что он видел в эту минуту своим мысленным взором...»⁷, — вспоминал впоследствии Яковлев.

Именно под руководством Ключевского начинающий историк еще на первом курсе написал первое самостоятельное историческое исследование — «Вопрос о крепостных крестьянах в «Комиссии для сочинения проекта нового уложения» 1767-1768 гг.»⁸. Яковлев остановился на этой проблеме из-за ее слабой научной изученности, а также актуальности самого крестьянского вопроса. В своей работе он стремился рассмотреть три аспекта: 1) «как смотрело правительство на крепостное право»; 2) «как смотрели на крепостное право сами сословия, и чем обуславливались эти воззрения»; 3) «что на самом деле представляло из себя крепостное хозяйство в XVIII в.»⁹.

В начале исследования автор обратился к вопросу о происхождении крепостного права. Здесь он оттолкнулся от мысли В.О. Ключевского о том, что крепостное право как юридическая категория имело своими истоками холопье право¹⁰. «На крепостное право переносятся все приемы холопьем неволи <...> Крепостное право было экономической категорией, выросшей из прежних способов обработки земли». Переход от холопья к крепостному труду автор объяснил тем, что «возделывание земли руками холопов-рабов, как наиболее суровый вид принудительного труда, сделалось менее выгодным, нежели обработка посредством труда, оплачиваемого земельным наделом, предоставляемым крестьянину»¹¹.

Закрепощение крестьян историк, вслед за Ключевским, связывал с «повсеместным задолжанием крестьян помещикам, путем долгого и медленного процесса»¹². Успех закрепощения автор объяснил тем, что здесь совпали интересы как государства, которому нужны были тяглицы, так и помещика. По Яковлеву, функция законодательства в сфере крепостного права менялась со временем. Если первоначально оно «направлялось нуждами всего государства», которому необходимы были средства на поддержание армии в боевой готовности, то в XVIII в. крепостное право «окончательно приобрело характер частного института», обслуживавшего интересы дворянства.

В XVIII в. крепостное право, по мнению исследователя, стало служить интересам исключительно дворянства, придя в противоречие с нуждами государственного развития: «...интересы государства прямо нарушались крепостным правом: 1. повинности в пользу владельца лишали возможность правительство увеличивать

прямые налоги, заставляя его входить в прямые долги; 2. крепостное право поддерживало ненормальную густоту населения на нечерноземной полосе...»¹³.

Ситуацию можно было изменить после «Манифеста о вольности дворянства», так как с освобождением дворян от обязательной службы исчезла обязанность государства гарантировать им бесплатную рабочую силу (крепостных) для экономического поддержания их работы на государство. Тогда правительство имело полное юридическое и моральное право отменить крепостную зависимость. Но, как отмечал автор, «власть у нас продолжала быть неограниченной и самодержавной, но лица, облеченные этой властью были как бы оторваны от нее, случайно попав на самодержавный трон, они сидели на нем нетвердо»¹⁴. Поэтому императорская власть была не в силах отменить институт крепостного права, не рискуя вызвать серьезное недовольство дворянства — сословия, от которого оно всецело зависело. Когда правительство Екатерины II инициировало созыв Уложенной комиссии, ему пришлось считаться со всем вышесказанным.

Как отмечал Яковлев, сама Екатерина II была последовательной сторонницей отмены крепостного права, и если бы она проявила достаточно твердости, то вполне могла бы «продать» законопроект если не о его отмене, то хотя бы о существенном ограничении. Но «она по природе отличалась гибким характером, да и привыкла гнуть его по требованиям обстоятельств»¹⁵.

В своем исследовании Яковлев рассмотрел позиции различных социальных групп в Уложенной комиссии по вопросам крепостного права. Он заметил, что изначально «крепостной вопрос...был поставлен в очень неблагоприятные условия, так как в комиссии не было депутатов от крепостных и возбуждение его было предоставлено на произвол дворян и других сословий»¹⁶. Дворянство в массе своей признавало нормальным существующее положение дел. Тем не менее, оно «не развилось еще до осознания юридической неприкосновенности своих привилегий, оно не успело сомкнуться настолько, чтобы потребовать от правительства каких-либо новых преимуществ...и только умело просить об укреплении и выяснении своих прежних прав»¹⁷. Но были случаи, когда помещики сами ратовали за ослабление крепостного порядка. С точки зрения историка, причины этого заключались в экономической сфере, поскольку более свободный крепостной приносил больше дохода своему владельцу. Купечество также не стремилось поддержать отмену крепостного права. Единственным чаянием купеческого сословия было получение дворянских привилегий, что свидетельствовало об отсутствии самосознания у купечества.

Таким образом, по мнению Яковлева, деятельность Уложенной комиссии наглядно показывает, что русское общество еще не было готово к отмене крепостного права. Те немногочисленные проекты, в которых речь шла об ограничении прав помещика на крестьян, рассматривали крепостное право с экономической точки зрения. Автор выделил две группы таких проектов: первой он отнес те, где предлагали предоставить крестьянам свободу без земли, во второй — те, где предполагалось предоставить землю без личной свободы¹⁸. Таким образом, Яковлев сделал вывод, что нерешительность правительства и неготовность общества не позволили Уложенной комиссии достичь прогресса в вопросе крепостного права.

За эту работу Ключевский поставил начинающему историку высшую оценку «весьма удовлетворительно» и присудил золотую медаль на конкурсе студенческих работ¹⁹. Не менее высоко было оценено исследование Яковлева «Пьер Бейль как предшественник века Просвещения», написанное на четвертом курсе, за которое профессор кафедры зарубежной литературы Н.И. Сторожевский присудил автору серебряную медаль²⁰.

Показав себя незаурядным и трудолюбивым исследователем, Яковлев, тем не менее, не замыкался исключительно на учебе. В конце XIX — начале XX вв. обстановка в общественной среде Российской империи накалилась. Контрреформы Александра III и нежелание нового правителя Николая II идти на уступки требованиям общественности создали ситуацию, когда малейший повод мог привести к открытым проявлениям недовольства. В авангарде антиправительственного движения традиционно стояло университетское студенчество. Не избежал подобных настроений и Яковлев.

К этому времени относится его увлечение марксизмом. Блестяще владея многими иностранными языками, Яковлев перевел с немецкого языка работу В. Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX веке» и труд Т.С. Пепина «Страна рабочих клубов»²¹. В 1899 г. в стране началась всеобщая студенческая забастовка из-за ужесточения университетских правил, в которой Яковлев принял активное участие. Он входил в Исполнительный комитет бастовавших студентов Московского университета. Из-за инцидента со студентом Дурново, которого Яковлев ударил за то, что тот призывал завершить забастовку, его исключили из университета²². В ночь на 11 апреля в квартире Яковлева был проведен обыск и изъяты письма и книги, а сам историк вскоре уехал домой в Симбирск. Его переводы социалистических книг были уничтожены²³. Первоначально предполагалось исключить его из университета: ректор Д.Н. Зернов даже подписал соответствующие бумаги. Но

на защиту Яковлева встали весьма влиятельные люди. О его прощении ходатайствовали И.Д. Цветаев и В.О. Ключевский. Другом Яковлева был С.А. Попов, племянник Д.Н. Зернова, что тоже способствовало благополучному решению дела. За Яковлева перед В.О. Ключевским ходатайствовали студенты²⁴, а сам он послал Д.Н. Зернову письмо, где говорил: «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на 1-м курсе: редкий случай в истории русских университетов <...> По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о нем как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной наблюдательностью <...> Если Вы сможете смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника для русской науки и школы. Я со своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет»²⁵.

Благодаря заступничеству профессуры Яковлева вернули в Московский университет, который он благополучно окончил в 1900 году. После окончания университета перед ним встал выбор: начать карьеру ученого или посвятить себя другому делу. В.О. Ключевский настоятельно рекомендовал оставить его при факультете для подготовки к профессорскому званию. Свою поддержку выразил отец, обещав всячески помогать сыну в первое, самое трудное время начала его профессиональной научной деятельности: «Я со своей стороны считаю за лучшее остаться тебе при университете, у Ключевского, и со своей стороны готов высылать тебе ежемесячно до 60–65 рублей, только бы ты занимался и поскорее выдержал магистерский экзамен»²⁶.

Получив поддержку, молодой историк в течение трех лет готовился к магистерским экзаменам, которые он успешно сдал к 1904 году. После чтения пробных лекций его пригласили работать в Московский университет на должность приват-доцента. Началось время активной педагогической и научной работы. В университете он вел курсы по историографии и методологии истории²⁷. Интерес к теоретическим вопросам исторического познания выразился в том, что молодой историк начал писать фундаментальное методологическое исследование под названием «Эгерсис». Работу над этим исследованием ученый не прекращал на протяжении практически всей своей жизни.

Одновременно с Московским университетом он преподавал на Московских Высших женских курсах. Под его редакцией вышли в качестве учебных пособий сборники документов для студентов Московского университета и слушательниц курсов²⁸. В Московском

университете молодой преподаватель сразу стал заметной фигурой. Впоследствии своим учителем его считали такие известные историки, как А.А. Новосельский и Б.Б. Кафенгауз, учившиеся в то время в университете.

В скором времени после начала научной и преподавательской карьеры молодой ученый женился на выпускнице Казанской художественной школы Ольге Петровне Приклонской, талантливой художнице, авторе знаменитого карандашного портрета В.О. Ключевского. В 1906 г. у молодой четы родилась дочка Наталья (все-го у Яковлева и Ольги Петровны за их долгую совместную жизнь родилось трое детей²⁹). После этого остро встал вопрос о необходимости содержать семью. Благодаря хорошим отношениям с Ю.В. Готье в 1906 г. Яковлев устроился работать в Румянцевском музее на должность старшего помощника библиотекаря³⁰. Тем не менее, напряженная деятельность не приносила материального благополучия: семейство Яковлева оставалось небогатым. Неустроенность быта, однако, не мешала историку помогать приезжим коллегам. В письме А.Е. Преснякова от 18 декабря 1909 г. находим следующую запись: «У Алексея Ивановича — тесно, у него народу много, а какого — определить не очень умею <...>. В комнате, где я помещаюсь, работает за столом Алексей Яковлев»³¹.

Параллельно с работой в музее историк продолжал научно-исследовательский труд. Яковлева в первую очередь интересовали мало разработанные темы, требующие большой архивной работы. На долгие годы Московский архив Министерства юстиции становится его вторым домом. Он увлекается разбором архива Приказа сбора ратных людей, активно изучает проблемы истории русской колонизации. В это время окончательно складываются научные интересы и исследовательский почерк ученого. В методологическом плане он, в основном, придерживался позитивизма. Для работы историка характерной чертой становится стремление исследовать как можно больше архивного материала, предельно насытить свои работы фактами. Центром его научных изысканий становится XVII в. — эпоха во всех отношениях переходная. В это время в истории России происходит зарождение и медленное развитие тех общественно-экономических явлений, которые станут определять историю России XVIII в., а с другой — доживают свой век архаические элементы московской социально-политической системы. Яковлева интересовало, в первую очередь, последнее.

Во время работы Яковлев сблизился с глубоким знатоком московских архивов С.Б. Веселовским. Между ними установились дружеские и подчеркнуто уважительные отношения. С.Б. Веселовский в то время активно работал над изучением сошного письма

(системы налогообложения в Московском царстве). Эта проблема оказалась близка Яковлеву в связи с изучением деятельности Приказа сбора ратных людей и разверстки налогов на содержание Засечной черты. Веселовский стал постоянным собеседником и консультантом ученого. Еще одним человеком, который влился в их круг, был С.В. Бахрушин. Он на несколько лет позже закончил историко-филологический факультет, но с Яковлевым они стали друзьями³². С.В. Бахрушину также весьма помогли советы С.Б. Веселовского. Они навели начинающего исследователя на архивные материалы, связанные с историей Сибири, ставшей центральной темой в творчестве С.В. Бахрушина³³.

В 1909 г., в связи с тридцатилетием педагогической деятельности В.О. Ключевского, в научных кругах возникла идея опубликовать в честь этого события сборник. В подготовке сборника Яковлев, который до конца жизни сохранил благоговейное отношение к В.О. Ключевскому, сыграл одну из ключевых ролей, решая массу проблем организационного характера³⁴. Именно в сборнике в честь В.О. Ключевского была опубликована первая крупная работа Яковлева — статья «Безумное молчание».

Исследование было посвящено массовой психологии периода Смутного времени, в ней историк обратил внимание на «психологическое перерождение общества». С его точки зрения, «русские люди пережили в смуту сложный психологический перелом <...> Начав Смуту очень беспечно, с легким сердцем пустившись в авантюры самозванщины, они кончили Смуту с прояснившимися в их сознании понятиями общего блага, отечества и государства»³⁵. Автор проследил, как менялось массовое сознание в данный период. Если вначале письменные памятники рассматривали Смуту как «умножение грехов», то есть в русле традиционных провиденциальных концепций, то по мере развития кризиса в источниках появляется идея «общественной ответственности и общественной организации», когда ответственность за грехи падает на всех. Тем самым в обществе родилось стремление исправить положение дел. Более того, по мнению автора, «прояснение в руководящих элементах русского общества идеи ответственности сделалось, вероятно, поворотным моментом в развитии событий Смуты <...> почувствовав себя ответственными за политический порядок, они не могли не почувствовать себя и хозяевами его»³⁶.

Новаторство статьи не подлежит сомнению. Яковлев предложил, используя современную терминологию, историко-антропологическое исследование, ценность которого велика и сейчас. Статья на долгие годы стала обязательным чтением для специалистов по истории Смутного времени. Тем не менее, те тен-

денции творчества ученого, которые проявились в данной работе, в дальнейшем не стали определяющими.

Продолжал Яковлев трудиться и над диссертацией. Набранный за долгие годы фактический материал разросся в огромное по объему исследование. По совету С.Ф. Платонова Яковлев разбил свой труд на две самостоятельные части³⁷. Первую книгу под названием «Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» он опубликовал в 1916 году.

На эту тему автор натолкнулся при изучении финансовой политики московского правительства. Исследование было основано на архивном комплексе, хранившемся в МАМЮ, который касался восстановительных работ Засечной черты в 1638 году³⁸. Как писал историк: «Изучая документы, относящиеся к истории засечной черты, автор старался выяснить ее историческое значение, ее топографию и организацию, повинности населения по охране и восстановлению ее укреплений»³⁹. В традициях московской исторической школы в исследовании было уделено значительное внимание колониационным процессам в русской истории.

Рассматривая древнюю историю обороны южных границ, Яковлев отметил то, что в Киевской Руси политика защиты южных рубежей не имела успеха, поскольку не опиралась на народную колонизацию, способную закрепить временные успехи княжеских войск. После образования единого государства, оборонительная политика стала более сложной и приобрела наступательный характер. «Она слагалась из: 1) сторожевой казачьей службы; 2) поселений служилого люда; 3) укрепленных фортов, выдвинутых на степь; 4) засечной черты и течения Оки в арьергарде»⁴⁰. Центральным звеном этой системы в XVII в. оставалась Засечная черта. При ближайшем рассмотрении историк пришел к выводу, что это оборонительное сооружение не отвечало требованиям времени: «Хронологически черта была характерным продуктом XVI в.; в XVII в. ее военное значение было уже делом прошлого»⁴¹. Почему же московское правительство с таким упорством продолжало тратить колоссальные денежные и людские средства для поддержания черты? Автор связывал это с классовым аспектом государственной политики. Дело в том, что под защитой черты находились земли крупных землевладельцев⁴².

По мнению Яковлева, отнюдь не Засечная черта в XVII в. стала главным фактором защиты и освоения южных степей. Народная колонизация — вот что способствовало расширению московских границ. Но черта продолжала свое существование еще и из-за того, что являлась «символом сформировавшегося в XVI в. Москов-

ского государства и социального строя». Во многом существование черты имело важное идеологическое значение. «Образование черты служило наглядным выражением в глазах всех чинов людей идеи московской государственности, по настоящему взявшейся за оборону подвластной московскому государю территории. Самый масштаб этого дела должен был очень импонировать населению, как импонировал он и чужеземным наблюдателям»⁴³, — отмечал Яковлев. Он подчеркивал, что такая политика только задерживала темпы русской колонизации юга. Подводя итоги, он писал: «Оглядываясь на оборонительную систему южного фронта Московского государства в целом, поражаешься ее растянутостью, рыхлостью и особенно несогласованностью разведочной службы с размещением московской армии»⁴⁴.

В 1917 г. работа была с успехом защищена в качестве магистерской диссертации. Но Яковлев на этом не остановился, он сразу же выпустил следующее исследование, «Приказ сбора ратных людей», общим объемом 45 печатных листов. Посвященная Приказу, основной задачей которого являлся набор людей и сбор денежных средств на нужды обороны южных границ государства, работа тематически являлась продолжением предыдущей книги.

Центральной проблемой исследования было изучение эволюции податной системы Московского государства в XVII веке. Приказ сбора ратных людей, просуществовавший с 1637 по 1653 гг., рассматривался историком как этап развития этой системы. На историю финансовых институтов обращали внимание и раньше. Так, вопросы налогообложения рассматривались в трудах А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милокова. Большую полемику вызвали исследования Н.А. Рожкова и Ю.В. Готье. В них историки использовали писцовые книги для анализа социально-экономической ситуации в Московском царстве. Несмотря на интересные и скрупулезные исследовательские работы, историки справедливо были подвергнуты порицанию за некритическое отношение к писцовым книгам как историческим источникам. В этой связи показательна рецензия С.Б. Веселовского на книгу Ю.В. Готье «Замосковский край в XVII веке»⁴⁵. В ней автор отметил, что Ю.В. Готье некритически относится к данным писцовых книг. Этой проблеме С.Б. Веселовский посвятил свое фундаментальное исследование «Сошное письмо»⁴⁶. В книге автор наглядно показал, что сошное письмо, то есть разверстка податей «по сохе», является во многом условной и различной в разных регионах единицей обложения. На таком историографическом фоне Яковлев выпустил свою монографию.

В начале работы автор выказал свое понимание эволюции сошного письма. Он считал, что в сошном письме отразилось раз-

вите московской государственной идеи. На основе посошного обложения правительство стремилось провести унификацию взимания сборов по всему государству, тем самым отбросив пережитки удельного периода. Второй идеей, вложенной правительственным аппаратом в эту систему, было «отбывание некоторых повинностей на основании обязательной территориальной разверстки». Наконец, третьей — «идея централизации всех финансовых расчетов в Москве»⁴⁷.

В сошном письме, по мнению автора, выражалась идея неограниченного суверенитета государя над его подданными. Московские порядки, вышедшие из вотчинного режима, посредством унифицированного обложения стремились проникнуть во все сферы жизни, установить власть московского царя над финансовыми потоками страны⁴⁸. Несмотря на это стремление, сошное письмо не смогло окончательно привнести в московскую финансовую систему единства. По мере переписи приходилось учитывать местные условия, частные ситуации. Кроме того, государство было вынуждено отдать перепись на откуп посредникам, что уменьшало контроль над местными служилыми корпорациями. «Являясь искусственно отчетливым и законченным в своих конечных замыкающих формулах, сошное письмо оставалось расплывчатым и патриархальным в фазисе подготовки этих своих формул — отсюда странная арифметическая неряшливость писцовых книг, допускающих зачастую откровенную несогласованность слагаемых с итогом»⁴⁹.

Автор показал, что уездные служилые корпорации выказывали недовольство существовавшим сошным письмом, поскольку оно не учитывало их индивидуальные интересы при разверстке налогов, поэтому московское правительство пошло на эксперимент, реализованный в деятельности Приказа сбора ратных людей. Вместо расчета «по сохе» был применен расчет «по дворам». Яковлев считал, что именно в деятельности Приказа мы впервые сталкиваемся с введением «дворового числа». Дворовое число было шагом вперед на пути по дальнейшей индивидуализации обложения, то есть теперь обязательства перед государством строились с учетом положения отдельных плательщиков. Взамен государство окончательно сосредоточило в своих руках процедуру переписи повинностей, что позволило усилить государственный контроль над служилыми корпорациями. Таким образом, «податные формулы, развившиеся на основе дворового числа, были новой, более отчетливой и более законченной кристаллизацией государственной идеи — в этом их главное и основное значение»⁵⁰.

По Яковлеву, введение дворового числа привело к двум важным историческим последствиям. Во-первых, введение индивидуали-

зации обложения в отношении служилых людей способствовало их юридическому выделению из остальной массы плательщиков, что «послужило важным средством его слияния в ту юридически однородную и цельную дворянскую массу, которая складывается у нас в XVIII в.»⁵¹. Во-вторых, при переходе на индивидуализацию обложения произошло закрепление крепостнических тенденций в социально-экономическом развитии: «Государство обратилось к служилым людям с требованием: «вы отвечаете каждый порознь за податную исправность ваших крестьян», а служилый люд ответил на это: «но тогда и обеспечьте за нами наших крестьян, поскольку это зависит от вас»»⁵².

В исследовании Яковлева есть несколько любопытных наблюдений над ментальными аспектами законодательной политики в Московском царстве. Он отметил, что в законодательной деятельности того времени не хватало абстрактного мышления, у людей отсутствовало стремление мыслить отвлеченными юридическими формулами. «Такой характер логики сильно мешал широте кругозора и отчетливости умозаключений. Расчетливые на мелочи, всегда крепко себе на уме древнерусские люди не понимали и боялись крупной игры, не соображали части целого и общей связи, запускали и прозевывали то, чем должны были дорожить»⁵³.

Таким образом, на частном примере деятельности Приказа сбора ратных людей историк представил подробную картину эволюции не только финансовой политики, но и всего социально-экономического развития Московского царства.

Публикация обеих монографий стала важным событием для отечественной исторической науки. Поскольку первоначально это были части единого исследования, то мы вправе рассмотреть их как единый комплекс. В них проявились многие черты, свойственные новому поколению московских историков (Ю.В. Готье, С.Б. Веселовскому, С.К. Богоявленскому, С.В. Бахрушину). Так, обе работы написаны в позитивистском ключе, с привлечением отдельных идей неокантианства, и для них характерна предельная концентрация фактического материала. Внимание исследователя в этих работах было сконцентрировано в основном на юридических и экономических вопросах. Такой подход характерен для учеников В.О. Ключевского, которые экономику и законодательную деятельность правительства рассматривали как равновеликие факторы. Оба труда основывались на целостном архивном комплексе, тем самым Яковлев решил традиционную для историков проблему, заключающуюся в том, что архивы хранят документы по происхождению, а историки изучают прошлое по темам. Важнейшей составляющей исследования стала археографическая работа. Параллельно с пу-

бликацией монографий историк выпустил документальные сборники⁵⁴. В этом чувствовалось влияние С.Б. Веселовского, который считал, что исследователь должен не только обнародовать результаты своего труда, но и ввести в научный оборот те источники, на которых он основывал свое исследование, чтобы другие историки могли проверить его выводы. Сборник документов был опубликован с посвящением С.Б. Веселовскому.

Еще одной чертой исследований Яковлева является интерес к индивидуальным явлениям. Деятельность Приказа сбора ратных людей, и восстановительные работы Засечной черты — лишь эпизоды истории России в XVII в., но Яковлев вписывает их в контекст важнейших тенденций эволюции российской государственности. Большое внимание исследователь уделяет анализу психологической атмосферы эпохи. Все это позволяет сделать предположение и о влиянии на ученого неокантианских идей.

Значительная часть исследований была посвящена анализу развития «государственной идеи» в XVII веке. В этом, очевидно, проявилось наследие государственной школы, идеи которой были органичной частью историографии конца XIX — начала XX века.

Выпустив книгу в 1917 г., Яковлев в том же году защитил ее как докторскую. Таким образом, в один год он защитил две диссертации — случай в истории русской исторической науки небывалый! Вскоре он был избран ординарным профессором Историко-филологического факультета Московского университета с правом голоса⁵⁵. Кажется бы, перед ученым открылись все дороги, но социально-политические катаклизмы нарушили как нормальное развитие науки, так и судьбу историка.

Февральскую революцию Яковлев приветствовал, но считал, что в России только сильная власть способна управлять в такой важный исторический момент, поэтому участвовал в создании аграрной программы Л.Г. Корнилова⁵⁶. Октябрьскую революцию он не принял совершенно. Разруха и голод в стране, поражение в Первой мировой войне и неверие в способность большевиков вернуть Россию в русло нормального развития способствовали росту пессимистических настроений. По свидетельству Ю.В. Готье, Яковлев даже подумывал уехать из страны⁵⁷. Тем не менее, историк с приходом большевиков к власти оказался в своеобразном привилегированном положении, поскольку был знаком с В.И. Лениным еще по симбирской гимназии, а отец Яковлева хорошо знал отца Ленина. Прекрасные отношения у Яковлева были и с Дмитрием Ульяновым, братом В.И. Ленина. Пользуясь своим положением, он многое сделал для помощи своим коллегам в годы гражданской войны. Так, после ареста некоторых служащих Румянцевского музея, где про-

должал работать Яковлев, только его личное ходатайство к Ленину помогло их освободить. Вот как этот случай описывает Ю.В. Готье: «Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе: в том числе З.Н. Бочкарева и Юрьев, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними. Ленин: “Мы арестовали людей, которые будут нас вешать”. Яковлев: “Не эти, а другие будут вас вешать”. Ленин: “Кто же?”. Яковлев: “Это я вам скажу, когда будете висеть”»⁵⁸.

Параллельно историк принимал активное участие в спасении архивов, сохранность которых во время революционных событий была в опасности. Для координации деятельности архивных работников был создан Союз российских архивных деятелей, который имел отделения как в Петербурге, так и в Москве. Яковлев примыкал к московскому отделению. Большое внимание союз уделял подготовке новых специалистов в области архивоведения, для их подготовки были открыты специальные курсы, на которых преподавал и Яковлев. Ему доверили читать курс под названием «Обзор русской археографии и издания документов»⁵⁹.

Несмотря на покровительство Ленина, в Москве из-за нехватки продовольствия жить становилось все сложнее и сложнее, поэтому в августе 1919 г. Яковлев со своей семьей переехал в Симбирск к отцу⁶⁰. Два года историк жил на два города — Симбирск и Москву. В родном городе он получил должность директора Чувашского института (вскоре переименованного в Чувашский ударный институт народного образования). Как отмечал в своем дневнике друг отца Яковлева, А.В. Жиркевич, историк столкнулся с массой проблем в организации учебного процесса. «...Он с головой погружен в разные чувашские дела административно-хозяйственного свойства и, по его словам, терпит много неприятностей — в благодарность за свои хлопоты и труды — от разных хамов, и советских и чувашских»⁶¹. В дневнике Жиркевича осталась и характеристика историка: «А.И. Яковлев — человек удивительной доброты, а вместе с тем и житейской практичности»⁶².

Кроме трудностей и неприятностей были и положительные события. 30 июня 1920 г. Яковлева официально избрали членом Общества истории и древностей Российских при Московском университете⁶³. 21 июня 1921 г. Яковлева назначают ректором только что открытого Симбирского университета. Впрочем, это назначение историк принял скорее по необходимости, тяготясь административной работой.

Занятие ключевых должностей привело к тому, что Яковлев нажил себе множество врагов. Даже слава «находящегося под покровительством Ленина» не всегда спасала его. В 1922 г. ректором Чувашского ударного института народного образования был назначен местный партийный деятель И.Н. Яштайкин, который по назначению сразу же уволил Яковлева из института за «буржуазное» преподавание истории⁶⁴.

В 1925 г. историк принял предложение Ф.Э. Дзержинского возглавить библиотечное дело в аппарате ВСНХ. Параллельно он работал в РАНИИОН, где он, совместно с С.Б. Веселовским в 1926 г. выпускает два машинописных тома «Памятников хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры»⁶⁵. В РАНИИОН историк вел занятия аспирантов, именно здесь он заметил способного молодого исследователя Л.В. Черепнина, которого привлек к изданию документов по хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры. Наконец-то, пришло и признание коллег: 31 января 1929 г. историк избирается членом-корреспондентом Академии наук⁶⁶.

Относительно нормализовавшаяся жизнь историка вскоре в очередной раз была нарушена знаменитым «Академическим делом». Его взяли под стражу 12 августа 1930 г.⁶⁷ Его жена, О. Яковлева, в своем письме к М.Н. Покровскому утверждала, что во время допросов с ним случилось несколько сердечных приступов⁶⁸. После обстоятельной проработки, как и многих других представителей «старой школы», Яковлева отправили в ссылку, где ему пришлось прожить с 1930 по 1933 год. «Академическое дело» оставило неизгладимый след в жизни ученого: после ссылки он стал намного «сговорчивее» с властями.

После возвращения историк нашел работу в картографическом тресте, организовав там Бюро иностранной географической транскрипции⁶⁹. Специально для Д.И. Ульянова, возглавлявшего библиотечное дело в СССР, он написал обстоятельный доклад «О строительстве библиотек после войны 1914-1918 гг. в Соединенных штатах Америки»⁷⁰, где предложил перенять многое из опыта заокеанских коллег.

С 1938 г. историк перешел на работу в Институт Истории АН СССР. В это время Яковлев начал активную деятельность по поиску и изданию исторических источников. Скорее всего, именно в это время ученый приходит к выводу, что введение в научный оборот новых исторических документов является главной задачей историка-профессионала. Объяснение этой позиции мы находим в воспоминаниях известного историка Л.Н. Пушкарева, посвященных годам работы с Яковлевым. В разговорах с молодым сотрудником Института Истории, работавшего под его началом над из-

данием таможенных книг XVII в., уже маститый историк говорил: «*Поверьте, в истории так мало незыблемых истин. Я же об этом по собственному опыту сужу <...> Настанет время — все переменится. И критерии новые появятся, и периодизация иная будет, и взгляды новые, нам неизвестные, выскажутся! Все будет по-иному. А вот исторические источники — они как были, так и будут, это да, это — на века! Повесть Временных лет — она при всех переменах (неизбежных и непрременных!) Повестью Временных лет останется. И я на склоне лет пришел к выводу: в исторической науке только археография неизменна и постоянна. И самый благородный труд — это издание источников*»⁷¹.

Данную позицию Яковлев подкреплял активной работой на ниве археографии. В 1938 г. под его редакцией под грифом Института истории вышли «Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.)». Работа по подготовке кабальных книг к публикации была начата Яковлевым еще с весны 1914 г., но из-за социально-политических катаклизмов затянулась до 1930 г., когда удалось напечатать 1000 экземпляров (первый вариант книги был готов к 1928 г.⁷²). Тем не менее, в связи с начавшимся «Академическим делом» весь тираж был уничтожен, а работу пришлось начать заново⁷³.

К 1940 г. была подготовлена к печати и опубликована первая часть «Актów хозяйства боярина Б.И. Морозова». У этого издания тоже оказалась сложная судьба. Книга была готова к 1930 г.⁷⁴, но по изложенным выше причинам, также не увидела света. В 1933 г. в Ленинграде была издана лишь часть собранного ранее материала. Более того, издатели отказались от хронологического принципа расположения документов, заменив его принципом территориального происхождения источников. Как писал Яковлев в предисловии к новому изданию: «Редакция отказалась от поуздной разбивки, проведенной в издании 1933 г., так как в данном случае важнее хронологическая последовательность мероприятий Морозова и реакции на них подвластного ему населения, а не некоторая предположительная (на деле мнимая!) реальная целостность его хозяйственных операций в его уездно-окружном масштабе, тем более что хозяйственные группировки Морозова вовсе не совпадали с поуздным делением его вотчины»⁷⁵. Вторую часть удалось опубликовать только в 1945 году.

Несмотря на концентрацию Яковлева на археографической работе, он не оставил и чисто исследовательскую деятельность. Начиная с 30-х гг. он работал над фундаментальной монографией, посвященной эволюции института холопства в русской истории, но начавшаяся Великая Отечественная война заставила изменить

многие планы. В отличие от большинства сотрудников Института истории, Яковлев не уехал в эвакуацию, а остался в Москве. В почти покинутой столице он выполнял множество просьб и поручений от своих коллег. Так, он следил за сыном Б.Д. Грекова Игорем⁷⁶, помог С.Б. Веселовскому, по его просьбе спасти от уничтожения его уникальную библиотеку и личный архив⁷⁷.

Несмотря на трудное время, Яковлев заканчивает первый том своего фундаментального исследования о холопстве. В 1942 г. — в год когда учредили Сталинскую премию — книгу, еще находящуюся в рукописном варианте, затребовали для конкурса на присуждение премии. В начале 1943 г. книга была официально удостоена Сталинской премии второй степени в размере ста тысяч рублей. Все полученные деньги Яковлев передал Чувашской АССР и Мордовской АССР на создание приютов имени И. Сталина для сирот-детей воинов. В этом же году был опубликован первый том монографии «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.».

По замыслу автора исследование имело своей целью «истолковать смысл юридической постановки норм холопского кабального права несколько иначе, чем это делали прежние исследователи, и взять эти нормы в их живом развитии в связи с той житейской обстановкой, среди которой они зарождались, росли и слагались»⁷⁸. Для решения поставленной задачи историк привлек ранее не исследованные архивы. Яковлев рассматривал новое исследование как продолжение своих двух первых монографий. По его мысли, оно должно было дополнить картину социально-экономического развития Московского царства в XVII в., нарисованную им в предыдущих трудах. Но, несмотря на колоссальный объем проделанной работы, исследование, по меткому замечанию А.А. Зимина, получилось «сумбурным», перегруженным фактами и выдержками из источников, а мысль автора — не всегда ясной.

Книга открывалась экскурсом в историю холопства на Руси с древнейших времен. С точки зрения Яковлева, истоки института холопства надо искать в рабовладении. В Древней Руси основным источником богатства для князей была работорговля, а основным богатством — челядь, под которой автор понимал рабовиноплеменников. Но с конца X в. положение вещей меняется: «На смену князьям-рабовладельцам и князьям-экспортерам приходят князья-хозяева, заинтересованные не в заморских походах с челядью на баркасах, пирогах или филюгах, а занятые более глубокими хозяйственными интересами, развившимися и окрепшими в Поднепровье в XI в.»⁷⁹. Князья переходили от торговой деятельности к освоению своих земельных владений. Именно холопы стали первоначальной категорией зависимого населения, посаженной на

обрабатывание угодий землевладельцев. Несмотря на то, что нарисованная картина очень напоминала рабовладельческий строй, автор указывал в данной работе на то, что в истории России не было рабовладельческого периода. Следуя за Ф. Энгельсом, который утверждал, что германцы перешли в феодальную эпоху, минуя рабовладельческую формацию, исследователь писал: «Некоторые историки, исходя из факта существования рабов и работорговли у славян в IX и следующих веках, приходят к выводу о наличии в это время рабовладельческой формации и в Киевской Руси. Подобная точка зрения является неверной. Образованию рабовладельческой формации античного типа помешал общинный строй славян»⁸⁰.

В ходе исследования Яковлев сделал вывод, что «славянин» в раннем Средневековье был синонимом слова «раб». Более того, по Яковлеву, термин «холоп» происходил от «славянина»⁸¹ (что весьма сомнительно с научной точки зрения). Анализируя «Русскую Правду» в контексте эволюции холопства, автор специально выделил 14 статей памятника в особый «холопий кодекс»⁸². Таким образом, автор стремился доказать широкое распространение холопства в Древней Руси.

На значительную роль холопства в социально-экономической жизни Руси автор указывал и в период раздробленности (XIII–XV вв.). В это время холоп превратился в незаменимого работника княжеского хозяйства, трудящего во всех сферах деятельности князя. Холоп окончательно превратился в частную собственность своего господина. Именно из холопов формировались первые дворовые слуги крупных феодалов, которые впоследствии станут основой дворянского сословия.

С формированием единого русского государства холопий вопрос встал особенно остро, поскольку скопление в руках бывших уездных феодалов большого количества вооруженных холопов создавало угрозу для стабильности государства. Кроме того, это вызвало принципиальный конфликт «идеи суверенитета централизованного феодального государства с идеей своеобразного суверенитета времен феодальной раздробленности»⁸³. Тем не менее, московские власти не смогли радикально решить эту проблему. Вместо того, чтобы бороться с самим холопьем вопросом, московский государственный аппарат вел борьбу с частными его проявлениями. Важную роль в том, что государственная власть не могла решительно побороть холопство, играла «холопя идеология», то есть представление о неприкосновенности холопов как собственности господина. Яковлев выделил три составляющие этой идеологии: 1) нравственную, когда общественное мнение осуждало бегство

холопа от своего хозяина; 2) юридическую, по которой холоп принадлежал своему господину на «вещном праве» и 3) политическую, когда холоп мог зависеть только от политической воли господина⁸⁴.

Большую роль, в представлении автора, холопство играло в организации военного дела в Московском государстве. Холопы, как зависимые от феодала люди, составляли основу московского войска. По мнению Яковлева, даже на Куликовом поле победа была одержана именно холопскими отрядами⁸⁵.

С XVI в. правительство начало наступление на институт холопства, так как наличие огромного числа холопов лишало казну поступлений. Другой целью было лишить крупное боярство его слуг, обеспечив тем самым слугами дворянство. Путем осторожных полумер было введено «служилое холопство», когда холоп мог покинуть своего господина в случае его смерти. Тем самым, по мнению автора, на холопьем рынке была создана необходимая текучесть, которая способствовала доступу дворянства к холопам⁸⁶.

Еще одна неоднозначная мысль, которую историк высказал в своем исследовании, заключалась в том, что именно холопство стало основой генезиса крепостного права. По мнению автора, в результате социально-экономического развития Московского царства в XVII в. произошла «не отмена холопства, а превращение и холопа, и крестьянина в так называемую «ревизскую душу», соединившую в себе почти все отрицательные черты подневольного состояния и холопа, и владельческого крестьянина»⁸⁷. Еще более отчетливо данная идея была озвучена в более ранней работе Яковлева, дореволюционном популярном очерке о развитии крепостного права в России. «Крепостное право на крестьян развилось в Московском государстве XVI и XVII вв. из права холопьяго, из права на владение рабами, определившегося у нас еще в X и XI вв.»⁸⁸, — утверждал исследователь. Таким образом, в работах Яковлева довольно отчетливо прослеживается представление о взаимосвязи между холопством, имевшим истоками рабовладение, и крепостным правом — высшей формой феодальной зависимости. Надо отметить, что эта мысль была не нова для русской историографии. Так, генезис крепостничества и холопье право связывал еще В.О. Ключевский в своей статье «Происхождение крепостного права в России» и «Курсе лекций по русской истории». Эту идею поддерживали многие его ученики.

В приложении к тексту исследования Яковлев поместил источники, на которые он опирался в ходе своего исследования. Тем самым автор следовал своему принципу знакомить читателей не только с результатами работы, но и с тем документальным материалом, на котором эта работа основывалась.

Монография встретила неоднозначную оценку. Несмотря на официальное присуждение Сталинской премии, на книгу поступили противоречивые отзывы. В частном письме Яковлеву Б.Б. Кафенгауз, будучи его учеником, писал, что «книга производит впечатление полной новизны и свежести в освещении такого старого, казалось бы, вопроса. Обращение к новым архивным материалам и тонкий анализ их привели Вас к крупнейшему научному достижению»⁸⁹. Совсем иные оценки прозвучали от других историков.

Книга была подвергнута критике на заседании историков в ЦК ВКП (б) в 1944 году. С моральной точки зрения заседание представляло собой склоку между историками при активном участии власти, где каждый стремился обвинить как можно больше своих коллег. Критика на работу Яковлева (надо признать, иногда справедливая) прозвучала со стороны В.И. Пичеты, Б.И. Сыромятникова, С.В. Бахрушина, А.М. Панкратовой. А.М. Панкратова, видимо раздосадованная критическим отзывом Яковлева на книгу «История Казахской ССР», выпущенную под ее редакцией, из-за чего ее лишили Сталинской премии, доставшейся как раз Яковлеву, заявила: «Его книга «Холопы»... не только не является марксистской, но и не является патриотической книгой»⁹⁰. В итоге отдельные идеи, имевшие место в исследовании Яковлева, были официально осуждены. Так, в вину ему вменялось попадание под «влияние реакционных идей немецких историков» и «возрождение националистической идеологии»⁹¹.

Видимо, понимая шаткость своего положения, историк решил напомнить о своем особом статусе хорошего знакомого Ленина, который неоднократно помогал ему ранее. В 1944 г. он публикует небольшую статью о своих встречах с Лениным⁹². Статья должна была стать своеобразной индульгенцией для уже немолодого ученого.

Несмотря на это, настоящий вал критики обрушился на Яковлева в 1945–1946 годах. Старый друг С.В. Бахрушин опубликовал критическую рецензию. В ней он писал: «Автор отвергает наличие рабовладельческой формации у восточных славян. Но данное заявление идет вразрез с разделами книги, посвященными Киевской Руси. Материалы этих разделов поданы автором так, будто речь идет о рабовладельческой стране»⁹³. В заключении автор рецензии обвинил Яковлева в немарксистском подходе.

В противовес Бахрушину С.Б. Веселовский, выпустил не менее критический, но написанный исключительно в академическом духе разбор монографии. В ней автор, в частности, опровергал неудачные попытки Яковлева генетически связать термины «холоп»

и «славянин»⁹⁴. Сдержано, но беспощадно и местами очень верно, рецензент раскритиковал и общий тон книги: «...проф. Яковлев пересказывает своими словами извлеченные им из архивов казусы, большей частью в хронологическом порядке, каждый казус за особым номером. Изложение казусов сопровождается иногда замечаниями, иногда автор делает некоторые обобщения, но в общем предоставляет читателю самому разбираться в массе полусырого архивного материала. Таким образом, «конкретность» изложения доведена до крайних пределов»⁹⁵.

В чем же причина критики, казалось бы, официально признанной работы? С.Б. Веселовский, славившийся своей научной принципиальностью, скорее всего, просто отвергал ошибочные представления Яковлева, поэтому заподозрить его в осознанной травле трудно. Правда, время для критики он выбрал неудачное. Можно было бы предположить, что главным инициатором травли был Б.Д. Греков, поскольку тезис Яковлева о генезисе крепостничества из института холопства, очевидно, расходился с его концепцией социально-экономической эволюции России. Но сам Яковлев никогда не обвинял Б.Д. Грекова. С его точки зрения, главными его недоброжелателями были С.В. Бахрушин⁹⁶ и А.М. Панкратова. Последняя, как уже упоминалось, не могла простить Яковлеву рецензии на «Историю Казахской ССР», из-за которой книга была лишена Сталинской премии. В письме к В.П. Потемкину от 16 августа 1944 г. Яковлев прямо указывает на эту причину: «...в связи с атакой на «Холопство» поговаривают о каких-то дальнейших выпадах против меня. Это все, конечно, за Казахстан»⁹⁷. А вот найти причину конфликта с С.В. Бахрушиным сложно. По мнению А.А. Зимина, поводом для травли могло быть присуждение Яковлеву, в обход основного сообщества историков Института истории, Сталинской премии, что вызвало элементарную зависть⁹⁸. Что же действительно случилось между двумя старыми друзьями и коллегами, на данный момент сказать очень сложно, возможно на это прольют свет дальнейшие архивные изыскания. Тем не менее, после этой травли Яковлев дистанцировался от коллектива Института истории и продолжил свою научную деятельность в некотором удалении от коллег «по цеху».

В 1946 г. историк баллотировался в академики АН СССР, но, несмотря на то, что его выдвинули на соискание этого звания такие организации, как Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова, Центральный государственный архив древних актов, научный институт «Советская энцикло-

педия», а также группа ученых во главе с академиком Е.В. Тарле⁹⁹, Яковлев не получил звания. Во многом это было связано с той неблагоприятной атмосферой, которая сложилась вокруг историка после критики его исследования о холопстве.

В последние годы работы в Институте истории ученый сконцентрировался на археографической работе. Он сформировал группу по изданию таможенных книг XVII в., куда входили многие молодые и уже известные исследователи (например, З.Н. Бочкарева, Т.Н. Новикова, Л.Н. Пушкарев и др.). Плодом работы группы стал выпуск фундаментального издания «Таможенные книги Московского государства XVII века» под редакцией Яковлева¹⁰⁰.

В то же время Яковлев неоднократно возвращался и к своему методологическому исследованию «Эгерсис». Работа к тому времени разрослась до 900 страниц. Попытки ее опубликовать окончились неудачей, поскольку представления Яковлева о природе познания не вписывались в материалистическую концепцию. В концентрированной форме идеи, заложенные в книге, автор изложил в небольшой, самостоятельно напечатанной брошюре под аналогичным названием, которую он раздавал только самым близким друзьям и коллегам. Один экземпляр был обнаружен в фонде академика Л.В. Черепнина¹⁰¹.

Название «Эгерсис» переводится с греческого как «пробуждение». Тем самым, автор указывал на революционный характер этой работы. Само исследование строилось на учении э г е р т и з м а. Под этим термином Яковлев понимал идею «оволенного сознания»¹⁰², т.е. такого сознания, которое целенаправленно концентрирует свою волю на познании мира. В его понимании эгертизм — это «совокупность гносеологических принципов и указаний, обозначающих общий поворот внимания к мыслительной воле»¹⁰³. Историческое знание, в понимании автора, является знанием «изображающим и объясняющим». Но именно объяснения не хватало многим историческим работам. По мнению историка, современные ему исторические исследования отличаются стремлением к упрощенному познанию исторической действительности, поэтому ученые должны сделать над собой усилие для воспитания в себе стремления к изучению действительности во всей ее сложности. Основой такого поворота должно было стать целенаправленное внимание к методологии исследования.

Яковлев признавал, что «всякое знание и формы его условны и относительно»¹⁰⁴. С точки зрения автора, при исследовании прошлого ученый должен руководствоваться следующими посылами: «1) осознанное знание гносеологически выше стихийного; 2) пол-

ное знание выше частичного; 3) отчетливое знание выше смутного; 4) классифицированное знание выше беспорядочно нагроможденного; 5) внутренне и внешне соображенное знание выше бессвязного, механически скученного; 6) методологически маневренное и реактивное знание выше только регистрирующего и отражающего»¹⁰⁵.

«Эгерсис» напоминает скорее не классическое историко-методологическое исследование, а своеобразный кодекс исследователя, его этический катехизис. Из-за обилия терминов, в основном древнегреческого происхождения, вводимых автором, его работа крайне трудна для восприятия. Но тем не менее многие соображения историка остаются актуальными до сих пор.

Одной из последних ярких работ историка стала его статья о своем учителе, В.О. Ключевском. К Ключевскому Яковлев до конца жизни относился с благоговением. По воспоминаниям Л.Н. Пушкирева над его рабочим столом всегда висел портрет автора «Курса лекций по русской истории»¹⁰⁶.

Василию Осиповичу Яковлев посвятил обширную статью¹⁰⁷, сочетающую в себе как анализ исторической концепции великого историка, так и личные воспоминания Яковлева о своем учителе. Для него Ключевский-человек и Ключевский-ученый были неразрывны. В работе достаточно рельефно была высказана мысль о том, что наследие великого историка продолжает влиять на развитие советской исторической науки.

В статье он обратил внимание на уникальную манеру чтения Ключевским лекций, принесшую ему всеобщую славу. Он отметил его бескорыстность, любовь к своей профессии, стремление помочь студентам. Обо всех этих качествах Яковлев знал не понаслышке. Именно Ключевский помог ему вернуться в Московский университет после того, как его выгнали за участие во всеобщей студенческой забастовке в 1899 году.

Яковлев подчеркивал, что верность научной традиции, которую Ключевский перенял от своих более старших коллег, позволила ему получить «замечательную школу тонкой и надежной критической работы». Автор подробно описал быт Ключевского, который, несмотря на всеобщее признание, продолжал жить более чем скромно: «До своей предсмертной болезни он обходился даже без особой кровати и спал всегда в кабинете на диване, и сам раскидывал для ночлега скатанную для него кровать»¹⁰⁸. В этом отрывке рельефно проглядывается стремление Яковлева придать образу Ключевского подвижнический характер.

Значительная часть статьи была посвящена рассмотрению исторических взглядов Ключевского. Здесь автор позволил себе бросающуюся в глаза модернизацию его концепции. Очевидно, в

угоду сложившейся политической обстановке исследователь написал следующее: «В царствование Ивана IV было сокрушено мешавшее <...> ходу дел своими настроениями и выступлениями старое боярство, неспособное изжить свои удельные претензии»¹⁰⁹. Напомним, что Ключевский рассматривал деятельность Ивана IV во многом как случайный исторический эпизод. Яковлев же построил пересказ его взглядов таким образом, что получалось, будто бы в концепции Ключевского все действия Ивана IV были направлены на сокрушение пережитков удельной эпохи и тем самым приобретали важный исторический смысл. Такая трактовка органично вписывалась в сталинскую историческую концепцию, восхвалявшую Ивана IV. В этом, очевидно, проявилось стремление автора «осоветить» Ключевского, подогнать его научное наследие под «современные требования».

Впрочем, даже такой шаг не спас автора статьи от резких критических выпадов как в его адрес, так и в адрес его покойного учителя. Статья Яковлева, как, впрочем, и вся его остальная деятельность, была подвергнута критике В.И. Шунковым на заседании ученого совета Института истории «По обсуждению недостатков и задач научно-исследовательской работы института» 18 октября 1948 г. Докладчик в негативном ключе отметил, что Яковлев показал непреходящее значение трудов Ключевского, в том числе и для советской исторической науки: «...создается впечатление, что современная историческая наука возникла как простой преемник развития предыдущих прогрессивных учений. Разве здесь не воскуряется фимиам буржуазной науке?»¹¹⁰.

В журнале «Вопросы истории» в самом начале борьбы с «космополитами» и «буржуазными объективистами» появилась редакционная статья, в которой утверждалось, что «Яковлев опубликовал статью о Ключевском, наполненную безудержным восхвалением этого историка». Особенно возмутило авторов заметки то, что Яковлев изобразил Ключевского как предшественника всей современной ему историографии, тем самым связав советскую и дореволюционную историческую науку¹¹¹.

Другая разгромная статья была напечатана тогда еще начинающим историком В.Т. Пашуто¹¹². В рецензии, написанной на «Ученые записки», где была опубликована статья Яковлева, В.Т. Пашуто писал: «...статья А.И. Яковлева чужда марксистской историографии». Автор обрушился на утверждение Яковлева, что именно верность критическому подходу к историческому источнику позволила автору «Курса лекций...» получить объективное представление об историческом процессе. В.Т. Пашуто утверждал: «Это положе-

ние не может быть принято, так как приемы буржуазного источниковедения основаны на определенных классовых, политических принципах». По мнению рецензента, Яковлев «написал не научную историографическую статью, а панегирик Ключевскому, и тщетно было бы искать в этой работе попытки методологически правильно оценить творчество Ключевского». Напоследок автор рецензии сделал следующий вывод: «...редколлегия «Записок» отошла от принципа большевистской партийности и допустила грубую политическую ошибку, напечатав статью А.И. Яковлева»¹¹³. Симптоматично, что рецензия была опубликована в том же номере, что статья Л.В. Черепнина, критиковавшая наследие академика А.С. Лаппо-Данилевского¹¹⁴.

Некоторая часть критики была, безусловно, верна. Так, излишняя бытовая детализация помещала автору написать действительно научный портрет великого историка. Но в целом тон рецензии был вызывающим. В науке, как и во всей стране, шла кампания борьбы с космополитами и «буржуазным объективизмом», поэтому обвинения в «немарксистском подходе» могли дорого обойтись уже немолодому корифею исторической науки. Щекотливость ситуации заключалась еще и в том, что В.Т. Пашуто был одно время довольно близок к Яковлеву и участвовал в его домашнем семинаре, посвященном морозовским актам¹¹⁵.

Историк болезненно реагировал на травлю в печати. Ко всему прочему Отдел агитации и пропаганды ЦК партии в 1949–1950-х гг. проводил проверки в Институте истории, и Яковлев попал под пристальное внимание «органов». По итогам проверок была вынесена следующая резолюция: «Академик С.Б. Веселовский и член-корреспондент А.И. Яковлев проповедовали идеалистические концепции буржуазно-либерального толка, порой сближающиеся с кадетскими»¹¹⁶.

Так же, как и многие другие представители его поколения Яковлев помнил «Академическое дело» и опасался повторения тех событий. В 1950 г. он написал обстоятельное письмо президенту академии, академику С.И. Вавилову, где отметал все обвинения в «буржуазном объективизме» и напоминал о своих заслугах перед наукой¹¹⁷. Очевидно, что эти события способствовали ухудшению здоровья Яковлева, умершего 30 июля 1951 года. Историка похоронили на Новодевичьем кладбище. После его смерти в журнале «Вопросы истории» появился некролог, написанный его учеником Л. В. Черепниным¹¹⁸.

Алексей Иванович Яковлев оставил заметный след в исторической науке. По воспоминаниям современников, он был челове-

ком, который умел располагать к себе других. Эта черта характера способствовала тому, что Яковлев был дружен практически со всеми крупными учеными своего времени. Его жизнь и научная деятельность помогли донести ценности московской исторической школы до следующего поколения исследователей, сгладив тем самым разрыв между эпохами в отечественной историографии. На примере научного творчества Яковлева можно отчетливо проследить эволюцию московской исторической школы в первой половине XX века. Чертами этого научного сообщества были интерес к истории XVII в., повышенное внимание к археографической работе (что было несвойственно московским историкам предыдущего поколения), предельная концентрация фактического материала в историческом исследовании. При этом представители младшего поколения московских историков сохранили многие черты своих более старших коллег: внимание к социальным и юридическим аспектам развития общества, интерес к истории колонизации и финансовой истории.

Несмотря на бурное и неоднозначное время, А.И. Яковлев оставил многоплановое и интересное наследие. Многие из него до сих пор неизвестном широком научным кругам. Поиск и публикация неизвестных работ историка является важной задачей историографической науки.

-
- ¹ *Бочкарев В.Н.* А.И. Яковлев // Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1952.— № 15. С. 101–120; *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки.— Чебоксары, 1998.— С. 300–311. *Александров Г.А.* Историк А.И. Яковлев // Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы.— Чебоксары, 2002.— С. 172–201. Он же. Алексей Иванович Яковлев — историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003.— № 8.— С. 151–158. Он же. Прекрасный работник для русской науки и школы // Ученые: иллюстрированное издание. Т. 4.— Чебоксары, 2006.
  - ² *Душинов С.М.* К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник. 1976.— М., 1977.— С. 111–120; Он же. Личные фонд А.И. Яковлева в Архиве АН СССР // Советские архивы. 1981.— № 5.— С. 48–52; *Клатшюк, В. Т. А. И.* Яковлев — историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (к 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник МГКУИ. 2005.— № 2.— С. 144–150.
  - ³ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. М., 1997.— С. 388.
  - ⁴ Там же. С. 392.
  - ⁵ АРАН Ф. 665 (А.И. Яковлева). Оп. 1. Ед. хр. 214.
  - ⁶ *Яковлев И.Я.* Указ. соч. С. 355.
  - ⁷ АРАН Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 119.— Л. 4–6.
  - ⁸ Там же. Ед.хр. 1.
  - ⁹ Там же. Л. 211 об.

- 10 *Ключевский В.О.* Происхождение крепостного права в России // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах.— М., 1990.— Т. VIII.— С. 124, 192.
- 11 АРАН Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 1.— Л. 213–213 об.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Л. 220.
- 14 Там же. Л. 228 об.
- 15 Там же. Л. 229.
- 16 Там же. Л. 230–230 об.
- 17 Там же. Л. 234.
- 18 Там же. Л. 278 об.
- 19 Там же. Ед.хр. 274. Л. 18.
- 20 Там же. Ед.хр. 2.
- 21 Там же.
- 22 ГА РФ Ф. 63. Оп. 1. Д. 80. Т.1.; Д. 408.
- 23 АРАН Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 390.— Л. 10 об.
- 24 *Ключевский В.О.* Дневники и дневниковые записи // *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 томах.— М., 1990.— Т. IX.— С. 311.
- 25 Там же. С. 489.
- 26 *Яковлев И.Я.* Письма. Чебоксары, 1985.— С. 237.
- 27 АРАН Ф.665. Оп. 1. Ед.хр. 121.
- 28 Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / под ред. *А.И. Яковлева*.— М., 1909.
- 29 *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки.— Чебоксары, 1998.— С. 309.
- 30 *Коваль Л.М.* Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей.— М., 2007.— С. 104, 112 и др.
- 31 *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005.— С. 656.
- 32 См. переписку: АРАН Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 295.
- 33 *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.— С. 37.
- 34 *Богословский М.М.* Ключевский — педагог // *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987.— С. 62.
- 35 *Яковлев А.И.* «Безумное молчание» // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому.— М., 1909.— С. 652.
- 36 Там же. С. 676–677.
- 37 *Яковлев И.Я.* Указ. соч. С. 396.
- 38 *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. II.
- 39 Там же. С. III.
- 40 Там же. С. 5.
- 41 Там же. С. 284.
- 42 Там же. С. 13.
- 43 Там же. С. 285.
- 44 Там же. С. 287.
- 45 *Веселовский С.Б.* Рец. на кн.: Готье Ю.В. «Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. 13. С. 413–431.
- 46 Он же. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2.— М., 1915–1916.
- 47 *Яковлев А.И.* Приказ сбора ратных людей.— М., 1917.— С. 7–9.
- 48 Там же. С. 17.
- 49 Там же. С. 30.
- 50 Там же. С. 543.

- 51 Там же. С. 545.
- 52 Там же.
- 53 Там же. С. 551.
- 54 *Яковлев А.И.* Счетное дело Приказа сбора ратных людей.— М., 1916.
- 55 АРАН Ф. 665. Оп 1. Ед.хр. 274.— Л. 4.
- 56 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Август 1917.— М., 1991.— С. 50; Миллюков П.Н. История второй русской революции, М., 2001.— С. 357.
- 57 *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории, 1992. № 1.— С. 124.
- 58 Там же. 1991.— № 11.— С. 158.
- 59 ГА РФ р-5325 Оп. 9. Ед.хр. 53. Л. 3 об; *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела // Русский исторический журнал, 1918. Кн. 5. С. 220; *Николаев А.С.* Реформа архивного дела в России // Исторический архив, 1919.— Кн. 1.; Летопись архивной жизни // Там же. С. 486.
- 60 *Жиркевич А.В.* Мои встречи с И.Я. Яковлевым.— Чебоксары, 1998.— С. 219.
- 61 Там же. С. 245.
- 62 Там же. С. 246.
- 63 АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед.хр. 222.
- 64 *Александров Г.А.* Историк А.И. Яковлев // *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: Биографии и судьбы.— Чебоксары, 2002.— С. 186.
- 65 АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 35–36.
- 66 Там же. Ед.хр. 225.
- 67 Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993.— С. 9.
- 68 АРАН Ф. 1759 (М.Н. Покровского). Оп. 4. Ед.хр. 309. Л. 3–3 об.
- 69 АРАН Ф.665. Оп. 1. Ед.хр. 274.— Л. 5.
- 70 Там же. Ед.хр. 44.
- 71 *Пушкарев Л.Н.* Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001.— С. 160.
- 72 АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 38.
- 73 *Яковлев А.И.* Введение // Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.). М.-Л., 1938. С. IV.
- 74 АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 39.
- 75 *Яковлев А.И.* Археографическое введение // Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. 1.— М.-Л., 1940. С. 4.
- 76 АРАН Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 338. Л. 12 об.
- 77 *Веселовский С.Б.*— Яковлеву А.И. Казань, 26 сентября 1941 г. // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками.— М., 1998.— С. 471.
- 78 *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.-Л., 1943.— Т. 1.— С. 6.
- 79 Там же. С. 11.
- 80 Там же.
- 81 Там же. С. 13.
- 82 Там же. С. 21.
- 83 Там же. С. 28.
- 84 Там же. С. 28–29.
- 85 Там же. С. 31.
- 86 Там же. С. 43–45.
- 87 Там же. С. 36.
- 88 *Яковлев А.И.* Очерк истории крепостного права до половины XVIII века // Великая реформа, М., 1911.— С. 3.
- 89 АРАН Ф. 665. Оп.1. Ед.хр. 377.— Л. 1.
- 90 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С.

- 91 Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 191, 203.
- 92 Яковлев А.И. Четыре встречи с В.И. Лениным // Исторический журнал, 1944.— № 1–2.
- 93 Бахрушин С.В. О работе А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» // Большевик, 1945.— № 3–4.— С. 74.
- 94 Веселовский С.Б. рец. на книгу: Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. // Исторический журнал, 1944.— № 10–11.— С. 114–119.
- 95 Там же. С. 114.
- 96 АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 274.— Л. 8.
- 97 АРАН Ф. 574 (В.П. Потемкин). Оп. 4. Ед.хр. 70.— Л. 6-6об.
- 98 Зимин А.А. Патриархи // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 42.
- 99 АРАН Ф. 1577. (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Ед.хр. 194. Л. 56.
- 100 Таможенные книги Московского государства XVII века. Т.1-3. М.-Л., 1950.
- 101 АРАН Ф. 1791. (Л.В. Черепнин) Оп.1. Ед.хр. 467.
- 102 Там же. Л. 95.
- 103 Там же. Л. 9.
- 104 Там же. Л. 98.
- 105 Там же.
- 106 Пушкирев Л.Н. Указ. соч. С. 157.
- 107 Яковлев А.И. В.О. Ключевский (1841–1911) // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6.— Саранск, 1946.— С. 94–131.
- 108 Там же. С. 128.
- 109 Там же. С. 125.
- 110 АРАН Ф. 1577. Оп. 2. Ед.хр. 194. Л. 44.
- 111 Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории, 1948.— № 12.— С. 7–10.
- 112 Пацуто В.Т. Рец. на книгу: Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Т. 6. 1946; Т. 9. 1947. Саранск // Вопросы истории, 1949.— № 8.— С. 136–140.
- 113 Там же. С. 140.
- 114 Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949.— № 8.
- 115 Зимин А.А. Указ. соч. С. 43.
- 116 Цит. по: Клашинок, В. Т. А. И. Яковлев — историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (к 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник МГКУИ. 2005.— № 2.— С. 150.
- 117 АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед.хр. 274.
- 118 А.И. Яковлев [Некролог] // Вопросы истории, 1951.— № 9.— С. 168.

М.Б. Шейнфельд

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ ГЕФТЕР

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению жизненного пути и научного творчества советского историка послевоенного поколения М.Я. Гефтера. Прослеживается трансформация его жизненной и исследовательской позиций в меняющихся реалиях второй половины XX в.*

***Ключевые слова:** историческая наука, политика, идеология, сталинизм, марксизм-ленинизм, «оттепель», «перестройка».*

***Summary.** The article is devoted to the life and scientific activity of the soviet historian of post-war generation M.Ia.Gefer. It's represented his life and research positions' transformation under the conditions of the second half of the XX c.*

***Keywords:** historical science, policy, ideology, Stalinism, Marxism-Leninism, "thaw", "perestroika".*

Михаил Яковлевич Гефтер — видный историк, публицист, общественный деятель, автор более 240 опубликованных работ¹. Как историк, он проявлял себя по-разному в собственно исторических конкретных исследованиях, статьях и выступлениях по методологии истории, работах историософского направления, в общественно-политической публицистике. Его путь был связан с основными изменениями в жизни страны и исторической науки и в то же время во многом индивидуально неповторим и своеобразен, отражая черты характера и миропонимания. При всех отличиях отдельных этапов жизненной и научной биографии Гефтера с их большими мировоззренческими переменами и драматическими поворотами он предстает целостным и единым в обосновании отставания прогрессивных начал развития общества, нравственных идеалов и научной истины.

Статья на широкой источниковой базе освещает жизненный и научный путь Гефтера, еще недостаточно изученный в литературе. Полагаем, что здесь обосновано особое внимание и к проблемам становления Гефтера как историка, и к этапам его работы как научного сотрудника Института истории в 1950 — первой половине 1970-х гг. В эти годы он не только разрабатывает крупные проблемы российской и всемирной истории, но и вносит свой вклад в преобразование методологических основ исторической науки.

Гефтер родился в Симферополе 24 августа 1918 года. После окончания средней школы он поступает на исторический факультет Московского университета. Целеустремленный, выдающийся своими успехами в учебе, активный общественник и пропагандист идей коммунизма — таким выступает он в воспоминаниях своих сверстников. Гефтер быстро приобретает известность на факультете и в целом в университете. Он получил диплом с отличием.

Появились и его первые научные публикации по истории Московского университета, помещенные в «Ученых записках МГУ» за 1940 год.

Окончание университета совпало с началом Великой Отечественной войны. Гефтер стал комиссаром студенческого батальона МГУ, работавшего на строительстве оборонительных сооружений. В октябре 1941 года он ушел добровольцем в истребительный батальон Красной Пресни, затем воевал рядовым в 5-й Московской коммунистической дивизии под Ржевом. После второго тяжелого ранения и контузии в сентябре 1943 года он был демобилизован. На фронте Гефтер вступил в партию.

В своих публичных выступлениях Гефтер отдал дань высокому уважению погибшим на фронте выпускникам исторического факультета университета. Война принесла и лично ему тяжелые утраты — в Крыму погибли его мать и брат, ставшие жертвами гитлеровского геноцида евреев.

После выхода из госпиталя Гефтер работал в ЦК комсомола и, как он пишет позднее в записках «История Моего Современника», «впервые начал серьезно заниматься историей, не в том смысле, что уже что-то писать. Он учился думать»².

В 1948–1950 гг. Гефтер учился в аспирантуре Института истории АН СССР под руководством А.Л. Сидорова. В 1950 г. он стал младшим научным сотрудником этого института, а в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Царизм и монополии в топливной промышленности России накануне Первой мировой войны». Так определилась основная тема его научной работы, которая ввела его в новое направление изучения социально-экономического и общественно-политического развития России конца XIX — начала XX вв. Крупные статьи Гефтера были опубликованы в исторических журналах, сборниках и в Большой советской энциклопедии. Ему принадлежат также разделы в учебных пособиях по истории России конца XIX — начала XX вв.

Важнейшей составной частью научной работы Гефтера в Институте истории с начала 1950-х гг. явилось его участие в создании 10-томника «Всемирной истории». Главный редактор этого издания академик Е.М. Жуков ввел Гефтера в состав главной редакции. Особенно большой вклад внес Гефтер в подготовку седьмого тома «Всемирной истории», опубликованного в 1960 г. Он входил в состав его редакции и написал ряд разделов по истории России конца XIX — начала XX вв. В качестве члена главной редакции «Всемирной истории» Гефтер принял участие в работе над десятым томом и заключительной его главой. Этот том вышел в 1965 г.

Мировоззрение Гефтера не оставалось неизменным. Объективной основой постепенных изменений в его научных и общественно-

политических взглядах была сама историческая действительность. Решение XX съезда КПСС и «оттепель» в ее различных общественных проявлениях оказали большое воздействие на Гефтера, как и на многих других ученых страны. Теоретико-философские идеи становились его внутренним убеждением через углубление самого исследовательского метода подхода к истории и в результате постепенного пересмотра ряда проблем всемирной и российской истории. В этом отношении очень важно свидетельство доктора философских наук И.К. Пантина: «Когда мне довелось познакомиться с ним (это было весной 1962 года), им неудержимо начинала овладевать мысль о том, что усложнение мировой истории XX века, используя его более позднее выражение, «требует и более сложных методов проникновения в ее генезис». В ту пору перед ним еще не стоял вопрос о преодолении Маркса и марксизма, но его мысль уже, бесспорно, наталкивалась на невозможность, оставаясь в рамках прежнего понимания исторической теории Маркса, свести воедино в одном историческом синтезе старые и новые факты развития общества»³.

В середине 1960-х гг. наступил новый этап в научной деятельности Гефтера. Были внесены существенные коррективы в его исторические и общественные взгляды. Он разделял идеи «шестидесятников».

Резко возрос интерес Гефтера к методологическим проблемам истории, аналитическому анализу конкретных исторических исследований. В связи с подготовкой седьмого тома «Всемирной истории» была опубликована его статья «Важные вопросы истории России периода империализма» (1962). Работа над заключительной главой десятого тома, которая обобщала сложные исторические процессы послевоенного периода, привела к публикации большой статьи «Мир за двадцать лет» (1965). Соавторами Гефтера были Я. Драбкин и В. Мальков. В методологических дискуссиях 1960-х гг. он выступал со своим самостоятельным построением методологии истории.

В период «оттепели» наряду с пересмотром ряда концептуальных схем и отказом от старых догм началось переосмысление некоторых методологических идей. Это диктовалось потребностями развития самой исторической науки. Новые веяния в теории исторического познания в известной мере связаны с мировыми процессами в разработке методологических исследований. Однако следует учитывать, что известный пересмотр теории исторического познания проходил в условиях монополии марксизма в идеологии и методологии, преодолевая противодействие консервативных сил тоталитарной системы и десятилетиями сложившихся теоретических стереотипов.

Сложность и противоречивость реальных изменений в области методологии истории проявилась на расширенных заседаниях, проведенных 3 и 6 января 1964 года Секцией общественных наук Президиума АН СССР. В заседаниях принимали участие историки, философы, экономисты, юристы, филологи, литературоведы. Материалы заседаний опубликованы под названием «История и социология». В это издание вошли: доклад философов академиков П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева «О разработке методологических вопросов истории», их вступительные и заключительные слова, выступления в прениях 22 ученых, представленные тексты докладов отдельных ученых (М.В. Нечкина и др.).

На совещании обсуждался широкий круг методологических проблем. Было признано правомерным наряду с общей марксистской теорией исторического процесса и исторического познания развивать и специальную (частную) методологию истории, что, несомненно, явилось положительным итогом совещания. В определенной мере пересмотр затронул предмет и сами функции исторической науки. В своем докладе П.Н. Федосеев и Ю.П. Францев не ограничились изложением положений марксистской теории о неразрывной связи исторического материализма (марксистской социологии) и исторической науки, марксистском общеметодологическом базисе как теоретической основе исторического познания. Они подвергли критике широко распространенную в философской литературе недооценку теоретических аналитических функций исторической науки и сужение самого предмета историографии. В докладе подчеркивалось, что «необходимо по-новому решить вопрос о соотношении истории и социологии». Задача историков — не только выявление общесоциологических закономерностей, но и изучение конкретных специфических исторических закономерностей⁴. Эти принципиальные установки доклада открывали в известной мере новые перспективы для исторической науки и ее методологии.

В выступлениях и записках ряда историков и философов конкретизировались положения основного доклада о расширении аналитических функций исторической науки и некоторых изменениях в соотношении общей марксистской теории познания и методологии истории. Вместе с тем, на совещании выявились существенные теоретические расхождения в определении самого понятия «методологии истории». Наметившиеся точки зрения не выходили за рамки марксистского понимания истории, но отличались научными построениями и степенью преодоления консервативных и догматических представлений о теории исторического познания. Согласно официальным установкам, специальная (частная) мето-

дология истории строится на принципах материализма, не является автономной от марксистской философии и призвана разрабатывать методологические проблемы исторической науки. Такой подход отрицал определение методологии истории как специальной исторической дисциплины. Гефтер на совещании отстаивал новаторское понимание методологии истории.

Наиболее четко определение понятия «методологии истории» с официальной позиции было дано в заключительном слове П.Н. Федосеева. Он подчеркивал: «Вполне закономерно был поставлен вопрос: что такое методология истории? Есть ли это исторический материализм или это другая, особая наука — методология истории, отличающаяся и от исторического материализма, и от исторической науки?» «На наш взгляд, методология истории означает применение исторического материализма и марксизма-ленинизма в целом к исторической науке, к историческим исследованиям». Далее ученый указывал, что исторический материализм является общей методологией для всех общественных наук, но «это не значит, что в самой исторической науке нет методологии, нет методологических вопросов». «Какая же может быть историческая наука без методологии?»⁵. Эта достаточно научно ограниченная позиция П.Н. Федосеева суживала понятие «методологии истории», но все же несколько раздвигала горизонты развертывания исторических методологических исследований. Данная точка зрения была положена в основу большинства научных и научно-учебных работ 1970–1980-х гг. по методологии истории.

Конечно, даже в рамках официального подхода к определению понятия «методологии истории» были и отклонения от него, и теоретические поиски, своеобразно отражавшие внутреннюю борьбу течений в науке или индивидуальные черты мировоззрений ученых. Сборник «История и социология» не дает достаточно ясного представления об этих процессах. Тем больший интерес представляют сохранившиеся записи И.И. Минца и Ф.В. Константинова, переданные Гефтеру в ходе прений на совещании и не вошедшие в сборник «История и социологи». Они приведены в статье С.С. Неретиной «История с методологией истории» по архивным материалам и рассматриваются автором как «дружеское предупреждение: быть осторожнее со святой святых».

Рассмотрим эти записки, авторы которых сами являлись приверженцами и защитниками теоретико-философских постулатов марксизма. «Исторический материализм, Вы помните, называется «материалистическое понимание истории». Можно ли после этого говорить об особой науке — методологии истории. И. Минц». И приписка: «А в целом хорошо». «Методология истории и ист-

мат — это одна наука. Но историческая наука имеет целый ряд особых специфических методологических проблем. Это относится к конкретизации истмата применительно к истории. Ф. Константинов»⁶.

К сожалению, источники не позволяют разъяснить, что стояло за многозначительной припиской И.И. Минца в его записке Гефтеру «А в целом хорошо» и положением Ф.В. Константинова об актуальной задаче «конкретизации истмата применительно к истории». Можно только предполагать, что у ученых были некоторые невысказанные на совещании мысли по дискутируемой проблеме.

Кроме официальной трактовки методологии истории на совещании был представлен и другой подход к изучению теории исторического познания. Некоторые стороны нового построения методологии истории обозначены в выступлениях академика В.М. Хвостова, члена-корреспондента Б.М. Кедрова, А.В. Гулыги. Принципиально важным был тезис В.М. Хвостова о том, что разработка научного метода не может стоять вне соответствующей науки. Этой цели, как он подчеркивал, подчинен создаваемый в Институте истории сектор методологии: «...мы имеем в виду, чтобы философско-методологическим проблемам посвятили себя люди, лично работающие над историческими источниками, занимающиеся конкретно-историческим исследованием. Конечно, в этой работе необходимо установить и поддерживать теснейший контакт с философами»⁷.

В выступлении Гефтера новаторская конструкция методологии истории была представлена в развернутом виде и получила обоснование на материале всемирной истории. Есть определенное основание считать, что его выступление в общих чертах было согласовано с руководством Института истории. Одно из центральных положений нового подхода к определению понятия «методологии истории» — о внутренней неразрывной связи между теорией исторического познания и конкретными историческими исследованиями входило в систему аргументаций как Хвостова, так и Гефтера.

Гефтер начал свое выступление с констатации факта значительного отставания в разработке теоретических основ исторической науки, что отрицательно отражалось на практике исторических исследований. Преодоление этого отставания он видел, прежде всего, в настоятельной необходимости «уточнить место методологии истории — в ее отношении к философии, с одной стороны, к исторической науке — с другой, очертить ее сферу действия». В связи с этим Гефтер поставил вопрос о новом определении понятия «методологии истории». Он не считал дискуссионным вопрос о научности марксистского материалистического понимания истории. «Вопрос,— говорил автор,— в другом: исчерпываются ли теоре-

тические основы исторической науки общими принципами исторического материализма? Иначе говоря: как эти принципы превращаются в методологию науки?»⁸. Гефтер исходил из того, что при построении методологии истории на теоретической базе исторического материализма следует исходить из специфики и многообразия конкретного материала истории.

Поясняя эту мысль применительно к анализу всемирно-исторического процесса, он указывал, что это изучение требует «не механического суммирования данных по истории отдельных стран и народов, а такого обобщения этих данных, которое органически соединило бы специфическое, национально-особенное со всеобщим, картину движения всемирной истории с ее логической структурой, очищенной от второстепенного и случайного»⁹. Гефтер приходит к заключению, что теорию науки можно развивать только в рамках исследовательских данных и результатов самой исторической науки, учитывая итоги развития общественнознания в целом, логику всего научного процесса. Таким образом, методология истории, по его определению, опирается на принципы исторического материализма, но представляет собой автономную систему научных взглядов и является специальной исторической дисциплиной.

В целом взгляды Гефтера была значительным шагом вперед в научном построении методологии истории и находились на уровне новых теоретических разработок зарубежной исторической и философской мысли. Хотя в советской науке доминировал официальный взгляд на методологию истории, методологические идеи Гефтера оказывали определенное влияние на научную ориентацию прогрессивной части историков. Особенно широко это влияние проявилось в работе сектора методологии Института истории, созданного на волне общественного подъема в 1964 г., руководил которым Гефтер. Уже тогда ученый заслужил высокую оценку. В определении секретаря — академика Исторического отделения АН СССР Е.М. Жукова Гефтеру дана характеристика «высокоодаренного историка, много работающего в области методологических проблем исторической науки»¹⁰. В момент своего возникновения в январе 1964 года сектор методологии насчитывал 10 сотрудников, в 1965 году — 14, а в 1968 году в сектор вошла группа философов во главе с В.С. Библером. По неполным данным в работе сектора приняли участие 67 человек, включая сотрудников сектора.

Сектор методологии стал авторитетным координирующим центром историко-методологических исследований и сыграл роль катализатора для целого ряда научных направлений. При секторе начали работать творческие группы: по вопросам теоретического источниковедения — во главе с С.О. Шмидтом, социальной психо-

логии — с Б.Ф. Поршневым, межинститутский семинар структурного анализа и типологии истории — с М.А. Баргом.

Широкие творческие дискуссии стали основным методом обсуждения теоретических вопросов и подготавливаемых сектором статей и сборников. Атмосфера этих дискуссий отражена в воспоминаниях сотрудника сектора С.С. Неретиной: «Была умелая нейтральная координация усилий разных направлений, разных позиций, разных людей. В итоге достигалось как раз то, чего не хватало и недостает в масштабе государства: простор мысли»¹¹.

За короткий срок сектор подготовил и опубликовал труд по проблеме докапиталистических формаций, сборник по методологическим и теоретическим вопросам источниковедения. Центральное место среди опубликованных работ занимал сборник «Историческая наука и некоторые проблемы современности» под редакцией Гефтера. В него вошли восемь статей и четыре доклада с их обсуждением на заседаниях сектора методологии. Этот труд, по его характеристике, являлся «коллективным исповеданием веры»¹².

Вступление к сборнику, написанное Гефтером, — фактически открытое программное заявление сектора методологии. Широкое вторжение сотрудников сектора в теоретические проблемы разных уровней было вызвано, согласно выводам Гефтера, «отставанием теории от конкретного исследования». Так определялась задача — повысить теоретический уровень конкретных исторических работ. Гефтер подчеркивал, что марксистско-ленинское наследие должно быть «новым прочтением исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина»¹³. Реализация поставленной задачи требовала свободного теоретического поиска и независимого исследования, очищения исторической науки и ее методологии от догматизма и застойных явлений. Стремление же отстоять свободу научной мысли в рамках марксизма становилась подготовительной ступенькой к теоретико-методологическому плюрализму.

В 1966 г. появилась первая публикация, трактующая методологию истории с новых позиций. В девятом томе «Советской исторической энциклопедии» была помещена статья Гефтера «Методология истории». Исходные положения статьи основывались на принципиальных положениях выступления автора на методологическом совещании в январе 1964 г. Гефтер подчеркивал: «М.[етодология] и.[стория] — неразрывный составной элемент ист.[орической] науки». В статье указывалось, что теория науки не может развиваться вне самой исторической науки, вне самих исторических исследований. По отношению к исторической науке, согласно заключению Гефтера, методология истории «представляет собой итог, результат предшествующего развития науки, теоретически осмысленный,

переработанный в логику современного ист.[орического] познания»¹⁴. К коренным проблемам методологии истории Гефтер относил предмет и границы исторической науки, соотношение ее с другими отраслями знания, социальную функцию и действенность исторической науки, проблему познаваемости и объективный критерий истины, понятие как основное средство познания, исторический факт и его место в реконструкции прошлого, специфичность исторического исследования.

Гефтер не ввел в статью свою характеристику методологии истории как «теоретической дисциплины внутри исторической науки», учитывая, что на совещании 1964 г. это определение было дискуссионным. Однако сущностное содержание этого определения в статье им было раскрыто.

Между тем последние отзывы «оттепели» отошли в прошлое. Изменение общественно-политической обстановки в стране предприняло ликвидацию сектора методологии. Документальные данные и воспоминания позволяют воссоздать длинную череду партийных проработок, контрольных проверок, обсуждений опубликованных работ сектора методологии, особенно сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Сама постановка вопроса о «новом прочтении» исторической концепции классиков марксизма была воспринята как покушение на основы господствующей идеологии.

В 1968 г. Институт истории был разделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Сектор методологии сначала вошел в Институт всеобщей истории, а в 1969 г. вообще прекратил свое официальное существование. Гефтер переведен в сектор новой и новейшей истории и был вынужден вернуться к тематике своих научных исследований 1950 — начала 1960-х гг.

Гефтер и его ближайшие соратники упорно защищались от выдвинутых обвинений. Даже после ликвидации сектора методологии Гефтер продолжал отстаивать его научное направление как творческого дискуссионного центра изучения методологических проблем исторической науки. Эта оценка сектора была им дана и в выступлении 19 октября 1970 года на партийном собрании: «Могу сказать с полной ответственностью одно: в ряду работ, опубликованных бывшим сектором методологии, нет ни одного келейного, группового, сектантского издания. Мы стремились — и, кажется, в определенной мере нам это удалось — свести и столкнуть на страницах этих работ разные точки зрения, имеющие реальную исследовательскую основу, разные гипотезы, вырастающие из исследования, с тем, чтобы облегчить науке дальнейший отбор, облегчить сближение разных точек зрения без потери ими своего лица»¹⁵.

В начале 1970-х гг. Отделение истории Академии наук и отдел науки ЦК КПСС подвергли жесткой критике целый ряд идейно-политических и научных установок Института истории. Черемушкинский райком партии Москвы вынес Гефтеру строгий выговор.

В целом первая половина 1970-х гг. была, может быть, наиболее тяжелой полосой в жизненной и научной биографии Гефтера. Он пришел к заключению, что настало время принимать решение. В сложившихся условиях он не видел для себя возможным продолжить научную работу в академическом институте. Сделанный им выбор с его приобретениями и потерями оказался для него единственно возможным. Написанная Гефтером в мае—июне 1976 года «Прощальная записка» свидетельствует, что он мучительно продумывал возможность замены былого «методологического братства» другим, мировоззренчески близким ему сообществом¹⁶. 21 мая 1976 года он подал заявление об увольнении из института.

Это решение многое изменило. Гефтер жил на маленькую военную пенсию, начисленную ему еще в 1943 году, в небольшой трехкомнатной квартире в Черемушках с женой и двумя сыновьями. Он женился в 1941 г., жена была его неизменным другом и помощником.

Новых друзей-единомышленников Гефтер нашел, прежде всего, среди участников ранее возникшего правозащитного диссидентского движения. Он стал одним из ведущих сотрудников самиздатского журнала «Поиски» (1978–1983). Его статьи также печатались в издаваемом в Париже историческом сборнике «Память». Квартира Гефтера стала центром притяжения не только сотрудников журнала «Поиски», но и более широкого по общественным установкам круга людей. Это были, прежде всего, философы, историки, журналисты. В эти годы некоторые зарубежные ученые, корреспонденты газет связывались с Гефтером, посещали его квартиру. Содержание бесед с Гефтером и ответы на вопросы появлялись в западной печати. Его квартира стала своеобразным «дискуссионным клубом», где обсуждались проблемы истории и злободневные вопросы общественной жизни России.

Свою правозащитную деятельность Гефтер считал правомерной и законной, о чем он прямо заявил в письме Генеральному прокурору СССР в апреле 1982 года. «Я считаю,— писал он,— незаконным и любые действия, препятствующие гражданам СССР (каждому из граждан) выражать устно или письменно свои убеждения и взгляды, естественно, при условии, чтобы эти публично высказанные взгляды не содержали призыва к насилию»¹⁷.

Мировоззрение Гефтера этих лет не укладывается полностью в рамки правозащитной идеологии. Нельзя пройти мимо самооценки

Гефтером своей позиции конца 1970 — начала 1980-х гг., которая дана несколько позднее в 1989 г. в интервью корреспонденту швейцарского радио Л. Скаккабароцци. Отвечая на заданный вопрос о том, был ли он диссидентом, Гефтер пояснил, что в отношении себя он предпочел бы определение «аутсайдер», разделяя при этом совокупность правозащитных идей движения диссидентства¹⁸.

В эти годы Гефтер во многом заново продумывал варианты исторического развития России. Он уже не возлагал надежды на «дарованную свободу» типа «оттепели». В 1976 г. в «Прощальной записи» он так определил ограниченность хрущевских реформ: «Стена. Правда уже не сплошная, но стена»¹⁹. Ко второй половине 1970-х гг. можно отнести и выводы, сделанные Гефтером в статье «От анти-Сталина к не-Сталину: непройденный путь». Она была написана в 1971–1978 гг. и опубликована дважды — в 1989 и 1991 гг. По его мнению, Хрущев-реформатор был обречен в конце концов на «неотвратимое поражение», так как он связан со сталинскими репрессиями²⁰.

Будучи сторонником эволюционного типа развития истории, Гефтер ориентировался на активные действия общественности в преобразовании России. А.Д. Сахаров был для него образцом гражданской и нравственной позиции. Будущее России Гефтер мыслил как правовое государство, в котором между властью и народом заключен общественный договор. Эту идею он развивал в статье «О проекте конституции 1977 г.».

Правозащитная деятельность Гефтера и его соратников подвергалась все большим преследованиям. Власть раздражали его статьи правозащитного характера в журнале «Поиски». В своих выступлениях и статьях он говорил о судьбах арестованных и гонимых, отстаивавших свои права на свободу слова, религии и т.д. Особенно взволнованно Гефтер относился к судьбам женщин-участниц диссидентского движения, а также арестованных членов журнала «Поиски». Это были Р. Лерт, Т. Великанова, А. Рогинский. Дважды в квартире Гефтера проводились обыски с широким изъятием корреспонденции и материалов журнала «Поиски». Редактор журнала В.Ф.Абрамкин был арестован. Репрессии заставили перенести выпуск «Поисков» из Москвы в Париж в декабре 1979 г.

Конец 1970 — начало 1980-х гг. отмечены определенной радикализацией позиций Гефтера. В феврале 1982 г. он вышел из партии.

Начало перестройки открыло новый этап научной и общественной деятельности Гефтера. Прежний круг друзей-единомышленников частично сохранился, но и Гефтер, и его соратники по мировоззрению действовали в условиях открытой по-

литической борьбы. Он становится одним из идеологов демократического движения, и без его голоса представление о сложной гамме разрабатываемых идей и конкретных проектов преобразования страны 1980 — первой половины 1990-х гг. было бы неполным.

Первые же публикации Гефтера 1987–1989 гг. в легальной печати имели большой общественный резонанс. Это были статьи с острой критикой сталинизма. Как свидетельствует И.К. Пантин, номера журналов со статьей-интервью «Надо ли нас бояться...?» «зачитывались до дыр»²¹.

Поддерживая мероприятия М.С. Горбачева, реализующие принципы гласности и нового исторического мышления, Гефтер подвергал все более последовательной критике ограниченность перестройки. В третьем открытом письме М.С. Горбачеву в январе 1990 г. он писал, что в результате его ошибочной национальной политики «застряла, забуксовала и вся перестройка». Большое принципиальное значение имел обоснованный Гефтером методологический подход к структуре самой перестройки. В том же письме М.С. Горбачеву он указывал, что «процесс демократизации должен опережать экономическую модернизацию и этим опережением создавать духовную и политическую основу преодоления тех гигантских трудностей, тех социальных напряжений, которые непременно возникнут, как только экономическая реформа войдет в тело страны, в ее обиход»²². В борьбе за демократический курс России этих лет важную роль сыграли статьи Гефтера «Десталинизация» («Опыт словаря нового мышления» (1989), «Судьба Хрущева: история одного неусвоенного урока» (1989), «Есть ли выбор» (1990), «За несколько минут до смерти он сказал: «Будет бой» (1990) [о А.Д. Сахарове]).

Деятельность Гефтера как демократического лидера еще более возрастает в новой России. Центральное место в его творчестве занимает вышедший в 1991 году фундаментальный труд «Из тех и этих лет». В книге не только подведены итоги научного и общественного пути Гефтера предшествующих этапов, но и намечены основные линии стратегического развития демократической России. Страна должна закономерно войти в новую эпоху своего развития — некоммунистического демократического преобразования. Он констатировал: «Врозь не уйти — от коммунизма и от той России, что Атлантида XX века (погребенная под пеплом, истомившая себя мифами и антимифами...)»²³.

В первой половине 1990-х гг. значительно видоизменяются содержание и формы деятельности Гефтера — ученого и общественного деятеля. Он был включен в состав Консультативного президентского совета Б.Н. Ельцина. Гефтер принимал активное участие

в целом ряде дискуссий по ключевым вопросам исторического развития России. Остро дебатировались варианты и альтернативы демократического процесса, место России в глобальном мире. Совершенно новой формой его деятельности явилось регулярное участие с февраля 1992 года в телепрограмме «Итоги», а затем и в программе «Воскресенье».

Особенностью демократической концепции Гефтера было последовательное отстаивание им мирных эволюционных форм и методов преобразования России, что определяло его особую позицию в обосновании демократического пути развития страны. В политической борьбе он был далек от простого отрицания взглядов своих противников. Гефтер не раз заявлял, что «я бы считал свою жизнь не вполне напрасной, если бы сумел хотя бы слегка подвинуть навстречу друг другу несогласных. Моя мечта — хартия согласия»²⁴. Принципиальные установки Гефтера свидетельствуют, что он искал совмещения путей решения фундаментальных проблем демократического преобразования страны с консенсусом интересов различных социальных слоев и групп общества.

При оценке событий современности Гефтер сочетал научный и политический анализ с нравственным императивом. С этих позиций он отрицательно отнесся к насильственному роспуску Верховного Совета и к вводу войск в Чечню. Гефтер продолжал отстаивать основное направление преобразований 1990-х гг., хотя и вышел из состава Консультативного президентского совета. Конечные выводы Гефтера при анализе событий 3–4 октября 1993 года и их последствий были сформулированы им в докладе «3–4 октября 1993 года» на Международном симпозиуме 15–18 декабря 1994 года. Отказываясь по-прежнему признавать правомерность действий Б.Н. Ельцина по отношению к Верховному Совету, он призывал не рассматривать их как единственный критерий при характеристике последующих мероприятий правительства.

Далеко неоднозначно Гефтер оценивал и начатые Е.Т.Гайдаром социально-экономические реформы. Гефтер рассматривал два возможных, по его мнению, варианта осуществления этих реформ: ускоренный цивилизованный исторический прорыв или быстротечные радикальные преобразования могут привести к резкому возрастанию негативных социальных процессов и значительным изменениям политики государственной власти. Его прогноз не предвещал заранее результатов социально-экономических реформ. Гефтер пояснял, что «это поприще, которое может стать поворотом, т.е. веками новоевропейской цивилизации, свернутыми в считанные годы, а может — и разъятым суставом, вправить который окажется способной только безжалостная хирургия власти»²⁵.

Его доклад-статья «3-4 октября 1993 года», как и другие работы первой половины 1990-х гг., обосновывали и пропагандировали всемерное развитие институтов гражданского общества. В целом для его публицистических статей характерно стремление выявить возможные варианты решения актуальных вопросов развития России тех лет.

Демократическое преобразование России Гефтер рассматривал не только как самостоятельную региональную историческую задачу, но и в связи согласно его взглядам, с закономерным ближайшим будущим, переходом человечества в целом в качественно новый этап развития — Мир Миров. Основы теории Мира Миров были заложены Гефтером во второй половине 1970-х гг., и в наиболее развернутом виде она представлена в его труде «Из тех и этих лет». Историю человечества Гефтер мыслил как Мир Миров, в котором за всеми государственными сообществами и народами признаны равные права в решении не только внутренних дел, но и судеб мира в целом. Эта программа нового устройства мира, как подчеркивал Гефтер в книге «Из тех и этих лет», относится к России «не в последнюю, а, может быть, в первую очередь»²⁶.

Теория Мира Миров, как идеальная модель мироустройства, являлась одной из центральных частей его научного и общественно-политического мировоззрения. Гефтер исходил из того, что коренные изменения общепланетарного характера XX века, особенно его второй половины, требуют разработать принципиально новую теорию развития человечества. Он выделял два новых фактора мировой истории. Первый: XX век сделал всю землю планеты ее территорией. Второй: человечество поставлено перед реальной угрозой гибели в результате ядерной войны. Гефтер далеко не первый среди ученых осознал этот новый вызов человечеству. Он, подобно А.Д. Сахарову, стремился разработать широкую теорию, призванную не только предотвратить глобальную катастрофу, но и открыть новую эпоху во всемирном развитии. Общее, что объединяет Гефтера с Сахаровым, не снимает некоторых особенностей его подхода к этой проблеме. В книге «Из тех и этих лет» Гефтер пришел к заключению, что стоящие перед человечеством вопросы не могут быть решены на базе конвергенции. Он писал, что вопрос не ограничивается простым суммированием проблем Запада и Востока: «... на горизонте XXI века встают некие **третьи, общие** вопросы...». «Их, эти вопросы, надо признать, сделать предметом совместной деятельности, перевести в новые **процедуры** — выстроенные так, чтобы ответственность за их соблюдение уже никогда не делилась на «вашу» и «нашу». Жизнь остается различными **мирами** — но

мирами в Мире»²⁷. Эту полемику мы находим и в статье Гефтера «Конвергенция или Мир Миров» (1991).

Гефтер скептически относился к идеям и проектам постепенного ядерного разоружения, которые будут осуществляться неким всемирным правительством. В этом плане он даже подвергал критике высказывания Эйнштейна, Рассела, Бора. Разумеется, он высоко ценил гуманизм в их обращениях к ученым и правительствам. Однако саму идею создания такого правительства в существовавших условиях он считал нереальной в известной мере и не предсказуемой по своим последствиям. Гефтер видел решение проблемы в соединении двух процессов: «Убирая арсеналы быстро, решительно, не пугаясь «односторонних мер», необходимо одновременно с этим столь же решительно возводить фундаменты другого мира, архитектуру жизнетворящих различий. И тут вызов политике: сумеет ли она синхронизировать ядерный демонтаж и выбор новых оснований жизни»²⁸.

Веря в прогресс и поступательное движение истории по восходящей линии, несмотря на периоды регресса, Гефтер стремился обосновать возможность относительно быстрого и мирного достижения гармоничного состояния человечества. Он критически подходил к теории «конца истории» американского историка Ф. Фукуямы. В статье «История позади? Историк человек лишний?» рассматривается как ошибочный тезис Ф. Фукуямы, что под концом истории надо понимать «завершение как полноту осуществления» исторических потенций целой эпохи общественного развития²⁹.

Теория Мира Миров — сложное теоретико-философское построение. Гефтер стремился преодолеть разрыв между теоретическими прогнозами на будущее и живой действительностью, но это единство мыслилось им на базе эволюционного типа развития и гуманистических принципов. Теорию Мира Миров можно и нужно критически анализировать. Ее автор явно недооценивал различный уровень исторического прогресса и интеграционные процессы в рамках развития всемирной истории и локальных государств, определенные противоречия этнического и национального характера и национально-государственные интересы страны и групп стран. Вместе с тем был бы ошибочен односторонний подход к теории Мира Миров, как широкому историософскому построению, зачисление ее в разряд только отвлеченных и абстрактных утопий, хотя в ее оценке расходились уже современники. Научное значение теории Мира Миров не может отрицаться тем объективным обстоятельством, что история идет по несколько иному пути. Необходимо учитывать, что эта теория глубокого демократического преобразования человечества на началах мирного сосуществования народов

с разной судьбой отражала широкие гуманистические тенденции и потенции в развитии истории, еще не нашедшие своего воплощения в их целостном выражении в историческом процессе.

Многогранной была деятельность Гефтера и как президента Научно-просветительского центра «Холокост», организованного в 1991 г. Он выступал научным руководителем и координатором всей работы центра. Идеи Гефтера были положены в основу создания музея и архива³⁰. В публицистике Гефтера видное место занимают статьи 1992–1995-х гг. по еврейской тематике: «Слово о Еврейском антифашистском комитете», «Трагедия и опыт», «Об Освенциме и не только», «Эхо «Холокоста» и русский еврейский вопрос».

Несмотря на длительную тяжелую болезнь, Гефтер до своей смерти 15 февраля 1995 года оставался в центре общественной жизни страны. Его кончина была отмечена некрологами и большими статьями в журналах «Новая и новейшая история» и «Вопросы философии», в газетах «Московские новости», «Известия», «Независимая газета» и ряде других. Памяти Гефтера были посвящены вышедшие осенью 1996 г. три номера журнала «Век XX и мир», вобравшие в себя огромный материал научного и мемуарного характера. Они имели общее название «Аутсайдер — человек вопроса». В нем оттенялись своеобразие и особенности мировоззрения и общественной позиции Гефтера, нетрадиционность и новизна вопросов, которые он задавал себе и обществу. В это издание вошли некоторые важные опубликованные и неопубликованные работы Гефтера, статьи и воспоминания его соратников и единомышленников, а также зарубежных ученых и журналистов. Со страниц трехтомника предстает человек, остро переживавший события и проблемы своей эпохи, страстно искавший научную истину и новые гуманистические основы общественного устройства России и человечества в целом.

Содержание своих историко-философских воззрений Гефтер выразил в краткой и очень емкой формулировке: «Да, для меня альтернатива — понятие центральное»³¹. Его идеи построения демократической России на основе консенсуса интересов различных социальных слоев населения и развития институтов гражданского общества во многом актуальны и в наше время.

---

1. Хронологический указатель трудов М.Я. Гефтера // Век XX и мир, 1996.— № 3.— С. 273–287.

2. Гефтер М.Я. История Моего Современника // Век XX и мир. 1996.— № 1.— С. 46.

3. Пантин И.К. Просветитель// Век XX и мир, 1996.— № 3.— С. 241.

4. История и социология. Сборник. М., 1964. С. 13, 15–16.
5. Там же. С. 327–328.
6. Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9.— С. 150.
7. История и социология. С. 102.
8. Там же. С. 144.
9. Там же. С. 148.
10. Драбкин Я.С. Самостоянье // Век XX и мир. 1996. № 1.С. 101.
11. Неретина С.С. История с методологией истории или конец истории // Век XX и мир. 1996. № 1. С. 123.
12. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 35.
13. Историческая наука и некоторые вопросы современности.— М., 1969. С. 6.
14. Гефтер М.Я. «Методология истории» // Советская историческая энциклопедия. М., 1966.— Т. 9.— С. 387–388.
15. Драбкин Я.С. Памяти Михаила Яковлевича Гефтера // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 122.
16. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 28–29.
17. Там же. С. 197.
18. Там же. С. 443. В данном контексте «аутсайдер» по своему смысловому содержанию равнозначен определению «инакомыслящий».
19. Там же. С. 17.
20. Там же. С. 368.
21. Пантин И.К. Россия в мире: историческое самоузнавание (Размышления в связи с книгой М.Я.Гефтера «Из тех и этих лет»). // Вопросы философии. 1993.— № 1.— С. 21.
22. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 445–447.
23. Там же. С. 9.
24. Там же. С. 439.
25. Гефтер М.Я. 3–4 октября 1993 года//Куда идет Россия?...Альтернативы общественного развития. Т. 2. Международный симпозиум 15-18 декабря 1994 г. М., 1995. С. 271,278.
26. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 441–442.
27. Там же. С. 458.
28. Там же. С. 464.
29. Гефтер М.Я. История — позади? Историк человек лишний? // Вопросы философии. 1993.— № 9.— С. 14–15.
30. Альтман И.А. Президент центра «Холокост» // Век XX и мир. 1996.— № 3.— С. 161.
31. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. С. 442.

М.О. Головня

«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ» ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е гг.

Аннотация. Статья посвящена роли газеты «Последние новости» П.Н.Милюкова в анализе экономической и внешнеполитической деятельности советского государства в 1920-е гг.

Ключевые слова: русская эмиграция, П.Н.Милюков, «Последние новости», Советское государство.

Summary. The article is devoted to the role of P.N.Milukov's newspaper "Posledniye Novosti" in analyzing economic and foreign policy of the Soviet state in the 1920s.

Keywords: Russian emigration, P.N.Milukov, "Posledniye Novosti", Soviet state.

«Последние новости» были одним из самых значительных и наиболее успешных в коммерческом отношении периодических изданий русской эмиграции. Для современного исследователя «Последние новости» представляют собой ценнейший источник по советской истории 20-х—30-х годов. Создаваясь выходцами из России и будучи ориентированной, в первую очередь, на русскоговорящую аудиторию за рубежом, газета уделяла особое внимание темам, связанным с советским государством. К основным проблемам, получившим освещение на страницах издания, относятся внутривосточное развитие послереволюционной России, развитие ее народного хозяйства и внешняя политика Советов. В статье мы рассмотрим эти проблемы истории советской России на материалах газеты за период с 1921 по 1930 годы.

«Последние новости» издавались в Париже с 27 апреля 1920 года, первоначально — под редакцией М. Л. Гольдштейна, а с 1 марта 1921 года — П. Н. Милюкова. Вспоминая о выходе первого номера газеты, Борис Мирский, сотрудник «Последних новостей», написал: «Если бы тогда нам сказали, что через десять лет газета все еще будет выходить в Париже, это показалось бы шуткой... Это было десять лет назад. Была весна. Было солнце. И в редакции, выходявшей окнами на площадь Бурбонского дворца, так ве-

рилось, что через месяц-два надо складывать чемоданы и возвращаться домой, в Петербург».¹ Этим ожиданиям, однако, не суждено было сбыться. «Последние новости» выходили в Париже до июня 1940 года.

«Последние новости» отличались профессионализмом и высоким качеством новостных и аналитических материалов. Благодаря сотрудничеству опытных журналистов и литераторов «Последние новости» очень скоро превратились «в большую газету европейского образца».² На страницах ежедневного издания освещались события из жизни Советской России, Франции и мира. Как указано в объявлении об открытии подписки на 1922 год, «Последние новости» имели собственных корреспондентов во всех европейских столицах и во всех центрах русской эмиграции, а также располагали обширной информацией о России.³

До 1923 года газета выходила на четырех страницах, с конца 1923 года по воскресеньям и четвергам — на шести страницах. С 1930 года газета стала выходить четыре раза в неделю на шести страницах, два раза в неделю — на четырех и один раз — на восьми страницах.

На первой полосе печатного издания размещалась передовая статья, чаще всего за авторством главного редактора, а также публиковались материалы о самых актуальных новостях Европы и мира, часто перепечатывались сообщения французской и международной печати, выдержки из советской прессы («Правда», «Известия», «Вечерняя Москва» и т.д.). Кроме того, постоянной рубрикой, представленной на этой странице, были «Вечерние известия», сообщающие о событиях вечера предыдущего дня, не попавших в номер накануне. На второй полосе ежедневной газеты печатались письма, переданные из Советской России, публиковались впечатления вновь прибывших, давался обзор советской прессы, помещались отрывки из мемуаров и литературных произведений, а также стихи и фельетоны. Раздел «В Советской России» знакомил читателя с последними известиями из России. Постоянные рубрики третьей полосы — «Хроника», «Вести отовсюду» и «Биржа». Вторая половина третьей полосы и вся четвертая полоса были посвящены рекламным объявлениям (о поиске работы, об отправке в Россию посылок и денежных переводов, о концертах, театральных представлениях и других культурных мероприятиях, о покупке драгоценностей, о ресторанах русской кухни, русских учебных заведениях, издательствах, книжных магазинах, ателье, салонах красоты, лечебницах и т. п.). С 1928 года на страницах газеты появились фотографии.

Впоследствии, когда «Последние новости» стали выходить на шести, а иногда и восьми страницах, число рубрик было расшире-

но. На первой полосе регулярно помещалась карикатура на острополитическую тему. На четвертой или пятой полосах публиковалась подробная афиша культурных и спортивных мероприятий, расписание богослужений, анонс кинопремьер и радиопередач. По пятницам на четвертой полосе появилась постоянная рубрика «Неделя синема», посвященная кинематографу. «Последние новости» печатали отрывки из художественных произведений как русских, так и зарубежных авторов (например, популярного в те годы Э.М. Ремарка). На последней полосе газеты часто можно было встретить отрывки из бульварной литературы. Кроме того, для развлечения читателя публиковались кроссворды.

При газете устраивались консультации по вопросам, интересующим русских эмигрантов. Проводились сборы «голодной пятницы».⁴ Так, например, в 1927 году к страстной пятнице был приурочен сбор пожертвований в пользу безработных. Редакции удалось собрать более 50 000 франков. Список поступивших пожертвований был опубликован на третьей полосе выпуска от 20 апреля 1927 года.

Следует заметить, что отклики о «Последних новостях» появлялись и в советской печати. Так, в передовице от 27 октября 1923 года дается ссылка на автора «Известий» Виленского-Сибирякова, который неоднократно критически отзывался о русском эмигрантском издании. Однако «горькая участь красного публициста», который «не смеет трактовать во всю ширь тех тем, которые задевает, и в особенности не смеет воспроизводить на страницах своего органа подлинных мнений тех, с кем полемизирует»,⁵ обусловила поверхностный и безапелляционный характер критики зарубежного издания. Красная печать неизменно старалась «выхватить что-нибудь совершенно случайное и второстепенное, лишь бы это было водой на ее мельницу, и на эти частности направляла свои удары».⁶

Облик «Последних новостей» во многом определялся личностью ее главного редактора — выдающегося русского историка и политика Павла Николаевича Милюкова.

С началом периода эмиграции Милюкова связан переход к так называемой «новой тактике». Под «новой тактикой» подразумевалось «признание исторической законности свершившейся в России эволюции, попытка выявить подлинные завоевания народа, скрытые покровом «коммунистической лжи», понять процесс глубокого перерождения страны».⁷

В передовой статье «Последних новостей» от 1 марта 1921 года Милюков заявил, что не призывает отказаться от борьбы против советской власти, но выступает за смену тактики, которая доказала свою несостоятельность. По убеждению историка, «надо, наконец,

признать..., что русский народ не есть инертная масса, над которой можно проделывать те или иные опыты, и что он хочет быть освобожденным по-своему. Три года страданий и борьбы прошли для этого народа недаром. Он теперь не тот, чем был прежде». ⁸ Милюков настаивал на отказе от идеи организации интервенции для уничтожения советской власти и признании того факта, что «объективные условия для какой-либо широкой общественной деятельности по ту сторону границы точно так же отсутствуют, как и условия для продолжения вооруженной борьбы по сю сторону». ⁹

Милюков считал революцию в России «сложным явлением, сотканным из глупости и близорукости старого режима, недовольства страны, ненависти угнетенных классов, энтузиазма революционной молодежи, полицейской провокации и неприятельской интриги». ¹⁰ Историк принял революцию как свершившийся факт, признал закономерность и неизбежность случившегося, полагая, что необходимо с уважением отнестись к завоеваниям революции и больше прислушиваться к воле русского народа. Именно поэтому Милюков был убежден, что победа над большевиками не может зависеть только от военной силы, эта победа возможна «лишь в условиях привлечения к борьбе всего населения, которое в освободителях узрит верность принципам народовластия и искреннее их желание утвердить за народом выстраданное им право на новый социальный порядок». ¹¹

Милюков надеялся на «внутреннее» преодоление большевизма и в первое время пребывания в эмиграции выражал уверенность, что советская власть выродится сама в силу своей антинародности. В передовице от 1 января 1922 года сказано: «Надеяться на то, что советская власть искренно изменит курс своей политики и станет властью национальной было бы неппростительным оптимизмом: слишком хорошо известна природа большевизма... Но в России нарастает и развивается тот внутренний процесс, который — в недалеком будущем — приведет к замене власти коммунистов властью народной». ¹²

Милюков называл большевизм «русской болезнью», суть которой заключалась в противоречии между интересами «великого народа и маленькой кучки, парализовавшей его волю», «правлящей касты и поработанного населения». ¹³ В чем же, по мнению историка, должно было состоять участие русской эмиграции в преодолении этой болезни? В передовой статье от 1 января 1924 года Милюков заявил: «Мы можем и должны посильно помогать ускорению процесса, содействуя осознанию положения широкими слоями населения России и готова к развязке ряды квалифицированных работников, которых так не хватает нашей родине». ¹⁴ При этом, Милюков

ни в коей мере не оспаривал и не подвергал сомнению выбор Россией новой формы государственного устройства и неоднократно высказывал желание служить русской демократии и республике. Свое предназначение он видел в способствовании искоренению «русской болезни», замедляющей естественный ход развития событий в стране.

Освещая кронштадтские события марта 1921 года, Милюков с присущей ему тонкой иронией обличал планы русской эмиграции принять участие в устройстве государства после предполагаемой победы восстания. Ему казались смехотворными попытки «наивных людей, живущих за границей» предложить себя «в качестве организаторов власти на другой день после переворота». «Они, вероятно — писал Милюков, очень удивятся, а, быть может, и рассердятся, если им скажут, что их предложение в Кронштадте не встретит сочувствия». По замечанию историка, повстанцы способны были самостоятельно решить, «в каких людях они имеют надобность». Милюков также обращал внимание представителей русской эмиграции на то, что организаторы переворота в Кронштадте имели собственную политическую программу, суть которой выражена в лозунге: «Долой большевиков, да здравствуют Советы!». А из этого следует, что «не только монархистам, но и иным кандидатам на власть из «живущих за границей» торопиться некуда и не к чему».¹⁵

Существенная часть материалов «Последних новостей» была посвящена внутриэкономическому развитию послереволюционной России.

Летом 1921 года в результате гражданской войны, политики военного коммунизма, а также засухи на Россию обрушился голод. 21 июля 1921 года председатель ВЦИК М.И. Калинин подписал постановление президиума ВЦИК об учреждении Всероссийского комитета помощи голодающим (далее — ВКПГ). Комитету был присвоен знак Красного Креста. Кроме того, вновь созданной организации были предоставлены широкие права, среди которых — право приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты и т. д., право распределять материальный фонд комитета среди голодающего населения, право пользоваться внеочередностью перевозок своих грузов, а также иметь и использовать свои перевозочные средства, право организации местных комитетов и отделений, в том числе и за границей. Комитет освобождался от ревизии Рабоче-Крестьянской Инспекции. Все учреждения республики обязаны были оказывать комитету всяческое содействие.

ВЦИК утвердил первоначальный состав комитета из 63 человек. Среди них были экономисты С.Н. Прокопович, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайанов, председатель правления сельскохозяйственных

кооперативов П.А. Садырин, ректор зоотехнического института М.М. Щепкин, председатель московского общества сельского хозяйства А.И. Угримов, врачи П.И. Бирюков, В.Ф. Булгаков, А.Л. Толстая, кроме того, в комитет вошли такие представители русской культуры, как А.М. Горький, К.С. Станиславский, М.А. Осоргин, В.Г. Короленко и многие другие. Председателем комитета был назначен Л.Б. Каменев, его заместителем — А.И. Рыков.

В «Последних новостях» на первой полосе выпуска от 13 июля 1921 года появляется следующее сообщение о голоде в России: «Положение приволжской местности, пораженной голодом, ужасно. Более 20 миллионов жителей разбежались в панике во всех направлениях. Эта новая волна беженцев уже достигла окрестностей Москвы и Петрограда... Вследствие засухи земля покрылась глубокими трещинами. Деревья оголены от листьев. Колодцы и реки пересохли. Деревни горят. Скот перебит для пропитания. Беженцы питаются остатками травы, мохом, древесной корой... Советская печать считает положение чрезвычайно серьезным и требует принятия немедленных мер для борьбы с бедствием... Комитет коммунистических общественных деятелей, членами которого состоят С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, получил согласие Совета народных комиссаров на организацию помощи в широком масштабе».¹⁶

Редакция «Последних новостей» осознавала всю меру ответственности, которая легла на нее в связи с отчаянным положением в России. Необходимо было обеспечить комитету международную поддержку. В том же выпуске под призывом «На помощь!» газета сообщает: «Состав комитета внушает полнейшее доверие, но, очевидно, средствами советской России помочь бедствию скольконибудь серьезно невозможно. Тут нужна помощь не просто в «широком», а международном масштабе».¹⁷

Спустя неделю голос «Последних новостей», призывающий не отворачиваться от России в тяжелую для нее минуту, становится уже надрывным: «На помощь голодной и связанной! На помощь все, кому не безразлично, выживут ли великий народ и великая страна или погибнут. Ей самой ни за что не справиться с бедствием. Нужна помощь всего культурного человечества. Россия достаточно много ему отдала, чтобы иметь право у предела скорби и страданий звать к себе на помощь».¹⁸ Там же Ст. Иванович справедливо отмечает, что о неслыханных размерах катастрофы и безвыходности положения говорит хотя бы тот факт, что советское правительство впервые было вынуждено обратиться за помощью к общественности, несмотря на то, что это может нанести ущерб его авторитету.

В связи с проблемой голода в России П. Н. Милюков в очередной раз обрушивается с критикой позиции, занимаемой русским эмигрантским сообществом, большая часть которого даже перед лицом трагедии, грозящей гибелью миллионам их соотечественников, пытается воспользоваться сложившимися обстоятельствами для оказания давления на большевистское правительство. Милюков негодует по поводу недалновидности тех представителей русской эмиграции, которые по-прежнему убеждены, что «в Россию нужно принести извне и мысль, и власть, и волю», и которые даже в условиях тяжелого кризиса на родине не могут отказаться от поглощающей все их мысли и устремления идеи борьбы и свержения советской власти. «Поймите, наконец,— восклицает Милюков,— что Россия — там, а не здесь. И поверьте хоть немножко, что России надо помогать так, как она хочет, а не так, как вы считаете нужным... Россия, сама Россия, просит помощи, не большевистская власть. Найдите путь к этой России. И не ставьте никаких других условий, кроме этого одного».¹⁹ К этой теме главный редактор «Последних новостей» возвращается и через несколько дней в передовой статье, озаглавленной «Борьба или сотрудничество?», где он упрекает эмиграцию в преступной безответственности и неуместной воинственности. «Психология старой тактики этой эмиграции,— заявляет Милюков,— до такой степени направлена в одну точку — борьбы с «негодьями» — и до такой степени отошла от мысли, что там, за «негодьями», стоит подлинная Россия, что теперь, когда надо быстро решать и немедленно приступать к действиям, проникнутая этой психологией часть эмиграции совершенно растерялась».²⁰

Тем временем отклик, который получил призыв России о помощи за рубежом, и набирающая обороты деятельность общественного комитета начинают вызывать беспокойство большевиков, которые по утверждению «Последних новостей», «уже боятся чересчур энергичной помощи из-за границы и пытаются преуменьшить размеры бедствия».²¹ О растущем недовольстве советской власти сообщается и в выпуске от 26 августа 1921 года. Слишком громкий отклик мировой «буржуазии» «нельзя было подвести под шаблонное объяснение, что «пролетариат» всего мира вынудил помощь буржуазных правительств»,²² еще хуже было то, что все сочувствие населения сосредоточилось вокруг московского комитета. Очевидно, что такое положение вещей не могло устраивать большевиков, и вот уже «красная печать начинает настойчиво твердить, что органы советской власти сами справятся с бедствием, и усиленно полчеркивать, что местные комитеты центральной большевистской

организации — гораздо популярнее отделов общественного комитета».²³

Как отмечает М.С. Геллер, Ленин, соглашаясь на создание ВКПГ, «рассматривал уступку как своего рода Брестский договор, как возможность получить передышку».²⁴ Как только цель была достигнута и М.М. Литвинов подписал в Риге соглашение с представителем Американской организации помощи²⁵, возглавляемой Г. Гувером, комитет был распущен. 27 августа 1921 года заместитель председателя ВЦИК П. Залуцкий подписал постановление о ликвидации ВКПГ. Члены комитета были арестованы и заключены во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке. После нескольких месяцев заключения Е.Кускова, Н. Кишкин, С. Прокопович, М. Осоргин, Д. Коробов и А. Черкасов были высланы из Москвы.

Подобное отношение к комитету обусловлено тем, что Ленин не мог допустить, чтобы спасение от голодной смерти пришло со стороны общественности, в то время как государство было не способно что-либо предпринять. Такая позиция свидетельствовала о неуверенности Советов в собственной популярности и способности удержать власть в период кризиса в стране.

О катастрофической ситуации в деревне и необходимости срочного восстановления народного хозяйства сообщает на страницах «Последних новостей» профессор П.П. Гронский: «Русские города умирают с голоду, измученное население городских центров готово дать какую-угодно цену деньгами и вещами за фунт хлеба, а крестьянское население сел и деревень от Архангельска до Екатеринодара и от Минска до Забайкалья сокращает площадь обрабатываемой земли каждую весну с тех пор, как большевики управляют Россией, и обширные земельные пространства бывшей помещичьей запашки, перешедшие сейчас в пользование крестьян, часто остаются необработанными и незаселенными». Причину сложившегося дисбаланса автор видит в большевистской экономической системе, которая не дает крестьянину гарантии того, что он сможет распорядиться плодами своего труда, а не будет принужден расстаться с ними «по невообразимо низкой расценке для нужд красной армии или для продовольственных запасов советской власти». Гронский называет три необходимых условия для возрождения крестьянского хозяйства: право собственности на обрабатываемую землю, свобода частной хозяйственной инициативы и право на продукт труда.²⁶

В марте 1921 года советское правительство, придя к схожим выводам относительно положения в стране, объявляет о переходе к новой экономической политике.

К НЭПу «Последние новости» отнеслись с большим недоверием. Как отмечает С. Загорский в статье «Новые пути», анализирующей доклад Ленина на X съезде ВКП(б), «два-три месяца советская власть будет играть новой «ставкой», а затем, как это не раз бывало, она опрокинет все здравые рассуждения Ленина и вернется снова к прежнему положению, которое через пару месяцев снова вызовет необходимость в словесном пересмотре всей политики советской власти».²⁷

В НЭПе увидели доказательство слабости и нежизнеспособности советской системы. «Уступая требованиям жизни, коммунизм начинает отказываться устами своего вождя от одного из устоев своей политики. Верный признак того, что это полное противоречие с жизнью, которое представляет из себя коммунистическая система управления, не может удержаться, не делая существеннейших уступок, не разрушая свои собственные устои».²⁸ «Последние новости» не верили в эффективность компромиссных решений, возможность симбиоза коммунистической системы хозяйствования и элементов свободного рынка. «Или железо и кандалы большевистской тюрьмы, или свободная, демократическая, крестьянская Россия»,²⁹ — заявляет Гронский.

НЭП рассматривали как констатацию провала советского эксперимента, «признание невозможности ввести коммунистический строй в аграрной стране»,³⁰ возвращение к принципам буржуазно-демократической республики как единственно возможной форме устройства российского государства после свержения монархии.

«Последние новости» утверждали, что большевики после введения послаблений в экономической сфере не смогут удержать рынок под контролем, что новая экономическая политика приведет к последствиям, далеко выходящим за обрисованные рамки. Анализируя первые результаты проводимой советским правительством политики уступок, «Последние новости» сообщают: «Ленин, обосновывая необходимость восстановления свободной торговли, утешал свою левую оппозицию тем, что эта торговля будет ограничена местным оборотом... Население же, на время освобожденное от стеснений и от необходимости всегда бояться красноармейских заградительных отрядов, сразу восстановило торговлю в самом широком масштабе... Малейшее открытие клапана в котле советской системы вызывает наружу никогда не умирающие в советской республике буржуазно-капиталистические элементы...»³¹

«Последние новости» ставят вопрос о том, к чему сведется роль советской власти в новых экономических условиях. По мнению С. Загорского, за ней в лучшем случае останется в будущем функция «распределения продуктов, доставляемых частными ка-

питалистическими хозяйствами», роль «контролера, сторожа при этих хозяйствах», «крупного помещика, сдающего свою землю в аренду».³²

В связи с преобразованиями в сфере народного хозяйства интерес «Последних новостей» вызывает личность Ленина, который «отличается большим мужеством развивать перед своей рабоче-крестьянской аудиторией мысли, которые у всякого другого были бы признаны контрреволюционными»,³³ ведь насаждение большевистским правительством капиталистических форм в сфере экономики свидетельствует о том, что в существующих исторических условиях капитализм для России является более прогрессивным явлением, чем социализм. Подобное допущение ломает все теоретические построения большевистского вождя. «Это было бы несущественно, если бы Ленин продолжал жить в Швейцарии или во Франции, занимаясь литературной работой. Но Ленин стоит во главе государства. Ленин-теоретик оказался сильнее Ленина-практика. И, быть может, теоретическими изысканиями Ленина лучше всего оперировать теперь, чтобы обнаружить несостоятельность Ленина-практика».³⁴

В разгар НЭПа в «Последних новостях» публикуется статья «Советская власть и крестьянство», суть которой сводится к следующему утверждению: «История советского государства есть, в значительной степени, история его борьбы с крестьянством. В этой борьбе крестьянство понесло страшные потери, но, в результате, победа все более склоняется на его сторону».³⁵ Следует заметить, что именно с крестьянством Милуков связывал надежды на возрождение России. Как отмечает М.Г. Вандалковская, Милуков полагал, что «в процессе утверждения советской власти крестьянство будет бороться против большевиков», и «в исторической перспективе Россия будущего — это крестьянская страна, враждебная коммунизму».³⁶

В связи с заготовительным кризисом 1924–1925 хозяйственного года на Россию вновь обрушился голод. Сравнивая этот голод с бедствием 1921 года, «Последние новости» отмечают, что если тогда советская власть «настолько растерялась, что не воспрепятствовала красной прессе сообщить самые страшные сведения о состоянии голодающих местностей», что позволило своевременно мобилизовать зарубежную общественность и обеспечить гуманитарную помощь, то теперь «события протекают в совершенно иной обстановке: в обстановке молчания и равнодушия», и на любые сообщения о голоде в советской печати на этот раз наложен строгий запрет.³⁷ И без того тягостное положение русской деревни усугубилось вывозом хлеба на экспорт, налаженным советским правительством «в

больших размерах», что, по справедливому замечанию «Последних новостей», лишило голодающих надежды на помощь извне, ведь «ясно, что в страну, из которой везут хлеб, ввозить хлеб незачем».³⁸

1927–1928 хозяйственный год был вновь ознаменован провалом хлебозаготовок. «Последние новости» опубликовали в этой связи сообщение рижского корреспондента «Таймс» о том, что советское правительство предписало местным властям «приложить максимум усилий, чтобы подтянуть к центрам продовольственные продукты и, главным образом, хлеб», причем отказ от продажи хлеба карался штрафами, тюрьмой, ссылкой и конфискацией имущества.³⁹ По сведениям корреспондента, число процессов над крестьянами по обвинению в саботаже хлебозаготовительной кампании стремительно росло.

В статье «Голод при “урожае”», вышедшей 10 сентября 1928 года, была сделана попытка осмыслить парадокс, при котором, «по уверениям советской статистики» урожай был «не только не хуже прошлогоднего, но даже лучше», а в стране при этом царила продовольственная паника. Корни подобного расхождения автор увидел в том, что, во-первых, «в самой России меньше верят этой самой статистике», а во-вторых, «творить эту панику начинает сама власть со всеми своими многочисленными грызущимися друг с другом хлебозаготовительными органами», и эта паника «открывает путь к величайшей спекуляции хлебом, к росту цен на хлеб, к огромнейшим переплатам за него всем тем, кто в этом советском горниле умеет хлеб достать, доставить и продать».⁴⁰

С октября 1928 года в Советском Союзе началось осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. С ноября на страницах «Последних новостей» появляются сообщения о терроре в деревне.

2 января 1929 года «Последние новости» сообщили о введении хлебных карточек в Петрограде и ряде других городов. Комментируя сложную ситуацию, связанную с перебоями в снабжении городов продовольствием, газета указывает на то, что «положение Петрограда является всегда наиболее неблагоприятным при продовольственном замешательстве в стране»: «если в Москве возникают продовольственные затруднения, то это значит, что в Петрограде должна наступить острая продовольственная нужда».⁴¹

10 апреля 1929 года «Последние новости» напечатали сообщение об объединенном заседании Совнаркома и СТО для обсуждения пятилетнего плана развития народного хозяйства, в ходе которого председатель Совнаркома А.И. Рыков предложил отложить полное выполнение плана на 2–3 года, так как страна, с его точки зрения, еще не была готова к его проведению, и один плохой уро-

жай мог сорвать всю пятилетку. Рыков выразил мнение, что, хотя план «не только хороший, но и совершенный», пятилетке должен предшествовать подготовительный период — «период ликвидации экономических затруднений и установления смычки между городом и деревней».⁴²

«Последние новости» отзывались о новом курсе хозяйственно-го развития СССР с большей категоричностью, чем председатель Совнаркома. Пятилетний план газета окрестила «планом борьбы с народным хозяйством»,⁴³ меры по выполнению плана хлебозаготовок — «войной с деревней».⁴⁴ «Последние новости» расценивали «генеральную установку» партии на коллективизацию как возвращение к «военному коммунизму», так как изъятие хлеба в деревнях осуществлялось способами, схожими с продразверсткой, с той лишь разницей, что роль комитетов бедноты выполняли теперь комиссии по содействию хлебозаготовкам.⁴⁵ По сведениям рижского корреспондента «Таймс», в случае уклонения крестьян от сдачи хлеба местные власти получили право налагать штраф, размер которого мог в пять раз превышать стоимость требуемого количества хлеба, а при неуплате штрафа допускалась конфискация имущества.⁴⁶ С негодованием сообщили «Последние новости» о постановлении ЦК партии от 29 июля 1929 года, которое юридически закрепило произвол в деревне. «Отныне всякого рода местные измышления, имевшие целью принудительно отнимать хлеб, будут уже опираться на постановление высшего органа партии»,⁴⁷ — резюмировал обозреватель.

Проводя параллель между событиями первой пятилетки и эпохой «военного коммунизма», «Последние новости» указали и на существенную разницу между этими историческими явлениями. Чрезвычайные меры в условиях гражданской войны оправдывались военной необходимостью. Именно поэтому Ленин и назвал их «военным коммунизмом». Преступные способы хлебозаготовки конца 20-х годов применялись советской властью в мирное время.

Пытаясь собрать информацию о том, что представляли собой колхозы и как в них была организована работа, «Последние новости» сетовали на скудность материалов по этой теме в советской печати. Судя по тем сведениям, которые доходили до русских эмигрантов, в колхозах «господствовал совершеннейший хозяйственный хаос».⁴⁸ Советская деревня находилась в стадии разложения и упадка. Члены колхозов были не полноправными участниками хозяйства, а «казенным сельскохозяйственным пролетариатом», получавшим жалованье, которое, к тому же, выдавалось нерегулярно и распределялось неравномерно. Вступление в колхоз не стирало классовых различий, поэтому и в колхозах батраки и бедняки на-

ходились в более привилегированном положении, чем середняки. «Можно себе представить хозяйство колхозов, где одним что-то дают, другим ничего не дают, где продолжают разжигать классовую ненависть!» — писали «Последние новости». ⁴⁹ В лице колхозов «страна получила новую массу населения, которая раньше как-то кормилась», а теперь сама нуждалась в прокормлении. И на индивидуальные крестьянские хозяйства надеяться было нельзя, так как их положение было еще менее выгодным. «Последние новости» констатировали «полную дезорганизацию территории индивидуального сектора», отсутствие лошадей, посевного материала, кормов. ⁵⁰

«Последние новости» отмечали перегибы в хозяйственной политике советской власти и объясняли их, «с одной стороны, элементарным невежеством, примитивной отсталостью, постоянным сползанием в давно прошедшие формы экономических и социальных отношений, а с другой стороны, претензией на невероятные утопические достижения, на разрешение задач, непосильных и для государств наиболее мощных в промышленном и культурном отношении». ⁵¹ Преследуя цель «во чтобы то ни стало социализировать русскую деревню», власть обрекала страну на голод. Для того, чтобы оправдать провалы и поражения на хозяйственном фронте в глазах граждан, правительство начало кампанию против «вредителей», суть которой заключалась в публичном обличении и наказании «виновников» экономических неудач, «предателей», сорвавших выполнение пятилетнего плана. Эта кампания вылилась в ряд судебных процессов над руководителями и специалистами в различных отраслях промышленности.

Одним из самых громких процессов стало так называемое «шахтинское дело», или дело об экономической контрреволюции в Шахтинском районе Донбасса. Большую группу инженеров и техников угольной промышленности, а также бывших шахтовладельцев обвинили в мае 1928 года в саботаже и вредительстве. Освещая следствие по «шахтинскому делу», «Последние новости» указывали на многочисленные нарушения прав обвиняемых в ходе судопроизводства.

Газета считала, что «шахтинское дело» оказывает деморализующее влияние на общественные массы и подобный процесс «можно было создать везде и всегда». Желание советского правительства «обучить служилый аппарат большому смирению и беспрекословному подчинению» порождало в гражданах «чувство безнадежности и бессмысленности». ⁵²

Летом 1930 года «Последние новости» вновь запестрели сообщениями об арестах «вредителей» в Советском Союзе. Советская

власть «отыгрывалась на спецах за неудачи своей экономической политики».⁵³ Среди арестованных была группа профессоров в области экономики сельского хозяйства во главе с А.В. Чаяновым и Н.Д. Кондратьевым. За арестом таких крупных ученых «Последние новости» увидели намерение Сталина подготовить партию и общественность к провалу пятилетки, объявив, что «спецы-экономисты «подсунули» ни в чем не повинному диктатору вредительские планы»,⁵⁴ дабы дискредитировать партийное руководство.

О плачевном состоянии народного хозяйства в СССР «Последние новости» сообщали почти в каждом выпуске. Так, например, безрадостную картину национального бедствия рисует передовая статья от 21 сентября 1930 года: «Пресловутый сталинский пятилетний план трещит по всем швам. Колхозы и совхозы не дают хлеба городам, предпочитая продавать его на месте спекулянтам; шахты Донбасса, лишённые рабочих, разбегающихся вследствие тяжелых условий жизни, продолжают снижать добычу угля, а советские заводы выпускают на рынок негодные товары».⁵⁵

25 сентября «Последние новости» опубликовали известие, повергшее в шок мировую общественность. По информации ТАСС, коллегия ОГПУ, рассмотрев по поручению ЦИКа и Совнаркома дело о вредителях в области снабжения населения продовольствием, приговорила 48 обвиняемых к высшей мере наказания. «Бессудные расстрелы» остались несмываемым клеймом на репутации советского государства в глазах Запада.

Попытку Сталина свалить на расстрелянных провалы на экономическом фронте газета считала «безнадежной», так как для всех было очевидно, что «пятилетку строили по приказу, при построении ее не принимались во внимание никакие возражения специалистов», более того, «в свое время указания специалистов на трудности плана клеймились публично».⁵⁶

Осмысливая проблему вредительства как явления хозяйственной жизни СССР, Милюков замечает, что «выражается вредительство не только в порче машин или других деяниях, препятствующих нормальному ходу хозяйственной жизни». Куда более опасным является «массовое вредительство, выражающееся в полнейшем презрении к руководителям, в полном неверии в хозяйственные планы партии». Трагедию хозяйственной политики советского государства Милюков видел в том, что «никогда еще не была столь ясной полнейшая бессмыслица распоряжений политбюро», «никогда еще так ярко не обнаруживалась связь голода в стране с пятилеткой и коллективизацией».⁵⁷

Следует отметить, что судьбе деревни газета уделяла значительно больше внимания, чем преобразованиям в промышленном

секторе, что, вероятно, было связано с упованием Милюкова и его сторонников на силу крестьянства, способного дать отпор советской власти. В таком явлении советской действительности, как вредительство «Последние новости» увидели доказательство полного провала советской хозяйственной политики.

В центре внимания обозревателей «Последних новостей» всегда оставалась и такая волнующая русских эмигрантов тема, как участие советской России в мировой политике. С переходом к НЭПу на передний план советской внешнеполитической деятельности выходит вопрос о нормализации торговых и дипломатических отношений со странами Запада. Основной задачей большевиков становится признание Советов в Европе и мире. «Последние новости» решительно высказались против признания, «как укрепляющего авторитет советской власти».⁵⁸ В отношении развития экономических связей Запада с советской Россией издание занимало не менее жесткую позицию, осуждая лицемерие иностранных держав, пытающихся под предлогом восстановления российской экономики реализовать собственные корыстные интересы и обеспечить себе привилегии в России в период ее слабости.

16 марта 1921 года Л.Б. Красин подписал торговый договор между РСФСР и Великобританией. Подписанное соглашение стало первым признанием советского правительства де-факто. В предовище «Последних новостей» от 21 октября 1921 года приведены доводы, которыми руководствовался премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж при заключении торгового соглашения с советской Россией. «Во-первых, он (Ллойд Джордж.— М.Г.) хотел ослабить агитацию рабочих Англии, которые экономическую блокаду России относили за счет антидемократичности правительства... Во-вторых, экономический кризис в самой Англии рядом экономистов и практиков-промышленников рассматривался как следствие того, что из мирового товарообмена вышла Россия... Как результат этого — и сие в-третьих — в Англии росла безработица, так как значительная масса рабочих оставалась за бортом, не находя применения своим силам за отсутствием русского рынка, потребляющего английские полуфабрикаты».⁵⁹ Помимо прочего, влияние на политику Великобритании оказывали и крупные английские финансисты и промышленники, желавшие первыми проникнуть в Россию, а также вера в то, что европейский капитал сможет в корне поменять весь хозяйственный уклад большевистского государства. Однако спустя чуть более полугода с момента подписания договора глава правительства Великобритании заявил в своей большой речи, посвященной вопросам экономической политики, что «трансформация большевизма невозможна» и что «советская власть в такой

мере экономически блокировала Россию, что все попытки Европы завязать разумные торговые сношения оказываются бесплодными».⁶⁰

В связи с установлением торговых отношений между Великобританией и советской Россией любопытен иск, который был предъявлен английской фирмой «Фентон Текстиль Лимитед» к советской миссии, советскому кооперативному обществу и Красину лично, в размере 45 тысяч фунтов стерлингов. Судебные разбирательства по этому поводу, за которыми пристально следили корреспонденты «Последних новостей», приобрели характер принципиального спора о пределах полномочий миссии Красина, которому часто приходилось вести с британским правительством переговоры, не касающиеся вопросов торговли, выступать в роли дипломатического представителя советской России. Поверенный Красина пытался опротестовать иск на основании того, что тот пользуется иммунитетом как полномочный представитель иностранной державы. Поверенный истца, в свою очередь, оспаривал дипломатическую неприкосновенность Красина, так как Великобритания не признала советское правительство де-юре.

В данном споре советская торговая миссия потерпела полное фиаско. В ответ на запрос суда английское министерство иностранных дел ответило, что «Красин пребывает в Лондоне в силу специального соглашения, заключенного между Москвой и Лондоном по данному вопросу, и в объеме, вытекающем из этого соглашения», и что «если Красин и бывал принимаем в английском министерстве иностранных дел, то в качестве агента московской власти, никоим образом — в качестве дипломатического представителя последней».⁶¹

Краеугольным камнем в переговорах о возможности признания западными державами советского правительства был вопрос о финансовых обязательствах царской России. И если первоначально, как отмечают «Последние новости», советское правительство руководствовалось принципом «свободных рук»,⁶² согласно которому «ни одна страна не должна платить долгов предшествовавших правительств», то уже к концу 1921 года в связи с назревшей необходимостью как можно скорее получить дипломатическое признание и наладить экономические связи с иностранными государствами большевики пересматривают свою позицию по этому вопросу. В ноте на имя министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин заявляет о намерении советского правительства признать царские долги, если это позволит восстановить экономические связи с государствами Запада. При этом Чичерин отмечает, что «идет на эту жертву, лишь бы добиться соглашения со странами Европы».⁶³ Однако

правительства США и Франции выступили категорически против каких-либо переговоров с советской Россией до тех пор, пока она не предоставит надежные политические и экономические гарантии выполнения взятых на себя обязательств. Подобной гарантией могло бы стать осуществление в России «принципа народоправства и права индивидуальной инициативы в хозяйственной жизни».⁶⁴

«Последние новости» задаются вопросом о том, что стоит за заявлениями большевиков о готовности идти на уступки, и приходят к выводу, что главной их целью является созыв международной конференции, на которой советское правительство выступило бы полноправным участником. «Таким образом, фактом официального своего участия на конференции советское правительство до известной степени будет формально признано государствами, имеющими участвовать в проектируемой конференции».⁶⁵

В конце октября 1921 года большевистское правительство предложило созвать конференцию для урегулирования взаимных претензий и выработки мирного договора между Россией и западными государствами. На Каннской конференции в январе 1922 года, куда большевики не были приглашены, было принято решение о созыве конференции в Генуе с участием советской России. Как отмечают «Последние новости», «судя по советским газетам, московское правительство отнюдь не намерено было идти на генуэзскую экономическую конференцию как побежденный, приемлющий ставящиеся ему условия».⁶⁶

«Последние новости» тонко подмечают всю рискованность и опасность задуманной конференции в контексте сложной международной обстановки. Политики всех стран «сойдутся, проникнутые взаимным недоверием и держа камни за пазухой». «При этих условиях, может быть, наилучшим результатом конференции для будущего мира Европы будет, если она кончится ничем».⁶⁷

Конференция начала свою работу в Генуе 10 апреля 1922 года. Советскую делегацию возглавил Г.В. Чичерин. Всего в конференции приняло участие 29 стран. Комментируя открытие конференции, «Последние новости» сообщают, что «большевики прижаты к стене», так как они не могут вернуться в Россию без займов. «Но кто же даст им денег в настоящую минуту? И для того ли, чтобы говорить с ними о займе, их позвали в Геную?» — вопрошает Милюков в передовой статье от 11 апреля 1922 года.⁶⁸ «На просьбу большевиков «дайте денег» союзные правительства ответят: сперва остепенитесь и признайте в самых тяжких формах финансовые обязательства старой России с правом контролировать ваши доходы. Потом, мы посмотрим...»⁶⁹ Большевики, однако, не пошли на поводу у западных держав, выдвинув им ответные претензии о

возмещении убытков, понесенных Россией в результате интервенции Антанты. Эти убытки были оценены советской делегацией в 50 млрд. золотых рублей.

Взрывом, который «грозил пустить ко дну Генуэзский корабль» стало подписание 16 апреля в предместье Генуи Рапалло двустороннего договора между советской Россией и Германией. Оба правительства взаимно отказывались от возмещения военных и невоенных убытков, понесенных за годы войны. Германия также отказалась от требования возратить национализированную промышленность бывшим германским собственникам при условии, что Россия не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Между двумя странами возобновлялись дипломатические и консульские отношения, а также устанавливался принцип наибольшего благоприятствования в торговых и хозяйственных отношениях. Рапалльский договор стал полной неожиданностью для Антанты.

В передовице «Последних новостей» от 9 мая, озаглавленной «Накануне развязки», было отмечено, что «потребно чудо, чтобы спасти Генуэзскую конференцию от позорного краха». Жесткие позиции сторон не позволили достичь соглашения между Россией и западными государствами. Более того, по мнению Миллюкова, то, что происходило в Генуе, «не может быть иначе названо как приспособлением под большевизм», который получил «даровую трибуну для агитации»⁷⁰ на международной арене. «Для мировой пропаганды коммунизма Генуэзская конференция, несомненно, сделала очень много». В этом «Последние новости» и увидели ее основной итог. Но это же в свою очередь повлекло за собой, по мнению «Последних новостей», и «восстановление общего европейского, а прибавляя сюда Америку, и мирового фронта против большевиков».⁷¹

На протяжении всего 1923 года советская Россия тщетно пыталась прорвать антибольшевистский фронт западных держав. Однако уже в начале 1924 года международная ситуация начала кардинально меняться. В январе на парламентских выборах в Великобритании победу одержали лейбористы. Новым премьер-министром стал Д.Р. Макдональд. 1 февраля 1924 года его правительство признало СССР де-юре и предложило создать англо-советскую комиссию для достижения договоренности по нерешенным экономическим и политическим вопросам в отношениях двух государств. Работа комиссии началась с воодушевлением, но прения, растянувшиеся на месяцы, завели ее в тупик.

О признании советской власти заявил в мае 1924 года и глава нового кабинета Франции Э. Эррио. Первоначально планиро-

валось, что признание последует не позднее 5 июня и будет безусловным, а в конце июня в Париже откроется советское торговое представительство. Но из сообщений «Последних новостей» стало известно, что собрание представителей групп промышленников и кредиторов, происходившее 20 июня, вопреки ожиданиям правительства единогласно высказалось против немедленного и безоговорочного признания СССР. После этого настроение французского кабинета существенно изменилось. Приготовленный для отправки в Россию акт о признании подвергся редакции, в результате которой условием установления дипломатических отношений между государствами определялось признание большевиками договоров и обязательств дореволюционной России. Но и в новой редакции документ не был подписан и отослан. Экономические проблемы франко-советских отношений казались неразрешимыми, так как ни одна из сторон не желала идти на уступки в вопросе о государственном долге царского правительства. Делегация франко-русского союза, которую Эррио принял в начале июля, еще раз напомнила ему об ответственности перед 900 000 держателей русских акций. Это, по всей видимости, заставило главу французского кабинета пересмотреть свое первоначальное намерение и отказаться от немедленного признания, заявив, что «ввиду сложности проблемы и сознания моральной ответственности, французское правительство не собирается действовать слишком поспешно».⁷²

Впечатления от переговоров по поводу признания были изложены в «Последних новостях» в статье, озаглавленной «Англо-франко-советская канитель», в которой подверглась сомнению сама возможность установления каких-либо регулярных взаимоотношений между Россией в условиях советского строя и Западом.

8 августа 1924 года в английских газетах был опубликован текст англо-советских договоров, ставший результатом сотрудничества советских делегатов и уполномоченных британского правительства. 12 августа подробный разбор содержания договоров появился на страницах «Последних новостей». Наибольший политический интерес представляли третья и четвертая главы первого договора. Третья глава содержала, по выражению «Последних новостей», две «принципиальные, но «в виде исключения»»⁷³ уступки большевиков. Первая уступка заключалась в согласии удовлетворить «в известных границах» претензии английских держателей российских государственных ценных бумаг. Британское же правительство, в свою очередь, отказывалось от требования полной компенсации по займам в связи с «тяжелым финансовым и экономическим положением советской республики». Процент долга, подлежащий погашению, специально не оговаривался. В статье, посвященной анализу

текста договоров, было высказано предположение, что подобный принцип урегулирования вопроса взаимных обязательств ляжет и в основу последующих договоров между СССР и иностранными державами, имеющими к нему финансовые претензии. Принцип этот не позволял окончательно разрешить проблему государственного долга, что, очевидно, было недостижимо в существующих условиях, но оставлял возможность дальнейших переговоров.

В качестве второй уступки большевики соглашались обсудить возможности компенсации потерь тех британских подданных, которых коснулись декреты о национализации промышленных предприятий и земельной собственности в советской России.

Последняя, четвертая, глава первого договора содержала «торжественное обязательство сторон «жить в мире и дружбе», строго соблюдать право каждого государства устраивать свою жизнь по-своему».⁷⁴ Это положение «Последние новости» трактовали как обещание большевиков организовать работу Коминтерна таким образом, чтобы он не был помехой спокойствию и благополучию западных держав.

Второй англо-советский договор был посвящен торговым взаимоотношениям двух государств. По оценке «Последних новостей», он был основан на «другой разновидности официального оптимизма», связанного с допущением, что с большевиками возможно иметь цивилизованные деловые отношения.

Вынесение англо-советского соглашения на обсуждение в палату общин имело фатальные последствия для рабочего правительства. «В течение всего своего почти девятимесячного пребывания у власти рабочий кабинет в Англии не переживал таких критических дней, как сейчас,— сообщили «Последние новости» 20 сентября 1924 года.— Главная, если не единственная, причина надвигающегося кризиса — широкое недовольство, вызванное в общественном мнении англо-советским договором. Впервые Макдональду придется считаться с объединенной парламентской оппозицией, ибо договор в том виде, в каком он подписан рабочим правительством, неприемлем не только для консерваторов, но и для огромного большинства либералов».⁷⁵

В октябре 1924 года правительство Макдональда было вынуждено подать в отставку. Новое британское правительство во главе с лидером консервативной партии Стэнли Болдуином направило 21 ноября в адрес полпреда Советов в Лондоне Х.Г. Раковского две ноты, которые хотя и не отменяли пока признания Англией СССР, но, по замечанию «Последних новостей», «фактически уничтожали все остальное, что было сделано для сближения советской власти с британским правительством за время управления Макдональда».⁷⁶

Одновременно с охлаждением в отношениях между советским правительством и Великобританией в конце октября 1924 года последовало, наконец, официальное признание СССР Францией. Этот дипломатический акт Эррио мотивировал, с одной стороны, нежеланием «оставаться в стороне от России в то время, как другие державы находятся с ней в активных экономических сношениях», а, с другой стороны, стремлением контролировать внешнюю политику советского государства в Азии, французских колониях и протекторатах, проливах.⁷⁷ Однако признание было лишь отправной точкой на пути к урегулированию франко-советских отношений. Последовавшие за ним переговоры затянулись в связи с невозможностью прийти к соглашению по наиболее острым вопросам. Большевики готовы были погасить от 10 до 25 % задолженности перед держателями русских ценных бумаг во Франции, но «не наличными, а новыми советскими обязательствами» и при условии предоставления советскому правительству кредитов.⁷⁸ Такие условия, очевидно, не могли удовлетворить французских подданных.

Сообщая о статусе франко-советских переговоров почти год спустя, «Последние новости» констатировали, что «с момента официального признания Москвы, французское правительство получило полную почти свободу действий в русском вопросе. Радикальные и социалистические элементы, энергично настаивавшие на восстановлении дипломатических сношений с СССР, не стали особенно торопиться с тем, чтобы официальный акт признания был заполнен конкретным содержанием».⁷⁹ Со ссылкой на «весьма осведомленного» парижского корреспондента «Таймс» на страницах русской эмигрантской газеты было высказано предположение, что Англия и Франция заняли «солидарную позицию негативного характера в русском вопросе», что было связано с франко-британским сближением на почве переговоров о гарантийном пакте. Гарантийный договор был заключен на международной конференции в Локарно и явился, по меткому замечанию Милюкова, «психологическим коррективом к мирному трактату, санкционируя добровольным соглашением Германии то, что до сих пор достигнуто было победителями силой принуждения».⁸⁰ Давая надежду на установление прочного мира в Европе, гарантийный пакт был встречен общественностью с большим воодушевлением. И потому французское правительство не спешило с заключением соглашения с Москвой, считая «неудобным действовать сепаратно в деликатном русском вопросе».⁸¹

Учитывая складывающуюся неблагоприятную для Советского Союза международную обстановку, «лучшим, если не единственным» союзником большевиков в Европе стало левое крыло тред-

юнионов. Однако попытки большевиков оказывать влияние на политику европейских держав через профсоюзы повлекли за собой усиление антисоветских настроений на западе. Поддержка Коминтерном всеобщей забастовки английских шахтеров 1 мая 1926 года была расценена Великобританией как вмешательство СССР в ее внутренние дела. На протяжении 1926 года противоречия в англо-советских отношениях только углублялись. Обострение конфликта пришлось на начало 1927 года. 23 февраля советскому правительству была направлена нота Чемберлена с резким осуждением антибританской пропаганды, осуществляемой Советами в нарушение англо-советского торгового соглашения 1921 года и угрозой разрыва дипломатических отношений. В ответной ноте большевики заявили о необоснованности выдвинутых обвинений и привели примеры антисоветских выступлений со стороны членов английского правительства и печати. В начале марта 1927 года дебаты по русскому вопросу состоялись в обеих палатах парламента. Результатом прений стало почти единогласное признание недопустимости действий Москвы и поддержка последней ноты Чемберлена. Тем не менее, по поводу того, каковы должны быть дальнейшие действия английского правительства в отношении СССР, мнения участников дебатов разошлись. По свидетельству «Последних новостей», одни настаивали на разрыве дипломатических отношений, другие призывали попытаться наладить отношения путем переговоров, а третьи «присоединились к официальной позиции правительства, резюмирующей традиционной английской формулой «wait and see»». ⁸² Однако британский кабинет, если и придерживался тактики выжидания в русском вопросе, то совсем недолго. 14 мая 1927 года «Последние новости» вышли с сообщением об обыске в советском торговом представительстве в Лондоне, учиненном английским правительством, и изъятии дипломатической документации. В ответ Москва пригрозила экономическим бойкотом. 17 мая Чемберленом была получена нота протеста советского правительства против действий, нарушающих пятый пункт англо-советского торгового договора 1921 года об экстерриториальности. Нота извещала о намерении Советов передать крупные заказы, предназначенные для Англии, в другие страны, но оставить в силе уже размещенные заказы. 25 мая на первой полосе «Последних новостей» было напечатано сообщение о разрыве дипломатических отношений между Англией и СССР и аннуляции торгового соглашения. 27 мая газета возвестила об итогах решающего обсуждения русского вопроса в палате общин: разрыв был принят 357 голосами против 111. Этот острый англо-советский конфликт продемонстри-

ровал непрочность и без того зыбкого мира, достигнутого между СССР и Западом.

Характеризуя внешнеполитическую активность Советского Союза в 1920-е годы, следует отдельно остановиться на ее дальневосточном направлении. Существенным успехом советской дипломатии в этом регионе стало подписание в мае 1924 года соглашения с Китаем, в соответствии с которым СССР «получил в свои руки временное управление Восточно-Китайской железной дорогой вместе с ответственностью за долги, падающие на железную дорогу (задолженность дороги к концу 1922 года составляла 8,8 млн. золотых рублей)».⁸³ Установив взаимоотношения с официальным Пекином, Советы продолжали сотрудничать с китайскими коммунистами и национально-революционным движением Гоминьдан. В столицу революционного южного правительства Китая Гуанчжоу были направлены советские военные и политические советники, поставлялись крупные партии оружия.

Однако подобная расстановка сил не могла быть долговечной. После смерти основателя Гоминьдана Сунь Ятсена и раскола в блоке национал-революционеров и коммунистов произошел разрыв гоминьдановцев с китайской коммунистической партией и поддержавшим ее Советским Союзом. В 1927 году Чан Кайши, новый лидер Гоминьдана, добился установления своей диктатуры во всем Китае. СССР отказался признать правительство Чан Кайши. Сложившаяся напряженная ситуация во взаимоотношениях советского правительства и официальных властей Китая стала почвой для возникновения новых конфликтов и столкновений, наибольший резонанс из которых имел вооруженный конфликт на КВЖД в 1929 году. В июле этого года по согласованию с Чан Кайши правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян взял железную дорогу под свой контроль, проведя аресты и высылку советских работников.

Освещая советско-китайский конфликт лета 1929 года, «Последние новости» высмеивают ответные действия Сталина, который, пользуясь «испытанным средством», санкционирует антикитайскую пропаганду в стране: и вот уже «на всех заводах, во всех секциях и женотделах единогласно клеймят китайское правительство, поддерживают линию партии...»⁸⁴ Но, в отличие от «борьбы против правого уклона» и «одобрения бессудных расстрелов», разрешение конфликта на КВЖД требует принятия более реальных мер для защиты интересов СССР, однако к этим мерам, как утверждается на страницах издания, советское правительство не готово. В газете высказывается предположение, что в Кремле царит «паническая неразбериха». «Последние новости» подвергают сомнению

способность Москвы к решительным действиям для урегулирования сложившейся напряженности.

В соответствии с пактом Бриана-Келлога США предложили передать конфликт на арбитраж. Москва отклонила посредничество, потребовав возвращения КВЖД до начала переговоров. Тем не менее, в выпуске от 2 августа 1929 года публикуется известие о начале предварительных переговоров между СССР и Китаем по вопросу о созыве конференции для урегулирования конфликта. Эти переговоры не принесли никаких положительных результатов.

В октябре 1929 года советские войска начали наступательную операцию. Вопреки ожиданиям мировой общественности в ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Слухи о беспомощности Советов не оправдались. Хабаровский протокол, подписанный 22 декабря, положил конец вооруженному конфликту на КВЖД и восстановил прежний статус железной дороги.

Одновременно с событиями на Дальнем Востоке происходит восстановление дипломатических отношений между СССР и Великобританией, где у власти снова оказываются лейбористы во главе с премьер-министром Р. Макдональдом. Летом 1929 года второе лейбористское правительство предложило советской власти прислать своего уполномоченного для обсуждения условий возобновления отношений. Макдональд вновь попытался добиться от Советского Союза предварительных уступок в вопросе о долгах и коммунистической пропаганде. Но, как сообщили «Последние новости», «советская власть заняла ту позицию, что восстановление сношений должно предшествовать каким-либо переговорам», и «потому командировала Довгалевского в Лондон только для «обсуждения порядка обсуждения» указанных английским правительством вопросов, но не для переговоров по существу».⁸⁵ Это, по всей видимости, и стало основным камнем преткновения, послужившим причиной разрыва переговоров. Разбирая аргументацию советского правительства и советской печати в поддержку позиции СССР на переговорах, «Последние новости» характеризуют ее как «бестактную» и «наивную». На страницах газеты эта аргументация сформулирована следующим образом: «Советское правительство охраняет интересы и права... английских избирателей. Так как рабочая партия на выборах обещала рабочим «облагодетельствовать» их восстановлением сношений с большевиками, то советская власть и требует, чтобы Макдональд выполнил это свое обещание английскому народу. Поэтому-то она не допускает никаких предварительных переговоров, которыми рабочее правительство пытается «уклониться» от исполнения этого обязательства».⁸⁶ Подобный расчет Советов

на поддержку левых элементов рабочей партии «Последние новости» считают безосновательным, так как, во-первых, кабинет Макдональда усвоил урок 1924 года, когда «давление пролетариата» привело к подписанию «бессодержательного, но глубоко возмущившего английское общественное мнение договора» и к ликвидации первого опыта социалистической власти в Англии, а, во-вторых, «те до известной степени «товарищеские» отношения, которые все еще существовали пять лет тому назад между большевиками и левыми социалистами... давно сменились ожесточенной враждой».⁸⁷ Тем не менее, в условиях мирового экономического кризиса и сокращения торгового оборота лейбористский кабинет был вынужден принять условия советской власти. 14 сентября 1929 года на первой полосе «Последних новостей» появляется известие о ноте британского министра иностранных дел А. Гендерсона с предложением Советам вновь делегировать своего представителя в Лондон для возобновления переговоров. Это предложение с готовностью принимается наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым.

2 октября газета сообщает о том, что в результате пятичасового совещания было, наконец, достигнуто соглашение между Гендерсоном и Довгалеvским о безусловном и полном восстановлении дипломатических отношений. Решение же всех спорных вопросов было временно отложено до назначения послов в Лондон и Москву. «Последние новости» ссылаются в этой связи на рижского корреспондента «Таймс», который утверждает, что в Москве «трубят победу» и открыто говорят о капитуляции Гендерсона. В выпуске от 6 ноября сообщается об одобрении Палатой общин возобновления дипломатических отношений с СССР 324 голосами против 199. А 17 апреля 1930 года стороны подписывают временное англо-советское торговое соглашение. Суть достигнутой между государствами договоренности «Последние новости» выразили формулой «кредиты взамен пропаганды».⁸⁸ И действительно, коммунистическая пропаганда в Англии оставалась одним из основных препятствий на пути сотрудничества двух стран. На это указывал Сталину и полпред СССР в Великобритании Г.Я. Сокольников. Однако протест Сокольникова против перенесения центра западной агентуры Коминтерна в Лондон не нашел поддержки в Москве.

В связи с назначением советским полпредом в Лондоне такого «опального сановника», как Сокольников, на первой полосе «Последних новостей» была опубликована статья «Сталин и Сокольников», дающая весьма лестный отзыв о профессиональных качествах последнего. Любопытно, что бывший нарком финансов Сокольников чуть ли не единственный из всех советских чиновников удостоился столь высокой оценки своих заслуг на политиче-

ском поприще на страницах эмигрантского издания, в большинстве случаев критически отзывающегося о представителях советской администрации. Сокольников зарекомендовал себя в Европе еще на Женевской экономической конференции, где выступил с речью об экономической целесообразности делового сотрудничества двух систем — социалистической и капиталистической. Основной задачей Сокольникова на посту полпреда являлось стремление «выйти из сферы тех прений о долгах и кредитах, которые до сих пор составляли главное содержание «экономических отношений» между СССР и «капиталистическим миром» и безвыходность и безнадежность которых была доказана столько раз».⁸⁹ Уловив распространение «устало безнадежного» отношения к этой теме в Англии, где, в отличие от Франции, заинтересованность в старых русских обязательствах носила менее широкий характер, Сокольников сосредоточил все свое внимание на развитии торговых отношений и добился подписания такого торгового соглашения, которое «не было поставлено в зависимость от вопроса о долгах». Кроме того, Сокольникову удалось договориться о включении СССР в так называемую «систему экспортных кредитов». Эта система была введена после войны в целях оживления английской экспортной торговли и заключалась в предоставлении английским экспортерам правительственных кредитов в частном порядке. Заслуга Сокольникова состояла в том, что теперь подобные кредиты начали предоставлять и для экспорта в СССР, что, по справедливому замечанию «Последних новостей», означало, что «советская власть получила фактически довольно крупные кредиты, по крайней мере, для закупок в Англии».

Таким образом, полпред СССР в Великобритании представлен на страницах издания Милюкова дальновидным политиком и искусным профессионалом, умело отстаивающим интересы своей страны на международной арене и доказавшим на деле «то «умение учиться» государственному делу, которого Ленин вообще безуспешно требовал от своих сотрудников».

Формальное восстановление советско-британских дипломатических и торговых отношений не исчерпало принципиальных разногласий между СССР и Англией, которые, как свидетельствовали «Последние новости», периодически обострялись.

В передовой статье от 15 июня 1930 года «Последние новости» дают неутешительный прогноз и о перспективах франко-советских отношений, уверенно заявляя, что «во Франции окончательно изжиты иллюзии в отношении большевизма» и что в русском вопросе нет «никаких принципиальных расхождений между правыми и левыми общественными кругами».⁹⁰

Несмотря на сохраняющуюся напряженность, к концу 20-х годов позиции Советского Союза в Европе существенно укрепились. Советской дипломатии удалось наладить сотрудничество с Западом, подняв престиж СССР на международной арене. И хотя материалы «Последних новостей» дают, чаще всего, крайне негативную оценку внешнеполитической деятельности большевиков, очевидно, что то внимание, которое уделяется Советам на страницах парижского эмигрантского издания, свидетельствует не только о неослабевающем интересе к событиям на родине, но и о том, что советское государство стало полноправным субъектом мировой политики, с которым приходилось считаться.

«Последние новости», выпускаемые в Париже эмигрантами из России, представляют собой уникальный исторический источник. В отличие от красной печати, подвергавшейся строгой цензуре, зарубежная пресса имела возможность высказывать альтернативную точку зрения на советскую действительность. Будучи хорошо информированными, обозреватели «Последних новостей» одними из первых сообщали о самых актуальных событиях из жизни Советской России, давали свою оценку происходящему, подробно разбирали наиболее волнующие читателя темы. Широкое освещение в периодическом издании получили проблемы, связанные с политической большевистской партии в области народного хозяйства и налаживания контактов со странами Запада в 20-е годы. Определенная тенденциозность подачи информации, обусловленная концепцией издания и устоявшейся системой взглядов редакции, ни в коей мере не умаляет ценности новостных и аналитических газетных материалов для исследователя.

-
- 1 Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930. Париж, 1930. С. 50.
  - 2 Там же. С. 10.
  - 3 Последние новости.— № 533.— 11 января 1922 г.— С. 1.
  - 4 Юбилейный сборник газеты «Последние новости».— С. 13.
  - 5 Последние новости.— № 1078.— 27 октября 1923 г.— С. 1.
  - 6 Последние новости.— № 2025.— 8 октября 1926 г.— С. 1.
  - 7 *Мальшева О. Г.* П. Н. Милоков о судьбе России. Взгляд издалека // Зарубежная Россия.— Кн. 1.— С. 34.
  - 8 Последние новости.— № 264.— 1 марта 1921 г.— С. 1.
  - 9 Там же.
  - 10 Последние новости.— № 274.— 12 марта 1921 г.— С. 1.
  - 11 Последние новости.— № 484.— 13 ноября 1921 г.— С. 1.
  - 12 Последние новости.— № 526.— 1 января 1922 г.— С. 1.
  - 13 Последние новости.— № 1132.— 1 января 1924 г.— С. 1.

- 14 Там же.
- 15 Последние новости.— № 273.— 11 марта 1921 г.— С. 1.
- 16 Последние новости.— № 379.— 13 июля 1921 г.— С. 1.
- 17 Там же.
- 18 Последние новости.— № 384.— 19 июля 1921 г.— С. 2.
- 19 Последние новости.— № 389.— 24 июля 1921 г.— С. 1.
- 20 Последние новости.— № 398.— 4 августа 1921 г.— С. 1.
- 21 Последние новости.— № 405.— 12 августа 1921 г.— С. 1.
- 22 Последние новости.— № 417.— 26 августа 1921 г.— С. 1.
- 23 Там же.
- 24 *Геллер М.С.* «Первое предостережение» — удар хлыстом. (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии.— 1990.— № 9.— С. 49.
- 25 Об Американской организации помощи упоминает в своих мемуарах Н.О. Лосский: «Семья наша, голодавшая в течение двух лет, вся была обречена на гибель, как и многие другие семьи интеллигентов. Спасла нас от смерти американская организация АРА (American Relief Association), устроившая в 1921 г. свой отделения по всей России» (*Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии.— 1991.— № 11.— С. 181).
- 26 Последние новости.— № 275.— 13 марта 1921 г.— С. 2.
- 27 Последние новости.— № 287.— 27 марта 1921 г.— С. 2.
- 28 Последние новости.— № 290.— 31 марта 1921 г.— С. 2.
- 29 Там же.
- 30 Последние новости.— № 296.— 7 апреля 1921 г.— С. 1.
- 31 Последние новости.— № 318.— 3 мая 1921 г.— С. 2.
- 32 Последние новости.— № 323.— 8 мая 1921 г.— С. 2.
- 33 Там же.
- 34 Последние новости.— № 528.— 4 января 1922 г. С. 1.
- 35 Последние новости.— № 1239.— 8 мая 1924 г. С. 1.
- 36 *Вандаковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009.— С. 131.
- 37 Последние новости.— № 1467.— 5 февраля 1925 г.— С. 1.
- 38 Там же.
- 39 Последние новости.— № 2526.— 21 февраля 1928 г.— С. 1.
- 40 Последние новости.— № 2728.— 10 сентября 1928 г.— С. 1.
- 41 Последние новости.— № 2842.— 2 января 1929 г.— С. 1.
- 42 Последние новости.— № 2940.— 10 апреля 1929 г.— С. 1.
- 43 Последние новости.— № 2959.— 29 апреля 1929 г.— С. 1.
- 44 Последние новости.— № 3030.— 9 июля 1929 г.— С. 1.
- 45 Последние новости.— № 3022.— 1 июля 1929 г.— С. 1.
- 46 Последние новости.— № 3030.— 9 июля 1929 г.— С. 1.
- 47 Последние новости.— № 3071.— 19 августа 1929 г.— С. 1.
- 48 Последние новости.— № 3337.— 12 мая 1930 г.м С. 1.
- 49 Последние новости.— № 3337.— 12 мая 1930 г.— С. 1.
- 50 Там же. С. 1.
- 51 Последние новости.— № 3082.— 30 августа 1930 г.— С. 1.
- 52 Последние новости.— № 2609.— 14 мая 1928 г.— С. 1.
- 53 Последние новости.— № 3406.— 20 июля 1930 г.— С. 1.
- 54 Последние новости.— № 3453.— 5 сентября 1930 г.— С. 1.
- 55 Последние новости.— № 3469.— 21 сентября 1930 г.— С. 1.
- 56 Последние новости.— № 3477.— 29 сентября 1930 г.— С. 1.
- 57 Последние новости.— № 3512.— 3 ноября 1930 г.— С. 1.

- 58 Юбилейный сборник газеты «Последние новости». — С. 18.
 59 Последние новости. — № 465. — 21 октября 1921 г. — С. 1.
 60 Там же.
 61 Последние новости. — № 508. — 11 декабря 1921 г. — С. 1.
 62 Последние новости. — № 474. — 1 ноября 1921 г. — С. 1.
 63 Там же.
 64 Последние новости. — № 480. — 9 ноября 1921 г. — С. 1.
 65 Последние новости. — № 474. — 1 ноября 1921 г. — С. 1.
 66 Последние новости. — № 540. — 19 января 1922 г. — С. 1.
 67 Последние новости. — № 605. — 5 апреля 1922 г. — С. 1.
 68 Последние новости. — № 610. — 11 апреля 1922 г. — С. 1.
 69 Там же.
 70 Последние новости. — № 632. — 9 мая 1922 г. — С. 1.
 71 Последние новости. — № 645. — 24 мая 1922 г. — С. 1.
 72 Последние новости. — № 1286. — 4 июля 1924 г. — С. 1.
 73 Последние новости. — № 1318. — 12 августа 1924 г. — С. 1.
 74 Там же.
 75 Последние новости. — № 1351. — 20 сентября 1924 г. — С. 1.
 76 Последние новости. — № 1406. — 23 ноября 1924 г. — С. 1.
 77 Последние новости. — № 1403. — 20 ноября 1924 г. — С. 1.
 78 Последние новости. — № 1643. — 11 сентября 1925 г. — С. 1.
 79 Там же.
 80 Последние новости. — № 1682. — 17 октября 1925 г. — С. 1.
 81 Последние новости. — № 1643. — 11 сентября 1925 г. — С. 1.
 82 Последние новости. — № 2176. — 8 марта 1927 г. — С. 1.
 83 Последние новости. — № 1268. — 13 июня 1924 г. — С. 1.
 84 Последние новости. — № 3038. — 17 июля 1929 г. — С. 1.
 85 Последние новости. — № 3054. — 2 августа 1929 г. — С. 1.
 86 Там же.
 87 Там же.
 88 Последние новости. — № 3313. — 18 апреля 1930 г. — С. 1.
 89 Последние новости. — № 3341. — 16 мая 1930 г. — С. 1.
 90 Последние новости. — № 3371. — 15 июня 1930 г. — С. 1.

О.В. Будницкий

Б.А. БАХМЕТЕВ И ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД¹

Аннотация. Статья посвящена деятельности созданного в 1936 г. в США Б.А.Бахметевым эмигрантского Гуманитарного фонда. Представлена работа фонда по поддержке исследований в области экономики, истории, социологии, а также русской православной церкви, отдельных представителей русской эмиграции, показаны механизм осуществления благотворительности и роль фонда в жизни российской эмиграции.

Ключевые слова: русская эмиграция, благотворительность, гуманитарная наука эмиграции, Б.А.Бахметев, М.М.Карпович, Гуманитарный фонд.

Summary. The article is devoted to the activity of established in 1936 in the USA by B.A.Bakhmetev émigré Humanitarian Fund. There is represented the Fund's activity to support the researches in the fields of economy, history, sociology and Russian Orthodox

Church, some representatives of Russian emigration, there is shown the mechanism of charity and the Fund's role in Russian emigration life.

Keywords: *Russian emigration, charity, humanitarian science of emigration, B.A. Bakhmetev, M.M. Karpovich, Humanitarian Fund.*

Нам уже приходилось писать о Борисе Александровиче Бахметеве, инженере, ученом-гидравлике, профессоре Политехнического института в Петербурге и Колумбийского университета в Нью-Йорке, политическом и общественном деятеле, дипломате и удачливом предпринимателе². Настоящая статья посвящена еще одной грани его деятельности — благотворительности, а именно работе основанного Бахметевым Гуманитарного фонда. Приведем — пунктиром — основные сведения о жизни и деятельности Бахметева.

Борис Александрович Бахметев родился 1(13) мая (по другим данным 20 июля/1 августа) 1880 г. в Тифлисе. Окончил Институт путей сообщения в С.-Петербурге (1903). В 1904–1905 гг. стажировался в Швейцарии и США. В студенческие годы увлекся марксизмом, вступил в РСДРП, был избран членом ЦК партии от фракции меньшевиков (1906). После революции 1905–07 гг. от партийной работы отошел. С 1905 г. преподавал в Петербургском политехническом институте. Открыл также частную проектную контору, в которой под его руководством по заказам 3-й Государственной думы был подготовлен ряд проектов гидроэлектростанций, в том числе на Днепре (построена с изменениями первоначального плана при советской власти; известна под названием ДнепрогЭС). В годы Первой мировой войны помощник директора, затем директор хирургического госпиталя Красного Креста. В 1915–16 гг. — руководитель закупочной комиссии Центрального военно-промышленного комитета в США. С марта 1917 — товарищ министра промышленности и торговли Временного правительства. К этому времени Бахметев, формально не входя в какую-либо партию, придерживался либеральных воззрений.

С июня 1917 г. — посол в США, занимался прежде всего проблемой получения кредитов и снабжения русской армии и промышленности, пропагандировал образ новой, демократической России.

После Октябрьской революции отказался признать советское правительство, заявив, что оно не отражает интересы русского народа; сохранял статус российского посла до 1922 г. Обеспечил поставки белым правительствам (преимущественно правительству А.В. Колчака) вооружения и обмундирования (как заготовленного в США в период Первой мировой войны, так и вновь приобретенного), реализовал заём, предоставленный под залог части российского золотого запаса (так наз. «золото Колчака»). По инициативе Бах-

метева в декабре 1918 г. для возможного представительства России на Парижской мирной конференции 1919–20 гг. было образовано Русское политическое совещание в составе не признавших советскую власть российских послов и некоторых видных политических деятелей. Бахметев, специально приехавший в Париж для участия в работе совещания, возглавил его Политическую комиссию, занимавшуюся в основном подготовкой документов по вопросам будущих российских границ. В 1920 г. пришел к выводу, что ликвидация советской власти в России путем «военных движений» невозможна. Полагал, что большевизм должен быть изжит изнутри.

После эвакуации из Крыма армии П.Н. Врангеля российское посольство в Вашингтоне в значительной степени финансировало расселение «беженцев врангелевской эвакуации» на Балканах.

В 1921 г. Бахметев финансировал образование в Париже Комитета членов Учредительного собрания, который должен был стать, по его замыслу «суррогатом» национального представительства и символом демократической России. Финансировал поначалу издание газеты П.Н. Милюкова «Последние новости». Оказывал финансовую поддержку Центру действия Н.В. Чайковского и организации Б.В. Савинкова.

В июне 1922 г. был вынужден уйти в отставку с должности посла, перейдя на положение эмигранта. По случаю отставки был принят президентом США У. Гардингом.

После отставки Бахметев сделал блестящую карьеру для эмигранта. Отойдя на некоторое время от активного участия в политике, он занялся бизнесом. Его деловая карьера — воплощение «американской мечты». Начав почти с нуля, он за несколько лет стал весьма состоятельным человеком, миллионером. Причем зарабатывал он на поприще, весьма далеком от его профессиональных интересов — в производстве спичек. Небольшое поначалу предприятие (Lion's Match Company) довольно быстро вошло в число четырех крупнейших спичечных фабрик США. Уже к началу 1930-х годов Бахметев мог отойти от каждодневного участия в руководстве компанией и позволить себе вернуться к своей прежней профессии — инженера и ученого-исследователя.

В 1931 г. Бахметев стал профессором Колумбийского университета, где читал лекции по гидравлике, причем, по словам его юриста Фердинанда Кудерта, отказывался прикоснуться даже к центру зарплаты³. Взамен он получил нечто более ценное — лабораторию для научных экспериментов. Результатом исследований стала публикация новых фундаментальных трудов. Стараниями Бахметева в Колумбийском университете был основан инженерный факультет, он приложил руку и к реформированию инженерного дела в

США в целом. Он стал одним из учредителей Инженерного фонда (1945), оказывающего поддержку исследователям в области инженерного дела и его первым председателем.

После признания Соединенными Штатами СССР в 1933 г. Бахметев принял американское гражданство, «официально» отойдя от русской политики и даже вступив в Республиканскую партию. Однако Бахметев не ушел от русских дел и интересов. Главным его вкладом в дело поддержки соотечественников наряду со спичечной фабрикой (на работу туда старались нанимать преимущественно русских эмигрантов) стало основание Гуманитарного фонда, одного из самых успешных эмигрантских начинаний в области благотворительности и одного из немногих (если не единственного), осуществлявшего свою деятельность без поддержки иностранных правительств или неправительственных организаций.

Истории Гуманитарного фонда посвящена статья Т.И. Ульянкиной⁴. В статье приведены некоторые ценные сведения — в частности, выдержки из записок М.М. Карповича о выделении грантов тем или иным лицам, выдержки из отчета Гуманитарного фонда за 1969 г. Заметим, однако, что составить какое-либо представление о масштабах деятельности фонда и ее правовой основе, источниках его финансирования, механизме функционирования по статье Т.И. Ульянкиной не представляется возможным. Это и неудивительно, ибо упомянутыми выше источниками — записками Карповича и отчетом Гуманитарного фонда за 1969 г. — исчерпывается источниковая база статьи⁵.

Бахметев и ранее, еще будучи послом, уделял внимание помощи соотечественникам и приложил руку к созданию некоторых благотворительных институций. По его инициативе были созданы Общество помощи русским, Общество помощи русской церкви, Русский студенческий фонд. Некоторые из этих проектов были неудачными, как, например, Общество помощи русским. Такой проект, как Общество помощи русской церкви, созданное для «санации» православной епархии в США, изначально мог быть успешным лишь частично, ибо «санировать» погрязшую в долгах и склоках епархию было невозможно. Можно было лишь путем введения «внешнего управления» попытаться избежать финансовой катастрофы и принудительной продажи церковной недвижимости. Наиболее удачной оказалась деятельность Русского студенческого фонда, функционировавшего более полувека и оказавшего помощь сотням русских студентов в США. Однако во всех случаях эти проекты были проектами посольства, так сказать, государственными начинаниями. Гуманитарный фонд был первым личным проектом Бахметева.

Гуманитарный фонд (Humanities Fund, Incorporated) был учрежден в феврале 1936 г. Образцом для уставных документов фонда послужили учредительные документы фонда Рокфеллера, точнее, Laura Spellman Rockefeller Memorial Fund, вошедшего в 1929 г. в фонд Рокфеллера. Регистрацией фонда занималась юридическая фирма братьев Кудерт, обслуживавшая в свое время российское посольство, а затем занимавшаяся личными делами Бахметева. Как упоминалось выше, глава фирмы был другом бывшего посла. Документы готовил представитель фирмы Рой Уилсон. По его совету документы фонда были отредактированы таким образом, чтобы не акцентировать внимание на том, что основными реципиентами помощи будут русские изгнанники. В противном случае это вступило бы в противоречие с американским законодательством, не приветствовавшим благотворительную деятельность в интересах какой-либо определенной группы, и фонд мог лишиться налоговых льгот. 29 февраля 1936 г. фонд был зарегистрирован, а 19 марта был открыт счет в Bank of New York. Фонд был зарегистрирован по домашнему адресу Бахметева — 250 West 57th Street. Бахметев стал президентом и казначеем фонда, что неудивительно, ибо он был его главным — поначалу единственным — спонсором. Вице-президентом стал М.М. Карпович, секретарша Бахметева Джейн Робертс — помощником казначея, секретарем — Уилсон (в марте 1937 г. секретарем был избран Томас Финлеттер). Все эти лица имели доступ к счету фонда⁶.

Бахметев принимал живое участие в делах фонда, но его текущими делами занимался Михаил Михайлович Карпович (1888–1959), в момент основания фонда — преподаватель Гарвардского университета⁷. Карпович был профессиональным историком: по окончании Московского университета в 1914 г. он был оставлен при кафедре русской истории «для приготовления к профессорскому званию». Одновременно Карпович поступил на работу в Исторический музей помощником ученого секретаря. В 1916 г. его мобилизовали и направили на службу в Военное министерство, где он работал секретарем Особого совещания по обороне.

Судьбу Карповича после Февральской революции определила случайная встреча на улице с Бахметевым, приятелем его родителей по Тифлису. Бахметев только что получил назначение на должность российского посла в США. Свежеиспеченный дипломат предложил Карповичу поехать в США в качестве его личного секретаря. В Вашингтоне Карпович сделал головокружительную дипломатическую карьеру: личный секретарь посла стал секретарем посольства. Конечно, это было определено особым отношением к нему посла. Карповичу Бахметев доверял безгранично: их дело-

вые и личные отношения поддерживались до смерти бывшего посла. Карпович до конца оставался для него «Мишенькой». Осенью 1919 года Карпович получил предложение (скорее, предписание) прибыть в Омск на должность товарища министра иностранных дел правительства А.В. Колчака. Это объяснялось не только острой нехваткой «квалифицированных кадров» в «великой сибирской интеллектуальной пустыне», но и стремлением ослабить позиции Бахметева, которому не слишком доверяли в Омске. Назначение не состоялось в связи с катастрофой Белого движения в Сибири.

Дипломатическая карьера Карповича закончилась в июне 1922 г. в связи с закрытием российского посольства в Вашингтоне. Точнее, он продолжал сотрудничать по политической части в русском Финансовом агентстве в Нью-Йорке, которое теперь представляло интересы антибольшевистской России в США, и даже иногда замещал поверенного в делах (он же финансовый агент) С.А. Угета. Но это уже была дипломатия *ad hoc*, позволявшая подработать, не более того. Кроме того, Карпович, перебравшийся после закрытия посольства в Нью-Йорк, пытался зарабатывать на жизнь книжной торговлей.

В 1927 г. в судьбе Карповича вновь произошел крутой поворот — его пригласили прочесть семестровый курс по русской истории в Гарварде. Это была необыкновенная удача для человека, ничем еще не проявившего себя на поприще изучения русской истории. Рискнем предположить, что важную роль в этом приглашении сыграли как дефицит специалистов по истории России в США, так и прекрасный английский язык Карповича. Это был замечательный шанс возобновить академическую карьеру, прерванную мировой войной. Правда, уже совсем на другой почве (в прямом смысле этого слова) и на другом языке. Карпович этого шанса не упустил. Он преподавал в Гарварде 30 лет (с перерывом на стажировку в Праге, тогдашнем центре исторической науки «русского зарубежья»), прошел все ступени академической лестницы от младшего преподавателя (*assistant professor*) до «полного профессора» (1946). В 1949-1956 гг. он заведовал кафедрой славистики. В 1943-м стал американским гражданином.

Карпович не создал крупных научных трудов, хотя некоторые его статьи оказали серьезное воздействие на историографию, прежде всего «Ткачев — предшественник Ленина» и «Маклаков и Милоков: два типа русского либерализма»⁸. «Зато» он был блестящим преподавателем, создавшим научную школу. Впрочем, «птенцы гнезда Карповича» придерживались нередко весьма различных взглядов на русскую историю. Не слишком большим преувели-

чением будет утверждение, что ученики Карповича определили «лицо» американской русистики второй половины XX века. Среди них были Ричард Пайпс, Мартин Малиа, Леопольд Хаймсон, Марк Раев, Николай Рязановский и другие. В сборнике статей в честь Карповича, выпущенном по случаю его выхода в отставку, опубликованы работы 27 его бывших студентов, ставших профессорами американских университетов⁹. Многие из них, в свою очередь, создали научные школы.

Относительно низкая научная продуктивность Карповича объясняется не только его преподавательскими и административными обязанностями в Гарварде. Карпович был некоторое время соредактором (1941–46), затем редактором (1947–48) *Russian Review*, основанного при ближайшем участии его бывшего патрона Б.А. Бахметева. Он никогда не порывал связи с русской эмиграцией и играл заметную роль в эмигрантской политике и культуре. Карпович принимал активное участие в создании «Нового журнала»¹⁰, сменившего, до известной степени парижские «Современные записки», с 1943 г., после ухода М.А. Алданова, стал соредактором М. Цетлина, а после его смерти единоличным редактором журнала (1945–1959). В «Новом журнале» Карпович опубликовал более 70 статей и рецензий. Особенно важными были его публикации в рубрике «Комментарии».

Немало времени у Карповича отнимали и дела Гуманитарного фонда, которым он фактически (а после смерти Бахметева и де-юре) управлял. Вернемся, однако, к истории фонда.

Основной капитал Гуманитарного фонда состоял из облигаций на сумму 35 тыс. долл. с годовым доходом от 4,5 до 5%. Доходы фонда за период с 1 марта 1936 по 28 февраля 1937 г. составили 625 долл. 85 центов (проценты по облигациям) и 9000 долл. наличными. Как ценные бумаги, так и всю сумму наличности внес Бахметев. Основной капитал фонда постоянно рос, что происходило вследствие роста стоимости ценных бумаг (кроме облигаций Бахметев вкладывал в основной капитал фонда акции и другие финансовые инструменты, в случае благоприятной конъюнктуры бумаги продавались, приобретались другие), так и пополнения их количества. Так, в 1942 г. основной капитал фонда составил уже 174.131.96 долл., в 1947 — 218.020.29, а в годовом отчете президента фонда за 1948 г. с удовлетворением констатировалось, что благодаря пожертвованиям и доходам от продажи ценных бумаг основной капитал фонда превысил 300 тыс. долл. Доходы за год составили более 14 тыс. долл., а расходы — более 18 тыс., причем около трети из них — за счет средств, полученных из внешних источников.

В 1950 г. основной капитал составлял 314.553.07 долл. В первый год деятельности фонда его расходы составили 4792.76 долл., причем административные равнялись всего лишь 70 долл. 66 центам, в 1951 г. расходы фонда выросли более чем в пять с половиной раз до 27100 долл. (из них административные — 1400 долл.)¹¹.

Фонд выделял гранты на исследования в области экономики и истории и оказывал благотворительную помощь как организациям, так и частным лицам. Строго говоря, вся деятельность фонда носила благотворительный характер, однако для удобства мы вслед за основателем и сотрудниками фонда будем называть «благотворительностью» пожертвования на иные, нежели научные и издательские проекты, цели.

Среди первых получателей грантов Гуманитарного фонда в области экономики был Джон Спарго (1876–1966), который, впрочем, в объяснительной записке казначея, того же Бахметева, был назван главным консультантом в области экономических исследований. Такого рода исследования со временем намеревался организовать фонд. В обязанности Спарго входило планирование исследовательской деятельности и наблюдение за ее ходом. Он получал ежемесячную компенсацию за свою «научно-организационную» деятельность.

Джон Спарго, британец, эмигрировавший в США в начале XX века, известный публицист, в прошлом социалист, пересмотревший свои взгляды и ставший примерным христианином, играл в свое время некоторую роль в российской политике Госдепартамента, при котором он состоял в роли полуофициального консультанта. Спарго интересовался русскими проблемами и опубликовал по ним несколько брошюр и статей. Он был другом российского посольства и лично Бахметева. Когда Бахметев употреблял слово «друг» в отношении Спарго, это было не просто формулой вежливости. В архиве Бахметева хранятся три коробки их личной переписки. Позднее, в 1924 или 1925 году, Бахметев был крестным отцом сына Спарго, Джека. Мальчику было в то время уже 11 или 12 лет, но он не был в свое время крещен, поскольку его отец и мать были тогда воинствующими атеистами.

Спарго был причастен к главному дипломатическому достижению Бахметева — ноте Колби. После поражения армий Колчака и Деникина и прекращения американского вмешательства в гражданскую войну в России, посол постоянно «ходатайствовал» перед Госдепартаментом о провозглашении принципов американской политики в «русском вопросе». Он не добивался встречи непосредственно с государственным секретарем Б. Колби, поскольку считал

неудобным для посла просить его написать нечто от имени американского правительства. Бахметев по большей части обрабатывал своего друга (насколько слово «дружба» уместно для характеристики взаимоотношений дипломатов различных стран) помощника гос. секретаря Б. Лонга. Бахметев обращался к Лонгу столь часто и настойчиво, что тот при появлении посла в его офисе неизменно восклицал: «Привет, мистер Декларация!».

В конце концов настойчивость Бахметева принесла плоды. Нота была подготовлена. Поводом для ее обнаружения послужил достаточно формальный вопрос итальянского посла от 20 июля 1920 г. об отношении Америки к России. В ответ посол неожиданно получил 10 августа 1920 г. целую «диссертацию». Бахметев особо выделял в ноте два момента. Во-первых, четкое разделение людей, народа, с одной стороны, и советского правительства, с другой. Первым выражалось сочувствие и обещалась поддержка; декларировался отказ от установления дипломатических отношений со вторым. Во-вторых, рассматривались польский и другие вопросы. Подчеркивалось, что Польша, воспользовавшись ситуацией для нападения на Россию, вызвала дезориентацию и ложный патриотизм среди русского народа¹². Писал ноту, по поручению Госдепартамента, Джон Спарго. Бахметев, несомненно, «приложил руку» к ее подготовке. Если сравнить текст ноты с идеями, высказывавшимися послом в личной переписке, в том числе со Спарго, совпадения не могут не броситься в глаза.

Нам не удалось обнаружить каких-либо следов ни научной, ни организационной деятельности Спарго, и, похоже, что Бахметев нашел удобную форму для выплаты «пенсии» своему старому другу и соратнику за лоббирование им в свое время российских интересов. «Пенсия» была вполне приличная. За 1936 — середину 1937 г. Спарго получил 3000 долл., в 1938 — 3600, 1939 — 2400, в 1940 — 1800; в дальнейшем его стипендия выплачивалась в указанном размере, отклоняясь иногда на сотню-другую долларов в ту или иную сторону. Фонд продолжал выплачивать стипендию Спарго и после смерти Бахметева.

Другой грант на исследования в области экономики получил С.Н. Прокопович, живший в то время в Чехословакии (в 1939 г. он вместе с женой, Е.Д. Прокопович-Кусковой, переехал в Швейцарию). Название темы исследования Прокоповича — «Экономическая основа мировых конфликтов». И в дальнейшем Гуманитарный фонд выплачивал, по сути дела, пособие Прокоповичу и Кусковой, причем в качестве получателя гранта супруги выступали попеременно (чаще — Кускова, постоянная корреспондентка Бахметева).

Обычно размер пособия находился в пределах 1200–1400 долл. в год.

Первым грантополучателем в области истории стал П.П. Муратов, получивший около тысячи долларов на систематическое изложение событий на Восточном фронте в период Первой мировой войны. Павел Павлович Муратов (1881–1950) — искусствовед, литературовед, публицист, прозаик, автор знаменитых некогда «Образов Италии» (М., 1911–1912, т. 1–2) и исследований о древнерусском искусстве, в особенности об иконописи. Рискнем предположить, что Бахметев, коллекционировавший иконы, познакомился с Муратовым именно на этой почве. Во всяком случае в 1930-е годы они были на ты, и Муратов в письмах называл Бахметева «милым другом»¹³. В период Первой мировой войны Муратов был офицером-артиллеристом; возможно, именно личный опыт и военные воспоминания побудили его во второй половине 1930-х гг. заняться историей Великой войны, как называли Первую мировую на Западе. Однако вскоре началась новая мировая война, и, забегаая вперед, скажем, что в результате Муратов в соавторстве с ирландским журналистом и коллекционером икон У. Алленом выпустил две книги о кампаниях на Восточном фронте, но теперь уже Второй, а не Первой мировой войны¹⁴. После смерти Муратова вышла еще одна книга по военной истории, написанная им совместно с Алленом — на сей раз по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹⁵ Незадолго до начала Второй мировой войны Муратов перебрался из Франции в Англию, а затем обосновался в Ирландии. Очевидно, рассматривалась и возможность его переезда в США, во всяком случае Бахметев пытался при посредничестве Карповича, устроить Муратова на работу в Думбартон Окс, эту «цитадель» византинологии (Муратов, среди прочего, публиковал и работы по истории византийского искусства). Однако, это оказалось бесперспективным делом в связи с возрастом Муратова¹⁶. Финансирование работы Муратова продолжилось в следующем году, небольшие гранты получил он и в 1940–1942 гг.

В первый год существования фонда было выделено также еще несколько небольших грантов в области экономики и истории, в том числе 150 долл. графу П.Н. Игнатьеву, бывшему министру народного просвещения Российской империи, в эмиграции — председателю Российского общества Красного Креста, а в описываемое время — канадскому фермеру. Игнатьев писал воспоминания, в которых анализировал как деятельность собственного министерства, так и Совета министров в целом. Игнатьев получал поддержку,

причем в более существенном размере (600, 350 долл.) и в последующие годы.

По случаю получения очередного чека он писал Бахметеву:

«Глубокоуважаемый и дорогой Борис Александрович,

Сейчас получил Ваш чек и приношу свою глубокую благодарность. Ваша помощь, несмотря на весеннюю огородную страду, дала мне возможность не прекращать работы по писанию, так как я на самую трудную работу мог брать три раза работника и потому по вечерам мог продолжать писать.

Анализ реформ и описание деятельности министерства народного просвещения приходят к концу, и теперь предстоит самое трудное для меня — деятельность Совета министров в этот период, доклады государю и вообще «политика»! Это самая ответственная часть и займет немало времени. Кроме того, наша переписчица оказалась очень интеллигентная женщина (г-жа Гетманова из Киева), и она мне ставит дополнительные вопросы, которые так интересуют русскую молодежь, почти не знавшую Россию. Когда она перепишет первую часть, придется мне ее перечитать и дополнить, имею именно в виду запросы молодежи, желающей знать то, что по «курсам» и опубликованным данным остается им все же непонятным. Думаю, что это действительно может быть полезно для будущего, если только я сумею сделать. Вы были так добры, что говорили, что очень спешите с окончанием этой работы, так что вероятно не будете возражать, если мне удастся из себя еще что-то выжать!

Всего лучшего и еще раз спасибо за поощрение и придачу смысла моей старости»¹⁷.

Воспоминания Игнатьева «Совет министров в 1915-1916 годах» были опубликованы в «Новом журнале» (кн. 8-9).

Гуманитарный фонд не проводил, подобно тому, как это делают многие современные научные фонды, открытого конкурса на гранты. Все решалось по усмотрению Бахметева и по рекомендации Карповича. Со временем круг получателей грантов расширился. Среди тех, кто получал гранты на исторические исследования или подготовку мемуаров — как правило, «знакомые все лица»: А.Ф. Керенский, историк Г.В. Вернадский, социолог и юрист Н.С. Тимашев, дипломат, бывший российский посланник в Белграде В.Н. Штрандтман, историк и философ Г.П. Федотов, архивист и историк Б.И. Николаевский и др.

Каким образом принимались решения о выделении грантов, демонстрирует обмен письмами между Бахметевым и Карповичем в

связи с вопросом об оказании финансовой поддержки известному историку и философу Георгию Петровичу Федотову (1886-1941) в период его работы над книгой о русском религиозном сознании. Бахметев писал Карповичу 2 октября 1941 г.:

«Дорогой Мишенька,

Вчера был у меня Федотов, который редко мне понравился. Очень давно я не испытывал такого удовольствия, встречая новое лицо. Он совсем не похож на то, каким я его представлял себе, и каким мне его описывали. По большинству вопросов, которые мы обсудили, я чувствовал значительный резонанс в его и моих [мыслях?].

Говоря об его будущем, мы затронули вопрос о книгах, которые он собирается писать. Он говорил о новой теме — «истории религиозного сознания» в России. Но потом сказал, что мог бы написать один том, сведя [воедино то,] что он хотел бы развить в *opus magnum*. Меня очень заинтересовала мысль, особенно так как вдохновенно написанная книга могла бы ответить на вопрос многих американцев, в чем суть русского православия. Книга Булгакова не отвечает на этот вопрос¹⁸. Конечно, может быть и Федотов напишет так, что иностранцам непонятно, но мне кажется, ему можно объяснить, что и как нужно.

Мысли у меня следующие:

1) Может, Фонд может наскрести несколько сотен долл. в виде пособия. Федотов говорит — шесть месяцев. Скажем год, но не *full time*¹⁹, так как надо ему найти постоянную работу и т.д.

2) Может, Вы могли бы выбрать несколько образцовых книг по-английски, которые могли бы показать Г.П. примерный уровень читателя. Я сказал ему, что Вас попрошу это сделать. Г.П. просил Вас также спросить, получили ли Вы его письма?

3) Что Вы о всем сем думаете? Я ему ничего ни о фонде, ни о сумме не сказал, только в общей форме высказал предположение, что американцы могут заинтересоваться, и что я буду зондировать почву. Денег у нас мало, но я очень аккуратно посчитаю, как мы будем набирать, скажем, \$ 500 или \$ 600. Конечно, книга его. Он может печатать ее по-русски и по-английски. Может можно добавить аппех, в котором на 20–30 страницах рассказать кратко историю восточного православия и отметить главные объективные черты русской христианской традиции. Тогда Федотовская лирика или же лирический эпос могут быть увлекательным чтением с возможностью фактических ссылок на аппех. Может ли он вразумительно писать для иностранцев?

Вот, все вопросы, на которые буду ждать Вашего просвещенного мнения. Не стесняйтесь с ним обсудить все это дело. Я сказал Г.П., что буду Вам писать и искать Вашей помощи совета.

Читали ли Вы предисловие Вернадского к истории Украины Грушевского²⁰ (!). Я только видел книгу в клубе. Собирается ли Г.В. вступить на стезю сепаратизма? После провала балканизированной Европы оно по крайней мере несвоевременно.

Как Вы себя чувствуете? Привет семье.

Ваш Б.Б.

Карпович — Бахметеву

7 Октября, 1941 г.

Дорогой Борис Александрович,

Отвечаю Вам сразу на два Ваших письма.

О Федотове. Я очень рад, что он Вам так понравился, и что Вы оценили его ум. Я считаю его одним из самых даровитых людей в эмиграции и совершенно уверен в том, что он может написать книгу, которая будет интересна для американцев. Он достаточно глубок для того, чтобы понять, что от него требуется и приспособится к новому читателю. Поэтому если только есть малейшая возможность, я всецело стою за намеченное Вами ассигнование, а также готов помочь Федотову в его работе, чем могу.

<...>

Предисловие Вернадского к истории Грушевского и меня очень удивило. Не думаю, однако, чтобы он стал сепаратистом. Он просто старался быть любезным по отношению к украинцам, которые его просили написать предисловие, и переборщил»²¹.

Фонд поддерживал публикацию книг — как научных исследований, так и мемуаров. Получали субсидии журналы — «Новый журнал», сменивший в роли традиционного для русской литературы «толстого журнала» парижские «Современные записки» и англоязычное «Русское обозрение» (Russian Review). «Новый журнал» был основан в Нью-Йорке М.А. Алдановым и М.О. Цетлиным. Карпович был сначала соредактором, а потом и главным редактором Russian Review, так же как позднее и «Нового журнала». Оба журнала получали ежегодно по 150 долл. (в 1946 г. «Новому журналу» было переведено 250). Заметим, что эти издания продолжают выходить до настоящего времени, причем, если «Новый журнал» в значительной степени утратил свое значение после краха советской

власти, то *Russian Review* остается одним из самых «статусных» научных изданий по славистике в США.

Фонд выделил субсидию (700 долл.) издательству Гарвардского университета (Harvard University Press) для публикации книги Г.П. Федотова “*Russian Religious Mind*” (Русская религиозная мысль) (1946), той самой, которая была написана при поддержке Гуманитарного фонда. В.А. Маклакову было передано \$ 600.00 на публикацию его воспоминаний «Вторая Государственная Дума». Фонд добавил 600 долл. к полученным из внешних источников 1300 долл. для подготовки к публикации в издательстве E.P. Dutton & Co мемуаров А.И. Деникина. В данном случае заранее оговоренным условием было, чтобы вклад фонда не превышал 1/3 требуемой суммы. В Швейцарии при поддержке фонда вышла книга С.Н. Прокоповича «*Russland Volkswirtschaft unter den Sowjets*» (Российское народное хозяйство при советской власти) (Zürich, New York, 1944). Издательство Йельского университета (Yale University Press) получило субсидию в 1000 долл. на публикацию 2-го тома исследования Г.В. Вернадского «История России» (*History of Russia*) (1947), фонд спонсировал публикацию 2-го тома книги о Пушкине, А.В. Тырковой-Вильямс, и т.д.²²

Собственно на благотворительные нужды в первый год существования фонда пошли небольшие суммы: 100 долл. Обществу друзей русской церкви и 135 — С.А. Угету, для передачи А.М. Устинову, бывшему российскому консулу в Нью-Йорке.

Однако со временем расходы на помощь соотечественникам за рубежом существенно выросли и исчислялись уже в тысячах, а не сотнях долларов. Оккупация в марте 1939 г. нацистской Германией Чехословакии, в которой нашли приют тысячи русских изгнанников, обострила беженский вопрос в Европе. Было ясно, что это только начало. В связи с этим Бахметев обратился с официальным посланием к правлению Гуманитарного фонда. Он писал:

«Недавние события в Европе в связи с продвижением тоталитарных государств на Восток сделали весьма острой проблему беженцев в Чехословакии и других регионах. Насколько мне известно, американские гуманитарные организации планируют оказать возможную помощь страдающим жертвам, и в особенности правление Гуманитарного фонда готово принять в этом участие.

Настоящим письмом я обязуюсь пожертвовать Гуманитарному фонду в течение 1939 года 1000 долларов специально на оказание помощи беженцам и прилагаю в качестве первого взноса чек на 500 долларов»²³.

Послание, адресованное как бы самому себе, выглядит несколько странно. На самом деле это объясняется не только привычкой Бахметева документировать собственные действия, в особенности если это касалось денег. Писалось оно, скорее всего, для «налогового инспектора», ибо американские законы не приветствовали деятельность благотворительных учреждений в интересах какой-то определенной группы лиц. Такой группой могли быть сочтены русские беженцы, о чем предупреждал Бахметева Рой Уилсон еще при подготовке учредительных документов фонда. На наш взгляд, приведенным письмом Бахметев объяснял, не только мотивы незапланированного ранее взноса в бюджет фонда, но и обосновывал перечисление денег примерно в том же размере другой благотворительной организации.

Этой организацией был Толстовский фонд, создававшийся как раз в это время. Организационное собрание Толстовского фонда состоялось ранней весной 1939 г. на квартире Бахметева. Кроме хозяина в нем приняли участие и А.Л. Толстой, Б.В. Сергиевский, С.В. Рахманинов, М.И. Ростовцев, гр. С.В. Панина²⁴, присяжный поверенный В.Э. Гревс, Т.А. Шауфус, друг бывшего президента Г. Гувера д-р Колтон. Первыми жертвователями стали Бахметев и Сергиевский. Выделенные ими средства дали фонду возможность начать деятельность²⁵. Бахметев стал также «бессменным директором» фонда и «щедрым жертвователем» в его пользу²⁶. В 1939 г. он ассигновал Толстовскому фонду через Гуманитарный фонд 940 долл. И в дальнейшем Толстовский фонд был неизменным — и одним из крупнейших — получателем финансовой помощи. В 1940 г. Толстовский фонд получил 1270 долл., в 1941 — 1500, 1942 — 1360, в 1943 — 890, в 1944 — 1130, в 1945 — 1260, в 1946 — 1900²⁷, в 1947 — 2100, в 1948 — 1060, в 1949 — 1000. В 1950 г. планировалось перечислить благотворительным организациям, включая Толстовский фонд, 5085 долл.²⁸, в 1951 г. фонд получил 1000 долл. Гуманитарный фонд продолжал систематически перечислять средства Толстовскому фонду и после смерти Бахметева²⁹.

Очевидно, что Гуманитарный фонд, все члены Правления которого занимались его делами помимо основной работы, не мог непосредственно заниматься распределением помощи в сколь угодно значительных масштабах. Поэтому средства перечислялись другим организациям. Кроме Толстовского фонда это были YMCA (Христианская ассоциация молодых людей), общество «Американские друзья русских детей», отдельной статьей проходили в годы войны пожертвования на военнопленных, а после ее окончания — на помощь перемещенным лицам или, что специально оговаривалось, детям перемещенных лиц. По-видимому, и в том и

в другом случае средства переводились Толстовскому фонду в дополнение к ежегодным пожертвованиям. Толстовский фонд, в свою очередь, занимался распределением помощи среди нуждающихся. Материальная помощь оказывалась и персонально — в частности, С.С. Маслову, П.Б. Струве, А.Ф. Керенскому, П.П. Муратову, С.А. Угету (возможно, через последнего деньги передавались бывшим служащим российских дипломатических учреждений в Северной Америке). Обычно это были единовременные выплаты в размере 75–150 долл.³⁰

Как и в других случаях, помощь, оказываемая тем или иным лицам, была следствием личной инициативы Бахметева или обращения к нему близких ему людей. Особенно актуальной оказание помощи русским эмигрантам в Европе стало после оккупации нацистами Парижа, когда многие из них еще раз стали беженцами. Немногим лучше было положение русских эмигрантов и после окончания войны. Тем более, что многие из них в силу возраста и болезней, просто не в состоянии были заработать себе на жизнь.

«Спасибо за письмо и согласие ассигновать деньги на Бунина,— писал своему бывшему патрону Карпович 9 мая 1945 года.— Думаю, что сто долларов вполне достаточно. Алданов просит написать чек на имя г-жи Цетлин, которая действует в качестве казначея для их группы, собирающей деньги на Бунина»³¹.

Любопытно, что на следующий день после капитуляции Германии Карпович испытывал противоречивые чувства: «Не знаю, поздравлять или не поздравлять Вас с окончанием войны. Как-то я не чувствую той радости и того облегчения, которые должен был бы чувствовать. Но, конечно, слава Богу, что война в Европе кончилась»³².

По-видимому, радость Карповича, как и некоторых других эмигрантов, была омрачена тем, что окончание войны знаменовало не только разгром нацистской Германии, но и укрепление коммунистического режима в СССР и распространение его власти на Восточную и Центральную Европу.

Вернемся, однако, к расходам Гуманитарного фонда на помощь соотечественникам. Эти статьи расходов обозначались в бюджете фонда как «благотворительная деятельность» или «специальная помощь». В 1938 г. по этой статье было израсходовано более 600 долл., в 1939 г.— почти 1600, в 1945 — 2860, в 1950 — 5385, в 1951 — 6800 (с 1939 г. включая средства, переводившиеся Толстовскому фонду). Заметим, что как бы «внутри» Гуманитарного фонда образовывались специальные фонды, аккумулировавшие средства для конкретных целей или организаций. Так, был создан фонд для сбора средств, предназначавшихся для помощи детям бе-

женцев. Собранные средства переводились одноименному фонду, возглавлявшемуся во Франции С.М. Зерновой. Этому же фонду переводились также средства, поступавшие в специальный фонд для детского дома (приюта), устроенного во Франции той же Зерновой. Причем наряду со средствами Гуманитарного фонда (т.е. Бахметева) в эти, если так можно выразиться, суб-фонды, вносили пожертвования и другие лица. В 1951 г. Алиса Скаддер (Scudder) внесла 500 долл., а миссис Ralph I. Straus и Darwin Kirby, Jr. по 100 долл.³³

Выделялись деньги «целевым назначением» и на помощь отдельным лицам. Адвокат и общественный деятель, если можно так выразиться, «трижды эмигрант» (Германия, Франция, Великобритания) Б.И. Элькин писал Карповичу 15 сентября 1948 г. о Сергее Николаевиче и Екатерине Дмитриевне Прокоповичах, вынужденных в свое время бежать от нацистов из Чехословакии в Швейцарию, а после окончания войны не имевших возможности вернуться обратно: «Материальное их положение настолько плохо, что если не будут приняты серьезные меры поддержки их, то должно ожидать катастрофы.

Заработка в настоящем смысле слова ни у одного из супругов Прокоповичей нет. Сергей Николаевич ничего вообще теперь не зарабатывает, — хотя он работоспособен и много работает. Единственный заработок Екатерины Дмитриевны — также вполне работоспособной — заключается в гонорарах, получаемых за сотрудничество в “Новом Русском Слове”; но того, что она зарабатывает в этой газете в месяц, едва ли хватает на 2 дня жизни».

По расчетам Элькина, чтобы просуществовать, им было нужно минимум 1000 швейцарских франков в месяц.

«Я очень хорошо понимаю, как трудно реализовать 1000 швейцарских франков в месяц. Но я должен просить, настойчиво просить о помощи Прокоповичам. Я много раз говорил об этом с друзьями в Париже, — и не имел успеха. Нет для этого денег у наших друзей в Париже. Кое-что было, правда, дано. В прежнем некоторая поддержка оказывалась из еврейских источников. Но теперь получать деньги для этого дела неоткуда. Только Америка может поставить дело поддержки Прокоповичей на солидных основаниях.

Мне не нужно говорить Вам, о поддержке кого идет речь. Но мне нужно, может быть, напомнить, что ускользает из памяти многих из нас: и Екатерине Дмитриевне, и Сергею Николаевичу уже перевалило за 75 лет — и недолго, увы, придется поддерживать их. Всю их жизнь они отдали русскому общественному делу, — и разве не является нашим долгом оградить последние их годы от голодной нужды.

Пожалуйста, Михаил Михайлович, подумайте о том, что может быть сделано. Нужно образовать специальный фонд и обеспечить им возможность жизни. Вы знаете Бахметьева (так!), а он знает Прокоповичей. Я слышал от Екатерины Дмитриевны, что она думает о самоубийстве; не рассказывайте этого, но я слышал это. Помогите. В этом случае нужно помочь»³⁴.

Кускова, впрочем, могла обратиться к своему многолетнему корреспонденту Б.А. Бахметеву напрямую. Она писала ему осенью того же 1948 года: «С.Н. <Прокопович> получил временную работу от Harvard University, но это лишь добавок, а не средство существования. Поэтому приходится снова (с горечью!) тревожить Вас вопросом: как поступит с нами Humanitas (так! — О.Б.) Fund на 1949 г.? Продолжится эта стипендия или — конец? Я уже Вам писала, что при всей скромности жизни эта стипендия покрывает лишь половину необходимых расходов, не считая, конечно, расходов на болезнь, врача, аптеку и т.д. Эту другую половину приходится тем или иным путем добывать. Но все же преимущество этой стипендии — ее постоянство, что для наших финансистов (имеются в виду швейцарские финансисты, интересовавшиеся источниками средств существования проживавших в стране эмигрантов — О.Б.) — самое важное»³⁵.

Стипендия сохранила свое постоянство, оставаясь едва ли не основным источником существования немолодой четы.

Еще одной существенной частью деятельности фонда была помощь православной церкви. Средства перечислялись православному кафедральному собору и Русской духовной академии в Нью-Йорке, «друзьям» русской православной академии в Париже. Иногда пожертвования измерялись в сотнях, иногда — в тысячах долларов. Русская православная академия (Свято-Владимирская духовная академия) в США была учреждена в 1947 г.³⁶, официально открыта в 1948 г. Гуманитарный фонд оказал академии существенную поддержку наряду с фондом Рокфеллера, Епископальной церковью и некоторыми другими организациями. В 1948 г. Академии были переведены 5186 долл. В эту сумму вошли две тысячи долларов, пожертвованные в пользу Русской духовной академии Б.В. Сергиевским.

Борис Васильевич Сергиевский (1888–1971) — военный летчик, прославившийся еще в годы Первой мировой войны, участник Белого движения, перебрался в США в 1923 г. Работал инженером и летчиком-испытателем в компании своего товарища еще по студенческому воздухоплавательному кружку в России знаменитого авиаконструктора И.И. Сикорского, затем перешел в другую фирму, также производившую вертолеты. Сергиевский прилично зарабо-

тывал, но его главной финансовой удачей стала женитьба третьим браком на дочери нью-йоркского миллионера Г.Б. Хохшилд. Он и в дальнейшем вносил сравнительно крупные суммы на поддержку православной церкви, так что «под крышей» Гуманитарного фонда был образован фонд Сергиевского, в котором сосредотачивались средства, предназначенные духовным заведениям. Средства, перечисленные Гуманитарным фондом новообразованной Академии, пошли в основном на поддержку работы профессоров — Е.В. Спекторского, Г.П. Федотова, Н.О. Лосского, Н.С. Арсеньева, Г.В. Флоровского и др. В этом же году парижская православная академия получила 2350 долл. В 1951 г. пожертвования различным церковным учреждениям (прежде всего образовательным) составили в общей сложности 8500 долл.³⁷.

В конечном счете статьи расходов Гуманитарного фонда были структурированы следующим образом: 1) административные; 2) исследования в области экономики; 3) исследования в области истории и других гуманитарных наук; 4) образование (по этой статье проходили пожертвования YMCA, отдельным светским учебным заведениям, например, музыкальной школе К. Зилоти в Нью-Йорке; сюда же были отнесены субсидии «Новому журналу» и Russian Review; 5) церковная деятельность; 6) благотворительная деятельность (строго говоря, вся деятельность фонда носила благотворительный характер, в данном случае это было эквивалентом «гуманитарной помощи»). Однако эта структура не была жесткой. Время от времени появлялись дополнительные фонды: помощи детям беженцев, уже упомянутый фонд Сергиевского, фонд имени Алексиса Карреля (французского ученого и друга Бахметева, высоко им ценимого) и др.

В год своего 70-летия Бахметев, со свойственным ему рационализмом, стал приводить в порядок дела, как будто предчувствуя, что отпущенный ему срок уж измерен и не желая оставлять дело своей жизни на усмотрение других, хотя бы и близких ему людей. Похоже, впрочем, что самым близким, во всяком случае самым доверенным, был Карпович. 26 апреля 1950 г. Бахметев отправил ему письмо-инструкцию, по сути неофициальное завещание. Среди прочего в этом письме содержатся некоторые сведения об остатках денег Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК), находившихся в распоряжении Бахметева. ЦВПК занимался среди прочего закупками для российской армии и промышленности в США.

Едва ли не большинство эмигрантской общественности было уверено, что в основе бахметевского богатства лежали присвоен-

ные им посольские средства. И многие даже вполне доброжелательно настроенные по отношению к Бахметеву люди были убеждены, что Гуманитарный фонд был основан на государственные деньги. В частности, мне об этом говорил М.И. Раев, бахметевский профессор Колумбийского университета (лично с Бахметевым он не встречался). И был очень удивлен, когда я ему сказал, что посольских средств в распоряжении Бахметева не осталось. Как мы показали в книге «Деньги русской эмиграции», казенные деньги, находившиеся под контролем посольства, были израсходованы на поддержку антибольшевистских движений, а затем — русских беженцев³⁸.

Неясной оставалась судьба денег Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), которыми распоряжался Бахметев, являвшийся представителем ЦВПК в США. Это были единственные российские казенные суммы, расходование которых не контролировалось американским правительством, ибо ЦВПК формально считался общественной организацией и, соответственно, не отвечал по долгам российского правительства. Средства ЦВПК (на момент падения Временного правительства — около миллиона долларов) служили «черной кассой» посольства. На всякий случай их укрывали на личных счетах В.Н. Башкирова, заместителя Бахметева по линии ЦВПК, а затем перевели на личный счет посла³⁹.

Приведем, опустив лишь детали, касающиеся передачи ключей от несгораемого сейфа, упомянутое выше письмо Бахметева Карповичу полностью:

Апрель 26, 1950

Дорогой М<ихаил> М<ихайлович>.

В связи с недавним разговором, хочу подвести итоги нашим решениям, касающимся архивов и наследия прошлого. В различных письмах, напечатанных на машинке, вся официальная сторона покрыта. <...> Если возникнут какие-либо юридические вопросы, Coudert'ы — мои душеприказчики — Вам во всем помогут. Наш друг Ferdic во главе их отдела, занимающегося estate'ами⁴⁰.

Теперь два основных вопроса по существу:

1) Как мы согласились с Вами, при сложившейся исторической обстановке нет смысла оставлять в живых вопрос о наследии В<оенно->Пр<омышленного> Ком<итета>. Суммы, составляющие капитал Humanities Fund, которыми Fund будет располагать после моей смерти, превосходит всю сумму, переданную мне своевременно В.Н. Башкировым при ликвидации дела. Как Вы знаете, часть этих сумм в разное время я вернул В.Н. как бы в вознаграждение

за его труды. В свое время предполагалось, что он эти суммы возместит после восстановления России. Опять-таки я пришел к заключению, что нечего питать иллюзии. Потому, считая что выдачи были слабостью с моей стороны, я распорядился передать фонду часть моих личных средств, что в совокупности с основным капиталом покрывает с избытком те 560 тысяч долларов, которые в 1920 году В.Н. передал мне.

Со временем, со смертью других лиц, которым estate будет выдавать определенные суммы в течение их жизни, весь мой estate перейдет в Humanities Fund. Таким образом мне представляется, что морально политика наша будет целиком справедлива.

В связи с этим, наше решение было сжечь абсолютно все, касающееся Ц<ентрального> В<оенно->Пр<омышленного> Ко<митета>. Лучше всего чтобы не оставалось никаких документов, которые когда-либо могли попасть в чужие руки. Думаю также, что Вы можете сжечь большинство посольского архива. Только малая часть его может представить исторический интерес.

2) Humanities Fund. По существу, после моей смерти большинство trustees⁴¹, члены фирмы Coudert'ов и вообще будущее Фонда связано с готовностью Coudert'ов нести бремя верховного управления Фондами. Пока Вы живы, все конечно в порядке, но Вам придется подумать сразу о том, что произойдет в момент, когда Вы тоже уйдете в другой мир. Я не уверен, что Вам удастся выбрать подходящего нового trustee. Может лучше оставить высшую власть в руках хороших американцев и иметь можно advisory board⁴² из подходящих русских. Не знаю. Надо будет сообразоваться с обстоятельствами.

Полагаю, что за моей смертью надлежало бы постепенно перевести деятельность на поддержку выбранных учреждений. Другими словами, выбрать «bodies»⁴³, при которых Фонд может работать. Такими bodies могли бы быть, конечно, perpetuate advisory committees⁴⁴, например в деле искусства или scholarships⁴⁵.

Последняя мысль: если бы когда-нибудь, с течением времени, восстановилась в России приемлемая власть, я думаю следовало бы ввести в управление Фондом представителей русских учреждений. Я оставил бы Фонд американским body и не передавал бы капитал Правителю. Но было бы разумно, чтобы фактически работа Фонда протекала бы в гармонии и при активном участии русской стороны. Я прилагаю письмо Coudert'ам, которое я просил бы Вас им своевременно передать с Вашими суждениями и рекомендациями.

Благодарю Вас за все.

Всегда Ваш Б. Бахметев⁴⁶.

Судя по всему, Карпович выполнил указание Бахметева, и уничтожил бумаги, касающиеся денег ЦВПК. Во всяком случае нам не удалось обнаружить никаких документов о судьбе оставшихся средств ни в личном фонде бывшего посла, ни в фонде Карповича, хранящихся в Бахметевском архиве при Колумбийском университете, ни среди бумаг В.Н. Башкирова, находящихся в Архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете. Таким образом, мы никогда не узнаем, каким образом распорядился половиной его средств Бахметев. Я говорю, половиной, ибо, как сообщалось в формальном завещании Бахметева, 280 тыс. долл. он передал Башкирову. Поскольку надежды на возвращение долга Башкировым не было, Бахметев завещал после своей смерти вручить деньги американскому правительству с тем, чтобы оно впоследствии вернуло их правительству российскому. В тот, разумеется, момент, когда власть в России станет, используя его же выражение, «приемлемой». Что стало с другой половиной денег? О какой «нашей политике» писал Бахметев Карповичу? Об этом можно только гадать.

Возможно, средства были потрачены на какие-то политические начинания. Ведь бывший посол, до того, как ушел в бизнес, пытался играть политическую роль и даже совершил, после отставки, четырехмесячное турне по Европе. Возможно — и это предположение кажется нам наиболее вероятным — Бахметев намеревался сохранить средства ЦВПК для будущего российского правительства, правительства пост-большевистской России. В пользу этого предположения говорит то, что по его инициативе был образован Национальный фонд, хранившийся в Лондонском для восточной торговли банке (британском банке с преобладанием русского капитала). Казенные средства, в том числе около 500 тыс. долларов, переведенных из США, были вложены в акции банка и другие финансовые инструменты⁴⁷. Было бы весьма необычно для Бахметева положить в данном случае полностью на «европейцев» (как называли в переписке российских дипломатов в Европе) и не оставить некоторую «заначку» в Америке.

Вероятно, не видя перспектив смены власти в России, Бахметев направил часть средств ЦВПК на создание Гуманитарного фонда. Ведь, в конечном счете, эти средства пошли на поддержку русских беженцев. Как бы то ни было, как мы увидим далее, средства, потраченные на поддержку в той или иной форме русских эмигрантов, существенно превысили сумму средств ЦВПК, находившуюся в распоряжении Бахметева. Повторим еще раз, это не более чем один из возможных вариантов. Скорее же всего суммы ЦВПК, хранившиеся где-то в ожидании лучших времен в России, были «растворены» в бахметевском наследстве и перешли после его смерти

в распоряжение Гуманитарного фонда. По-видимому, именно так следует понимать фразу Бахметева о том, что вопрос о наследии ЦВПК не следует «оставлять в живых».

О моральной оправданности такой «политики» могут быть, разумеется, разные мнения. Подходя же к вопросу прагматически, следует признать, что простая раздача денег была делом если и не вполне бессмысленным, то не слишком эффективным, как мог убедиться Бахметев и на опыте некогда созданного по инициативе посольства Общества помощи русским, и на опыте крупнейшей благотворительной организации «русского зарубежья» — Земгора. Распределение денег через специальные фонды — Гуманитарный фонд и получавший от него средства Толстовский давало гораздо больший эффект. Тем паче, что Гуманитарный фонд не «проживал», а наращивал свой капитал.

4 октября 1950 года Бахметев составил завещание. К тому времени он был весьма состоятельным человеком, и ему было чем распорядиться. Завещание — подробный документ длиной в двенадцать машинописных страниц, до сих пор хранящийся в городском архиве Нью-Йорка⁴⁸. В нем были учтены интересы его второй жены Мэри, сестры Юлии Александровны Базавовой (ее муж, Сергей Васильевич, стал председателем правления и директором спичечной фабрики Lion's Match Company), падчерицы Натальи Гомез, и двух секретарш: бывшей — Кэтрин Робертс и настоящей — Джейн Джонсон. В случае смерти Бахметева вдова получала пожизненное ежегодное содержание в 6000 долларов, сестра — 3000, падчерица и секретарши — по 1200 долл. Это были весьма приличные для того времени деньги.

Имение Бахметева в городке Брукфилд, штат Коннектикут, общей площадью 538 акров⁴⁹, делилось на три части: 80 акров, на которых среди прочего находился дом Бахметевых, отходило его жене, 37 акров должны были перейти к его сестре, включая дом, в котором она жила, остальное поступало в распоряжение Гуманитарного фонда так же, как и все доходы по ценным бумагам и другим капиталовложениям Бахметева, превышающие определенные в завещании суммы на содержание родственников и секретарш. Кроме того, жене в случае смерти Бахметева отходила квартира в Нью-Йорке на Парк Авеню, престижном районе Манхэттена. После смерти наследник имущество, указанное в завещании, также должно было перейти к Гуманитарному фонду.

Для управления имуществом Бахметева в случае его смерти учреждался траст в составе его юристов и старых друзей Алексиса и Фердинанда Кудертов; в случае смерти последних управление должны были осуществлять представители юридической

фирмы «Братья Кудерт». Директорами Гуманитарного фонда на момент составления завещания были Фердинанд Кудерт (Ferdinand W. Coudert), Джеймс Хьюз (James E. Hughes) и Михаил Карпович.

Завещание, как, увы, вскоре выяснилось, было составлено своевременно. Бахметев скончался от сердечного приступа 21 июля 1951 г. в своем имении.

После смерти Бахметева фонд продолжал действовать. Президентом стал Карпович, вице-президентом и казначеем — Фердинанд Кудерт, секретарем — Джеймс Хьюз, помощником секретаря и казначея — Джейн Джонсон. После «ухода в другой мир» Карповича фонд возглавил другой старый соратник Бахметева — бывший финансовый агент, затем поверенный в делах Российского посольства в Вашингтоне Сергей Антонович Угет. С 1952 по 1955 г. он был управляющим одним из подразделений бахметевской компании. С 1955 г. работал в Гуманитарном фонде, с 1960 до своей смерти в 1963 г. был его президентом. Фондом была учреждена стипендия имени Бахметева в размере 1200 долл., присуждавшаяся в области исследований по гидродинамике. Продолжала получать пособие в размере 1200 долл. овдовевшая в 1955 г. Е.Д. Прокопович-Кускова; гранты выделялись публицисту и мемуаристу Н.В. Валентинову-Вольскому, литераторам Нине Кучевицкой (известной более как Берберова), Георгию Иванову, Юрию Иваску, историку Марку Раеву и др. Согласно завещанию Бахметева, фонд получал доходы со всех принадлежавших ему ценных бумаг и иных капиталовложений, так что его основной капитал существенно вырос и составил на 31 декабря 1958 г. 621.050.98 долл.⁵⁰

Через 10 с лишним лет, в 1969 г., основной капитал фонда превысил миллион долларов. Очевидно, это было связано с ростом стоимости ценных бумаг. Впрочем, и инфляция не стояла на месте. В Попечительский совет фонда к этому времени входили одни американцы, в том числе старые друзья Бахметева — братья Алексис и Фердинанд Кудерт, а также известный историк, один из основателей Архива русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете Филипп Мозли. Статьи расходов существенно не изменились — возросли лишь суммы, которые получали отдельные лица и организации. Так, 5000 долл. получал на операционные расходы упомянутый выше архив, 4500 долл. достались Гарвардскому университету на проведение «русских исследований», 3500 долл. получила Свято-Владимирская православная семинария и т.д. По статье благотворительность Толстовский фонд получил 4350 долл., Детский русский фонд — 2000 долл., Дом Софии Зерновой во Франции — 1000 долл. и т.д. Продолжали получать поддержку «Новый журнал» (2000 долл.) и Russian Review

(500 долл.). Отметим, что наряду с американскими исследователями грант (1200 долл.) получил известный русский писатель Борис Зайцев. Административные расходы составили 8000 долл.⁵¹.

Осенью 1971 г. Правлением Гуманитарного фонда было принято решение о его ликвидации. По-видимому, основной причиной стало то, что ценные бумаги в условиях экономического кризиса 1969-1971 гг. перестали приносить доход, и было вполне логично продать их, дабы не нести дальнейших убытков. Возможно также, что на решение ликвидировать фонд повлияли и сугубо личные соображения: люди, которым Бахметев доверил управление делами Гуманитарного фонда, были немолоды, а передать бахметевское наследство в управление, было, в общем-то, некому.

На совместном совете члены Правления Гуманитарного фонда и вдова бывшего посла решили передать средства Колумбийскому университету⁵², в котором Бахметев провел, возможно, самые счастливые годы своей жизни. Вырученные от реализации ценных бумаг средства и имевшаяся на счетах фонда наличность составили в общей сложности около 1 млн. 400 тыс. долларов, которые и были переданы в 1973 г. Колумбийскому университету. Коллекция икон и картин, собранная Бахметевым, была передана в дар нью-йоркскому музею Метрополитен. Русские организации в Америке, в частности, Русская Академическая группа и Конгресс русских американцев, выражали возмущение передачей средств фонда, созданного с целью помощи русским, частному американскому учебному заведению. Председатель Русской Академической группы проф. Н.С. Арсеньев вообще полагал, что поскольку цели Гуманитарного фонда и возглавляемой им организации совпадают, вполне логично было бы передать средства ей⁵³. Досада русских эмигрантов (давно, впрочем, натурализовавшихся в Америке) была понятна. Столь же понятно было и решение вдовы и душеприказчиков Бахметева. При всем уважении к деятельности русских организаций в США ни одна из них не могла идти ни в какое сравнение с одним из лучших американских университетов, ни по надежности, ни по эффективности использования средств, ни по престижу.

В 1975 г. Архиву русской и восточноевропейской культуры при Батлеровской библиотеке Колумбийского университета было присвоено имя Бахметева.

Полученные университетом средства пошли, среди прочего, на учреждение должности «бахметевского профессора». Первым таким профессором стал блистательный историк Марк Раев, ученик Карповича в Гарварде, автор фундаментальных трудов по истории России XVIII–XX веков и, в том числе, классической работы «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции.

1919–1939»⁵⁴. Заметим, что жена Бахметева пережила его почти на тридцать лет и ушла из жизни в 1980 году. После ее смерти квартиры на Парк Авеню была продана за 500 тыс. долларов. Деньги, вырученные от продажи квартиры Бахметева, также были переданы Колумбийскому университету и используются, среди прочего для поддержки Бахметевского архива.

Таково, если так можно выразиться, «материальное» наследство Бахметева, что само по себе обеспечивает ему почетное место в истории культуры.

-
- 1 Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект «В поисках новой России (Б.А. Бахметев — политик, мыслитель, дипломат)»). О.В. Будницкий — профессор НИУ Высшая школа экономики, в.н.с. ИРИ РАН
  - 2 Будницкий О.В. Б.А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история.— 2000.— №1; его же. Послы несуществующей страны — в кн. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т.— М.; Стэнфорд, 2001–2002. Т. 1. Killen, Linda. The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States // Diplomatic History. Vol.2. No.3 (Summer 1978); Foglesong D. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill; London, 1996.
  - 3 The Reminiscences of Frederic Rene Coudert, p. 168–169 — Oral History Research Office, Butler Library, Columbia University.
  - 4 Ульянкина Т.И. Гуманитарный фонд Б.А.Бахметева (США) // Россия и современный мир.— 2003.— № 2 (39).— С. 225–235.
  - 5 Временами исследователь, к сожалению, просто не понимает, о чем идет речь. Так, «небольшой журнал-ежегодник New Review», который упоминает Т.И. Ульянкина, это ни что иное, как знаменитый «Новый журнал», и поныне издающийся в Нью-Йорке.— Ульянкина Т.И. Указ. соч. С. 230.
  - 6 Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Butler Library, Columbia University (далее — BAR), Boris Bakhmeteff Collection (далее — Bakhmeteff), Box 49, Humanitarian Fund, 1936.
  - 7 Зеньковский С. Путь историка // Опыты.— 1958.— № 9; Юрьевский Е. Семидесятилетие М. М. Карповича // Русская мысль, 1958.— 9 и 14 августа. Керенский А.Ф., М.М. Карпович // Новый журнал.— 1959.— Кн. 58. В 59-й книге «Нового журнала» за 1960-й год был опубликован ряд некрологов, содержащих в то же время воспоминания о Карповиче и анализ его деятельности в различных областях: Вернадский Г. М.М. Карпович: Памяти друга; Вишняк М. М.М. Карпович — политик; Гуль Р. М.М. Карпович — человек и редактор; Тимашев Н. М.М. Карпович. См. также Philip E. Mosely, Martin E. Malia, William Henry Chamberlin, Dimitri von Mohrenschildt. Michael Karpovich, 1888–1959 // Russian Review.— 1960.— Vol. 19.— No. 1.— P. 56-76. Раев М. М.М. Карпович: русский историк в Америке // Новый журнал. 1995. Кн. 200; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление эруистики в США. М., 2005; Norman G.O. Pereira. The Thought

- and Teachings of Michael Karpovich // *Russian History*.— 2009.— Vol. 36.— No. 2. Список далеко не исчерпывающий.
- 8 A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev // *Review of Politics* 6 (1944), 336–350; Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov // *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Ed. by Ernest J. Simmons. Cambridge (Mass.), 1955, 129–143 (на рус. яз.: Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоков // *Новый журнал*. 1960. Кн. 60).
  - 9 Hugh McLean, Martin E. Malia, George Fischer (Eds.). *Russian Thought and Politics*. (Harvard Slavic Studies, Vol. IV). Cambridge, Mass., 1957
  - 10 См. Будницкий О. «Не погибать же всей зарубежной русской литературе»: к истории создания «Нового журнала» // *Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000: Сборник статей / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого*.— М., 2009.— С. 132–147.
  - 11 BAR, Bakhmeteff, Boxes 49, 50, 51. BAR, Michael Karpovich Collection (далее — Karpovich), Ser. II, Box 5.
  - 12 Bakhmeteff. Oral History Memoir. Box 38. Fold.4. P. 474–475, 478–480.
  - 13 См. письма Муратова Бахметеву в BAR, Bakhmeteff, Box 9.
  - 14 W.E.D. Allen and Paul Muratoff. *The Russian campaigns of 1941–1943*. Harmondsworth, Middlesex, Eng.; New York: Penguin books [1944]; Idem. *The Russian campaigns of 1944–45*. Harmondsworth, Middlesex, Eng.; New York: Penguin books [1946].
  - 15 W.E.D. Allen and Paul Muratoff. *Caucasian battlefields; a history of the wars on the Turco-Caucasian border, 1828–1921*. Cambridge: Cambridge University Press, 1953.
  - 16 BAR, Karpovich, Ser. I, Box 1. М.М. Карпович — Б.А. Бахметеву, 22 октября 1941, Prof. Paul J.Sachs — Карповичу, 16 и 20 октября 1941.
  - 17 BAR, Bakhmeteff, Box 49. П.Н. Игнатьев– Б.А. Бахметеву, 30 мая, б. г.
  - 18 Очевидно, имеется в виду проповедь/лекция «Социальное учение в современной русской православной теологии», прочитанная С.Н. Булгаковым во время его поездки в США в 1934 г. и переведенная на английский язык — *Social teaching in modern Russian Orthodox theology. The twentieth annual Hale memorial sermon, delivered November 7, 1934, by the Very Rev. Sergius Bulgakoff* (Evanston, Ill., Seabury-Western theological seminary, 1934). Возможно также, хотя и менее вероятно, что Бахметев имел в виду книгу Булгакова «Православная церковь», вышедшую в переводе на английский язык в Великобритании — *The Orthodox church* (London: The Centenary press, [1935]).
  - 20 Имеется в виду вышедшая с предисловием Г.В. Вернадского книга: Michael Hrushevsky. *A History of Ukraine*. New Haven: Yale University Press; London: H. Milford, Oxford University Press, 1941.
  - 21 BAR, Karpovich, Ser. I, Box 1.
  - 22 BAR, Bakhmeteff, Box 50 (1946, 1947).
  - 23 BAR, Bakhmeteff, Box 49. Бахметев — в Гуманитарный фонд, 11 апреля 1939 (в оригинале на английском, перевод автора).
  - 24 См. переписку Бахметева с С.В. Паниной за 1941–1950 гг. по делам помощи русским эмигрантам в Европе в: BAR, Bakhmeteff, Box 9.
  - 25 Толстая А. Наш Толстовский фонд // *Новое русское слово*.— 1977.— 1 мая.
  - 26 *Новое русское слово*. 1951.— 24 июля.
  - 27 BAR, Bakhmeteff, Box 50.
  - 28 Там же. Box 51. См. также переписку Бахметева с А.Л. Толстой, содержащую, среди прочего, подтверждения в получении чеков на различные суммы — BAR, Bakhmeteff, Box 13.
  - 29 BAR, Karpovich, Box 5.

- ³⁰ BAR, Bakhmeteff, Boxes 49, 50, 51.
- ³¹ BAR, Karpovich, Ser. I, Box 1.
- ³² Там же.
- ³³ BAR, Bakhmeteff, Box 51; Karpovich, Ser. II, Box 5.
- ³⁴ BAR, Karpovich, Ser. I, Box 7. Папка «П.Н. Милюков».
- ³⁵ Цит. по: Ульянкина Т.И. Проблема выживания: российские ученые-эмигранты в послевоенной Европе.— <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ihst/2004/uliankina.htm>
- ³⁶ Информация о намерении учредить Русскую православную академию в Америке была напечатана в *New York Times*, December 18, 1947.
- ³⁷ BAR, Bakhmeteff, Box 51 (1948, 1949); Karpovich, Ser. II, Box 5.
- ³⁸ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008.— С. 160–218, 368–380.
- ³⁹ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции. С. 203–204.
- ⁴⁰ Estate (англ.) — имение, недвижимость, имущество; в налоговой практике — все имущество человека на момент смерти; в данном контексте — наследство.
- ⁴¹ Trustees (англ.) — доверенные лица, попечители.
- ⁴² advisory board (англ.) — совет, консультативный комитет.
- ⁴³ Body (англ.) — орган, юридическое лицо, учреждение.
- ⁴⁴ perpetuate advisory committees (англ.) — постоянные консультативные комитеты.
- ⁴⁵ Scholarships (англ.) — гуманитарные науки; грант, стипендия.
- ⁴⁶ BAR, Karpovich, Ser. I, Box 1.
- ⁴⁷ Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции.— С. 321–367.
- ⁴⁸ Ксерокопия завещания Бахметева любезно предоставлена нам госпожой Татьяной Чеботаревой, куратором Бахметевского архива.
- ⁴⁹ Акр (англ. acre) — земельная мера, применяемая в ряде стран, использующих английскую систему мер. Один акр = 0,405 гектара.
- ⁵⁰ BAR, Karpovich, Ser. II, Box 5.
- ⁵¹ Ульянкина Т.И. Указ. соч.— С. 230–232.
- ⁵² Сообщено куратором Бахметевского архива Т.Г. Чеботаревой.
- ⁵³ Ульянкина Т.И. Указ. соч.— С. 232–233.
- ⁵⁴ Marc Raeff. *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1990 (рус. пер. М., 1994).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АКАДЕМИКА М.К. ЛЮБАВСКОГО: ПИСЬМА М.К. ЛЮБАВСКОГО К А.И. ЯКОВЛЕВУ

Аннотация. Документальная публикация содержит письма известного русского историка М.К. Любавского к А.И. Яковлеву, написанные в уфимской ссылке. В них раскрываются новые подробности жизнедеятельности сообщества советских историков, взаимоотношения учителя и ученика.

Ключевые слова: «Академическое дело», история, политика, идеология, московская школа историков.

Summary. This publication contains letters from well-known Russian historian M.K. Lubavsky to A.I. Yakovlev, written in Ufa exile. The new details of life of the soviet historians' community, of both historians' relations are exposed in these letters.

Keywords: "Academic Case", historical science, policy, ideology, Moscow historians' school.

Выдающийся русский историк Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936) являлся одним из самых известных и авторитетных ученых в дореволюционной России. Его труды, посвященные истории России и Русско-Литовского государства, исторической географии и истории славян были написаны на высочайшем научном уровне и задавали тон в целых направлениях исторической науки. Любавский был и видным административным деятелем. С 1911 по 1917 гг. он был ректором Московского университета. За научные и организационные заслуги в 1917 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук, а в 1929 г. — академиком.

После революции Любавский много сделал для спасения архивных богатств России, возглавив в 1918 г. Московское отделение Государственного управления архивным делом. Не прекращал он и научно-исследовательской деятельности.

В 1930 г. Любавский был арестован по т.н. «Академическому делу» и сослан в Уфу. Там он работал сотрудником Научно-исследовательского Института национальной культуры, где вел исследования по истории колонизации Башкирии и эволюции местного землевладения. Находясь в ссылке, ученый не оставлял попыток добиться своей реабилитации и возвращения в Москву. Эти попыт-

ки отразились в письмах Любавского Алексею Ивановичу Яковлеву (1878–1951), известному историку, члену-корреспонденту АН СССР (1929), также проходившему по «делу историков», с которым у него сложились доверительные отношения. А.И. Яковлева сослали в Минусинск, откуда он был возвращен в 1934 г. Именно через Яковлева Любавский пытался добиться снятия наказания, но не успел. После смерти академика Яковлев стал хранителем его личного архива.

В личном фонде А.И. Яковлева в Архиве Академии наук (Ф. 665 Оп. 1. Ед. хр. 398) сохранилось девять писем Любавского. К сожалению, ответные письма Яковлева Любавскому не выявлены. В личных фондах М.К. Любавского в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 364) и Архиве Академии наук (Ф. 1551) их не оказалось. В качестве дополнения публикуется письмо хозяйки дома, где проживал Любавский, Ольги Ивановны Столовой, в котором описываются последние часы жизни выдающегося историка (АРАН Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 475).

Письма публикуются с сохранением их стилистических особенностей. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Сведений о ряде лиц выявить не удалось.

Публикацию подготовил В.В. Тихонов.

№ 1

Санаторий «Аксаково»

11.VIII.1934 г.

Милый и дорогой Алексей Иванович

Ваша открытка не застала меня в Уфе, и мне ее прислали сюда. Получил я ее сегодня, то есть 11 августа, так что не сетуйте на меня за долгое молчание. Приглашение от редакции «Большого советского атласа» я еще не получал. Если его послали, оно, наверно, дождетя меня в Уфе, так как хозяин квартиры едва ли решиться пересылать его сюда в виду моего скорого возвращения в Уфу. (16 августа).

Что ответить мне по существу дела? Принятие приглашения обусловлено, прежде всего, освобождением меня от прикрепления к Уфе на положении административно-ссылного и разрешения проживать в Москве. Я не могу, конечно, работать в редакции Б[ольшого] советского атласа, оставаясь в Уфе, где нет никаких материалов и книг для работы. До сих пор я не подавал просьбы о сокращении срока ссылки и о разрешении вернуться в Москву, что с собой спорить, противно было просить об отпущении вин, которых нет, а с другой стороны в Москве у меня не оставалось никого,

у кого бы я мог найти приют, и я не надеялся получить заработок. Я не знаю, на каких условиях я могу устроиться в редакции Б.С.А. [Большого советского атласа]. Но, во всяком случае, принципиально я рад этому приглашению, которое открывает мне перспективу вернуться в Москву и приступить к научной работе в меру своих сил и знаний.

В Уфе я три года работал в научном институте национальной культуры. За это время я успел приготовить две исследовательские работы: 1) о башкирских восстаниях XVII и XVIII в. (листов 12 печатных)¹ и 2) о башкирском землевладении и землепользовании в XVII–XIX в. (листов на 20 печатных)². И, кроме того, подготовил два сборника материалов: 1) указы от различных национально-социальных групп Башкирии в екатерининскую комиссию 1767 года, 2) материалы по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII–XVIII в.³ Материалы для сборника и для второго исследования извлечены мною из здешних архивов. С мая нынешнего года разрабатываю историю землевладения Башкирии по ревизским сказкам. Так как в здешнем архиве имеются сказки только 5-й и последующих ревизий Башкирии, то я возбудил ходатайство о разрешении мне съездить в Москву и Ленинград для выявления дополнительных материалов, относящихся к моей теме. По возвращении в Уфу должен получить ответ на мое ходатайство и в зависимости от него направить свои действия. Если ответ будет положительный, поеду в Москву и тогда буду иметь случай подробно переговорить с Вами о занятиях, если, паче хотения, ответ будет отрицательный, пока останусь в Уфе и буду хлопотать о снятии с меня столь незаслуженной кары и о разрешении проживать в Москве и Ленинграде для завершения своих научных работ.

Еще несколько слов об этих работах. За годы, проведенные в Уфе, я кончил работу, составляющую вторую часть моего труда «Образование основной государственной территории Великорусской народности»: образование государственной территории Новгорода и Пскова и соединение его с Московскою. Работа с соответствующей картою сдана была в Академию наук, но до сих пор я не получал сведений об ее судьбе. Вероятно, осталась в архиве Секретариата как не актуальная и немарксистская. С грустью я думаю и о судьбе другой еще более важной моей работы: «Обзор истории колонизации русского народа и образование его территории»⁴. Это — переработка с дополнениями и исправлениями лишь старого курса по истории русской колонизации, некоторые главы в этом курсе — колонизация великорусского центра, новгородской территории, Новороссии, Башкирии, Предкавказья, Киргизских статей написаны заново. Для иллюстрации текста составлено не-

сколько карт. Текст обзора перепечатан на машинке, что стоило по нынешним временам немало денег. Но что будет с этим обзором дальше? Если поеду в Москву, захвачу с собою и предложу к печатанию что-нибудь. Но, по правде сказать, у меня мало надежды на принятие. Конечная книга будет громоздка — листов на 25, не рентабельна; а главное выдержит ли марксистскую цензуру. Не надеясь на ее напечатание, я начал переводить ее на английский язык, и уже около трети ее переведено одною дамою, в совершенстве знающей английский язык. Может быть со временем, когда научно-литературные сношения с заграницею не будут вменяться в вину авторам и переводчикам, труд мой и будет напечатан где-нибудь, хотя бы после моей смерти.

Итак, с нетерпением жду момента свидания с Вами. А пока крепко жму вашу руку. Передайте мой привет Ольге Петровне⁵ и вашим чадам, если они, как надеюсь, с Вами.

Душевно преданный вам М. Любавский.

P.S. Простите за неразборчивость письма: других инструментов и материалов для письма у меня под рукой не оказалось.

Л. 2-5 об. Автограф

№ 2

Уфа, 18.VIII.1934 г.

Дорогой Алексей Иванович

В своем ответном письме на Вашу открытку, посланном из санатория «Аксакова», я писал Вам о своем намерении после пребывания в санатории поехать, с надлежащего разрешения, в Москву для выявления архивных материалов по истории колонизации Башкирии. Вернувшись в Уфу 16-го, я немедленно оправился в местное ГПУ, чтобы узнать о решении Центра касательно моего ходатайства, поданного еще в июне месяце. Лицо, в ведении которого я нахожусь, сообщило мне, что моя поездка *не разрешена*, но на мой вопрос почему, не пожелало мне ответить, сказавши только, что я могу возбудить вторичное ходатайство через свое учреждение. Я догадался, что мое ходатайство даже не посылалось из Башкирии в Москву. По справкам так и оказалось. Местное ГПУ, получив от меня ходатайство о разрешении мне поездки в Москву с ученой целью, естественно запросило отзыва института, сотрудником которого я состою. Так как здесь ничего не делается без разрешения обкома, директор обратился в обком, а последний передал дело на заключение культпропа. Последний дал отзыв, что мне незачем ехать в Москву. Заместителю директора, обратившегося за разъяснениями по поводу этого, было сказано, что профессор Любавский «все знает наизусть», и ему незачем ехать в Москву и Ленинград. В этом

смысле, очевидно, написана бумага в ГПУ, которое и воздержалось от посылки моего ходатайства. Решение культпропа воспоследовало благодаря проискам прощельги и 100%-ного прохвоста «профессора» истории в местном комвузе, Кармика. Сей молодой человек, обучавшийся в «Институте Красной профессуры», глубокий невежда в науке и неистовый краснойбай, имел большой зуб против института и меня. Он взялся за разработку моей темы, но, не умея совершенно обращаться с архивным материалом, решил, что называется, выехать на фуфу. Он обратился к нашему директору с просьбою, чтобы он дал ему для просмотра и использования мою рукопись. Директор отказал, указывая, что рукописи принадлежат институту, а авторский гонорар мне.

Разозленный отказам, он вместе с тем предвидел во мне жестокого обличителя его невежества, он и подsunул мне всю пакость, желая затормозить мою работу. Его теперь прогнали, но председатель обкома, некий Хасанов, настоящий варвар, упорствует в своем решении и не желает его отменять. Значит, я не могу сейчас приехать в Москву. Так как создались условия, препятствующие моей работе в институте, я и решил подать заявление во ВЦИК о прекращении дальнейшего моего пребывания в ссылке и о разрешении вернуться в Москву для окончания моих ученых работ и ввиду моего преклонного возраста, требующего попечения моих родных и друзей. О приглашении меня в состав редакции Большого советского Атласа я не упоминаю, полагая, что редакция независимо предпримет шаги в этом направлении. На всякий случай я составил бумагу и на имя прокурора республики Акулова, все бумаги я посылаю Вере и прошу ее предварительно показать Вам, чтобы не сделать каких-либо лишних шагов в отношении своих сотоварищей по несчастью.

Если мое ходатайство будет уважено, я одновременно с работой в редакции намереваюсь продолжить работу, начатую для института, на договорных с ним началах.

Так, пока будьте здоровы, дорогой Алексей Иванович. Мой сердечный привет всем друзьям и знакомым.

Душевно преданный Вам

М. Любавский

Л. 6-7. Автограф

№ 3

Уфа, 23.VIII.1934 г.

Дорогой Алексей Иванович.

Получил Вашу открытку от 16.VIII. 1934 г. От официального приглашения от редакции Б.С.А. я не получил, а получил только письмо от М.С. Боднарского⁶, в котором он приводит выдержку из

протокола и просит о деталях сговориться с Вами, очевидно, предполагал, что я не буду в Москве. Но это дело, как я Вам уже написал, пока затормозилось. Чтобы покончить с неожиданными препятствиями, я написал бумагу в ВЦИК и переслал ее Вере, прося побывать у Вас и посоветоваться с Вами как о содержании бумаги, так и о порядке ее подачи. Будьте добры — поинструктируйте ее по этой части и, если бумага моя покажется в чем-либо не подходящей, скажите свое мнение. Другую бумагу — прокурору Акулову — я написал на всякий случай и наспех. Пришлю на место ее другую, исправленную бумагу.

У нас в Уфе стоит сейчас удрушающая жара, и я очень раскисаю от нее и жду с нетерпением похолодания. В общем после санатория чувствую себя добропорядочно.

Мой привет Ольге Петровне и чадам Вашим

Душевно преданный Вам М. Любавский

P.S. На днях возбуждаю и через ГПУ новое ходатайство о разрешении поехать в Москву.

Л. 8. Автограф

№ 4

17.IV.1936.

Дорогой Алексей Иванович.

Уезжаю с надеждами, но без определенных пока результатов. Вице-президент Кржижановский⁷ подписал резолюцию об исходатайствовании мне пенсии, и по требованию Петросян (заведующая секретариатом академии) взял из КСУ все свои документы и передал ей. Теперь дело стоит за тем, какой ответ даст Ягода⁸ на мое ходатайство о снятии с меня ограничения в отношении проживания в Москве и ее ближайших окрестностях (подано еще 2 апреля). Петросян обещала навести нужные справки в НВД к 15 апреля, но, по видимому, забыла об этом; вчера обещала якобы *снова* справиться и дать ответ сегодня. Я думаю, что этого ответа не будет и сегодня. Поэтому я прошу Вас, дорогой Алексей Иванович, через несколько дней снова потревожить эту особу и узнать, как же обстоит дело. Из ее слов, правда недоговоренных, я заключил, что ходатайство академии о назначении мне пенсии будто бы находится в тесной связи с получением права на жительство в Москве. Так ли это? А если я буду жить за 100 километров от Москвы, неужели мне нельзя будет получать пенсию? Во всяком случае, теперь все в руках НВД.

Через месяц будьте добры побывайте у Лукина⁹, который уехал в командировку в Румынию на съезд историков. Он мне обещал также снести с НКВД, но уехал внезапно, не осведомив меня о положении дел. Я передал ему экземпляр «Обзора истории русск.

[ой] колон.[изации]» без карт, которые у меня пока в одном экземпляре. Сверток их я передал на хранение диктору Александру Сергеевичу Пучкову, живущему в том же доме, где я и квартировал (комн. 401). Если они понадобятся, можно их истребовать.

Прилагаю при сем на всякий случай мое прошение в отдел академических пенсий, которую я, вероятно, забыл передать Петросян вместе с другими бумагами.

Привет всем Нашим.

Душевно преданный Вам М. Любавский.

Л.11-11 об. Автограф

В организацию «Помощь политическим заключенным»¹⁰

Профессора русской истории Матвея Кузьмича Любавского

Второго апреля текущего 1936 года, в бытность мою в Москве, мною опущена в особый ящик в помещении Отдела пропусков и справок Управления НКВД СССР на имя Народного Комиссара по внутренним делам СССР т. Ягоды ходатайство о снятии с меня ограничения в отношении проживания в Москве и других столицах Советского Союза. Но до сих пор я не имею никакого ответа на это ходатайство. Прошу навести надлежащую справку и посодействовать мне в получении ответа ввиду крайне тягостного положения, создающегося для меня в Уфе, в ожидании этого ответа, при отсутствии у меня работы и средств к жизни. Прилагаю при сем и копию моего ходатайства, которую в случае надобности, прошу переслать по принадлежности.

Проф. Матвей Любавский

10.VI. 1936 г.

Адрес: Уфа, ул. Ленина, д. 55. Кв.2.

Л. 9. Автограф

В отдел Академических пенсий Народного Комиссариата Социального обеспечения профессора Матвея Кузьмича Любавского

Представляя при сем копию моего трудового списка, надлежаще засвидетельствованную, с места моей последней службы — Башкирского Научно-исследовательского Института национальной культуры, нотариальную копию справки сего Института о выполненных мною для него научных работах, справку, выданную 27.II. 1936 г. жилбытовым сектором Уфгоркомхоза о не имении мною никаких строений, нотариальную копию справки, выданной Управлением НКВД по Башкирской АССР 5. XI. 1935 с № 48051 об освобождении меня от ссылки, ходатайствую о назначении мне пенсии в виду того, что по преклонному возрасту я не могу уже выполнять службу в каком-либо учреждении в должной мере, а между тем

никаких других средств к жизни, кроме служебного заработка, не имел, в настоящее же время не имею и такового.

Профессор Матвей Кузьмич Любавский

8. II. 1936 г.

Л. 10–10 об. Автограф

№ 5

Уфа, 8.VI.1936 г.

Дорогой Алексей Иванович

Хотя и совестно, но опять мне приходится обременять Вас просьбою. 25 мая я послал акад. Лукину письмо с просьбой уведомить меня о результате своих переговоров с НВД и привлечения меня к работе Института (он обещал мне выяснить это до 10 апреля, но уехал в командировку), а также о моих перспективах насчет печатания моих трудов по истории русской колонизации, которые я уже ему переслал, и по истории Башкирии, которые пересланы в Институт из Уфы, из здешнего института. Ответ я до сих пор не получал от Лукина, и не знаю, находится ли он сейчас в Москве. Поэтому я решил пока что постучаться снова в ту дверь, которая один раз была закрыта пред мною и в настоящее время все еще остается закрытою. Для сего я отправляю прилагаемые при сем заявление в политический красный крест с просьбою посодействовать мне в получении ответа от т. Ягоды и с приложением копии моего ходатайства от 2-го апреля. Усердно прошу Вас, дорогой Алексей Иванович, передать в политический Красный крест эти бумаги. Если бы по случаю ответа Е.П. Петровой, о чем здесь носится слух, если же отказа в посредничестве, не удалось действовать через Кр[асный] Крест, прошу Вас прилагаемые при сем новое ходатайство к т. Ягоде и копию прежнего ходатайства, вложив в конверт, опустить в *особый* ящик, в помещении, находящегося в одном доме (№ 24 на Кузнецком мосту) отдела пропусков и справок НВД СССР. Что делать: приходится придерживаться старого правила «Получите...».

Не знаю, как обстоит погода у Вас в Москве, но здесь до последнего дня стояла изморная жара до 50 гр.[адусов] и свыше, и засуха. Опасаются за урожай. Я, слава Богу, хорошо перенес эту жару. Лечение Д.Д. Плетнева вообще принесло мне большую пользу.

Здесь прошел невероятный слух об опале и каре на В.П.В¹¹. Правда ли это?

Передавайте мой сердечный привет всем Вашим.

Душевно преданный Вам М. Любавский.

Л. 12–13. Автограф.

№ 6

Уфа, 14.V.1936 г.

Дорогой Алексей Иванович.

Вчера получил вторую Вашу открытку от 8.V. Недоумеваю, что означает столь продолжительное молчание НВД. Припоминаю только, что и в первый раз я получил ответ через два месяца с лишком, а еще раньше, когда я ходатайствовал о признании меня отбывшим срок ссылки и о разрешении получить паспорт, через три месяца! Боюсь, что и последнее мое ходатайство проходит через обычную бюрократическую волокиту — наведения не к спеху разных справок. По-видимому, какой-то запрос был и сюда, в здешнее управление НВД. По крайней мере, один из здешних служащих НВД, в ведении которого я состоял, встретив меня недавно на улице, спрашивал, надолго ли я остаюсь в Уфе, быть может на тот случай, чтобы вручить мне ответ НВД СССР, когда он придет сюда. Впрочем, это моя догадка. Я хочу подождать еще до конца мая, а если к тому времени не последует ответа, обратиться в политический красный крест с просьбой выяснить положение моего дела. Как вы думаете, стоит ли обращаться туда? На одну из своих просьб я не получил ни ответа, ни привета.

Очень бы хотелось после вынужденного бездействия приняться за работу, тем более, что благодаря предписанному Д.Д. Плетневым лечению я чувствую себя довольно бодрым. Этому способствует, быть может, и установившаяся здесь ясная и сухая погода, но не жаркая.

Большое Вам спасибо, дорогой Алексей Иванович, за все Ваши хлопоты. Шлю всем Вашим сердечный привет.

Душевно преданный Вам

М. Любавский.

P.S. От нечего делать свожу сейчас собранные мною в здешнем архиве данные 4, 5, 6 и 7 ревизии о помещиках Башкирии и их крепостных. Занятная картинка внедрения сюда чуть ли не всех дворянских фамилий. Тут и Кошкины-Самарины, и Зубовы, и Тимашевы, и Державины, и Аксаковы и т. д. и т.д. Впрочем, преобладает все же мелкота.

Л. 14–15. Автограф

№ 7

Уфа, 1.VIII.1936 г.

Дорогой Алексей Иванович.

Вчера получил ваше письмо от 28.VII.1936 г. Большое вам спасибо за хлопоты. Теперь все-таки, так или иначе, разъяснилась причина продолжительного молчания высшего учреждения. Удив-

ляюсь только тому, каким образом могло быть не получено мое заявление на имя т. Ягоды, опущенное *в нарочно повешенный для приема таких заявлений ящик*. Очевидно, что заявление попросту было затеряно. Вы очень хорошо сделали, что не опустили его в вытянутый бездонный ящик, [а] отправили его заказным. Теперь я все-таки поуспокоился и буду терпеливо ожидать ответа. Еще раз спасибо. Удивляет меня также и то, почему не оправдала копию моего заявления т. Петросян. Она предложила мне на всякий случай представить копию по данной мною на имя т. Ягоды бумаги, и я охотно, на следующий же день, доставил ей эту копию, причем предполагал, что в случае надобности она пошлет ее по адресу. Но это предположение не оправдалось... вообще вся эта история в высшей степени странная.

В конце мая я получил от Лукина 1000 руб. аванса «в счет издания “Обзора истории русской колонизации”» *до окончательного решения вопроса об издании*. Значит, так или иначе мой труд не пропал даром. Для окончательного выяснения всех своих вопросов я собираюсь поехать в Москву, как только получу от Ивана Александровича Голубцова¹² извещение о том, что он снял для меня комнату в Белонежской слободе под Каширою или в самой Кашире. Оттуда и буду иметь хождения по делам. Собираюсь поехать в Москву на пароходе, чтобы подышать свежим воздухом. Здесь, в Уфе, стоит удушающая жара и пыль, вследствие чего я прекратил свои ученые занятия: прямо нет сил! Хочется поэтому вырваться отсюда.

Будьте здоровы, Алексей Иванович.

Мой сердечный привет всем Вашим.

Душевно преданный Вам.

М. Любавский.

Л. 16–17 об. Автограф.

№ 8

Белопестужное

6 сентября 1936 г.

Дорогой Алексей Иванович.

Спешу уведомить Вас о положении моего дела. Первые числа Вера ходила в особую инспекцию при НВД узнать, почему нет ответа на мое двукратное ходатайство о снятии с меня ограничения в отношении проживания в столицах. Ее спросили там, является ли это ограничение мерою НВД, т.е. своего рода продолжением наказания, или же это последствие общего распоряжения ЦИК СССР, состоявшегося в январе 1935 года. Так как Вера не могла ответить на этот вопрос, то ей предложили принести копию выданной мне справки об окончании ссылки. Когда Вера принесла копию, ей объ-

явили, что я больше не состою в ведении НВД и, если хочу хлопотать о снятии с меня ограничения, то должен обратиться в президиум ЦИК в комиссию о частных амнистиях. Так как я и без того уже хотел туда обратиться (Петросян объяснила мне, что без снятия судимости нельзя хлопотать о пенсии), то Вера немедленно отправилась в приемную Калинина¹³ с готовым уже моим заявлением. Ее приняла дама — член правительства, прочла мою бумагу, посоветовала внести в нее кое-какие изменения и дополнения и затем переслать ее по почте в Комиссию ЦИК СССР по частным амнистиям, что мы и сделали в тот же самый день. Дама обнадежила, что ввиду моего преклонного возраста и научных заслуг ходатайство мое будет уважено, но при этом сказала, что ранее трех месяцев нельзя рассчитывать на ответ.

Предшествующая беготня по Москве и разъезды по дачам страшно утомили меня, и я уехал в Белопещено отдохнуть. Чувствую большую слабость (температура 36 и ниже) и склонность ко сну. Думаю пробыть здесь до 13-го-14-го. Но прежде постараюсь увидеть Вас и переговорить с Вами по поводу последнего предложения о работе в редакции, возглавляемой Цветковым¹⁴. Большое спасибо за хлопоты.

Ваш М. Любавский
Л. 18—18 об. Автограф

№ 9

18. XI. 1936 г.

23. XI. 17.25 после известия о кончине 23. XI. 16.30.

Милый и дорогой Алексей Иванович.

Получили Вашу телеграмму и спешу Вас уведомить о положении дел. Благодаря принятым мерам я чувствую себя гораздо лучше по сравнению с моментом, когда писал Вам письмо. Три раза в день мне впрыскивают, поэтому такого удушья, как было раньше, уже нет. Но я не знаю, насколько прочно это положение, и не вернется ли прекратиться прием лекарственных средств. Бессонница побеждается только вероналом, который и принимаю почти постоянно. На другой день одолевает сонливость: доброго, укрепляющего сна нет. Болезнь, и может быть, лечебные процедуры ослабили меня настолько, что я с трудом прохожу расстояние по комнатам от спальни до умывальника. В общем, мое здоровье висит, как говорить, на ниточке, и доктора советуют мне пока воздержаться от поездки в Москву. Необходимо, что[бы] происшедшее улучшение так или иначе стабилизировалось. Сейчас же я просто не в состоянии дойти от квартиры до извозчика, а в Москве от вагона до такси. Кроме того, возможны всякие сюрпризы в вагоне. Боюсь распле-

скаться в пути. Поэтому поездку мы пока решили отложить на неделю или на десять дней и решить вопрос уже в зависимости от тогдашнего состояния здоровья.

Во всяком случае, сердечное Вам спасибо за заботу и хлопоты. На несчастье и погода у нас не улучшается, давление низкое, идет дождь или снежная слякоть. Вся Уфа полна больными, и мы едва успеваем доставать лекарства, благодаря докторским связям.

Вере я нарочно не сгушал краски, чтобы не беспокоить ее. Здесь она мне будет мало полезна, а между тем в Москве ей надо будет подработать и поправить финансы, расстроенные переездом в Москву из Киева.

Будьте здоровы, Алексей Иванович. Не теряю надежды облобызать Вас в Москве. Мой сердечный привет Вашим.

Ваш М. Любавский.

Л. 19–19 об. Автограф.

№ 10

Письмо Столовой Ольги Ивановны. 18–25 ноября 1936 г.

25. IX.

Многоуважаемый Алексей Иванович!

Мы с Вами незнакомы, но все же я надеюсь, что мое письмо не будет для Вас неприятно. Вы меня не знаете, но я знаю Вас очень хорошо по рассказам Матвея Кузьмича. Он много рассказывал мне о Вас и раньше. Особенно он много говорил мне о Вас в последние дни перед смертью. И говорил так хорошо, с такой теплотой, любовью, что я подумала — Вам будет приятно узнать об этом. Когда пришли ваши деньги, он был растроган не потому, что он нуждался в деньгах (они были в достаточном количестве), но потому, что лишний раз чувствовал Ваше доброе, «золотое» (как он мне сказал) сердце. За день до смерти, ночью, он говорил мне: «Мне приятно все же под конец своей жизни убедиться, что есть еще люди, которые меня ценят». Между прочим, в день смерти, утром он чувствовал себя не так плохо, и мы снова много болтали, и я сказала: «Ну, что не удивительно, что Алексей Иванович Вас так любит — ведь он Ваш ученик». А Матвей Кузьмич возразил: «что не, что ученик... у меня были и другие, тоже мои ученики, да они меня предали (он сказал и имена), а у Алексей Ивановича золотое сердце».

Думаю, что М[атвей] К[узьмич] где-то в глубине своей чудесной, доброй души еще не думал, что конец так близок. Когда была получена Ваша телеграмма с предложением ехать в клинику, он велел мне телеграфировать так: отъезд временно необходимо отложить подробно письмом — Я же не рискнула писать так и обманула его, послала Вам телеграмму, кот[орую] Вы получили и которую

составил для меня лечивший его доктор Якимов. Сам же дедушка не писал Вам письмо (дедушкой зовет его моя дочурка, и мы вслед за ней). Он думал даже, что он поправляется и что поправление это надо закрепить. Даже в день смерти, днем, когда ему было худо, он велел мне написать Вере *письмо*, но не телеграмму. Даже и тут не хотел беспокоить. Конечно, он не знал, что я написала и телеграфировала.

За минут 7 до кончины Матвей Кузьмич проснулся (он спал, очевидно, после морфия, который ему впрыскивали еще днем) и заговорил со мной таким бодрым, свежим голосом, с такими, ему свойственными, добродушными нотками ответил согласием на мое предложение подышать кислородом, что я воспрянула духом и подумала, что врачи ошиблись, сказав, что конец близок. М[атвей] К[узьмич] попросил сделать ему перевязку, но не успела я намочить марлю, как он начал быстро клониться вбок. Я бросила повязку, схватилась за шприц, но последний укол был сделан уже мертвому.

Вот и все, Алексей Иванович.

Может быть, нехорошо, что я все это вам описываю, тогда простите. Мне казалось, что так нужно сделать, хотя, конечно, читать Вам будет горько, потому что Вы его любили.

И. Столова

Ф. 665. Оп. 1. № 475. Л. 1–3. Автограф

-
- 1 Работа не опубликована, сохранилась в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Далее — НИОР РГБ) Ф. 364. К. 5.
  - 2 Работа не опубликована, сохранилась в НИОР РГБ Ф. 364. К. 6.
  - 3 Работа не опубликована, сохранилась в НИОР РГБ Ф. 364. К. 7.
  - 4 Работа была опубликована: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
  - 5 Яковлева Ольга Петровна (1876–1966) — жена А.И. Яковлева
  - 6 Боднарский Митрофан Степанович (1870–1953) — географ, специалист по истории географических открытий
  - 7 Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) — советский государственный и партийный деятель, ученый-энергетик, академик (1929) и вице-президент АН СССР (1929–1939).
  - 8 Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) — советский политический и государственный деятель, в 1934–1936 — нарком внутренних дел СССР
  - 9 Лукин Николай Михайлович (1885–1940) — историк, академик АН СССР, в 1936–1937 гг. — директор Института истории АН СССР, в 1937 г. репрессирован.
  - 10 Помощь политическим заключенным — советское правозащитное общество, созданное Е.П. Пешковой, женой М. Горького.

- ¹¹ Вероятно: Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) — историк, академик АН СССР.
- ¹² Голубцов Иван Александрович (1887–1966) — историк, картограф.
- ¹³ Калинин Михаил Иванович (1876–1946) — советский государственный и партийный деятель, председатель ВЦИК.
- ¹⁴ Вероятно: Цветков Константин Алексеевич (1874–1954) — астроном, картограф. Руководил составлением многочисленных пособий для производства астрономо-геодезических работ.

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Буганов

О РУССКОМ ЦАРЕ И РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ*

***Аннотация.** Публикация знакомит с исследованием В.В. Трепавлова «Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.», в котором поставлены проблемы взаимозависимости монарха, верховной власти и менталитета подданных, вопросы восприятия России и русских на окраинах государства.*

***Ключевые слова:** власть, народ, многонациональное государство, межэтнические отношения, национальная идентичность, взаимовосприятие, народы России.*

***Summary.** The publication presents V.V.Trepavlov's work "The White Tsar. Image of a Monarch and Ideas About the Citizenship of Russian Nationalities in the XV — XVIII c.", which is devoted to the problems of interdependency of a monarch, supreme power and subjects' mentality, to the questions of Russia and the Russians perception in the remote areas of the state.*

***Keywords:** power, nationality, multinational state, interethnic relations, national identity, mutual perception, Russian nationalities.*

Поводом для этой публикации послужило знакомство с монографией В.В. Трепавлова «Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.» (М., 2007). Сначала о самой работе и ее несомненных научных достоинствах.

Автор задается вопросом: каким образом народы России воспринимали высшую власть и символ этой власти — российского монарха. В.В. Трепавлов рассматривает начальный этап формирования многонационального Российского государства. На протяжении XV–XIII вв. российская держава постоянно расширялась. На присоединенных землях складывались новые межэтнические отношения. Исследователь показывает, как образ Белого царя из повседневной политической практики проникал в народное сознание и фольклор различных народов России. При этом фигура правителя Руси и трактовка института власти обретают устойчивый са-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00436а.

кральный облик как в церковной традиции, так и в народном сознании (с. 41).

В.В. Трепавлову удалось успешно разрешить неизбежно возникающие при изучении общественного мировоззрения трудности источникового характера. Наряду с привлечением письменных источников он широко использовал фольклорные источники, которые, по его признанию, нередко давали «гораздо больший материал для наблюдений и размышлений, нежели официальные документы и переписка» (с. 33).

Попутно заметим, что при реконструкции картины прошлого в народном сознании в трудах историков, к сожалению, довольно часто не востребуемым остается широкий пласт историко-этнографических источников, прежде всего различных жанров исторического фольклора, а также, например, материалов российских научных обществ XIX–XX вв.

Обращение к историческим жанрам фольклора особенно важно в условиях дефицита письменных источников. Еще более существенно, что исторический фольклор не столько давал информацию о различных фактах прошлого, сколько (и прежде всего) выражал народное отношение к событиям. При этом, их оценка зачастую основывалась отнюдь не на зафиксированной в документах картине происшедшего. Вольно обращаясь с хронологией и иным фактическим материалом, фольклорные источники сохраняли осмысление народом исторических событий. По замечанию К. В. Чистова, «в фольклорной форме интегрировалась, закреплялась и аккумулировалась традиционная информация, выработанная этносом или его локальной группой ... этническое самосознание, этнические установки, историческая память»*.

Большинство произведений фольклора создавалось в крестьянской среде. Они устойчиво бытовали в народе на протяжении длительного времени. Каждый из жанров народного творчества, будь то былины, исторические предания или песни, имел свои законы развития, особенности отображения действительности. Скажем, военно-исторические песни — ценнейший источник для изучения национального самосознания. В них обобщенно изображались исторические события и лица, события были слабо локализованы, частное отступало на второй план. Для песни была важна, в первую очередь, общая оценка происшедшего.

По сравнению с песнями, в преданиях более детально воспроизводились факты, отдельные эпизоды прошлых лет. Отображенные в преданиях события происходили, как правило, в тех же местностях, где текст был записан; следовательно, у нас появляется

---

* Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986. С. 8.

возможность судить о соотношении местной, региональной и общенациональной традиции. Особенно интересны предания с точки зрения взаимодействия в народном сознании конфессиональных и социальных мотивов.

Именно комплексное использование исторических и этнографических источников в сочетании с даром исследователя позволило В.В. Трепавлову осветить восприятие образа монарха, верховной власти и реконструировать представления о событиях и межэтнических контактах.

В монографии внимательно рассмотрены вопросы христианской символики, связанной со становлением образа монарха, утверждения царской титулатуры в политической и повседневной практике. Пожалуй, впервые в историографии автор устанавливает хронологию появления словосочетания *белый царь* в политическом лексиконе тюркских (не ранее XVI в.) и финно-угорских народов.

Немало внимания уделено в книге тому, каким образом воспринимали русских и Россию восточные и южные народы. Этническое взаимодействие в ходе присоединения новых территорий к Российскому государству порождало множество стереотипов. Автор показывает, каким образом часть из них изменялась в ходе совместной этнической истории, другие оказывались более стойкими. В.В. Трепавловым точно отмечено своеобразие отражения событий отечественной истории в устной традиции многих народов. Анализ исторической памяти этих этносов проведен ученым на основе сопоставления с народной исторической версией русских.

Исследование В.В. Трепавлова актуально с точки зрения трактовки присоединения народов и территорий к России, учитывающей как добровольные, так и насильственные формы присоединения. Для меня, как специалиста по исторической памяти русского народа, особенный интерес вызвали размышления автора о наслоениях в фольклорных произведениях, связанных с реальностью пребывания в Российском государстве различных этносов. Очевидно, что тот или иной характер присоединения порождал порой совершенно различные взгляды на статус пребывания в составе России у русских властей и у присоединенных народов. Своеобразие местной истории отражалось и в эпическом наследии.

Существенно, что при всех вариациях и трактовках вхождение в состав России осознавалось как поворотный момент региональной истории и в дальнейшем служило отправной точкой формирования единого российского самосознания. Длительная совместная жизнь многих народов в рамках единого государства укрепляла чувство общности исторических судеб. По словам М.Н. Каткова, известного публициста и издателя «Русского вестника», «все разнородное в

общем составе России, все, что, может быть, исключает друг друга, враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли».

Монография выполнена на высоком исследовательском уровне. В.В. Трепавлов проявил себя не только как профессиональный историк, но и как этнолог, прекрасно знакомый с сегодняшними концепциями межэтнического взаимодействия, исторической памяти, формирования идентичностей.

И несколько слов о самой теме в ее расширенном варианте: монарх, верховная власть и менталитет подданных. Даже в атеистическое советское время наиболее ангажированные, непримиримо к царской России настроенные историки не могли не признавать огромной роли образа самодержца в мировоззрении подданных Российской империи. Правда, признание этого очевидного факта выливалось в довольно однобокие формулировки вроде «наивного монархизма», «царистских иллюзий» русского народа. На эту тему было немало написано в школьных учебниках и научных монографиях. Довольно безапелляционно формулировалась обычно и причина этих явлений — безвольная вера в доброго царя апатичной, невежественной массы.

Подобный взгляд — к сожалению, весьма распространенный и в наши дни — отличается не только идеологической заданностью. Его коренной порок в том, что при оценке явления почему-то совершенно не принимается в расчет главная составляющая. Ведь в основе монархизма как проявления народного сознания лежало, прежде всего, восприятие царя как помазанника Божия. Народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью Монарха. Но при этом и сам царь осуществлял государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли. В менталитете русских государей понятие власти основывалось на ее божественном происхождении и на законности престолонаследования «от отцов и дедов». Линия наследования престола считалась непрерывной и в народной памяти; когда в фольклоре провозглашали следующего царя, под ним, само собой, подразумевался сын.

В народе к государю было не простое отношение как к правителю государства, в царя, пожалуй, как бы верили. Недаром, осуждая кого-либо, говорили: «Да, что там... Он в Царя-Бога не верует! Этим говорилось все. Негодный, мол, человек»*. В российском гимне, который был скорее не гимном, а молитвой, обращенной

* *Мирослобов Ю.* Царский портрет // Русский вестник. № 14. 1993.

к Господу, говорилось — “Царь православный”. Если царь переставал быть православным, он переставал быть царем. Поэтому и самодержавная русская монархия в определенном смысле никогда не была абсолютной: в православной стране нет абсолюта, кроме Бога. Сакрализация монарха вовсе не означала его персонального обожествления. Священной представлялась дарованная Богом власть, но не ее конкретный носитель.

Сознание личной причастности к сильному православному государству во главе с монархом представляло у наших соотечественников важнейшую черту национального самосознания. Практически каждый русский сознавал себя принадлежащим из поколения в поколение — «спокон веков» — к сильному православному государству, призванному защищать веру истинную, быть ее опорой. Отсюда и развитое в массе народа высокое чувство воинского патриотического долга, воспитываемое с детства всей окружающей средой, и идеал воинского подвига.

К сожалению, приходится признать, что в области слияния государственного сознания с религиозным понесены, по-видимому, наибольшие потери в традиционных воззрениях народа. Тем не менее, по мере активного возвращения к вере многих русских из разных поколений, можно заметить возрождение идеи союза церкви и армии, церкви и государства.

В.Л. Черноперов

**НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПРОЧТЕНИИ
МОНОГРАФИИ А.В. ГОЛУБЕВА
«ЕСЛИ МИР ОБРУШИТСЯ НА НАШУ
РЕСПУБЛИКУ...»**

***Аннотация.** В публикации представлен аналитический разбор монографии А.В.Голубева «Если мир обрушится на нашу Республику...». В нем определено место этой монографии в исследовании данной проблемы, отмечены ее достоинства, показаны отдельные спорные вопросы.*

***Ключевые слова:** история советского общества, внешняя политика, стереотипы восприятия, имиджнология, массовое сознание, СССР и Запад, тоталитаризм, сталинизм.*

***Summary.** This publication contains the analyses of A.V.Golubev's monograph "If the World Bring Down On Our Republic..." It is shown the place of the monograph in researching this problem, marked its merits and some disputable questions.*

***Keywords:** soviet society history, foreign policy, stereotypes of perception, imagenology, mass consciousness, the USSR and the West, totalitarianism, Stalinism.*

Позитивные перемены, произошедшие за последние двадцать лет в отечественной исторической науке в ее методологическом и источниковом инструментарии, привели также к созданию новых научных направлений, в том числе к появлению «имагологии» или «имиджнологии», т.е. изучению формирования и развития образов-представлений в историческом прошлом. Конечно, подобные работы создавались в России и до 1990-х гг.¹, однако их количественный и качественный рост произошел в конце именно XX в. А.В. Голубеву принадлежит большое число публикаций по данной проблематике, а также две монографии — «...Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов»² и «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг.»³, последняя из которых и является предметом нашего внимания.

Источниковая база работы обширна. Она включает материалы прессы, дневники, опросы, эпистолярии, художественную литературу, но ее подлинным фундаментом стали документы 21 центрального и регионального архивов, включая Литовский Особый архив. Большую часть выявленных источников А.В.Голубев вводит в научный оборот впервые. Это, преимущественно, в недавнем прошлом секретные информационные материалы, составленные в 1920-х — 40-х гг. органами госбезопасности, партийными, советскими и общественными структурами СССР. Они «готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную

ситуацию (иногда в масштабе одного-двух дней, иногда недели, декады, месяца или нескольких месяцев) и не предназначались для широкого использования» (с. 19).

Отмечая значительную работу А.В.Голубева по выявлению, систематизации и анализу архивных источников, невольно обращаешь внимание на отсутствие документов из хранилищ ряда ведущих субъектов СССР межвоенного времени, например, Ивановской промышленной области (ИПО). Образованная в 1929 г., она включала современные Владимирскую, Ивановскую, Костромскую и Ярославскую области, а ее центр — Иваново — претендовал на звание столицы РСФСР. ИПО стала распадаться в 1936 г., когда от нее отделилась Ярославская область (вместе с костромскими землями), однако владимирский край оставался в составе ивановского до 1944 г. Несомненно, архивы Ивановской промышленной области помогли бы лучше понять направления и особенности эволюции массового сознания жителей центральной части России.

Кроме того, автору монографии, по-видимому, не удалось собрать массив репрезентативных фактов воззрений и настроений населения пограничных территорий советского государства. Возможно, это связано с труднодоступностью в современных условиях архивов Украины, Белоруссии, республик Закавказья и Средней Азии. Информация о мировидении населения этих регионов в рецензируемой книге представлена материалами лишь Российского государственного архива социально-политической истории (с. 104–105, 113).

Рецензента не убедили также слова автора о нарочитом отказе от мемуаров как наименее информативных (цензура, аберрация памяти и факт написания после произошедших событий) (с. 18–19). Общеизвестно, что этот вид источников часто несет уникальную информацию. Примером могут служить воспоминания некоторых участников Великой Отечественной войны о радости, которую они, будучи совсем молодыми людьми, испытали, узнав о нападении фашистской Германии на СССР. Воспитанные советской системой и имея искаженное мировидение, они глубоко верили, что немецкие рабочие, узнав о нападении гитлеровских армий на единственное в мире пролетарское (классово-братское) государство, поднимут восстание, которое перерастет в мировую революцию⁴.

Кстати, сам А.В. Голубев до некоторой степени вопреки собственному заявлению о второстепенности мемуаров, достаточно часто ссылается на них, особенно при описании настроений и положения интеллигенции — социальной группы, которая обычно не выделялась в донесениях спец- или партийных органов. Правда,

исследователь приводит данные из воспоминаний лишь как иллюстрацию, как яркую, запоминающуюся «картинку».

В книге цитатами из источников названы все ее разделы, как и сама монография — «Если весь мир обрушится на нашу Республику». Данный прием — удачная находка исследователя, которым он активно пользуется в своих работах. Заголовок сразу задает читателю нужный настрой и вводит в круг рассматриваемых вопросов.

Монография открывается анализом содержания и сопряженности понятий «этнические стереотипы», «внешнеполитические стереотипы», «инокультурные стереотипы», «образы» (с. 5–6). Данная проблема уже поднималась А.В. Голубевым в предыдущих публикациях⁵. Возможно, именно поэтому он отказался от подробного рассмотрения содержания понятий в монографии. Впрочем, следует признать, что и на двух страницах исследователю удалось показать своеобразие каждого из стереотипов.

Цель своей книги А.В. Голубев видит в том, чтобы попытаться «проследить динамику восприятия Запада как одновременно эталонного и альтернативного культурно-исторического типа массовым сознанием советского общества» (с. 7). При решении проблемы он опирается на теорию модернизации, под которой понимает «переход от традиционного общества к индустриальному» и которая (что наиболее значимо для исследователя) «помимо реформы политического строя, возрастания социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, роста образования *включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры*» (с. 7) (курсив мой.— В.Ч.). В контексте модернизации А.В. Голубев затрагивает также вопросы тоталитаризма и консервации архаичного мифологизированного сознания российского общества первой половины XX в. Данный методологический подход для автора не нов. Он обосновал его в ряде работ прежних лет и связал с изысканиями Б.Н. Миронова, В.Г. Хороса, И.Г. Яковенко и др.⁶ Правда, А.В. Голубев, много рассуждая о формировании и развитии мифологизированного сознания, мало говорит о методологических и методических особенностях изучения слухов, которым уделил в книге первостепенное внимание. Это выглядит несколько странно на фоне добротных трудов отечественных ученых по данному вопросу⁷.

В целом, введение ясно очерчивает границы исследовательского поля. Причем так, что читателю становится видна и его малоосвоенность, и то, что одним из «пахарей» целины выступает сам автор рассматриваемой монографии⁸. Эти два обстоятельства становятся, надежным мостиком к основному содержанию исследования.

В первой главе книги А.В. Голубев выделяет каналы получения советскими гражданами информации о внешнем мире (художественная литература, фильмы, радио, зарубежные командировки, контакты с иностранными гражданами, проживавшими в СССР, газеты, слухи и т.д.). Здесь он не смог обойти проблему «закрытости» («степени закрытости») или «всемирности» СССР, которая часто обсуждается в научных и публицистических трудах. У ученого давно сформировался свой взгляд на данный вопрос⁹. Его особенностью является разграничение понятий «государство» и «общество». Это приводит А.В. Голубева к следующему выводу: если в отношении государства о политике самоизоляции говорить проблематично, то в отношении общества советское руководство целенаправленно проводило курс на ограничение внешних контактов, следствием чего стало формирование широко известного клише «СССР — осажденная крепость» (с. 28–29). Автору данных строк, правда, больше нравится образ страны Советов, созданный одним из ее отцов-основателей Н.И.Бухариным — «Советский Союз — закупоренная бутылка»¹⁰.

В первой главе монографии наиболее пристальное внимание уделяется периодике, что полностью оправданно. Именно пресса в проведении политики изоляции играла ведущую роль. В этой связи отметим удачное название главы — «Окно в мир можно закрыть газетой» (иронический афоризм известного еврейско-польского поэта и участника движения Сопротивления Станислава Ежи Леца (де Туш-Летца)).

Наиболее ярко процесс «закрытия мира газетой» А. Голубев показал на примере поступления в «социалистическую крепость» зарубежной прессы, когда власти РСФСР/СССР в течение 1921–1930 гг. перешли от выписки эмигрантских изданий к обзорам или бюллетеням зарубежной периодики, которые готовились специальными отделами ЦК большевистской партии (с. 34–41). Параллельно сужался круг получателей информации. Не менее интересны для читателя приводимые автором сведения о пресечении соответствующими гос- и партструктурами проникновения в большевистскую «закупоренную бутылку» нежелательной литературы через публичные библиотеки или букинистические магазины (с. 48, 55–59).

В целом, автору удалось создать динамичную картину одновременного укрепления властной вертикали (централизации) и цензуры на всех направлениях, по которым граждане СССР могли получать материалы о современной им заграничной жизни. При этом А.В. Голубев приводит многочисленные факты о малограмотности многих руководителей и рядовых сотрудников, отвечавших в стране за проведение данного курса. Следствием такого положения

дел становились анекдотические ситуации. Например, о запрете в Московской области «исполнения по радио произведений Шуберта на том основании, что автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист» (с. 64).

Представляется, что автор монографии, насыщая текст подобными фактами, стремился добиться создания не комического, а трагического эффекта. Он усиливается при чтении раздела о месте эпистолярный в формировании представлений о закордонном мире. Действительно, немало обычных честных советских людей, состоявших в переписке с родственниками, волею судеб оказавшимися за границами советской страны, попали в поле зрения ОГПУ, а позже были обвинены в шпионаже (или чем-то подобном) и стали жертвами ГУЛАГа (с. 67–69).

Вторая глава анализируемой монографии «Придут из Китая англичане» посвящена представлением советского общества о перспективах новой войны в 1918–1941 гг. Она логически делится на две части. Рубеж — приход к власти в Германии в 1933 году национал-социалистов во главе с А.Гитлером, что соответствует традиционной периодизации всеобщей истории и истории международных отношений.

В этой главе автору удалось показать подлинное господство «Старика Наслышки» (М. Блок) в преимущественно мифологизированном сознании граждан РСФСР/СССР, причем в процесс исследования А.В.Голубев на основании многочисленных разновидных документов приходит к выводам, которые идут вразрез с устоявшимися воззрениями и претендуют на звание научных открытий. К таковым относится, прежде всего, заявление исследователя, что в 1920-е гг. жителям большевистского государства новая война с «империалистами» представлялась более вероятной, чем в 1930-е годы.

Среди ведущих (если не главной) причин этого А.В. Голубев и другие историки выделяют следующие: в 1930-е годы значительная часть советских людей уверовала в силу СССР, несокрушимость его Красной Армии и приняла взгляд на войну как относительно безопасно-приемлемый способ устранения многих (если не всех) международных угроз и даже внутренних проблем (с. 136–138, 144–145, 148–149, 160)¹¹. В достижении такого результата свою роль сыграла созданная в стране мобилизационная система и утвердившаяся оборонная пропаганда¹².

В данном контексте невольно вспоминается замечание советского наркома просвещения А.В. Луначарского об американском фильме «На Западном фронте без перемен», экранизированном по одноименному роману Э.М. Ремарка режиссером Л.Майлстоуном

и удостоенном в 1930 году премии «Оскар». Натурализм ужасов боевых буден с массовой гибелью солдат, воссозданных в картине, по признанию советского руководителя, ошеломлял и вызывал неприятие войны. Однако именно эта жестокая правда, по убеждению наркома, заключала в себе серьезнейший недостаток — картина воспитывала отвращение к войне и пропагандировала межчеловеческие отношения, основанные на принципе «не убий»; советская же молодежь должна была готовиться к мировой революции¹³, естественными спутниками которой являются массовые жертвы и потоки крови.

Настроения «а ля Луначарский» были широко распространены в советском руководстве, поэтому оно сохраняло и укрепляло политику постоянной мобилизационной готовности. И здесь мы вслед за А.В. Голубевым и коллегами по историческому цеху должны признать, что этот курс, помимо многих издержек, имел и положительный результат. А именно: Кремлю накануне 1941 г. удалось сформировать из значительной части жителей СССР *особый психологический тип победителя*, что оказало заметное влияние на поведение миллионов советских людей в годы страшных испытаний Великой Отечественной войны (с. 138)¹⁴.

Сенсационно звучит также следующий вывод анализируемой книги: в 1920-е годы Франция, вопреки официальной пропаганде и настроениям военно-политической элиты СССР, не воспринималась массой советских граждан главным военным противником большевистского государства (с. 17, 110–111). Это место прочно занял туманный Альбион. Парижу данный сомнительный титул доставался эпизодически. Правда, из текста монографии не совсем ясно, когда — в 1925 (с. 111) или в 1931 году (с. 17)?

На сенсационность и научное открытие претендует также следующее положение рецензируемой работы: массы советских людей в 1920-е, реже в 1930-е годы были убеждены в неминуемом военном поражении большевистского государства от западных стран (с. 104, 113, 115–118, 143). Правда, параллельно в монографии приводятся многочисленные факты о высокой готовности трудящихся СССР к вооруженному противоборству, об отсутствии у них панического страха перед сильным противником, о вере в помощь мирового пролетариата (с. 101, 103, 106, 107, 115, 119–120, 124–125, 133–135 и др.). Что это — логическое противоречие, недочет исследования или нечто иное? Думается, что приведенные в монографии данные свидетельствуют, прежде всего, о пестроте массовых настроений и их подвижности. Однако, выделяя это обстоятельство, рецензент не может не отметить, что ясного ответа на вопрос о том, что пре-

валировало в советском обществе — пессимизм или оптимизм,— в тексте нет.

Кстати, массив фактов о готовности советских людей к защите страны и о их вере в несокрушимую силу Красной Армии наносит известный удар по позиции некоторых современных исследователей, склонных игнорировать «обращения» и «резолуции», подготовленные на собраниях или митингах, организованных и проведенных коммунистическими властями, как не отражавшие настроения большинства. Несомненно, упоминаемые в работе мероприятия проводились в разных частях страны по единым агитационно-пропагандистским лекалам, что порождало схожие итоговые документы. Однако мы вслед за А.В.Голубевым (с. 124) вправе поставить под сомнение правомерность утверждений, что «резолуции» совершенно не отражали реальности. Все-таки, как отмечает автор монографии, после 1917 года выросло поколение, в значительной части воспринявшее идеалы большевизма (с. 128–129). Кроме того, в изучении данного феномена не следует забывать о численном росте в 1920-е — 1930-е гг. коммунистов, комсомольцев и иных политических активистов, многие из которых были увлечены военно-революционной романтикой, верили официальной пропаганде и активно распространяли ее среди коллег и знакомых.

И последнее замечание-вопрос. Во второй главе автор монографии почти ничего не пишет о Турции, лишь упоминает, что граждане СССР рассматривали эту страну среди потенциальных противников. Чем это вызвано? Невозможностью создания объемной картины на базе собранных фактов или отсутствием у советских граждан большого интереса к южному соседу?

Третью главу анализируемой книги — «Враги второй очереди» — А.В. Голубев посвятил образу союзников в массовом сознании россиян. Как и предыдущую, ее можно разделить на две части: до и после 22 июня 1941 года. Причем автор, желая показать проблему в динамике, вышел за обозначенные в книге хронологические рамки и начал разговор с конца XIX века — времени утверждения в массовых представлениях россиян негативного образа Англии, которая, как известно, выступала боевым соратником России/СССР в мировых войнах первой половины XX в.

Представленный в третьей главе материал логически продолжает и развивает некоторые сюжетные линии предыдущей части монографии. Например, в исследовании взглядов обитателей «социалистической крепости» на пролетарский интернационализм (с. 169–171) и их веры в мощь Красной Армии, которая по всем показателям якобы опередила вооруженные силы потенциальных

противников (с. 173). Кстати, убежденность в превосходстве советских войск была характерна и для части командного состава РККА.

По мнению автора данных строк, в третьей главе наиболее интересны страницы, на которых А.В. Голубев описывает восприятие гражданами СССР гитлеровской Германии накануне 1941 года. Так, исследователю удалось выяснить, что часть заметных политиков, военных и писателей смотрела на фашистское государство как на *потенциального союзника* СССР в противостоянии коварному Западу (с. 174–176). Правда, автор тут же не преминул подчеркнуть ограниченность подобных настроений. В общественном сознании советских людей Третий рейх до и после подписания пресловутого договора Молотова-Риббентропа оставался «самым опасным и вероятным противником» (с. 176).

Распространение в СССР 1939–1941 годов воззрений о возможном большевистско-нацистском военном союзе было не случайно. В советской элите готовность к многостороннему сотрудничеству с германскими националистами на антизападной основе проявилась еще в начале 1920-х годов¹⁵. Эти настроения, подкрепленные тесным двусторонним военным сотрудничеством в годы Веймарской республики¹⁶, с приходом Гитлера к власти ослабли, но окончательно не исчезли, возродившись в конце 1930-х годов на новом витке развития международных отношений. Отметим также, что за разговорами в советском обществе 1939–1941 годов о союзничестве Москвы и Берлина стояли реальные факты. Тема создания более тесного сотрудничества СССР и Германии неоднократно поднималась на встречах дипломатов двух стран и обсуждалась западными аналитиками¹⁷. В этой связи интересно было бы узнать, учитывало или нет советское руководство при контактах с лидерами нацистов отмеченные симпатии к национал-социалистическому Третьему рейху у части граждан социалистического Советского Союза?

А.В. Голубев в разделе о восприятии в СССР союзников по антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной, приводит интересные сведения о политике дозирования информации (как положительной, так и отрицательной) о США и Великобритании (с. 183–186, 190, 226–227), как бы «вычерчивает» два виртуальных графика: «Оценки официальной пропаганды СССР союзников по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)» и «Развитие в советском обществе массовых представлений о союзниках по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)». Их вертикальную линию составляют оценки (уровень благожелательности или неприятия), а разделяющую ее горизонтальную — время. На этих виртуальных «графиках» воззрения советских людей на США и Великобританию предстают волнообразной линией, на которой спад (напри-

мер, советские оценки помощи по ленд-лизу) сменяется подъемом (реакция на ход и итоги Тегеранской конференции) и наоборот (с. 186–189). Причем, если бы мы могли «наложить» эти визуальные «графики» друг на друга, то увидели бы несовпадения по временной и оценочной шкалам. Причина этого в том, что в массовом сознании, как отмечено в книге, спектр оценок был шире, а их изменение в головах миллионов рядовых граждан (например, осознание превращения Великобритании из противника в союзника) проходило более инертно (с. 194–199, 201–203). Кроме того, как отмечает А.В. Голубев, если официальная советская пропаганда уже в 1944 году начала постепенно возвращаться к предвоенным представлениям о США и Западе (с. 192), то в массовом общественном сознании этот процесс был более сложным и неоднозначным. Так, часть населения оказалась мало восприимчивой к новому зигзагу политики (точнее, возвращению прежней) и не только сохраняла дружественный образ союзников, но и надежды на их соучастие в позитивных изменениях в СССР (с. 213–214, 216–217, 220, 221–223, 236).

Доброжелательные воззрения на союзников по антигитлеровской коалиции, как показано в работе А.В. Голубева, наиболее ярко проявились в странах Балтии (Литве) и Западной Украине. Не последнюю роль в этом играли объективные факторы. Данные территории были включены в состав СССР лишь накануне Великой Отечественной войны, в 1941 году были оккупированы нацистами, а в 1944–1945 гг. с продвижением Красной Армии на Запад пережили «вторую советизацию» (с. 224–227, 232–236). Сообщаемые в монографии факты воззрений литовцев, украинцев и частично поляков для отечественного читателя выглядят свежими и позволяют лучше понять перипетии межэтнических и межгосударственных отношений, влияние которых ощущается по сей день.

Последняя глава книги посвящена визуальным образам войны, созданным советской политической карикатурой, под которой автор, вслед за современниками 1920-х — 30-х гг., понимает карикатуру *только на международные темы* (с. 241). Еще до знакомства с текстом невольно встает вопрос: почему карикатура, а, скажем, не фотография, фотомонтаж, произведения живописи, художественная литература и т.д.? Ответ, думается, следует искать в трех обстоятельствах.

Во-первых, в отзыве известного историка-международника М.М. Наринского на книгу «Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века», подготовленную в ИРИ РАН под редакцией А.В. Голубева. Рецензент, в целом высоко оценив рассма-

триваемый труд, высказал сожаление, что в нем вне исследовательского поля остались «карикатуры в газетах, кинематограф, массовые популярные издания»¹⁸. Таким образом, четвертая глава — это ответ на данное критическое замечание.

Вторым обстоятельством стала новизна темы. Хотя данная проблематика уже не *terra incognita* в отечественной историографии¹⁹, следует признать, что ее изучение лишь в начале пути, причем среди пионеров выделяется А.В. Голубев²⁰.

В-третьих, выбор сюжета четвертой главы обусловило то, что в условиях ограниченного доступа жителей СССР к информационным каналам о внешнем мире карикатура в силу ее доступности, популярности и наглядности создаваемых образов вышла на передовые позиции в формировании представлений о загранице и мировой политике. При этом, добавим, карикатура обычно выступала в двух диалектически сопрягаемых ипостасях — формировала упрощенную картину окружающего мира, которая большинством людей легко усваивалась, и одновременно отражала (воспроизводила визуально) устоявшиеся в массовом сознании образы-представления закордонного мира (в противном случае достижение желаемой пропагандистами цели было бы крайне затруднено).

Отметив пристальное внимание большевистских властей к карикатуре и остановившись на понимании жанра самими авторами рисунков (например, метром Б. Ефимовым) (с. 239–240, 241–244), А.В. Голубев перешел к анализу собственно изображений, взятых преимущественно из популярного сатирического журнала «Крокодил», который возник в СССР в 1922 г.

Текст главы хронологически делится на несколько подразделов. Правда, принцип разбивки условен, ибо автор постоянно возвращается в разные временные периоды к одним и тем же визуальным образам стран или персон. Первый подраздел охватывает время до 1929 года (с. 248–252). Здесь А.В. Голубев пристальное внимание уделяет отражению в карикатурах «военной тревоги 1927 года». В следующей части рассмотрены образы-представления с 1929 по 1941 г. (с. 252–260). В данном подразделе тематика анализируемых сюжетов более обширна: милитаризация, роль в ней Лиги Наций, германо-итальянское вмешательство в Гражданскую войну в Испании, усиление гитлеровской опасности, и все это — на фоне демонстративной уверенности СССР в своих силах. Здесь же автор выделяет следующий факт: после подписания пакта Молотова-Риббентропа Германия исчезла из советских политических карикатур вплоть до 22 июня 1941 года (с. 260).

Третий временной подраздел четвертой главы посвящен визуальным образам союзников по антигитлеровской коалиции в годы

Великой Отечественной войны (с. 260–267). Логически он сопряжен с третьей главой исследования. В нем также особое обращено внимание на политику умелого дозирования в изданиях СССР позитивных и негативных оценок «товарищей» по оружию.

Изучая виртуальные образы, А.В. Голубев обнаружил характерную особенность советской политической карикатуры межвоенного и военного времени — повторяемость и узнаваемость нескольких масок (империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило лишенный национальных примет, но иногда с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ, полицейский (с. 244). Тот же прием использовался при персонификации образа. В результате появились узнаваемые «подбородок Б. Муссолини», монокль О. Чемберлена, конфедератка и усы Ю. Пилсудского, «пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко» (с. 245), и этот список можно продолжить — усы и челка А. Гитлера, френч и трубка И.В. Сталина.

Современному читателю представляется также крайне интересным проходящий в монографии рефреном сюжет об этнической окрашенности карикатур (причем не обязательно конкретных персон). Например, с чем связано изображение японских милитаристов-агрессоров невысокими, плотными людьми с верхними кроличьими или нарочито редкими зубами поверх губ?

Завершает книгу заключение с характерным названием «Война — не лучший способ получения знаний о чужой культуре» (С. Лем) и приложение.

Заключение рассматриваемой монографии — логическое продолжение диалога с читателем, но теперь о современном мировидении россиян, проиллюстрированном результатами опросов населения. Автор, будучи убежденным, что вторая половина XX — начало XXI веков характеризуются постоянным по своей динамике процессом открытия советского/российского общества внешнему миру и, как следствие, медленным замещением внешнеполитических стереотипов инокультурными (с. 270, 273), с осторожным оптимизмом заявляет: в условиях потери Западом в глазах значительной части россиян прежней «мифологической» составляющей отношение к нему в перспективе «будет меняться скорее в благоприятную сторону» (с. 273, 274)²¹. Причем ускорение или замедление этого процесса во многом будет зависеть от влияния на Россию конкретных действий мировых акторов. Разделяя в целом эту мысль, автор данных строк считает необходимым обратить внимание на еще один принципиальный фактор — сохранение демократического пути развития самой России.

В приложении опубликованы интересные архивные документы из Центрального архива общественных движений Москвы, Центра документации общественных организаций Свердловской области и Центра документации новейшей истории Удмурдской республики.

Завершая рецензию, выскажем еще два частных замечания. Первое: в разных частях книги встречаются дословные повторения одних и тех же абзацев (с. 8 и 32, 160 и 172). Второе: из-за технического сбоя во время печати заключение исследования оказалось внутри четвертой главы (с. 269–275), поэтому не отражено в «Содержании» (с. 283).

Таким образом, книга А.В. Голубева «Если мир обрушится на нашу Республику...» удачно вписывается в утвердившийся в отечественной науке многофакторный подход, существенно расширяет горизонты познания и, без сомнения, найдет своего читателя. Прозвучавшие критические соображения — это, скорее (и чаще всего), лишь пожелания (причем не бесспорные, ведь объять необъятное невозможно). Хочется верить, что исследовательский поиск А.В. Голубева будет плодотворным и в дальнейшем.

-
- 1 См., напр.: Гачев Г. Национальные образы мира. — М., 1988; Дворниченко А.Ю. Город в общественном сознании Древней Руси IX — XII вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987; Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853. — М., 1982.
  - 2 Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. — М., 2004.
  - 3 Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. — М., 2008.
  - 4 Стеблицкий М.С. Чтобы человек понял // Командарм Якир: Воспоминания друзей и соратников / Сост. П.И. Якир, Ю.А. Геллер. М., 1963. С. 143; Böll H., Kopelev L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Marten, 1981. S. 21–23.
  - 5 Голубев А.В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. — М., 2005; Он же, Куприянов П.С. Представления об «Ином»: Эволюция и механизм (из истории российского опыта. XIX–XX веков) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — Вып. 3. М., 2006.
  - 6 См., напр.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. Т. 2. — СПб., 2000. — С. 289–298; Хорос В.Г. Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль. — 1992. — № 6. — С. 45; Яковенко И.Г. Русская интеллигенция как промежуточный социокультурный тип // Динамика культурных и социальных связей. М., 1992. С. 72.
  - 7 См., напр.: Андриянов В.И., Левашов В.К., Хлопьев А.Т. «Слухи» как социальный феномен // Социологические исследования. 1993. — № 1; Дмитриев А.В.

Слухи как объект социологического исследования // Там же. 1995. № 1; Неформальные коммуникации: Слухи // Там же. 1995. № 1; Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития. Слухи как источник устной истории // Отечественная история.— 2006.— № 2.

- 8 См., напр.: Голубев А.В. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: Призраки войны в советском обществе 1920–30-х годов // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2005/2006: Актуальные проблемы изучения. М., 2007; Он же. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Россия в XX веке: Война 1941–1945 гг.: Современные подходы.— М., 2005; Он же. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история, 2001–2002: Ежегодник. М., 2004; Он же. «Все капиталистические страны соединились против большевиков...»: Российская провинция и представления о военной угрозе в 1920-е годы//Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.). Ч. 1. Волгоград, 2003; Он же. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.)//Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Он же. Угроза войны в массовом сознании советского общества 1920–30-х гг. // Мавродинские чтения.— СПб., 2002; «Царь Китаю не верит...»: Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.— Вып. 1.— М., 2000; Он же. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов//Труды Института российской истории РАН 1997–1998.— Вып. 2.— М., 2000.
- 9 См., напр.: Голубев А.В. «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен»: К вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история.— 2004.— № 4; Он же. «Мировая республика» или «закрытое общество»: СССР в 1920–30-е годы // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.— Вып. 2.— М., 2002; Он же. «Строительство дома цензуры»: К вопросу о закрытости советского общества // Россия и современный мир. 2000.— № 3.
- 10 Бухарин Н. И. Текущий момент и задачи нашей печати. Йошкар-Ола, 1928.— С. 22.
- 11 См., также: Кулешова Н.Ю. Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.— Вып. 4.— М., 2007.— С. 21; Токарев В.А. Образы будущей войны (Советская антиципация 1939 года) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 140.
- 12 Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 — середина 1930-х годов). СПб., 2002; Кулешова Н.Ю. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1; Кузнецова М.В. Если завтра война: Оборонные фильмы 1930-х годов // История и художник.— 2005.— № 2; Токарев В.А. Образ будущей войны (Советская агитация 1939 года) // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2005/2006: Актуальные проблемы изучения. М., 2006.
- 13 Луначарский о кино: Статьи. Воспоминания. Документы.— М., 1965.— С. 190.
- 14 См. также: Никонова О.Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории.— Вып. 5. Магнитогорск, 2005.— С. 258.
- 15 Подр. см., напр.: Черноперов В.Л. Из истории связей большевиков и германских националистов в 1919–1921 годах // Россия и Германия.— Вып. 4 / Отв. ред. Б.М. Туполев.— М., 2007.

- 16 См., напр.: Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // Новая и новейшая история, 1990. № 5; Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва — Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999; Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 — июнь 1941 г.— М., 1992.
- 17 Подр. см.: Безыменский А.А. Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 — июнь 1941 года.— М., 2008.— С. 98–131, 298, 316–317, 319–338.
- 18 Наринский М.М. [Рецензия] // Отечественная история. 1999.— № 6.— С. 169.
- 19 См., напр.: Невежин В.А. Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (К постановке проблемы)//Поляки и русские — преодоление предубеждений. Лодзь, 2006; Рябов О. Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода: случай Польши//Там же; Токарев В.А. «Польска сгинела»: Окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год)// Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007; Филиппова Т.А. Аспиды и готтентоты: Немцы в русской сатирической журналистике // Родина, 2002.— № 10.
- 20 См., напр.: Голубев А.В. Америка в советской карикатуре 1920–30-х годов//Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 6. М., 2006; Он же. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры//Европа. 2003. Т. 3. № 3 (8); Он же. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20–30-х гг.//Проблемы российской истории. Вып. II. Магнитогорск, 2003.
- 21 Эту же мысль А.В.Голубев озвучивал ранее. См., напр.: Голубев А.В., Куприянов П.М. Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XX веков).— С. 389–392.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

<i>Сидорова Л.А.</i> Великая Отечественная война в работах советских историков в первые послевоенные годы (1945–1956 гг.)	3
<i>Вандалковская М.Г.</i> Вторая мировая война и эмиграция	16

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Жих М.И.</i> К проблеме социально-политического устройства Галицкой и Волынской земель домонгольского времени.	50
<i>Пронкин С.В.</i> «Введение к Уложению государственных законов» М.М. Сперанского в отечественной историографии	62
<i>Буганов А.В.</i> Поиски национальной идентичности в русской общественной мысли XIX — начала XX в.	81
<i>Зубков И.В.</i> Земские школы и проблема введения всеобщего начального обучения в России (1890-е гг. — 1916 г.)	96
<i>Протасов Л.Г.</i> Итоги выборов Всероссийского Учредительного собрания в историографической ретроспективе	116
<i>Бугай Н.Ф.</i> Проблема депортации и реабилитации граждан Советского Союза, России в историографии стран ближнего и дальнего зарубежья	130
<i>Мамаев М.М.</i> Российские немцы Северного Кавказа: роль и место во взаимодействии этнических общностей. 1940 – начало XXI века.	166

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>Ананьев В.Г.</i> Из истории подготовки издания «Истории Российской» В.Н. Татищева в XX веке	186
<i>Киреева Р.А.</i> А.-Л.Шлецер о странной участи русской истории	208
<i>Добровольский В.Ю.</i> Судьбы России и Запада в историософии П.Я.Чаадаева	226

<i>Дитяткин Д.Г.</i> С.А.Гедеонов и южнобалтийская версия происхождения летописных варягов	245
<i>Лобанова И.В.</i> Великая схизма в историософской концепции Вл. Соловьева	263
<i>Земцов Л.И.</i> П.П.Чубинский и обследование волостных судов Юго-Западного края	276
<i>Тихонов В.В.</i> «В истории так мало незыблемых истин...» (К 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева)	289
<i>Шейнфельд М.Б.</i> Михаил Яковлевич Гефтер	318

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Головня М.О.</i> «Последние новости» об экономическом и внешнеполитическом положении советской России в 1920-е гг.	335
<i>Будницкий О.В.</i> Б.А.Бахметев и Гуманитарный фонд	363

ПУБЛИКАЦИИ

Последние годы жизни академика М.К.Любавского: Письма М.К. Любавского к А.И. Яковлеву (<i>Подг. В.В.Тихонов</i>)	391
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Буганов А.В.</i> О русском царе и российском менталитете	405
<i>Черноперов В.Л.</i> Некоторые размышления по прочтении монографии А.В. Голубева «Если мир обрушится на нашу Республику...»	410

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

—≡ 2008 ≡—

*Историографический
вестник*

Подписано в печать 25.01.2010 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,625. Заказ № 455. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>